

МИР В НОВОЕ ВРЕМЯ

Сборник материалов
Девятой всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
по проблемам мировой истории XVI-XXI вв.

Санкт-Петербург
2007

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Научное общество молодых историков «Новист»

МИР В НОВОЕ ВРЕМЯ

Сборник материалов
Девятой всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
по проблемам мировой истории XVI-XXI вв.

Санкт-Петербург
2007

Редакционная коллегия:

Председатель редколлегии, составитель сборника - Власов Николай Анатольевич, к.и.н., старший преподаватель факультета международных отношений СПбГУ

Члены редколлегии – Бодров Андрей Владимирович, ассистент исторического факультета СПбГУ; Гурьев Евгений Павлович, к.и.н., старший преподаватель СПбГАСУ; Федоров Николай Викторович, к.и.н., старший преподаватель факультета международных отношений СПбГУ.

(с) Коллектив авторов, 2007.

(с) Научное общество молодых историков «Новист», 2007

ISBN 978-5-93682-407-4

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Уважаемые коллеги! Представляем Вашему вниманию сборник материалов Девятой всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, организованной и проведенной Научным обществом молодых историков «Новист» на факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета 14 апреля 2007 года. Это – исследования молодых ученых, посвященные политической, экономической, социальной и культурной истории нашей планеты XVI-XXI вв.

Девять лет назад, в 1998 году, когда наша конференция делала свои первые шаги, мало кто мог предположить, что она со временем станет действительно масштабным мероприятием всероссийского уровня. Число участников конференции в этом году составило 113 молодых ученых, которые представляют 32 города России и Украины. Работа проходила в четырех секциях – «Дипломатическая и военная история» (3 подсекции), «Национальная история» (2 подсекции), «Социальная и культурная история» и «Источниковедение и историография».

На факультете международных отношений СПбГУ «Мир в новое время» проходит уже второй год подряд. Не будет преувеличением сказать, что именно с этим обстоятельством связан стремительный рост как масштабов, так и значения нашего мероприятия. В прошлом году мы смогли выйти на всероссийский уровень; в этом году нам удалось впервые освободить очных участников от уплаты организационного взноса, кроме того, впервые молодые ученые из других городов получили возможность принять широкомасштабное личное участие в работе конференции. В этом году мы впервые начали проводить конкурс работ среди «ветеранов» конференции – молодых ученых, принимавших участие в мероприятии не менее двух раз. Победителем конкурса стал представитель исторического факультета СПбГУ к.и.н. Иван Меркулов.

Основная цель нашей конференции – объединить молодых исследователей из разных городов России, дать им возможность установить контакт с коллегами и единомышленниками, опубликовать результаты своих исследований. «Мир в новое время» сегодня практически не имеет аналогов в России. Поэтому мы будем продолжать нашу работу, которая, как мы убеждаемся ежегодно, действительно нужна молодым историкам страны.

Однако организацией конференции «Мир в новое время» деятельность Общества «Новист» не ограничивается. Мы уделяем большое внимание развитию собственного Интернет-представительства (nomi-novist.narod.ru), которое в идеале должно стать информационным и коммуникационным пространством для молодых историков-новистов всей России. Весной 2007 года вышел первый номер нашего альманаха «Пять веков мировой истории»; второй выпуск увидит свет уже осенью и будет посвящен проблемам германской истории.

В организации конференции нашему Обществу оказал большую помощь факультет международных отношений СПбГУ, которому – и лично декану факультета Константину Константиновичу Худолею – мы от лица всех участников мероприятия выражаем нашу глубокую благодарность. Кроме того, нам неизменно оказывает поддержку Совет молодых ученых СПбГУ, председателю которого Алексею Цыбу мы также очень благодарны.

*С уважением,
Николай Власов*

СЕКЦИЯ «ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ»

*Родионова Е.М.
Санкт-Петербургский государственный университет*

АРМЯНЕ В ОТНОШЕНИЯХ СЕФЕВИДСКОГО ИРАНА И ОСМАНСКОЙ ТУРЦИИ В XVI- НАЧ. XVII В.

Области Закавказья, исторически заселенные армянами (так называемая «Историческая Армения»), сыграли важную роль в османо-сефевидских противоречиях. Армянский историк М. К. Зулалян считает основными причинами военных столкновений османов с сефевидами следующее:

1. Борьба за овладение транзитными путями торговли и, следовательно, экономическое и политическое господство на Ближнем Востоке.

2. Боязнь османских правителей дальнейшего распространения шиизма в Малой Азии и, следовательно, увеличение числа сторонников шаха Исмаила.

3. Возможность объединения Сефевидского государства с европейскими государствами: турецкие султаны всегда боялись борьбы на два фронта.

4. Стремление турок захватить Армянское нагорье как важный стратегический пункт для дальнейшей экспансии на Востоке¹.

Таким образом, Историческая Армения оказалась ключевой областью для обеих противоборствующих сторон. Города и местности, населенные армянами, выступали в качестве спорной территории. Завоевание Армянского нагорья сефевидами закрывало путь Турции к Ираку и Сирии и ставило турецкую Анатолию под удар кызылбашей. Для Сефевидского государства необходимо было захватить Армянское нагорье ввиду угрозы экспансии турок на Восток.

Во время царствования первого шаха Сефевидской династии Исмаила (1502-1524 гг.) были заложены предпосылки для тех неоднозначных отношений армян и персов, которые были характерны для всего последующего периода правления Сефевидов. Исмаил – единственный оставшийся в живых сын кызылбашского шейха Хейдара, погибшего в борьбе с султаном Якубом Аккойунлу и ширваншахом Фаррухом Ясаром. По данным армянских источников, Исмаила укрывали на острове Ахтамар на озере Ван, где он вырос среди армян. Однако Орудж-бек Байат, азербайджанец, прибывший в Испанию в 1599 г. в составе иранского посольства, принявший христианство и навсегда оставшийся в Испании, не упоминает о роли армян в детстве Исмаила Сефевиды. Он дает две версии раннего периода жизни шаха. Согласно первой, Исмаил был отослан в город Лахиджан, согласно второй – воспитывался в доме служителя султана Йакуба Мансура. Однако отношение Исмаила к армянам заставляет думать, что версия армянских историков имеет право на существование. Многие армянские источники утверждают, что Исмаил до конца жизни оказывал особое покровительство армянскому католику и вообще духовенству именно в знак благодарности за свое спасение в детстве на острове Ахтамар. К тому же, по свидетельству Орудж-бека Байата, бабушка Исмаила со стороны матери была христианкой – внучкой Кало Иоанна – последнего христианского императора Трапезунда. «Из этого следует, что не пустым хвастовством является утверждение сефевидского шаха Персии, что он друг могущественных христиан в Европе, поскольку половина его крови по прямой линии идет от наиболее благородного христианского дома – от греческих императоров Константинополя»². Орудж-бек, также, дает сведения, что отец исмаили, Хейдар по линии матери

(сестры Узун-Хасана) был тоже связан с императорами Трапезунда, а также с царями Армении.

Но к личным обстоятельствам примешивались, безусловно, и политические соображения. Исмаил вел переговоры с европейскими странами с целью создания общего блока против Османской империи. Это определяло его религиозную политику. Преследуя мусульман-суннитов (в том числе курдов), евреев, он обращался с христианами нейтрально, используя их как посредников при взаимодействии с Европой. Исмаил не разрушал христианские храмы, он снял со священников подушную подать, уважительно отзывался о христианских святынях.

В XVI в. армяне еще раз подтвердили свое звание хороших торговцев, вывели закавказскую торговлю шелком на качественно иной международный уровень, наладили связи с Западной Европой. Им не мешала торговать даже сложная военно-политическая обстановка в регионе.

Первый эпизод османско-сефевидских войн на территории Исторической Армении произошел еще до объявления Исмаила Сефеви шахом Ирана. Весной 1501 г. караманские (Караман – город в западной Армении) беи выступили против господства османов в Анатолии, заручившись поддержкой Исмаила. Тогда территория Исторической Армении перешла в руки кызылбашей.

В 1508—1509 гг. возобновились военные действия между турками и сефевидами в районах Байбурта и Эрзинджана.

Новое обострение отношений между шахом Исмаилом и османами началось с воцарения турецкого султана Селима Явуза в 1512 г. С этого времени Иран и Турция с переменным успехом отвоевывали друг у друга страны Закавказья и, в том числе, Историческую Армению. В 1515 г. между шахом Исмаилом и Селимом был заключен мир, по которому к Османской империи отошла Западная Армения с Эрзурумом и северная часть Месопотамии до Мосула. Вся остальная Историческая Армения осталась за Сефевидами.

К сожалению, не сохранилось сведений об отношении к армянам последующих шахов династии Сефевидов, правивших в XVI в. Затишье в османско-сефевидских войнах продолжалось до 1533—1534 гг., когда на территории Исторической Армении вновь начались военные действия. В 1555 г. между двумя соперничающими силами был заключен мирный договор, на основании которого Восточная Армения отходила Сефевидам, а Западная Армения – Османам. Мир продолжался недолго, и в 1578 г. османские войска снова вторглись в Закавказье. В 1590 г. был заключен мирный договор, согласно которому области, населенные армянами, были переданы Османской Турции.

В это время все Закавказье испытывало экономический и политический кризис, недовольство турками было велико среди всех слоев населения, в особенности среди христиан-армян и грузин³. На этом этапе армяне переселялись в Иран добровольно, пытались наладить торговые отношения с Ираном в обход Османской империи. Несмотря на это, а также на традиционно терпимое отношение Сефевидов к христианам, некоторая часть армян занимала турецкую сторону в османско-сефевидском противостоянии. Турецкий хронограф первой половины XVII в. Кятиб Челеби указывает, что армяне, помогая туркам бороться с войсками шаха Аббаса в Закавказье, не ограничивались пассивной ролью, а зачастую брали на себя руководство военно-тактическими операциями⁴. Однако большая часть армянского населения Закавказья была настроена проирански.

Решение иранского шаха Аббаса I (1587-1629 гг.) переселить армян с завоеванных им территорий в центральные области Ирана, получившее в историографии название «великий сургун», было одним из важнейших событий в

истории династии Сефевидов. Оно было подготовлено событиями XVI в. Таким образом, основными причинами переселения армян в Персию являлись:

Военно-стратегическая: в ходе затяжных османо-сефевидских войн земли, населенные армянами, постоянно переходили из рук в руки. Не имея возможности победить в открытом бою, шах Аббас стремился разорить и ослабить спорные территории, оставить противнику «выжженную землю».

Политическая: нужно было укрепить центральные районы Ирана, ослабить области, населенные неиранскими народами, чтобы в будущем уменьшить опасность сепаратистских выступлений. Этой же цели служило перенесение столицы из Казвина в Исфаган.

Экономическая: Аббас намеревался основать армянскую колонию в Иране, чтобы использовать армян для развития внешнеэкономических связей и перенести центр караванной торговли из Закавказья в Иран, изменить направление караванных путей, чтобы помешать османам обогащаться впоследствии за счет армянских купцов. Также шах Аббас собирался использовать искусных армянских ремесленников на строительных работах в Исфагане. Армянский историк XVII в. Аракел Даврижеци также считает, что важную роль сыграла зависть Аббаса к армянам, вспыхнувшая при виде их богатства и роскоши⁵.

Столь подробный анализ всех причин и предпосылок «великого сургуна» необходим для того, чтобы показать, насколько неоднозначное отношение к армянам сложилось у шаха Аббаса к началу XVII в. Он видел в них одновременно и бесправное население завоеванных территорий, и умелых ремесленников, предприимчивых богатых купцов, способных изменить к лучшему экономическое положение Ирана.

Таким образом, после насильственного переселения армян в Персию наступает совершенно новый этап армяно-иранских отношений, подготовленный особой ролью армян в сефевидско-османских противоречиях в XVII в.

¹ Зулялян М.К. Армения в первой половине XVI в. М., 1971. С. 65

² Орудж-бек Байат. Книга Орудж-бека Байата, Дон-Жуана Персидского. Язычы, Баку, 1988. С. 67

³ А. А. Рахмани. "Тарих-и алам арай-и Аббаси" как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960. С. 79-80

⁴ Кятиб Челеби. «Фезлеке». Цит. по: «Джихан-нума» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVII в.). Предисловие, перевод и комментарии А. А. Папазяна. Издательство АН Армянской ССР. Ереван, 1973. С. 125

⁵ Аракел Даврижеци. Книга историй. ГРВЛ издательства «Наука», М., 1973. С. 53

Зевахин А.А.,
Московский государственный педагогический университет

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ МИССИИ Г.С. ДОХТУРОВА В ЛОНДОН В 1645-46 ГГ.

К середине XVII в. английские купцы уже освоили «двинской» путь через Белое море в Московское государство. Торговые отношения с Россией активно развивались и полностью соответствовали ожиданиям английского торгового капитала. Начиная с 1553 г., когда в Москве оказался первый английский мореплаватель, ищущий морские пути в Индию и Китай, Ричард Ченслор, в русское государство начали приезжать многие представители купеческого сословия с берегов туманного Альбиона, которые зачастую выполняли не только торговые, но и дипломатические функции.

Русские, напротив, приезжали в Англию крайне редко. Побывать в другом государстве чаще всего удавалось участникам дипломатических миссий, да и те во многом были ограничены строгими правилами дипломатического этикета.

Ведь отправляя дипломатов за границу, Посольский приказ давал им так называемую «Наказную память», или инструкцию, в которой в мельчайших подробностях говорилось о поведении дипломатического агента в той или иной ситуации в ходе его зарубежной поездки. В частности, посол не имел права входить в дипломатические сношения с иностранными дипломатами до получения личной аудиенции у монарха¹. Однако данное условие не всегда могло быть выполнено, что отчетливо видно на примере рассматриваемого нами посольства московского дворянина Г.С. Дохтурова в Лондон в 1645–46 гг.

Буржуазная революция в Англии середины XVII в. существенно повлияла на расстановку политических сил в стране: опальный король со своей армией находился в Шотландии, а мятежный парламент считал себя уполномоченным решать все государственные вопросы, в том числе и касательно отношений с другими странами. В это «смутное» для английского королевства время «поехал в Англию в гонцах дворянин Герасим Дохтуров»².

Положение русского гонца было незавидным, ведь, с одной стороны, ему нужно было выполнить поручение своего государя, т.е. встретиться с английским королем. С другой стороны, для возвращения обратно в Россию необходимо было получить разрешение со стороны парламента, что, конечно же, не оговаривалось в «Наказной памяти», и никаких указаний по данному вопросу Г.С. Дохтуров не получал. Отступление от посольского этикета было неизбежным: русскому агенту нужно было проявить все свое дипломатическое мастерство и опыт, дабы не уронить честь государя, пославшего его, и не нарушить инструкции, данные ему в Посольском приказе. Таким образом, в центре внимания исследования становится оценка дипломатического этикета Англии в условиях Гражданской войны глазами русского дипломатического агента а также его поведение в нестандартной для посольской миссии ситуации.

Для Герасима Дохтурова, сына дьяка Разбойного приказа, поездка в Англию стала первым шагом в карьере. Она могла во многом повлиять на дальнейшее продвижение московского дворянина по службе. Поэтому по прибытию в Лондон он активно добивался встречи с королем, дабы полностью соблюсти установившиеся в русской посольской практике правила. Преданность и настойчивость, проявленные подьячим в таком серьезном деле, могли поднять его значимость в глазах набольших Посольского приказа.

Однако, с точки зрения парламента, встреча опального монарха с русским посланцем стала бы доказательством политического поражения претендующих на власть мятежных лордов, ибо могла представить парламент в глазах царя Алексея Михайловича в крайне невыгодном свете. Сам факт подобного свидания засвидетельствовал бы дружественные связи России и Карла I Стюарта. Да и король мог в поисках поддержки России использовать его для передачи в Москву какого-либо послания. Именно по этой причине, окружив Дохтурова своим вниманием, Долгий парламент наотрез отказался допустить его к королю, мотивируя это тем, что лордам «неведомо, в котором городе король живет, потому что де нынешнево лета парламент у короля города многие поимали»³. Более того, гонцу намекнули, что в условиях военного времени поездка к королю будет небезопасной.

Впрочем, все увещания лордов не могли заставить русского дипломата отступить от поставленной перед ним задачи. Даже после полугодового безрезультатного «обивания» парламентских порогов, когда в мае 1646 г. в Лондоне распространилась весть о взятии Карла I в плен, Г.С. Дохтуров вновь обратился к парламенту с просьбой допустить его к королю. На что получил четкий ответ: «Хотя де король ныне и у парламента в руках, только де тебя, Герасима, к нему не отпустят, потому что он ничем не владеет»⁴. Нужно отдать должное

находчивости русского дворянина, который на последовавшее в конце того же месяца приглашение отобедать с купцами Московской компании ответил, что «к ним есть ехать не пригоже, потому что ево, Герасима, парламент к королю не пропустили»⁵.

Окончательно убедившись, что добиться свидания с королем не представляется возможным, Дохтуров начал хлопотать о разрешении ему отплыть обратно в Россию. За более чем полугодовое время пребывания в Лондоне ему удалось составить вполне достаточное представление о происходящих в Англии событиях, которое вылилось в обстоятельный отчет о поездке, или «Статейный список», как принято было называть подобные документы, и дополнение к нему, которое получило название «Роспись городу Лундану и всей Аглинскй земли».

Заинтересованное в российском рынке, английское купечество придавало огромное значение достойной встрече любого русского посланника. Так, накануне прибытия Дохтурова заранее проинформированные английские купцы «Московской компании» обратились к парламенту с просьбой «принять его так, чтобы он видел, что даже в отсутствие короля парламент проявил должное внимание к достоинству его господина и уважение к нему самому, как лицу, прибывшему от такого великого государя»⁶.

По всей вероятности, это ходатайство английских купцов было удовлетворено, поскольку Дохтурова встречали в полном соответствии с английским посольским этикетом: возили на обитых бархатом судах и конных извозчиках, били пушечные салюты и сопровождали эскортом из 100 гвардейцев. Расходы по приему русского посольства взяла на себя Московская компания англичан. Она, в частности, арендовала для Г.С. Дохтурова и его спутников дом на улице Чипсайд: «найму кумпаниею на полгодишное время 100 руб.»⁷. Московская компания, начиная с первого русского посольства в Англию в 1556-1557 гг., оплачивала пребывание московских гостей в Лондоне, получая за это компенсацию со стороны английских властей. Обычным явлением был и устраиваемый ею официальный прием⁸. Однако революционные события внесли свои коррективы в практику встреч иностранных посольств. Такой их элемент, как торжественный обед в королевском дворце был исключен из программы, зато появился новый — посещение посольством парламента. Дохтуров прибыл туда в богатой карете, запряженной шестеркой лошадей, в сопровождении управляющего Московской компанией и группы ее членов. При появлении русского гонца в Вестминстере члены обеих палат встали и сняли шляпы, а для того, чтобы произвести на Дохтурова большее впечатление, усадили его в специально изготовленное кресло, отделанное золотом и жемчугом, «близ королевского места»⁹. Описание, данное в отчете, вполне может соответствовать действительности — точно так же Долгий парламент принимал в 1645 г. венецианское посольство, с той лишь разницей, что его сопровождали купцы не Московской, а Левантийской компании, торгующей, в том числе, и с Венецией¹⁰.

Нужно отметить, что такие шикарные приемы иностранных посланцев отвечали чаяниям не только английских торговцев, но и самого парламента. Мятежным лордам было жизненно необходимо завоевать международный авторитет, утвердить легитимность своей власти, а также доказать европейским монархам, что с Долгим парламентом можно и нужно иметь дело. Однако в ситуации с русским дипломатическим агентом этого сделать не удалось. Посольская практика Российского государства в то время еще не была готова к подобным изменениям, русский агент не был еще уполномочен вести общение с кем-либо, кроме монарха. Русский дипломатический ритуал не мог соответствовать европейским реалиям того времени, в глазах русского царя лорды выглядели дика-

рями и безбожниками. Как итог: свертывание отношений, изгнание английских купцов из России и консервативная внешняя политика, приоритет в которой отдавался Швеции и Польше.

Несмотря на это, миссия Герасима Семеновича Дохтурова была хорошо оценена в Посольском приказе. Об этом, в частности, говорит его быстрый рост по карьерной лестнице по возвращении из Англии, из подьячих - в дьяки. В Лондон он уезжал, будучи просто московским дворянином, а «в декабре 1649 г. он уже дьяк»¹¹. Очевидно, что он был пожалован чином дьяка за заслуги в выполнении миссий в Англии и Польше, в 1645 и 1646 гг. соответственно.

И хотя основная задача, встреча с королем, не была выполнена, поездка Дохтурова очень важна с точки зрения накопленного дипломатического опыта, который мог в последствии использоваться для подготовки новых дипломатических агентов, а также для составления более подробных «Наказов», которые бы учитывали и всевозможные форс-мажорные ситуации. «Статейный список» русского гонца, безусловно, интересен и с точки зрения исторической науки, ибо на его основе можно выстроить целостную схему дипломатического этикета Англии в период власти Долгого парламента, а также сравнить ее с английским посольским обычаем классического монаршего периода.

¹ Белокуров С.А. О посольском приказе. М., 1906. С.240.

² Бантиш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России по 1800 г. Ч.1. М., 1894. С.112.

³ РГАДА. Ф.35. Сношения с Англией, 1645 г. Д.2(154). Л.61.

⁴ Там же, Л.80-81.

⁵ Там же, Л.81.

⁶ Journals of the House of Lords. L., s. a., Vol.VII. P.696.

⁷ Рогинский З.И. Лондон 1645-1646 годов. Новые источники о поездке гонца Г.С. Дохтурова в Англию. Ярославль, 1960. С.12.

⁸ Willan T.S. The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953. P.90-91.

⁹ Рогинский З.И. Указ. соч. С.14.

¹⁰ Архангельский С.И. Английская дипломатия и венецианско-турецкая война (40-50-е гг. XVII в.)// Вопросы истории, 1946, № 1. С. 86.

¹¹ Белокуров С.А. Указ. соч. С.120.

Проклопчук А.В.

Армавирский государственный педагогический университет

ЭКСПЕДИЦИЯ КАРИГНАН-САЛЬЕРСКОГО ПОЛКА (ПЕРИПЕТИИ БОРЬБЫ НОВОЙ ФРАНЦИИ С КОНФЕДЕРАЦИЕЙ ИРОКЕЗОВ)

Владея обеими берегами реки Св. Лаврентия и окрестностями озера Эри и Онтарио, ирокезы преградили путь меховой торговле, которую стремились поддержать французы с западными племенами. От этой торговли в значительной степени зависело благосостояние новой колонии, так как она составляла главную статью экспорта и давала наибольшие прибыли¹. Но к 1646 г. положение Новой Франции усугубилось еще сильнее. Могуущественная Лига Пяти Наций, издавна враждебная гуронам, алгонкинам, монтанье и другим племенам, оказавшимся в орбите французского влияния, начала против них боевые действия, которые вскоре переросли в войну против самой Новой Франции. Особые, не свойственные европейцам методы войны ярко выразил отец Эразм Лалемэнт в донесении в Париж: «ирокезы так бесшумны в их приближении, так быстры в их разрушении и так молниеносны в отступлении, что каждый обычно узнает об их уходе прежде, чем узнает об их нападении. Они проходят, словно лисы, сквозь лес, который дает им убежище и служит им неприступной крепостью. Они нападают, как львы, и так же неожиданно в тот момент, когда меньше

всего ожидают, не встречая сопротивления. Они налетают, как птицы, исчезая прежде, чем они действительно появятся»².

Молниеносные отряды ирокезов проникали вглубь Новой Франции вплоть до Квебека, не раз нападая на него. Паника овладела сердцами колонистов. «Ирокезы были повсюду. Судьба их жертв была достаточно предreshена, чтобы души французов дрожали как листья от страха. Быстрая смерть была благом, по сравнению с медленной агонией скальпированных или, что ещё хуже, зажатых на медленном огне в оргии пыток. Пропитанная страхом французская колония означала победу ирокезов в, как сегодня можно было бы сказать, "психологической войне"»³. Масштабы конфликта были таковы, что на карту оказалась поставлена судьба всей колонии в долине реки Святого Лаврентия. Для Новой Франции настали черные дни. Ее сил было явно недостаточно для организации отпора ирокезам. Администрация неоднократно обращалась за помощью к метрополии, однако поглощенному перипетиями Фронды Мазарини было не до заморских проблем⁴.

Отношение к колониальным проблемам изменилось с приходом к власти Людовика XIV, который был не намерен начинать свое правление с потери Новой Франции. В мае 1663 г. Канада была объявлена королевской провинцией. Внимание короля не могли не привлечь бедствия французских поселенцев. Людовик XIV в 1665 г. принимает решение о переброске в колонию крупных сил, которые должны были нанести решающий удар по Конфедерации ирокезов⁵.

В июне-августе 1665 г. прибывает Каригнан-Сальерский полк (Carignan-Salières regiment) французской армии, а также еще 4 роты солдат из других подразделений в количестве 1200 солдат и 80 офицеров. Новый губернатор Даниэль де Реми Курсель, генерал-лейтенант Короля, назначен руководителем экспедиции⁶. Де Курсель - 39-летний аристократ, совершенно незнакомый с местным колоритом и особенностями ведения войны, но полный решимости победить могущественную ирокезскую Конфедерацию - не дожидаясь весны, решает выступить против мохаук (самого воинственного ирокезского народа), надеясь на неожиданность удара в зимнее время. Все попытки генерала де Траси отговорить де Курселля от данного мероприятия не были услышаны.

В поход выступили 9 января - 300 солдат Каригнан-Сальерского полка и 200 канадских добровольцев. Французские солдаты не были готовы к наступлению в это время года. Не было учтено, что европейцы были не приспособлены к походу в условиях канадской зимы: глубокий снег, неумение передвигаться на снегоступах (род индейских лыж), тяжелые ранцы с провизией, - «... со всем этим необходимо было преодолеть 3 сотни лиг по снегу; неоднократно пересекать озера и реки по льду, опасаясь падения на каждом шагу, ночлег только на снегу, в сердце леса; а наступившие морозы далеко превышали суровость самых жестких зим Европы»⁷. Положение усугубляло плохое обмундирование. Одна пара мокасин на каждого и пара чулок - когда индейцы использовали для переходов более дюжины дополнительных мокасин (черноногие говорили, что мокасины выдерживали всего двухдневный переход по пересеченной местности, после чего требовалась их починка)⁸.

Уже на третий день пути экспедиция находилась в плачевном состоянии «многие полностью обморозили носы, уши, колени и пальцы <....> другие, совершенно измученные и парализованные холодом, умерли бы в снегу, если бы их не несли с большим трудом к месту, где войска должны были провести ночь»⁹. Всё же более 60 человек погибло от голода и холода или были захвачены в плен ирокезами. А на стороне мохаук были не только холод, голод, глубокий снег, но и отсутствие компетентных проводников в отряде. Спасение пришло неожиданно. Экспедиция случайно вышла на бывший голландский

форт Корлаэр (будущий Скенектади), к тому времени принадлежащий англичанам. Где было установлено от некоторых пленных ирокезов, что мохаук покинули свои поселения, оставив только «неможных стариков и детей». Продолжать экспедицию не было смысла.

О бесславном возвращении военного контингента во Францию не могло быть и речи. Поход было решено повторить осенью под руководством вице-короля Новой Франции генерала де Траси. Французы извлекли хороший урок из этой крупномасштабной экспедиции, впервые проведенной Новой Францией, и более основательно подготовились к новому походу.

4 октября 1666 г. маркиз Траси достигает южного берега озера Шамплейн с отрядом в 1000 французских солдат регулярной армии, 600 чел. милиции Новой Франции и 100 гуронов и алгонкинов. «Несмотря на большую осторожность, предпринятую, чтоб провести наступление с наименьшим шумом, наши люди не смогли помешать ирокезам, посланным за 30 – 40 лиг разведать наши силы <...> наши отряды нашли их (ирокезские деревни) покинутыми, в то же время вдалеке на холмах можно было разглядеть дикарей, громко кричавших и впус- тую стрелявших в наших солдат»¹⁰. Розыск и преследование скрывшихся в лесу ирокезов не имел смысла, маркиз де Траси опасался попасть в ту же ловушку, что и его предшественник, так как надвигалась зима. Было решено сжечь деревни, амбары с зерном и еще не убранный на полях урожай. «Хорошо знакомые с жизнью этих варваров не имеют тени сомнения, что от голода умрут почти столько же, сколько погибло бы от оружия наших солдат, если бы они отважились встретить последних»¹¹. Предположения отца Франкоса Мерсиер оправдались, голод и оспа сделали свое черное дело.

После возвращения Каригнан-Сальерского полка в 1667 г. во Францию колониальная администрация решает организовать эффективную форму борьбы с индейцами – ополчение. Теперь все мужчины в колонии в возрасте от 16 до 65 лет (за исключением священнослужителей и некоторых государственных чиновников) подлежали призыву на военную службу¹².

Несмотря на заключенное перемирие с Конфедерацией ирокезов, результаты экспедиции были сомнительными. Эта экспедиция не смогла присоединить к Новой Франции страну ирокезов, а мир, обеспечивающий безопасность внутренних рубежей колонии от нападений ирокезских отрядов, был непрочен и постоянно нарушался. Мир был необходим мохаук для восстановления сил – «они позволяют шторму пройти и возобновят войну более энергично, чем прежде, уклонившись от удара или оправившись от края, до которого Божественное Проведение ослабило их» – пророчил отец Лалемонт¹³.

Это шаткое состояние франко-ирокезских отношений продлилось не долго, новый накал страстей разгорелся в 1684 г., во многом спровоцированный англичанами, так как главным результатом этих событий было обращение Конфедерации к англичанам за поддержкой против своих северных соседей – Новой Франции. Так закладывалась основа Договорной цепи, крепко связавшая Конфедерацию ирокезов, подвластные ей народы и Нью-Йорк.

¹ Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в 1613 – 1713 г. СПб., 2005. С.17.

² The Jesuit relations and allied documents: travels and explorations of the Jesuit missionaries in New France, 1610-1791: the original French, Latin, and Italian texts, with English translations and notes. Vol. XLV. Cleveland, 1896. P.195-197.

³ http://www.cmhg.gc.ca/cmh/en/page_40.asp

⁴ Акимов Ю.Г. Указ.соч. СПб., 2005. С. 175.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ The Jesuit relations... P.80-83.

⁷ Ibid. P.133.

⁸ Стукалин Ю. Хороший день для смерти. М., 2005. С. 148.

⁹ The Jesuit relations... P. 133.

¹⁰ Ibid. P. 143.

¹¹ Ibid. P. 145.

¹² <http://www.uswars.net/1642-1698/index.htm>

¹³ The Jesuit relations... P. 147.

Глызина И.Г.

Уральский государственный университет

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I

За время царствования Петра Великого в Англии сменилось три монарха. Английский историк М.С. Андерсен пишет, что англичане имели о России весьма неточные и фрагментарные сведения. Россия не была страной, которую рядовой англичанин посетил бы для удовольствия¹.

Те немногие англичане, которые были в России по делам службы, например С. Коллинз, оставили заметки о грубых нравах, невежестве, суеверии и пьянстве, царящих, по их мнению, в этой варварской стране².

Торговые связи с Англией завязались еще в середине XVI в. В 1553 г. из Англии отправилась экспедиция в составе трех кораблей, которая должна была отыскать путь в Индию. Корабли попали в бурю. Оказавшись во владениях Московского государства, группа англичан во главе с Р. Ченслером составила своего рода посольство, которое направилось в Москву и было принято Иваном Грозным. Это положило начало дипломатическим и торговым контактам.

Англичане получили привилегии, которыми пользовались до середины XVII в., когда в результате конкурентной борьбы за русский рынок голландцы начинают преобладать над англичанами.

Ко времени царствования Петра на рубеже XVII-XVIII вв. англичане предприняли решительные меры для восстановления своего бывшего влияния на русском рынке. Этому способствовало вступление Англии в Войну за испанское наследство. Так как флот составлял основу военного могущества Англии, начало войны резко обострило ее потребности в материалах для строительства и оснащения кораблей. Ранее значительная часть этих материалов поступала из Швеции, которая в этой войне оказалась на стороне против Англии.

В связи с этим резко повысилась заинтересованность Англии в русском рынке, который мог поставить корабельные материалы в изобилии. Очевидно стремление наиболее влиятельной части торгово-промышленных кругов Англии видеть в России рынок сбыта готовых изделий и по возможности воспрепятствовать возникновению здесь обрабатывающей промышленности.

Большое значение в годы Петровских преобразований имели поставки некоторых видов оборудования и механизмов. Известны случаи, когда английское правительство стремилось препятствовать отправке подобных товаров в Россию. Так, по настоянию торгово-промышленных кругов Англии королева Анна специальным указом запретила вывоз оборудования для переработки табака в 1705 г., а также выезд специалистов.

Уже в 1710 г. англичане превосходили голландцев по объему товарооборота³. Среди них была наиболее значительна доля крупных купцов. Их торговля в России наиболее тесно была связана с потребностями английской экономики. Они продавали здесь товары, произведенные в Англии, но гораздо большее значение в их деятельности имела скупка пеньки, льна, смолы.

Результаты первой половины Северной войны значительно изменили на-

правления балтийской политики не участвовавших в ней морских держав. Накануне войны они поддерживали искусственное равновесие сил на Балтике, считая, что для него опасна даже более Дания, чем Россия. В 1697 г. Вильгельм III обещал в случае войны нейтралитет Петру, но не датскому королю. Теперь положение изменилось. Становится заметнее торгово-промышленный фактор. Имея виды на торговлю с Россией, Англия избегает проявлять к ней враждебность, по крайней мере открыто. Использование заинтересованности Англии в торговле с Россией, в первую очередь в снабжении флота необходимыми корабельными припасами, занимало видное место в арсенале средств русской дипломатии.

С перемещением европейской торговли в Петербург превосходство англичан еще более упрочилось, а масштабы торговли здесь превосходили товарооборот всех остальных портов на Балтике. Шведские пираты не раз пытались захватить русские корабли, идущие в Россию и из России, что вредило морским державам и сближало их интересы с Санкт-Петербургом. Порой дело доходило даже до совместного крейсирования британских, датских и русских кораблей. Но временное потепление русско-английских отношений 1715-1716 гг., когда шведские пираты вынудили Норриса соединить флот с Россией для защиты торговли, закончилось. Усиление России неизбежно вело к обострению отношений с Британией. Георг I усердно трудился над созданием антирусской коалиции. Лондон добивался такого равновесия на Балтике, которое в максимальной степени защитило бы интересы британской торговли. Иными словами, Швеция не должна ослабеть сверх меры. Разумеется, прерогативу определять эту меру Англия оставляла за собой.

Уничтожение шведской армии на Украине изменило позиции по многим направлениям. На официальном уровне это дало Петру I и его союзникам возможность разрушить и разделить шведскую империю и поставить вопрос о русском доминировании на Балтике, влиянии в Польше, германских государствах, а также поставить вопрос о месте России в системе европейских государств⁴.

В ходе войны Россия заняла Ингрию, Эстляндию, Лифляндию и Курляндию и, таким образом, контролировала чуть ли не все источники, из которых Британия поставляла необходимое морское снаряжение. Это вызывало особое недовольство английского правительства.

Швеция могла бы препятствовать полной русской монополии в области британских интересов. Если бы балтийские провинции были возвращены Швеции или даже стали собственностью третьей силы, их порты – Рига, Нарва, Ревель и Санкт-Петербург – могли бы конкурировать в торговле с Архангельском. Не дать одной державе монополизировать оставшиеся из них было для Англии стратегической и экономической необходимостью.

В рамках осуществления такой политики в 1719 г. британский флот вошел в Балтийское море с инструкциями защитить шведское побережье от нападения русских кораблей и в случае необходимости уничтожить их. В.В. Дегоев называет эти действия необъявленной войной Англии против России⁵.

До прямых военных действий между Англией и Россией не дошло. Три навигации (1719-1721 гг.) эскадра адмирала Норриса крейсировала на Балтике, так ни разу и не встретив русские корабли. Норрис дал приказ держаться подальше от тех мест, где можно было их встретить, а Петр, со своей стороны, приказал избегать столкновений с английскими кораблями. Это внесло свой вклад в укрепление позиций той части общественного мнения Англии, которая считала участие в военных действиях на Балтике неблагоразумным и дорогостоящим занятием. Под влиянием этих настроений и других внутривнутриполитических проблем Георг I призвал Россию и Швецию к миру.

Что касается торговли в этот период, то ситуация обострилась в связи с переобмундированием войск на основании табеля 1720 г. Иностранцы, прежде всего англичане, были крайне заинтересованы в поставках сукна в русскую армию. Это обеспечило им надежный сбыт продукции их мануфактур, обещало немалую прибыль. Соперничество между немецкими и английскими поставщиками сильно обострилось. Качество прусских сукон было выше английских, однако материю решено было закупить у англичан.

На основании вышеизложенных фактов можно сделать вывод, что в царствование Петра Великого в русско-английских отношениях имело место активное политическое противостояние при активном экономическом сотрудничестве.

¹ Matthew S. Anderson. American Slavik and East European Review. Vol.13. No.2. Apr. 1954. P. 201// <http://links.jstor.org/journals/aaass.html>.

² Ibid. P. 202.

³ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России: эпоха Петра I. М., 1996

⁴ Chance J.F. George I and Peter the Great after the Peace of Nystad The English Historical Review. Vol. 26. No. 102. Apr. 1911. P. 280.//<http://www.jstor.org/journals/oup.html>.

⁵ Дегоев В.В. История внешней политики России. М., 1998. С. 356.

Киселёв А.А.

Волгоградский государственный университет

«БЛАГОТВОРНОЕ ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ»: БРИТАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Из всех колониальных империй Нового времени только одной удалось стать могучим колоссом. Это была Британская империя. Однако всего за столетие до того дня, как Б. Дизраэли провозгласил Викторией императрицей Индии, многие британцы даже не представляли себе, что живут в империи. Большое расстояние, разделявшее метрополию и ее владения, делали невозможной крепкую связь.

Несмотря на распространенное в отечественной литературе мнение о могуществе Британской империи в XVIII вв и «колониальном гнете»¹, в XVII - первой половине XVIII вв. британское государство лишь дважды сделало неудачные попытки контролировать свои колонии. Первый раз это произошло в годы Английской революции 1640-1660 гг. Тогда пришедшая к власти буржуазия при поддержке О. Кромвеля выпустила знаменитый Навигационный Акт 1651 г., ставший основой британской экономической политики до начала XIX в. В годы Реставрации он был подтвержден Актом 1660 г. и дополнениями к нему. Навигационные Акты создавали эффективную систему морских перевозок с центром в Лондоне, позволявшую защищать британскую промышленность и торговлю от внешнего влияния (прежде всего, голландского), и получать большие доходы от перевозки товаров по всему миру на английских кораблях.

Однако это не изменило качественно саму колониальную политику Лондона, сводившуюся в то время только к выдаче хартий. Государство предоставляло всем желающим возможность завоевывать колонии под его флагом, но не вкладывало в это предприятие ни фунта и никак не контролировало. Попытки финансового контроля над колониями в виде Навигационных Актов вызвали только ожесточение со стороны колонистов, и рост контрабандной торговли.

Второй попыткой реформ империи стала политика Вильгельма III Оранского. «Славная революция» снова привела к власти торговцев и промышленников, желавших сделать колонии достоянием государства. Создание Комитета

по торговле и плантациям в 1696 г. означало усиление внимания правительства к колониальной политике. Комитет живо взялся за работу: колонии были обвинены в непослушании Навигационным Актам, в принятии постановлений, противоречащих английским законам, в сокрытии обращений и жалоб в Королевский совет, в предоставлении гаваней пиратам и контрабандистам, в подрыве экономики соседних королевских колоний путем порчи монеты, в укрывательстве беглых рабов, в нарушении таможенных правил, в неспособности защитить свои границы. Это, прежде всего, касалось Массачусетса, Род-Айленда, Коннектикута, Нью-Джерси, Пенсильвании, Каролины и Багамских островов².

Намечалось реформирование всей колониальной системы, однако в этот период Англия вступила в войну за Испанское наследство (1702-1713 гг.), и реформу пришлось отложить до конца войны. Смерть королевы Анны (1714 г.), партийные распри, вступление на престол новой Ганноверской династии и эпоха «робинократии» (1721-1742 гг.) снова отложили решение колониальных проблем. Авторитет Комитета резко падает, пост губернатора превращается в sineкуру. «Крайности английской внутренней политики вели министров к тому, чтобы использовать колониальное губернаторство как средство для вознаграждения своих сторонников, которые либо не были компетентными, либо не проявляли интереса к административной деятельности», - писал Д. Бурстин³.

В 1720-1730-е гг. колониальные плантаторы и торговцы создавали в британском парламенте группировки, представлявшие их интересы. Деятельность представителей колониальных «интересов» привела к тому, что в 1730 г. британский парламент ослабил ограничение на продажу колонистами Каролины риса, а в 1739 г. британские политики пошли еще дальше, выпустив Сахарный Акт, согласно которому плантаторы сами могли продавать на рынках Европы, минуя метрополию⁴. Это было прямым нарушением Навигационных Актов, и победой вест-индских плантаторов. Правительство тем временем старалось просто не замечать проблемы колоний, поскольку на повестке дня в 1714-1750 гг. были совсем другие задачи. Великобритания с переменным успехом пыталась попасть в круг «великих держав» Европы, участвуя во всех европейских конфликтах. Колониальная политика британского правительства в те годы получила название «благотворного пренебрежения». «Политический механизм Британской империи (в XVIII веке – А.К.) был каким угодно, только не действующим четко и реалистично», - сделал вывод Д. Бурстин⁵.

Тем не менее, колонии были очень важны для страны. Особенно это можно видеть на примере Вест-Индии. В 1715-1717 гг. только Подветренные острова, Барбадос и Ямайка ежегодно экспортировали товаров в Великобританию почти столько же, сколько все британские колонии на материке вместе взятые (Подветренные острова на сумму в 403 394 ф.ст., Барбадос – 364 577 ф.ст., Ямайка – 322 266 ф.ст., тогда как все североамериканские колонии – на 382 576 ф.ст.)⁶. С течением времени Вест-Индия стала приносить еще большие доходы. По мнению П. Маршалла, «годы между Парижским миром и началом Американской революции были серебряным веком сахара»⁷, поэтому важность этого региона для англичан возрастала.

Самой популярной и прибыльной в течение всей первой половины XVIII в. была английская Ост-Индская компания. Ее постоянно растущие доходы занимали первое место по объему импорта в Англию (с 579 944 ф.ст. в 1714 г. до 1 785 679 ф.ст. в 1759 г.)⁸. В 1717 г. представители компании получили от Моголов в Индии торговые льготы – фирман. Это было крупной победой компании, т.к. никто из иностранцев еще не получал таких льгот. К началу XVIII в. Ост-Индская компания экономически окрепла и стала единственной гарантией безопасного плавания индийских купцов и паломников в Аравийском море.

Таким образом, торговые и промышленные круги Британии, видя те успехи, которые приносит им неевропейская торговля, активно ее поддерживали. Периодические представители Сити требовали от правительства тратить меньше средств на «субсидную политику» в Европе и защищать интересы страны в колониях. В подобном русле была написана «История британских плантаций в Америке» У. Кейта, вышедшая в Лондоне в 1738 г.⁹ Подобные произведения были для англичан актуальны, т.к. в это время и в колониальной торговле они почувствовали мощную конкуренцию со стороны Франции.

В период руководства Францией такими людьми как Ж.Б. Кольбер при Людовике XIV, и А. де Флери при Людовике XV французские колонии вступили в период своего расцвета. Серьезные достижения были достигнуты французами в Америке – к 1730-м гг. французские рыболовы вытесняют английских из Ньюфаундленда. Английский памфлетист Боллан писал в конце 1740-х гг.: «Их рыболовство приносит миллион ф.ст., наше – не более трети этой суммы»¹⁰. В Вест-Индии французы перехватили монополию англичан и голландцев на сахар. Французы были более успешны, чем англичане и в работорговле. В 1725 г. английский памфлетист Дж. Халстон писал, что «голландцы – единственные наши соперники»; в 1747 г. он же напишет: «Сегодня французы более опасны для нас, чем голландцы»¹¹.

Все чаще к концу 1730-х гг. действия французов ассоциируются у английских памфлетистов с государственной угрозой. Отчасти правы те, кто считает, что устремления английской буржуазии в этот период «становились все более агрессивными, она рвалась к захвату новых колоний и увеличению своей роли в мировой торговле»¹². Но события сами собой давали купцам решения. Закрытие для британцев европейских рынков и успехи в колониях предлагали торговцам и промышленникам обратить, наконец, внимание правительства на заморские владения короны и отныне вести борьбу за величие Британии только там.

В связи с этим в 1757 г. Сити практически единогласно поддержал выходца из своих кругов – У. Питта-старшего¹³, который занял пост канцлера и военного министра в кабинете герцога Ньюкасла. Значение этого человека в истории Великобритании огромно. Вряд ли его можно считать одним из основателей Британской империи¹⁴, но одним из наиболее крупных строителей точно. Возглавив правительство, У. Питт поставил в центр всей политической жизни страны задачу расширения колониальных владений и их эксплуатацию. Интересами колониальной экспансии теперь стала определяться и английская внешняя политика¹⁵. Ничего не изменилось даже после отставки Питта в 1762 г.

Парижский мир 1763 г. стал поворотным пунктом в британской колониальной политике¹⁶. Колонии перестали быть источником ресурсов и теперь исполняли роль рынков для британских товаров. Это явление по сути и стало причиной образования огромной Второй Британской империи¹⁷.

¹ См. напр.: Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств // Тарле Е.В. Политика. М., 2001; История США. Т.1. М., 1983; Татаринова К.Н. Очерки по истории Англии, 1640-1815 гг. М., 1958.

² Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII в. Ярославль, 1996. С.81-82

³ Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт. М., 1993. С.498

⁴ The Sugar Act, 1739 // English Historical Documents. Vol.VIII. L., 1957. p.776-777

⁵ Бурстин Д. Указ.соч. С.498

⁶ Соколов А.Б. Указ.соч. С. 76

⁷ Marshall P. The First and Second British Empires: A Question of demarcation // History - XIX. 1964. P.21

⁸ English Historical Documents, vol. X., 1714-1783. L., 1957. P. 826

⁹ Keith W. History of the British Plantations in America (1738) // English Historical Documents, vol. X., 1714-1783. L., 1957. P. 731 - 735

¹⁰ Цит. по: Wilson A. French Foreign Policy during the Administration of Cardinal Fleury. L., 1936. P. 299

¹¹ Цит. по: Wilson A. Op.cit. P. 311

¹² Бугашев С.И. Уильям Питт старший: политическая биография. СПб., 1998. С. 14 - 15

¹³ Соколов А.Б. Питт-старший // ВИ, 1991, №1. С. 218; Dorn W. Competition for Empire. N.Y., 1940. P. 347

¹⁴ Соколов А.Б. Указ.соч. С. 215

¹⁵ Бугашев С.И. Указ.соч. С. 147

¹⁶ Hill Ch. Reformation to Industrial Revolution. L., 1971. P. 233

¹⁷ Bayly C.A. The Second British Empire // The Oxford History of the British Empire. Oxford, 1999. V.5.: Historiography. P. 54-72

Фролова О.С.

Уральский государственный университет

ТОРГОВЛЯ АНГЛИЙСКОГО КУПЧЕСТВА В РОССИИ В 60-80-Е ГГ. XVIII В.

В современных условиях значение темы активности британского купечества в период, когда Россия окончательно была признана великой державой и делала быстрые успехи в экономическом развитии, весьма велико и неизбежно выходит за рамки академические, так как ни одна другая нация так сильно не влияла на русскую торговлю XVIII в. Сама по себе Англия в современном мире не играет ведущей роли, однако остается высокоразвитой промышленной державой. В истории взаимоотношений русского и британского торговых капиталов вполне возможно выявить элементы, которые способствовали бы прогрессу в экономической кооперации современных России и Великобритании, к чему имеются реальные предпосылки. Поучителен также опыт сотрудничества Англии и России, основанный на трезвом экономическом расчете и необходимости обеспечения собственного экономического развития.

Исследование данной темы основывается на довольно обширной историографии. Уже в XIX в. тему русско-британских торговых отношений и купечества разрабатывали Александренко В.Н., Бильбасов В. В XX в. изучение темы продолжили Кафенгауз Б.Б., Станиславская А.М., Родзинская И.Ю., Миронов Б.Н., Рубинштейн Н.Л. и др. Среди современных исследователей данной проблематики можно назвать Соколова А.Б., Кросса Э., Захарова В.Н., Демкина А.В. и др. Кроме того, в раскрытии сюжета использовались документы Комиссии о коммерции¹, Коммерц-коллегии², переписка Демидова Н.А. с английскими торговыми компаниями³, а также опубликованные Мартенсом Ф.Ф. тексты торговых трактатов с Англией⁴.

В 60-80-е гг. XVIII в. в политических отношениях между Россией и Англией наблюдалась борьба двух противоречивых тенденций. Одна из них – представления друг о друге как об успешных торговых партнерах и о возможных союзниках, другая – борьба российского купечества с британской торговой монополией и политические противоречия, в том числе зарождавшееся соперничество на Ближнем Востоке.

Важное место в исследовании занимает рассмотрение организации русской торговли с британцами. Всех английских купцов, торгующих с Россией, объединяла «Русская компания», основанная в XVI в. и связанная со многими лондонскими торговыми конторами. Британское правительство получило в XVIII столетии весьма существенные льготы по коммерческим трактатам с Россией в 1734 и 1766 гг.⁵: право для купцов судиться в Коммерц-коллегии; привилегии платить пошлины не «ефимками», а русской валютой (считая по 1 р. 25 к. за «ефимок»), что приводило на деле к снижению пошлины на 10-14% против дру-

гих иностранцев; дома англичан были освобождены от воинского постоя⁶.

Английские купцы покупали в России корабельные товары, к которым, прежде всего, следует отнести лен, коноплю, канаты, а также лес и железо. В данном случае вполне возможно проследить механизм торговли железом между Россией и Англией на примере демидовской торговли с уральских заводов на основе обширной переписки демидовских контор в Петербурге и Москве с английскими купцами. В большинстве случаев, торговля проходила согласно заключенным с покупателем, как правило, долгосрочным контрактам, в которых четко оговаривались нюансы предстоящей сделки. Они заключались при деятельном участии заводских контор и маклеров, кроме того, с постоянными покупателями часто заключались и дополнительные контракты.

В сфере данной проблематики дискуссионным остается вопрос о составе русского и иностранного купечества, занятого во внешней торговле России. Ведомости о доле купцов разных национальностей в самостоятельной внешней торговле составлялись в портовых таможнях. При определении национальной принадлежности купца составители ведомостей руководствовались формальным признаком подданства. Это вносило искажения в действительное положение дел, так как иностранцы могли записываться в русское подданство с целью получения торговых привилегий русских купцов. Подобное явление в этот период объясняется принудительной записью их в петербургское мещанство вследствие неправильного истолкования Петербургским губернским правлением и Петербургским магистратом 66-й статьи Городового положения 21 апреля 1785 г., дававшей иностранцам право записи в мещанство. По этой причине в третьей четверти XVIII в., процент русских купцов был довольно низок, а с середины 80-х гг. резко поднялся в импортных операциях. Этим и объясняется то, что уже в 1787 г. среди «русских» купцов, торговавших в Петербурге, преобладали иностранцы. В сохранившемся списке купцов-экспортеров 1787 г. среди 76 купцов было только трое русских, на долю которых приходилось товаров на 81 186 руб., или 0,5%, в то время как по расчету таможни – 39%⁷.

Не до конца ясным остается вопрос, почему во второй половине 80-х гг. XVIII в. резко сократилась доля русских купцов в экспортных операциях, а доля иностранцев выросла почти до 98%, чего не отмечалось уже давно. По крайней мере, еще в середине XVIII в. доля русских купцов в экспорте Петербурга достигала 7-8%⁸. Можно предположить, что падение доли русских купцов в экспорте Петербурга совпадало с аналогичным повышением в нем доли англичан. Как известно, русско-британская торговля в это время переживала значительные трудности в связи с обострением отношений между обеими странами. Как раз в 1786 г. истек срок действия англо-русского торгового договора 1766 г. Английские купцы могли утратить свои привилегии. Поэтому многие из них воспользовались возможностью, предоставленной Городовым положением 1785 г., и вступили в число «иностранных гостей». Это расширило их возможности по организации закупок экспортных товаров в России, в связи с чем они получили больше заказов от зарубежных партнеров, которые предпочли их, как новых российских подданных, природным русским купцам.

¹ РГАДА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 195.

² РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 63, 85

³ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1, Д. 13, 14

⁴ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.9. Трактаты с Англией. Варшава, 1892.

⁵ Там же. С.242-259.

⁶ Высокова В. В., Ануфриева А. Ю. Частное и публичное в англо-русских отношениях конца XVIII–начала XIX в. // Россия и Британия. Вып.4. М., 2006. С.54.

⁷ Миронов Б.Н. К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII в.- начале XIX в.// История СССР. 1973.№6. С.133.

⁸ Там же.

Лыдин Н.Н.
Барнаульский Государственный Педагогический Университет

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН (1800 - 1815 гг.)

В свете современной европейской интеграции было бы интересно обратиться внимание на историю создания и краха первого общеевропейского государства – империи Наполеона и особенно на главный инструмент, которым оно создавалось – французскую армию. В нашем исследовании основное внимание обращено на оценку вооружений, стратегии, тактики; проведено сравнение армий с точки зрения военной подготовки и мастерства; дана оценка профессиональной компетентности командного состава¹.

К началу Консульства французская армия была ещё «революционной» и состояла из полубригад линейной (de Bataille) и легкой (Leger) пехоты. Эти части были созданы путем слияния пехотных полков королевских войск с батальонами революционных волонтеров. Качество подготовки солдат часто оставляло желать лучшего, новобранцы были не всегда подготовлены к ведению боя в линейном строю с приоритетом огневого боя, поэтому стала широко применяться практика атак колоннами, где недостаток выучки компенсировался натиском и энтузиазмом. Это положение усугублялось тем, что состоящее на вооружении ружье модели 1777 г. было, видимо, одним из худших в Европе.

В течение периода Консульства и Империи структура пехотных частей претерпевала постоянные изменения. При подготовке к дальнейшим войнам были созданы «лагеря на океаническом побережье» (camps des cotes de L'Ocean), сыгравшие большую роль в реформировании армии. Первый консул всеми силами стремился вернуть армию хотя бы к относительному единообразию, восстановить традиции боевого прошлого, улучшить качество подготовки и материального обеспечения армейских частей. В сентябре 1803 г. было восстановлено название "полк" вместо "полубригада". В марте 1804 г. в батальонах легкой пехоты были созданы так называемые роты "вольтижеров", а в сентябре 1805 года подобные роты были организованы и в линейной пехоте. Вольтижеры ("Voltigeur" - от глагола "voltiger" – порхать, "быстро перемещаться с одного места на другое") были созданы как роты, предназначенные выполнять функции застрельщиков в бою. Именно они и стали той "легкой пехотой", которая всегда была в авангарде в стрелковой цепи и главные функции которой состояли в «беспокоящем» огне по боевым порядкам противника. Кроме вольтижеров был ещё один тип элитных солдат – гренадеры (в лёгкой пехоте - карабинеры), в которые отбирали высокорослых рекрутов и которые выполняли функции ударных (shock) или штурмовых частей. Для увеличения эффективности пехоты элитные части не стали сводить в отдельные формирования, а оставили для усиления обычных подразделений. Каждый батальон, не меня общей численности, имел одну элитную роту солдат высокого роста (гренадер или карабинеров), 7 рот центра и 1 элитную роту солдат низкого роста (вольтижеров).

Период 1806–1811 гг. был временем наивысшего расцвета французских вооружённых сил. Помимо модернизации структуры, было проведено несколько других важных мероприятий. Была введена новая, более удобная униформа; модифицировано вооружение; ещё более увеличена численность артиллерии.

Императорская гвардия превратилась в самое сильное в Европе боевое подразделение. Аустерлиц и последующие войны с Россией и Пруссией подтвердили правильность этих решений. Достаточно сравнить французскую армию с прусской. Прусский солдат был обязан рабски повиноваться начальству; он не мог улучшить свое положение, как бы храбро и исправно он ни сражался. Офицеры набирались из дворян, и были офицеры, которые хвалились жестокостью своего обхождения с солдатами, именно в этом видя истинную дисциплину. На поле боя прусская армия отличалась неповоротливостью. Генералами становились уже под старость, либо по протекции и знатности своего происхождения. В середине XVIII в., когда эти порядки существовали во всех армиях, можно было побеждать в Семилетнюю войну. Но со времени Фридриха II прошло 40 лет, а в Пруссии все осталось по-прежнему, только уже без Фридриха, а с герцогом Брауншвейгским и другими убогими в умственном отношении, но зато богатыми и титулованными генералами. Итог был неутешительным: ещё не все пруссаки были в курсе того, что война с Францией началась, как она уже закончилась. Что касается австрийской армии, то она была примерно равна французской по боевой эффективности, при этом даже несколько превосходила по кавалерии. Но бездарность высшего командования приводила к поражениям.

Императорским декретом от 18 февраля 1808 г. вся структура французских пехотных частей была вновь изменена. Отныне линейная и легкая пехота были организованы одинаково. Все полки с этого момента должны были иметь пятибатальонный состав: четыре батальона несли службу в рядах действующей армии и назывались боевыми, а пятый оставался в депо. Это делалось для более быстрого пополнения действующих частей в случае больших потерь. Резервный батальон мог пополнить потери быстрее и эффективнее. Боевые батальоны имели теперь в своих рядах только шесть рот: одна гренадерская или карабинерская, 4 роты центра и одна вольтижерская, что позволило достичь большей гибкости. Ещё усилилась артиллерия, в битве у Ваграма в 1809 г. было задействовано более тысячи орудий и именно превосходство французских артиллеристов во многом решило исход битвы.

Созданная для войны с Россией «Великая армия» была огромна по своей численности, но её качество как боевой единицы было уже ощутимо ниже. Рекрутские наборы из Франции были довольно большими (в самом конце 1811 г. был заранее призван набор 1812 г., давший всего около 120 000 человек), поэтому значительную часть армии составляли новобранцы, которые значительно уступали ветеранам. Кроме того, все государства, союзные с Францией или находившиеся от нее в вассальной зависимости, должны были выставить со своей стороны контингенты, согласно союзным договорам. Пруссия не горела желанием участвовать, но воспоминания о разгроме 1806-1807 гг. были слишком свежи для того, чтобы Фридрих-Вильгельм III взял на себя смелость новой войны с непобедимой Францией. Поэтому прусское правительство после недолгих колебаний решило примкнуть к Франции и выставило 20 000 человек. Был заключён аналогичный договор с Австрией, которая была самым непримиримым противником Франции. По этому договору Австрияставляла отдельный корпус под начальством князя Шварценберга численностью 30 000 человек. Таким образом, в момент перехода через Неман численность «Великой армии» достигала 449 000 чел. Но, несмотря на эту громадную цифру, скоро после вступления в Россию обнаруживалась недостаточность этих сил, и Наполеон потребовал ряд подкреплений из запасных отрядов. С учетом последних боевая сила достигала неслыханных прежде размеров: 612 000 человек. По национальностям войско распределялось примерно так: около половины его (300 000 человек) составляли французы и жители вновь присоединенных к Франции стран;

немцев из Австрии, Пруссии и государств Рейнского союза было 190 000 человек; поляков и литовцев — 90 000 человек; 32 000 итальянцев, иллирийцев, испанцев и португальцев. Из всего этого многообразия союзников лишь поляки и итальянцы заслуживали полного доверия, причём боевые качества итальянцев часто оставляли желать лучшего. Немцам же в массе своей эта война была не нужна и их мотивация была откровенно низкой (кроме, пожалуй, саксонцев), а некоторых вообще бы устроило поражение (австрийцы, пруссаки). Это объясняет события конца 1812-1813 гг., когда эти «союзники» и «протектораты» стали один за другим выступать против Наполеона.

Огромные потери в России так и не удалось восполнить, погибла большая часть ветеранов. Поэтому в большинстве пехотных частей, сражавшихся в 1813-1814 гг., реальная численность полков едва доходила до двух батальонов (при норме в 5-7). Огромный численный перевес антифранцузской коалиции давал о себе знать. После нескольких побед французская армия была буквально раздвлена союзниками под Лейпцигом, немалую роль в поражении сыграло предательство (саксонцы наконец поняли, за кем будет победа в войне и в самый ответственный момент повернули оружие против французов). После Лейпцига Францию оборонял уже больше военный гений Наполеона. Качество армии снизилось, большую часть её уже составляли новобранцы. Даже в таких обстоятельствах Наполеон мог наносить врагам ощутимые поражения, но ему не удалось сдержать натиск союзников. Итогом стало отречение Наполеона и первая реставрация Бурбонов, которые практически не изменили структуру армии, правда, значительно сократив её численность.

В период Ста дней по возвращении Императора с острова Эльбы армия снова увеличилась в численности за счет призыва солдат, находящихся в бессрочных отпусках, а также за счет добровольцев (многие солдаты носили гражданскую одежду). Но эта армия не шла ни в какое сравнение с элитными британскими солдатами. При Ватерлоо французам так и не удалось сломать «тонкую красную линию» английской пехоты, хотя британскую конницу потрепали довольно сильно (в том числе знаменитых «Шотландских серых»). Во время второй реставрации вся французская армия, как оплот бонапартизма, была полностью расформирована.

¹ Данные аспекты пока слабо затронуты в отечественной историографии. Наиболее серьезным исследованием армии Наполеона в России на сегодня является труд О.В. Соколова (Соколов О.В. Армия Наполеона. М., 2000).

*Ломоносов М.Ю.
Пермский государственный университет*

КОСОВСКИЙ МИФ И XIX ВЕК: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Современные исследователи Косовского мифа зачастую ведут его начало со времен Средневековья, усматривая истоки в сербском эпосе косовского цикла или церковной косовской легенде (З. Баин¹, Т. Эммерт², М. Готтфрид³, М.В. Белов⁴). Следствием подобной позиции является представление о многовековой укорененности Косовского мифа в сербском народном сознании.

Эта статья выражает собственную позицию автора относительно времени возникновения Косовского мифа, говорить о котором, на наш взгляд, можно не ранее первой половины XIX в. Методологическим инструментарием исследования является конструктивистская теория этноса.

Конечно, следует признать, что средневековый сербский эпос несет многие признаки мифа. А.Ф. Лосев называл одной из главных черт мифа его обоб-

щающий характер с одной стороны и чувственный – с другой. Абстрактные, общие идеи совпадают здесь с конкретными вещами⁵. Так, сербская эпическая традиция не разбирает сложный 70-летний процесс перехода сербских земель под турецкое владычество, а называет конкретную дату – день битвы на Косовом поле (эпические песни «Мусич Стефан», «Мурат на Косовом поле»). Осязаемым воплощением политической раздробленности единого сербского государства и, как следствие, несогласованности в рядах сербских войск явилась фигура «предателя» Вука Бранковича («Пир у князя Лазаря», «Царь Лазарь и Царица Милица», «Царица Милица и воевода Владета»). Борьба христиан против наступления османов и жертвы этой борьбы находят олицетворение в четко очерченных образах героев-патриотов Милоша Обилича, Ивана Косанчица, Милана Топлици, Юг-Богдана и его сынов. Характерны для косовского повествования и иные признаки мифа⁶, например неоднородность пространства, центром которого являются сербские земли, а враждебной силой – турецкое государство во главе с султаном Мурадом («Мурад на Косовом поле»). Героями песен являются в той или иной степени сакральные персонажи («благочестивый царь Лазарь», «славный воевода Милош»). Таким же образом можно разобрать косовскую церковную легенду (комплекс религиозных сочинений о св. Лазаре), фресковую живопись и гравюры, выполненные в XVII-XVIII вв.

Однако нам представляется более уместным не выискивать во всех этих произведениях народного и церковного творчества начало Косовского мифа, а рассматривать их естественно, т.е. именно как героический эпос и легенду. Здесь еще не содержится основных идей Косовского мифа о борьбе за национальную независимость, восстановление Сербского царства, возвращение Косова, отмщение туркам. Все это рождает у нас мысль, что до XIX в. Косовского мифа как некоторой более или менее целостной мировоззренческой конструкции в сербском народном сознании не существовало. Наличествовали только эпос, церковные легенды, легендарные народные предания, не объединенные в общенародную идею. В них, по нашему мнению, более правильно видеть не «корни» или «кисточки» Косовского мифа, а лишь широко известные среди южных славян сюжеты – элементы и детали, которые были впоследствии взяты на вооружение сербской элитой для конструирования национальной идеологии в ходе борьбы за создание независимого государства.

Косовский миф мы предлагаем рассматривать исключительно как миф национальный, который формировался в рамках политической идеологии этнонационального движения. Его конструированием занимались представители культурной и политической элиты Черногории и Сербского княжества. Оглушительный успех этой идеологической конструкции объясняется тем, что этот процесс получил поддержку со всех сторон: общественного мнения, представителей «национального возрождения» в других странах Европы и великих держав, которые в ту пору решали Восточный вопрос.

Первым произведением, где народная эпика была использована в целях национальной консолидации, стало "Сражение страшно и грозно между сербима и турцыма на полю Косову, под князем Лазаром, случившееся у 1389-м лету юния 15 дана" (1805) Г. Ковачевича. Центром повествования является известный по эпосу «пир у князя Лазаря», который удивительным образом напоминает Тайную Вечерю Иисуса. Одним из главных персонажей является рыцарь Милош Обилич, оклеветанный как Иуда, на самом деле – патриот, собирающийся ценой своей жизни спасти войска Лазаря от поражения. Так в поэме Г. Ковачевича христианская идея уравнивается с патриотическими призывами.

В 1828 г. Й. Попович публикует героическую драму «Милош Обилич». Главными персонажами произведения являются герои эпических песен Милош

Обилич и Иван Косанчич. Разговор между ними описывает трагическое положение Сербии перед Косовской битвой, которое скорее напоминает современное автору положение вещей. И в этом произведении ведущей темой является тема героизма и патриотического самопожертвования, трусость и своекорыстие подвергаются осуждению. Драма носит пропагандистский характер.

С момента опубликования этих произведений маховик подобного творчества раскручивается с головокружительной быстротой. В 1835 г. увидела свет драма И. Николича «Царь Лазарь». В 1837 г. в Лейпциге выходит трагедия «Обилич» С. Милутиновича-Саралии. П. Негош пишет известную поэму «Горный венец» (1847), в которой развивает новые идеи: требование отмщения за Косово, вложенное в уста патриарха Данило и презрение к предателям, в т.ч. к отступникам от «веры отцов». Косовская тема в сербской литературе продолжается во второй половине XIX в. творчеством М. Бана («Царь Лазарь», 1858), Й. Суботича («Милош Обилич», 1866) и М. Цветича («Лазарь», 1889). Драматические произведения ставятся на сценах театров Белграда и Нови Сада.

Непрекращающийся поток литературных произведений, посвященных Косовской битве 1389 г. дополняют музыкальные произведения и работы художников. В 1902 г. появляется «комада с певаньем» «Женитьба Милоша Обилича» Б. Йоксимовича. Героев Косовской битвы изображают на своих полотнах романтические художники отец и сын Чортановичи, П. Симич, Н. Радонич, Дж. Якшич («Князь Лазарь»). На этом поприще работает литограф и художник А. Стефанович, который своей гравюрой «Бой на Косовом поле» возобновил традицию графического изображения события, заглохшую в конце XVIII в. Во второй половине XIX – начале XX вв. к теме сражения обращаются художники-реалисты П. Йованович, И. Рендич, М. Мурат, Дж. Крстич («Смерть царя Лазаря», 1881; «Обретение головы князя Лазаря», 1905) и У. Предич.

Начиная с 1840-х гг. арсенал работ, совместно формирующих молодой национальный миф, пополняется историческими трудами. Впервые битва на Косовом поле 1389 г. выделяется как отдельный сюжет для исследования. На смену общим трудам по истории Сербии (Й. Раич, П. Юлинац) приходят узкие работы, посвященные сражению⁷. С 1889 г. за дело конструирования политической идеологии молодой сербской нации берется белградское правительство, организуя в июне помпезное многодневное празднование 500-летней годовщины битвы на Косовом поле. Процессию из Белграда в Крушевац (стольный город князя Лазаря) возглавляет лично король Александр. Ко времени начала первой Балканской войны Косовский миф становится знаменем борьбы за присоединение Косова к Сербскому государству⁸.

Косовский миф конструируется не только сербской элитой. Интеллектуалы многих стран Европы вовлекаются в этот процесс. Сербские эпические песни переводят крупнейшие поэты мира – И. Гёте, А. Пушкин, А. Мицкевич. Последний пишет специальный литературоведческий труд о сербской народной поэзии⁹. Материалы, собранные В. Караджичем регулярно публикуются в хорватском «иллирийском» журнале «Даница» и русском «Вестнике Европы». В России популяризацией сербского эпоса занимается А. Соколов, в 1860-е гг. в научную командировку на Балканы отправляется сам А.Ф. Гильфердинг. Постепенно создаются исторические произведения, обращающие внимание на косовские события 1389 г.¹⁰

Важным фактором того, что Косовский миф как политический конструкт не был «задушен в своей колыбели», явилась поддержка процесса «национального возрождения» и национальных идей, бытовавших в XIX в. на Балканах, великими державами. Своеобразной кульминацией этого стало провозглашение Великобританией в 1915 г. 28 июня Косовским днем.

Итак, в этой статье мы попытались обосновать собственные взгляды на Косовский миф. По нашему мнению, последний начал формироваться не в эпоху Средневековья, а в первой половине XIX в. - период «национального возрождения» на Балканах. Творцом Косовского мифа явилась сербская и черногорская элита, которая использовала для его конструирования средневековые исторические сюжеты, бытовавшие в ту пору среди сербов (легенды, предания, отчасти эпос). По своей сути Косовский миф – миф национальный, успех которого был обусловлен как внутренним, так и внешним признанием.

¹ Bajin Z. Battle of Kosovo as a Historical Myth // http://www.iis.unsa.ba/institut/du_zoran.htm

² Emmert Th. The Kosovo Legacy // Kosovo. Alhambra, 1992 //

http://www.kosovo.net/sk/history/dorich_kosovo/kosovo11.htm

³ Gottfried M. The events surrounding the Battle of Kosovo and its cultural effect on the Serbian people // <http://www.kosovo.net/kosbitka.html>

⁴ Белов М.В. Косовская легенда: от церковного культа до национального мифа // <http://www.srpska.ru/article.php?nid=5077>

⁵ Лосев А.Ф. Мифология // Философская энциклопедия: В 5-ти тт. Т. 3. М., 1968. С. 457-458.

⁶ См. напр.: Неклюдов С.Ю. Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. М., 2000. С. 17-38.

⁷ См., например: Малетий Ѓ. Историческо-критическое описание битке Косовопольске г. 1389. Нови Сад, 1847.

⁸ Trgovcević Lj. The Kosovo myth in the First World War // Old Serbia and Albanians. Beograd, 1999 // http://www.rastko.org.yu/kosovo/istorija/sanu/KOS_MIT.html

⁹ Мицкјевич А. О српској народној поезији. Цетиње, 1955.

¹⁰ См. напр.: Палаузов С.Н. Исторический очерк истории Сербского государства до конца XV столетия. М., 1845.

Иванов Д.Н.

Государственный музей политической истории России

БОРЬБА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА С КОНТРАБАНДНОЙ ТОРГОВЛЕЙ НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ЧЕРНОГО МОРЕЯ В 1830-1840-Е ГГ.

В 1830-1840-е гг. одной из основных проблем, стоявших перед Черноморским флотом, была поддержка действий сухопутных войск на Кавказе. Немалое значение придавалось противодействию контрабанде на восточном побережье Черного моря, которой занимались горцы, турки и англичане.

Относительно контрабанды, осуществляемой черкесами, мы располагаем письмом неизвестного автора, датировемым 1843 г.¹, в котором рассматривается эта проблема. В Константинополе проживало около 400 черкесов, в распоряжении которых находилось 4 судна (два - под турецким флагом), которые перевозили «тюки с товаром» (по сведениям автора – порох и свинец). Два судна имели по 2 пушки, еще для одного приискивалось два орудия. На всех судах сверх экипажа находились крепкие черкесы средних лет (на одном – 27, на остальных – по 40). Горцы планировали купить еще одно судно под турецким флагом. Маршрут судов был: Хадже-Скелесси – Суждук-Кале (около русских укреплений) – Треби-Скелесси – Водона-Скелесси – Субаши-Скелесси (возле русских укреплений). Достигнув Абхазии, они заводили суда вверх по рекам и в августе возвращались в Турцию с грузом невольников, ежегодно вывозя до 4000 рабов².

Большую роль в контрабандной торговле с черкесами играли турки. В 1838 г. с мыса Вона к берегам Абхазии «беспреданно» отходили турецкие кочермы. Они боялись пароходов и при их появлении не выходили в море³. Результатом этого стало установления крейсерства русских судов вблизи мыса⁴. В 1837 г. А.П. Бутенев дважды обратил внимание турецкого правительства на

связи турок с горскими народами России. В результате Требизундскому паше было послано везирское предписание положить конец связям жителей его края с горцами⁵. Однако ощутимых результатов достичь не удалось, тем более что у многих турецких чиновников в Черкесии были родственники, и контрабандисты пользовались их скрытым покровительством⁶. России приходилось применять к контрабандистам все более жесткие методы. В 1839 г. русским крейсерам было предписано разбивать ядрами суда, вытасценные на абхазский берег⁷.

Что касается случаев задержания турецких судов, то их достаточно мало. 30 мая 1836 г. тендер «Соловей» напротив мыса Мамах задержал пытавшееся скрыться судно, успевшее спустить на воду баркас, который с частью груза сумел скрыться. Турки признались в стремлении продать свои товары черкесам, ссылаясь на незнание существующих порядков. На судне были изъяты ткани, платки, набойки, сафьян, а так же 15 фунтов пороха; стали 2 пуда 20 фунтов; железа 12 пудов 28 фунтов, свинцовых пуль 1 пуд.⁸ Другой случай связан с задержанием турецкого брига русскими крейсерами около Анапы в 1832 г. Согласно показаниям задержанных, проходя мимо Сунджук-Кале шкипер, будучи в подпитии, собрался зайти в бухту, чтобы встретиться с русским капитаном, с которым он познакомился в 1831 г. Встав на якорь в сумерках, он занял место только что отошедшего судна. Шкипер заявил, что будет ждать возвращения этого судна, а тем временем часть товаров была сгружена горцам. На следующий день военное судно арестовало бриг и отвело его в Геленджик⁹. Немалая часть контрабанды перевозилась более простым способом. В одном из донесений российского посольства в Турции за 1837 г. сообщалось, что от черкесских берегов «вышло несколько десятков каяков, которые успели достичь Турции»¹⁰.

Наибольшую опасность для России представляла английская деятельность на Кавказе, носившая разноплановый характер. Если говорить о контрабандной торговле, то единственным «успехом» крейсеров стала шхуна «Виксен», задержанная 14 ноября 1836 г.¹¹ После задержания удалось установить, что с ее борта в Суджук-Кале сошел человек, возможно бывший посланником египетского паши¹². Кроме того, на основании косвенных данных было установлено, что «Виксен» доставил горцам 8 орудий, много ружей и шашек, 200 бочонков пороха по 4 пуда¹³. Главной фигурой в этом деле был задержанный на борту шхуны Белл, купец и английский консул в Португалии¹⁴. Впоследствии он неоднократно бывал у горцев и оказывал им помощь в борьбе с Россией. Впрочем, англичане и не скрывали целей экспедиции¹⁵.

Сообщения о подобных действиях англичан поступали часто. В 1837 г. стало известно, что шхуна «Уизард» находилась в Новороссийской гавани для отыскания потопленных в 1827 г. турецких орудий, которые предполагала поднять, чтобы доставить черкесам. Совладельцем шхуны был секретарь английского посольства Уркварт¹⁶. В том же году в Черкесию с контрабандой отправился бриг «Эмма»¹⁷. В 1839 г. Лазареву сообщили, что судно «Роберт» следует не с балластом, как было указано в документах, а с военными припасами¹⁸. Порой контрабанда была весьма серьезной. В 1837 г. А.П. Бутенев сообщил об отплытии в Черное море шхуны "Yamouth" для передачи черкесам пороховой мельницы и механика, который должен был обеспечить ее функционирование¹⁹. Операция англичанам удалась.

В 1837 г. стало известно о планах Белла отправиться в сопровождении еще двух лиц к горским народам. Он был снабжен паспортом в Черное море от английского посла. В том же году английское судно с корреспондентом "Morning Chronicle" Лонгвортом на борту предприняло попытку попасть в Абхазию. Белл, а чуть позже и Лонгворт, прибыли в Трапезонд, откуда вместе с еще одним европейцем убыли к Черкескому берегу на английском судне с грузом товаров из

Константинополя²⁰. Уже в Черкесии к ним на время присоединились два друга-англичанина²¹. Согласно донесению из Буюкдере, черкесы вначале готовы были смириться с владычеством России, но Лонгворт, Белл и третий англичанин сумели «возмутить старейшин, опять уверили их в участии и покровительстве Англии»²². Белл именовав себя английским посланником и подарил черкесам знамя, якобы присланное английским королем, которое называл знаменем независимости²³. По распоряжению Белла около пристани абхазов начали строить шхуну, по его заказу из Трабизонда в Черкесию было поставлено пороха на 5000 турецких пиастров, который был благополучно перевезен, но само судно позже было захвачено русскими крейсерами. Лонгворт купил в Синопе большую лодку и доставил на ней в Черкесию товаров на 30 000 пиастров (железо, серу, английские изделия)²⁴. В 1839 г. три английских инженера отправились в Самсун для следования в Черкесию. Находясь в Константинополе, они встречались с Лонгвортом. Перед путешествием они заручились рекомендательными письмами от влиятельных горцев. В Самсуне они перед отправлением запаслись военными припасами. Сам Лонгворт также собрался вновь ехать к горцам²⁵.

На Кавказ проникали английские военные: в 1837 г. с восточного берега Черного моря прибыли капитан Маррин и лейтенант Идо. Маррин «в скором времени» намеревался вернуться в Черкесию для присоединения к Беллу и Лонгворту и хотел получить рекомендательные письма от проживавших в Константинополе горских выходцев. Идо предполагал отправиться в Англию, везя образцы свинцовых, металлических и других руд на предмет использования их для защиты непокоренных Россией жителей²⁶. Тогда же в Самсун прибыли полковник Консидейн и капитан Смит, о намерениях которых не было достоверных сведений²⁷. В 1839 г. англичанин Найт, уже побывавший в 1838 г. на Кавказе, собрался отправиться в сопровождении артиллерийского унтер-офицера, солдат и нескольких орудий в Черкесию²⁸.

Каждый раз, как становилось известно о попытке проникнуть в Абхазию со стороны англичан, турок или черкесов, из Николаева рассылались предписания усилить действия крейсеров и принять меры к задержанию нарушителей. Обычно эти меры результатов не давали. Контрабандистов задерживали редко и часто после того, как им удавалось передать груз.

Самой масштабной была турецкая контрабанда. Но она состояла из оружия и боеприпасов и не могла повлиять на положение России в регионе. Наиболее опасной была деятельность англичан, которые оказывали материально-техническую и военно-политическую помощь, снабжая горцев оборудованием для развития местного производства боеприпасов, инструкторами и агентами, способными поддержать в местном населении волю к борьбе с Россией.

В целом действия русского военно-морского флота по предотвращению контрабандной торговли и проникновения иностранцев в Черкесию были малоэффективны, но оказывали сдерживающее влияние, не давая заинтересованным сторонам серьезно осложнить положение России в Кавказской войне.

¹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1354. Лл. 2-3 об.

² РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3933. Лл. 25-27, Д. 3584. л. 83.

³ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1097. Лл. 1-1 об.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3584. Л. 98

⁵ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 429. Л. 1

⁶ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3584. Лл. 83-83 об.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1043. Лл. 1-1 об.

⁸ Там же. Д. 241. Лл. 3-4, 6-8.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 541. Лл. 1-2 и 6-8.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3751. Л. 1.

¹¹ Там же. Лл. 1-1 об.

¹² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Лл. 7, 60, 63, 72.

¹³ Там же. Л. 63.

¹⁴ Там же. Лл. 59 об. -60.

¹⁵ М.П. Лазарев: Документы. М., 1955. Т. 2. С 259.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 243 Оп. 1. Д. 3584. Лл. 16-16 об.

¹⁷ Там же. Лл. 86-86 об.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1098. Л. 4.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3584. Л. 89; Д. 3751. Л. 1 об.

²⁰ Там же. Лл. 1 об. -2 об.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3584. Л. 78.

²² Там же. Д. 3751. Л. 1 об.

²³ Там же. Д. 3584. Л. 78.

²⁴ Там же. Лл. 78-79

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1098. Лл. 2-2 об.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3751. Лл. 14-16.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1275. Лл. 1 об.-2 об.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3584. Лл. 125-125 об.

*Бороздин С.С.
Уральский государственный университет*

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ (30-Е – НАЧАЛО 50-Х ГГ. XIX В.)

Как правило, при рассмотрении политики европейских держав в отношении Османской империи на первый план выдвигаются экономические и политические аспекты, при этом религиозному фактору не уделяется существенного внимания. Между тем без учета религиозной составляющей крайне сложно создать целостное представление о процессах, протекавших в регионе на протяжении двух десятилетий, которые предшествовали наиболее острому за всю историю Восточного вопроса кризису, приведшему в итоге к Крымской войне.

После вмешательства России в турецко-египетский конфликт на стороне султана Махмуда II и подписания Ункяр-Искелесийского договора (1833 г.) она приобрела статус гаранта целостности и самого существования Османской империи. Именно с указанным событием совпадает активизация миссионерской деятельности (прежде всего католической) в Палестине при финансовой и политической поддержке правительства Луи-Филиппа. Следует заметить, что в ближневосточной политике Франции религиозному фактору отводилась более значительная роль, чем в британской политике. Англиканские миссии в Палестине появились раньше католических, но результаты их работы оказались не столь значительными. Успеху католиков, которых православные начинают именовать не иначе как франками, в немалой степени способствовал захват Палестины египетскими войсками. В целях укрепления своих позиций на фоне возросшего российского влияния в регионе Франция могла использовать благоприятные отношения с Египтом для развёртывания работы католических миссий в ближневосточных владениях Мухаммеда-Али, где проживало значительное христианское, по преимуществу православное, население¹.

Важным шагом католической Церкви на Ближнем Востоке явилось учреждение епископства в Иерусалиме. Таким образом, на канонической территории православного Иерусалимского патриархата появилось иноцерковное представительство, наделенное правом ведения миссионерской деятельности. Фоном данного события служил глубокий кризис Иерусалимского патриархата, обусловленный прежде всего многочисленными финансовыми злоупотреблениями со стороны руководства Дамасского пашалыка и администрации Иеруса-

лимского санджака, на которые в центре предпочитали закрывать глаза. Подобная позиция стамбульских властей вполне объяснима в свете событий вокруг Греции. В православных патриархатах, располагавшихся в пределах Османской империи, высшие ступени иерархии были заняты в большинстве своем этническими греками. После начала Греческого восстания в 1821 г. первый удар принял Константинопольский патриархат, патриарх Григорий был повешен. Иерусалимское духовенство избежало подобной участи, но испытало на себе финансовые притязания местных пашей. По сообщению работавшего в Бейруте российского консула К.М. Базили, православные иерархи под угрозой физической расправы должны были выплачивать требуемые властями суммы денег. В результате Иерусалимский патриархат приобрел серьезную задолженность перед ростовщиками и даже вынужден был пойти на переплавку золотой церковной утвари, полученной в дар еще от византийских императоров.

Следует отметить, что в данном случае Николай I не предпринял серьезных попыток изменить сложившуюся ситуацию, несмотря на то, что за российским императором был закреплён статус защитника интересов православного населения Османской империи. Только после окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг., когда зашла речь о распродаже святых мест, российская сторона поставила перед султаном вопрос об отсрочке долгов Иерусалимского патриархата на 10 лет, получив на него положительный ответ. В 30-е гг. Палестина не рассматривалась как приоритетное направление ближневосточной политики России, российское правительство на данном этапе не приняло участия и в погашении долга патриархии. После заключения Ункяр-Искелесийского договора Палестина вызывала интерес лишь в качестве потенциального театра боевых действий в случае войны с Египтом².

Четко выраженный религиозный оттенок политика России на Ближнем Востоке приобретет в 40-х гг. XIX в., это напрямую связано со вторым турецко-египетским конфликтом (1839-1840) и итогами Лондонской конференции (1840-1841), в результате чего были подорваны российские позиции в регионе. После установления режима коллективной опеки держав над Османской империей Россия стала лишь одним из субъектов ближневосточной политики, не обладающим приоритетом. Подобный ход событий заставил российское руководство искать пути восстановления влияния на Ближнем Востоке, что в свою очередь способствовало пробуждению интереса к ситуации вокруг Иерусалимского патриархата. Патриархия начинает получать финансовую поддержку. В 1847 г. учреждается Русская Духовная миссия в Иерусалиме, одной из задач которой было оказание содействия Иерусалимскому патриархату в борьбе с оттоком паствы, массовым переходом православных арабов в католичество. Миссии имели покровителя в лице Франции, это гарантировало защиту от произвола властей, что привлекало христианское население. К тому же в миссионерских школах предоставлялась возможность получения качественного образования и овладения иностранным языком, что открывало перспективу продолжения обучения в Европе. Учебные заведения, существовавшие при православных монастырях, не могли сравниться по уровню даваемого образования с католическими и протестантскими школами. Российское содействие в деле увеличения численности православных школ и выделение средств на открытие типографии учебников в Бейруте не принесло желаемых результатов, в том числе из-за недостаточной подготовки преподавателей, комплектовавшихся из монахов, которые, по замечанию русского путешественника, посетившего одну из подобных школ, могли обучить только навыкам чтения и письма³. Противостояние католиков и православных нередко приобретало вид ожесточенных столкновений, приводившим подчас к человеческим жертвам. Как правило,

причиной подобных конфликтов являлось стремление установить контроль над святыми для христиан местами. Протестанты дистанцировались от участия в этих столкновениях. Особенно ожесточенная борьба велась за помещения храма Гроба Господня в Иерусалиме и храма Рождества в Вифлееме. Помимо православных и католиков активное участие в переделе храмовых территорий принимали армяне. Таким образом, внутренние площади важнейших для христиан храмов оказались в массе своей разделенными между тремя церквями.

Вплоть до начала 50-х гг. указанные конфликты не содержали политического компонента. Но после смены правящего режима во Франции и прихода к власти Луи Бонапарта роль религиозного фактора в ближневосточных событиях серьезно возрастает. Разногласия между католиками и православными постепенно переходят на межгосударственный уровень. Для России, имевшей в лице иерусалимского патриарха Кирилла единственно возможного проводника своего влияния в Палестине, ситуация осложнилась в связи с внутренними проблемами патриархата, связанными с противоречиями между греческим духовенством и православными арабами. Существенный урон авторитету духовенства наносило занятие деятельностью, мало совместимой с его призванием, например, содержание питейных заведений и покупки виноградников⁴.

Сотрудничество с Иерусалимским патриархатом едва ли могло сыграть для российской стороны позитивную роль. Возможным вариантом решения проблемы могла стать война с Османской империей при расчете на укрепление российских позиций в регионе по условиям мирного договора. Повод для конфликта был найден в передаче ключей от Храма Рождества католикам. Это событие шло в русле противостояния католиков и православных, под знаком которого прошли 30-е и 40-е гг., но Россия отреагировала на него несопоставимо жестко, что проясняет линию Николая I на эксплуатацию религиозного фактора с целью спровоцировать конфликт с Османской империей. Наполеон III внес свой вклад в обострение Восточного вопроса потребовав от Порты признать права католиков на владение Храмом Рождества и изъять его из ведения Иерусалимского патриархата в нарушение принципа религиозной автономии миллетов. Немаловажную роль в успехе католиков сыграло подрванное доверие султана к стоявшему во главе христианско-православного миллета константинопольскому патриарху и другим греческим первосвященникам после событий, произошедших на Балканах.

¹ Попытки распространения христианского учения в мусульманской среде жестко пресекались. Сами вероотступники подвергались смертной казни.

² Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 1962. С.98.

³ Н.Ст-н. Путевые заметки о Сирии и Палестине в 1844-1847 годах // Сирия: история, народ, культура. М., 2002. С. 47-48.

⁴ Берг В.Н. Странствия по белу свету. //Путешествия в Святую Землю. М., 1995. С.215.

*Бугрова М.С.
Московский государственный университет*

ПЕРЕПИСКА Р.ХАРТА С ДЖ.Д. КЭМПБЕЛЛОМ И КИТАЙСКИЕ МОРСКИЕ ТАМОЖНИ

В отечественной и западной историографии существует точка зрения, что 5% налог¹, взимаемый Китайскими Морскими таможенными в открытых в ходе опиумных войн портах Китая, - еще недостаточный фактор для того, чтобы говорить о ключевой роли данного учреждения в истории Китая второй половины XIX в. Однако функции его, по сути своей, не сводились к чисто таможенным.

Дипломатическое и военное воздействие на китайское правительство со стороны иностранных государств оставалось неэффективным. Прозрачность же работы таможен и регулярное поступление доходов в центральную казну Китая вело к росту авторитета и доверия к Генеральному Инспектору таможен Р.Харту и превращению его в британского агента влияния в Китае, а Китайских Морских таможен – в орган косвенного финансового контроля.

Харт был ключевой фигурой, принимающей решения и превратившей таможенную организацию в центр по решению внешней политики китайского империи². В связи с этим, материалы таможен и частная переписка Роберта Харта с его доверенным лицом в Лондоне, Д. Кэмпбеллом, представляет чрезвычайный интерес для исследователя. Харт писал своему агенту в Лондоне, Кэмпбеллу с 1868 по 1907 г. Существуют два опубликованных варианта переписки. Один – англоязычный, изданный под редакцией Д.Фэрбанка (содержащий лишь письма Харта)³, второй – на китайском языке (в котором содержатся телеграммы Харта и ответы Кэмпбелла) – «Секретный архив Китайских Морских таможен, собрание телеграмм Харта и Кэмпбелла»⁴. Тексты телеграмм Харта в английском и китайском варианте совершенно не имеют ничего общего по своему содержанию, хотя и имеют идентичную нумерацию.

В 60-х гг. XIX в. на территории Китая не было ни железных дорог, ни телеграфа, ни почтовых служб. С момента отправки письма из Пекина до получения ответа из Лондона могло пройти 2-3 месяца. Письма по почте отправлялись Хартом с периодичностью один раз в две недели. Общее их число составило около 1500. Данная переписка не содержала гриф «секретно» и хранилась в архиве Лондонского офиса таможен. Приходившие же почти ежедневно телеграммы с шифром «секретно» Кэмпбелл забирал к себе домой. Ответные письма Кэмпбелла Харту 1868-1907 гг. сгорели вместе с домом последнего в Пекине во время восстания ихэтуаней 1900-1901 гг. Однако Кэмпбелл имел привычку сохранять копии. После кончины Кэмпбелла в 1907 г. его супруга передала личную переписку сыну Харта, Брюсу, получившему назначение на должность ее покойного мужа, а после ликвидации офиса они попали в китайский архив таможен. После смерти Р. Харта в 1911 г. Инспектором таможен в Китае стал Ф. Аглен, по поручению которого в 1924 г. в Лондонском офисе были сделаны две копии с документов: одна для Пекинского офиса, вторая – для Лондонского. Когда Ф. Аглен временно оставил свой пост в 1928 г., он увез из Пекина часть переписки в Англию. В 1930 г. Ф. Мазэ стал новым Генеральным Инспектором таможен и переправил две копии переписки в Гонконгскую и Шанхайскую банковскую корпорацию. Последним начальником таможен Ли Ду после освобождения Шанхая в 1949 г. одна копия была увезена на Тайвань, а впоследствии – в Америку, попав в Гарвардский университет. В 1947 г., когда Лондонский офис был закрыт, документы частично вернулись в Китай, попав в библиотеку таможен в провинции Цзянсу, которая в настоящее время находится в Втором Историческом архиве КНР. В 1965 г. копии писем за 1874-1877 и 1898-1906 гг. переправили в библиотеку Колледжа Лондонского университета по исследованию стран Азии и Африки.

В 1970 г. скончался внук Харта, и оставленные им многочисленные бумаги деда, включающие 77 томов его журнала, были переданы в королевский колледж Университета в Белфасте. Летом 1971 г. группа американских ученых из Центра по изучению Восточной Азии Гарвардского Университета отправилась в Белфаст ознакомиться с новым источником. В результате проделанной работы, в 1975 г. директор Центра по изучению Азии и Африки Гарвардского университета, профессор Фэрбанк, опубликовал переданные Ли Ду материалы переписки, назвав «Генеральный инспектор таможен в Пекине»⁵. Данная книга

содержит письма Харта Кэмпбеллу, но в ней нет ответов Кэмпбелла Харту.

Благодаря работе китайских ученых и расшифровке имен, мест, сокращенных названий организаций и т.д. научным кругам был представлен богатейший источник по изучению истории китайской таможни нового времени. Таможня принимала участие во внешней и внутренней политике цинского правительства. Например, китайские таможни и западные банки превратились во влиятельный союз с господством английского капитала в Китае, усилив косвенный финансовый контроль над китайской финансовой политикой⁶. Материалы Китайских Морских таможен содержат ценные сведения по политике, экономике, военным делам, культуре и другим аспектам жизни. Второй Китайский исторический архив насчитывает около 53 тысяч томов за 1861-1949 гг., по содержанию касающихся правовых порядков таможни, ее организации, финансовых отчетов о сборах пошлин, борьбы с контрабандой, морской политики, судоходных дел, торговли, почт. В них содержатся телеграммы Цунлиямыня и консульств западных государств.

В 1995 г. переписка Харта с Кэмпбеллом была частично опубликована Социальным научным институтом Китая по изучению новой истории под редакцией Чэн Сиафея под названием «Китайский секретный архив таможни: собрание телеграмм Харта, Кэмпбелла». Данное издание насчитывает 8 томов. Седьмой и восьмой тома содержат телеграммы (1874-1907 гг.) Генерального Инспектора таможни Китая, Харта, и его поверенного, агента китайской таможни в Лондоне, Кэмпбелла, всего 3528 писем, 4486 телеграмм, и других материалов, 426 писем Джеймса Харта Генеральному Инспектору⁷. После основания таможенного офиса в Лондоне Харт начал писать Кэмпбеллу в 1874 г. серию под кодом "Z", которая еще не была пронумерована. С лета 1879 г. он начал нумеровать письма под серией с кодом "A". С июня 1879 г. по июль 1886 г. письма шли под двумя сериями: "Z" и "A". В период с октября 1868 г. по май 1870 г. оставались пронумерованными. В ряде случаев письма шли с отметкой "частное". Именно в них содержались наиболее важные сведения касательно отношений между двумя странами.

С точки зрения автора статьи, существует неясность по вопросу характера переписки Харта. Пояснение к китайской версии переписки сообщает о секретной кодировке писем. В целях секретности Харт и Кэмпбелл применяли шифр. Чтобы сбить с толку нежелательного читателя, изначально нумерация телеграмм имела два типа: в одном – нумерация цифр шла от меньших к большиим, в другом – нумерация шла от больших цифр к меньшим. Каждая телеграмма двусторонней переписки имела указание года, месяца и числа, расположенных в определенном порядке.

С 1881 г. двусторонние телеграммы помимо таможенных дел и обмена международными новостями также касались выполнения секретных указаний Харта. В конце каждой телеграммы стоял секретный код предыдущей телеграммы. Например, если вначале стоял шифр пришедшей телеграммы, но его цифры располагались в обратном порядке, это показывало на совершенную секретность телеграммы. Если код был добавлен в обычном порядке, то это говорило о полусекретности. Эта договоренность сохранялась вплоть до 1900 г., когда телеграфное сообщение между Китаем и Западом было временно прекращено в связи с восстанием ихэтуаней. Некоторые из телеграмм Харта имеют две даты, одна – дата отправления телеграммы, другая - запись даты получения ее Кэмпбеллом. В англоязычном варианте переписки Харт пишет практически обо всем: о погоде, подарках, покупке книг, одежды, поведении тех или иных лиц, свадьбе своей дочери, то есть об общеизвестных фактах. Китайский же источник содержит рекомендации, которые Харт давал своему представите-

лю в Лондоне касательно закупок судов, взаимоотношений в иностранными государствами, переговоров с Францией во время франко-китайского конфликта 1884-1885 гг., т.е. сугубо конфиденциальную информацию.

В переписке Р. Харта с Дж.Д. Кэмпбеллом нашли отражение практически все международные события того времени, в том числе и франко-китайский конфликт 1883-1885 гг. С одной стороны, она является ценным источником по изучению самого военного конфликта, дает важные сведения, которые нигде больше не отражены и именно в ней можно найти письменное подтверждение событий и причин, на которые исследователь данной проблематики имеет лишь косвенные ссылки. С другой стороны, именно благодаря этой переписке становится очевидной та колоссальная роль Китайских Морских таможен и человека, который возглавлял их. Урегулирование франко-китайского конфликта британским представителем, находящимся на службе китайского правительства, служит блестящим примером британской «неофициальной дипломатии». Данный механизм расценивался англичанами не иначе, как удачное начало реорганизации китайского общества. При фактическом бездействии в Китае западных дипломатических каналов данная «неофициальная дипломатия» прекрасно подходила для дальнейшего масштабного проникновения в Китай западных держав.

¹ Статья 26 англо-китайского Тяньцзиньского договора 26.06.1858. См. *Treaties between the empire of China and Foreign Powers together with regulations for the conduct of foreign trade, conventions, agreements, regulations etc.* Shanghai, 1906. P. 21.

² Ли Даньхуй. Хэдэ цюаньли цзюэй хэ маодунь сингэ (Ошибки управления Харта и характер противоречий) // Цзиньдай яньцзю лиши. Пекин, 1991, №3. С. 59.

³ Hart R. The Inspector General in Peking, 1868-1907. Vol.I-II. L., 1975.

⁴ Чжунго хайгуань мидань Хэдэ, Цзиньдэнгань Ханьдяньхуйбянь (1874-1907) (Секретный архив Китайских Морских таможен, собрание телеграмм Харта и Кэмпбелла). Т.1-8. Пекин, 1992-1995.

⁵ Hart R. Op. cit.

⁶ Дай Ифен. Чжунго хайгуань мидань: Хэдэ, Цзиньдэнгань ханьдяньхуйбянь («Оценка» Китайского секретного архива таможи: собрание телеграмм Харта, Кэмпбелла) // Цзиньдай яньцзю лиши. Пекин, 1991, №6.

⁷ Там же. С. 243-247

Анисимов О.А.
Санкт-Петербургский государственный университет

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ 1856-1858 ГГ.

Вторая французская империя все чаще выходит из тени исторического знания, и в первую очередь это относится к ее внешней политике. Современные отечественные авторы, так или иначе, затрагивающие проблематику истории международных отношений в своих работах, уже не могут полностью удовлетвориться устоявшимися в советской историографии трактовками. Например, А.В.Ревякин довольно схематично видит основную причину участия Франции в Крымской войне в желании Наполеона III укрепить свой трон за счет услуг католической церкви¹, в то время как В.А. Лопатников высказывается более определенно: «Луи Наполеон... был явлением весьма значительным в европейской и мировой истории. Он был человеком действия, видел перед собой цель, стремился к ее достижению и добился своего»². К дискуссии о роли Луи Наполеона в истории добавляется и диспут о сущности и времени существования Венской системы. Наряду с традиционными и умеренными взглядами, по данной тематике можно встретить и ряд радикальных суждений, например, В.Л. Иноземцев продолжает Вестфальскую систему вплоть до XX в. и поддерживает точку зрения, что современная эпоха носит название «Пост-Вестфальской»³.

Мнение о параллельном существовании Венской и Крымской систем до 1871 г. было высказано на Конгрессе молодых ученых (СПб, март 2006)⁴. Как бы то ни было, настоящая статья призвана уточнить фактическую сторону проблемы внешнеполитической истории империи Наполеона III с конца Крымской войны до конца 1858 г. и дать новый материал для теоретических построений.

Совершенно неоспоримо, что после победы под Севастополем и после заключения победного мира положение Франции изменилось. Даже скептические наблюдения, например, бельгийского экс-министра иностранных дел А. Дешама, грешат непоследовательностью. Дешам пишет: «Восточная война, конечно, была важной войной, но ее *политические результаты* (курсив мой – О. А.) были нулевыми, и одно лишь бессилие вышло из этого большого напряжения»⁵. Ставя перед собой именно политические цели и во имя их переступив через возможность мирного урегулирования на Венской конференции⁶, Франция добилась желаемого. Первый и уверенный шаг к пересмотру Венской системы на Западе был сделан на Востоке. Франция не отталкивала бывшего противника, а наоборот, исходила из понимания того, что только от ее доброй воли зависит, быть ли побежденной России в изоляции или нет. Наполеон III шел в своих размышлениях дальше – он уже видел войну с «неблагодарной» Австрией. Можно считать справедливым утверждение Р.И. Рыжовой, что «по расчетам Наполеона III царская Россия могла гарантировать нейтралитет Пруссии в войне Франции против Австрии, а также должна была, и это самое важное, обеспечить Наполеону тыл во франко-австрийской войне»⁷.

В подтверждение мирных намерений по отношению к России император назначил своим послом в России своего сводного брата графа Шарля Огюста Морни, через которого осенью 1855 г. велись сепаратные франко-русские переговоры. Назначение этого человека было с воодушевлением встречено в окружении царя Александра. Наполеон мог быть доволен деятельностью своего представителя в России: в мае 1857 г. русским правительством был введен новый тариф, выгодный французской буржуазии. А подписанный в июне того же года торговый договор сам граф Морни считал самым важным результатом своей миссии⁸. На политические темы император заговорил с Россией уже 3 мая 1857 г. в беседе с великим князем Константином Николаевичем. Наполеон III прямо сказал, что развитие кризисных ситуаций в Европе может привести к необратимым последствиям, поэтому наиболее выгодным для обоих государств было бы заранее обо всем договориться⁹. Одним из приведенных императором примеров являлась Турция.

Османская империя вновь приковала к себе внимание европейской общественности весной-летом 1857 г. Обострились проблемы Дунайских княжеств, которые находились в болезненном состоянии оформления представительной власти. Вопиющие нарушения избирательных процедур, политических традиций и морали привели к тому, что сложился объединенный фронт послов четырех держав – России, Пруссии, Сардинии, Франции, которые при лидерстве французского посланника 5 августа разорвали дипотношения с Портой¹⁰.

В таких условиях с 4 по 11 августа 1857 г. французская императорская чета посетила королеву Викторину в поместье Осборн на острове Уайт. Этот визит носил частный характер, но имел большое политическое значение, которое лорд Кларендон оценил так: «...Союз с Англией вновь обрел силу...»¹¹. Император, помимо удивившей всех уничтожающей критики турок, поднял вопрос о договорах 1815 г., на что принц Альберт ответил: «Эти договоры могли быть, безусловно, плохи, но их принципы не направлены против Франции. Они были результатом 25-летней войны, которая охватила всю Европу, и они являются основой мирного договора, который дал миру отдых на 40 лет». В свою очередь

Наполеон в той же манере, какой он придерживался в разговоре с Контантином, объяснил, что если есть основания предвидеть такие результаты, как опасность для спокойствия в мире, то не стоит поднимать эти вопросы, но ему кажется, что *множество маленьких улучшений в состоянии Европы* (курсив мой — О.А.) будут возможны, не приводя к таким последствиям. Император подчеркнул, что не хочет делать ничего того, что могло вызвать беспорядок. Принц настаивал на своём, «ставить под сомнение договоры в целом — значить привести к всеобщему потрясению»¹².

25 сентября 1857 г. император в сопровождении министра иностранных дел А. Валуевского выехал в Штутгарт для встречи с русским царем. Кроме монархов великих держав, сюда съехались и другие августейшие особы, дабы засвидетельствовать свое почтение Наполеону III. Совершенно естественно, что французский властелин не раз имел возможность вспомнить славные моменты истории своего дяди Наполеона I, когда десятки вассальных династов ездили к нему «на поклон». И хотя в 1857 г. внешний эффект таких «саммитов» был гораздо меньше, но их представительный состав всё-таки подчеркивал значимость и неоспоримую силу Наполеона III. Александр II стремился отдалить Францию от ее «сердечного союзника», но в то же время заклятого русского врага — Англии; и царь не уступил, когда разговор зашел о «свободах» Польши. Торг шел за российский нейтралитет в будущей войне с Австрией: купит ли его Бонапарт ценой пересмотра Парижского трактата? Наполеон не смог пойти на такое, опасаясь разрыва с Великобританией. Штутгарт не мог решить поставленных перед ним задач в полной мере, ибо и Франция и Россия, пытаясь сблизиться, оставались на тех же позициях.

14 января 1858 г. взрыв бомб итальянских террористов на улице Ле Пелетье изменил французскую политику. Наполеон III не прекращал думать о судьбе Италии, но покушение заставило его реагировать. Вся ярость репрессивной машины обрушилась на явных и тайных противников режима, а на международной арене Франция испортила отношения с Англией и Сардинией. Знаменитое «письмо полковников» с разоблачением «логова убийц», провал пальмерстоновского *Conspiracy Bill* в парламенте, жесткий ответ из Турина, падение престижа после назначения министерства генерала-«алжирца» Эспинаса — всё это показало колебания французской политики. Требовалось срочно охладить пыл франко-английских отношений и организовать «итальянские дела». С первой миссией в Лондон отправился новый посол, маршал Пелиссье; вторую миссию император взял на себя сам, отправившись на вогезский курорт Пломбьер и приняв там сардинского премьера К. Кавура. Блестящий успех тайной дипломатии Наполеона III имел своим продолжением сложную и драматичную дипломатическую кампанию зимы-весны 1859 г., приведшую к войне с Австрией.

Являясь главным творцом Крымской победы и Парижского договора, Французская империя не стала единоличным лидером на континенте. Европа из состояния Восточного кризиса пришла в динамическое равновесие, которое то и дело нарушалось нерешенными ранее противоречиями. Ряд международных проблем, обостренных революциями 1848-1849 гг., были использованы для возвышения силы, влияния и престижа французского государства. Поддержка католицизма была знаменем, но не сущностью французской политики: сражаясь с антихристианскими законами и репрессиями против миссионеров во Вьетнаме¹³, Париж в то же время сознательно шел на разрушение средневекового порядка, при котором господство папы и понятие «прогресса» уже не могли соседствовать. Франция не могла быть твердой, потому что международная ситуация отличалась подвижностью. Рана, полученная 14 января 1858 г., заставила империю нервно встрепенуться, но и приготовиться к знаменитому броску в

- ¹ Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М., 2004. С. 133.
² Лопатников В.А. Пьедестал: время и служение князя канцлера Горчакова. М., 2004. С. 252.
³ Иноземцев В.Л. К воссозданию Вестфальской системы: хаос и порядок в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №8. С. 11.
⁴ См. подробнее: Анисимов О.В. К вопросу о периодизации истории международных отношений I и II периодов Новой истории // Институты власти и идеологии в истории Европы, США и России. Мат-лы Конгресса молодых ученых. СПб., 2006.
⁵ Dechamps A. L'Empire et l'Angleterre. Bruxelles, 1860. P.2-3.
⁶ Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 301.
⁷ Рыжова Р.И. Русско-французские отношения в Европе после Крымской войны (1856-1859): Автореф. дис. М., 1961. С.10.
⁸ Там же. С.11.
⁹ Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). Вып. II-III. М., 1992. С. 144.
¹⁰ Виноградов В.Н. Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961. С. 164.
¹¹ Цит. по: Souvenirs du général Cte Fleury 1837-1867. Vol. 1. Paris, 1899. P. 384.
¹² Ibid. P. 385-386.
¹³ История Востока в Новое время (кон. XVIII – нач. XX вв.). Кн. 1. М., 2004. С. 513.

*Морозов Е. В.
Санкт-Петербургский государственный университет*

ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ В КОНЦЕ XIX В.

Начавшееся в 1856 г. строительство Суэцкого канала значительно усилило колониальные устремления Англии и Франции, поскольку было совершенно ясно, что территории красноморского побережья Африки имеют чрезвычайно большое значение на пути в Индию и Индокитай. В 1869 г. сооружение канала было завершено. Геополитическое положение Египта резко возросло, и в 1882 г. Англия оккупировала его. Этот шаг чрезвычайно обострил англо-французское соперничество. Французская политика в регионе с этого времени была нацелена на то, чтобы вновь поднять перед Англией египетский вопрос. Усиление французских позиций в Эфиопии стало частью этой стратегии.

В 1890-е гг. Англия и Франция активизировали свои попытки овладеть Суданом, имевшим важное стратегическое значение для Египта. Дело в том, что на Ниле можно было построить дамбы и плотины и подорвать тем самым водоснабжение Египта. В то же время император Эфиопии Менелик II не желал признавать притязаний Италии (поддерживаемых Англией) на свою страну. Франция все больше стремилась сблизиться с Эфиопией, поскольку рассчитывала на ее помощь при захвате Судана и, кроме того, была заинтересована в ослаблении итальянских позиций. В марте 1894 г. Франция предоставила Эфиопии 3 тыс. винтовок, а в июле – еще 2 тысячи¹.

9 марта 1894 г. Менелик предоставил швейцарцу А. Ильгу и французцу Л. Шефне концессию на строительство железной дороги от Джибути до берегов Белого Нила.² Концессия предоставлялась на 99 лет, а затем должна была перейти в собственность Эфиопии. В январе 1896 г. Ильг и Шефне подписали контракт на это строительство с одной из французских фирм. В марте итальянская армия потерпела поражение от эфиопов у Адуа, Англия и Франция стали готовиться к захвату Судана. В 1896 г. была организована французская экспедиция под руководством капитана Ж.-Б. Маршана, которая должна была закрепиться на Ниле в районе Фашоды. Во Франции надеялись, это поможет в организации международной конференции по египетскому вопросу, на которой бу-

дут поколеблены лидирующие позиции Англии в этой стране³.

В 1897 г. Франция организовала дипломатическую миссию в Эфиопию, глава которой Л. Лагард получил инструкции организовать эфиопские действия, совместные с действиями Франции на Ниле.⁴ Министр колоний Т. Делькассе писал Лагарду, что «независимость Менелика и установление союза с ним – главная цель французской политики в долине Нила».⁵ Французский посол передал Менелику 10 тыс. винтовок Гра и 2 млн. патронов к ним. 27 января 1897 г. была подписана франко-эфиопская конвенция, согласно которой Эфиопия согласилась вести свою внешнюю торговлю через французский порт Джибути. Подписанный 20 марта договор регулировал пограничные вопросы между Эфиопией и Французским Сомали. В секретном приложении были определены сферы французского и эфиопского влияния в районе Белого Нила. Территории, расположенные на левом берегу реки, должны были принадлежать Франции, а правобережные земли – Эфиопии. Решено было оказать военную помощь отряду Ж.-Б. Маршана⁶. Реакция Лондона не заставила себя долго ждать. Англия снарядила в Эфиопию посольство во главе с Р. Роддом, чтобы препятствовать французскому влиянию на Менелика. В мае состоялось подписание англо-эфиопского договора, регулировавшего пограничные вопросы между Эфиопией и Британским Сомали⁷, но при этом Менелик заявил Родду, что считает правый берег Белого Нила исключительно зоной эфиопских интересов.

Эфиопия при поддержке Франции продолжала расширять свои территории. Со стороны Эфиопии французы организовали экспедиции Клошетта и Бонвело.⁸ Тем не менее, эти экспедиции постигла неудача, Клошетт умер в пути. В конце декабря 1897 г. другой французский отряд под командованием Боншана достиг реки Собат и Аджубы, но вынужден был вернуться, не дойдя до Фашоды всего ста миль.⁹ Потеряв много людей от нападений туземцев и свирепствующей малярии, Боншан, который был изможден настолько, что эфиопы несли его на носилках в бессознательном состоянии, был вынужден вернуться обратно. Встречная экспедиция Тэсэммы оказала ему помощь.¹⁰

В то же время улучшились махдистско-эфиопские отношения. Халиф Абдаллах разрешил Эфиопии оккупировать мятежную провинцию Судана Бени-Шангуль. Менелик заявил халифу, что экспедиция Тэсэммы имеет целью лишь разграничить Эфиопию и Судан. Менелик использовал французов как щит против англичан. Обещая французам помощь в завоевании долины Белого Нила, негус в то же время приказал местным эфиопским правителям незаметно препятствовать им. Вернувшийся во Францию Боншан доносил в министерство колоний, что «абиссинцы не помогали миссии, но делали все возможное, чтобы помешать ее путешествию к Белому Нилу»¹¹. Лагард также отмечал, что эфиопы не сопровождали французские экспедиции, не были выделены даже проводники, тем не менее уверял Париж, что экспедиция Маршана получит помощь от Эфиопии, и министр колоний А. Лебон полностью верил ему¹².

В феврале 1898 г. Лагард прислал в Париж проект касательно долины Белого Нила. По его мнению, французские экспедиции могли бы занять некоторые стратегически важные пункты на правом берегу реки. Это предложение вызвало определенный интерес в Париже. Так, например, министр колоний писал, что, по сведениям, полученным миссией Боншана, авторитет Эфиопии в бассейне Белого Нила и Собата ничтожен. На этом основании Маршан мог бы не придерживаться условий франко-эфиопской конвенции от 20 марта 1897 г.¹³

Стремясь привлечь Россию на помощь своей эфиопской политике, Франция предложила выработать общую политику по Эфиопии и согласованные инструкции для посланников обеих стран с целью подорвать влияние Англии в долине Нила и бассейне Красного моря.¹⁴

В 1898 г. Менелик подготовил крупную военную экспедицию под руководством раса Тэсэммы, официальной целью которой было осуществить раздел Судана между Францией и Эфиопией. Император Эфиопии попросил русского посланника П. М. Власова направить в эту экспедицию русского офицера. Выбор посланника пал на Л. К. Артамонова. Случилось так, что именно Артамонов и его помощники казаки Архипов и Щедров водрузили флаг французский флаг на правом берегу Белого Нила¹⁵, но эфиопские войска не смогли (или не пожелали) встретиться с Ж.-Б. Маршаном и оказать ему военную помощь.

9 июля 1898 г. на берегу Белого Нила отряд Маршана нашел французский флаг, оставленный экспедицией Тэсэммы, но не обнаружил никаких военных сил, которые могли бы помочь ему занять Судан.¹⁶ История фашодского противостояния Англии и Франции достаточно хорошо известна. Франции пришлось отказаться от претензий на район Нила. В феврале 1899 г. начались англо-французские переговоры о разграничении территорий в Африке. 21 марта была подписана конвенция, согласно которой граница между владениями двух государств была проведена между бассейнами озера Чад и реки Конго с одной стороны и бассейна Нила с другой. За отказ от выхода к Белому Нилу Франция получила часть Судана к западу от Дарфура, что позволило соединить в единое целое все французские владения в Западной и Центральной Африке.¹⁷ В конвенции не упоминались уже приобретенные Англией права в Египте. Таким образом, Франция не признала легальность английской оккупации долины Нила и оставила этот вопрос открытым для пересмотра в будущем. Позиция французов в отношении английской оккупации осталась без изменений, но исчезла надежда на радикальное вмешательство, произошел некий психологический перелом, и в этом смысле было приближено окончательное урегулирование, достигнутое в 1904 г. англо-французской Антантой.

¹ Цыпкин Г. В. Эфиопия: от раздробленности к политической централизации. М., 1980. С. 198.

² Кузьмин Ю. М. Борьба западноевропейских держав вокруг строительства железной дороги Джибути – Аддис-Абеба // Страны и народы Востока. Вып. XXVII. М., 1991. С. 210.

³ Sanderson G. N. The Origins and Significance of the Anglo-French Confrontation at Fashoda, 1898 // France and Britain in Africa. Imperial Rivalry and Colonial Rule. New-Haven; London, 1971. P. 285.

⁴ Лукницкий К. Н. Борьба империалистических держав за Абиссинию (до 1914 г.) // Абиссиния (Эфиопия). Сборник статей. М.; Л., 1936. С. 464.

⁵ Michel M. La Mission Marchand. 1895 – 1899. Paris, 1972. P. 138.

⁶ Documents Diplomatique Française. (DDF). 1-re ser. T. XIII. № 159.

⁷ См.: История Африки в документах. 1870 – 2000. Т. 1. М., 2005. С. 64 – 65.

⁸ Michel M. La Mission Marchand. 1895 – 1899. Paris, 1972. P. 144.

⁹ Langer W. L. The Diplomacy of Imperialism. 1890 – 1902. V. II. N.Y.; London, 1935. P. 542; liams T. M., jr. Dreifus, diplomatists and the Dual Alliance. Gabriel Hanotaux at the Que D'Orsay (1894 - 1898) // Etudes D'Histoire Economique, Politique et sociale. XLII. Genève; Paris, 1962. P. 61.

¹⁰ Артамонов Л. К. Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М., 1979. С. 42 – 43.

¹¹ Holt P. M. The Mahdist State in Sudan. 1881 – 1898. Oxford, 1958. P. 209; Sanderson G. N. The contributions from African sources to the history of European Competition in the Upper Valley of the Nile // Journal of African History. V. III. № 1. 1962. P. 84 – 87.

¹² Michel M. La Mission Marchand. 1895 – 1899. Paris, 1972. P. 147 – 148.

¹³ DDF. T. XIV. № 246.

¹⁴ Доклад М. Н. Муравьева Николаю II. 23 января (4 февраля) 1897 г. // Красный Архив. Т. 4 – 5 (47 – 48). М., 1931. С. 79; DDF. T. XII № 321.

¹⁵ Артамонов Л. К. Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М., 1979. С. 115 – 119.

¹⁶ Émily. Fachoda. Mission Marchand. 1896 – 1899. Paris, 1935. P. 94.

¹⁷ Русский сокр. пер. см.: Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. № 281. М., 1925. С. 291.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И СОЗЫВ ГААГСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МИРА В 1899 Г.

Несмотря на отсутствие специальных исторических работ, освещающих участие императора Николая II в подготовке Гаагской конференции 1899 г., нельзя сказать, что этот эпизод нашего прошлого оставался совершенно без внимания исследователей. Некоторый интерес к нему оставил свой след на страницах тематически более общих трудов, однако выразился он не столько в конкретном исследовании событий, сколько в рассуждениях по поводу причин, побудивших российского монарха предпринять этот шаг. В результате одни видят истоки гаагских начинаний в необычайном «миролюбии» государя, другие объясняют эту его акцию соображениями «честолюбия» и «личного престижа», третьи не усматривают в ней ничего кроме «жалкой и гнусной комедии»¹...

Между тем, изучить отношение Николая II к созыву Гаагской конференции в контексте проводившегося тогда курса внешней политики России достаточно важно. Такое исследование способно многое рассказать об этом монархе как государственном деятеле и дипломате, а также воспрепятствовать консервации некоторых стереотипов, бытующих вокруг его имени.

Идея созыва конференции мира выросла, по-видимому, из предложения военного министра А. Куропаткина заключить между Россией и Австро-Венгрией конвенцию, «имеющую целью не вводить в течение десяти лет в нашей и в австрийской армиях полевых скорострельных пушек»². Эту инициативу Николай II признал «заслуживающей внимания», и хотя до непосредственной реализации такой конвенции дело не дошло, её основная идея – ограничить рост вооружений – воплотилась в российской ноте от 12 августа 1898 г., обращённой ко всему мировому сообществу.

Едва ли можно говорить, что, санкционируя этот документ, царь выступал «с идеей всеобщего и полного разоружения», как это пытаются представить некоторые исследователи³. По крайней мере сам Николай II отрицал правильность такого взгляда на свои намерения⁴. Кроме того, в тексте ноты уже указывалось, что предложения российской стороны нацелены лишь на установление «предела развитию современных вооружений»⁵.

Не вполне обоснованными представляются и сетования иных исследователей на то, что выступление последнего самодержца «наперекор милитаристским тенденциям» времени «почти забыто», что о нём «всегда мало говорили или вообще умалчивали»⁶. Точнее было бы сказать, что эти события не замалчивали, а просто по-другому понимали, уделяя им ровно столько интереса, сколько это понимание требовало. Так, уже в годы последнего царствования родилось убеждение, что «истинной подкладкой гуманной фразеологии царизма» является банальная нехватка финансовых средств, чтобы поспеть в разворачивавшейся гонке вооружений за другими её участниками⁷. Наивность такого способа внешнеполитической борьбы бросалась в глаза уже и самим авторам этого объяснения. И уж совсем нелогично выглядели на фоне кажущейся материальной несостоятельности самодержавия их рассуждения о тех «90 миллионах», которые Николай II «велел истратить на перевооружение флота».

Любопытно, что практически одновременно с подготовкой инициативы по ограничению вооружений эта внушительная сумма была действительно направлена императором на развитие российских военно-морских сил⁸. Кроме того, он признавался А. Куропаткину, что находит необходимым перевооружать и

сухопутную армию России, «дабы доказать другим державам, что мы подняли вопрос об уменьшении вооружений не потому, что сами настолько истощили свои средства, что не можем далее продолжать вооружения»⁹. А осенью 1902 г. морскому министру П. Тыртову была передана программа по судостроению на 20 лет, предполагавшая ассигновать на флотские нужды по 85 млн. рублей в год¹⁰. Всё это свидетельствует не только о том, что материальные затруднения едва ли могли подвинуть последнего самодержца на крупные миротворческие инициативы, но и о том, что он не видел особого противоречия между своими воззваниями и усилением российских вооружённых сил.

Зато это противоречие видят многие критики императора. Причём, стремясь обнажить несоответствие между царскими словами и делами с возможно большей очевидностью, они возмущённо напоминают о «хищных замыслах царизма», апофеозом которых стал захват китайских портов, осуществлённый по прямому указанию Николая II всего за несколько месяцев до августовской ноты 1898 г. В связи с этим нота оценивается ими либо как мера маскировки российских захватнических мероприятий, либо как мера укрепления мира «на Западе» для «осуществления своих планов на Востоке»¹¹.

Однако к моменту зарождения гаагской инициативы весной 1898 г., не говоря уж о ещё более позднем времени её реализации, планы России на Дальнем Востоке в значительной мере осуществились. Незамерзающий порт в Китае, который Николай II считал для России «безусловно необходимым», оказался в российских руках уже в 1897 г.¹² «Конечно, это было довольно рискованно, — объяснял император в письме брату, — ну а прозевай мы эти гавани теперь, впоследствии, конечно, без войны нам бы не удалось вышибить засевших туда англичан или японцев»¹³. Ещё раньше России удалось добиться от китайского правительства согласия на постройку и эксплуатацию КВЖД¹⁴.

Эти достижения российской дипломатии на Дальнем Востоке едва ли означали, что наступило время формулировать её очередные сверхзадачи. Более того, и у царских дипломатов, и у самого царя имелись опасения, что России на Дальнем Востоке предостоят серьёзные испытания, ибо её отношения с другими державами могут обостриться. «Теперь самое главное, — полагал Николай II после того, как российские суда решительно водворились в Порт-Артуре, — чтобы японцы не трогались, подталкиваемые Англией — они делаются очень опасными и сильными на Востоке... Смотреть надо зорко»¹⁵.

В таких условиях следовало подумать не о достижении новых, а скорее об упорении уже достигнутых результатов, накапливая силы на будущее: «Всё, чего хочет Россия, — сообщал Николай II королеве Виктории в марте 1899 г., — чтобы её оставили в покое и дали развивать своё нынешнее положение в сфере её интересов, определяемой её близостью к Сибири. Обладание нами Порт-Артуром и Маньчжурской железной дорогой для нас жизненно важно, и нисколько не задевает интересы какой-либо другой европейской державы», — указывал он далее¹⁶. Одновременно с этим самодержец высказался против немедленного раздела Китая и Кореи на сферы влияния¹⁷. Не решился он тогда и на удар по Англии в наиболее уязвимом для неё месте — на границе с Афганистаном: «Время для этого ещё не пришло, — писал император сестре осенью 1899 г. — Мы недостаточно готовы к серьёзным действиям»¹⁸. Подобные соображения были высказаны им и в отношении Японии: «Столкновение неизбежно, но надеюсь, что оно произойдёт не ранее, чем через четыре года — тогда у нас будет преобладание на море», — заявил Николай II осенью 1901 г.¹⁹

Столь же не располагавшая Россию к активным действиям ситуация сложилась на Ближнем Востоке: Николай II отлично понимал, что попытки решить восточный вопрос будут крайне опасны. «Пока только можно наметить

цели нашей политики в вопросе о проливах, — отмечал он в январе 1897 г., — и захват Дарданеллов, само собой разумеется, самое желательное. Но когда и как можно будет достигнуть этой цели — этого теперь сказать нельзя²⁰. В результате вплоть до вступления Турции в мировую войну Николай II отвергал идею её скорейшего раздела, стремясь по возможности притормозить любые мероприятия держав, прямо или косвенно к тому направленные²¹.

Таким образом, инициатива императора Николая II по приостановке роста вооружений в мире выглядит вполне логичной: её реализация позволяла сохранить сложившееся в отношениях мировых держав равновесие, отсрочивая крупные столкновения между ними до тех пор, пока это выгодно России.

¹ Алферьев Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1992. С.32-34; Серафим. Православный царь-мученик. М., 1997. С.151; Игнатьев А. Последний царь и внешняя политика// Вопросы истории. 2001. №6. С.9; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1997. С.117; Фирсов Н. Николай III// Подъём. 1992. №9-10. С.59; Троцкий Н. Благочестивейший, самодержавнейший// Юбилей позора нашего. 1613-1913. Б.м., 1912. С.21; Цион С. Николай II. Лондон, 1906. С.43.

² К истории первой Гаагской конференции// Красный архив. 1932. №1-2. С.72.

³ Платонов О. Николай Второй. СПб., 1999. С.103; Сеницын И. В тёмном царстве Николая II было место и для светлых идей// Международная жизнь. 1998. №7. С.3.

⁴ Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М., 1991. С.120.

⁵ Ольденбург С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998. С.90.

⁶ Сеницын И. Указ. соч. С.3; Боханов А. Император Николай II. М., 1998. С.110.

⁷ Ерманский О. Царь-последыш. Женева, 1905. С.14-15; Любош С. Последние Романовы. М., 1990. С.206.

⁸ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. М., 1998. С.179.

⁹ Куропаткин А. Из дневников// Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С.62.

¹⁰ Романов Б. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М., 1955. С.166.

¹¹ Кряжев Ю. Николай II как военно-политический деятель России. Курган, 1997. С.40; Современник. Николай II. Берлин, 1910. С.132.

¹² Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке// Красный архив. 1932. №3. С.76.

¹³ Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С.179.

¹⁴ Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С.305.

¹⁵ Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С.176, 179.

¹⁶ Письма Николая II королеве Виктории// Исторический архив. 1995. №1. С.199.

¹⁷ Англо-русское соглашение о разделе Китая// Красный архив. 1927. №6. С.120; Пак Б. Существовал ли в России реальный проект раздела Кореи на рубеже XIX и XX вв.??// Проблемы Дальнего Востока. 1998. №3. С.109-111.

¹⁸ Николай Романов об англо-бурской войне// Красный архив. 1934. №2. С.126.

¹⁹ Ольденбург С. Указ. соч. С.184.

²⁰ Рыбачёнок И. «Оружие, направленное против России»// Источник. 1995. №1. С.5.

²¹ Проект захвата Босфора в 1896 г.// Красный архив. 1931. №4. С.55; Сазонов С. Воспоминания. М., 1991. С.160; Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С.80-81.

*Красняк О.А.
Российский государственный социальный университет*

ИНОСТРАННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ИРАН (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)

На протяжении всего XIX в., и особенно в последней его четверти, Иран являлся объектом внешнеполитических интересов ведущих европейских держав. Отсталость Ирана в экономике отражалась и в политической жизни страны. В стране царили административный произвол, взяточничество, продажа должностей.

С 70-х гг. XIX в. Англия и Россия начали применять различные формы осуществления своего влияния в Иране, заключавшиеся в финансово-экономической экспансии. С этого времени были заключены многочисленные

соглашения, концессии, займы, с помощью которых мировые державы смогли подчинить страну как экономически, так и политически. Первоначально особую активность в Иране проявляла Англия. Одними из первых английских концессий в Иране были телеграфные¹, предусматривавшие проведение телеграфной линии для установления связи Лондона с Индией. «Индоевропейский телеграф» отчислял иранскому правительству треть дохода, поступающую от эксплуатации телеграфных линий Ирана². Заметим, что персидское правительство не вкладывало собственных средств в их создание. Подобные концессии получила и Россия, построив телеграфную линию Астрабад - Чикишляр. Эту линию обслуживали русские специалисты, получавшие жалование от России³.

На большие экономические и политические уступки пошел Иран, когда его правители в 1872 г. предоставили английскому барону Ю. Рейтеру монопольное право на строительство железнодорожных и трамвайных путей, эксплуатацию источников нефти и ряда других полезных ископаемых сроком на 70 лет⁴. Кроме того, ему передавали управление всеми таможами. Рейтер должен был отчислять иранскому правительству 15-20% чистой прибыли концессионных предприятий.⁵ Эта концессия вызвала бурю негодования в Иране, под воздействием которой Наср-эд-Дин-шах был вынужден ее отменить. Однако неудача не охладила Рейтера, в 1889 г. он добился получения концессии на организацию «Шахиншахского банка» сроком на 60 лет⁶. Шахиншахский банк получил право на эмиссию банкнот, монополию на поставку серебра для чеканки монеты. На текущий счет банка перечислялись как государственный доход, так и все таможенные поступления. Кроме того, банк контролировал работу монетного двора.⁷ Очевидно, деятельность Шахиншахского банка являлась мощным орудием английской колониальной политики.⁸

В свою очередь, «самодержавие в начале 90-х годов XIX в. приступило к активной экономической политике на восточных окраинах России»⁹ и уже в 1890 г. русским финансистом Я.С. Поляковым была приобретена концессия сроком на 75 лет на учреждение русско-персидского Учетно-ссудного банка. В 1894 г. банк был приобретен русским Министерством финансов с целью реализации займов, предоставляющихся Россией иранскому шаху¹⁰. К началу XX в. фактически в собственности России и Англии находились линии телеграфной связи, пути сообщения, рыбные промыслы и пр., причем в Северном Иране господствовала Россия, а в южных провинциях – Англия.

Вопрос о проведении в Иране железной дороги с самого начала стал объектом острых дебатов в правительственных кругах обеих стран. В соответствии с заключенным в 1890 г. соглашением с русским правительством, Иран брал на себя обязательство не проводить на своей территории железную дорогу и не предоставлять ни одной компании концессию на ее строительство¹¹. Россия опасалась потерять свое монопольное положение на экономических развитых рынках Северного Ирана¹². Следует отметить, что Англию вполне устраивало такое положение вещей.

В противовес Англии и России, с начала XX в. на арене мировой борьбы за первенство появился новый конкурент в лице молодой, стремительно развивавшейся Германии. Наличие общего врага вынудило Англию и Россию изменить свою традиционную политику в отношении друг друга. Однако «Россия оказывала помощь немцам на севере Ирана изгнать англичан, а последние то же самое делали против русских на юге Ирана»¹³. Стремительное проникновение Германии на рынки Малой Азии и Ирана угрожало России потерей завоеванных ею позиций. Сближению Англии и России способствовала также их общая боязнь развития национально-освободительного движения на Востоке. Новым витком взаимоотношений обеих держав явилось англо-русское соглашение

о разграничении сфер влияния в Иране 1907 г.

В период иранских революционных событий на политическую арену выходят США. В 1911 г. в Иран прибыли из США финансовые советники во главе с М. Шустером, который получил право контроля над финансовыми делами, концессиями, займами, поступлением налогов, государственным бюджетом и т.д.

Иранские события активно обсуждались в Петербурге на «Особых совещаниях по персидским делам» в 1906-1911 гг. с участием высших государственных чиновников¹⁴. Со стороны России предусматривалось: полное невмешательство во внутренние дела страны и воздержание от мер военного характера, допуская, однако, меры к его ограждению в случае надобности, согласованный образ действий в персидских делах с правительством Англии и т.д.¹⁵

В результате иранской революции Каджарская династия сохранилась, чему в немалой степени способствовала деятельность персидской казачьей бригады под руководством русских офицеров. В период революции впервые на политическую арену вышли представители торговой буржуазии и землевладельцы. Иранское правительство официально признало англо-русское соглашение 1907 г.¹⁶ В 1912-1914 гг. от Англии и России были получены новые займы (2 млн. ф.ст. и 14 млн. руб. соответственно). Англия приступила к расширению работ по разведке и эксплуатации южноиранской нефти¹⁷.

Следует добавить, что накануне первой мировой войны существенно укрепилась позиция Германии. Германия занимала третье место во внешнеторговом обороте Ирана после России и Англии, а в морских перевозках по Персидскому заливу – второе место после Англии. С 1901/2 по 1913/14 гг. товарооборот Германии с Ираном увеличился более чем в 13 раз¹⁸.

В марте 1915 г. между Россией и Англией было заключено очередное секретное соглашение о разделе нейтральной зоны Ирана. В обмен за обещание Англией Константинополя и проливов российскому правительству, последнее согласилось на присоединение к английской сфере влияния нейтральной зоны. Германия, в свою очередь, опасаясь ослабления собственных позиций, направляла большое количество агентов. Накануне войны, в 1912 г., при их активном участии в Иране возникла панисламистская организация «Эттехад-е ислам»¹⁹. Была создана также прогерманская партия демократов²⁰. Третий меджлис, созданный в первые годы войны, играя на противоречиях Великобритании и России, высказался за поддержку германо-турецкого блока. Под давлением союзников Антанты Ахмед-шах распустил германофильский меджлис. Вполне очевидно, что власть шаха была формальной. Иран являлся лишь плацдармом для противостояния великих держав за господство в этом регионе.

После выхода России из войны территория Ирана в начале 1918 г. оказалась почти полностью оккупированной английскими войсками, готовыми незамедлительно начать вооруженную интервенцию против Советской России. Под контроль английских советников и инструкторов передавалась иранская армия, финансы, дорожное строительство, внешняя торговля и другие области общественно-экономической жизни страны. Фактически это означало установление английского доминирования.

Таким образом, проникновение мировых держав в Иран в последней четверти XIX в. способствовало его дальнейшему экономическому развитию и политической эволюции. Великобритания и Россия активно расширяли сферу своих интересов, главным орудием данного процесса являлись концессии. Следует заметить, что мероприятия мировых держав были довольно успешными, о чем свидетельствует официальное признание Ираном всех соглашений, заключенных между Россией и Англией, а также внедрение иностранных советников в государственный аппарат и армию.

- ¹ Haas W.S. Iran. N.Y., 1946. P. 33. Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864-1914. L., 1968. P. 100-240. Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX вв. М., 1981. С.21.
- ² Бобынин Н.Н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля 1901-1923 гг. Тифлис, 1923. С.53.
- ³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 135. Л. 82-83; Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М., 1952. С. 188.
- ⁴ Haas W.S. Iran. New-York, 1946. P. 33.
- ⁵ Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864-1914. L., 1968. P. 146.
- ⁶ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528/а. Д. 1610; Keddie N.R. Qajar Iran and The Rise of Reza Khan (1796-1925). L., 1999. P. 42.
- ⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 97. Л. 210-210 об.
- ⁸ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX вв. М., 1981. С. 46-59.
- ⁹ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895-1914 гг. (по материалам Учетно-судного банка Персии). М., 1975. С. 17.
- ¹⁰ Англо-русское соперничество в Персии в 1890-1906 гг. // Красный Архив. Т.1. М., 1933. С. 34.
- ¹¹ Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia 1864-1914. A Study of Imperialism. L., 1968. P. 238-239; Англо-русское соперничество в Персии в 1890-1906 гг. // Красный Архив. Т.1. М., 1933. С. 34. Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. // Красный архив. Т. 5 (18). М.-Л., 1926. С.12.
- ¹² Бобынин Н.Н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля 1901-1923 гг. Тифлис, 1923. С.539.
- ¹³ Шитов Г.В. Персия под властью последних Каджаров. Л., 1933. С. 39.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488/1. Д. 2291-2298.
- ¹⁵ Россия МИД. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии, с конца 1906 по июль 1909 г. Вып. 1-2. СПб., 1911. С. 7-8.
- ¹⁶ Международные отношения в эпоху империализма. Серия II. Т. XIX. Ч. 2. М., 1938. С. 304-307.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. «Личный фонд И.Я. Коростовца». Оп. 839. Д. 13. Л. 103; Frye R.N. Iran. N.-Y., 1953. P. 70.
- ¹⁸ Агаев С.Л. Германский империализм в Иране. М., 1969. С. 7.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489/2. Д. 6266-6286.
- ²⁰ Лавров Н.М. Турция и Иран в 1870-1914 гг. М., 1952. С. 35.

Лемпиянен Л.Е.

Российский государственный педагогический университет

УЧАСТИЕ АВТОНОМНОЙ ФИНЛЯНДИИ В ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ

Рост национального самосознания во второй половине XIX в. сделал международные форумы для Финляндии основным средством национального самоутверждения. Выставки, конгрессы, а позднее и спортивные состязания позволяли Финляндии продемонстрировать свои достижения на международной арене, заявить о своей уникальности, и тем самым дистанцироваться от России. После Всемирной выставки в Париже 1900 г. место локомотива национального самоутверждения Финляндии на международной арене заняли Олимпийские игры. Нередко среди исследователей встречается мнение о том, что первыми столь последовательно использовали спортивные достижения в политических целях именно финляндцы, нигде больше до начала Первой мировой войны спорт не приобретал такого значения¹.

Развитие спорта в Финляндии с самого начала было тесно связано с понятием патриотизма, поскольку впервые внимание развитию физической культуры стали уделять лидеры движения фенноманов в конце 1870-х гг., отождествляя его с необходимостью развития способности граждан к защите нации. В конце XIX в. в Великом Княжестве широко распространились спортивные клубы, кружки, ассоциации, и в этом отношении Финляндия опережала многие европейские державы. По данным М. Терво, к 1900 г. в Финляндии существовало около 300 спортивных клубов, ставивших целью физическое развитие нации².

В начале XX в., особенно с начала «второго периода угнетения» в 1908 г., спортивные состязания, и, в первую очередь, Олимпийские игры стали важнейшим средством сопротивления финляндцев российской политике унификации. Происходило это по двум основным причинам: во-первых, благодаря тому, что успехи финляндцев в этой области действительно были ошеломляющими, и, во-вторых, благодаря существованию запрета на использование национальных символов при праздновании спортивных побед.

Первой Олимпиадой, в которой приняли участие представители Финляндии, стала Олимпиада в Афинах в 1906 г. Участие финляндцев в Олимпийских играх в тот период времени было неофициальным и являлось результатом частной инициативы. На Олимпийские игры в Афинах прибыли четыре финляндских спортсмена: борец Вернер Векман, проживавший в Германии, метатель диска из Ювяскюлы Вернер Ярвинен и два спортсмена из Выборга, которые были заявлены просто как «спортсмены». При этом успехи финляндцев оказались весьма значительными – Векман и Ярвинен завоевали в своих видах спорта первые места. Успехи финляндцев на афинской Олимпиаде стали причиной постановки на заседании Международного Олимпийского комитета в Гааге в 1907 г. вопроса о назначении в его состав финляндских представителей. Это открывало для Великого Княжества перспективы официального участия в Олимпийских играх наравне с самостоятельными государствами.

К Олимпийским играм в Лондоне в 1908 г. подготовку в Финляндии проводил уже созданный в 1907 г. Финляндский Олимпийский комитет. На Олимпиаду в Лондоне из Великого Княжества отправилось уже 65 спортсменов.³ Стремление продемонстрировать государственную обособленность Финляндии проявилось на Олимпийских играх 1908 г. проявилось в том, что когда финляндцы одерживали победу, то поднимался русский флаг (поднятие финляндского флага было запрещено), а под ним плакат со словом «Финляндия».⁴

Олимпийские игры в Стокгольме стали первой Олимпиадой, в которой Россия принимала официальное участие. Приглашения на Олимпийские игры в Стокгольме были разосланы уже в марте 1910 г., в 1911 г. вопрос об участии в играх Финляндии стал предметом бурных дебатов в Российском министерстве иностранных дел, и повлек за собой пространную переписку. Позиция МИД в целом отражала общий политический курс российского правительства в отношении Финляндии – пресечение проявления любых символических признаков ее независимости от России. Категоричную позицию в этом вопросе занял финляндский генерал-губернатор Ф.Ф. Зейн. В частности, он отклонил ходатайство о разрешении комитету по устройству участия Финляндии на Олимпийских играх провести лотерею на сумму в 30 тыс. марок в целях сбора необходимых средств, «дабы сим устранить всякое содействие подготовке к выступлению финляндцев на Олимпийских играх в Стокгольме в качестве особой нации». Российской сторона пыталась влиять также и на Международный Олимпийский комитет, и, в частности, его председателя барона де Кубертена⁵.

Российским императорским посольствам и миссиям было вменено в неременную обязанность «иметь самый бдительный надзор за всеми, могущим быть проявлениями самостоятельного представительства Великого Княжества Финляндского за границей, в особенности же в Копенгагене, Стокгольме и Христиании»⁶. Была достигнута договоренность о том, что «финляндские участники, хотя и будут составлять отдельную группу, в списках и программах состязаний будут следовать после русских участников, образуя, таким образом, лишь подразделение одного общего отдела «Россия». В процессиях они будут следовать за русскими делегатами, и им будет предоставлено носить вместо флага щит с обозначением «Финляндия»⁷. При этом в финляндских газетах стали

появляться статьи, в которых проводилась мысль о необходимости и полной естественности участия финляндцев в олимпийских играх на правах «особой нации». Подобная позиция обосновывалась ссылкой на п.6 «Общих правил», в которых говорилось, что «в качестве нации считается каждая страна, имеющая представителя в международном комитете по устройству Олимпийских игр»⁸.

Несмотря на все предосторожности, предпринятые российскими представителями на Олимпийских играх, без конфликтов с финляндскими спортсменами не обошлось. Необходимо отметить, что противостояние России и Финляндии не было уникальным на Олимпийских играх 1912 г., превратившихся в арену борьбы малых наций за национальное самоутверждение.

Успех финляндской команды на Олимпиаде был ошеломляющим. Финляндия завоевала на Олимпийских играх 1912 г. двадцать шесть медалей (в том числе девять золотых, восемь серебряных и девять бронзовых), заняв четвертое место в медальном рейтинге после США, Швеции и Великобритании, в то время как Россия оказалась на шестнадцатом месте, завоевав всего пять медалей, из которых две серебряные и три бронзовые⁹.

Празднование спортивных побед при выдающихся достижениях в этой области и существовании запрета на использование национальной символики приобретало в Финляндии большое политическое значение. Так, по сообщению газеты «Hufvudstadsbladet», поднятие двух русских флагов с финляндскими вымпелами под ними на первом (Колехмайнен) и третьем (Стенрос) призовых местах, вызвало «ряд смешанных чувств», поскольку финляндский вымпел не был поднят один.¹⁰ Когда Финляндия обыграла Россию в футбол со счетом 2:1, поднятие при этом российского флага на призовом столбе вызвало бурное возмущение со стороны финляндских болельщиков, пустивших по рядам флажок с надписью «Финляндия победила». Восторг по поводу спортивных побед в Финляндии был огромен. Официальный российский орган печати в Финляндии – «Финляндская газета», комментируя события на Олимпийских играх, писала о том, что «дух сепаратизма и мания величия, свойственные финляндцам, были вздуты удачами на Олимпийских играх», и «если тело у них здоровое, то душе надо еще серьезно полечиться от политических бредней и химер».¹¹ Олимпийские игры в Стокгольме 1912 г. явились для финляндцев последним международным событием такого масштаба до обретения независимости, а ошеломляющий успех, одержанный на Олимпиаде, сделал ее одним из символов борьбы Финляндии за независимость, укоренившемся в национальном сознании. По выражению политолога С. Хентилы, метафора о том, что чемпион по бегу Ханнес Колехмайнен «вывел Финляндию на карту мира» в Стокгольме в 1912 г. также крепко укоренилась в финской национальной идентичности, как понятия «сауна», «sisu» и «perkele»¹².

В 1914 г. на сессии в Париже международный Олимпийский Комитет, вняв требования российского представителя, запретил участие Финляндии в качестве отдельной от России команды в Олимпийских играх 1916 г. в Берлине (из-за начавшейся войны игры не состоялись). В следующей Олимпиаде в Антверпене 1920 г. Финляндия участвовала в качестве независимого государства.

⁸ Tervo M. Nationalism, Sports and Gender in Finnish Sports Journalism in the Early Twentieth Century // Gender, Place and Culture - A Journal of Feminist Geography. 2001. Vol. 8, № 4. P. 357-373; Hentilä S. Too Serious a Business: What Sport Has Meant to Finns // http://www.helsinki.fi/hum/renvall/birolde/Heroes_papers_Hentil%E4.html

⁹ Tervo M. Nationalism, Sports and Gender in Finnish Sports Journalism in the Early Twentieth Century // Gender, Place and Culture - A Journal of Feminist Geography. 2001. Vol. 8, № 4. P. 362.

¹⁰ См. данные Финского Олимпийского комитета: http://www.noc.fi/english/olympic_history/statistics_by_games/

¹¹ Hufvudstadsbladet. 1912. № 339. (перевод) // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 406. Д.47. Л. 25.

⁵ Paasivirta J. Suomen osallistuminen Tukholman olympialaisiin vuonna 1912. Helsinki, 1962. S.20-21

⁶ Финляндский генерал-губернатор – С.Д. Сазонову // АВПРИ. Ф.155. Оп.406. Д.47..Л.37.

⁷ К. Наринский – А.А. Наратову // АВПРИ. Ф.155. Оп.406. Д.47. Л.18-19

⁸ Выписка из общих правил Олимпийских игр // АВПРИ. Ф.155. Оп.406. Д.47. Л.25

⁹ См.: данные официального сайта Олимпийских игр: http://olympic.it/english/game/id_S1912

¹⁰ Hufvudstadsbladet 10 июля 1912 г. (перевод) // Kansallisarkisto. KKK. Fb.696.

¹¹ Здоровая душа в здоровом теле // Финляндская газета. 1912. № 100. 12 июля.

¹² Hentilä S. Op.cit.

«Sisu» - в пер. с финского «упорство, стойкость, упрямство», качества, традиционно считающиеся присущими финскому национальному характеру, «suomalainen sisu»- «финское нутро». «Perkele» в пер. с финского - «черт, дьявол».

Акимов А.В.,

Уральский государственный университет

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР И ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Многополярный мир на протяжении всего XIX в. являлся гарантом стабильности в Европе, и стремление к его поддержанию оставалось определяющим мотивом внешнеполитической деятельности западноевропейских государств. При этом основой многополярности рассматривалась политика равновесия сил ведущих держав.

Объединение Германии в 1871 г. нанесло серьезный удар по сложившейся после Венского конгресса многополярной модели. Конечно, Германия не заслуживала звания гегемона¹, но все же ее влияние значительно возросло, что дестабилизировало обстановку в Европе и повлекло за собой существенные изменения в системе международных отношений.

Видение системы международных отношений рубежа XIX-XX вв. как сугубо европейской политики в соотношении с новыми геополитическими реалиями можно рассматривать как структурный кризис европейской дипломатии, разрешить который традиционными методами равновесия на данный период не представлялось возможным. Произошел перелом в системе международных отношений, нарушение равновесия между евроцентристским пониманием сложившейся обстановки и реальными условиями формирования внешнеполитической концепции государств, претендующих на мировое лидерство.

В процессе реализации своих внешнеполитических интересов безопасность одного государства зависит от состояния безопасности других государств, а еще более – от того, как эти государства воспринимают внешнюю угрозу и как они оценивают состояние своей безопасности. В этом суть так называемой «дилеммы безопасности»², наиболее полно проявившейся в начале XX в. Очевидно, что Германия и Великобритания, увеличивая расходы на вооружение, достаточно серьезно снизили общий уровень безопасности системы. Политика ведущих государств, являясь источником противоречий, вызывает противодействие со стороны других развитых стран, что приводит к смене лидера и изменению системы³. В этом случае в результате конфликта было возможно уничтожение одного или нескольких полюсов силы или появление совершенно нового лидера, ранее не играющего заметной роли.

Дисбаланс сил и взаимное непонимание, острота международных отношений и их проекция на внутригосударственные дела в конце концов все же привели к давно намечавшемуся мировому военному конфликту 1914-1918 гг., который представляется возможным рассматривать как стремление к сохране-

нию многополярного мира, преимущественно на европейской основе. Поэтому наличие "дилеммы безопасности" в условиях неуправляемой международной среды, которая имела место в начале XX в., создает ситуацию, в которой стремление политиков защитить национальные интересы может привести к столкновению, даже если все стороны хотят избежать его⁴.

При явном возвышении и стремлении к лидерству Германии в политике других держав (в первую очередь Великобритании и Франции) прослеживается тенденция к усилению собственного влияния как компенсации за изменение существующего положения. На первый план выдвигаются переговорные процедуры, которые также имели место при столкновении интересов ведущих держав на рубеже XIX и XX вв., или какие-либо силовые акции, как правило, инициированные со стороны государств, претендующих на лидерство. Руководители Германии, как политические, так и военные, переоценивали мощь ее вооруженных сил и заявляли о подготовленности к неминуемой, по их мнению, войне с Францией и Россией. Именно это утверждение, лежащее в основе милитаристско-агрессивного курса политики Германии, проявлялось в острых военно-политических кризисах начала XX в.⁵ Таким образом, диспропорция между потенциалом стран и их дипломатией часто является причиной изменения мирового порядка, направленного против тех, кто представляется претендующим на роль "возмутителя спокойствия"⁶.

Одним из наиболее ярких проявлений европейской политики рубежа XIX–XX вв. было положение стабильности, по своей сути более близкое к выражению "статус-кво". Своей задачей европейские государства считали сохранение существующего положения исходя из возможных потерь от нарушения мира. Центральным мотивом этой политики была опора на военную силу и экономическую мощь, которые, как казалось, должны были уберечь от потенциальных конфликтов. Вспомним, хотя бы, безудержное строительство военно-морского флота Англией и Германией – по своей сути все это было направлено на мирное решение существующих споров; а военная сила была скорее гарантом безопасности и проецирования своих интересов на различные регионы мира.

Таким образом, политика европейских государств была ориентирована на нейтрализацию негативных воздействий потенциально опасных конфликтов в соответствии с неприемлемостью войны как средства достижения цели и возможностью необходимого компромисса. Причем главной целью считалось сохранение статус-кво, а главным условием ее реализации – сохранение силового равновесия⁷. Но, как показало дальнейшее развитие событий, попытки зафиксировать статус-кво, сохранить его любой ценой, приводят рано или поздно к взрыву и катастрофе⁸.

Рассмотрим теперь соотношение терминов "баланс сил", который регулярно используется по отношению к европейской дипломатии конца XIX – начала XX вв., и "силовое равновесие", характеризующее реалии международных отношений рубежа веков. Категория "баланс сил" скорее соответствует некой системе, каждый элемент которой в целом равен другому, но сама система не является устойчивой единицей, поскольку общее соотношение не приводит к установлению суммарного равенства между отдельными ее частями. То есть государства, имеющие потенциально одинаковые возможности, путем различных комбинаций союзов и договоров приводят систему к нестабильности. При отсутствии комбинаций устойчивость данной структуры представляется непрекращаемой, но в силу невозможности отказа от своих геополитических интересов и экономических задач возможности установления такой стабильности сводятся к минимуму. Да и в целом баланс сил скорее соотносится с неопределенной системой соотношения сил, каким бы оно ни было.

Понятие же "силовое равновесие" определяет соотношение мощи государств независимо от их внешнеполитических интересов и заключенных договоров. Это означает примерное равенство сил и равноудаленность интересов государств друг от друга. Силовое равновесие - это не обязательно равенство влияния, но и равенство возможностей каждой группы наращивать свою силу за счет союза с другими странами, но при условии, что все субъекты равновесия обладают такой же возможностью. В идеале силовое равновесие предполагает относительно равномерное распределение силы во всей системе международных отношений, но на практике этот идеал неосуществим⁹. Похожая модель существовала до заключения Тройственного союза в 1882 г., когда традиционная система регуляции международных отношений была нарушена, а индивидуальное силовое равновесие стало перерастать в коалиционное.

Перед 1914 г. рост могущества рейха и непримиримое противостояние между Германией и Францией способствовали трансформации системы: альянсы приобрели тенденцию к постоянству, кристаллизовались в блоки¹⁰. Таким образом, традиционная многополярная модель мира в соотношении с изменяющейся системой регуляции международных отношений становится главной чертой европейской политики. Но изменение силового равновесия и равноудаленности государств друг от друга оказали негативное влияние на мировой порядок, что, наряду с плохим осознанием политических реалий, и стало одной из главных причин Первой мировой войны.

"Идея равновесия всегда мирилась с самым несправедливым status quo и всегда препятствовала самым справедливым переменам в нем"¹¹. Тем самым равновесное состояние всей системы представлялось не более как постоянно изменяющийся баланс сил с пропорционально присутствующими в нем элементами. Но поскольку идея равновесия сил основывается на опасении нападения и предполагает, что каждое государство должно пребывать в состоянии вести войну, баланс сил вряд ли можно рассматривать в качестве инструмента сохранения мира¹². К тому же признавались возможными насильственные действия в отношении третьих стран для поддержания существующего положения.

При этом понятие статус-кво, которым длительное время оперировали дипломаты на рубеже веков, по своему определению сводится к стабильности, заключенной на определенном временном отрезке, т.е. не способной к дальнейшему своему развитию. Это в полной мере доказал опыт политики европейских держав накануне Первой мировой войны: существующие проблемы и противоречия не разрешались, а приобретали все более глобальный характер. Это обстоятельство усугублялось также различием методов регулирования межгосударственных отношений и их запутанностью. Общей целью политической игры, основанной на равновесии сил, было не сохранение мира, а сохранение системы¹³. Если державам Антанты было выгодно поддержание т. н. статической стабильности, т. е. ориентированной на сохранение существующего положения любыми легитимными методами, то Тройственный союз больше стремился к конфронтации и динамическому развитию. Отношения же внутри коалиций при стабилизации внешнегосударственных курсов государств оставались сложными и непредсказуемыми, но имеющими потенциально серьезную базу для дальнейшего сотрудничества. Возникшая между ними динамическая стабильность, имеющая в своей основе общие политические интересы несмотря на разногласия по конкретным вопросам, длительное время оставалась сдерживающим фактором для перерастания конфликтов в военную фазу.

⁹ Арон Р. Мир и война между нациями. М., 1984. С. 209.

¹⁰ Давыдов Ю.П. Норма против силы. М., 2002. С. 21.

¹³ Введение в теорию международных отношений. М., 2001. С. 122.

⁴ Давыдов Ю.П. Указ. соч. С. 23.

⁵ Россия и Германия. Вып. 3. М., 2003. С.245.

⁶ Арон Р. Указ. соч. С. 121.

⁷ Богатуров А. Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002 С.157.

⁸ Там же. С. 57.

⁹ Давыдов Ю.П. Указ. соч. С.134.

¹⁰ Арон Р. Мир и война между нациями. М., 1984. С. 90.

¹¹ Милуков П.Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. М., 2003. С. 36.

¹² Давыдов Ю.П. Указ. соч. С. 37.

¹³ Там же. С. 139.

Фролова Я.А.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (1918-1922): ПОЛИТИКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Политическая история человечества - это в значительной мере история войн, которые представляют собой сложный социально-политический процесс и, согласно высказыванию К. Клаузевица, являются продолжением политики другими средствами. Войну можно рассматривать с различных позиций, но является ли она предметом структурно-территориального анализа?

Военные действия ведутся на территории и за право обладания ею ввиду того, что из всех сфер геотории лишь поверхность суши является естественной средой обитания человека. Безусловно, технический прогресс позволил пространственно расширить военные столкновения на аква- и аэроторию. Однако попытка установить контроль над ними по-прежнему опирается на земную поверхность (порты, бухты), впрочем, как и базирование войск и размещение субъектов военного конфликта (например, государств). Любая война территориальна, так как обладает собственными координатной и конфигуративной характеристиками. Координатный ряд определяется по классической схеме географических координат (пример – боевые действия велись в пределах 50–55° с.ш. и 130–170° в.д.). Используя полученные данные, военные действия схематично можно вписать в какую-либо геометрическую фигуру (треугольник, прямоугольник), которая и является данностью конфигуративной характеристики¹.

Территориальную проекцию проявления войны возможно рассмотреть с помощью метода географического районирования, которое подчиняется тому смысловому содержанию, которое в него вкладывается. Результат – милитарный район, выделение которого строиться на основе ряда признаков, а именно:

- базисных (территория, вовлечённая в военный конфликт и наличие территориально-политических субъектов конфликта);

- основных (факт ведения и специфика боевых действий в пределах конкретной территории, четкие границы их распространения, а также совокупность геополитических интересов участников войны);

- обеспечивающих (внутрирайонный общегеографический фон).

Их логичное объединение позволяет идентифицировать милитарный район как временное политико-географическое образование, возникающее в пределах конкретных пространственно-временных координат на основе действительной стороны военного конфликта. К отличительным чертам подобных районов можно отнести:

1. относительную кратковременность существования, где военные действия служат началом образования, а прекращение знаменует собой окон-

чание их функционирования;

2. дисперсное распространение, то есть возможность не ограничить с данным аналогичного порядка; при этом стоит учитывать, что эти районы не являются изолированной системой и могут взаимодействовать с данностями другого порядка;

3. способность вмещения в свои пределы территорий, не задействованных в военных действиях (штабы военного руководства, резервные территории, места дислокации войск, продовольственные базы и склады с оружием).

Человечество вступило в III тысячелетие отягощенным многочисленными территориально-политическими противоречиями, которые уходят своими корнями в прошлое. Рассмотрение связанной с ними проблематики без должной теоретической основы представляет собой почву для развития различного рода инсинуаций. Подобная ситуация не стала исключением ни для России в целом, ни для ее регионов в частности.

Современное состояние российского Дальнего Востока есть результат тех процессов, которые проходили здесь в конце XIX-начале XX вв. Это касается всех без исключения аспектов его развития, в том числе и политического, который при анализе различных источников представляется наименее изученным. Следовательно, было бы грубой ошибкой игнорировать попытку заполнения имеющихся брешей в исследовании, касающихся протекания политических процессов, а именно их преломление на данной территории в военное время, с использованием политико-территориального анализа.

Для обозначенного региона подобные исследования представляются актуальными по ряду причин. Во-первых, данная территория не раз становилась узлом острых социально-политических противоречий; во-вторых, регион уязвим ввиду усиливающегося внимания к нему со стороны иностранных государств; в-третьих, укрепление в АТР своего политико-территориального присутствия является для России одной из ведущих геополитических задач.

Наиболее значимым политическим процессом в истории российского Дальнего Востока стала Гражданская война, явившаяся катализатором внутри-региональной политической жизни по причине решения принципиально важных вопросов – форма правления и государственная принадлежность региона. Ни до этого события, ни после острота и активность политических процессов не достигала такого разнообразия и накала. Этот период структурировал данную территорию в социально-политическом отношении, выявив наиболее значимые элементы политико-территориального устройства, то есть своеобразные “нервные узлы” политической активности.

События этой войны освещены довольно полно, при этом прослеживается тенденция о подавляющем большинстве тем посвященных либо описанию военно-процессуальной событийности, либо расстановке идеологических маркеров. К сожалению, научный подход, позволяющий рассмотреть это явление непредвзято, реализовывался крайне редко.

Предлагаем рассмотреть Дальневосточный милитарный район (ДВМР), выделенный нами на востоке России в связи с событиями 1918-1922 гг. Первоочередной задачей при этом является определение границ рассматриваемой территории. Так, северной границей района выступил Становой хребет, к северу от которого ввиду экстремальности природно-климатических условий, слабой заселенности и низкого уровня хозяйственного освоения территории ведение боевых действий было объективно затруднено. На востоке район ограничивался береговой линией Японского и Охотского морей. Военные операции на островах имели локальный вид и характеризовались либо установлением контроля, либо экономической экспансией над отдельным населённым пунктом.

Что касается южной границы, то здесь логичным было бы её проведение по государственной границе России с Китаем. Однако в пределах Манчжурии происходило формирование и дислоцирование белогвардейских и японских частей, располагалась их управленческая и материальная базы. К тому же здесь проходит Китайская Восточная железная дорога (КВЖД), которая в силу своего географического положения играла стратегически важную роль в обеспечении боевой активности участников конфликта. Таким образом, при определении южной границы за основу был взят принцип логической реконструкции взаимосвязанных событий — отсюда проведение её целесообразно именно по линии КВЖД. Западный рубеж района имел комбинированный характер. Он представлял собой своеобразное “горло”, включающее в себя такой труднопреодолимый природный объект, как Байкал и узкий участок суши между его южной оконечностью и государственной границей России с Внешней Монголией. Следовательно, в очерченных рубежах ДВМР представлял собой достаточно большой по площади треугольник, опиравшийся своим основанием на тихоокеанскую акваторию, а вершиной обращённый к Байкалу; по центру его рассекала Амуро-Уссурийская речная дуга и параллельная ей линия Транссиба.

Общая схема функционирования структуры района во время войны выглядела так: ядра (Южно-Приморское, Среднеамурское, Верхнеамурское и Восточно-Забайкальское), наиболее развитые в промышленном отношении территории с высокой концентрацией населения, стали первыми очагами военной агрессии. Их центры располагались однолинейно и имели контакт между собой благодаря наличию таких структурных осей, как Амур с притоками, Транссиб, КВЖД, по которым осуществлялся оперативный межъядерный обмен информацией, переброска воинских отрядов, а территория северо-восточного Китая выступила в качестве резервной территории.

Территориальная специфика ведения боевых действий заключалась в ярко выраженном осевом характере, главной полосой распространения которых стал Транссиб. В этот период широко применялась “железнодорожная стратегия”, при которой удержание одной из конфликтующих сторон конкретного транспортного участка соответствовало обладанию ключевой геостратегической позицией в районе. Так, например, командование США и Японии располагало свои гарнизоны по линии Владивосток — Спасск — Хабаровск — Благовещенск — Чита — Верхнеудинск — Манчжурия². Военные действия выявили стратегическую ценность большинства объектов региона, была получена наглядная пространственная модель ведения возможных боевых действий в случае проникновения внешнего врага, а сложное сочетание геополитических интересов политических акторов, среди которых выделялись такие, как возможность образования сепаратистского государства на территории российского Дальнего Востока или аннексия данной территории, еще раз продемонстрировали значение региона для стран-лидеров АТР³.

В заключение отметим, что существует возможность использования милитарного фактора в качестве самостоятельной основы при выделении подобного типа районов на любой территории, используя ретроспективный политико-территориальный анализ. Кроме того, обострение милитарной обстановки как на планетарном, так и на региональном уровнях со всей остротой ставит вопрос о необходимости изучения ведшихся военных действий для использования полученного опыта в возможных военных конфликтах.

¹ Фролова Я.А. К вопросу о разработке теоретических основ милитарного районирования / Современные проблемы регионального развития: материалы I межрег. науч. конф. Хабаровск, 2006.

² См.: Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957.

*Войтова Я. Н.
Кубанский государственный университет*

ПЕТРОГРАДСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАКЕДОНСКОГО ЭМИГРАНТА Д. ЧУПОВСКОГО (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX В.)

Македонский национальный вопрос с момента его возникновения (после Берлинского конгресса 1878 г.) вызывал значительный интерес российской общественности в силу этнического родства, географической, языковой и религиозной близости двух народов. Во многих печатных изданиях России, политических кружках велись горячие дискуссии вокруг проектов решения македонской проблемы. В среде русской общественности все более утверждалось представление о конституировании нового славянского национального и государственного субъекта на Балканах.

Македонская эмиграция в России вела борьбу за объединение страны, даже в условиях Первой мировой войны. Именно благодаря активной деятельности эмигрантов мир узнал о главных стремлениях македонского народа – восстановлении территориальной целостности и создании независимого автономного государства.

Особое место в деятельности македонской эмиграции принадлежит Петроградской колонии, идейным руководителем которой был Дмитрий Чуповски. Среди немалого числа публикаций в российской печати по македонскому вопросу, его статья «Македонское государство», опубликованная в газете «Славянин», обращает на себя особое внимание: «...Балканский полуостров слишком невелик для того, чтобы на нем не могло мирно ужиться несколько великодержавных идей. Только федеративное государство, состоящее из всех балканских народов, в которое должна входить на равных правах неделимая, самостоятельная во внутренних делах Македония ... может упрочить мирное сожитие и прогресс балканских народов. Мы верим, что так и будет, но... больно, если до этого убеждения дойдут только путем новых, кровавых жертв...»¹. Опасения Д. Чуповского оправдались – Македония была разделена.

В мае 1913 г. македонские деятели Петрограда добились права издания журнала «Македонски глас», первый номер которого вышел 9 июня 1913 г. В то же время видными деятелями был подписан второй «Меморандум македонцев к правительствам и к общественному мнению союзных балканских держав». На страницах журнала «Македонски глас» велась активная пропаганда за независимость и целостность Македонии, за создание македонского государства. Посредством журнала Петроградская колония информировала мировую общественность о терроре и организованном грабеже македонского народа, о денационализации, проводившейся на территории страны, о будущем Балкан и месте Македонии на полуострове². В марте 1914 г. под давлением балканских стран выход журнала был временно приостановлен, более того, балканские соседи требовали запрещения журнала и ареста его издателя Д. Чуповского. Журнал был закрыт вскоре после начала Первой мировой войны.

Непосредственно после начала Первой мировой войны Д. Чуповски направил Меморандум русскому правительству в Петрограде, в котором указывал на возникшее в Македонии положение после ее раздела между балканскими государствами. «... Под видом братской помощи, сочувствия и содействия нашим стремлениям, болгары и сербы подготавливали почву для подчинения се-

бе Македонии – целиком или по частям... Спор вокруг Македонии представляет угрозу миру на Балканах и интересам балканского славянства. Вот почему мы, македонцы, считаем, что сегодняшняя общеевропейская война, которая решит судьбы славянства в целом, в обязательном порядке урегулирует также и судьбу нашей родины. Мы надеемся, что Россия не забудет Македонию и что на сей раз македонский вопрос будет решен прежде всего в интересах самого местного македонского населения, а затем в интересах России и славянства»³. В этом мощном по значению документе давался полный обзор истории Македонии и македонского вопроса, рассматривалась преемственность национально-освободительной борьбы македонского народа и ее значение для всего славянства.

Деятели македонской колонии в Петрограде направляли множество других официальных документов мировой и балканской общественности, к македонскому народу, в которых излагали свои взгляды по проблеме⁴.

За подписями членов македонской колонии в Петрограде был направлен специальный призыв «К своим братьям в Сербии, Болгарии и Греции», «как первым борцам за христианско-славянскую идею на Балканском полуострове», вступить в «святую войну» за «объединение всего славянства и за светлое будущее его отдельных народов»⁵.

Особое значение имеет Меморандум русскому министру иностранных дел от 14 августа 1914 г., подписанный и переданный представителями Санкт-Петербургской, Одесской и Южно-русской македонских колоний Д. Чуповским и К. Мисирковым. В этом официальном документе излагается вся история македонского вопроса. Подписавшие Меморандум указывают, на то, что сербско-болгарский спор о Македонии «является вечной угрозой миру на Балканах и интересам Балканского полуострова. Вот почему мы, македонцы, полагаем, что нынешняя общеевропейская война ... не преминет устроить также и судьбу нашей родины...»⁶. В период войны было издано несколько меморандумов, воззваний и резолюций по македонскому вопросу, под македонским флагом проходили демонстрации на улицах Петербурга, собрания и митинги в поддержку македонцев. Македонская колония в Петрограде и после закрытия журнала продолжала деятельность в среде русской общественности, в частности, в авторитетном Обществе славянской взаимности, где специальная комиссия, состоявшая из русских, македонских, сербских и болгарских представителей в июне 1915 г. подготовила «Резолюцию по македонскому вопросу», которая была опубликована отдельным изданием редакцией «Македонского гласа»⁷.

В апреле 1916 г. Д.Чуповски отправился в Македонию с целью организовать борьбу народа. Но ему удалось добраться только до румынской границы, от дальнейших попыток посещения Македонии ему пришлось отказаться. Вернувшись в Россию, Д.Чуповски продолжал борьбу за объединение Македонии, занимался организационной деятельностью в среде эмиграции, внимательно следил за событиями на Балканах. В августе 1917 г. ему пришлось уехать из Петербурга на юг, в Донскую и Кубанскую области. Здесь он со своим другом Г. Угриновским (активным членом Македонской колонии в Петрограде и Македонского революционного комитета) развернул на Кубани широкую общественную деятельность, связанную с судьбой Македонии⁸.

О деятельности Д.Чуповского в Петрограде, Ейске, Ростове-на-Дону, Екатеринодаре-Краснодаре сведений крайне недостаточно. О некоторых обстоятельствах революционной деятельности Д.Чуповского мы узнаем из его автобиографии, из которой следует, что в начале 1918 г. он отправился в Ейск, где жила его семья и оставался там до 1922 г., работая сначала на овощно-плодосушильном предприятии, после болезни работал на первой советской мельнице, а с 1 сентября 1920 г. по 1922 г. находился на службе в отделе

управления Красного военного флота Кавказского сектора. В воспоминаниях о тех же годах он писал: «Октябрьскую революцию я встретил в Ленинграде как ревностный ее сторонник. В то время мы, македонские эмигранты, призывали балканские народы к свержению династий на полуострове и созданию Балканской Федеративной Демократической Федерации во главе с Советом. В этих призывах... выражался наш протест против грабежа и насилия на Балканах»⁹.

Подлинно не известны причины переезда Д.Чуповского в Ленинград и длительного (с 1 ноября 1921 г. по 1 июля 1923 г.) перерыва в работе.

Даже в самые тяжелые годы Д.Чуповски продолжал эмигрантскую деятельность и до конца жизни отстаивал идею единой независимой Македонии. Его глубоко волновали события на Балканах и в Коминтерне, идея Коминтерна о Балканской федерации, но непременно с македонцами в качестве отдельной нации в рамках отдельной федеративной единицы. Он знал о деятельности Внутренней Македонской Революционной организации Т.Александрова, о связях и помощи России этому движению, о торге А.Стамболийского с Белградским правительством относительно Македонии. В марте 1923 г. Д.Чуповский написал статью в газету «Правда» под названием «Революционная Македония ждет поддержки в своей борьбе», в которой отмечал, что «независимость Македонии отстаивается нами вместе с идеей создания Балканской Народной Федеративной Республики как ее неперемное условие...»¹⁰.

Активная деятельность Д.Чуповского навсегда останется в истории борьбы за создание независимой Македонии. В 20-е гг. XX в. он начал работать над объемным македонско-русским словарем, а также энциклопедической книгой о Македонии и македонцах. Однако, его смерть в 1940 г. не позволила реализовать эту огромную по значимости задачу. Д.Чуповски был похоронен в Ленинграде. На гранитном надгробном кресте его сыном Ростиславом были начертаны следующие слова: «Борец за право и свободу македонского народа». В 1990 г. с высокими государственными почестями его могила была перенесена в столицу Республики Македонии г. Скопье.

¹Ристовски Б. Русско-македонские исторические связи// Македония: Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997. С. 36-37.

²История македонского народа. Скопье, 1986. С. 239.

³Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. В 2-х т. Т. 1. Скопье, 1985. С. 632-637.

⁴Ристовски Б. Македонија и македонската нација. Скопје, 1995. С. 274.

⁵Там же.

⁶Ристовски Б. Русско-македонские исторические связи... С. 39-40.

⁷Терзиоски Р. Некои активности на македонски дејци во Русија за решавање на македонското прашање (1914-1918)// Македонија. Прашања од историјата и културата. Скопје, 1999. С. 297-298.

⁸Ристовски Б. Столетија на македонската свест. Скопје, 2001. С. 503-504.

⁹Там же. С.507-508.

¹⁰Ристовски Б. Русско-македонские исторические связи... С. 44.

Гейко Е.А.
ФГОУ ВПО «Курская ГСХА»

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1922 Г.

Генуэзская конференция проходила с 16 апреля по 19 мая 1922 г. Это была самая крупная и представительная международная встреча после Парижской мирной конференции. Она была созвана для рассмотрения экономической реконструкции Европы после опустошения Первой мировой войной и во многом

повлияла на дальнейшее развитие дипломатических отношений в Европе¹.

В отечественной историографии подробно рассматриваются вопросы, связанные с пребыванием советской делегации на Генуэзской конференции, участие других стран, игравших на конференции важную роль, изучено недостаточно полно. Однако Советская Россия была только частью, хотя и ключевой, «великого проекта» восстановления европейской экономики, который пытался реализовать на этой конференции английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж (он привязал проблемы репараций и французской безопасности к вопросам европейской реконструкции и восстановления отношений с Советской Россией). Созыв столь масштабной конференции для решения мировых проблем был идеей британского премьер-министра. Великобритания хотела на этой конференции выйти из того тупика, в который зашли союзники, пытаясь решить проблемы послевоенного мира. Германия стремилась решить свои проблемы, связанные с репарациями и униженным положением в послевоенном мире, которое ей навязывала Франция.

Первоначально Ллойд Джордж намеревался созвать конференцию для пересмотра репарационного вопроса в связи с общим экономическим положением Европы. В течение первой четверти 1922 г. британский премьер-министр подавал Германии надежды, что репарации будут обсуждаться в Генуе. Министр иностранных дел Германии В. Ратенау считал, что Ллойд Джордж склонен к сотрудничеству². Между британскими и немецкими представителями проходили беседы, которые, казалось, указывали на расхождение британской и французской политики. К началу 1922 г. британский премьер-министр открыто одобрил идею создания международного финансового консорциума с целью восстановления и развития большого российского рынка, которую предложили немецкий промышленник Г. Стиннес и В. Ратенау. Участие Германии в консорциуме должно было обеспечить выплату репараций. Но на совещании в Булони 25 февраля 1922 г. французский президент Р. Пуанкаре заявил, что Франция станет участвовать в Генуэзской конференции при условии, что на конференции не будет никаких посягательств на прерогативы Лиги Наций, не будет обсуждаться ни один пункт Версальского соглашения и не будет поднят вопрос о репарациях, т.к. будут присутствовать нейтральные страны, которые не имеют отношения к этому вопросу³. Британский премьер-министр был вынужден уступить французскому президенту, чтобы спасти конференцию.

Отношение Англии к Германии внезапно охладело. В начале марта 1922 г. Ллойд Джордж отказался встретиться с Ратенау, хотя премьер-министр в декабре 1921 г. обещал встречу, на которой предполагалось обсудить стратегию решения проблем Германии в Генуе. Ллойд Джордж также отказался принимать немецкую делегацию после её прибытия. Вместо этого Ллойд Джордж запугал Берлин возможностью договора между силами союзников и Россией, из которого немцы будут исключены, если они не подчинятся Генуэзскому соглашению. В следующие недели Ллойд Джордж продолжал бойкотировать Германию. Ратенау был в отчаянии. Его письмо премьер-министру от 2 апреля, в котором запрашивался обмен мнениями в Генуе, осталось без ответа⁴, т.к. Ллойд Джордж, боясь французского отказа от конференции, тщательно воздерживался от любых предшествующих обсуждений проблемы репараций с немецким министром иностранных дел⁵. Одновременно проходили переговоры с Россией, и Ллойд Джордж потребовал, чтобы они держались в секрете от немецкой стороны.

Немцы боялись, что союзники и Россия могут достигнуть соглашения по ст. 116 Версальского соглашения, которая резервировала права России на репарации. Так как Ллойд Джордж продолжал уклоняться от многочисленных запросов Ратенау о встрече, члены немецкой делегации выражали свое беспо-

койство другим британским должностным лицам⁶. Хотя обеспокоенность немцев была необоснованна (британские документы свидетельствуют, что Ллойд Джордж обсуждал с российской делегацией только проблему царских долгов), поведение премьер-министра увеличивало их тревогу. Английский премьер-министр стремился создать в германских дипломатических кругах тревожную атмосферу с целью вынудить Германию пойти на значительные уступки. До начала Генуэзской конференции английская дипломатия целиком полагалась на зависимость Германии от Англии в осуществлении совместных планов эксплуатации богатств Советской России и репарационном вопросе.

На Генуэзской конференции работа проводилась в четырех комиссиях: политической, финансовой, экономической, транспортной. В работе всех четырех комиссий участвовали делегаты каждой из пяти держав-инициаторов конференции, представители Советской России и Германии. Но обсуждение взаимоотношений с Советской Россией по инициативе Ллойда Джорджа было вынесено за рамки официальных комиссий и проходило на вилле английского премьер-министра с участием ограниченного круга делегатов Великобритании, Франции, Бельгии, Италии и Советской России. Сосредоточив полностью внимание на решении «русского вопроса», английская делегация допустила серьезную ошибку в отношении Германии. Во время переговоров с Советской Россией, в которых не участвовала Германия, среди журналистов и делегатов, не принимавших участие в переговорах, стали распространяться слухи о достигнутом соглашении между Советской Россией и странами Антанты без участия Германии. Особое беспокойство испытывали германские представители, в первую очередь министр иностранных дел Ратенау и глава восточного департамента МИД Германии Мальцан, который был сторонником соглашения с Россией. Советская делегация знала о растерянности немцев и поспешила ее использовать. Поздно ночью 15 апреля заведующий экономическо-правовым отделом НКВД А.Сабанин позвонил Мальцану и попросил его передать рейхсканцлеру Вирту, что Г.В.Чичерин предлагает продолжить переговоры, начатые в Берлине⁷. 16 апреля 1922 г. в местечке Рапалло близ Генуи был подписан знаменитый советско-германский договор.

Новости о русско-германском соглашении взорвались подобно бомбе. Удивление и гнев участников конференции были огромны. Министерство иностранных дел Великобритании было поставлено перед неприятным фактом: оно пропустило многочисленные признаки восстановления русско-германских отношений⁸. Политическое существование Ллойда Джорджа зависело от возвращения домой с положительным результатом⁹. Поэтому 19 апреля он встретился с немецким канцлером Виртом и министром иностранных дел Ратенау. Премьер-министр сообщил, что с начала конференции постоянно работал над изменением французской точки зрения в благоприятном для Германии ключе, и достиг в этом определенных результатов. Однако секретное заключение договора с Россией свело его усилия на нет. Ллойд Джордж убеждал немцев аннулировать договор, но безрезультатно¹⁰.

Тогда он попытался исправить положение, заключив договор с Россией. Около 20 апреля наступил тот момент, когда англо-германо-русское сближение казалось близким к осуществлению¹¹. Ллойд Джордж даже согласился на посредничество немцев в заключении договора с Россией. На встрече с рейхсканцлером Виртом и министром иностранных дел Ратенау 4 мая он просил немцев передать русским, что Великобритания стремится достигнуть с ними соглашения. Немцы использовали ситуацию. Вирт и Ратенау, в свою очередь, подчеркивая безнадежное положение немецкого бюджета, потребовали, чтобы Ллойд Джордж использовал свое влияние во Франции для решения проблемы

репараций¹². Вирт также хотел, чтобы Ллойд Джордж выпустил декларацию, в которой одной из важных политических целей Великобритании было решение репарационного вопроса без применения силы. Премьер-министр согласился, при условии, что ответ России будет достаточно примирительным¹³. Однако переговоры с Россией на Генуэзской конференции не дали результата.

Таким образом, накануне и в ходе Генуэзской конференции отношение Великобритании к Германии неоднократно менялось от поддержки до игнорирования в зависимости от целей английской внешней политики и оценки статуса Германии. Можно согласиться с оценкой консультанта немецкого посольства в Лондоне Альберта Дафоера, который отмечал, что «...в настоящее время Ллойд Джордж дружелюбен к Германии, поскольку мы можем быть полезны в его большой игре. Все же настроение этого неисправимого оппортуниста может измениться очень быстро»¹⁴. Благодаря заключению Рапалльского соглашения из побежденной страны, Германия превратилась в посредника, диктующего свои условия. В 1922 г. такое положение Германии было еще временным, и немецкие политики это прекрасно осознавали.

¹ White S. The origins of detente: the Genoa conference and Soviet-western relations, 1921-1922. Cambridge, 1985. P. 7.

² Documents on British foreign policy 1919 – 1939. Vol. XV. L., 1956. P. 453.

³ Ibid. P. 452 – 461.

⁴ Rathenau to Lloyd George, 2 Apr. 1922, PA-AA, R 29442 / См.: Salzman S. Great Britain, Germany and the Soviet Union. Rapallo and after, 1922 – 1934. Woodbridge, 2003. P. 17.

⁵ Kleine-Ahlbrandt W. L. The Burden of victory: France, Britain and the enforcement of the Versailles peace, 1919 – 1925. Lanham etc., 1995 P. 83.

⁶ Documents... P. 454.

⁷ Аршинцева О.А. Политика Великобритании в отношении Германии в 1922 – 1925 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Томск, 1987. С. 64.

⁸ Tyrell to Curzon, 27 Apr. 1922, Curzon papers, MSS Eur F 112/227 / См.: Salzman S. Op. cit. P. 23.

⁹ Morgan K.O. The age of Lloyd George. L., N.Y., 1971. P. 233.

¹⁰ Documents... P. 454.

¹¹ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 213.

¹² Wirth Aufzeichnung «Ostpolitik», Aug. 1942, Wirth papers, NL Wirth 32, vol. 192 / См.: Salzman, S. Op. cit. P. 201.

¹³ Ibid. P. 21.

¹⁴ Ibid. P. 18.

Климович Л.В.

Саратовский государственный университет

АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ КАЗЕМ-БЕК

Попытка российской эмиграции по-новому понять причины произошедших в России событий: революции, гражданской войны, краха Белого движения и становления советской власти привели к формированию пореволюционных течений. Наиболее интересным и ярким, на наш взгляд, является движение младороссов. Оно стало широко известно в эмигрантских кругах во многом благодаря лидеру движения Александру Львовичу Казем-Беку.

Александр Львович Казем-Бек родился 2 (15) февраля 1902 г. в Казани в семье военного из знатного дворянского рода. Он был одним из основателей скаутского движения в России¹. Принадлежность Александра к скаутизму оставили в нем неизгладимый след. Еще будучи руководителем скаутов, в 1918-1919 гг. он обнаружил, что обладает способностью притягивать к себе других людей и оказывать на них большое влияние. Во время Гражданской войны Александр служил в Белой Армии.

В феврале 1920 г. семья Казем-бека вместе с Белой Армией оказалась в

изгнании. Через Константинополь и Салоники они попали в Белград. Несмотря на многочисленные попытки, Александр так и не получил университетского диплома. В 1921 г. он женился на Светлане Эллис, женщине, которая делила с ним тяготы эмигрантской жизни, родила ему детей и в итоге осталась одна.

В 1923 г. Александр с семьей переехал в Мюнхен, где в феврале 1923 г. принял участие во Всеобщем съезде национально мыслящей молодежи. Главной идеей съезда стал вопрос «о необходимости скорейшего водворения в России, ее исконного монархического строя и восстановления в ней власти законного царя из дома Романовых»². На съезде Казем-Бек был избран председателем (главой) организации «Молодая Россия», которая в 1925 г. была переименована в «Союз младороссов». В конце 1923 г. Казем-Бек переезжает в Париж, где живет до начала Второй мировой войны. Младороссы считали, что революция оказала положительное, обновляющее влияние на Россию. Они признавали систему Советов, огосударствление экономики, но коммунистов считали промежуточным этапом на пути к «синтетическому типу» общественного устройства, при котором монарх выступит всеобщим арбитром и гарантом Конституции. Власть государя должна легитимироваться народными массами, участие которых в управлении страной должно обеспечиваться через систему Советов. Младороссы отвергали всякое насилие над народом России и бурно выступали против иностранной интервенции в СССР, пусть даже с целью свержения власти большевиков.

Движение выпускало свои периодические издания: «Оповещение Союза младороссов»³, журнал «Младоросс»⁴, газету «Младоросская искра»⁵ и «Бодрость»⁶. Казем-Бек являлся одним из главных авторов статей. Александром Львовичем были написаны общественно-политические труды, такие как сборник его докладов «Россия, младороссы, и эмиграция»⁷, очерки в первом сборнике младороссов «К Молодой России»⁸, а также его книги «К Советской Европе или к Молодой России» (1931 г.), «Перед фактом бонапартизма»⁹.

Младороссы были монархистами. В лице великого князя Кирилла Владимировича они увидели законного наследника престола. Союз с законной династией укреплял положение младороссов в эмиграции. Известно, что Казем-Бек принимал участие в составлении некоторых императорских актов и был докладчиком при великом князе.

В 1935 г. Союз младороссов был реорганизован в партию. Собрания младороссов собирали целые залы. Так описал одно из собраний корреспондент газеты «Последние новости»: «Более 2-х часов с небольшим перерывом говорил А.Л. Казем-Бек. Не подлежит сомнению, что слова его будили среди русских молодых людей бурю энтузиазма. Когда говорил он о величии России, когда призывал он Россию любить, несмотря на все, всегда помнить прежде всего о России, когда звал он к бодрости, к вере в русский народ, чувствовалось, что все зала вместе с ним»¹⁰.

Казем-Бек умел своими речами вызывать у слушателя состояние возбуждения и подъема, которое характерно для культа «вождизма». На собраниях его встречали приветствием «Глава! Глава! Глава!».

В сентябре 1933 г. представители русских фашистских партий решили провести конференцию в Берлине. В ее работе приняли участие А.А. Воняцкий (ВФО), П. Бермонд-Авалов (РОНД), А.Л. Казем-Бек («Союз Младороссов»). Целью конференции было образование единого антибольшевистского фронта. Но соглашение не было достигнуто, в частности из-за того, что А.Л. Казем-Бек был против любого иностранного вторжения в СССР и «никогда не разделял интервенционных иллюзий»¹¹. В итоге был заключен пакт о сотрудничестве, больше напоминавший протокол о намерениях, нежели официальное свидетельство о

конкретных действиях. Д. Стефан считает, что лидеры не смогли договориться по спорному вопросу: кто из них станет вождем антисоветского фронта¹².

Движение младороссов функционировало на деньги его членов и пожертвования, поэтому в 1934 г. Казем-Бек отправился в поисках субсидий в Италию для встречи с Муссолини.

В 1937 г. произошло событие, повлиявшее на дальнейшую судьбу Александра Львовича. 31 июля Казем-Бек встречался в парижском кафе с советским дипломатом Алексеем Алексеевичем Игнатьевым (в прошлом графом и одноклассником Казем-Бека по Пажескому корпусу).¹³ Эта встреча вызвала резонанс в эмиграции. Газета «Последние новости» громко заявила о встрече, не забыв наметнуть на связь А.Л. Казем-Бека с советской разведкой¹⁴.

После этого события А.Л. Казем-Бек подал в отставку с должности докладчика при императоре по иностранным делам. В газете «Бодрость» от 8 августа 1937 г. заявил следующее: «Я не имею право обременять великой ответственностью Государя своими действиями. Поэтому я признал необходимым просить Государя об освобождении меня от должности докладчика при Его императорском величестве по вопросам иностранной политики».¹⁵

В тревожное предвоенное время с целью собрать соотечественников он организовал в декабре 1938 г. «Обеды за круглым столом». Его лекция от 25 мая 1938 года на тему «Как там Россия?» была полностью напечатана в газете «Юный демократ» с комментарием: «Господин Казем-Бек русский настолько, насколько народные демократы являются французами»¹⁶.

Когда Вторая мировая война началась, А.Л. Казем-Бек послал Эдуарду Даладье телеграмму с заявлением, что он и все члены партии отдадут себя в полное распоряжение французского правительства для борьбы с Германией на стороне Франции¹⁷. В мае 1940 г. глава Партии Младороссов вступил во французскую армию, но воевать ему не пришлось, так как его арестовали и направили в лагерь Верне. Из лагеря он был освобожден в июле 1940 г.¹⁸ И только в октябре 1941 г. Казем-Бек с семьей перебрался в Нью-Йорк.

В 1944 г. Александра Львовича приглашают преподавать русский язык в Йельский университет. С 1946/1947 учебного года он возглавил кафедру русского языка и литературы в Коннектикутском колледже в Нью-Лондоне¹⁹.

Мысль вернуться на Родину не покидала его. Всю жизнь А.Л. Казем-Бек оставался приверженцем Русской Православной Церкви. Летом 1956 г. Александр получил визу в Советский Союз. Накануне отъезда он написал прощальное послание, где разъяснил: «Моя страна была любовью всей моей жизни ... Если я должен скоро умереть, я хотел бы умереть на моей родной земле. Я просто не могу жить за границей»²⁰.

По возвращению в Советский Союз А. Л. Казем-Бек был взят под контроль КГБ. В январе 1957 г. в газете «Правда» появилось «покаянное письмо» А. Л. Казем-Бека.²¹ Мотивы написания письма остаются неясными, возможно оно было написано под давлением советских спецслужб. В дальнейшем А.Л. Казем-Беку была предложена работа в «Журнале Московской Патриархии». Особенно интересны статьи Казем-Бека, посвященные русской Православной Церкви, жизни и деятельности Патриарха Алексея I, статьи о христианском единстве, о II Ватиканском Соборе, о выдающихся деятелях католической церкви и ряде протестантских теологов.

В 1962 г. А.Л. Казем-Бек был назначен старшим консультантом Отдела Внешних Церковных Сношений Московской Патриархии (Иностранный отдел). И до последних своих дней он самоотверженно работал в этой должности. Вплоть до 1974 г. Казем-Бек не мог выехать за границу, и только в 1974 г., уже больной, он получил разрешение поехать для встречи с дочерью во Францию.

Его сопровождала молодая женщина, на которой он женился в 1960 г.²²

Умер Александр Львович 24 февраля 1977 г., похоронен в Переделкино возле Храма Преображения Господня. Жизнь этого человека – напоминание о трагической и запутанной судьбе целого поколения, которое В.С. Варшавский назвал «незамеченное поколение». Покинув России в юности, Александр Львович так и не смог прижиться на чужбине.

¹ См.: Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. Paris, 1984. С. 107.

² Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М., 1992. С. 53.

³ Оповещение Союза младороссов. 1928-1930.

⁴ Младоросс: Ежемесячник. 1930 – 1936. № 1 – 42.

⁵ Младоросская искра: Двухнедельный орган Союза Младороссов во Франции. 1930-1940.

⁶ Бодрость!: Еженедельник. Париж, 1934 – 1940.

⁷ Казем-Бек А. Л. Россия, младороссы и эмиграция. Paris, 1935.

⁸ К Молодой России: Сборник младороссов. Париж, 1928.

⁹ Казем-Бек А. Л. Перед фактом бонапартизма. Paris, 1938.

¹⁰ Варшавский В.С. Указ. соч. С.59

¹¹ Казем-Бек А.Л. Россия, младороссы и эмиграция. С. 57

¹² См.: Стефан Д. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925 – 1945. М., 1992. С. 156.

¹³ См.: Кашапов Р. Социалист-монархист из Казани // Время – деньги. 2005. от 25 февраля. № 3132.//<http://ve-vid/article.jsp?id=15079>

¹⁴ Авантюра Казем-Бека // Последние новости 1937. от 25 февраля. С. 1.

¹⁵ Бодрость! от 8 августа 1937 года.

¹⁶ Массип М. Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек, русский эмигрант //Звезда. 2000. №10. С. 192.

¹⁷ Hayes N. Kazem-bek and Young Russians' Revolution//Slavic Review. 1980. №2. P. 267.

¹⁸ См.: Menegaldo H. Les russes dans le Sud-ouest de la France // Slavica Occitana. Toulouse, 1998. № 7. P. 166.

¹⁹ См.: Никитин В. Прощеное воскресенье младоросса//Русский мир. 2002.

от 4 марта. //http://religion.russ/people/20020304 – nikitin.nt

²⁰ Цит. по: Массип М. Указ. соч. С. 194.

²¹ Письмо в редакцию газеты «Правда» // Правда. 1957. от 16 января. № 16. С.4.

²² См.: Массип М. Указ. соч. С. 195.

Кораблева А.Е.

Арзамасский государственный педагогический институт

ЛИГА НАЦИЙ В ПАНЪЕРОПЕЙСКОМ ПРОЕКТЕ РИХАРДА КУДЕНХОВЕ-КАЛЕРГИ

После Первой мировой войны, когда Европа была территориально и экономически раздроблена, австрийский граф Куденхове-Калерги выдвинул свой план ее объединения. При этом он впервые попробовал воплотить свой замысел в жизнь. Хотя, если исходить из современных ему обстоятельств в Европе, этот план с самого начала был обречен на неудачу.

Европеизм Куденхове-Калерги был феноменом межвоенных лет. Черчилль в предисловии к его книге «Идея завоевывает мир» замечал: «Воскрешение идеи пан-Европы в основном отождествляется с графом Куденхове-Калерги. Эта тема могла быть им недоработана и непрактична, но импульс и вдохновение были верными»¹.

Интерес Куденхове к политике проявился с опубликованием «14 пунктов» Вильсона. В программе Вильсона он увидел возможность справедливого мира без национального угнетения и колониальной эксплуатации, «мира разоружения, свободной торговли, свободы и примирения»². «Новый мир, возникший тогда, был демократическим, республиканским, социалистическим и пацифист-

ским. Я приветствовал этот переворот... Моей большой надеждой была Лига Наций»³, - вспоминал Куденхове-Калерги. Но вскоре он убедился в том, что Версальский передел мира сделал Европу «более расчлененной, более раздираемой ненавистью, чем когда-либо ранее»⁴. Он приходит к выводу, что только создание объединенной Европы может стать необходимой предпосылкой спасения Лиги Наций. Это, по мнению Куденхове, позволит урегулировать спорные национальные вопросы, отменить таможенные барьеры и предотвратить угрозу со стороны Советской России. Для Куденхове-Калерги 26 европейских государств являлись собой анархией, которую Лига Наций была бессильна подавить. Продолжались войны между Россией и Польшей, Грецией и Турцией. Это поддерживало недовольство ревизионистов в Германии и сторонников договоров во Франции. Должно было быть найдено новое радикальное решение международной анархии и экономической расчлененности послевоенной Европы; для Куденхове оно заключалось в идее федерального союза континента.

Но существенным условием строительства Европейской Лиги должно быть ясное понимание того, что «в 1919 году Лига Наций потерпела неудачу»⁵. Пока существует надежда, что Лига Наций вновь может стать эффективной, многие европейцы предпочтут эту действующую организацию той, которая только может быть создана. А в отношении современной ему Лиги Куденхове был очень жестким: «Желая быть всем, она — ничто. Союз трех небольших государств, такой как Малая Антанта, - более влиятельный фактор в европейских делах, нежели Лига Наций, которая считает себя выразителем мнений человечества»⁶. Он считал, что современное сообщество государств Лиги нуждается в идеологическом, географическом, культурном или историческом основании, которое могло бы преобразовать их в федеративный союз⁷.

Не имея средств физического воздействия, Лига Наций могла полагаться только на свой моральный авторитет как главнейшая организация человечества. Ее престиж падал шаг за шагом. Члены Лиги в Азии, Америке, Африке вели войны друг против друга, которые она не могла остановить. Было утрачено и то, что оставалось от ее политической значимости, когда трое из ее европейских членов были захвачены и оккупированы соседом, а Лига даже не протестовала против этих действий. Таким образом, роль Лиги Наций как политического инструмента, по мнению Куденхове-Калерги, сыграна. Ее система коллективной безопасности и санкций рухнула. «Великая идея Вильсона об основании Лиги мирового масштаба для предупреждения будущих войн развалилась»⁸. С другой стороны, она оказалась полезна, т.к. имела всемирный комитет в Женеве, занимающийся различными техническими вопросами: эпидемиями, торговлей людьми, наркоторговлей, таможенными барьерами, образованием и т.д. Рост торговли будет постоянно увеличивать и число, и значимость этих межконтинентальных вопросов. Так что исполнительное значение Секретариата Лиги в будущем возрастет, если все государства, которые сейчас далеки от Лиги по политическим причинам, смогут присоединиться к этой всемирной исполнительной организации.

На настоящем этапе Куденхове предлагал не распускать Лигу Наций, а удалить ее от политики и сделать универсальной. Тогда она как моральная всемирная власть, не имеющая физической силы, сможет лучше служить миру между континентами и расами⁹. Лига Наций может быть опасна, только если она сделается защитницей европейской свободы и пожелает создать уверенность в том, что более тесный европейский союз будет излишним.

Концепция Куденхове предусматривала полную реорганизацию Лиги. В основу ее перестройки должен был лечь принцип «пяти планетарных силовых полей»: 1) американский, 2) британский, 3) русский, 4) дальневосточный (Китай

и Японии), 5) европейский. Совет Лиги мог быть преобразован в Совет этих региональных групп. Так как остальные регионы уже существовали, план Куденхове предполагал немедленное учреждение панъевропейской группы, решающей проблемы, которые не были ни национальными, ни всемирными, а сугубо европейскими¹⁰. В своем проекте реорганизации Лиги Наций Куденхове не исключал вступления в нее СССР и Турции. Это объяснялось политическими и практическими соображениями, но не означало принятия им коммунистической системы¹¹. В своей работе «Stalin & Co» он писал: «такое сосредоточение в одних руках духовной, политической и экономической власти является беспрецедентным... Оно столь же чуждо формам существования Запада, что и конституции старой Спарты или древнего Перу»¹².

Куденхове считал возможным заинтересовать Лигу региональной проблемой Европейского союза с помощью того факта, что принцип континентального регионализма может привести к вступлению в нее США и СССР и тем самым будет достигнута главнейшая цель – универсализм Лиги.

В октябре 1926 г. Куденхове-Калерги организовал в Вене первый конгресс Пан-Европы. На нем была утверждена организационная структура движения (по образцу Лиги Наций). Союз был составлен из национальных и международных секций, высшей инстанцией которых был Центральный Совет.

Однако после проведения первого конгресса Куденхове убедился, что моральная поддержка и словесное одобрение известных европейских государственных деятелей не оказывают никакого влияния на политику правительств. Европейская идея продолжала оставаться сферой частной пропаганды. И когда А. Бриан выступил со своей знаменитой речью 5 сентября 1929 г. на Ассамблее Лиги Наций о создании сообщества европейских государств, Куденхове вновь воодушевился¹³. Но опубликованный 1 мая 1930 г. меморандум Бриана его не удовлетворил, т.к. предполагал неограниченный суверенитет всех союзных государств, подчиненное положение Европы в Лиге Наций и примат политики над экономикой. Ответы 26 государств Европы были весьма противоречивы, хотя содержали готовность обсуждать вопросы европейского единения (одобрение французской резолюции об образовании комиссии по изучению вопроса о Европейском союзе в рамках Лиги Наций стало единственным результатом). Как полагал Куденхове, Бриан «стремился не к Европейской федерации, а к неэффективной Европейской Лиге Наций»¹⁴.

Необходимо отметить постоянство концепции Куденхове-Калерги относительно Лиги Наций. Он считал ее бессильным политическим и несправедливым юридическим учреждением, которое в ее нынешней форме представляет постоянную опасность для независимости Европы. Хотя теоретически он симпатизировал цели Лиги, но возражал против «механической» структуры ее членства, основанной на абстрактном принципе права любого государства на участие независимо от величины или других обстоятельств. Лига должна быть реформирована таким образом, чтобы она решала межконтинентальные проблемы, а европейские вопросы отошли к Пан-Европе. Это была своеобразная автономия Пан-Европы в рамках Лиги Наций. Однако в связи с игнорированием панъевропейской идеи правительствами европейских стран, с внутренними разногласиями в движении и геополитическими изменениями в мире попытки Куденхове реорганизовать Лигу Наций оказались безрезультатны.

¹ Coudenhove-Kalergi R. *An Idea conquers the world*. L., 1953. P. IX.

² Цит. по: Артемов В.А. Граф Рихард Куденхове-Калерги. Из предыстории европейской интеграции // Германия и немцы. История в человеческом измерении. Липецк, 2003. С.41

³ Coudenhove-Kalergi R. *Crusade for Europe. Autobiography of a man and a movement*. N.Y., 1943. P.24

⁴ White R. The Europeanism of Coudenhove-Kalergi//European unity in context. The interwar period. L., 1989. P.28

⁵ Coudenhove-Kalergi R. Europa must unite. Giarus, 1939. P. 142

⁶ Bingham A.M. The United States of Europe. N.Y., 1940. P.53

⁷ Coudenhove-Kalergi R. Europa must unite .. P. 143

⁸ Ibid. P. 144

⁹ Ibid

¹⁰ Coudenhove-Kalergi R. Crusade for Europe...P. 106

¹¹ Флери А. Куденхов-Калерги, Лига Наций и СССР // Объединение Европы и Советский Союз. 1919 – 1932: Материалы международ. Коллоквиума. М., 1999. С. 37

¹² Coudenhove-Kalergi R. Stalin & Co. Leipzig-Wien, 1931. Pp. 9-10

¹³ Артемов В.А. Указ. соч. С. 47

¹⁴ Coudenhove-Kalergi R. Crusade for Europe...P. 135

Гурьев Е.П.

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

ДЕЙСТВИЯ ГЕРМАНСКИХ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК ПРОТИВ СЕВЕРНЫХ СОЮЗНЫХ КОНВОЕВ В АРКТИКЕ

Союзные конвойные операции в Арктике в годы Второй мировой войны привлекают внимание многих исследователей. Большую роль в борьбе германского военно-морского флота с конвоями играли и немецкие подводные лодки, которые начиная с 1942 г. становятся главным средством войны на море.

Основной задачей подводных лодок являлось патрулирование в своей операционной зоне. За весь период боевых действий в арктической зоне патрулирование осуществляли 110 подводных лодок (июль 1941 – апрель 1945 гг.). Эти подводные лодки действовали как самостоятельно, так и во взаимодействии с самолётами и надводными кораблями. С июня 1941 г. по май 1944 г. немцы направили в Северную Норвегию 89 подводных лодок¹. Подводные лодки действовали на морских путях караванов от Исландии до острова Диксон и пролива Вилькицкого.

Первым союзным конвоем, подвергшимся атакам немецких подводных лодок в Арктике, стал конвой PQ-7. В начале января 1942 г. его атаковали 3 немецкие подводные лодки группы «Улан», которые потопили британский транспорт «Вазиристан» из состава конвоя. Первым боевым кораблём союзников, потерянном при проводке конвоев в Арктике, стал британский эсминец «Матабеле» из состава эскорта конвоя PQ-8, потопленный немецкой подлодкой U-454 (командир – капитан-лейтенант Б. Хаклендер)².

Союзный конвой PQ-13 стал первым северным союзным конвоем, против которого немцы применили тактику «волчьей стаи». Против PQ-13 действовало 8 подводных лодок, базирующихся на порты Северной Норвегии. В ходе последующих атак подводные лодки потопили 2 транспорта и 1 тральщик. Собственные потери подводных лодок составили 2 единицы: U-585 (командир – капитан-лейтенант Э.Б. Лозе) подорвалась на mine и U-655 (командир – капитан-лейтенант А. Думрезе) была потоплена британским тральщиком³.

При проводке обратного конвоя QP-11 союзники потеряли британский лёгкий крейсер «Эдинбург» из состава сил охранения конвоя. 30 апреля 1942 г. он был торпедирован немецкой подводной лодкой U-456 (командир – капитан-лейтенант М.М. Тайхерт), потерял ход, а затем был добит немецкими эсминцами группы «Арктика» и кораблями собственного эскорта⁴. «Эдинбург» стал самым крупным боевым кораблём союзников, потерянном в Арктике от действий немецких подводных лодок.

Наиболее успешной операцией немецких подлодок в Арктике была операция против конвоя PQ-17. Немецкое командование сконцентрировало против этого конвоя большие силы. К участию в операции было привлечено и большое количество подлодок, они объединялись в группу «Айстойфель» («ледяной дьявол»). Немецкое командование первыми отправило на поиск и перехват конвоя в море именно подводные лодки. С 7 по 29 июня 1942 г. 11 подводных лодок вышли в море из портов Берген, Нарвик, Тронхейм и Киркенес⁵. 1 июля 1942 г. первой обнаружила конвой подводная лодка U-456 под командованием капитан-лейтенанта М.М. Тайхерта. Все попытки атаковать конвой были пресечены действиями эсминцев эскорта, и подлодки успеха не добились. Лишь утром 4 июля U-457 (командир – корветтен-капитан К. Бранденбург) добила повреждённый авиацией и оставленный экипажем транспорт «Кристофер Ньюпорт». Все остальные атаки в этот день закончились неудачей. Лишь после того, как вечером 4 июля конвой был расформирован, подводные лодки смогли добиться успеха. Германское командование стянуло в этот район и другие подлодки, рассчитывая перехватить идущие по отдельности, парами и мелкими группами транспорты конвоя. Транспорты шли без какого-либо охранения, и поэтому подлодки могли атаковать беспрепятственно. Первыми жертвами стали транспорты, повреждённые авиацией, которые не могли быстро покинуть опасный район. 5 июля 1942 г. немецкая подлодка U-88 потопила транспорты «Карлтон» и «Даниэл Морган» (последний тяжело повреждён авиацией). Подлодка U-334 (командир – капитан-лейтенант Х. Симон) потопила повреждённый авиацией транспорт «Ёрлстон», U-456 – транспорт «Хоному», U-703 (командир – капитан-лейтенант Х. Бильфельд) – транспорты «Эмпаир Байрон» и флагман конвоя «Ривер Афтон». Затем подлодки были отведены к берегам Новой Земли, к которой стремились транспорты разгромленного конвоя. С 6 - 8 июля 1942 г. на подходах к Новой Земле подлодка U-255 (командир – капитан-лейтенант Р. Рехе) потопила 3 транспорта: «Джон Уиттерспун», «Алкоа Рейнджер» и «Олопана». 13 июля она добила брошенный экипажем голландский транспорт «Паулус Поттер», который был повреждён авиацией и дрейфовал в течение 9-ти дней. 7 июля U-457 потопила брошенный экипажем танкер «Олдерсдейл», ранее повреждённый немецкой авиацией. В тот же день U-355 (командир – капитан-лейтенант Г. Ла Баум) потопила транспорт «Хартлбери». 9 июля подводные лодки U-376 (командир – капитан-лейтенант Ф.К. Маркс) и U-251 (командир – капитан-лейтенант Г. Тимм), отправленные для поиска судов конвоя в Кольский залив, потопили повреждённые немецкой авиацией американский транспорт «Хузиер» и панамский транспорт «Эль-Капитан» соответственно⁶.

Всего в ходе операции против конвоя PQ-17 немецкие подводные лодки потопили 16 транспортов общим водоизмещением 95133 тонны. Из них 8 кораблей были ранее повреждены авиацией и фактически добыты подлодками, а 5 из них вообще были к моменту потопления оставлены экипажами⁷.

Следует отметить, что до расформирования конвоя немецким подводным лодкам не удалось потопить ни одного транспорта союзников, шедшего в составе конвоя (если не считать брошенного экипажем «К. Ньюпорта»). Все успехи немецких подводников были достигнуты фактически в полигонных условиях против деморализованного, не оказывающего никакого сопротивления противника. Также следует отметить полное отсутствие какого-либо взаимодействия подводных лодок с авиацией при атаках конвоя PQ-17, зачастую самолёты и подлодки атаковали одну и ту же цель одновременно.

Неудачной операцией, в ходе которой сильному эскорту союзников удалось нейтрализовать угрозу со стороны немецких подводных лодок, является операция по проводке конвоя PQ-18. Основная роль в разгроме конвоя должна

была принадлежать немецкой авиации, и поэтому подлодки должны были лишь оказывать ей помощь. В операции принимали участие 7 подводных лодок, объединённых в группу «Трагертод» («Несущая смерть»), которая вышла в море в период с 25 августа по 10 сентября 1942 г.⁸ Днём 12 сентября подлодка U-405 (командир – капитан-лейтенант Р.Г. Хопман) первой обнаружила конвой. Командир немедленно сообщил командованию об этом и стал ждать подхода других лодок «стаи». Все попытки атаки конвоя были сорваны эскртом и не увенчались успехом. Наличие в составе конвоя эскортного авианосца «Эвенджер» оказалось неприятным сюрпризом для немцев, так как теперь их подлодки не могли атаковать конвой, не опасаясь быть обнаруженными с воздуха. В тот же день, 12 сентября, немецкие подлодки понесли первую потерю: обнаруженная британскими самолётами лодка U-88 была потоплена британским эсминцем «Фолкнор»⁹. Лишь утром 13 сентября немецкие подводные лодки смогли добиться успеха. Воспользовавшись маневрированием конвоя, лодки смогли незаметно выйти на дистанцию залпа и выпустить торпеды. В результате подводная лодка U-408 (командир – капитан-лейтенант Р. фон Химмен) потопила советский пароход «Сталинград», а U-589 (командир – капитан-лейтенант Х.И. Хоррер) – американский транспорт «Оливер Элсворт». В полночь 14 сентября подводная лодка U-457 потопила отставший от конвоя британский танкер «Ателтемплар», ставший последней жертвой подлодок из состава конвоя¹⁰.

За этот успех немцам пришлось дорого заплатить. Утром 14 сентября наведённый авиацией британский эсmineц «Онслоу» потопил глубинными бомбами подводную лодку U-589. Ночью 16 сентября британский эсmineц «Имплисв», установив с помощью гидролокатора контакт с подводной лодкой U-457, потопил ее¹¹. Все остальные атаки на конвой не увенчались успехом. Из-за противодействия мощного эскорта подводные лодки не могли сблизиться с транспортом конвоя на дистанцию залпа, а также долго находиться вблизи него, занимая более выгодные позиции для атаки. 16 сентября немецкое командование отозвало все лодки, действующие против PQ-18.

В результате потери конвоя PQ-18 от подводных лодок составили 3 транспортных судна общим водоизмещением 19742 тонны. Потери немецких подводных сил при этом составили 3 лодки (U-88, U-589, U-457)¹².

Опыт проводки конвоя PQ-18 наглядно показал всем, что мощный эскорт является эффективным средством противодействия подводным лодкам. Таким образом, действия подводных лодок становились неэффективными. Огромную роль в этом сыграла палубная авиация с эскортных авианосцев, первое применение которых приходится как раз на конвой PQ-18.

В дальнейшем, в 1943 и 1944 гг. подводные лодки продолжали оставаться основным средством немцев в борьбе с союзными конвоями, их роль с течением времени даже возросла. Но, из-за всё более увеличивающихся сил союзников, им не удалось добиться значительных успехов, потери конвоев не превышали потерь самих подводных лодок. И хотя с 1944 г. в Арктике стали применяться акустические торпеды (операция против конвоев JW-56A/JW-56B) и новая тактика с перенесением ударов на корабли эскорта, впервые применённая в августе 1944 г. при проводке конвоя JW-59, действия подводных лодок не стали более эффективными¹³. Таким образом, германские подлодки, в конечном итоге, не смогли переломить ситуацию в пользу немцев в борьбе с северными союзными конвоями в годы Второй мировой войны.

¹ Herzog B. U-Boote im Einsatz 1939 – 1945. Oberhausen, 1970. S. 45.

² Rohwer J. Die U-Boot Erfolge der Achsenmächte 1939 – 1945. München, 1968. S. 197.

³ Kuroski F. Krieg unter Wasser. U-Boote auf Sieben Meeren 1939 – 1945. Düsseldorf, 1979. S. 205.

⁴ Lanitzki G. Kreuzer «Edinburgh». Goldtresor und Seemannsgrab, Berlin, 1988. S. 55.

⁵ Ирвинг Д. Разгром конвоя PQ-17. М., 2004. С. 82.

⁶ Rohwer J. Die U-Boot Erfolge der Achsenmächte 1939 – 1945. S. 198 – 199.

⁷ Сергеев А.А. Германские подводные лодки в Арктике 1941 – 1942. М., 2003. С. 188.

⁸ Смит П. Победа в Арктике. // Два конвоя: PQ-17 и PQ-18. Сборник. М., 2004. С. 567.

⁹ Kurowski F. Op.cit. S. 305 – 306.

¹⁰ Rohwer J. Die U-Boot Erfolge der Achsenmächte 1939 – 1945. S. 200.

¹¹ Kurowski F. Op.cit. S. 310.

¹² Сергеев А.А. Указ. соч. С. 259, 266.

¹³ Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941 – 1945 гг. М., 1997. С. 247, 262.

Болдырева О.М.

Елецкий государственный университет

“СЕРЫЙ КАРДИНАЛ” ЕВРОПЫ (МЕТОД ЕВРОПЕЙСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЖАНА МОННЕ)

История Франции в XX в. ознаменовалась крупными изменениями. Участие в двух мировых войнах не только оказало влияние на ее политическое и культурное развитие, но и привело к значительной корректировке экономического и внешнеполитического курса. Важную роль в этих процессах сыграл французский бизнесмен и политический деятель Жан Монне.

Изучение и анализ его жизни и деятельности представляют значительную сложность. После Второй мировой войны один американский журналист, писавший биографическую статью о нем, пришел к выводу, что невозможно классифицировать Монне в одну из привычных профессиональных категорий, таких как “политик”, “бизнесмен” или “дипломат”, настолько насыщенной и разноаспектной была его жизнь. В историю же Монне вошел, прежде всего, как автор послевоенного плана модернизации и снабжения Франции и, особенно, как родоначальник процесса европейской интеграции, один из “отцов” объединенной Европы.

Войдя в мировую политику совсем молодым человеком, без специального образования и навыков, Монне в 1940-50-х гг. стал одним из наиболее влиятельных политиков Франции. Не всегда соглашаясь с официальной правительственной линией, он, тем не менее, оказывал значительное влияние на формирование внутри- и внешнеполитического курса страны. Несмотря, а возможно и благодаря отсутствию официального статуса, положение Жана Монне было весьма стабильным. Как писал французский историк П. Жербе, «правительства менялись, Монне оставался». Уже к началу Второй мировой войны Жан Монне окончательно сформировался как “человек второго плана”, “серый кардинал”¹, не претендовавший на высокие посты и должности и направлявший действия тех, кто занимал такие посты.

В ходе Первой мировой войны Монне открыл средство развития международного сотрудничества не через традиционную дипломатическую систему договоров и компромиссов между национальными интересами, но через согласованную деятельность исходя из общего интереса и с точки зрения общего решения. Это стало своего рода “коперниковской революцией” в международных отношениях². Жан Монне применил этот метод в Исполнительных межсоюзнических комитетах, осуществлявших в течение Первой мировой войны распределение между союзниками морского тоннажа и продовольствия. Он повторил этот опыт в ходе Второй мировой войны, занимая пост председателя Комитета по координации союзнических усилий в войне.

Анализируя работы и выступления Ж. Монне, нельзя сказать, что он всегда мечтал о создании единой Европы, тем не менее, в начале 40-х гг. он часто

задумывался о ее послевоенной судьбе. Французский историк Ф. Миош отмечал: "Поразительно, как мало места занимал в документах Монне за 1946 г. европейский вопрос. Он размышлял о месте Франции в мире, но не Европы"³. Даже в 1948 г. Жан Монне еще не рассчитывал на реальное общеевропейское сотрудничество. Полностью посвятив себя модернизации Франции, Монне практически не интересовался общеевропейской проблематикой. Однако на протяжении многих лет наблюдая и анализируя возможности национальных государств, он пришел к выводу об их ограниченности. Он не видел выхода и в простом межгосударственном сотрудничестве.

Монне был свидетелем ряда неудачных попыток интеграции Европы и пришел к выводу, что идея создания полного институционального здания единовременно является неосуществимой мечтой. При попытке ее воплощения государства оказали бы такое ожесточенное сопротивление, что инициатива оказалась бы обреченной на неудачу. Успеха можно было добиться лишь в том случае, если бы удалось наметить несколько конкретных целей, имеющих огромное психологическое значение, а также выработать механизм принятия решений, действие которого постепенно можно было бы распространить и на другие области. Эта мысль была положена в основу "метода Монне" - основополагающих принципов западноевропейской интеграции.

Современники и исследователи начального периода европейской интеграции по-разному формулировали ее базовые положения - то, что вошло в историю как "метод Монне". Авторы выделяли различные аспекты во взглядах и действиях Жана Монне, определяя их одновременно как идейную основу и причину успеха интеграционного процесса в Европе. Мы сочли возможным выделить следующие основополагающие принципы "метода Монне":

1. Принцип полезного использования политических кризисов⁴. Именно в ответ на кризис, порожденный американским желанием восстановить экономику Германии, позволить развиваться ее угольной и металлургической промышленности и была выдвинута идея ЕОУС. Позднее в сходных условиях была выдвинута идея Оборонительного сообщества.

2. Движение к единой Европе должно быть поступательным, поэтапным. Объединение угля и стали - это начало продвижения к "экономическому сообществу", только "первый этап европейской федерации". Концепция Монне основывалась на предположении, что уже сама потеря равновесия, вызванная интеграцией одного сектора при отсутствии такового в окружающих секторах, а также давление со стороны центральных институтов и новых широких политических процессов приведут к продвижению вверх по спирали интеграции и завершатся созданием федеральной Европы⁵.

3. Экономическая интеграция должна предшествовать политическому объединению. Являясь жизненно важным, экономическое сотрудничество в то же время не затрагивает такие чувствительные сферы государственного суверенитета, как внешняя политика, оборона и поэтому не вызывает ожесточенной критики со стороны национальных правительств, а следовательно, имеет больше шансов быть воплощенным в жизнь.

4. Обязательным условием и залогом успешной интеграции являлся принцип наднациональности, предусматривавший передачу национальными государствами части своего суверенитета наднациональным институтам. Длительная карьера в сфере международных отношений убедила его в ограниченных возможностях простого межгосударственного сотрудничества.

5. Особое значение Монне придавал необходимости создания наднациональных институтов. "Институты контролируют отношения между людьми, именно они являются истинной основой цивилизации"⁶. У Европы было много

духовных отцов, но именно Ж. Монне вошел в историю как основатель институтов, творец метода передачи и даже слияния суверенитетов.

Некоторые исследователи, анализируя вклад Монне в развитие интеграционного процесса, ставят его у истоков формирования одного из идейных течений развития европейской интеграции - функционализма¹. Жан Монне, вероятно, удивился бы подобному теоретизированию своих взглядов. Создатель оригинального метода, саморазвивающейся системы, наделенный богатым технико-функциональным воображением, он никогда не был идеологом и теоретиком. Все проекты, разработанные им в тесном сотрудничестве со своей командой, в которую входили видные французские и даже американские политики, социологи, экономисты, были рассчитаны, прежде всего, на практическую реализацию. С определенной долей уверенности можно говорить о том, что именно нелюбовь (или неспособность) к теоретическим построениям не позволила ему присоединиться к набравшему силу федералистскому движению, несмотря на его приверженность идее европейской федерации.

Римские договоры 1957 г. о создании Европейского экономического сообщества и Евратома доказали правильность метода Монне. Однако оценки Европы, вдохновленной его инициативами, до сих пор столь же неоднозначны, как и оценки деятельности Ж. Монне в целом.

На каждом этапе развития Сообществ и при каждом кризисе Жан Монне находился за кулисами европейской политики, с упорством защищая европейское строительство, выполняя, когда это было необходимо, функции советника и регулировщика, предлагая действия, которые нужно было срочно предпринять. Ж. Монне не обязательно было быть автором выдвигаемых им идей. Его вкладом было определение общего направления деятельности предлагаемых институтов, методов их создания и умение определить подходящий момент и убедить в целесообразности своего предложения. Являясь не "творцом идей", а человеком, умеющим предложить их в нужный момент, Жан Монне за годы активной международной деятельности стал незаменимой фигурой второго плана при французском правительстве. Насколько хорошо он продолжал играть роль "серого кардинала", показывает обширный комплекс литературы по истории интеграции, где исследователи зачастую даже не говорят о заслугах Монне в развитии процесса евростроительства или ограничиваются коротким упоминанием.

Одни считали его космополитом, "духовным отцом" и "вдохновителем" единой Европы, другие открыто называли американским шпионом. На наш взгляд, обе характеристики не являются абсолютно верными. Мы полагаем, что, далекий от национализма, Монне на протяжении своей долгой карьеры оставался, прежде всего, французом. Испытывая искреннюю симпатию к англичанам, восхищаясь динамизмом американцев, даже внешне похожий на американского фермера, он оставался патриотом (при всей нелюбви к этому слову) Франции. Во всех своих общевропейских начинаниях он руководствовался политической и практической выгодой, в первую очередь, Франции. Желание сделать ее великой державой, ведущей на европейском континенте, подталкивало его к единственно возможным в тех условиях решениям.

¹ Mayne R. *Eminence grise // Témoignages à la mémoire de Jean Monnet*. P. 355.

² Bjøl E. *La France devant l'Europe. La politique européenne de la IV République*. Copenhagen, 1966. P. 110.

³ Mioche Ph. *Le Plan Monnet. Genèse et élaboration 1941- 1947*. Paris, 1987. P. 94.

⁴ Deniau J.-F. *La méthode Monnet // Témoignages à la mémoire de Jean Monnet*. P. 168.

⁵ См.: Гезау А. За пределы Европейского сообщества // *Буржуазные теории политической интеграции Западной Европы*. Реферативный сборник. Выпуск II. М., 1974. С. 175.

⁶ Цит. по: Bjøl E. *Op. cit.* P. 113.

⁷ См.: Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: от Европейского сообщества до Европейского Союза. М., 1998; Фонтен П. Десять уроков Европы. М., 1994.

Скутнев А.В.

Вятский государственный гуманитарный университет

ХРУЩЕВ-ЭЙЗЕНХАУЭР: ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Последний год в истории взаимоотношений двух великих политиков - первого секретаря СССР Н.С. Хрущева и президента США Д. Эйзенхауэра - был едва ли не самым сложным и важным. Особенно он был важен для республиканской партии и администрации Д. Эйзенхауэра. Второй срок подходил к концу. На 1960 г. планировались президентские выборы, и республиканцы очень хотели показать американцам конкретные позитивные результаты своей внешней политики. Н.С. Хрущев также надеялся завершить этот этап на выгодной для себя ноте.

К весне 1960 г. было налицо потепление отношений между коммунистическим и капиталистическим лагерем. В сентябре 1959 г. состоялся первый в истории двух стран визит главы советского государства в США. Н.С. Хрущев, выдвигая концепцию мирного сосуществования, был заинтересован в сотрудничестве с Западом в сфере обмена передовыми технологиями, а также наглядно демонстрировал всему миру, что СССР делает конкретные шаги в деле мира. 15 августа 1960 г. СССР в одностороннем порядке принял решение сократить свои вооруженные силы на 1 200 тыс. чел.¹ Планировался ответный визит американского президента Эйзенхауэра в СССР. В марте весь мир следил за судьбой советских моряков, потерпевших бедствие в Тихом океане, которых спасли американцы. В мае должна была состояться международная конференция ведущих мировых держав в Париже. Но события сложились по-другому.

Решающий фактором, повлекшим новый виток напряженности, стала знаменитая история, связанная с американским самолетом-разведчиком У-2. Полеты У-2 над территорией СССР, начиная с 1956 г. были регулярными. В общей сложности самолеты США проникали в советское воздушное пространство 40 раз². О них прекрасно знало советское руководство. Однако только к 1960 г. у СССР появились технические возможности – комплекс ПВО «Десна» и истребитель Су-9 - сбивать эти неуловимые самолеты. 1 мая 1960 г. У-2, совершающий очередной рейд, был сбит под Свердловском. Парижская мирная конференция глав четырех держав (США, СССР, Англии и Франции) была сорвана. Н.С. Хрущев выжал из истории с У-2 практически все, что мог. Если пользоваться современной терминологией, он выиграл информационную войну у США. Образ США как демократической державы сильно пошатнулся. Американский президент впервые публично признал разведывательные полеты. Простые американцы были шокированы этим заявлением. Итальянский политолог Э. Ди Нольфо считает, что среди американцев во второй половине 50-х гг. впервые появились сомнения в том, что США «являются самой могущественной и демократической страной в мире»³. В ходе президентской компании 1960 г. кандидат от Демократической партии Дж.Ф. Кеннеди приобрел немало сторонников, заявив что если бы президентом был он, то принес бы извинения Хрущеву⁴. Позднее, в 1962 г., корреспонденты агентства Ассошиэйтед Пресс, работающие в Москве, передавали, что советские граждане не верят им, когда они говорят, что Пауэрс обменяли на русского шпиона. «У нас нет шпионов», - таким был самый частый ответ⁵.

Пока весь мир обсуждал отношения СССР-США, Н.С. Хрущев сделал то, ради чего, возможно, и затевалась вся эта истерия вокруг событий мая 1960 г. и последовавший затем провал мирной конференции в Париже. Советский Союз полностью признал режим Ф. Кастро, установив с ним дипломатические отношения. 9 июля 1960 г. в своем воинствующе антиамериканском выступлении Н.С. Хрущев заявил: «Мы все сделаем, чтобы поддержать Кубу в ее борьбе... Теперь США не так уж недосыгаемы, как когда-то». На следующий день Че Гевара похвалился тем, что Кубу защищает «величайшая военная держава в истории»⁶. Есть еще одна версия относительно инцидента 1 мая 1960 г.⁷ В СССР, безусловно, существовала политическая элита, которая была против диалога с США. Можно причислить к этим кругам Суслова, Громыко, руководство КГБ и армии. Они были против запланированного приезда Эйзенхауэра в Москву. В пользу этой версии косвенно говорит тот факт, что советские военные сбили У-2 именно накануне мирной конференции, хотя такие полеты были регулярными. Кроме того, 30 апреля, то есть за день до инцидента, в «Известиях» появилась жесткая карикатура о холодной войне и текст, где обозначались «проповедники холодной войны – реваншисты, конгрессмены, магнаты военного бизнеса, генералы-атомщики НАТО, желтые профсоюзные лидеры, продажные журналисты, лжецы и прочая нечисть»⁸. Немаловажно, что подобные настроения по срыву мирных инициатив существовали и в американских политических кругах, в основном среди соперников президента Эйзенхауэра, которые критиковали его за «излишнюю мягкость к коммунистам»⁹.

На наш взгляд, самым печальным результатом провала мирной конференции стал именно провал попытки запретить ядерные испытания. После затмившая в 1959–1960 гг. последовало двухлетие, когда было проведено наибольшее количество испытаний. Только в 1962 г. США взорвали 86 боезарядов различной мощности, а СССР взорвал 50 боезарядов в дополнение к 40 в 1960 г.¹⁰

Советско-американские отношения были завязаны на множестве мировых проблем. Фактически США и СССР должны были в своей политике постоянно ориентироваться и на своих союзников. На внешнюю политику СССР весьма ощутимо влияли ухудшающиеся отношения с формальным союзником по социалистическому лагерю – Китаем. Китайское руководство, рассчитывающее на советские ядерные секреты, давило на Хрущева, чтобы тот не подписывал никаких новых договоров с Эйзенхауэром на Парижской мирной конференции, и было очень обрадовано ее провалом¹¹. Такое же давление на СССР оказывал и глава ГДР Ульбрихт. Подобное давление оказывали и союзники Америки. Одним из тех, кто поддержал Эйзенхауэра в мае 1960 г., был глава Франции Ш. де Голль. Прагматизм и личный интерес этого союзника США также вполне очевидны¹². В 1960 г. у Франции появилась собственная ядерная бомба, которую нужно было обязательно испытать.

Н.С. Хрущев был проводником совершенно нового детально разработанного курса, который кардинально изменил основные моменты советской внешнеполитической доктрины¹³. Его политика была весьма взвешенной и просчитанной на много шагов вперед. В СССР впервые возник Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), занимающийся разработкой новых внешнеполитических подходов. В США еще в 1930-е гг. были созданы специальные научные центры, которые анализировали события мировой политики. Престиж США к началу 60-х гг. среди новых освободившихся стран был невероятно низок. В связи с этим по указанию Дж. Кеннеди уже в 1961 г. было создано специальное агентство – Корпус мира, которое занималось формированием положительного образа США в глазах мирового сообщества.

Если сравнить успехи двух государств в 1960 г., то в этой схватке предпоч-

тительней смотрелся именно СССР¹⁴. Руководитель СССР Н.С. Хрущев выглядел энергичным, опытным и искусным политиком, который вывел свою страну на первое место в космической гонке, поддерживал новые освободившиеся страны, во время майских событий заставил Эйзенхауэра защищаться и выглядеть глупо. Несмотря на то, что Америка при 34-м президенте оставалась такой же сильной и экономически богатой державой, как и 50-е гг., во внешнеполитическом плане предпочтительнее выглядел СССР и идеология социализма.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1960 г. № 3. Ст. 26.

² Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX вв. М., 2001. С. 557. Есть и другие данные о числе американских разведывательных полетов над территорией СССР. Так, Интернет-издание Вашингтон Профил сообщает о 24 полетах. См. <http://www.washprofile.org/ru/node/1483>

³ Ди Нольфо Э. История международных отношений (1918–1999 гг.). Т. 2. М., 2003. С. 991.

⁴ Энциклопедия... С. 558.

⁵ Санш Де Грамон История шпионажа. Смоленск, 2002. С. 521.

⁶ Цит. по Гордиевский О., Эндрю К. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. Электронная версия. http://fictionbook.ru/author/gordievskiy_oleg/kgb_istoriya_vneshnepoliticheskikh_operatsiy_ot_lenina_do_gorbacheva/

⁷ Ди Нольфо Э. Указ. соч. С. 1006.

⁸ Известия. 1960. 30 апреля. С. 3.

⁹ Системная история международных отношений 1918 – 2003. Т.3. М., 2003. С. 247.

¹⁰ Ди Нольфо Э. Указ. соч. С. 890.

¹¹ Версию о том, что У-2 был сбит преднамеренно в связи с «давлением со стороны прокитайского лобби» выдвигает в частности английский исследователь П. Кальвокоресси См. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года. Кн. 1. М., 2000. С. 56.

¹² Под прагматизмом мы понимаем особую внешнюю политику Франции при президенте де Голле. Получив собственное ядерное оружие, Франция в скором времени отошла от союза с США, вышла из НАТО и стала строить отношения с СССР.

¹³ Подробнее об этом см. Нежинский Л.Н., Челышев И.А. О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Отечественная история. 1995. № 1. С. 3 – 27.

¹⁴ Э. Ди Нольфо весь первый этап мирного сосуществования с 1953 по 1960 гг. считает выигранным СССР. См. Ди Нольфо Э. Указ. соч. С. 994.

Хамаев А.С.

Башкирский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ И ИТОГИ ПЕРЕГОВОРОВ США И ЕЭС В РАМКАХ «РАУНДА КЕННЕДИ»

В 1957 г. была создана крупнейшая замкнутая экономическая группировка капиталистического мира — Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Объединив шесть западноевропейских государств — ФРГ, Францию, Италию, Голландию, Бельгию и Люксембург - ЕЭС, часто называемое также «общим рынком», по своей экономической мощи, позициям в международной торговле, совокупной емкости внутренних рынков стран-участниц и ряду других показателей в 60-е гг. приблизилось к США, а в ряде случаев и обогнало их. С его появлением и развитием обстановка на капиталистическом рынке изменилась, и в первую очередь для американских монополий, занимавших до этого господствующее положение.

1957-1967 гг. были периодом быстрого нарастания противоречий между США и ЕЭС. Они объяснялись прежде всего переменами, происшедшими в соотношении экономической мощи между обеими частями альянса. Сразу после окончания войны на долю Соединенных Штатов приходилась почти половина мирового производства. Эта доля уменьшалась по мере того, как пострадавшие от войны страны возрождали свою экономику. Сокращение доли США продолжалось и после экономического возрождения - до 28% к 1960 г.¹

Торгово-политические интересы США и ЕЭС сталкивались все чаще, однако наиболее резко их соперничество проявлялось на европейских рынках промышленных и сельскохозяйственных товаров и в борьбе за рынки развивающихся стран. Каждая из проблем имела огромное практическое значение для экономики соперников².

Создававшаяся обстановка ярко определила специфику новых условий: с одной стороны, твердое намерение ЕЭС покончить с взаимоотношениями, установившимися за время действия «плана Маршалла», а с другой — практическую непригодность основных положений американского торгово-политического законодательства для ведения дальнейших переговоров с «общим рынком».

В этих условиях к власти в США пришло правительство Кеннеди. Вскоре Кеннеди заявил в своем послании конгрессу 7 марта 1962 г. следующее: «Шесть стран — членов ЕЭС сообщили, что они не готовы заключить соглашение на предложенной США основе и что они возьмут обратно предложенные ими ранее уступки ввиду широкого расхождения между американским и европейским предложениями... Мы не могли допустить, чтобы это случилось... И когда не оставалось иной возможности спасти положение, я уполномочил делегацию США предложить снижение пошлин по ряду позиций в размере, превосходящем рекомендации «опасных точек»... Сделав этот шаг, мы избежали провала жевневских переговоров и удержали дверь открытой для будущего...»³.

Эти слова должны были скрыть подготовку к жаркой торгово-политической схватке. Анализ откровенных требований американских монополий, решений законодательных органов и практических шагов исполнительной власти США позволяет ясно определить как действительные цели, которые ставила перед собой в переговорах американская делегация, так и те средства, с помощью которых она надеялась их осуществить:

1. Главная политическая цель, наиболее откровенно выраженная в тексте правительственной торгово-политической программы 1962 г., — «содействовать укреплению единства западных стран..., сохранить за США положение лидера в западном мире..., доказать развивающимся странам преимущества капиталистического пути развития их экономики»⁴;

2. Главная экономическая задача — пробить брешь в таможенной стене ЕЭС, сохранив Западную Европу в качестве важнейшего рынка сбыта американских товаров, содействовать экспортной экспансии США на рынках развивающихся стран;

3. Основное средство достижения поставленных задач — согласие провести линейное сокращение таможенных пошлин по широкому кругу американских товаров на 50%, а в ряде случаев и полностью упразднить пошлины в обмен на эквивалентные уступки торговых партнеров⁵.

Таким образом, уже по своим целям «раунд Кеннеди» должен был выйти за рамки предыдущих торгово-политических переговоров США с ЕЭС. Основной упор правящие круги США делали на политическую сторону проблемы, на общность «союзнических» задач Старого и Нового Света. Достижение политических целей, равно как и торгово-политическое разоружение своих конкурентов, США предполагали осуществить на основе все того же «принципа взаимности». Отличие от практики предыдущих десятилетий состояло лишь в большем масштабе предложенного снижения американских пошлин и в отсутствии прямой его увязки с последствиями для американской промышленности.

15 мая 1967 г. было опубликовано заключительное коммюнике о результатах «раунда Кеннеди»⁶. Наиболее важными положениями этого короткого коммюнике являются следующие:

1. Страны — члены ГАТТ декларировали согласие «значительно снизить

таможенные пошлины в предстоящем пятилетии на большое число промышленных товаров». Эта общая формулировка не сопровождалась ни указанием товарных позиций, ни сообщением условий и объема сокращения ставок. Детали этого «болезненного компромисса» (по выражению газеты «Нью-Йорк таймс») должны были установлены в ходе подписания окончательного соглашения.

2. Несмотря на усилия американской делегации уйти от обсуждения проблемы нетарифных барьеров, ЕЭС поставило размер снижения своих тарифов по химическим товарам в зависимость от отмены американской практики взимания пошлин на базе внутренних цен рынка США. Пытаясь не допустить такой увязки, американская делегация угрожала в последний момент уйти с переговоров, однако вынуждена была уступить. В коммюнике записано также, что «достигнуто соглашение о мерах в отношении некоторых других нетарифных барьеров». Стремление США добиться сохранения объема своего экспорта сельскохозяйственных товаров на рынки Западной Европы оказалось неосуществимым. В последний день «раунда Кеннеди» было достигнуто соглашение о повышении уровня справочной мировой цены на пшеницу «хард винтер» до 63,25 долл. за тонну. Против такого повышения цены возражали представители Великобритании, Японии и ряда других заинтересованных стран, однако им пришлось уступить. По сравнению с прежним уровнем цена была повышена на 11,5% (8,4 долл. на тонну).

Под нажимом США было также принято решение о сбыте под видом «помощи» сельскохозяйственных «излишков» в развивающихся странах по повышенным ценам. Общий объем таких поставок, согласно достигнутому компромиссу, установлен в размере 4,5 млн. т. зерна в год (США предлагали 10 млн. т.). Все поставки по этой программе оценивались в 275 млн. долл. в год и были распределены между отдельными государствами следующим образом: США — 40%, ЕЭС — 22%, Великобритания и Япония — по 5%, остаток — прочие промышленно развитые страны.

4. Никаких соглашений, которые облегчили бы доступ товаров развивающихся государств на рынки индустриальных стран в итоге «раунда Кеннеди», достигнуто не было. Как вынужден был подчеркнуть генеральный директор ГАТТ, «участники переговоров признали, что для облегчения торговли между развитыми и развивающимися странами придется еще поработать над тем, как наилучшим образом устранить существующие преференции»⁷. Окончательные документы по «раунду Кеннеди» были подписаны 46 странами 30 июня 1967 г. Общая декларация прокламирует снижение пошлин в течение пятилетнего периода в среднем на 36%. Приложенные к ней 30 товарных списков, на которые распространяется это снижение, охватывают товары, имеющие важное значение лишь в торговле промышленно развитых стран. К декларации приложен также ряд соглашений по вопросам ослабления некоторых нетарифных барьеров.

Таким образом, расчеты американских монополий на достижение с помощью «раунда Кеннеди» легкого и в то же время основательного укрепления своих позиций на капиталистическом рынке не оправдались. По свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс» от 17 мая 1967 г., в итоге женевского компромисса «США оказались далеки от тех целей, которые они ставили»⁸.

Прежде всего не оправдались политические расчеты американского капитала. Образование широкого экономического объединения государств, включающего США, «общий рынок», «зону свободной торговли» и зависимые от них развивающиеся страны, было выдвинуто американцами в начале 60-х гг. в качестве одной из стратегических задач. Использование «раунда Кеннеди» для создания подобного сообщества рассматривалось как удобная организационная форма достижения главной политической цели — сохранения и укрепления ли-

дерства США в капиталистическом мире, а также не менее сложной экономической цели — обеспечения американской экспансии на внешних рынках.

Однако развитие событий опрокинуло эти расчеты США. Вместо того чтобы дать толчок к объединению Западной Европы, создание «общего рынка» привело к ее расколу и стало источником острых противоречий в европейском секторе НАТО. Попытки США преодолеть раскол путем включения в ЕЭС Великобритании не увенчались успехом. Американский протест против политики стран «общего рынка» по созданию «евроафриканской» системы преференций не возымел должного действия. Все эти разногласия четко и резко проявились в ходе подготовки и проведения «раунда Кеннеди».

Недостижимыми оказались и экономические цели, преследовавшиеся американскими монополиями при проведении «раунда Кеннеди». Торговая политика стран «общего рынка» создала на этом пути значительные препятствия. В ходе переговоров США не только не смогли пробить желаемую брешь в таможенной стене, окружившей ЕЭС, но и оказались втянутыми в невыгодное для них обсуждение широкого круга торгово-политических проблем, что являлось отражением постепенного изменения в соотношении сил между США и ЕЭС.

¹ Лундстад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945 — 1996. М., 2002. С. 218.

² Шершнев Е.С. «Раунд Кеннеди». Расчеты США и действительность. М., 1968. С. 6.

³ Message of the President to Congress. Wash., 1962. March 7.

⁴ Message of the President to Congress. Wash., 1962. Jan. 25.

⁵ Шершнев Е.С. Указ. соч. С. 24.

⁶ См. «The Economist». 1967. May 20. P. 814.

⁷ Цит по: Шершнев Е.С. Указ. соч. С. 192.

⁸ Там же. С. 194.

*Эпштейн Е.Е.
Петербургский институт юдаики*

ДИПЛОМАТИЯ СССР И США В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ МАДРИДСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ 1991 Г.

В марте 1991 г. президент США Дж. Буш заявил, что победа США в войне против Ирака открыла «новые возможности» для урегулирования арабо-израильского конфликта, а госсекретарь Дж. Бейкер отправился в «челночные» поездки по Ближнему Востоку для проведения консультаций с заинтересованными сторонами, в частности, с Сирией, Иорданией, ООП и Израилем¹. Во время визитов в страны Ближнего Востока Бейкер стремился заручиться поддержкой региональных лидеров для проведения мирных переговоров с целью достичь урегулирования ближневосточного конфликта.

Арабская и израильская стороны по-разному отреагировали на эту инициативу. На переговорах с арабскими руководителями Дж. Бейкер и другие представители госдепартамента США подчеркивали, что урегулирование, к которому стремятся США, будет основываться на резолюциях СБ ООН 242 и 338². Полагая, что данные резолюции обуславливают вывод израильских войск с оккупированных в 1967 г. территорий, арабские лидеры проявили интерес к американской инициативе³. Однако премьер-министр Израиля И. Шамир отверг формулу «мир в обмен на землю».

Несмотря на то, что госсекретарь Дж. Бейкер посвятил лето 1991 г. визитам в страны Ближнего Востока с целью организации мирной конференции, к сентябрю он не добился от участников ближневосточного конфликта (в том числе и от Израиля) окончательного согласия на участие в мирной конферен-

ции. Особенно острой была проблема представительства независимой палестинской делегации⁴. Но у Дж. Бейкера не было достаточно времени для поиска оптимальной формулы созыва конференции. Поэтому Дж. Бейкер согласился с требованиями И. Шамира о проведении переговоров с таким списком палестинских представителей, который бы устраивал правительство Израиля.

Дипломатические инициативы Дж. Бейкера по созыву американско-советской ближневосточной конференции продолжались вплоть до сентября 1991 г.⁵, но к середине сентября 1991 г. в американско-израильских отношениях наступил кризис из-за намерений Дж. Бейкера обусловить предоставление израильскому правительству американских гарантий на займы в коммерческих банках США отказом Израиля от строительства новых поселений на «территориях». Дж. Бейкер сделал следующее заявление при встрече с премьер-министром Израиля Шамиром: «Если Вы хотите американские гарантии, Вы должны принять наше предложение по урегулированию проблемы поселений»⁶. По мнению М. Аренса, который в период 1988-1992 гг. занимал пост министра иностранных дел Израиля, а затем министра обороны, данное заявление означало вмешательство администрации Дж. Буша и госсекретаря Дж. Бейкера во внутренние дела Израиля⁷. И. Шамир первоначально полагал, что он сможет сломить упорство Дж. Бейкера, обратившись к американскому общественному мнению и произраильскому лобби. Однако еврейская община США не была единой в своем отношении к данной проблеме, и усилия И. Шамира не увенчались успехом.

В результате дипломатического давления представителей госдепартамента и администрации президента США, правительство И. Шамира формально согласилось на участие в мирной конференции, но было намерено затягивать дальнейшие переговоры об окончательном мирном урегулировании ближневосточного конфликта⁸. Израиль поставил четыре условия для возобновления переговоров: неучастие в переговорах независимой делегации палестинских представителей, невмешательство США и иных посредников в детали переговоров, перенесение переговоров на Ближний Восток и отнесение ранее установленной даты возобновления переговоров на более поздний срок. Со временем выяснилось, что ООП не может противопоставить никакой альтернативы израильскому предложению и 18 октября 1991 г. Исполком ООП одобрил состав палестинской делегации, возглавляемой жителем Газы, профессором Х. абд аш-Шафи⁹. 29 октября 1991 г. палестинская делегация прибыла в Мадрид. Как дипломатическое достижение Израиля следует рассматривать принятие израильских требований, в том числе проведение прямых переговоров без предварительных условий.

Мадридская конференция по Ближнему Востоку проходила с 30 октября по 1 ноября 1991 г. В Мадриде американская дипломатия отказалась от попыток монополизировать миротворческую деятельность на Ближнем Востоке - сопредседателем конференции стал наряду с США и СССР (отсюда - институт ко-спонсорства). В конференции под председательством Буша и Горбачева участвовали делегации США и СССР (страны-сопредседатели), возглавляемые госсекретарем Дж. Бейкером и министром иностранных дел Б. Панкиным. Израильскую делегацию возглавлял премьер-министр И. Шамир, сирийскую - Фарук аш-Шара, ливанскую - Фарис Буэйз, иорданскую (иордано-палестинскую) - министр иностранных дел Иордании К. Абу Джабером, египетскую - Амр Мусса. На конференции присутствовали представители Совета сотрудничества государств Персидского залива, а также представители Европейского Союза и генеральный секретарь ООН, которые таким образом демонстрировали свою поддержку лидерам стран Ближнего Востока в их мирных устремлениях.

Работа конференции началась с выступлений ее сопредседателей - Дж.

Буша и М. Горбачева¹⁰. Затем, первый – церемониальный – этап работы конференции продлился три дня. В ходе уже первых заседаний ближневосточной мирной конференции в Мадриде стали заметны определенные осложнения в советско-палестинских отношениях. Созыв конференции проходил полностью по американскому сценарию, а официальные представители ООП были отстранены от участия в конференции, поскольку в состав объединенной иордано-палестинской делегации были включены палестинцы, представлявшие только «территории» (за исключением восточного Иерусалима), но не палестинскую диаспору. Палестинцы были вынуждены принять эти откровенно дискриминационные условия, когда убедились, что дипломаты СССР готовы согласиться с любыми американскими предложениями по «формату» конференции и не настаивали на принятии выдвинутых ранее предложений о необходимости самостоятельного участия палестинской делегации в работе Мадридской конференции¹¹. По сути дела, палестинцам было отказано в статусе, которым пользовались другие участники конференции.

Во время Мадридской конференции было высказано много разных мнений о путях выхода из кризиса. Речи, произносившиеся в Мадриде, были рассчитаны на публику. И все-таки конференция не провалилась, и это уже был успех, поскольку удалось собрать и усадить за один стол тех, кто долгие годы отказывался это сделать. Главным итогом конференции стало достижение договоренностей: о начале двухсторонних политических переговоров между Израилем, с одной стороны, и палестинцами, в том числе ООП, Сирией, Иорданией и Ливаном, с другой. Стороны договорились также начать многосторонние переговоры по ключевым общерегиональным проблемам – по водопользованию, защите окружающей среды, контролю над вооружением, беженцам, вопросам экономического развития.

Однако, несмотря на значимые достижения американской дипломатии, следует также указать и на ошибки Дж. Буша и Дж. Бейкера во время подготовки и проведения Мадридской конференции – подмену второстепенными вопросами главного вопроса о признании прав палестинцев на самоопределение и создании независимого палестинского государства. Кроме того, дипломатические инициативы Бейкера были инструментальными и отдавали предпочтение второстепенным вопросам вместо рассмотрения таких важных вопросов, как статус Иерусалима, права палестинских беженцев на возвращение и урегулирование проблемы израильских поселений на «территориях».

Второй этап работы конференции начался 3 ноября 1991 г. с двусторонних встреч между арабскими делегациями, с одной стороны, и делегацией Израиля – с другой¹². После Мадридской конференции вплоть до августа 1993 г. состоялись 10 многосторонних встреч по региональным проблемам – контролю над вооружением, проблеме беженцев и окружающей среды в Москве, в Лиссабоне, в Лондоне и Вашингтоне, которые впоследствии обусловили возможность подписания мирных палестино-израильских соглашений в Осло в 1993 г.

¹ Эпштейн А.Д. Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: войны и дипломатия. История и современность. М., 2003. С. 129.

² United Nations Resolutions 242 & 338 // Quandt W.B., Armacost M.H. Peace Process: American Diplomacy and the Arab-Israeli Conflict since 1967. California, 2001. P. 401.

³ Навайсех М. Процесс мирного урегулирования иордано-израильского конфликта // Ближний Восток и современность. Вып. 5. М., 1998. С. 184.

⁴ См.: Лэнгфорд С.В. Политика США в отношении Израиля в 90-е годы. мирный процесс и экономическая помощь // Востоковедный сборник (выпуск второй). М., 2001. С. 222.

⁵ Чайко И.А. К развитию палестино-израильского конфликта // Востоковедный сборник. Вып. четвертый. М., 2002. С. 322.

⁶ Lasensky S. Underwriting peace in the Middle East: U.S. foreign policy and the limits of economic inducements // Middle East Review of International Affairs. March 2002. Vol. 6. No. 1. P. 35.

⁷ Arens M. Broken Covenant American Foreign Policy and the Crisis between the U.S. and Israel. N.Y., 1995. P. 76.

⁸ Shlaim A. The Iron Wall – Israel and the Arab World. N.Y., 2001. P. 502.

⁹ Клява А.Я. Палестинское национальное движение. от вооруженной борьбы к «дипломатии с оружием в руках» (1974–1991 гг.) // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. двадцатый. М., 2003. С. 63.

¹⁰ См.: Егорин А.З. Война за мир на Ближнем Востоке. М., 1995. С. 89.

¹¹ См.: Рашковский Е. Третий мир – Россия – Израиль // Мировая экономика и международные отношения (МЭ и МО). 1993. № 3. С. 122-123.

¹² Сатановский Е.Я. Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры. М., 2001. С. 67.

*Абдулаева Ю.М.,
Санкт-Петербургский государственный университет*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Крах тоталитарных режимов на рубеже 80-х гг. прошлого столетия на посткоммунистическом и постсоветском пространствах и последовавший за ним демонтаж политических систем со всей остротой поставили проблему формирования новых демократических институтов. Между тем, актуализировавшаяся потребность в использовании опыта сравнительно немногочисленных успешных трансформаций, а также попытки прогнозирования на основе этого опыта натолкнулись на серьезные трудности. Оказалось, что при схожих условиях результаты трансформационных процессов могли быть совершенно различными.

В настоящее время общепризнанным является существование методологического кризиса в исследованиях посткоммунистических трансформаций, что может быть объяснено следующими двумя причинами:

1) сложностью исследуемого объекта, представляющего нелинейный, существенно нестационарный, особенно в начальной фазе своего развития, и протекающий под влиянием разнообразных и разноуровневых факторов процесс;

2) многочисленными неудачными попытками применения для рассматриваемых целей традиционных методологических инструментов, прежде всего макросоциальных теорий и структурно-функциональных подходов.

С.М. Елисеев следующим образом характеризует сложившуюся ситуацию: можно говорить о том, что посткоммунистическое пространство предстало некой «аномальной зоной», «бермудским треугольником», где общие законы не действуют или приводят к уникальным, совершенно неожиданным последствиям¹.

В простом и концентрированном виде возникшую методологическую проблему можно сформулировать таким образом: почему в схожих с точки зрения традиционных подходов условиях попытки строительства демократических институтов в странах посткоммунизма приводили к различным результатам?

Неудачи, которые потерпели макросоциальные теории в попытках дать ответ на этот вопрос объясняются, в первую очередь, тем, что они были ориентированы на анализ факторов, обеспечивающих стабильность уже существующих традиционных демократий. Так, в начале 60-х гг. классической работой Г. Алмонда и С. Вербы были заложены основы т.н. культурологической концепции, подчеркивающей взаимосвязь между стабильностью демократической системы и характером массового сознания и политической культуры общества².

Для анализа таких стационарных систем применение макросоциальных теорий, в основе которых лежит структурно-функциональный подход, вполне оправдано, несмотря на то, что уровень структурной дифференциации оказывается недостаточным для выявления роли индивида, актора как субъекта политического процесса. С другой стороны, эта роль в условиях стационарной системы в значительной степени сводится к рутинному исполнению функций, что давало основания осуществлять в рамках такого подхода замену без ущерба для результата не только акторов, но даже целых структурных элементов их «передаточными функциями», связывающими «вход» и «выход» этих элементов.

Иная ситуация складывается при анализе таких сложных нелинейных нестационарных процессов, какими являются посткоммунистические трансформации. В этих условиях роль политических акторов, осуществляющих определенный выбор и принимающих те или иные решения, придает современным транзитам, по крайней мере, в начальной своей фазе преимущественно эндогенный характер. Именно это привело к созданию в современной транзитологии иного методологического подхода, в фокусе которого оказались эндогенные факторы демократизации – те или иные конкретные процессы, процедуры и политические решения, осуществляемые самими агентами демократизации. Однако, как справедливо отмечается², сам по себе факт усиления роли политических акторов, как субъектов поставоритарных трансформаций, не должен загромождать значение социально-экономического и культурологического контекста этих трансформаций. Речь следует вести о наличии между этим контекстом и политическим развитием более сложных опосредований, чем те, которые были установлены культурологической концепцией в духе Г. Алмонда и С. Вербы.

В настоящее время все большее число приверженцев находит идея о возможности и необходимости применения интегрированного подхода к анализу изменения режимов³. Интегрированные подходы отличаются тем, что включают оценку субъективных действий акторов и объективных условий в качестве первичных причинных переменных. В свете сказанного, можно сформулировать следующие основные требования к методологии исследования посткоммунистических трансформаций:

1. Возможность структурной дифференциации исследуемого объекта в степени, достаточной для выявления механизмов влияния как макро-, так и микрофакторов на исследуемый объект.

2. Возможность определения интегрального результата воздействий на объект факторов обоих уровней с учетом характера, времени и интенсивности этих воздействий.

3. Наиболее адекватное описание объекта. В основе применяемой методологии должна лежать концепция, которая позволяет наиболее полно и органично выявить природу и объективные закономерности, лежащие в основе возникновения и становления института.

К методологическим платформам, удовлетворяющим указанным требованиям, могут быть отнесены т.н. теории среднего уровня, позволяющие сделать акцент на анализе микроуровневых воздействий, не упуская из поля зрения и влияние макрофакторов, иными словами, в основе которых лежит идея синтеза субъективистского и структурного подходов.

В качестве примера реализации этой идеи в данной работе рассматривается методология институционально-технологической интерпретации, ориентированной на анализ посткоммунистических трансформаций.

Центральным положением этой методологии, базирующейся на неoinституциональной теории, является понимание института как укорененной нормы, т.е. нормы, обретшей устойчивую институциональную практику. При таком

подходе жизненный цикл института, традиционно представляемый как последовательность сменяемых друг друга фаз (возникновение, становление, массовое использование, замещение, исчезновение)⁴, являющихся, строго говоря, фазами институционализации, должен быть дополнен доинституциональной фазой. В этой фазе будущий институт представлен своим нормативным ядром, в некотором смысле, геном, задающим код дальнейшего развития. Это обстоятельство придает рассматриваемой фазе особую значимость, несмотря на ее относительно малую продолжительность.

Используя технологическую метафору, можно рассматривать доинституциональную фазу (нормативное ядро) как проект будущего института, а период существования этой фазы – как технологический этап проектирования. Соответственно, период институционализации может быть интерпретирован как технологический этап институциональной реализации [проекта], результатом которой является реализованный проект, т.е., собственно институт. При этом для указанных выше исследовательских целей представляются избыточными перечисленные выше традиционные фазы институционального периода и жизненный (технологический) цикл института т.о. аппроксимируется двумя его основными фазами: проектной и институциональной.

Достоинство такого подхода заключается в том, что максимально упрощается исследовательская модель, при том, что сохраняются принципиально значимые этапы формирования рассматриваемого объекта и отчетливо артикулируется их технологическая специфика. Эта специфика, в свою очередь, позволяет выявить как приоритеты влияния микро- и макро- социальных факторов, так и механизмы этого влияния на процесс формирования института. Опираясь на идеи В.М. Полтеровича и Г.Б. Клейнера, можно сказать, что формирование нормативного ядра на этапе институционального проектирования осуществляется институциональными лидерами общества, т.е. ограниченным кругом акторов⁵. В условиях политической неустойчивости, характеризующей начальный этап рассматриваемых трансформаций, это определяет приоритетную роль процедурных (субъективистских) факторов на этапе институционального проектирования. Механизм воздействия этих факторов на характер и результаты «проектирования» заключается в том, что решения по выбору той или иной стратегии осуществляются акторами под влиянием их личностного субъективного восприятия и оценок, определяемых их когнитивными способностями и ментальностью. Напротив, для этапа институционализации характерно преимущественное значение структурных факторов. Укоренение инсталлированных формальных институтов, т.е. обретение ими устойчивой институциональной практики неизбежно сопряжено с их взаимодействием с неформальными нормами традиционного для конкретного общества институционального комплекса. От степени соответствия (конгруэнтности) этих институциональных систем зависит, в какой мере импортируемые формальные институты замещаются неформальными (деформализуются).

Что касается интегрального эффекта от воздействия микро- и макрофакторов, то он достигается естественным образом, если учесть, с одной стороны, временную и технологическую соподчиненность рассмотренных этапов, а с другой стороны, их объединение в едином технологическом цикле так, что результат институционального проектирования выступает в качестве стартового условия для процесса институционализации. В целом схема анализа в рамках данной методологии может быть представлена следующим образом: анализ микросоциальных (процедурных) факторов – определение характера и результатов институционального проектирования (выявление нормативного ядра) – анализ макросоциальных (структурных) факторов – определение характера и резуль-

татов институционализации нормативного ядра, сформированного на этапе проектирования (степени деформализации).

¹ Елисеев С.М. Выйти из «Бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // Полис, 2002, №6. С. 71.

² Вайнштейн Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий XX-XXI вв. Дубна, 2001. С. 152.

³ См. напр. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис, 1998, №2. С. 6-38.

⁴ Аузан А. Институциональная экономика. М., 2005. С. 292.

⁵ См.: Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М., 2004; Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы, 2006, Т. 42, № 1. С. 3-18.

Сотниченко А.А.

Санкт-Петербургский государственный университет

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВВ.

Ближневосточная политика Российской Федерации начала формироваться в сложнейших условиях начала 90-х гг. XX в., когда совершившаяся в стране демократическая революция настаивала на подчинении политики государства новой идеологии. В первую очередь сначала СССР, а потом и его наследница - свободная и независимая Россия отказались от собственного видения мировых политических проблем, и заняли свое место в фарватере внешней политики победившей стороны - США.

В условиях слома всей системы международных отношений место государства, отказавшегося от участия в доле всемирного баланса сил, сразу занимают другие сильные и влиятельные акторы, находившиеся прежде в тени. На рубеже XX-XXI вв. такой замены СССР не нашлось, да и не могло быть по множеству причин. Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время большая часть мирового сообщества добровольно или в результате мягкого давления принимает правила игры, выстроенные США. Эти правила соответствуют либеральному подходу к мировой политике, основным постулатом которого является политика "открытых дверей", "общего рынка", прозрачности и неограниченной свободы торговли¹. Можно с уверенностью сказать, что и современная Россия является вольным или невольным сторонником существующего общепринятого порядка взаимоотношений между государствами и НГО.

Сейчас с подачи политической элиты США акторов международных отношений, которые концептуально несогласны с существующим миропорядком, принято называть "страны-изгои". Среди них большинство - это мусульманские страны Ближнего и Среднего Востока, а также международные организации, так или иначе соотносящиеся с этим регионом. Признанным лидером среди них является Иран - конкурент не столько экономический, сколько идеологический и политический, носитель альтернативных, ревизионистских воззрений на современную модель международных отношений. Именно поэтому основные конфликты современного мира связаны с Ближним Востоком и исламом.

Разумеется, далеко не все ближневосточные акторы являются сторонниками радикальных изменений в мировой системе. Регион является скорее возможным нарушителем глобального спокойствия, так как для успешного изменения существующего порядка требуется совокупность множества факторов, многих из которых нет ни у региона в целом, ни, тем более, у отдельных стран, являющихся носителями альтернативных моделей. Современные стра-

ны Ближнего Востока, равно как и многие другие независимые акторы международных отношений, в совокупности представляют собой нечто вроде "движения неприсоединения" второй половины XX в. Только некоторые идут на прямой конфликт с мейнстримом, надо полагать, осознавая свое возможное тотальное поражение или бойкотирование со стороны большинства.

Внешнеполитический курс современной России начиная со второй половины 90-х гг. принято характеризовать емким словом "прагматизм", под которым кроется реальная экономическая выгода как искомый результат любых шагов в мировом политическом пространстве. Некоторым образом пророком здесь выступил бывший министр иностранных дел А. Козырев: «Будет любая идеология – будет тоталитаризм. Надо решить, что должно заменить идеологию? Деньги! Место национальной идеологии должны занять деньги». Прагматизм в современном мире не предполагает ни жесткой проамериканской внешнеполитической линии (в 90-е гг. во многом благодаря цитируемому автору, который еще не придерживался этой линии, мы растеряли множество рынков сбыта отечественной продукции, которые только частично удалось восстановить к настоящему времени), ни ревизионистской. Таким образом, Россия находится в довольно двусмысленном положении: с одной стороны, политическая элита не имеет как возможностей, так и желания встать в прямую конфронтацию с главным центром силы на планете, с другой – не хочет разрывать выгодных контрактов со своими зарубежными партнерами.

Именно этим объясняется двойственность позиции Москвы по отношению к Ирану, Сирии, палестинскому движению ХАМАС в условиях нового ближневосточного конфликта. Например, участие в иранской ядерной и военной программах оборачивается двойкой выгодой. В настоящее время реальный доход приносит сотрудничество с Ираном, но за отказ от него внешнеполитические конкуренты этой страны также могут оплатить в не меньшей степени.

Такая внешнеполитическая линия логична в том случае, если мейнстрим мировой политики в общих чертах не противоречит интересам правящей элиты. Действительно, экспорт энергоносителей приносит в казну баснословные прибыли, ВВП растет, создавая видимость благополучия страны, власть как никогда стабильна. Необходимо признать, что Москва довольна мировой конъюнктурой и не собирается работать на ее изменение. Современная политическая элита России в общем соглашается с мыслью, что Россия – в основе своей страна европейской культуры. Используя западный опыт модернизации, мы обречены на догоняющее развитие в области экономики, причем внешняя политика будет также подчинена этим принципам. Признавая свою второстепенность по отношению к Европе, США мы, таким образом, даем себе право на участие только в тех проектах, от которых уже отказались по разным причинам лидеры современного мира. И пример ядерного сотрудничества с Ираном в этом является показательным.

Современный исламский мир, предлагая иные парадигмальные императивы развития, в глобальном сообществе обречен на противостояние с Западом, что мы воочию наблюдаем сейчас. Для России в настоящее время сотрудничество с Ираном, Сирией и другими носителями враждебной для либералов идеологии будет ограничено масштабами этого противостояния. Когда конфликт между Западом и исламским миром перетечет в горячую стадию, идеология современной России оставляет только два выбора: поддерживать США или остаться нейтральным. Оба варианта являются проигрышными.

В первом случае российская политическая элита обрекает себя на тяжелое внутреннее противостояние с гражданами своей страны – мусульманами, которые по долгу своего вероисповедания будут поддерживать исламский

мир. Столкновение России как форпоста Запада на Востоке и ислама переложит на ее плечи всю тяжесть военного конфликта. Жесткий нейтралитет в противостоянии Запада с исламским миром приведет к еще большей политической изоляции со стороны как США, так и Востока, все же дивиденды достанутся победителям. Россия, в отличие от Турции, не может позволить себе нейтралитет из-за геополитического положения своего пространства, открытого как с Запада, так и с Юга, так что конфликт коснется нас в любом случае. Проигравшая сторона также получит возможность винить Россию в своем поражении, благо и восточных и западных составляющих в нашей стране предостаточно.

Необходимо признать, что Россия - это и Запад, и Восток в полной мере, уникальное пространство, где они сходятся вместе. Любой конфликт между двумя системами, культурами не может не затронуть нашу страну, однозначная поддержка одной из сторон приведет к разрыву геополитического, геокультурного пространства по живому вместе с населяющими его народами.

Логической противоположностью предложенным вариантам развития внешнеполитической стратегии России на Ближнем Востоке является следующий: Москва идет на революционные преобразования в сфере идеологии и однозначно принимает сторону главной парадигмальной альтернативы Западу - находящегося в стадии формирования исламского проекта. В условиях относительной стабильности, достигнутой при помощи либеральной модели, это означает однозначную гражданскую войну и немедленное расформирование единого геополитического пространства на фоне полного экономического краха со всеми вытекающими последствиями.

Как никогда России сейчас нужна объединительная идеология, собственная особая система ценностей для того, чтобы из объекта международных отношений превратиться в субъект, стать центром силы на континенте. В условиях доминирования либеральной идеологии стать независимым актором международных отношений невозможно: нам однозначно уготована по крайней мере третьестепенная роль после признанных лидеров США и ЕС. Современный же исламский мир является не столько естественным политическим союзником России, сколько примером для подражания в создании собственных идеологических и цивилизационных императивов. Именно поэтому независимое цивилизационное развитие Ближнего Востока мы должны сохранить от тотального уничтожения со стороны их глобального конкурента. В противостоянии Запада и исламского мира следует всеми способами поддерживать саму идею, саму возможность существования и формирования пока единственной идеологической альтернативы.

¹ Подробнее см. Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 1994. Глава III. Либеральная внешняя политика. С. 134-149

Рабинович Т.А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ИРАН И ПОЛОЖЕНИЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ЛИВАНЕ ЛЕТОМ 2006 Г.

Война Израиля с радикальной шиитской организацией "Хизбалла" в июле-августе 2006 г. нарушила хрупкий баланс сил на Ближнем Востоке и привела к существенным изменениям в регионе. Важнейшим политическим итогом войны стало усиление влияния главного спонсора "Партии Аллаха" – Исламской Республики Иран, которая претендует на роль ведущего регионального игрока. Так, по мнению некоторых аналитиков, победа "Хизбаллы" в войне рассматри-

вается как победа Ирана не только в политическом, но и в экономическом смысле. Вся важнейшая для Ливана инфраструктура, построенная в основном на деньги государств Залива, в ходе боевых действий с ЦАХАЛ была разрушена. Теперь же, принимая во внимание усиление влияния политического крыла партии "Хизбалла", за которой стоит Иран и Сирия, Ливан будет застраиваться на иранские деньги, в страну хлынет иранский капитал.

Сегодня ИРИ оказывает значительное влияние на развитие внутривнутриполитических процессов в странах региона¹. Иран при тесном сотрудничестве с Сирией влияет на внутривнутриполитическую обстановку в Ливане через спонсирование "Хизбаллы", созданной им в 1982 г. на базе шиитской общины Ливана для противостояния Израилю². Финансовая поддержка радикальной партии ХАМАС (несмотря на то, что партия суннитская) позволяет Ирану так или иначе принимать участие в процессе арабо-израильского урегулирования.

Обстановку на Ближнем Востоке осложняют и амбиции Ирана в отношении ядерных разработок. Жесткая позиция ИРИ и отстаивание своего права на развитие мирной атомной энергетики добавляют политический вес стране в регионе. Несмотря на введенные ООН санкции, кризис продолжает обостряться. США призывают партнеров по урегулированию ситуации к ужесточению позиции в отношении Ирана, напоминая о том, что военная операция рассматривается руководством Белого Дома в качестве одного из вариантов решения проблемы. Иран, в свою очередь, продолжает строить новые АЭС, проводить военные учения, осваивать космос и провоцировать мировое сообщество заявлениями о необходимости стереть Израиль с лица земли. Подобная ситуация напряженности ставит в затруднительное положение Королевство Саудовской Аравии и Иорданское Хашимитское Королевство, где усиление Ирана может повлечь активизацию оппозиции власти внутри стран и вывести из-под контроля процессы, в которых эти государства при поддержке стран Запада, в первую очередь США, играли ведущую роль. В связи с этим, Саудовская Аравия, озабоченная тем, что в ситуации международной изоляции и экономической блокады партия ХАМАС стала получать финансовую поддержку из Тегерана через находящееся в Сирии высшее руководство, решила активизировать свои усилия в отношении урегулирования внутривнутрипалестинских разногласий между ФАТХ и ХАМАС. Тем временем король Иордании Абдалла II в течение последних нескольких недель посетил Великобританию и США, где провел переговоры с главами государств и призвал страны Запада активизировать усилия по вопросу ближневосточного урегулирования.

Президент Ирана уже после договоренностей в Мекке и возникших у ФАТХ и ХАМАС сложностей с воплощением в жизнь идеи правительства национального единства принимал у себя главу политбюро ХАМАСа Х. Машаала и призвал продолжить сопротивление Израилю. Ахмадинежад также недавно встречался с главой Сирийской Арабской Республики Башаром Асадом, где говорил об укреплении сотрудничества между двумя странами, необходимости бороться с сионистским режимом и препятствовать продолжению дальнейшей оккупации палестинских земель. В Судане, где Ахмадинежад находился с официальным визитом в начале марта, иранский лидер вновь заявил о праве любого государства, в том числе и Ирана, иметь доступ к мирным ядерным технологиям: "Эти государства закрывают глаза на израильский ядерный арсенал и не в состоянии заставить его отказаться от этого вооружения для того, чтобы Ближний Восток стал безъядерной зоной... Это демонстрирует двойные стандарты, доминирующие сегодня в международной политике"³. Также Ахмадинежад обрушился с критикой на "иракских оккупантов", препятствующих своей политикой стабилизации ситуации в стране и мирному сосуществованию сунни-

тов, шиитов и курдов. Таким образом, Иран представляет собой сегодня классический пример имперской державы, имеющей намерения перекроить регион согласно собственным представлениям и обладающей потенциалом для воплощения этих целей в жизнь⁴.

Усилия, направленные на изоляцию Ирана, теперь не представляются рациональными. Прозвучавшие из уст короля Иордании Абдаллы II опасения о появлении Шиитского полумесяца (Shiite crescent), простирающегося от Бейрута до Тегерана и способного внести напряженность в доминируемый суннитами Ближний Восток⁵, трансформировались, тем не менее, в осознание необходимости сотрудничества с Ираном по важнейшим вопросам дальнейшего развития региона. Так, 3 марта состоялся визит президента Ирана Махмуда Ахмадинежада в Саудовскую Аравию, где руководители двух стран обсудили проблемы в зоне Персидского залива, в Ираке, Ливане и на палестинских территориях, т. е. там, где напрямую сталкиваются интересы Эр-Рияда и Тегерана. По окончании переговоров было сообщено, что позиции Ирана и Саудовской Аравии по Ираку и обстановке на палестинских территориях схожи. Стороны заявили о своем намерении противостоять вражде между суннитами и шиитами, бороться с попытками расколоть исламский мир, расширять двустороннее сотрудничество, содействовать поиску взаимопонимания, а не углублять и без того имеющиеся между странами противоречия. Как отмечают аналитики, визит иранского президента в Эр-Рияд и его переговоры с саудовским королем Абдаллой продемонстрировали стремление руководства двух соседних государств путем диалога искать приемлемые для обеих сторон подходы к урегулированию имеющихся между ними противоречий⁶.

Без сомнения, самым ярким противником вовлечения "центрального звена оси зла" в решение проблем в регионе являются США. Обвиняя Тегеран в намерениях заполучить ядерное оружие, в спонсорстве террористических группировок на Ближнем Востоке, в поставке оружия и боеприпасов террористам в Ираке и во многом другом, США пытаются изолировать Иран от участия в процессах урегулирования проблем Ближнего Востока. Однако, несмотря на сложные отношения между двумя странами, Иран был приглашен на Конференцию по Ираку, которая состоялась недавно в Багдаде. Совместно с Сирией, представителями стран - постоянных членов СБ ООН и Лиги арабских государств Иран и США впервые за много лет за столом переговоров обсуждали вопросы о том, как совместно создать условия для нормализации обстановки в Ираке, активизировать борьбу с насилием и прекратить столкновения между шиитами и суннитами. Несмотря на то, что никаких принципиально важных решений на конференции принято не было, это был существенный шаг к хоть и ограниченному, но все же сотрудничеству с Ираном и к постепенному вовлечению ИРИ в решение региональных проблем.

Очевидно, что США будут продолжать использовать в отношении Ирана политику "кнута и пряника" — на днях МАГАТЭ приостановило действие почти половины программ по оказанию технической помощи Ирану в освоении мирного атома, а США, наряду с продлением односторонних санкций в отношении ИРИ, предупредили своих партнеров в арабском мире, что любые финансовые и экономические сделки с Исламской Республикой нанесут ущерб их отношениям с США и повлекут наложение санкций. США все же не смогут более не считаться с возрастающим влиянием Ирана в регионе и будут вынуждены искать пути к налаживанию диалога, особенно в условиях, когда политика жесткого давления на Иран не встречает поддержки среди партнеров США, а наоборот, повсеместно подчеркивается необходимость предоставления Ирану различных стимулов и гарантий. В то же время возможность военного удара США по Ира-

ну рассматривается многими аналитиками как вполне реальная. Как сообщает арабский аналитический еженедельный журнал "Al-watan al-arabi", США намерены действовать через Израиль, который начнет военные действия первым, а Вашингтон продолжит доведения начатого до конца. Именно намерением ударить по Ирану через Ирак, а не углубляющимся суннитом - шиитским противостоянием, автор статьи объясняет стремление Белого Дома увеличить военный контингент США в Ираке. Американские ястребы продолжают давить на Конгресс с целью получения согласия на увеличения количества войск в Ираке, продолжают убеждать союзников в том, что Иран представляет большую опасность режиму нераспространения, вследствие чего необходимо ужесточить санкции в отношении ИРИ, агенты израильского Моссада давно работают в Иране и ждут наступления "часа икс", о чем свидетельствуют постоянно ведущиеся секретные переговоры Вашингтона и Тель-Авива⁷. Война между Ираном и США сама по себе или через Израиль является гипотетически возможным вариантом развития событий, но все же маловероятным на сегодняшний день. Если силовой вариант будет применен, то это не будет война только между США и Ираном. Война будет иметь ужасающие последствия для всего Ближнего Востока и мира в целом.

¹ Примаков Е. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2006. С. 360

² Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004. С. 119

³ Iran, Sudan close ranks in face of pressure. // The Jordan Times. Vol. 32, N. 9522., March 1., 2007

⁴ Haass R.N. The New Middle East., // Foreign Affairs

<http://www.foreignaffairs.org/20061101faessay85601/richard-n-haass/the-new-middle-east.htm>

⁵ Nasr V. When the Shiites Rise. // Foreign Affairs July/August, 2006, www.foreignaffairs.org/gs/middle-east.html

⁶ Об изменении военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (26 февраля-4 марта 2007 года) // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/05-03-07b/htm>

⁷ Al-watan al-arabi, Israil tutliq al-sharara al-ula wa Amerika tukmil al-muhimma, № 1565, February, 2007

*Шебло О.Д.
Уральский государственный университет*

ПРОБЛЕМА ВКЛЮЧЕНИЯ ЯПОНИИ В АЗИАТСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

С 1990-х гг. в мире происходят значительные изменения с точки зрения расстановки политических центров сил. В 1994 г. начала функционировать Североамериканская зона свободной торговли - НАФТА. Западноевропейские государства, официально оформив создание ЕС, перевели экономические отношения в качественно новую плоскость функционирования на основе введенной с 1 января 1999 г. единой валюты. Значительно более осторожно, но все же уверенно, протекают интеграционные процессы и в другой части света - Азии.

Еще в 1930-е гг. японский экономист Акамацу Канамэ работал над теорией регионального развития, которую он назвал «Стая летящих гусей»¹. Как и в циклической теории Раймонда Вернона², в ней рассматривался длительный процесс постепенного распространения технологий, при которых развивающиеся страны увеличивают экспорт. В 1970-е гг. эта теория была немного модифицирована для объяснения синергетичного образца экономической интеграции в Азии. Япония - это гусь-вожак: за ней следовали т.н. новые индустриальные страны (Корея, Тайвань, Сингапур). В третьем ряду - 4 промышленных лидера АСЕАН («малые драконы»: Таиланд, Малайзия, Индонезия и Филиппины); в четвертом - Китай; пятом - Вьетнам, Лаос и другие. Таким образом, за Япо-

нией следовала формация – гусиная стая. Каждый предыдущий ряд тянул за собой последующие посредством трансферта технологий и ноу-хау, прямых инвестиций, обеспечения экспортных рынков. Тем самым обеспечивался динамизм региона. Сайто Сэйитиро определял этот механизм как политическую стратегию успешного производства и говорил, что именно им Япония обязана тесному сращиванию бизнеса и властных структур³. Американские исследователи⁴ вообще писали о том, что Япония экспортировала свою модель децентрализованного развития в азиатскую экономическую систему догоняющего развития. При этом, по их мнению, она встретила там всестороннюю поддержку: азиатские администрации приветствовали не только японский капитал и технологии, но и образец государственного регулирования производства.

Однако на сегодняшний день японские политологи и экономисты придерживаются менее радужной точки зрения на роль и перспективы своей страны в азиатском интеграционном процессе. Так, Умада Кэйити (профессор кафедры политических процессов университета Кёрин) считает, что начало в Азии собственно интеграции как институционального объединения следует относить к декабрю 1990 г., когда малазийский премьер М. Махатхир высказал идею регионального экономического союза на заседании Восточной Азиатской экономической группы, впоследствии переименованной в Восточный Азиатский экономический совет. Официально план М. Махатхира остался не услышанным, но вместе с тем с 1 января 1992 г. начала функционировать зона свободной торговли АСЕАН, в рамках которой за 10 лет до отметки ниже 5% были снижены пошлины на почти весь список экспортно-импортного оборота. Поворотным моментом, по мнению профессора Умада, стало «лето кризисного 1997 года, когда с Тихоокеанской Азии акцент сместился на Восточную Азию как гаранта дальнейшей экономической регионализации»⁵.

В декабре того же года на юбилейном (30-м) заседании АСЕАН в г. Куала-Лумпур (Малайзия) было объявлено о новом формате организации в рамках «АСЕАН+3» - с участием Японии, Республики Корея и Китая. Тогда же Япония предложила создать Азиатский валютный фонд, но по причине противодействия со стороны МВФ, США и Китая эта идея была отложена. Так как азиатский экономический кризис в немалой степени затронул интересы крупного бизнеса Японии, ей пришлось на уровне государственных банков участвовать в создании так называемых своп-соглашений, образующих сеть валютно-финансового страхования своих стран-участниц. Модель «корзины валют» была выбрана для Азии не случайно. Дело в том, что крупнейшие экономики региона - японская и китайская - в отличие от европейских грандов, не могли бы предложить свои национальные валюты как гарант курса региональной единицы. Йена не подходила по причине того, что государственный долг правительства Японии составлял 170% ВВП, плюс оставалась ее привязка к американскому доллару; юань же был ненадежен из-за слабости финансово-банковского сектора китайской экономики.

На 5-м заседании в обновленном формате в 2001 г. было объявлено о создании Восточно-азиатской исследовательской группы (East Asian Vision Group - EAVG), целью которой провозглашалось движение к Восточно-азиатскому сообществу - «сообществу мира, благополучия и прогресса». Через год EAVG подготовила доклад - программу продвижения регионального сотрудничества из 26 пунктов. Среди 17 краткосрочных предложений значилось создание Восточно-азиатского бизнес-форума, финансовой информационной сети, программы культурного обмена. В 9 средне- и долгосрочных предложениях опять стояло создание регионального аналога МВФ, института, устанавливающего и регулирующего валютные курсы.

Вместе с тем, Япония пока всеми силами старается отложить проведение этих инициатив. В том же 2002 г. она предложила проводить расширенные региональные саммиты. В малазийском саммите АСЕАН+3 в декабре 2005 г. по настоянию Японии участвовали Австралия, Новая Зеландия и Индия (итого 16 государств). Также были приняты заявления на статус официальных наблюдателей от России и Европейского Союза.

В рамках имеющихся институтов японская сторона в последние несколько лет всячески способствует заключению договоров о создании зон свободной торговли с внерегиональными государствами. Такие договоры уже заключены Сингапуром и Новой Зеландией (действует с 01.2001 г.), Сингапуром и Австралией (действует с 07.2003 г.), Тайванем и Панамой (действует с 01.2004 г.), Республикой Корея и Чили (действует с 04.2004 г.), Таиландом и Австралией (действует с 01.2005), Японией и Мексикой (действует с 04.2005 г.). В японских же академических кругах тем временем широко обсуждается идея открытого регионализма - регионального сотрудничества в рамках ВТО с привлечением форума АТЭС. Такая осторожная позиция имеет под собой ряд оснований. Во-первых, как предупреждает профессор Умада, очень долгое время отсутствует единая законодательная база для того, чтобы региональная кооперация перешла на новый институциональный уровень. Напротив, заключаемые договора постоянно ссылаются на 24 параграф соглашения ГАТТ, предполагающий специальные льготы развивающимся странам. Признавая их ситуационную необходимость, - пишет он, - следует понимать, что они все же противоречат основным идеалам ВТО⁶. При разработке совместных законопроектов в случае, если каждая из стран потребует уступок в двустороннем порядке, число таких оговорок достигнет 78. И говорить о каком-либо институциональном образовании тогда бессмысленно, заключает он.

Впрочем, подобная система предпочтений естественна для этого региона в силу очень высокой степени его экономической разнородности. По данным официального сайта МВФ, на 2005 г. разница ВВП на душу населения между самой богатой и самой бедной страной региона (Японией и Мьянмой) составила 219 крат. Для сравнения: среди 25 стран ЕС этот показатель равен 12 (Люксембург и Латвия); для Америки и её партнеров - 95. Вызов для Японии очевиден: кроме льгот от неё будут ожидать и безвозмездные субсидии. Также не проясненной остается и парадигма политического сотрудничества, так как в регионе, кроме демократических режимов, остаются коммунистические режимы Китая, Вьетнама, Лаоса, а добавок и режим военной диктатуры в Мьянме.

До 2012 г. по инициативе Коидзуми исследовательская группа разрабатывает проект договора Японии о ЗСТ с АСЕАН. В ноябре 2004 г. Министерство сельского хозяйства, лесной и водной промышленности опубликовало Новую стратегию в отношении продвижения Восточно-азиатского экономического сотрудничества («Мидори-но Адзиа ЕРА суйсин сэньяку»). В ней провозглашались принцип безопасности и вариативности при импорте продуктов питания, а также повышение экологических стандартов качества. Однако на этих паллиативных мерах, по мнению профессора Умады, не следует останавливаться. Действительным выходом в этой ситуации может стать охранительный курс в отношении таких отраслей, как производство риса и рыбный промысел, а также продвижение на Восточно-азиатские рынки продуктов под «Ниппон бурандо» (брендом Японии)⁷.

И, наконец, последний вопрос, без решения которого невозможно продвижение дальнейшего регионального сотрудничества, как считают К. Умада и Х. Ооки, - это вопрос движения населения. Предполагаемая либерализация визового режима непременно будет иметь следствием наплыв азиатских работни-

ков. Чтобы защитить японский рынок труда, по их мнению, необходимо ужесточить требования к квалификации въезжающих и в рамках Национального профсоюза создать отдел контроля найма иностранцев.

На сегодняшний день в силу изложенных выше обстоятельств не следует ожидать значительного продвижения Японии в направлении азиатского сотрудничества. Новый премьер С. Абэ высказал намерение придерживаться линии своего предшественника и на открытии 165-й сессии парламента заявил, что будет продолжать диалог о присоединении Австралии и Индии к региональному интеграционному процессу⁸. Тем самым фактически открытый регионализм вновь признается как наиболее адекватный на данное время государственным интересам Японии.

¹ Akamatsu Kaname. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries. // The Developing Economies, #1 (March – April 1972).

² Vernon Raymond. International Investment and International Trade in the Product Cycle. // Quarterly Journal of Economics. Vol.80. 1996.

³ Saito Seichiro. Medium and Long-term Adjustments in the Japanese economy. Tokyo, 1993.

⁴ Yamamura K., Hatch W. Asia in Japan's Embrace: Building a Regional Production Alliance. Cambridge, 1999.

⁵ Умада К., Ооки Х. Синкококу-но FTA то Нихонкигё. Токё, 2005. С. 47.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ http://www.mofa.go.jp/speeches_2006/pdf

*Худина Е.В.
ННГУ им. Н.И. Лобачевского*

АРКТИЧЕСКОЕ ВОЕННО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО (АМЕС) КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Северо-запад Российской Федерации является одним из самых неблагоприятных с точки зрения ядерной и экологической безопасности регионов РФ. Главным экологическим вызовом для Кольского полуострова, Архангельской области и всего побережья Баренцева и Белого морей является обращение с радиоактивными отходами (РАО) и отработанным ядерным топливом (ОЯТ).

В северо-западном регионе России накоплены большие количества ОЯТ и РАО, образовавшиеся в результате эксплуатации атомных подводных лодок (АПЛ) и надводных судов с ядерными энергетическими установками, принадлежащих Северному флоту. ОЯТ сосредоточено в хранилищах губы Андреева и Гремихи, а также на борту находящихся в отстое АПЛ. На сегодня в эксплуатации на Северном флоте находятся менее 40 АПЛ. Но около 70 АПЛ находятся в отстое с топливом на борту. Около 35 реакторных отсеков утилизированных АПЛ хранятся на плаву в Сайда губе¹.

Подобная ситуация создала высокую вероятность возникновения аварий на выведенных из состава ВМФ АПЛ и постепенно приобретает масштаб национальной угрозы. Суммарная радиоактивность, скопившаяся на этих объектах, количественно значительно превосходит по активности выброс в окружающую среду в результате Чернобыльской катастрофы². Кроме того, сложившаяся ситуация представляет не только экологическую угрозу, но и угрозу распространения ядерных материалов.

В то же время важной особенностью ядерно-экологических проблем Северо-западного региона России является их тесная взаимосвязь с деятельностью военного комплекса РФ. Вследствие этого многие проблемы этого региона

не могут быть решены путем сотрудничества в гражданской сфере, поскольку значительное количество объектов, представляющих ядерно-экологическую угрозу, находится в ведении армии и ВПК. В этой связи среди многочисленных инициатив, направленных на решение проблем Северо-запада, выделяется программа Арктического военно-экологического сотрудничества (АМЕС), представляющая собой российско-американо-норвежское военное сотрудничество в области охраны окружающей среды в Арктике.

Учреждение АМЕС было инициативой норвежской стороны. В марте 1995 г. министр обороны Норвегии Юрген Космо обратился к министрам обороны РФ и США с предложением создать трехстороннюю программу сотрудничества, целью которой было бы ослабление воздействия деятельности военных операций и военной инфраструктуры на окружающую среду Арктики. В результате 26 сентября 1996 г. была подписана Декларация об Арктическом военно-экологическом сотрудничестве.

С формальной точки зрения АМЕС представляет собой трехсторонний форум, предназначенный в большей степени для обсуждения экологических проблем Арктики, чем для практической реализации совместных проектов. Декларация АМЕС «является рамочным соглашением, для осуществления различных контактов и проектов сторон в целях сотрудничества по военно-экологическим проблемам Арктики»³. В ней не определены конкретные цели сотрудничества, только отмечено, что подобное сотрудничество «может включать в себя» такую деятельность, как изучение причин, приведших к загрязнению, разработку методов и технологий по предотвращению загрязнения и восстановлению окружающей среды и иные формы взаимодействия (статья 3)⁴. Однако, несмотря на это, с момента своего возникновения сотрудничество в рамках АМЕС было сконцентрировано на совместных проектах по преодолению угрозы ядерного загрязнения в российской Арктике.

Что касается институционального аспекта сотрудничества в рамках АМЕС, юридически сторонами соглашения являются только министерства обороны трех стран-участниц соглашения, и только военные ведомства других стран могут участвовать в проектах программы. И хотя в процессе реализации проектов АМЕС к сотрудничеству привлекались представители других (гражданских) ведомств, их участие в деятельности программы ограничивалось лишь технической экспертизой. Этим сотрудничество в рамках АМЕС отличается от других многосторонних программ и проектов по разрешению проблем экологической и ядерной безопасности на Северо-западе России.

В первый год АМЕС существования ее суммарный бюджет составлял около 10 млн. долл. На долю США приходился 1,8 млн. долл., Норвегия выделяла 4,7 млн. долл., Россия – 2 млн. Всего в период с 1996 по 2004 г. на проекты программы АМЕС было выделено более 56 млн. долл.⁵

Первоначально в рамках АМЕС было одобрено 7 проектов, из которых пять связаны с ликвидацией последствий ядерного загрязнения и утилизацией АПЛ. Сотрудничество в рамках АМЕС является достаточно узкоспециализированным и в значительной степени закрытым. Однако тот факт, что программа АМЕС существует уже почти 10 лет и в ее рамках ведется практическая реализация согласованных проектов, говорит о том, что как на момент ее возникновения, так и в настоящее время страны-участницы сотрудничества заинтересованы в ее осуществлении и продолжении.

Интерес Норвегии к сотрудничеству в Арктике обусловлен традиционной ориентацией этой страны на экологическую безопасность как основной компонент своей политики национальной безопасности. Одной из основных отраслей норвежской экономики является рыболовство. Продукция этой отрасли состав-

ляет около 10% всего норвежского экспорта. Конкурентоспособность этой отрасли во многом зависит от экологической чистоты продукции. В связи с этим одной из основных целей норвежской внешней политики остается намерение получить от России гарантии отказа от имевшей место в прошлом практики захоронения радиоактивных отходов в арктических морях. Именно поэтому Норвегия сыграла ключевую роль в привлечении внимания международного сообщества к проблеме ядерной безопасности на Северо-западе России и в создании международных программ, призванных противодействовать этой угрозе⁶.

Участие США в АМЕС едва ли может объясняться интересами экологической безопасности, т.к. экологическая ситуация и ядерно-радиационная безопасности российской Арктики ввиду ее удаленности от побережья США едва ли может серьезно угрожать состоянию экосистемы последних. В этой связи представляется, что участие США в АМЕС обусловлено такими центральными приоритетами американской политики национальной безопасности, как сокращение стратегических вооружений и ядерное нераспространение. Что касается перспектив развития программы АМЕС, то в мае 2004 г. в рамках АМЕС был разработан проект Стратегического плана развития партнерства до 2015 г. Согласно ему, предполагается сосредоточиться на обеспечении ядерной безопасности и создании технологий, не наносящих вреда окружающей среде.

В качестве еще одной перспективы развития сотрудничества в рамках АМЕС все чаще называется расширение географической сферы применения программы на регион Тихого океана. Еще в ноябре 1998 г. Россия обратилась к министерству обороны США с предложением создать программу, подобную АМЕС, для решения проблем ядерно-радиационной безопасности на Тихоокеанском военном флоте. Подобная программа так и не была создана, но в 2003 г. министерство обороны США вынесло на одобрение Конгресса проект, который предусматривал распространение деятельности АМЕС на Тихоокеанский флот РФ. Несмотря на то, что данное предложение было отклонено, идея расширения сферы применения АМЕС продолжает широко обсуждаться в военных ведомствах стран-участниц, однако подобные планы еще достаточно далеки от институционального оформления.

Тем не менее, несмотря на неудачу проекта по расширению географической сферы применения АМЕС, можно сделать вывод, что программа продолжает отвечать интересам создавших ее стран, активно развивается и перспективы ее дальнейшего расширения можно оценить как благоприятные.

¹ Доклад Министерства по атомной энергии РФ «О состоянии и мерах по ускорению работ по утилизации атомных подводных лодок и надводных кораблей с ядерными энергетическими установками и экологической реабилитации радиационно-опасных объектов, выведенных из состава Военно-Морского Флота» от 16 декабря 2003 г. // Официальный сайт Федерального агентства по атомной энергии РФ www.minatom.ru/News/Main/view?id=529&idChannel=105

² Там же.

³ Declaration among the Department of Defense of the United States of America, The Royal Ministry of Defence of the Kingdom of Norway, and the Ministry of Defence of the Russian Federation on Arctic Military Environmental Cooperation // Cooperation and Conflict. Vol. 35. No. 1. 5-36 (2000). P. 232-234

⁴ Ibid.

⁵ GAO Report to Congressional Committees "U.S. Participation in the Arctic Military Environmental Cooperation Program Needs Better Justification" September 2004. P. 18

⁶ Годал, Бьерн Туре Добрососедское сотрудничество. Развивать этот стиль отношений настраивает военное руководство Норвегии. Интервью с министром обороны Норвегии от 1 сентября 2000 г. // Официальный сайт Независимой газеты <http://nvo.ng.ru/archive/razdel/concepts/2000-09-01>

ЛОББИСТСКИЕ АКТОРЫ В ЕС, ИХ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ, ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Изначально в европейскую систему было вовлечено немного лоббистов, за исключением некоторых крупных торгово-промышленных ассоциаций, чьи представительские функции использовались редко. Лоббизм начал развиваться в таких секторах экономики, как сельское хозяйство, горная промышленность и металлургия, т.к. основные направления европейской интеграции и создания общего рынка были связаны именно с ними. Говоря о соотношении групп, занимающихся лоббированием экономических вопросов, основная часть исследователей полагает, что они как составляли, так и составляют около двух третей от общего числа лоббистов¹. Хотя существуют и более крайние позиции, например, что их соотношение составляет 100:1².

Экономический сектор лоббирования чаще всего представляет собой групповые объединения. Национальные объединения бизнеса могут создавать отраслевые европейские корпоративные ассоциации т.н. «зонтичного» типа. Пример - Европейская федерация фармацевтической промышленности. В Европейской ассоциации химических концернов лидирующую роль играют BASF, "Bayer", "Aventis", в Ассоциации производителей бытовой техники - "Siemens", "Philips", "Thomson" и "Nokia", в Ассоциации банков - "Deutsche Bank" и "Crédit Lyonnais". При этом среди отраслевых ассоциаций бизнеса в Западной Европе наибольшим авторитетом и организационной гибкостью обладают те, которые объединяют представителей инновационных отраслей³.

Сельское хозяйство всегда пользовалось поддержкой ЕС, поэтому неудивительно, что объединения сельскохозяйственных корпораций остаются одним из сильнейших и наиболее опытных лобби. Конфедерация сельскохозяйственных организаций ЕЭС с самого начала развертывания интеграционных процессов оказывала активное влияние на разработку и реализацию Единой сельскохозяйственной политики, лоббируя интересы фермеров. Она и сейчас сохраняет свой политический вес, в первую очередь благодаря тому, что за ней стоят мощнейшие немецкие и французские фермерские союзы.

На рубеже 1970-х и 1980-х гг. на уровне ЕС образовались мощные группировки предпринимателей — «Европейский круглый стол промышленников» (European Round table of Industrialists), Комитет по промышленности Европейского союза (EU Industrial Committee), Европейская группа предприятий (European Enterprise Group), Повестка дня европейского бизнеса (European Business Agenda). Одной из наиболее мощных лоббистских структур европейского уровня можно считать «Европейский круглый стол промышленников», созданный в 1983 г. по инициативе 45 руководителей различных корпораций, в том числе "Philips", FIAT, "Volvo" и "Siemens".

Еще одной большой группой лоббистских организаций являются профсоюзы и профессиональные объединения. Это, прежде всего, Европейская конфедерация профсоюзов, которая представляет 85% членов профсоюзов стран Западной Европы и занимает по численности первое место среди еврогрупп. Однако, как отмечают исследователи, авторитет профсоюзов в диалоге на уровне ЕС по-прежнему напрямую зависит от позиций, занимаемых на уровне национальном⁴. Еще одним партнером по социальному диалогу являются многочисленные профессиональные группировки, которые на 1995 г. составля-

ли 69 еврогрупп. Некоторые из подобных лоббистских ассоциаций создают свои этические кодексы, что представляет основную особенность европейского лоббизма – «мягкую» систему регулирования лоббистской деятельности», основанную на саморегулировании всех элементов. Это такие организации, как EPACA (Европейская ассоциация общественно-политических консультантов), SEAP (Общество практиков европейских отношений), AALEP (Ассоциация аккредитованных лоббистов Европейского парламента).

Стоит остановиться и на так называемом «третьем секторе», который представляет некоммерческие интересы и в последние десятилетия активно развивается. Традиционно считается, что здесь существует 4 категории объединений; они связаны с защитой прав потребителей, защитой окружающей среды, разработкой и выполнением законодательства, реализующего равные гражданские права жителей ЕС, и, наконец, с проблемами демократической представленности и образа государства с точки зрения его граждан⁵.

Необходимо отметить и последнюю категорию лоббистских организаций, представляющих региональный и межрегиональный уровень интересов и требующих отдельного рассмотрения.

Итак, если взять за основу принцип классификации действующих на уровне ЕС лоббистских образований характер группобразующей мотивации, то можно выделить следующие группы: интересы производителей (коммерческие), стремящиеся создать благоприятные условия для получения прибыли; непроизводственные некоммерческие интересы, объединяющие профсоюзы и добровольные организации и лоббирующие широкие общественные интересы, либо непосредственно интересы своих членов; региональные интересы, сочетающие в своей деятельности оба типа мотивации.

Можно выделить и другие основания для классификации, а именно секторальные типологизации. Если рассматривать структурную составляющую, то можно выделить групповых и индивидуальных, комбинированных акторов, коммерческих и некоммерческих лобби.

До сих пор точно судить о количестве лоббистских организаций в Европейском Союзе достаточно сложно, так как в Союзе отсутствует обязательная система регистрации лоббистов. Единственный элемент, имеющий некоторое сходство с регистрацией – это база данных CONECCS (The database for Consultation, the European Commission and Civil Society). По мнению Комиссии, эта база данных предназначена для обеспечения диалога с организациями гражданского общества, предоставляя информацию о формальных или неформальных консультациях, в которых участвует гражданское общество. Это справочник, в котором добровольно регистрируются некоммерческие организации гражданского общества, представленные на европейском уровне. Однако в этой базе мы можем не найти те группы давления, которые часто обладают привилегированным доступом к процессу принятия решений. К примеру, нет никаких упоминаний ни о Европейском круглом столе промышленников, ни о Трансатлантическом деловом диалоге TABD. Последние называют себя «приглашенные советники». Бывший сопредседатель совета директоров Ericsson Михаэль Трешов определил их влияние так: «Для нас гораздо легче собраться вместе с ведущими политиками, и они послушают нас... Мы помогаем двигаться им в правильном направлении»⁶.

С каждым годом количество лоббистов и их организаций все возрастает. Причин этому несколько: европейское законодательство имеет приоритет перед наднациональным законодательством государств-участников ЕС, следовательно, у многих групп давления появляются причины лоббировать тот или иной законопроект на европейском уровне; динамичное развитие ЕС делало

желаемым присоединение к нему, а особенно к институтам, которые принимали политические решения в ЕС; сложная структура ЕС позволяет эффективно работать лоббистам. Если говорить о вновь присоединившихся странах, роль представителей их интересов на надгосударственном уровне часто исполняют бывшие дипломаты, у которых, как правило, есть опыт взаимодействия с обще-европейскими структурами и накопленные личные связи.

По различным сведениям, в настоящее время в Брюсселе работают около 15-20 тыс. профессиональных лоббистов, большая часть которых представляет бизнес-круги: консультанты, юристы, ассоциации, корпорации, НПО и т.д. И эта цифра скорее характеризует масштаб рассматриваемого нами явления, нежели реальное число людей, вовлеченных в работу по представительству интересов: приблизительно 2600 групп интересов имеют постоянный офис в Брюсселе. Их распределение примерно следующее: 32% - европейские торговые объединения, 20% - консультанты, 13% - компании, 11% - неправительственные организации, 10% - национальные ассоциации, 6% - региональные организации и 1% - исследовательские центры.⁷ Тем не менее, неопределенность границ групп, порой их слабая структурированность затрудняют исследования и оценку их деятельности.

Итак, европейский лоббизм растет и процветает. В то же время многие исследователи отмечают, что профессионализм лоббистов, не представляющих заинтересованную сторону напрямую, достаточно низкий⁸. А это и является одной из главных оценок эффективности действий лоббистских акторов. «В большинстве случаев лоббисты плохо подготовлены к дискуссии и общее качество их выступлений очень низкое... Как правило, они не способны углубиться в дискуссию, как только обсуждение предмета выходит за пределы их ограниченных знаний»⁹.

¹ Commission CEE: Un Dialogue ouvert et structure entre la Commission et les groupes d'intérêt. Doc. SEC(92) 2272 final. Brussels., 1992.

² Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семёненко И.С. Группы интересов и российское государство. М., 1999. С.315.

³ Бусыгина И. Невидимая рука: корпоративный лоббизм в Европейском союзе // Неприкосновенный запас №48-49 (4-5/2006). С. 8.

⁴ Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семёненко И.С. Указ. Соч. С.319.

⁵ Леви Д.А. Проблемы лоббирования на национальном и наднациональном уровнях: На примере Европейского союза. Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. СПб, 2006. С. 52.

⁶ Michael Treschow Electroluxchefen lade from storforetagens red till lederna // Dagens Industri, June 15 2001.

⁷ <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/05/130&format=HTML&aged=1&language=EN&guiLanguage=ru> [24.01.07]

⁸ Greenwood J. Representing interests in the European Union. L., 1997. P. 5-7.

⁹ Hull R. Lobbying the European Community: a View from Within // S. Mazey, J. Richardson (eds). Lobbying in the European Community. Oxford, 1993. P. 82-92

*Старчак М.В.
Молодежное отделение РАПН*

БОРЬБА ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА С НАРКОТРАФИКОМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Приграничный Афганистан представляет угрозу вследствие международного терроризма, а также тем, что является главным производителем и транспортером наркотиков в мире. При всех заявлениях о борьбе с наркотиками движения Талибан и американских сил в Афганистане явных улучшений в борьбе с производством и оборотом наркотиков не видится.

В 2004 г. посевные площади под маком в Афганистане достигли 80 тыс. га. Афганистан произвел 3 400 тонн наркотиков в 2002 г., а в 2004 г уже более чем 5 500 тонн. По оценкам ЮНОДС, в 2004 г. в Афганистане было сосредоточено 16% мирового производства героина. Ежегодный оборот афганских наркотиков оценивается в \$30 млрд. в год¹. До 65% наркотиков, произведенных в Афганистане, поступает в Центральную Азию (ЦА), Россию и европейские страны. Примерно треть из них оседает в центральноазиатских республиках².

Кроме того, продолжается производство наркотических веществ и на территории самой Центральной Азии. Увеличение количества наркосодержащих веществ приводит к возрастанию потребления наркотиков. В период с 1990 по 2002 гг. потребление опиатов в странах ЦА возросло в 17 раз, и это является прямой проблемой безопасности региона.

Месторасположение стран Центральной Азии, транспортное сообщение между странами, безвизовый режим, в то же время слабость пограничного контроля на границах Таджикистана и Кыргызстана, бедность этих стран превратили регион в главную наркотранзитную зону, что представляет угрозу безопасности не только ЦА, но и России и Европе. Центральноазиатские страны граничат с Афганистаном, что ставит вопрос о тесном сотрудничестве в области борьбы с наркотрафиком.

Государства Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) всегда внимательно следили и продолжают следить за ситуацией в Афганистане и прилагают все возможные усилия для улучшения обстановки в этой стране. В 2002 г. ШОС признала полезным создание антинаркотической системы – поясов безопасности по периметру границ Афганистана. На Ташкентском совете глав – государств членов ШОС в 2004 г. было принято решение о создании Координационного совета Афганистан – ШОС для осуществления усилий по контролю границы и борьбы с наркотрафиком.

В борьбе с наркотрафиком из Афганистана Координационный Совет Афганистан – ШОС может иметь определенную пользу. Президент Афганистана Хамид Карзай на расширенном заседании Совета глав государств - членов ШОС подтвердил существование проблем терроризма и роста наркотиков, действующих на Афганистан. «Афганистан будет бороться против терроризма, против этого зла, которое воздействует на многие регионы. Также необходимо разработать механизм, который помог бы бороться и с наркотиками. И Афганистан готов в этом участвовать со всеми нашими соседями в регионе»³.

Хотя борьба с наркотрафиком и наркобизнесом в рамках ШОС пока не получила столь масштабного развития, как антитеррористическая деятельность, есть все предпосылки к ее развитию. Для этого, помимо антинаркотического пояса на границах с Афганистаном, на Ташкентском саммите в 2004 г. было подписано «Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров». Оно будет иметь важное значение для многосторонней работы в рамках ШОС по противодействию транснациональным угрозам, «ход выполнения которой должен находиться в поле зрения механизма встреч секретарей Советов безопасности, который мог бы также организовать работу над подготовкой комплексного программного документа о взаимодействии в рамках ШОС в борьбе с новыми вызовами и угрозами, включая незаконный оборот оружия и боеприпасов, взрывчатых, отравляющих, ядовитых и радиоактивных веществ, наемничество»⁴.

Готовность к обмену мнениями и сотрудничеству с Афганистаном, в областях, представляющих взаимный интерес, была подтверждена и на прошлогоднем саммите глав государств в Астане. Учитывая важность пресечения наркотрафика из Афганистана через страны Центральной Азии и Россию в Европу,

представляется возможным включение ОБСЕ в борьбу с наркотрафиком в рамках отдельного Совета ШОС – ОБСЕ, либо путем регулярных встреч через Совет глав организаций (генеральных секретарей). Это бы не только способствовало деятельности организации, но и подтвердило открытый характер ШОС, готовность на сотрудничество со всеми заинтересованными субъектами мировой политики и ненаправленность деятельности против стран Запада.

Различия в политике и взаимное непонимание между ШОС и США хотя и приводит к созданию отдельной структуры по борьбе с наркотрафиком и наркоторговлей в противовес ШОС⁵, не должно исключать поисков решений для привлечения структур НАТО к антинаркотической деятельности ШОС. Возможно привлечение ШОС к таким мероприятиям, как международная операция «Канал» проводившаяся в 2005 г. государствами-членами ОДКБ.

Помимо создания антинаркотических поясов по границам Афганистана, необходимо будет определиться с наркотрафиком внутри Центральной Азии, наладить механизм координации специальных ведомств для взаимного информирования по трафику наркотических веществ. Особое внимание следует уделить ситуации на границе Таджикистана и Кыргызстана, недостаточная охрана которой способствует перевозке наркотиков. Принципиально важным будет привлечение к сотрудничеству даже вне членства в ШОС Туркменистана.

К сожалению, никак и не в каком виде не ведется борьба с наркопроизводством на территории самой Центральной Азии. Проблема наркопроизводства поставит вопрос замены наркосодержащих растений на культурные. Необходимо также будет разработать программы по развитию сельского хозяйства, поддержке научных исследований для разработки препятствий росту наркотических растений. Кроме того, нельзя забывать о профилактике. Эксперты из Института Дальнего Востока РАН, принимая во внимание эффективность сотрудничества в гуманитарной сфере при борьбе с наркобизнесом, предлагают уделить особое внимание «согласованию просветительской политики, направленной на антинаркотическую пропаганду среди населения, обмену опытом по достижениям профилактики и лечения наркомании, а также совместной разработке и распространению эффективных диагностических тест-систем»⁶. Это также должно способствовать решению наркотической угрозы и усилению эффективности ШОС в борьбе с наркоугрозой.

Для борьбы с наркопроизводством предстоит создать систему международных инспекций и наблюдателей за контролем над выращиванием наркотических веществ по примеру ОБСЕ и ООН, постоянно проводящих мониторинг ситуации в регионе, что отсутствует в ШОС. Лучшим воплощением миссии наблюдателей будет ее дислоцирование в качестве постоянного офиса в городе Ош, месте транзита и переброски партий наркотиков по различным регионам. Антинаркотический Центр ШОС с реальными полномочиями в этом месте мог бы решить многие вышеперечисленные задачи. Взаимодействие пограничных служб также должно оставаться приоритетным направлением в ШОС, ведь именно на погранзаставы ложится основная тяжесть в пресечении наркотрафика. Эти проблемы ставят вопрос о необходимости проведения совместных учений погранслужб, обмена опытом. Миссии наблюдателей в главных транзитных пунктах также способствовали бы выявлению пограничных проблем и оказывали положительное влияние на их решение.

Любая борьба с наркотиками как на государственном, так и на межгосударственном уровне всегда предполагает существенное финансирование. Бюджет Шанхайской организации около 3,5 млн. долларов в год, ПАТС – 1,3 млн. долларов. Для организации, претендующей на глобальное значение, это не так много, на качественные проекты для борьбы с наркобизнесом и другие

программы средств нет. Проблема бюджета для развития и эффективности организации становится ключевой.

В настоящее время ведутся переговоры о создании Фонда развития с целью разрешения вопросов финансирования некоторых проектов. Возможно, Фонд сможет привлечь средства хотя бы в гуманитарную сферу. Пополнению бюджета способствовало бы включение в организацию способных на финансовые вливания Ирана, Индии, Пакистана. Кооперация в совместные проекты с другими международными организациями позволила бы планово направлять деньги на решение конкретных задач. Объединение с ОДКБ (хотя бы в тех операциях, которые касаются борьбы с наркотиками) позволило бы не конкурировать в решении одних и тех же задач, не распылять и без того небольшие средства. Учитывая и то, что большинство членов ОДКБ являются членами ШОС, кооперация с ОДКБ решила бы некоторые вопросы с финансированием и повысило эффективность работы.

¹ Олимов М.А. Проблемы безопасности в Центральной Азии: взгляд на ШОС из Республики Таджикистан //ШОС и проблемы безопасности в Центральной Азии. Алматы, 2005.

² Hill Fiona The United States and Russia in Central Asia; Uzbekistan, Tajikistan, Afghanistan, Pakistan, and Iran. [http:// www.foreignpolicy-infocus.org/commentary/0111afghanint_body.htm](http://www.foreignpolicy-infocus.org/commentary/0111afghanint_body.htm) (25 декабря 2005)

³ О расширенном заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества, Ташкент, 17 июня 2004 г.// <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/moasia?OpenView&Start=1&Count=30&Expand=5#5>

⁴ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, 17.06.2004. Ташкент

⁵ См. ИА REGNUM Эксперт: Казахстан боится потери влияния в ШОС// <http://www.regnum.ru/news/mongolia/648943.html>

⁶ Проблемы совершенствования Шанхайской организации сотрудничества (Аналитическая записка по итогам «круглого стола» в Институте Дальнего Востока РАН, май 2005 г.)//www.ifes-ras.ru/conf/2005/4-2005.html

*Лузин П.А.
Пермский государственный университет*

США: МИЛИТАРИЗАЦИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Процесс развития постиндустриального общества обычно ведут с рубежа 1950-х – 1960-х гг. Одним из аспектов этого процесса явились шаги по освоению космического пространства. В то же время в рамках парадигмы «Холодной войны» шла экстраполяция гонки стратегических вооружений на космическую сферу, апогеем которой стал американский проект стратегической оборонной инициативы (СОИ) и существенное превышение ассигнований на военный космос над расходами по гражданской космической программе в 1980-х гг.¹ Но уже с распадом биполярной системы распространилось мнение, что военное соперничество в космосе уходит в прошлое. Однако развитие событий доказало иллюзорность подобных суждений.

Автор придерживается точки зрения, что концепция постиндустриального общества характеризует собой структурные изменения, происходящие в современном мире и касающиеся, в первую очередь, наиболее развитой страны Запада - США. В основе исследования лежит гипотеза, что процесс освоения космоса, будучи одной из причин и атрибутом этих структурных изменений, неизбежно отражает генерируемые ими в мировой системе противоречия, что проявляется в милитаризации космоса. Правда, в ходе изучения векторов космической деятельности, как и в целом указанного структурного перехода, делать

долгосрочные выводы не представляется возможным, поэтому мы имеем основания лишь фиксировать ряд тенденций и пытаться их анализировать.

Во-первых, сегодня большое значение для жизнедеятельности Соединенных Штатов приобрели сложные информационные и коммуникационные системы на основе спутниковых сетей. Помимо экономического применения таких систем, они имеют и военное значение. Так, в ходе военной кампании против Ирака в 1991 г. США впервые использовали подобную сеть, после этого спутниковые системы применялись (в рамках операции НАТО) в 1999 г. в Югославии, в 2001 г. в Афганистане, в 2003 г. снова в Ираке. В целом же начиная с середины 1990-х гг. в американских военных документах космос начинает фигурировать как потенциальный театр военных действий.²

Во-вторых, усиление роли науки как производящей силы приводит к постоянной необходимости сохранять высокий темп НИОКР. В свою очередь, следствием их удорожания является сокращение дублирования гражданских и военных проектов. Пожалуй, что в первую очередь эта тенденция затронула именно космическую сферу, поскольку она изначально была «полигоном» двойных технологий. «<...> Большие преобразования, происходящие в деятельности правительства в космосе, должны быть организованы и управляемы таким образом, чтобы снижать дублирование и способствовать качественному усилению взаимодействия между гражданскими, военными, разведывательными и коммерческими космическими программами <...>»³.

Одновременно начался процесс, получивший название «революция в бизнесе» («revolution in business affairs»)⁴. Суть этого процесса в более глубокой интеграции бизнеса в военные программы, нежели простое производство оружия. Так, на сегодняшний день в США существует программа развертывания спутниковой системы геопространственной разведки. Ряду крупных компаний было предложено инвестировать средства в данный проект в обмен на получение с этих спутников информации невоенного характера⁵. Обратной стороной «революции в бизнесе» для космической сферы является покупка и использование военными информации с коммерческих спутников. Думается, можно сделать вывод о движении в сторону частичной милитаризации бизнеса в США. Военные программы коммерциализируются, а бизнес выполняет своего рода аутсорсинг деятельности военных.

В-третьих, милитаризацию космоса определяют мировая политика и мировая экономика. С одной стороны, глобализационные процессы, увеличение скорости распространения технологий и знаний приводят к ужесточению международной конкуренции, что объективным образом отражается, в том числе, на американской космической деятельности, сочетающей в себе ряд комплексных фундаментальных факторов, которые обеспечивают конкурентоспособность страны в долгосрочной перспективе. С другой, выход на мировую арену новых сильных игроков, таких как Китай и Индия, рост международной нестабильности в совокупности со снижением потенциала США и Западного мира в целом — все это неизбежно ведет к стремлению ряда государств упрочить свои позиции в космосе, в ряде случаев — позиции военные. На стыке этих двух сторон находится причина резкого увеличения к концу XX в. числа стран, имеющих космическую программу. То есть налицо многоплановые обратные связи, формирующие предпосылки к космической милитаризации.

В-четвертых, не существует международного законодательства, которое бы четко регулировало военно-космическую деятельность⁶. И, скорее всего, оно не будет выработано, пока сохраняется возможность использовать преимущества почти неограниченного космического суверенитета. Главным образом такая позиция характерна для США, однако ее придерживаются и другие

страны-участники освоения космоса, в частности Россия⁷.

Далее, консолидация производства в аэрокосмической отрасли США, которая наблюдается с начала 1990-х гг. до настоящего времени и которая вызвана во многом кризисом этой отрасли в связи с окончанием «Холодной войны»⁸, сама по себе является предпосылкой ужесточения международной конкуренции, развития «двойных» разработок и «двойного» производства. Можно говорить и о нарастании конкуренции в космосе в рамках западного мира – между США и Евросоюзом. Подтверждением тому служит стремление ЕС и отдельных его членов к независимому развитию собственных космических средств и технологий⁹. Хотя, безусловно, нельзя в отношении них говорить о военном характере этой конкуренции, но так или иначе она фиксируется. В принципе, данный вопрос требует более тщательного изучения.

В итоге, проанализировав ряд процессов и тенденций, напрямую связанных с космической деятельностью, мы приходим к выводу о том, что в эпоху постиндустриализма уровень конфликтности космической сферы возрастает, заставляя Америку адаптироваться к этому. Иными словами, милитаризация космоса для Соединенных Штатов вполне закономерна, тем самым становясь закономерной для всех остальных стран, и наоборот. В основном она связана с научно-техническим соперничеством между государствами на этом направлении, а также с динамикой международных процессов.

¹ The Future of the U.S. Space Industrial Base// Vice President's Space Policy Advisory Board, November 1992. P. 5/ <http://history.nasa.gov/spdocs.html>

² Зарубежное военное обозрение. 1996-1998 гг.

³ A Post Cold War Assessment of the U.S. Space Policy// Vice President's Space Policy Advisory Board, December 1992. P. i// <http://history.nasa.gov/spdocs.html>

⁴ Ashton B. Carter & John P. White. Keeping the Edge: Managing Defense for the Future. Cambridge, 2000. P. 165

⁵ Роговский Е. А. Геопространственная разведка США// США и Канада. 2004. №8

⁶ Космическая политика и космические силы США. М., 2001. С. 35

⁷ Космос без оружия – арена мирного сотрудничества в XXI веке. М., 2001

⁸ Большаков З. А. Основные тенденции развития военно-промышленных корпораций США в 1990-х гг. М., 2002

⁹ Например: Зарубежное военное обозрение. 2003. №9. С. 48.

*Горяина Ю.П.
Институт Дальнего Востока РАН*

НОВЫЕ АКЦЕНТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМИДЖА КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI В.

Имидж государства представляет собой сложное, многоплановое явление, требующее внимательного и комплексного исследования. От международного имиджа страны зависит ее место, вес и значимость в системе международных отношений, в глобальной модели мирового порядка, в системе мировых цивилизаций. Международные отношения – плодотворная среда для целенаправленного формирования имиджа любой страны. Системность возникновения и функционирования имиджа страны тесно связана с системностью самих международных отношений. То, как воспринимается страна – ее образ, является основой для формирования внешнеполитических и экономических отношений с мировым сообществом, механизмом регулирования процессов, происходящих в самой стране.

В последние десятилетия Китай поражает своим бурным экономическим развитием. В 2003 г. по объему ВВП он вышел на 2-е место в мире, занимает 3-е место в мире по внешнеторговому обороту (750 млрд. долл. в 2005 г. при по-

ложительным сальдо до 100 млрд. долл.)¹. Можно утверждать, что имидж Китая на современном этапе развития имеет ряд особенностей, связанных со стремительным развитием экономических и социально-политических процессов, с уникальностью взлета Китая в плане его международного влияния. Четкая международная стратегия, проводимая Пекином, перспективы продолжения экономического роста теми же темпами кардинально меняют геополитическое положение страны.

Мировое сообщество вынуждено принимать во внимание тот факт, что несомненные достижения КНР по наращиванию своего потенциала в последние три десятилетия выдвинули государство на новые позиции в мировой политике и экономике, что в свою очередь, обуславливает необходимость умелого выстраивания «китайской политики». С одной стороны, понимая, что к середине XXI в. КНР станет ведущей мировой державой, большинство государств демонстрируют заинтересованность в расширении сотрудничества с ней, с другой стороны, изменение позиций Китая в мировой политике и экономике создает ряд проблем в его отношениях с другими странами. Так, в настоящее время на Западе и Востоке существует некая озабоченность относительно возможного доминирования Поднебесной в мировых делах в XXI в. Получил распространение тезис о «китайской угрозе», которую стали видеть в наращивании КНР своего военного потенциала, в сотрудничестве с «тоталитарными режимами», в «наступлении на демократические права и свободы», а также в усилении роли КНР в мировой экономике.

Руководство Китая отдаёт себе отчет в том, что быстрый рост китайской мощи не может не вызывать озабоченность в мире, в этих условиях наиболее рациональной политикой со стороны Пекина является убеждение мирового сообщества в том, что Китай взял курс на мирное разрешение споров, снятие напряженности в отношении с соседними государствами. В начале XXI в. Пекин стремится убедить мировую общественность в том, что его возвышение носит исключительно мирный характер, что рост китайской экономики никому не несет угрозы, и хотя Китай приблизился к позиции, с которой он может рассчитывать на гораздо более высокий международный статус, однако, скованный наличием огромных внутренних проблем, он прежде всего должен решать их².

Анализ внешней политики КНР за последние десятилетия показывает, что китайскому руководству все менее свойственно добиваться усиления роли страны на международной арене военно-силовыми методами или путем создания направленных против кого-либо военных или политических альянсов. На наш взгляд, для руководителей КНР актуальны не столько претензии на «мировое господство», сколько признание со стороны мирового сообщества легитимности КНР как одного из его полноправных членов. Следовательно, строить сегодняшние отношения с Китаем в русле борьбы с «китайской угрозой» было бы неконструктивным, не замечать тенденции превращения КНР во все более мощную державу также неоправданно.

Представляется, что Китай хочет не только влиться в мировое сообщество, быть не просто региональным лидером, но и участником глобальных процессов, участником переговоров между ведущими странами мира по формированию нового миропорядка. Специалистами эта тенденция обозначается как стратегическая и долговременная³. Можно сказать, что Китай уже начал выстраивать свой миропорядок, т.к. он уже позиционирует себя как мощная региональная держава со своей зоной ответственности. КНР планирует позиционировать себя как мировая держава, имеющая мировую ответственность, со своей концепцией и моделью мира.

Кратко отметим основные проблемы, с которыми Китай столкнулся в се-

редине первого десятилетия XXI в. в области создания позитивного имиджа страны в глазах зарубежной аудитории. Во-первых, как уже отмечалось, возникла необходимость в убеждении иностранных держав в том, что усиление экономической мощи не представляет угрозы для сбалансированного развития глобальной экономики. Во-вторых, Китай подвергается иностранной критике за несовершенство политических институтов, нарушение прав человека. В-третьих, КНР выступает в современном мире как наследница уникальных культурно-цивилизационных традиций, несходных с евро-американским наследием. Это побуждает Китай объяснять внешнему миру, что несходство его ценностей с западными не ведет к конфликту и выступает важным элементом глобального многообразия цивилизаций.

В середине 1990-х гг. реформирующийся Китай столкнулся с усиливающейся волной критики из-за рубежа, когда к негативным оценкам внутренней политики КНР добавились темы военной и экономической «китайской угрозы» мировому сообществу. В конце десятилетия в китайских публикациях ведущее место занимали контрпропагандистские выступления, направленные на критику зарубежных искажений образа Китая (опровержение теорий «краха Китая», «китайской угрозы», «экспорта Китаем дефляции» и др.)⁴

В начале 2000-х гг. Китай перешел от оборонительной реакции к целенаправленной наступательной работе по формированию позитивного имиджа страны. На современном этапе для обоснования позитивной специфики китайского пути развития используются пропаганда уникальной успешной модели экономических реформ, гуманистические ценности традиционной конфуцианской мысли, планы «совместного развития» и «мирного возвышения», указывающие на отсутствие у КНР экспансионистских имперских устремлений⁵.

После прихода к власти руководства во главе с Ху Цзиньтао в работе по формированию образа Китая появились новые акценты. Китайские теоретики все чаще обращаются к предложенному американским ученым Д. Наем понятию «мягкой силы» (жуань шили), подразумевающему использование «нематериальных властных ресурсов» культуры и политических идеалов в интересах влияния на поведение людей в других странах (в отличие от воздействия с помощью «жесткой силы» оружия и денег)⁶. При обсуждении проблем «мягкой силы» китайские авторы отмечают, что одним из ее источников выступает дипломатия, нацеленная на создание атмосферы стабильности, формирование отношений с окружающими странами на основе идей добрососедства, построение многообразного гармоничного мира. Другим ресурсом является культура, в том числе, государственные программы проведения «годов Китая».

Растущая обеспокоенность мирового сообщества усилением Китая побудила китайское руководство также внести изменения в начертанную Дэн Сяопином стратегию «сокрытия возможностей» («Хладнокровно наблюдать, защищать свою позицию, невозможно решать проблемы, скрывать свои реальные возможности и выжидать подходящее время, сохранять сдержанность, никогда не заявлять о своих правах на главенствующую роль»)⁷. Не пытаясь более скрыть или преуменьшить мощь страны, пропагандисты сосредоточили усилия на создании привлекательного образа сильного миролюбивого Китая, готового «поделиться» своим процветанием с другими странами и тем самым заинтересовать их в своем дальнейшем возвышении. Новый имидж Китая опирается на пропаганду успехов в области экономических преобразований и миролюбия национальной внешней политики, повышения глобальной привлекательности китайской культуры.

Среди экспертов есть понимание того, что сложившийся образ Китая как «всемирной фабрики», изготавливающей продукцию для транснациональных

корпораций⁸, побуждает ставить акцент не только на «экономическом чуде» и впечатляющих показателях роста ВВП, но и на новых лозунгах «гармоничного общества» и «устойчивого развития», подчеркивающих стремление властей преодолеть накопившиеся социальные и экологические проблемы. Акцентируется внимание на том, что «Китаю необходим гармоничный мир, чтобы тот создал благоприятную внешнюю среду для развития, а также принес пользу народам всего мира»⁹.

В целом Китай все более явно ориентируется на всемерное политическое, идеологическое, экономическое содействие, на создание благоприятных условий «мирного развития», на нейтрализацию негативной реакции за рубежом на процесс становления Китая как будущей мощной державы посредством формирования позитивного международного образа страны.

¹ Рожков И.Я. Реалии и имидж современного Китая. М., 2006. С. 4

² Воскресенский А. Китай в контексте глобального лидерства? // <http://www.intertrends.ru/five/002.htm>

³ http://www.mgimo.ru/dir_news/view.asp?UID=%7B085E8854%2D0EA3%2D4BD8%2DB9CC%2D8EB6161302F9%7D

⁴ Ду Хуайлян. Дипломатия в меняющейся международной обстановке. //Бэйцзин дасюэ гоцзи гуанси яньцзю. 2003. № 1. С. 18

⁵ Свешников А.А. Проблемы международной самоидентификации Китая. //Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: Тезисы докладов XV международной научной конференции. М., 2005. С. 144

⁶ Борох О., Ломанов А. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР. //Pro et Contra. 2005. № 3. С.34

⁷ Е Цзычэн Большая стратегия Китая: главные проблемы на пути становления Китая как великой мировой державы и стратегический выбор //Экспресс-информация №2 «Мирное возвышение Китая: проблемы и перспективы». М., 2006. С. 25

⁸ Ляован синьвэнь чжоухуань. 2006. №1. С.63

⁹ http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-01/26/content_394938.htm

Ефремов А.Е.

Марийский государственный университет

ПРАВО НАЦИИ НА СУВЕРЕНИТЕТ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Казалось бы, в современном мире, после завершения «холодной войны», краха тоталитарной системы и победы либерально-демократических ценностей вопрос о проблеме сохранения суверенитета для 200 независимых государств в мире не должен ставиться. Однако США, которые на данный момент являются гегемоном, продолжая позиционировать себя как гарант и защитник демократических ценностей, ставят под сомнение право наций и государств на суверенитет. Данная позиция США обосновывается на различных уровнях: государственном, общественно-политическом и научном.

На общественно-политическом уровне одним из активных сторонников отказа наций и государств от суверенитета является Збигнев Бжезинский. В своей статье «Последний суверен на распутье»¹ Бжезинский делает выводы, что «в наше время понятие суверенитета... для большинства государств скорее юридическая фикция». Причина, по которой суверенитет является «юридической фикцией» - рамки национального государства сегодня «слишком узки и не позволяют должным образом осуществлять шаги, в которых кровно заинтересована большая часть человечества». Но в тоже время сохранилась страна, для которой суверенитет не является фикцией. По мнению Бжезинского «Сегодня Америка — самая суверенная страна в мире». Поэтому слабость «формально независимых государств, которые на самом деле становятся всё более зависи-

мыми или даже неспособными к автономному существованию", должна быть компенсирована за счет укрепления наднационального сотрудничества. Наднациональное сотрудничество принесет плоды лишь в том случае, если "последнее оставшееся суверенное государство (США) возьмет на себя роль лидера" и к нему присоединятся наиболее гибкие региональные державы, готовые в конечном итоге "поступить своим суверенитетом ради заключения более эффективных наднациональных договоренностей".

Сохранение гегемонии США (и как следствие отказ остальных государств от суверенитета) считают необходимым для мирового сообщества и ряд академических кругов как Западной Европы, так и США. Ярким примером являются исследования профессора Гарвардского университета Найелла Фергюсона². Альтернативой однополюсному миру представляется отнюдь не "многополюсная утопия", а аполлярность – глобальный вакуум власти. Одна из главных проблем аполлярного мира – военная уязвимость и, как следствие, крушение цивилизации. В подтверждение приводятся исторические аналогии: итогом крушения Римской империи стал раскол мира на раздробленные и нестабильные варварские государства; в результате крушения империи Карла Великого мир захлестнули набеги викингов. На современном этапе развития "викингами и варварами" объявлены исламские фундаменталисты, террористы и пираты которые, по мнению Фергюсона, "будут господствовать в раздробленном мире после потери гегемонии США".

Следует отметить, что приведенные выше позиции об особой, мессианской роли и необходимости отказа от суверенитета во имя "самой суверенной страны в мире" находят отражение и в политическом курсе США. Известный немецкий юрист Карл Шмидт³ отмечает, что уже в XIX в. США признавали лишь за собой государственно-правовой суверенитет и выработали принципы нового международного (по сути американского) права. Эти принципы могут быть сформулированы следующим способом:

1. Возвышение волеизъявления США в качестве единственного источника международного права.

2. Легитимизация права США на неограниченные вмешательства и интервенции во внутренние дела латиноамериканских стран с целью их экономического закабаления и установления гегемонии в Западном полушарии.

3. Отказ стран Западного полушария от всяких претензий на материальный суверенитет и государственную независимость.

4. Создание имперского (большого пространства), сконструированного как прототип псевдоправового международного порядка, в котором только одна держава - США - имеет никем и ничем не ограниченный абсолютный суверенитет, между тем как все остальные страны превращены в протектораты, сохраняющее, однако, для видимости формальные атрибуты суверенных государств.

В XX в. гегемония США значительно ограничивало влияние и деятельность СССР. По мнению профессора Йельского университета, главы Центра Фернана Броделя Иммануила Валлерстайна⁴, коллапс СССР оказался геополитической катастрофой для США, "поскольку настоящим бедствием стала невозможность поддерживать структуру в той же форме, как прежде", т.е. невозможность сохранения сложившейся зависимости Западной Европы от США. После окончания II мировой войны Западная Европа лежала в руинах. И США, не пострадавшие от разрушительных военных действий, предложили "экономическую помощь (план Маршалла) Западной Европе, но в обмен потребовали частичного отказа от суверенитета". Это выразилось в устранении из правительств западноевропейских стран просоветских политиков и безоговорочной поддержке США на международном уровне. Потеря влияния США в Европе

связана с тем, что исчез "страх и ужас" в отношении России, кроме того, европейские страны начали объединяться в мощную и независимую силу на международной арене - Европейский Союз.

В настоящее время прослеживается глобальная тенденция создания региональных коалиций с антиамериканской направленностью. Активную позицию занял Китай, который эксплуатирует усиливающиеся паназиатские настроения народов Восточной и Юго-Восточной Азии для того, чтобы облегчить себе задачу по негласному вытеснению США из этих регионов. Особо следует отметить исламский мир, который воспринимает США на данный момент как главную угрозу своему существованию. Для того, чтобы вновь стать общепризнанным лидером в Евро-Американском конгломерате, США выдвинули новую концепцию, выраженную в "Стратегии национальной безопасности (СНБ) США" от 20.09.2002.

Остановимся на наиболее важных, на наш взгляд, аспектах СНБ США от 20.09.2002⁵:

1. Основные угрозы безопасности США исходят от государств-изгоев и террористических сетей. "Серьезнейшая опасность... находится на перекрестке радикализма и технологий".

2. США не допускают достижения какой-либо страной военного паритета. США намерены применять военную силу первыми, чтобы предупредить враждебные действия, даже если нападение на США в данный момент не готовится или невозможно: "Америка будет действовать против возникающих угроз, прежде чем они полностью сформируются".

3. США намерены остаться единственной в мире страной, имеющей право на применение силы против угроз прежде, чем они полностью сформируются, и не позволяют другим нациям использовать предвращение как оправдание для агрессии.

Как отмечает Карл Шмидт "СНБ США от 20.09.2002 является прямым осуждением современного мирового правопорядка". США в одностороннем порядке определяют политический режим (демократический, тоталитарный или террористический) любого суверенного государства. В случае если государство представляет потенциальную угрозу, Штаты оставляют за собой право "смены правящего режима". Следует отметить, что новая Стратегия национальной безопасности США не стала концепцией, способной объединить Евро-Американский конгломерат. Цель сохранения на неопределенный срок превосходства США над всем остальным миром даже американским комментаторам показалась рискованной: "Америка может растратить свое мировое лидерство на самоубийственный поиск империи"⁶.

"К сожалению для любой стратегии, построенной на вечной американской гегемонии, упадок великих экономических и военных держав - постоянное явление в истории. Одна из главных причин этого: тайны успеха сверхдержавы просачиваются за ее границы, вооружая других. Вспомните римлян, завоеванных варварами, использующими римские военные методы. Или спросите китайцев, подчиненных монголами, использующими китайскую технологию"⁷.

Аналогия между современными США и Римской империей очень распространена в комментариях, и неизменно в связи с падением империи. К ней обращаются проф. М.Мандельбаум⁸. "Помните опасности империализма!" - призывает со страниц бывший министр финансов Виш Бэри, и замечает: "Поскольку Соединенные Штаты в своей "Стратегии национальной безопасности" стремятся к военному выбору, неизбежно рисуются аналогии между США и имперским Римом"⁹. Еще более жесткой критике подвергли новую внешнюю политику США в Европе¹⁰: "Стратегия национальной безопасности США" является ради-

кальным документом, понимает это или нет его главный автор, Кондолиза Райс. Была еще одна декларация подобного рода, сделанная 154 года назад: Коммунистический манифест. Он осудил существовавший мировой порядок монархий и "буржуазных" республик от имени новой и высшей законной власти, власти пролетариата. Он провозгласил эту власть универсальной и освобождающей законностью".

Таким образом, попытка замены национальных суверенитетов неким "единым стандартом" приведет лишь к тому, что в мире будут продолжаться попытки создания региональных блоков.

¹ Бжезинский З. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. № 1, Январь - Февраль 2006

² Фергюсон Н. Мир без сверхдержавы // Foreign Policy. № 143. July—August p. 32—39 (перевод на <http://www.Inosmi.ru>)

³ Schmitt C. Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Berlin, 1991

⁴ Валлерстайн И. Гибель СССР - трагедия для Соединенных Штатов // Апология № 4(4) 2005 (<http://www.journal-apologia.ru>)

⁵ Homeland Security Act of 2002 (<http://www.whitehouse.gov/docs.htm>)

⁶ "The Chicago Tribune", 23.09.02 (перевод на <http://www.Inosmi.ru>)

⁷ "The New York Times", 29.09.02 (перевод на <http://www.Inosmi.ru>)

⁸ "The Buffalo News", 26.09.02 (перевод на <http://www.Inosmi.ru>)

⁹ "Australian Financial Review", 02.10.02 (перевод на <http://www.Inosmi.ru>)

¹⁰ "Le Temps", "Le Monde" (перевод на <http://www.Inosmi.ru>)

Лексютина Я.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ КНР И ТАЙВАНЕМ КАК ВОЗМОЖНЫЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В ЗОНЕ ТАЙВАНЬСКОГО ПРОЛИВА

В феврале 2000 г. Китай опубликовал Белую книгу «Принцип одного Китая и тайваньский вопрос», в которой выступил с угрозой применения военной силы «для решения тайваньского вопроса» в том случае, если Тайбэй будет «медлить с проведением переговоров об объединении»¹. Позже Китай неоднократно выступал с тезисом о возможности использования военной силы для решения тайваньского вопроса. Более того, в марте 2005 г. ВСНП подавляющим большинством приняло «Закон против сепаратизма». Этот закон официально санкционировал применение Китаем «немирных средств» в отношении Тайваня в случае «отделения Тайваня от Китая под любым названием и в любой форме в результате действий сепаратистских сил, добивающихся "независимости Тайваня", либо серьезных инцидентов, могущих привести к отделению Тайваня от Китая, либо полного исчерпания возможностей мирного объединения»². Фактически этот закон даёт Китаю юридические основания в одностороннем порядке решать вопросы между двумя сторонами пролива, и, более того, даже оправдывать вторжение на Тайвань.

Существуют различные точки зрения относительно степени вероятности применения Китаем военной силы для решения Тайваньской проблемы, озвучиваются разные даты возможного военного вторжения Китая на Тайвань, однако, с учётом текущего соотношения вооружённых сил Китая и Тайваня, можно попытаться спрогнозировать варианты возможной военной операции Китая против Тайваня и способность Тайваня противостоять ей³.

Обозначим различные виды нападения на Тайвань, имеющиеся в арсенале Китая⁴: ракетные удары по ключевым объектам, массированные удары авиации по территории Тайваня, высадка десанта с материка, блокада острова,

неограниченная асимметричная война.

На сегодняшний день в китайских провинциях, находящихся в непосредственной близости к Тайваню, размещено порядка 800 баллистических ракет ближнего радиуса действия М-9 и М-11, и их число увеличивается ежегодно примерно на 100 единиц. Именно ракеты могут составить первую волну атаки. Ввиду отсутствия у Тайваня на данный момент времени адекватной системы защиты от ракетного удара именно угроза со стороны китайских баллистических ракет представляется наиболее серьёзной для Тайваня.

В результате внезапной массированной ракетной атаки на Тайване могут быть частично уничтожены системы противовоздушной обороны и раннего предупреждения, выведены из строя центры командования, контроля и коммуникаций, разрушены основные аэродромы и порты, не говоря уже о людских потерях. Тем не менее, это не будет означать достижение конечной цели Китая - получить полный контроль над всей территорией острова, для чего потребуются произвести высадку десанта.

Для проведения успешной высадки десанта Китаю необходимо иметь превосходство военно-воздушных и военно-морских сил. Целью военно-воздушных сил Китая будет нанесение ущерба сухопутным войскам Тайваня, флоту, промышленности, объектам инфраструктуры, системам управления, а также нанесение противнику максимальных потерь, особенно в самолетах новых образцов. В случае с военно-воздушными силами, Тайвань имеет качественное превосходство над ВВС НОАК, в то время как последние обладают количественным преимуществом. ВВС Тайваня представлены эффективными истребителями F-16, «Мираж-2000» и «Цзинго», что даёт ему качественное преимущество. Отметим, что ограниченная ёмкость аэродромов Нанкинского военного округа, отсутствие на подавляющем большинстве китайских самолётов систем дозаправки в воздухе, ограниченное воздушное пространство Тайваня и его высокая насыщенность средствами ПВО ставят под сомнение способность ВВС НОАК компенсировать качественное отставание количественным преимуществом, использовав большое количество устаревших самолётов⁵. В силу ограниченного воздушного пространства Тайваня, где, по оценкам специалистов⁶, одновременно могут действовать лишь две-три сотни перехватчиков, качественное преимущество будет гораздо важнее количественного.

В случае с военно-морскими силами Тайвань обладает аналогичным преимуществом, что и с ВВС. Хотя континентальный Китай имеет преимущество в численности кораблей, но НОАК будет трудно использовать все свои боевые корабли и подводные лодки в узком и мелком Тайваньском проливе. Более того, ВМС Тайваня на сегодняшний день превосходит НОАК по количеству современных надводных боевых кораблей основных классов. В последнее время в связи с приобретением у США четырёх эсминцев класса «Кидд» возможности ВМС Тайваня противостоять НОАК значительно возросли. Слабым местом тайваньских ВМС до сих пор является ограниченное количество подводных лодок, однако данная проблема может быть решена в самое ближайшее время.

Но даже если допустить, что ВВС и ВМС Тайваня не смогут противостоять НОАК, это ещё не будет означать неизбежного поражения острова. Так, некоторые аналитики указывают на то, что даже если НОАК удастся установить контроль над Тайваньским проливом, проведение успешной десантной операции остаётся пока за пределами возможностей НОАК. Главная проблема на сегодняшний день — это ограниченные возможности военно-транспортной авиации и низкая суммарная вместимость десантных кораблей НОАК. Конечно, Китай сможет наладить переброску войск на Тайвань, используя гражданские суда, но их применение во многом зависит от погодных факторов.

Отметим также, что Тайваньское побережье во многих местах – это крутые скалы, а те его участки, где возможна высадка десанта, защищены в большинстве случаев илистыми отмелями, уходящими в море на расстояние от двух до пяти миль. Лишь на 20% береговой линии Тайваня возможна высадка десанта⁷. Безусловно, тайваньцы лучше, чем кто-либо другой, знают особенности собственной береговой линии, и прекрасно осведомлены, где может быть произведена высадка китайского десанта. Нетрудно представить тот колоссальный урон, который нанесут захватчикам огонь наземной артиллерии и бомбардировки с воздуха.

В такой ситуации Китай, скорее всего, прибегнет к высадке десанта сразу на нескольких участках побережья с целью удержать хотя бы один из них. Если им удастся закрепиться хотя бы на одном плацдарме, то туда можно будет начать переброску крупных контингентов с тяжелой техникой. В этом случае положение Тайваня осложнится, так как сухопутные войска НОАК превосходят Тайваньские сухопутные силы в качественном отношении и будут иметь возможность получить количественное превосходство.

Но ещё раз акцентируем внимание на том, что успешная высадка десанта на сегодняшний день пока находится за пределами возможностей Китая и является наименее вероятным видом нападения на Тайвань. Наиболее же удачным и, следовательно, наиболее вероятным видом нападения считается морская блокада острова⁸. Блокада будет направлена на подрыв тайваньской экономики с целью принудить Тайвань капитулировать перед политическими требованиями Пекина. При этом блокада может осуществляться двумя путями: минирование гаваней у тайваньских портов и блокада силами подводных лодок материкового Китая. До недавнего времени можно было говорить о том, что небольших сил ВМФ Тайваня и имеющихся средств противолодочной борьбы недостаточно для преодоления блокады, однако с приобретением эсминцев класса «Кидд» и предстоящим (если Законодательному юаню удастся прийти к общему знаменателю в вопросе финансирования закупки данных вооружений) приобретением у США восьми дизельных подводных лодок и 12 противолодочных самолётов «Орион» Р-3С, способность Тайваня самостоятельно противодействовать угрозе морской блокады значительно увеличивается.

Ещё одним видом нападения континентального Китая на Тайвань может стать неограниченная асимметричная война, в которой все доступные средства – как военные, так и невоенные – будут использованы для достижения победы. Одной из возможностей такого рода является электронная информационная война, в ходе которой компьютеры противника выводятся из строя с помощью вирусов, взлома кодов и обрушивания на них лавины информации.

Таким образом, Тайвань не имеет (и вряд ли может иметь) количественного преимущества над вооружёнными силами Китая, и главной задачей по обеспечению безопасности острова является сохранение качественного преимущества. В частности, важнейшими классами вооружений для обеспечения безопасности Тайваня являются противокорабельные и зенитные ракетные комплексы, тактические боевые самолёты, ракеты класса «воздух-воздух». В настоящее время Тайвань не только закупает вооружение, но и прилагает усилия для разработки и производства собственными силами оружия, необходимо-го для отражения возможного нападения со стороны континентального Китая.

¹ White paper «The One-China Principle and the Taiwan Issue» on February 21, 2000 // <http://taiwansecurity.org/IS/White-Paper-022100.htm>

² Статья 8 «Фань фэньле гоцзяфа» (Закон против сецессии) от 14 марта 2005 // http://news.xinhuanet.com/newscenter/2005-03/14/content_2694168.htm

³ В данной статье не рассматриваются сценарии военного конфликта, в которых на стороне

Тайвань в войну вступят США.

⁴ Представляется нецелесообразным рассматривать возможность применения Китаем ядерного оружия против Тайваня, поскольку целью Китая является не уничтожение населения острова, а возвращение мятежной провинции.

⁵ Кашин В.Б. Изменение военного баланса в зоне Тайваньского пролива как признак глобальных сдвигов в балансе сил в АТР // Современный Тайвань (Справочно-аналитические материалы). Москва. Институт Дальнего Востока РАН. 2004. Выпуск 7 (16). С. 87.

⁶ Shambaugh D. A Matter of Time: Taiwan's Eroding Military Advantage. The Washington Quarterly 23, no.2 (Spring 2000). P. 121.

⁷ См. подробнее в O'Hanlon M. Why China Cannot Conquer Taiwan. International Security 25, no.2 (September 22, 2000). P. 63.

⁸ Carpenter T.G. America's coming war with China. 2006. P. 154.

Болгов Р.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПАДНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНФЛИКТОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Многие западные исследователи ещё в конце 1980-х - начале 1990-х гг. обратили внимание на потенциальные возможности эволюции характера конфликтов в современном мире в сторону их «смягчения», поскольку новым источником власти становится информация, контроль над которой позволяет одним акторам влиять на ресурсы и политику других без огромных жертв и материального ущерба, в том числе на уровне межгосударственных отношений.

Однако глобализация и развитие информационных технологий создают новые угрозы и источники конфликтов. В условиях прежней достаточно стабильной международной системы контроль над решением этих проблем решался через взаимодействие всего лишь двух центров силы. Теперь, с окончанием «холодной войны», в условиях отсутствия чёткой структуры системы международной безопасности решение этих проблем на глобальном уровне затруднительно.

Сегодня теоретико-методологическая составляющая проблем, связанных с этими тенденциями, достаточно изучена. Однако пока что среди западных учёных нет единого подхода к основным категориям исследований, таким, как информационное лидерство, информационная война и т.д. В современных работах (даже в западной литературе) конфликты и информационная сфера обычно не рассматриваются в комплексе, а изучаются только отдельные аспекты их взаимосвязи. Анализируя работы западных учёных по исследованию природы отношений государств в информационном пространстве, можно выделить те же ключевые подходы, что и при анализе природы международных отношений в целом.

В соответствии с политическим реализмом, в основе природы отношений между акторами в информационной сфере лежит конфликт. Структура системы международных отношений в информационной сфере признаётся анархичной, однако такие исследователи, как М. Кастельс, говорят о сетевой структуре. Представители реалистического подхода рассматривают информационную безопасность как один из видов национальной безопасности, в обеспечении которой должна быть монополия государства. Информационное неравенство считается объективным последствием этого, а информационная война – лишь одной из форм традиционных (в том числе вооружённых) конфликтов.

Представители либерального подхода (Д. Белл, Э. Тоффлер) выступают за минимальное государственное вмешательство и развитие свободного рынка

в информационной сфере. В качестве инструментов сдерживания конфликтности рассматриваются международные организации, занимающиеся регулированием информационного пространства, а также традиции, нормы права и морали и пр. В рамках либерального подхода считается, что есть некая окончательная точка развития (в соответствии с Д.Беллом, «конец идеологии»¹). Эта точка – создание единого всемирного электронного сообщества, основанного на сетевом принципе, что, по мнению представителей этого подхода, должно стать основой для свободы в информационном пространстве и равного доступа к знанию. Однако такой подход не учитывает различия между идеей сети (где должен быть равный и неограниченный доступ) и Интернетом как одним из способов её практической реализации.

Согласно неомарксистскому подходу к информационным проблемам (представленному Г.Шиллером), при анализе информационной сферы нужно использовать экономические критерии. Информация рассматривается как товар. Основным фактором, определяющим влияние в информационной сфере, является информационное неравенство, т.е. за системой международных отношений в информационной сфере признаётся иерархичность, где есть эксплуататоры и есть эксплуатируемые². Также представители такого подхода понимают историю как процесс смены формаций, где информационные технологии являются средствами производства, их смена определяет смену господствующего класса путём информационной революции, и этот процесс имеет конечную точку – установление нового сетевого порядка, основанного на равном и справедливом доступе к информационным ресурсам. В качестве источника конфликтов в информационной сфере представители такого подхода видят характер современного капитализма, определяемый корпорациями, диктующих свои интересы международному сообществу³.

Одним из возможных источников конфликтов, как отмечают западные исследователи, является «псевдогуманная» природа информационных войн, позволяющая добиваться доминирования в конфликте без огромных жертв. Опасность этого возникает в отношении объектов жизнеобеспечивающей инфраструктуры, зависящих от информационных систем (в частности, центры управления полётами, стратегические объекты).

Важным полем для угроз, по мнению западных учёных, может также стать социально-экономическая сфера. На международном уровне существует группа стран, население которых страдает от недостаточного доступа к знаниям и информационным технологиям, и есть ряд стран, доступ населения которых к знаниям значительно больше, чем стран первой группы. Информационное неравенство признаётся катализатором роста социально-экономического неравенства⁴.

На сегодняшний день также отмечается несоответствие большинства норм современного международного права реалиям информационного пространства, что также может стать источником конфликтов. Один из ключевых вопросов – распространяется ли право вооружённых конфликтов на информационные войны, и подходит ли информационное оружие под нормы по ограничению вооружений. Среди аргументов в пользу распространения норм современного международного права на проблемы информационной безопасности исследователи отмечают возможность защиты собственной информационной инфраструктуры и минимизацию потерь⁵. Однако, во-первых, нет гарантии, что эти ограничения будут соблюдать негосударственные акторы. Во-вторых, централизованные сайты госучреждений могут подвергнуться компьютерным атакам, зато разветвлённая сеть информационных ресурсов негосударственных акторов представляет проблему для разрушения⁶.

Потенциальным источником конфликтов в информационной сфере могут стать разные подходы государств к проблеме информационной безопасности. Ряд стран во главе с США исходят из приоритета разработки мер информационной безопасности к угрозам террористического, социально-экономического и культурного характера. США считают, что сейчас преждевременно обсуждать ведение переговоров о международном соглашении по информационной войне, поскольку пока что нет достаточного опыта регулирования этих вопросов. С другой стороны, представители развивающихся стран, России, Китая поддерживают рассмотрение военно-политических аспектов информационной безопасности⁷. Эти подходы отмечались при принятии Окинавской Хартии Глобального информационного общества (2000 г.), а также на Всемирных саммитах по информационному обществу в Женеве (2003 г.) и Тунисе (2005 г.)

Изучение перечисленных проблем даёт возможность западным исследователям оценивать перспективы и делать прогнозы развития конфликтов в условиях информационного общества в XXI в.

Э. и Х. Тофлеры предложили классифицировать все войны в соответствии с этапами развития человеческой цивилизации: аграрный, промышленный и информационный. Следовательно, конфликты в обществе третьей волны должны стать информационными⁸. М. Кастельс говорит о «мгновенных войнах»⁹. Так он определяет войны, которые после окончания «холодной войны» государства вели короткими решительными выпадами с помощью новых технологий и в которых СМИ встали оказывать влияние на принятие политических решений. Кастельс считает, что новые войны будут мгновенными, скрытыми и не будут затрагивать простых граждан. Однако он признаёт, что пока государства будут отличаться друг от друга по уровню демократии и развития информационного общества, традиционные конфликты будут продолжаться наряду с новыми («технологичными») войнами. Кроме того, одно и то же государство может переходить от вялотекущих войн с многочисленными жертвами к мгновенным войнам в зависимости от его взаимодействия с мировой системой и интересами доминирующих держав. Также Кастельс отмечает, что кровавые конфликты полностью не исчезнут, а трансформируются в форму терроризма¹⁰.

Дж. Аркуилла и Д. Ронфельд считают, что именно негосударственные акторы, организация которых отличается от государственной меньшей иерархичностью, оказываются способными создавать сети, внутри которых могут существовать относительно автономные подсети¹¹. Эти исследователи также отмечают новую особенность сетевой войны – использование тактики роя (где одна боевая единица сама по себе неопасна, но объединённая в систему совокупность этих единиц представляет большую угрозу для противника). В качестве иллюстрации этого приводится вооружённый конфликт в Косово в 1999 г.¹²

Таким образом, большинство представителей не только реалистического, но и либерального и неомарксистского подходов, по-разному оценивая роль информационных технологий в конфликтах, всё-таки признают, что в ближайшем будущем информационные технологии вряд ли полностью подменят собой традиционные элементы силы.

¹ Bell, D., *The End of ideology – On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Harvard, 2000

² Узбестер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 196-197

³ Там же. С. 172

⁴ Huang, Hai, and others. Trust, the Internet, and the digital divide // *IBM Systems Journal*, Vol. 42, No.3, 2003. Pp. 507-518

⁵ DiCenso M.D. *IW Cyberlaw. The Legal Issues of Information Warfare*. // *Airpower Journal*, Summer 1999

⁶ Ibid.

⁷ Крутских А.В. Война или мир: международные аспекты информационной безопасности // Научные и методологические проблемы информационной безопасности. М., 2004

⁸ Toffler, Alvin and Heidi. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century. N.Y., 1993

⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000 // <http://www.buk.irk.ru/library/book/texts/mankast/chapter7/wars.htm>

¹⁰ Там же.

¹¹ Arquilla J. and Ronfeldt D. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. RAND, 2001

¹² Arquilla, J. and Ronfeldt, D. Swarming and the Future of Conflict. Santa Monica, Calif.: RAND, 2000

Фёдоров О.Д.

Санкт-Петербургский государственный университет

«МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ»: ГОСУДАРСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ В «ВЕЛИКОЙ ИГРЕ» ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Противостояние Российской империи и Великобритании в XIX в. в Центральной Азии называлось «великой игрой». Сегодня, после практически 150-летнего господства России и СССР в регионе, Средняя Азия перестает «быть экзотическим захолустным регионом, здесь начинают взаимодействовать интересы всех ведущих субъектов международных отношений»¹.

После распада одной из двух сверхдержав на политической карте Азии образовалось сразу несколько независимых государств, приступивших к поиску своего места в мировом сообществе, и активизировалась политика ведущих стран, имеющих те или иные интересы в данном регионе. Среди таких стран можно назвать Китай, который на протяжении последних столетий неоднократно пытался установить свое господство в регионе² и который сейчас – при появившейся реальной, обоснованной политически и экономически возможности – активизировался в этом пространстве; Турцию, в которой было создано специальное министерство, которому была поручена политическая линия страны в отношении Средней Азии, и которая имеет имперские притязания по восстановлению в новом виде Османской империи; Иран, имеющий напряженные отношения с Западом и стремящийся утвердиться в этой части Евразии; и, конечно же, Россия и США.

После крушения СССР Россия столкнулась с проблемой выстраивания отношений с новыми независимыми государствами, что было осложнено оставшимся шлейфом советских проблем, среди которых не только долги и нерешенные экономические споры с новыми соседями и вопрос о ядерном разоружении, но и имперское восприятие новых полноправных акторов международных отношений в качестве младших братьев. Нельзя отрицать, что в критический момент СНГ сыграло стабилизирующую роль в развитии огромного геополитического региона и в процессе становления новых суверенных государств. Именно СНГ позволило нивелировать социальные и экономические последствия и распада единого государства.

Соединенные Штаты не были заинтересованы в усилении тенденций к объединению под эгидой России. Подобное влияние США на политические процессы в регионе имело большое, а порой определяющее значение. Несмотря на то, что политика США на постсоветском пространстве имела четко выраженный регионализированный характер³, можно выделить ее общие принципы, главным из которых было формирование в новых независимых государствах прозападных симпатий и поощрение их проамериканской внешнеполитической ориентации. Выделенные США регионы были распределены по степени геополитической важности: при этом Средняя Азия оставалась лишь третьестепен-

ным регионом и вплоть до событий 11 сентября 2001 г. таковым оставалась. На начальном этапе политика США в регионе делала ставку на Россию как на локомотив процесса демократизации, который должен был пройти при непосредственном участии Североатлантического Альянса. Однако в 1992-1993 гг. произошла невыгодная США активизация интеграционных процессов в СНГ. На этом фоне Соединенные Штаты вынуждены были скорректировать свою политику по отношению к странам региона. Их новый подход к постсоветскому пространству получил название «доктрины геополитического плюрализма». Согласно этой доктрине предусматривалось недопущение объединений «осколков империи» на любой основе и в любой форме, особенно под руководством России, которой предполагалось создать противовес в лице сильнейших пограничных республик. В Соединенных Штатах все больше укреплялась мысль о том, что «очевидно, Россия вернулась к традиционной политике утверждения своих гегемонистских прав на пространстве Евразии»⁴.

В то время как США активизировались в Средней Азии, Москва так и не сумела выработать понятную линию в отношении стран Центральной Азии, по-прежнему живя советскими стереотипами. Это является еще одним фактором успехов США в регионе: бездействие основного антагониста лишь улучшили результаты собственной политики. Уже с 1993–1994 г.г. Вашингтон поставил в центр своей среднеазиатской политики Казахстан, главным образом из-за необходимости ликвидировать его ядерный статус. Но в целом участие США в политической жизни региона была весьма ограниченным вплоть до 1995 г.⁵

Постепенно основным ориентиром внешнеполитической линии США становится Узбекистан, который, по мнению посла США по особым поручениям Д. Джонсона, «должен играть ключевую роль в демократическом развитии среднеазиатского региона»⁶, что обусловлено рядом объективных факторов. В Узбекистан устремились американские компании, стали создаваться совместные золотодобывающие предприятия. Однако США вели себя значительно активнее в Закавказье и на Украине, нежели в Средней Азии, где проводником их интересов все чаще стала выступать Турция. Тем не менее, пиком американского влияния в Узбекистане стало его решение о выходе из Договора о коллективной безопасности и вступление в ГУАМ (ГУУАМ) в 1999 г.

Ситуация претерпела серьезные изменения 11 сентября 2001 г., когда страны региона оказались на линии антитеррористического фронта. К нефтяному фактору и фактору демократизации добавился еще и террористический. Непосредственная близость Афганистана, Ирана и Ирака заставили американскую администрацию разыграть и эту антитеррористический козырь. Началось активное увеличение военного присутствия США в регионе. В Узбекистане была создана американская военно-воздушная база Ханабад, а на территории Киргизии появилась крупнейшая на всем постсоветском пространстве база, имеющая одну взлетно-посадочную полосу с международным аэропортом Бишкека. К настоящему времени американские военные прочно обосновались на таких военных базах, как уже упомянутый Ханабад, Кокайды (Узбекистан), Душанбе, Куляб (Таджикистан) и Манас (Киргизия).

Совершенно по-иному представлялась картина развития региона в Москве. Основными целями политики России являются обеспечение безопасности своих южных границ, вытеснение и ликвидация каналов поставки наркотиком и оружия из Афганистана и Пакистана на ее территорию, избежание этнического конфликта и любой кровавой конфронтации, защита русского населения республик, углубление экономической интеграции со странами региона, бесперебойное функционирование коридоров поставок различного сырья и готовой продукции, сохранение культурного влияния в регионе. Ключевое противоречие

заключается в том, что США пытаются препятствовать реализации российских целей, не забывая при этом о своих экономических интересах. Подобная ситуация является бомбой замедленного действия для государств Средней Азии. Сложившийся дуализм ни в коей мере не способствует ускорению процессов демократизации и построения гражданского общества в регионе. Наоборот, сотрудничество в некоторых областях могло бы обеспечить стабильность региона в долгосрочной перспективе.

Средняя Азия сейчас отличается нестабильностью, которая усугубляется еще и близостью Афганистана, к тому же этнические особенности населения, а также географический фактор могут способствовать развитию радикальных настроений в регионе. Наконец, потенциально Средняя Азия может стать ареной соперничества не двух, а пяти ядерных держав, поскольку по-прежнему существующая в регионе неоднозначность вводит в дополнение к США и России в геополитический пасьянс таких игроков, как Индия, Пакистан и Иран. Однако активное вмешательство третьих сил может нарушить и без того хрупкую ситуацию в регионе.

Если рассматривать итоги борьбы держав за регион за последние 15 лет, то можно прийти к выводу о том, что во многих отношениях политика США оказалась успешной, чего нельзя сказать о политике России. Во многом влияние РФ сохраняется лишь по исторической инерции — слишком глубоко в памяти народа живет общее прошлое. Американские цели реализовались в начале нового века в Киргизии, где победу одержала «революция тюльпанов», прошедшая по лекалам украинской «оранжевой революции». Можно также сказать, что тактика США в Средней Азии носит откровенно выраженный экспансионистский характер. Анализируя политические процессы в Средней Азии, можно сделать вывод о том, что молодые, неокрепшие государства региона являются лишь инструментом внешней политики ведущих стран мира и региона, конечной целью политики которых является создание наиболее благоприятных условий для собственного развития. Единственным гарантом предотвращения превращения региона в экономический, политический и культурный придаток «великих» держав может стать Россия — ввиду близости менталитета, а также схожести общественно-политических процессов, происходящих на всем постсоветском пространстве.

¹ Братерский М.В. Политика США в Средней Азии: итоги десятилетия // США и Канада: ЭПК. 2002. №9. С. 64.

² Самуйлов С.М. Этапы политики США в отношении СНГ // США и Канада: ЭПК. 2005. №3. С. 63.

³ Постсоветское пространство было разделено на 4 условных региона: Прибалтийский, Закавказский, Среднеазиатский, а также в отдельный регион была выделена Украина, как имеющая особую геополитическую важность.

⁴ Does Russian Democracy Have a Future? N.Y., 1994. P. 154.

⁵ Омаров Н.М. Межгосударственные отношения Киргизии и США: состояние и перспективы // США и Канада: ЭПК. 2004. №6. С. 34.

⁶ Независимая газета. 28.10.1999.

*Истомин И.А.
МГИМО(У) МИД России*

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ В НАЧАЛЕ XXI В.: ЭКСПАНСИЯ, ЕЁ ПРЕДЕЛЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

За последние десятилетия понятие транснационализма превратилось в одно из основных и самых обсуждаемых в теории международных отношений. Транснациональная парадигма из догадки превратилась в часть современной

теории. Однако адекватное понимание транснационализма возможно лишь в контексте широкого взгляда на современные международные отношения.

Прежде всего, необходимо сформулировать понятие транснационализма как международного явления, которое и будет далее применяться в этой работе. Транснационализм понимается здесь как совокупность практик, институтов и объединений, которые действуют вне связи с национальной территорией, преодолевая и обходя национальные барьеры, не отрицая их напрямую.

Действительно, как показывает практика, транснациональные явления в мире начала XXI в. чрезвычайно сильны. Прежде всего, иллюстрацией их реальности принято считать число и активность ТНК и НПО, а также процессы, связанные с региональной интеграцией. Вместе с тем, как правило, эти явления переоцениваются. Как ТНК, так и НПО зачастую имеют чёткую привязку к конкретным государствам, обеспечивая их интересы.

В отношении региональной интеграции складывается ещё большая сложность. Большинство проектов региональной интеграции остановилось на ранних стадиях интеграции: более 70% современных проектов региональной экономической интеграции, зарегистрированных в ВТО, не идёт дальше зоны свободной торговли, лишь немногие страны создали таможенный союз. Более высокие формы интеграции достигнуты лишь в рамках Европейского Союза¹.

Подобные факты позволяют многочисленным критикам ставить под сомнение сам факт транснационализации, отрицая значение транснациональных институтов. На самом деле, правильнее было бы говорить о некорректном анализе транснациональных явлений. Для понимания специфики транснационализма необходимо обратиться к классической концепции международного общества, разработанной в рамках Английской школы. Как подчёркивал Х. Булл, элементы международного общества всегда присутствуют в международной системе, вместе с тем зачастую они не находят своей полной реализации. Международное общество, как международная подсистема является той частью мирового сообщества, в которой нашло наибольшее воплощение и применение право и международное регулирование. Международное общество представляет собой пространство, в котором военные конфликты преодолены, стабильность и безопасность укоренены, а акторы строят взаимоотношения между собой на основе сотрудничества². Нетрудно определить, что в международное общество на современном этапе входят территории стран Европы, Северной Америки, Австралия, Новая Зеландия, Япония. Это - круг богатых, развитых стран с сильными демократическими институтами, которые не только составляют международное общество, они уже идут к его наиболее полному воплощению в виде транснационального общества³. Действительно, именно в этих странах появились и развились наиболее мощные ТНК, здесь были сформированы наиболее известные НПО и именно на этом пространстве нашли наиболее полное воплощение как наиболее как экономическая (в рамках ЕС), так и военная интеграция (в рамках НАТО). Кроме того, именно в рамках транснационального сообщества появился такой феномен как «большая восьмёрка», которая является прообразом и, одновременно, первым примером государственных сетевых структур (в отличие от традиционных международных объединений транснациональные сети построены не на организации и иерархии, а на обмене информацией)⁴.

Важно отметить, что сам факт появления их в рамках транснационального общества не ограничивает сферы деятельности транснациональных акторов территориально: как государства способны проецировать собственную силу по всему миру, так и ТНК, и НПО могут действовать за пределами международного общества. В то же время, необходимо отметить, что они являются порожде-

ниями транснационализма и были бы невозможны без него. Поэтому реальные транснациональные акторы, а не их симуляторы, являющиеся частью расширенного национальных акторов, могут возникнуть только в пределах международного общества и лишь затем перенести свою деятельность вовне.

В связи с характеристикой современной транснациональной зоны мировой политики, естественным образом, возникает вопрос о возможностях и границах её расширения. Для ответа на него необходимо рассмотреть, что же окружает международное общество. Учитывая историю генезиса современного транснационального общества, которое вызревало из сообщества национальных государств, логично предположить, что оставшуюся часть мира составляют страны не настолько развитые, богатые и демократичные, которые не смогли преодолеть свою «национальную специфику» и потому сохранились как национальные образования. На самом деле, подобное имеет место, но сообщество национальных государств занимает отнюдь не всё пространство, оставшееся после выделения транснационального общества. Можно выделить ряд мощных национальных государств, таких как Китай или Россия. Однако наряду с ними сохраняется значительная зона, в которой национальные образования не укоренены, а возможности для самостоятельного транснационального развития выражены слабо. Эта часть мира находится в ещё достаточно примитивном по меркам мирового сообщества состоянии: квазинациональной архаики. Очерчивая границы этого явления, к квазинациональному миру в полной мере можно отнести Африку, а также в большей или меньшей степени арабский мир, Южную Азию и Латинскую Америку. На самом деле квазинациональная архаика значительно более похожа на транснациональный мир, чем предшествовавшие ему национальные государства. Здесь также присутствует множественность типов акторов и плюралистичность идентичностей и легитимностей, здесь огромное значение приобретают неформальные группы, сети, движения. В конечном счёте, квазинациональный мир оказывается гораздо более свободным от барьеров (как и транснациональный мир), чему сообщество национальных государств, разделённых реальными границами. Это сходство ещё более усиливается стремительным распространением в отдельных частях квазинационального мира ТНК и НПО⁵.

Наряду с транснациональным обществом в мировом пространстве можно выделить ещё два типа подсистем: сообщество национальных государств и квазинациональный мир, и с различных точек зрения они способны стать и, частично уже являются объектами экспансии международного общества. Однако, на самом деле, перспективы расширения транснационального общества отнюдь не очевидны. Причину нужно искать в конкретных исторических условиях, делающих расширение международного общества, по крайней мере, проблематичным. Что касается национальных государств, то по крайней мере сегодня они не столько стараются встроиться в международное общество, сколько сформулировать ему определённую альтернативу в виде расширенных национальных акторов. Что касается квазинациональной архаики, то сторонники возможности её постепенной трансформации в элемент транснационального общества могут сослаться на пример христианского международного сообщества в довестфальскую эпоху⁶.

На самом деле, общества, находящиеся в квазинациональном состоянии, находятся под постоянным идейным воздействием двух альтернатив. С одной стороны, на них оказывают воздействия акторы транснационального общества, стремящиеся вовлечь их в свою орбиту через механизмы ТНК, НПО, международной помощи, торговых и иных соглашений. С другой, они находятся под впечатлением от успеха национальных государств, которые, не отличаясь

столь значительными абсолютными показателями развития, как страны транснационального мира, стремительно их догоняют. Наличие двух столь разных моделей для подражания приводит к росту противостояния внутри архаичных обществ, что ведёт к росту социальных конфликтов и становится препятствием модернизации. В то же время, постепенно качественно меняются сами квазинациональные общества. Они не оформляются ни в национальные государства, ни в транснациональные, хотя заимствуют элементы и тех и других. В результате они формируют третью, в большинстве случаев агрессивную альтернативу. Такая мутация, в значительной степени, питает политический исламизм в Азии, левый радикализм в Латинской Америке и другие менее заметные течения и тенденции, которые также втягиваются в идеологическую борьбу.

Данная работа ни в коей мере не отрицает возможность экспансии транснационализма, она лишь стремится лучше показать его природу и те альтернативы, которые формируются в противостоянии ему. В заключении хотелось бы отметить, что все три «мира»: транснациональное общество, сообщество национальных государств и квазинациональная архаика являются теоретическими моделями, в реальности границы между ними расплывчаты, а их элементы присутствуют во всех обществах, различие же заключается, прежде всего, в степени выраженности.

¹ Burfisher M.E., Robinson S., Thierfelder K. Regionalism: Old and New, Theory and Practice // <http://www.ifpri.org/pubs/confpapers/2003/burfisherrobinsonthierfelder.pdf> P. 4-6

² Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. L., 1977. P. 24-26

³ По поводу соотношения транснационального и международного в «международном обществе» см.: Buzan B. From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalisation. //Cambridge Studies in International Relations. (No95). 2004. P. 231-240

⁴ По транснациональным сетям подробнее см.: Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton, 2004.

⁵ Бхагвати Д. В защиту глобализации. М., 2005. С. 51-53

⁶ Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. L., 1977. P. 29-32

СЕКЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

Носов И.И.
Уральский государственный университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАЗБОЯ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Традиционно преступление понимается как нарушение установленных государством, общиной или каким другим общественным организмом порядков. Такой подход несомненно верен, даже этимология слова «преступление» подкрепляет это суждение, но он представляется все же однобоким, «официальным» взглядом неких властей. А истоки преступления кроются не в нормах, установленных обществом, а в элементарных человеческих чувствах, будь то зависть, злоба или ревность. Ни одна общественная организация не обходится без преступников, тогда как отдельно взятый индивид изначально невинен. И здесь уже появляется смесь среды и психических особенностей человека, что и выливается в преступление. Поэтому составляемое законодательство – это крышка, которой закрывают уже кипящий котел, некая утопия, идеализированное моральное общество. Такое законодательство в силу своей утопичности не может пресечь преступления, лишь консервируя имеющийся опыт. Поэтому судить о криминальной обстановке в стране на основе лишь ее уголовного законодательства нельзя, а именно такой подход превалирует в рамках отношения к преступлению как к нарушению чьей-либо воли.

Нас прежде всего интересует область уголовных преступлений; предлагается вернуться к истокам современного русского уголовного законодательства, которое начинало строить государственную утопию. Данная проблема будет рассмотрена не с юридической точки зрения, как это принято в научной литературе, а с применением принципов микроистории, событийного прошлого. Те схемы, которые нам предлагает современная юридическая наука, не работают в рамках исторического поля, а их применение способствует упрощению и еще большей субъективизации суждения.

Разбой как социальное явление неизменно включается в систему отношений как внутри русского общества, так и на уровне политической организации этого общества, тем более что разбой как организованная преступность (хотя и с юридической точки зрения) сформировался именно в первой четверти XVIII в. В основе этой системы предполагается в перспективе рассмотреть три элемента: уголовное законодательство (право), непосредственная деятельность разбойных шайек (поступок) и судопроизводство, включающее организацию местного суда, сыск, пытку и собственно судебное решение (наказание). На основе этих структурообразующих элементов можно многосторонне взглянуть на вопрос преступности XVIII в., особенно на одно из самых опасных ее подразделений – разбой. Это особо актуально потому, что «разбойники и воры» очень массово и масштабно распространились на территории России в эпоху «становления и расцвета абсолютизма», как это время было принято называть в исторической литературе. К тому же по сравнению с предшествующими периодами в руки современных историков попали многочисленные источники, актовый материал, который позволяет прояснить новые явления в уголовной жизни страны XVIII в. и вместе с тем заполнить некоторые лакуны в более ранние периоды.

Термин «разбой» существовал задолго до восшествия на престол Петра I

и своими корнями уходит к первым русским законодательным памятникам. К примеру, в Изборнике 1073 г. выделялся термин "разбой". Он включал в себя несколько понятий - на первое место ставилось убийство, затем "разбой" определялось как грабеж, и, наконец, этот термин обозначал засаду¹. Если обратиться к этимологии слова "разбой", то оно происходит от глагола разбивать, разбить. В. Даль ставит разбой в один ряд со словами разбивание, разбитие, разбив, разбивка. Таким образом, основополагающим в этом понятии является разделение одного целого на части, причем разделение противоестественное и насильственное ("бить"). В словаре В. Даля "разбой" понимается как насильственное нападение и отнятие имущества; татьба, кража со взломом; вооруженное нападение на путников². В Соборном Уложении 1648/1649 гг. в ст. 1627 этот вид преступления тоже уже был определен: «Разбоем признается всякое на кого-либо, для похищения принадлежащего ему или находящегося у него имущества, нападение, когда оное учинено открытою силою с оружием, или хотя и без оружия, но сопровождаемое или убийством или покушением на оное, или же нанесением увечья, ран или других телесных истязаний, или такого рода угрозами или иными действиями, от которых представлялось явная опасность для жизни, здоровья или свободы лица или лиц, подвергшихся нападению»³. Правда, в этом определении XVII в. отсутствует ключевой элемент организации, групповая кооперация, который очень важен для исследования.

Разбой рассматривается здесь как профессиональная деятельность преступников. Недаром их прозвали "артельщиками". Именно в XVIII в. разбойники имели уже собственную инфраструктуру притонов, наводчиков и покрывателей.

Социальная основа разбоя была очень разнообразна. По сути, социальная окраска разбойника во многом объясняла, почему человек встал на тропу преступления. Противоречия внутри самого общества приводили к тому, что социальные протесты выливались в антиобщественные действия против церкви, государя, общинников. Внутренняя направленность этих действий, как отмечают многие историки, носила прежде всего антифеодальный характер⁴.

Первая группа, представители которой нередко вставали на путь разбойника — солдаты. Так, 26-летний парень Уржума, призванием комиссар, прежде уже убежавший со службы, на допросе под пыткой признался, что в прежнем побеге разбойничал на Вятке и имел на совести двоих убитых крестьян⁵. Многие для распространения разбоя сделала и налоговая политика Петра I. Налоги делились на денежные (постоянно) и натуральные (экстраординарные). Все это усугублялось тем, что крестьяне даже не понимали, за что с них берут тот или иной налог. В XVIII в. все мужское население страны, исключая дворян и духовенство, независимо от возраста обязано было платить государству «подушные деньги» - основной прямой налог. В счет подушных денег зачитывалась и работа приписных крестьян при заводах, что считалось намного тяжелее простой уплаты. Так в 50-60 гг. XVIII в. готовало второе поколение приписных, а их отцы, которых эксплуатировали еще нещаднее, выражали свой протест в побеге⁶. К примеру, из-за тяжелой работы «в месяц май» сходились некоторые из тобольчан в лесу на левом берегу реки и вели разные разговоры. Уговаривали самих себя и других бежать на Волгу, обратно в Сибирь. Иногда в солдатские балаганы заползали укусские мужики — поговорить о ценах на винтовки, о краденых лошадях, о дороге в Башкирию, где, скрытно пожив, можно было «обратить волосы»⁷. Примечательно, что ведя борьбу с бегством крестьян, правительство неоднократно запрещало принимать на заводы беглых, пришедших, сходцев, беспаспортных. Но постоянная потребность в рабочих руках заставляла власти отступать от своих прежних указов и распоряжений⁸. Именно из-за таких рабочих элементов преступность распространялась по заводской округе.

Между тем в разбоях принимали участие и дворяне – по старой памяти, как это делали иные из них в к. XVII в. Так современник Анны и Елизаветы майор артиллерии Данилов в своих записях рассказывает, между прочим: «в 1739 г. пойман был разбойник князь Лихутьев, и в Москве на площади казнен, голова его была поставлена на кол»⁹. Дворянам довольно легко было составить шайку из своих холопов. Так, в 1668 г. московские власти констатировали, что ныне на Москве ездят по улице воры, всяких чинов люди и боярские холопы, в санях и пеши ходят многолюдством с ружьем и бердыши и с рогатины и с топорками и с большими ножами. И воруют – людей бьют и грабят и до смерти побивают...»¹⁰. А через 25 лет по московским посадам открыто разъезжала шайка, организованная стольниками Шереметьевыми – эти разбойники врывались в дома, грабили и убивали людей¹¹. Мотив разбойников такой «породы», конечно, отличается от безысходности крестьян. Это была скорее романтическая игра с примесью желания наживы. Иногда разбойниками становились и сыщики, направленные для поимки преступников. Так 20 июня 1771 г. Бибиков послал главу Екатеринбургской артиллерии штык-юнкера Михаила Медведчикова с командой на Исетское озеро. Там в лесу около Черной речки и горы Толстого Кряжа располагался, по свидетельствам крестьян, разбойничий стан. Но ни битвы, ни преследования не получилось. Медведчиков пошарил в лесах на Шайтанке и Ревде, нашарил награбленные пожитки и укрылся на Билимбайке¹².

Таким образом, истоки разбоя лежали в социальной и экономической политике, которую государство проводило по отношению к своим подданным. Множественные тяготы, которые легли на плечи крестьян, мастеровых и солдат не могли не вызвать социальный протест населения – иногда этот протест выражался в бегстве, иногда в волнениях и вооруженных восстаниях, но нередко тяготы толкали простого человека на путь разбоя, на путь быстрой и легкой добычи. А политика государства, направленная на устрашение и силовое воздействие, только дополнительно подталкивало человека к преступлению. Хотя необходимо отметить, что эти разбойные нападения для простого населения представляли собой слепую разрушительную силу, ранее связанную лишь с набегами, к примеру, башкир.

¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 тт. Т.3. СПб., 1903. С.22.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М., СПб., 1882. С.13.

³ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С.654.

⁴ Мамсик Т.С. Крестьянская среда и беглец (по материалам приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в.)// Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 86.

⁵ ГАСО. Ф.621. Оп.1. Д.1793. Л.62.

⁶ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.613. Л.2.

⁷ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2006. Л.74.

⁸ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С.314.

⁹ Беляев И.Д. Лекции по истории русского права. М., 1879. С.589.

¹⁰ Вершинин Е.В. Уголовные преступления в России XVII в. (законодательство и практика)// Сборник исторических статей. Екатеринбург, 2000. С.117.

¹¹ Там же.

¹² ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.331. Л. 657.

*Иванов И.Ю.
Брянский государственный университет*

АДМИНИСТРАЦИЯ ЛИНКОЛЬНА - КОМАНДА ВРАГОВ

Быстрые темпы развития американского общества в XIX в., иммиграция и появление "свободной" земли замыкались на проблему рабства. Американская

двухпартийная система оставалась инструментом, благодаря которому удалось сдерживать межсекционные конфликты (конфликты между Севером и Югом) в конституционных рамках¹. В десятилетие перед событиями 1861-1865 гг. противоречия обострились. Президентские выборы 1860 г. должны были ответить на ряд вопросов, в частности, получают ли власть республиканцы, ассоциировавшихся в массовом сознании с экстремистским движением аболиционистов.

Ради победы «черные» республиканцы вынуждены были произвести изменения. Открывшийся 16 мая 1860 г. съезд республиканской партии в г. Чикаго² выработал умеренную, компромиссную программу, объединил различные группировки, в третьем туре голосования выдвинул кандидата, устраивавшего большинство в партии. А. Линкольну на съезде в Чикаго противостояли Уильям Х. Сьюард, Салмон П. Чейз, Саймон Камерон и Эдвард Бейтс. Но именно им «честный Эйб» обязан номинацией на пост президента, а они - выгодными должностями в дальнейшей администрации. 6 ноября 1860 г. Линкольн стал президентом США, обойдя С. Дугласа, Дж. Белла и Дж. Брекинриджа.

На пути создания администрации стояло множество препятствий, так, существовали проблемы из-за географической принадлежности и баланса сил между бывшими членами вигской и демократической партий. Разногласия имели место из-за различия в политических воззрениях, стиля жизни, личных амбиций и связанных с этим желаний занять пост получше.

"Не было такого президента, который имел кабинет столь независимый, включавший в себя так много индивидуальностей и бывший при этом столь негармоничным", - отметил нью-йоркский политический деятель Чансей Депью³. Хотя избранный президентом Линкольн в основном сформировал кабинет ко времени прибытия в Вашингтон (в конце февраля 1861 г.), назначения на посты не были закреплены. Сьюард, например, раздумывал над принятием должности государственного секретаря вплоть до дня инаугурации. Симона Камерона Линкольн уговаривал принять назначение министра обороны⁴. Многие были против включения друг друга в администрацию.

Вице-президент Ганнибал Хамлин играл важную роль в формировании кабинета, но в последующей администрации не проявил себя. В 1862 г., он написал Джесси Фримонт, которая искала его помощи в получении вакантной должности командующего армии для ее мужа, генерала Джона К. Фримонта: «Что я могу сделать? Медленные и неудовлетворительные мероприятия правительства не встречают моего одобрения, и насколько известно, со мной не консультируются вообще, при этом я не думаю, что имеется возможность хоть чуть-чуть влиять на ход какого-либо совещания, если влиять вообще»⁵. Он ограничился присутствием в Сенате, где боролся с пьянством коллег⁶. Не удивительно, что Хамлином пожертвовали в 1864 г., когда президент Линкольн и республиканцы хотели представить «союзное» лицо электорату и добавили южного демократа Эндрю Джонсона, получившего прозвище «Энди-пьянчужка»⁷, к избирательному списку.

Среди членов кабинета были определенные трения, основанные на подозрительном отношении к президенту и неприятию его политики. Эдвард Бейтс, генеральный прокурор, записал в дневнике 31 декабря 1861 г.: «Честно говоря, администрации нет, есть разрозненные действия семи независимых министров...»⁸. В ноябре 1862 г. Д. Девис писал: «Кабинет далек от единства. Они ненавидят друг друга. Блэр ненавидит Чейза и говорит об этом открыто на улице, как и другие. Кaleb Смит говорит, что Линкольн не советуется с кабинетом и решает основные вопросы самостоятельно»⁹. Три недели спустя отношения достигли предела, когда делегация от конгресса потребовала 18 декабря 1862 г. произвести изменения в кабинете.

Часто людей назначали на другие важные административные посты. Линкольн в годы войны установил своеобразный рекорд в смещении высших чиновников, составлявших кадровый «домен» (замещено 1457 из 1639 должностей)¹⁰. В некоторых случаях президенту «помогали» заместители министров, например заместитель министра военно-морских сил Г. Фокс и заместитель министра обороны Ч.А. Дана. Позднее он писал: «Отношения между Линкольном и членами кабинета были дружескими и искренними с его стороны. Он относился к ним с уважением, теплотой, хотя некоторые из них были людьми необычайной силы и независимости - особенно мистер Сьюарт, мистер Чейз и мистер Стентон, и хотя президент поведением никогда не показывал своего превосходства над ними, всегда было понятно, что он начальник... они никогда не были довольны его действиями... но последнее слово оставалось за ним»¹¹.

Министр почт Монтгомери Блэр фактически ни с кем не был близок в кабинете. Историк Уильям Эрнест Смит писал: «Для Блэра и Стентона было трудно выносить присутствие друг друга, особенно после мая 1864 г. Они не говорили и не смотрели друг на друга на совещаниях кабинета. Блэр говорил Велесу (министру военно-морских сил - *авт.*), что выходил из министерства обороны всегда оскорбленным. Стентон отказывался отвечать на запросы министра почт, даже имевших целью облегчать доставку почты солдатам, так как считал это ненужным. Президент избегал вмешиваться в споры между ними. Сьюард и Блэр были друзьями на виду, но не доверяли друг другу. Сьюард боялся поссориться с Блэром после окончания избирательной компании 1864 г. и пытался соблюдать мир, в то же самое время поддерживая Стентона, опасаясь, что тот поддержит Чейза»¹².

Аллан Невинс отметил, что Блэр «окружил себя враждой, которая к 1864 г. стала опасной для него». Блэр отталкивал даже тех, кто мог бы быть его естественными союзниками, подобно министру юстиции Эдварду Байтсу, на которого семейство Блэров систематически нападало в вопросах политики в штате Миссури¹³. В свою очередь Монтгомери называл Блэров лавочкой «прожженных политиков»¹⁴. Отношения с кабинетом ухудшились в течение первых четырех месяцев 1864 г. в связи с речами в палате представителей, которые произнес его брат Фрэнк, обвинявший Чейза в коррупции. Один свидетель этого из штата Массачусетс писал жене в начале мая 1864 г.: «Кабинет разобщен. Так много ненависти, так много осуждений, произнесенных членами кабинета против друг друга, что я и представить себе не мог».¹⁵

Частично основная проблема заключалась в конфликте амбиций. Вильям Х. Сьюард хотел стать президентом и вел себя так, как будто это случилось, что приводило к конфликтам с министрами¹⁶. Салмон Чейз знал о желании Сьюарда и считал, что работал бы лучше Линкольна. Монтгомери Блэр желал, чтобы его брат Фрэнк стал президентом, а он возглавил бы Верховный суд. Министр юстиции Бэйтс также хотел возглавить суд и высказывался о президентстве. Калев Смит хотел всего лишь быть членом Верховного суда, но был выведен из состава кабинета (1862 г.), чтобы блокировать назначение сторонников Линкольна из штата Иллинойс Дэвида Дависа и Орвилла Х. Броунинга. Даже Эдвин Стентон стремился возглавить Верховный Суд. Гидеон Веллес - единственный у кого, кажется, не было никаких конфликтных устремлений, возможно потому, что лучше всего ему удавалось критиковать других¹⁷. Следующая запись в дневнике как нельзя лучше показывает это.

«26 апреля, вторник, 1864 г. Ни Чейза, ни Блэра не было на заседании кабинета, сегодня не было и Стентона. Курс этих людей предосудителен, и все же президент, мне жаль это говорить, не порицает, а скорее поощряет это, не выдвигая никаких мер борьбы. Что касается Чейза, очевидно, что он доволен

своим положением и условиями, надеясь, что это в дальнейшем может помочь ему удовлетворить свои устремления.

У Стентона есть свой кабинет и власть в его собственном министерстве. Он обманывает президента и Сьюарда, устанавливая контакты с нужными людьми, и ведет дела так, чтобы не показать истинного положения вещей. Он не поддерживает отношения ни с Блэром, ни с Чейзом, хотя следовало бы объединить усилия во имя спасения страны»¹⁸.

Непомерные амбиции министров были двигателем улучшения работы кабинета в целом и привели к переизбранию Линкольна на второй срок в 1864 г. и победе в войне.

¹ Кормилец А.А. Поршаков С.А. Кризис двухпартийной системы США накануне и в годы гражданской войны. М., 1986. С. 14

² Выбор города подчеркивал антирабовладельческую направленность партии / Нитобург Э.Л. США: цветной барьер в прошлом и настоящем // Новая и новейшая история. 1997. №2

³ Wilson R.R. Intimate Memories of Lincoln // Depew C.M. My Memories of Eighty Years. N.Y., 1922. P. 503

⁴ To Simon Cameron, Springfield, Ills., Jan.3, 1861 // Lincoln. Speeches and Writings 1859-1865. N.Y., 1989. P. 240

⁵ Nevins A. Frémont: Pathmarker of the West. N.Y., 1950. P. 563.

⁶ Diller D.C., Roberson S.L. The Presidents, First ladies, and Vice Presidents. White House Biographies, 1789-2001. Washington, 2001. P. 204

⁷ Иванян Э. А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. Белый дом и пресса. М., 1991. С. 54

⁸ The Diary of Edward Bates. N.Y., 1950. P. 220

⁹ Nevins A. The War for Union. Vol. II. N.Y., 1970. P. 335

¹⁰ Согрин В.В. Политическая история США XVII-XX в. М., 2003. С. 154

¹¹ Dana C.A. Recollections of Civil War. N.Y., 1965. P. 158

¹² Smith W.E. The Francis Preston Blair Family in Politics. N.Y., 1980. P.247

¹³ Nevins A. Frémont: Pathmarker of the West. P. 567.

¹⁴ The Diary of Edward Bates. P. 291

¹⁵ Nevins A. The War for Union. P. 71

¹⁶ Diary of Gideon Welles. N.Y., 1911. Vol. I. P. 23

¹⁷ Ibid. Vol. II. P.16

¹⁸ Ibid. P. 17

Фролова К.В.

Самарский государственный университет

АВРААМ ЛИНКОЛЬН И СОЗДАНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ В ИЛЛИНОЙСЕ (1854-1856 ГГ.)

К середине 1850-х гг. в Соединенных Штатах Америки вновь обострился вопрос о рабстве. Как отмечал конгрессмен-демократ Р. Джонсон (Арканзас), конгресс напоминал пороховую бочку. "Понятия "демократы" и "виги" в конгрессе сразу исчезают, – говорил он, – как только речь заходит о территориальной экспансии или о судьбах рабства"¹. Первым и главным событием, ознаменовавшим распад старых партий, стало принятие в 1854 г. Конгрессом США закона Канзас-Небраска². Эти две новые территории лежали севернее 36°30' северной широты и должны быть приняты в Союз в качестве свободных штатов³. Законопроект Дугласа наносил сокрушительный удар по Миссурийскому компромиссу и, как следствие, по всей системе баланса сил между Севером и Югом. Причем компромисс отвергался при помощи внешне демократической доктрины: Дуглас доказывал, что вопрос о разрешении или запрете рабства на новых территориях может и должен решаться не федеральным правительством, а самим населением новых штатов.

После этого старая двухпартийная система развалилась. Демократиче-

ская партия была полностью подчинена сторонникам распространения рабства. Виги попытались найти компромисс. Но, хотя местные партийные организации вигов продолжали функционировать в ряде случаев вплоть до начала Гражданской войны, на общенациональном уровне партия прекратила свое существование уже в 1856 г.

Число противников билля Канзас–Небраска было очень велико, что создало условия для появления третьей партии, стоящей исключительно на антирабовладельческих позициях. Ею стала Республиканская партия. Ее образование охватывает период с 1854 по 1856 г., когда в ходе кампании по выборам президента США произошло становление общенациональной политической организации республиканцев. Датой рождения партии принято считать 28 февраля 1854 г. Именно в этот день в городе Рипоне (штат Висконсин) состоялся конвент противников экспансии рабства – фрисойлеров, вигов и демократов. В принятой резолюции делегаты съезда высказались за создание антирабовладельческой организации в случае, если билль Канзас–Небраска станет законом. Название партии было предложено Хорасом Грили в июне 1854 г. на страницах газеты "New York Tribune"⁴. Имя "республиканцы" было для них олицетворением традиций отцов-основателей, которые, по мнению антинебраскианцев, были противниками распространения рабства. В течение лета 1854 г. организации Республиканской партии были созданы в штатах Массачусетс, Мен и Вермонт.

Незадолго до учредительного съезда Республиканской партии в Иллинойсе Авраам Линкольн в ходе дебатов со Стивеном Дугласом по вопросу о билле Канзас–Небраска высказал мнение, полностью сходное с позицией большинства членов новой партии. Он говорил, что рабство чудовищно само по себе, и что его дальнейшее распространение ставит под сомнение статус Соединенных Штатов как самой свободной страны мира⁵. Поэтому учредители новой партии в Иллинойсе предположили, что он непременно к ним присоединится. И. Кординг, один из лидеров аболиционистского движения в Иллинойсе⁶, направил Линкольну приглашение на собрание центрального комитета Республиканской партии штата⁷. Ответ А. Линкольна был следующим: "Ваше приглашение на учредительное собрание Республиканской партии Иллинойса было получено в мое отсутствие. Сейчас, когда у меня есть возможность ответить Вам, позвольте поинтересоваться, почему мое имя было включено в список учредителей партии? Меня ни о чем не спрашивали, и узнал я об этом только из вашего послания. Я ненавижу рабство так же, как и любой республиканец, но все же считаю, что мои убеждения не в полной мере соответствуют программе вашей партии"⁸. Но затем произошли события, заставившие его изменить свои партийные предпочтения.

Осенью 1854 г. Авраам Линкольн решил баллотироваться в Сенат Соединенных Штатов от Иллинойса. В конце года он вел активную переписку с членами партии вигов, которые могли бы оказать ему поддержку в местном законодательном собрании⁹. Практически все корреспонденты обещали отдать свои голоса за него. Бэнджамин Уошборн писал, что если антинебраскианцы или республиканцы будут иметь большинство в легислатуре штата, то Линкольн одержит убедительную победу¹⁰. Таким образом, у Линкольна были все шансы стать сенатором.

В январе стало ясно, что антинебраскианцы получили большинство в обеих палатах законодательного собрания штата и смогут избрать своих выдвиженцев на все важнейшие посты. Но исход голосования не был утешительным для Авраама Линкольна. Его соперниками были Лаймэн Трамбэлл, демократ-антинебраскианец, и ставленник Стивена Дугласа Мэтсон. Если в первом туре голосования Линкольн набрал абсолютное большинство голосов, то потом

его сторонники начали постепенно переходить в лагерь соперников. Позже Линкольн писал Уошборну: "Примером может служить мистер Странк. В начале выборов он уверял меня, что полностью на моей стороне, и что приехал за сотни миль только чтобы отдать мне свой голос. Но его слова оказались ложью: сначала он голосовал за меня, а потом переметнулся к Мэтсону"¹¹. В итоге Линкольн призвал своих сторонников проголосовать за Лаймэна Трамбэлла¹². Последний и был избран сенатором. Линкольн пошел на этот шаг потому, что победа Мэтсона была равнозначна поражению антинебраскианского движения в Иллинойсе. Он увидел, что коалиция противников С. Дугласа близка к распаду, и пожертвовал своими собственными амбициями во имя общей победы.

Эти события показали, что во второй раз добиться поражения сторонников билля Канзас-Небраска разрозненными усилиями будет крайне сложно. Первой попыткой объединения можно считать собрание 16 редакторов Иллинойских изданий, которые договорились о том, что в начале 1856 г. в Декатуре будет проведен митинг республиканцев штата с целью выработки общей стратегии на предстоящие президентские выборы¹³. Эта новость вызвала недоверие у антинебраскианцев всех направлений. Виги лелеяли надежду реанимировать свою собственную партию, демократы не могли поверить, что "партия Джексона" может быть разрушена. К тому же все очень боялись, что если они присоединятся к учредительному съезду Республиканской партии, то будут автоматически записаны в ряды аболиционистов.

Что же касается политических предпочтений А. Линкольна, то он продолжал считать себя членом вигской партии. "Я считаю, что принадлежу к партии Вигов, – писал он в августе 1855 г. – Но многие утверждают, что я не Виг, а аболиционист. Но я лишь выступаю за предотвращение распространения рабства на новые территории, и не более. Не являюсь я и "Ничего-не-знающим", как говорят некоторые. Как я могу им быть?! Может ли человек, ненавидящий притеснение негров, выступать за дискриминацию внутри белой расы? Мне кажется, что мы довольно быстро деградируем. Начали мы с того, что все люди созданы равными. Теперь считаем, что все люди равны между собой кроме негров. Если к власти придет "Ничего-не-знающее", то мы будем говорить, что "все люди созданы равными, кроме негров, иностранцев и католиков"¹⁴. Но старые партийные предпочтения были преодолены Линкольном к началу 1856 г. Необходимость объединения понимали практически все видные антинебраскианцы штата, в том числе конгрессмены от Иллинойса. В итоге Линкольн согласился присутствовать на собрании в Декатуре, которое состоялось 22 февраля 1856 г. Он выразил свое согласие с принятыми решениями и готовность яростно сражаться с демократами на предстоящих выборах¹⁵. Резолюция собрания была составлена в очень умеренных тонах, в ней не было ни намека на аболиционизм. Линкольн лично участвовал в ее подготовке и сделал все, чтобы она не оттолкнула представителей консервативного крыла антинебраскианского движения от участия в конвенте Республиканской партии в мае 1856 г.

Так Авраам Линкольн стал одним из основателей Республиканской партии в штате Иллинойс. Он примкнул к ней, так как вигская партия не смогла соответствовать политическим реалиям того времени: ее лидеры старались не замечать главной общенациональной проблемы – распространения рабства. К тому же платформа республиканцев в большей степени соотносилась с убеждениями Линкольна – последовательного противника билля Канзас-Небраска. Именно как один из лидеров республиканцев Линкольн приобрел общенациональную известность в последующие годы и смог одержать победу на президентских выборах 1860 г.

- ¹ Маныкин А.С., Сивачев Н.В. Двухпартийная система в США. история и современность // Новая и новейшая история . 1978. № 3. С.32.
- ² Хрестоматия по новой истории. Т.2. М., 1965. С.348-349.
- ³ Согрин В.В. Политическая история США. М., 1999. С.139.
- ⁴ Curtis F. The republican party. A history of its fifty years existing and a record of its measures and leaders. 1854-1904. Vol. 1. N.Y., 1979. P. 176-177.
- ⁵ The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2. New Brunswick, 1953. P. 255.
- ⁶ Gienapp W.E. The origins of the Republican party. 1852-1856. N.Y., Oxford. 1987. P. 289.
- ⁷ The Lincoln papers: the story of the collection to July 4 1861. Vol. 1. N.Y., 1948. P.191.
- ⁸ The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2. P. 288
- ⁹ Ibid. P. 290-291.
- ¹⁰ The Lincoln papers... Vol. 1. P.191.
- ¹¹ The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol.2. P. 305.
- ¹² Roske R.J. His own counsel: the life and times of Lyman Trumbull. Keno. Nevada, 1979. P. 24-26.
- ¹³ Hansen S.L. The making of the third party system. Voters and parties in Illinois. 1856-1876. Michigan, 1980. P. 76
- ¹⁴ The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol.2. P. 323.
- ¹⁵ Ibid. P. 333.

*Бодров А.В.,
Санкт-Петербургский государственный университет*

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В 1870-Е ГГ.

Вопрос реорганизации французской армии в первые годы после поражения в франко-германской войне 1870-1871 гг. занимал необычно большое место в дипломатической переписке и на страницах газет. Как отмечал впоследствии первый президент Третьей республики Адольф Тьер, он волновал тогда не только «всю страну», но и «Европа также была внимательна к тому, что предполагалось во Франции по этому поводу», «вопрос об армии, таким образом, был одновременно и французским, и европейским»¹.

Вполне естественно, что военные реформы во Франции привлекали наибольшее внимание немцев. Вся памфлетная литература во Франции, посвященная проектам предстоящей реорганизации армии, внимательно отслеживалась и собиралась германскими агентами во Франции, которые переправляли ее в Берлин для дальнейшего анализа². Не отказывался Берлин и от демонстрации собственных предпочтений в вопросе о пути развития армии своего предполагаемого противника. Парадоксальным образом немецкие военные представители и пресса энергично поддерживали Тьера, выступавшего против копирования прусской модели массовой армии³.

Сам Тьер называл превосходство прусской модели «вымышленным» и полагал, что не оно стало причиной поражения Франции. Система массового набора в армию казалась ему «скорее источником слабости, чем силы», так как жертвовала качеством ради количества.⁴ Пределом амбиций президента была постоянная армия в 400-500 тысяч человек с пятилетним сроком службы, увеличивающаяся в случае войны до 900 тысяч.⁵ На стороне Тьера при этом был серьезный аргумент экономии средств. Немалое значение президент придавал и тому, что подобная модель организации армии имела бы подчеркнуто оборонительный характер.

Можно рискнуть предположить, что с точки зрения насущных проблем Франции проект военного закона Тьера выглядел весьма реалистичным, но он явно оставлял страну в будущем позади Германии⁶. Поэтому подавляющее большинство французских депутатов и военных выступило за введение всеобщей воинской повинности.

27 июля 1872 г. Национальным собранием был принят, наконец, закон о всеобщей воинской обязанности для лиц, достигших 20-летнего возраста. Согласно закону, вводился пятилетний срок службы в действующей армии и четырехлетний в резерве. После этого военнообязанные должны были служить еще пять лет в «территориальной армии» и шесть лет оставаться в ее резерве. В целом это копировало прусскую модель. Амбициозность закона выражалась в прогнозируемом росте численности действующей армии к 1877 г. до 719 тыс. солдат и 76 тыс. офицеров, а к 1892 году (когда рекрут 1873 г. достигал предела призывного возраста) военная система Франции должна была охватить 2,5 миллиона человек. На деле эти темпы превышали демографические возможности французской нации⁷.

Положение о пятилетнем сроке службы, вступавшее в противоречие со всей системой скорейшего создания подготовленных резервов, Тьер отстоял под угрозой своей отставки. Впрочем, сама практика и недостаток финансовых средств вскоре обусловили то, что уже в 1873 г. фактический срок службы в действующей армии составил 3 года и 8 месяцев, и в дальнейшем он лишь неуклонно сокращался, пока закон 1889 г. о трехгодичной службе не утвердил существующее положение законодательно.⁸

Дальнейшая борьба вокруг французской военной реформы развернулась на заседаниях специально организованного в этих целях «Высшего военного совета» (Conseil Supérieur de la Guerre - CSG), в состав которого помимо Тьера (председателя) входили все высшие военачальники страны. Президент полагал, что 12 больших (по три дивизии в каждом) армейских корпусов, развернутых на восточной границе, обеспечат постоянную готовность страны к войне⁹. Главным и самым радикальным оппонентом президента выступил маршал Мак Магон, который призывал перенять германскую структуру с 18-ю армейскими корпусами по две дивизии в каждом. Президенту, однако, удалось удержать большинство голосов за своим проектом, который и был представлен в марте 1873 г. в соответствующую парламентскую комиссию.

Но 24 мая 1873 г. большинство Национального собрания вынудило Тьера подать прошение об отставке. Вторым президентом Третьей республики стал маршал Мак Магон. Линия сторонников прусской модели окончательно восторжествовала, и 24 июля 1873 г. закон «Об общей организации армии» был утвержден парламентом именно в том виде, каким его отстаивал в Высшем военном совете Мак Магон.

Принятие 13 марта 1875 г. очередного, третьего по счету военного закона вновь накалило до предела франко-германские отношения. Этот закон утверждал принцип обязательной военной службы и устанавливал численность постоянной армии в 412 тыс. чел. В военное время эта цифра должна была удвоиться, что соответствовало тому количеству войск, которое по оценкам французских генералов в течение трех недель могла выставить против них Германия¹⁰. Но наибольший резонанс вызвало решение о формировании четвертого батальона в каждом полку при сокращении числа рот в каждом батальоне с шести до четырех. Последнее нововведение вновь копировало прусский образец, а введение четвертого батальона должно было сохранить примерно 1200 опытных офицеров, которых в противном случае пришлось бы отправить в запас¹¹. Закон о кадрах увеличивал численный состав полка только на сто человек (с 1550 до 1650), на что французы постоянно и указывали.

Германские же военные предпочитали акцентировать свое внимание на факте создания дополнительных 144 батальонов, что было расценено германским генералитетом как явно агрессивный шаг. В недрах германского Генштаба был оперативно подготовлен меморандум, в котором утверждалось, что фран-

цузская военная реформа явно показывает намерение Франции добиться численного перевеса над германской кадровой армией¹².

Французское руководство было неизменно в заверениях своего миротлюбия, указывая на понесенные страной потери. Впрочем, намерения А. Тьера, похоже, были не столь однозначны. Бумаги друга и соратника Тьера Шарля де Ремюза сохранили следующее признание президента, относящееся к февралю-марту 1872 года: «Я открываю это только вам: через два года у Франции будет армия, и я буду стремиться к реваншу».¹³ Год спустя, в беседе с российским послом Н.А. Орловым, Тьер уже более осторожно отводил на реорганизацию армии «три года, максимум пять лет». «Тогда, - передавал Орлов, - восьмидесятилетний президент [речь, таким образом, шла о 1877 году. – А.Б.] дождется удобного момента, чтобы вернуть Франции престиж, который она потеряла в 1870 году».¹⁴ Реваншистские чаяния сменившего Тьера Мак Магона Орлов признавал еще более категорично: «ничто не сможет вырвать это чувство из его сердца».¹⁵ И все же эти настроения, по оценке российского посла, не имели «немедленного политического значения»¹⁶. В самом деле, военные планы французского руководства в 1870-е годы носили сугубо оборонительный характер. Первый стратегический план действий на случай войны (план I) был разработан только в ноябре 1875 г. и предусматривал исключительно оборону от Германии. Только в 1883 г. (план VI) впервые предусматривалось перенесение боевых действий на территорию противника¹⁷.

В сознании французов превалировало обостренное ощущение уязвимости перед германской угрозой. Вопреки всем громким заявлениям, Франция активно занималась подготовкой стратегического рубежа обороны с опорой на укрепления Вердена, Туля и Эпиналя. Кризис весны 1875 г. подстегнул разрывание на восточной границе так называемых «сил прикрытия», которые должны были принять на себя первый удар, а также лихорадочное возведение дополнительных укреплений вокруг Вердена, которые вошли в историю как «панические форты»¹⁸. Г. фон Мольтке по достоинству оценил усилия французов, перенеся в 1879 г. в германских операционных планах на случай войны с Францией и Россией тяжесть наступательных операций с Запада на Восток¹⁹.

Для Франции было вполне естественным пойти по пути заимствования германской (прусской) системы, эффективность которой они только что ощутили на себе. Заимствование облегчало также задачу сопоставления сил со своим противником в видах будущего реванша. Впрочем, в 1870-е гг. все помыслы французов были направлены к обороне собственных границ.

¹ Thiers A. Notes et souvenirs de M. Thiers (1870-1873). Paris, 1903. P. 275.

² Mitchell A. Victors and vanquished: The German influence on army and church in France after 1870. Chapell Hill, 1984. P. 24.

³ Сен-Валье – Тьеру, 12 июня 1872 г. // Occupation et libération du territoire, 1871-1875.

Correspondances, T. I. Paris, 1903. P. 409-410.

⁴ Notes et souvenirs de M. Thiers... P. 276.

⁵ Ibid. P. 280.

⁶ Прусско-германский генеральный штаб, 1640-1965. М., 1966. С. 60.

⁷ См. Таблицу 1. в: Mitchell A. Op.cit. P. 30-31.

⁸ Porch D. The march to the Marne. The French army, 1871-1914. Cambridge, 1981. P. 28-29.

⁹ Mitchell A. Thiers, Mac Mahon and the Conseil Supérieur de la Guerre // French historical studies. 1969. Vol. 6. No. 2. P. 232-252; Mitchell A. Victors and vanquished... P. 32-38.

¹⁰ Defrasne J. L'armée française devant l'alerte de 1875 // Revue historique de l'armée. 1970. Vol. 26. No. 1. P. 57.

¹¹ Barail, général du. Mes Souvenirs (1896). T. III. 17-eme éd. Paris, 1913. P. 489-490.

¹² Die grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871-1914. Bd. I. Berlin, 1922. Nr. 157. S. 248-249.

¹³ Цит. по: Mitchell A. Victors and vanquished... P. 257, note 85.

¹⁴ Орлов – Горчакову, 20 января / 1 февраля 1873 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1101. Л. 28-28 об.

¹⁵ Орлов – Александру II, 25 июня/ 7 июля 1873 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 1101. Л. 368 –269, 374.

¹⁶ Там же. Л. 375-376 об.

¹⁷ См.: Defrasne J. Op. cit P. 51-54; Jauffret J-Ch. La défense des frontières françaises et l'organisation des forces de couverture (1874-1895) // Revue historique. 1988. Т. 279. No. 566. P. 363, 373.

¹⁸ Jauffret J-Ch. Op. cit. P. 367; Mitchell A. Victors and vanquished .. P. 57.

¹⁹ Craig G.A. The politics of the Prussian army, 1640-1945. Oxford, 1955. P. 275.

Габдрафикова Л.Р.
Башкирский государственный педагогический университет

ИЗМЕНЕНИЯ В ГОРОДСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ УФЫ ПОСЛЕ ВВЕДЕНИЯ ГОРОДОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ 1870 Г.

С 1870 г. Городовым положением Александра II в России начинают создаваться новые органы городского самоуправления. Городское хозяйство Уфы на момент введения городской реформы переживало не самые лучшие времена: земля была малопродуктивной, а городские лавки в Гостином дворе были розданы местным купцам за символическую плату.

Реформа не могла в одночасье решить все проблемы Уфы, да и в самом законопроекте были моменты, тормозящие действия самоуправления. Деятельность нового городского управления ограничивалась в основном, делами, касающимися городского хозяйства. Управа отвечала за устройство рынков и базаров, благоустройство города, его санитарное состояние, исправное содержание мостов и переправ. В компетенцию городской думы частично входили вопросы здравоохранения, народного образования, общественного призрения. Все расходы города делились на обязательные и факультативные. В категорию обязательных входили такие расходы, которые с трудом можно назвать нуждами городского хозяйства: расходы на воинский постой, содержание тюрем и полиции. 9-12% уфимского городского бюджета ежегодно уходило на эти цели. Как считают некоторые исследователи, полиция вполне могла быть отдана в ведение того, кто её содержит¹. Однако при тех исторических условиях, когда самоуправление на местах вводилось с большой осторожностью, говорить об отдаче принудительного аппарата в их руки бессмысленно. Еще одной обязательной статьёй являлось содержание пожарной команды, которая действовала под руководством полицейского управления. Отсутствие непосредственного контроля над пожарной командой сковывало работу по организации пожарной безопасности города. Именно поэтому в 1875 г. возникает идея о создании Вольно-пожарного общества под началом городского общественного управления. На его ассигнование дума впоследствии выделяла незначительную сумму: 300 рублей в год. Таким образом, в работе уфимского городского самоуправления не было системы: оно финансировало одну сферу, а управляло другой. По сути, городские думы стали удобным механизмом пополнения государственной казны, а для видимости им были поручены мелкие хозяйственные задачи.

Новшеством для городского общественного управления было самостоятельное составление годовых смет. Обязательные статьи расходов, фиксированное налогообложение значительно затрудняли эффективное ведение городского хозяйства. Ежегодно первоначальный проект бюджета составлялся с большим дефицитным разрывом. Но даже в те годы, когда, казалось бы, роспись доходов и расходов выглядела вполне сбалансированной, в реальности дела обстояли иначе и даже сами управцы признавали ее фиктивность². Обычно для видимости в доходы включались многолетние недоимки, полное

взыскание которых было делом практически безнадежным. Можно выделить следующие основные статьи доходов в уфимском городском бюджете: косвенные налоги с торгов и промыслов, доходы с использования городских имуществ и земель, оценочный сбор с недвижимости. Незначительность оценочного сбора объясняется тем, что объектом обложения не могли быть казенные здания, занятые правительственными учреждениями; здания благотворительных и учебных заведений и ученых обществ, если они заняты самими учреждениями, недвижимость собственность лиц духовного звания, не приносящая дохода³. Кроме того, не следует забывать и о значительных суммах недоимок. Они из года в год тянулись в городском бюджете тяжелым балластом; в разные годы размер недоимок колебался от 15 000 до 50 000 рублей. При этом средний бюджет губернского города составлял 73 136 рублей.

Как было сказано выше, в начале 1870-х гг. городские земли и имущества приносили мало дохода городской казне. Это было связано тем, что во владении городского общества было тогда несколько ветхих строений, торговых лавок, фонтан. Даже здание дореформенной городской думы было присвоено купеческой и мещанской управами и лишь впоследствии возвращено новой городской думе. Еще одним задерживающим рост благосостояния города явлением был самовольный захват городских земель. В некоторых пригородных слободах Уфы домовладельцы проживали незаконно, без уплаты налогов⁴. Ужесточение мер по строительству значительно способствовало выявлению фактов самовольного захвата земель в Уфе: на постройку и перестройку зданий горожане обязаны были получить разрешение от управы⁵. Однако городская дума не проводила плановые операции по выявлению этих злоупотреблений, об излишках земли в дворовых местах, как правило, выяснялось случайно⁶. Относительно городских имуществ и земель также и со стороны верховной власти ставились определенные ограничения: отдача в частное владение принадлежащих городу земель, устройство на них каких-либо сооружений могло быть осуществлено лишь после утверждения министра внутренних дел, для уездных городов – губернатора. Все эти факторы определяли незначительную доходность городских имуществ и земель.

С развитием городского хозяйства появляется необходимость в создании собственных муниципальных организаций. Как известно, в дореволюционной России муниципализация была мало развита из опасения социалистических течений. Так в г. Уфе муниципальные предприятия ограничивались городской скотобойней, каменоломней, общественным банком, ломбардом. Действительно приносящим доход стал лишь Городской общественный банк, открытый в 1876 г. и к началу XX в. вошедший в полосу устойчивого развития.

Как уже было сказано выше, такие задачи самоуправления, как благоустройство города и санитарное состояние решались после выполнения обязательных вопросов обеспечения полицейских и пожарных чинов, тюремного замка. Лишь в 1875 г. городское самоуправление взялось за благоустройство города: шоссированы основные улицы, устроены при них канавы и тротуары. Этот факт еще раз доказывает некоторую односторонность работы думы: в основе своей состоящая из представителей торгово-чиновничьего класса, она решала, прежде всего, их интересы. Бедные пригороды оставались в неизменном виде. Санитарная часть в деятельности дум ограничивалась десятком правил о свозе нечистот, о городской скотобойне, о содержании мясных и рыбных лавок. В силу своей необразованности и сложности самого вопроса многие санитарные правила жители просто игнорировали⁷. При возникновении угрозы эпидемий мобилизовались все силы: зачастую губернская администрация, земство и городская управа, различные городские общества действовали сообща⁸.

Одной из важнейших забот города было водоснабжение. В 1871 г. Уфимская городская дума признало перспективным строительство водопровода с подъемом воды из реки Белой, в связи с чем был учрежден особый фонд, в который перечислялись пожертвования частных лиц, средства от продажи дворовых участков, плата за воду и т.д. Но за 4 года там удалось скопить не более 10 % от требуемой суммы. В конце 1880-х гг. при городской думе была образована постоянно действующая водопроводная комиссия, где рассматривались предложения по разработке технических проектов и смет будущего водопровода, по изысканию средств на его постройку. Однако свое окончательное решение вопрос получил лишь в начале XX в.⁹ Столь долгое осуществление этого проекта объяснялось элементарной нехваткой средств.

Новая система городского самоуправления, с большим штатом городской управы, требовала серьезных вложений в кадровой политике. Содержание служащих городской управы было внушительной статьей расходов (12-15% из городского бюджета). До реформы 1870 г. члены управы не получали денежного вознаграждения за свою работу. Несмотря на высокое имущественное положение многих членов управы, финансовая стимуляция играла не последнюю роль в их деятельности, и отрицать его было бы бесполезно. Порой Уфимская городская дума, при составлении ежегодного бюджета пыталось сократить некоторые должности управы, так например, ликвидировали посты ветеринарного врача¹⁰, землемера, чертежника, журналиста, эконома¹¹. Однако уже в середине года некоторые сокращенные должности восстанавливались, поскольку очень затруднялось ведение городского хозяйства. Многие городские работы осуществлялись хозяйственным способом, т.е. с привлечением городских комиссаров. Это было вызвано тем, что подрядчики не всегда соглашались с условиями городской управы, а на такие работы, как очистка городских площадей или пастба городского скота просто невозможно было найти подрядчика.

Таким образом, изменения в городском хозяйстве после реформы 1870 г. были обусловлены несколькими моментами. Во-первых, с предоставлением определенной доли самостоятельности городскому самоуправлению верховная власть наделила их также и рядом обязательных расходов, что значительно затрудняло ведение городского хозяйства и приводило к откладыванию важных для города вопросов на второй план. Во-вторых, усложнение городских дел требовало расширения штата муниципальных работников, однако необходимые для их содержания средства были стеснены дефицитными проектами бюджета. В-третьих, развитие муниципальных предприятий находилось на начальном этапе, эффективное использование земель и имущества затормаживалось как со стороны верховной власти, так и самими представителями муниципалитета. С другой стороны, это было исторически обусловлено и оправдано: городское самоуправление на пореформенном этапе и не могло рассчитывать на резкую децентрализацию власти и собственности.

¹Дитятин И. Статьи по истории русского права. СПб., 1896. С. 266

²Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год. Уфа, 1881. С. 101.

³Дитятин И. Указ. Соч. С. 264

⁴ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп.1. Д. 47. Л. 44

⁵Обзор деятельности... С. 6

⁶ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп.1. Д. 47. Л. 134

⁷Обзор деятельности... С. 56.

⁸ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп.1. Д. 61. Л. 156-об.

⁹Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900-начало 1917 г.). Уфа, 2006. С. 184

¹⁰ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 61. Л. 77-об.

¹¹Там же. Л.108-об.

СТАНОВЛЕНИЕ ФИНЛЯНДСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ НА ФОНЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ФИНЛЯНДИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Наиболее сильное влияние на формирование общественных и политических настроений Финляндии оказывала внутренняя и внешняя политика Российской империи. Уже с момента присоединения Финляндии в стране сформировались пока еще очень нечеткие прообразы будущих политических партий: шведофилы и русофилы. Ни те, ни другие в первой половине XIX в. не выдвигали ни политических, ни экономических требований. В это время они скорее наблюдали за политической картиной.

Большую роль в активизации общественно – политической жизни Финляндии сыграли идеи либерализма, получившие распространение в княжестве с момента восшествия на престол Александра II. В 1879 г. Финляндия переживает пик своего экономического либерализма, и к этому времени в княжестве с полной остротой встают все проблемы, этим либерализмом порожденные. К моменту, когда Финляндия обращается к опыту Европы, там уже повсюду господствуют два немецких идейных течения: социализм и реформизм. Именно в это время и начинается знакомство финляндской общественности с европейскими идейно-политическими учениями.

Первым катализатором общественно–политической жизни княжества стало окончание Крымской войны. В это время с подачи шведской части населения в противоположность России начинают ставить Швецию, которая вот уже длительное время ведет мирную политику и появляются мысли о том, что у Финляндии и Швеции так много общего, что им бы в самый раз проводить некую общую политику, обусловленную схожими условиями исторического развития¹.

Система политических партий Финляндии прошла очень длинный путь за сравнительно короткое время и развивалась с рядом специфических черт. Прежде всего нельзя забывать о том, что политические партии начинают формироваться по языковому признаку. Процесс политического развития идет параллельно и неразрывно с процессом национально развития. До 1881 г. разделом между партиями служит языковой вопрос². Социально-экономических и политических требований еще не выдвигается. Нет и стремления к реальной политической власти, не осознается в полной мере значение сената и народного представительства в нем. Положение дел коренным образом изменяется тогда, когда царское правительство переходит к реакционной политике. Это становится мощнейшим катализатором политической жизни Финляндии.

Этот этап начинается с назначения Гейдена генерал – губернатором Финляндии (1881), задачей которого становится выработка программы действий по укреплению центральной власти. Его программу кратко можно изложить в трех пунктах: подчинение СМИ, усиление позиций русского языка, назначение на государственные должности чиновников со знанием русского языка. Отличительной особенностью программы было использование внутрифинляндских межпартийных разногласий, связанных главным образом с противостоянием шведоманов и финноманов³.

На это время приходится перелом в общественно-политическом развитии Финляндии. Связан он, в первую очередь, с успехами капиталистического развития Финляндии, которое приводит к значительным изменениям в общест-

ве. Появляется рабочий класс, безземелье почти половины населения края становится политической проблемой.

Осуществление программы Гейден начинается с того, что в 1882 г. проводится в Сенат нескольких политических деятелей, не относящихся к шведоманскому лагерю, в числе которых и лидер фенноманов Коскинен. Вхождение последнего в Сенат особенно удивило общественность, так как до этого Коскинен неоднократно писал о том, что не стал бы входить в Сенат. Дело в том, что проникновение в Сенат начинают рассматривать практически как единственную возможность реализации своей языковой программы и решения этого вопроса, так как истек срок, отведенный на его решение. И поддержка, оказываемая царским правительством фенноманам, оказалась как нельзя кстати.

Сейм 1885 г. знаменовал собой рубеж во внутриполитическом развитии княжества и принес новую расстановку партийных сил. Именно на этом сейме фенноманский лагерь, так и не преодолев внутренние разногласия, раскололся на два течения: старофиннов и младофиннов. Некоторые фенноманы расценивали победу в языковом вопросе не как реализацию одного из центральных пунктов своей программы, а как милость царского правительства. Так, по мнению Даниельсона, успех в языковом вопросе был куплен слишком дорогой ценой: ослаблением автономных институтов княжества⁴.

В целом отношение фенноманов к объединительной политике царизма было отрицательным. К этому моменту основной целью фенноманов становится создание национального государства. К началу 1890-х гг. приходит осознание необходимости борьбы прежде всего за национальные интересы. И на этой почве все существующие на тот момент в Финляндии политические партии могут выработать общее решение. При изучении партийных программ сразу видно сходство в части, касающейся вопроса о положении Финляндии в составе России и правах финляндского народного представительства. Создается впечатление, что все без исключения партии считают положение Финляндии невыясненным. Особая финляндская государственность, противопоставляемая российской, - вот лейтмотив программ всех партий. При этом и социальные требования партий совпадают: это изменение положения женщин, введение обязательного всеобщего образования⁵.

Объединительная политика российского правительства потерпела сокрушительный провал. Правительство не только не реализовало поставленные перед ним задачи, но своими действиями спровоцировало более стремительное политическое развитие Финляндии и привело к тому, что главным принципом размежевания политических сил в княжестве становятся политические и социальные проблемы.

Благодаря действиям правительства России, а конкретнее в связи с изданием Февральского манифеста 1899 г.⁶ была основана и Рабочая партия Финляндии. Мысли об организации своей партии и стремления к политической власти начинают появляться в рабочем движении несколько раньше. В феврале 1896 г. в газете «Рабочий» будущий лидер Рабочей партии Финляндии Урсин объявил о съезде рабочих, который должен состояться в июне в Тампере. Главным вопросом стало обсуждение программы рабочей партии, но на этом съезде идея принятия программы была отвергнута 6 голосами против 5.

Одним из результатов появления Февральского манифеста стал выход из рядов рабочего движения вригтовцев и младофиннов. Теперь это был уже действительно рабочий класс, который достаточно четко формулировал свои цели и задачи, а главное - позиционировал себя как класс, осознал свои возможности и потребности, хотя на этом этапе его идеология не сформирована окончательно. Программа партии была разработана на съезде представителей

рабочей комиссии. По всей видимости, положения программы были обсуждены заранее, так как на съезде в Турку было одобрено принятие Эрфуртской программы социал-демократической партии Германии. Первая программа Рабочей партии была создана прежде всего для того, чтобы определить основные принципы финляндской социал-демократии, что и было сделано в Турку в 1899 г. Этих принципов было всего два: общественная и экономическая свобода пролетариата и сохранение независимости⁷. В общем, часть программы, посвященная основным принципам партии, еще далека от марксистской идеологии. Всего программа содержала 13 пунктов, заимствованных из Эрфуртской программы, но в сокращенном виде и с некоторыми приспособлениями к финляндской действительности.

Уже после образования партии среди ее членов стала активно распространяться марксистская трактовка социализма. Этому способствовало прежде всего издание на финском языке в 1899 г. пояснения Карла Каутского к основным положениям Эрфуртской программы, а также переведенного на финский язык Т. Тайнио «Катехизиса рабочего». Именно благодаря появлению этих книг начинается активное распространение социалистических идей во всех сферах финляндского общества. Все чаще в печати встречаются упоминания трех основных положений Маркса (о производстве, основанном на частной собственности, о трактовке исторического развития по Марксу, а также рассуждения о классовой борьбе)⁸. Положение Рабочей партии было нелегальным, так как при ее основании не было дано разрешение ни Сената, ни генерал-губернатора, ни российского императора.

В 1890-х гг. была создана ассоциация, объединяющая рабочих страны, и начали проводиться конференции рабочих делегатов. Молодые финны принимали активное участие в этом движении, но как только социалистические идеи и социальное возмущение засели в голову рабочим, власть буржуазии стала ослабевать. В 1899 г. была основана финская Рабочая партия, последняя среди северо-европейских стран. По сравнению с рабочими партиями других северных стран, финская Рабочая партия была лучше организована и по сути являлась первой национальной политической партией страны.

¹ Paasivirta J. Suomi ja Eurooppa. Helsinki, 1978. S. 204

² Подробнее о языковой борьбе см. : Suomen yhteiskunnan herääminen (1856 - 99) // Suomen historian dokumentteja. Osa 2. Helsinki, 1970. S. 118 - 137

³ Более подробно о программе Гейдена см.: Суни Л.В. Самодержавие и общественно – политическое развитие Финляндии в 80 – 90 гг XIX в. Л., 1982; Kujala A. Venäjän hallitus ja Suomen työväenliikke 1899 – 1905. Helsinki, 1995; Юссилла О., Хентилля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998.

⁴ Суни Л. Указ. соч. С. 70

⁵ Программы финляндских политических партий. СПб, 1909. С. XXII

⁶ Helmikuun manifesti 15.2.1899 // Suomen historian dokumentteja 2. Helsinki, 1970. S. 227-230.

⁷ Danneberg R. Sosiaalidemokraattisen ohjelma : sen periaatteiden yleistajunen selitys. Helsinki, 1913. S.17

⁸ Oittinen R.H. Tehtäviä ja tavoitteita työväenliikkeen saralla. Helsinki, 1969. S. 77

Горелов В.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-МОРСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В 1855 г. во главе Морского ведомства встал брат Александра II, великий князь Константин Николаевич, в помощь которому был дан управляющий Морским министерством. С началом реформ по всей стране изменения должны

были коснуться и флота, в том числе его судебной системы.

Для решения судебных вопросов в составе Морского министерства были выделены два самостоятельных ведомства: Главное военно-морское судное управление (ГВМСУ) и Главный военно-морской суд. Это было связано с большой загруженностью морских судов делами различной степени важности, поэтому наиболее значимые дела предпочтительнее было решать отдельно от множества мелких преступлений именно в Главном военно-морском суде. Тем самым по количеству и составу преступлений можно было узнать об обстановке на военном флоте.

Основной инстанцией, где разбирались большая часть преступлений, были экипажные суды. В этих судах рассматривались правонарушения, совершенные только нижними чинами. Количество экипажных судов с 1870-х гг. до начала XX в. значительно выросло в связи с увеличением численности флота и моряхов. Так, на 1872 г. насчитывалось 12 экипажных судов, в 1882 г. их было 15, а в 1902 уже 37. В этих судах рассматривались незначительные проступки, за которые присуждались сравнительно легкие наказания - одиночное заключение в военно-морской тюрьме, перевод в разряд штрафованных или дисциплинарное взыскание. Несмотря на провозглашенный принцип открытости судебного заседания, в том числе и для военно-морских судов, некоторые из дел в экипажных судах слушались при закрытых дверях. Обычно это были преступления, связанные с нарушением воинской дисциплины, носившие при этом нередко очень комичный характер: например, неповиновение матросов в связи с разделением чарки водки на две части.

Имели место также преступления, не связанные с нарушением дисциплины и законов военно-морской службы, процент которых нередко достигал трети всех дел, рассматривавшихся экипажными судами. При этом преобладающими преступлениями по этой категории как в 1870-х, так и в конце 1890-х гг. были "промотание вещей казенного обмундирования и похищение чужой собственности", а также "противозаконное отчуждение и порча казенного имущества"¹.

Следующей ступенью в судебной системе Морского министерства являлись окружные военно-морские суды. Их количество на протяжении изучаемого периода оставалось неизменным и равнялось трём. В тоже время менялось их территориальное расположение. В 1870-х гг. военно-морскими судами были Санкт-Петербургский, Кронштадтский и Николаевский. С 16 апреля 1882 г. был упразднен Санкт-Петербургский военно-морской суд. Одновременно с этим был образован Владивостокский суд, а Николаевский в начале 1890-х гг. был переведен в Севастополь и стал называться Севастопольским военно-морским судом. Эти суды рассматривали более значительные преступления, совершенные как нижними чинами, так и офицерами. Основными наказаниями были: "лишение всех прав состояния и ссылка в каторжные работы", "ссылка на житьё в другие, кроме Сибирских, отдаленные губернии", "отдача в военно-исправительные роты", "заключение в гражданской тюрьме", "одиночное заключение в военно-морской тюрьме", "содержание на гауптвахте", "отставление от службы", "перевод в разряд штрафованных", "дисциплинарные взыскания"².

Высшей судебной инстанцией, стоявшей отдельно от ГВМСУ, был Главный военно-морской суд. В этот суд подавались апелляции на приговоры морских окружных судов. Он рассматривал просьбы о возобновлении военных уголовных дел, занимался обсуждением законодательных вопросов, относившихся к военно-морской судебной части и к законам о наказаниях и взысканиях.

Апелляции в Главный военно-морской суд могли подавать не только офицеры, но и нижние чины флота, осужденные окружными военно-морскими судами. Причем нередко многие жалобы на приговоры судов нижних инстанций

удовлетворялись, и Главный суд назначал менее суровое наказание. Так, например, «за оскорбление чести» штабс-капитана пехотного батальона, которого матрос во время драки, схватив «за рукав пальто, тряс его руку и замахивался на него с намерением нанести удар по лицу и тащил в помещение стрельбища», Кронштадтский военно-морской суд постановил "сослать подсудимого в каторжную работу на двенадцать лет...". Однако некоторые важные для защиты обстоятельства были упущены из вида Кронштадтским судом при определении виновности, и поэтому подсудимый просил Главный военно-морской суд о новом рассмотрении дела. Через некоторое время Главный военно-морской суд вынес решение "...взамен назначенной ему Кронштадтским военно-морским судом ссылки в каторжные работы в рудниках на 12 лет, ссылке в каторжные же работы на заводах на четыре года..."³. При этом судопроизводство было проведено очень оперативно. 6 декабря 1884 г. произошло преступление, 1 марта 1885 г. была подана апелляция на приговор Кронштадтского суда, а уже 6 марта Главный военно-морской суд вынес свое окончательное решение.

Таким образом, можно сделать вывод, что начался процесс изменения социально-правовых отношений на флоте. Появление состязательности на суде позволяло вынести более справедливое решение для обвиняемого, если его вина незначительна или до этого не были учтены смягчающие обстоятельства.

Вся эта система судопроизводства действовала для нижних чинов ВМФ, если они находились на берегу. В случае выхода корабля в открытое море для находившихся на судне матросов начинала действовать другая судебная система. На каждом корабле, отправляющемся в заграничное плавание и "на каждом из судов первых двух рангов, назначенных для внутреннего плавания" учреждается корабельный суд, во главе которого встает командир судна. Если корабль входит в состав отряда или эскадры, то суд возглавляет соответственно начальник отряда или эскадры.

В случае незначительного нарушения на корабле командир поручает провести скорейшее дознание одному из офицеров своей команды. После этого корабельный суд рассматривает это дело и выносит приговор, "конфирмованный судовым командиром или измененный им, по объявлении как подсудимому, так и потерпевшему от преступления... [приговор] приводится в исполнение немедленно по распоряжению командира, исключая постановления о вознаграждении за вред или убытки..."⁴. В такой ситуации власть командира не превышает власти экипажного суда.

В чрезвычайной ситуации для поддержания порядка и дисциплины на судне приказом командира учреждается комиссия из 6 офицеров под председательством старшего из них. Командир корабля может не согласиться с заключением комиссии по делу и утверждать свое решение независимо от мнения комиссии, "...командир имеет право подвергать виновного всякому, по закону, наказанию, не исключая и смертной казни. В случае изменения заключения комиссии, командир обязан изложить на самом постановлении комиссии основания, по которым сие делается им. Командиру корабля предоставляется право прощать виновных и смягчать наказания..."⁵. Жалобы подсудимых на постановление командира не допускаются. "Командир корабля, в случаях измены в виду неприятеля, явного восстания или открытого неповиновения в минуту опасности для целостности корабля, может немедленно налагать на виновных личную ответственность, всякие, по усмотрению своему и по мере надобности, законом определенные наказания. Сия власть командира корабля простирается на всех без исключения лиц, на корабле находящихся..."⁶.

После окончания плавания комиссия в составе представителей Главного военно-морского суда должна была решить вопрос о правомочности примене-

ния таких крайних мер. И если "окажется, что не было достаточного повода к употреблению чрезвычайной власти, то командир корабля предается суду с увольнением от должности"⁷.

Изучив приведенные выше документы, можно утверждать, что во время автономного плавания права нижних чинов уменьшаются. Однако каких-либо очень суровых мер к ним не применялось. Да и сам процент нарушений на судах в период морских кампаний от общего числа преступлений совершенных на военном флоте был не значителен. Так, "в течение 1881 г. на судах, плававших в Балтийских и Греческих водах, было 11 случаев рассмотрения дел в корабельных судах и три случая разбирательства в особой Комиссии. По всем одиннадцати делам корабельных судов состоялись обвинительные приговоры из коих по трем приговорам, назначенным судом, наказания были смягчены командирами судов."⁸ В том же году одними только экипажными судами рассматривалось 564 дела с 588 подсудимыми матросами, из которых 553 человека подверглись различным наказаниям.

Несмотря на значительное увеличение флота, к 1900-м гг. судебная система не перестала работать эффективно, оперативно реагировать на различные правонарушения и в целом могла отвечать требованиям своего времени. Состязательность на суде могла повлиять на более или менее справедливое решение дела. Однако в России при вынесении приговора по-прежнему учитывали происхождение подсудимого, что отражалось на различных наказаниях для офицеров и матросов за однотипные правонарушения.

¹ Отчет по военно-морской судной части за 1900 год. СПб., 1902. С. 3.

² Отчет по военно-морской судной части за 1877 год. СПб., 1879. С. 6.

³ РГА ВМФ, ф. 407, оп. 1, д. 1407.

⁴ Практические указания для производства суда на кораблях во время плавания. СПб., 1881. С. 7 – 8.

⁵ Положение о производстве суда во время плавания. СПб., 1872.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Отчет по военно-морской судной части за 1881 год. [СПб.], б. г. С. 8.

*Тихонова Е.В.
ВЗФЭИ*

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА МЕСОПОТАМИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Сегодня, когда весь мир является свидетелем арабо-израильского конфликта, складывается впечатление, что мирное сосуществование между представителями мусульманской и иудейской конфессий невозможно. Тем не менее, испокон веков евреи уживались с соседями-мусульманами гораздо лучше, чем с христианами. В то время как миллионы евреев более десяти столетий подвергались гонениям и репрессиям, являвшихся результатом их социального подавления в Европе, в мусульманских странах ничего подобного не происходило. Безусловно, конфликты на этноконфессиональной почве имели место на Ближнем Востоке всегда, но они не носили антиеврейской направленности, оставаясь в рамках общего противостояния мусульман и «неверных». В данной статье речь пойдет как раз о периоде взаимовыгодного сосуществования мусульман и иудеев рубежа XIX–XX вв. на примере Месопотамии.

Месопотамская еврейская община - старейшая в диаспоре. Она ведет своё происхождение от евреев, которые были взяты из захваченного вавилонским царем Навуходоносором Иерусалима в плен. В Вавилоне евреи прижились и, когда в 539 г. до н.э. Кир позволил им вернуться на родину, этим позво-

лением воспользовались немногие, отдав предпочтение расселению на территории Месопотамии¹. Еврейский исследователь Али Ибрагим Абдо полагает, что с этнической точки зрения евреи Двуречья составляли однородный организм, так как каких-либо других волн еврейской эмиграции в страну не было². Этой же точки зрения придерживается и российский востоковед В.И. Дятлов³. Данное утверждение, однако, нуждается в тщательной проверке.

Сложности в подсчете численности евреев Месопотамии рубежа XIX–XX вв. вызваны тем, что они были рассеяны по всей стране. Существует целый ряд противоречивых исчислений по данному поводу: называются цифры от 52,2-58 до 80-87,5 тыс. евреев⁴.

Еврейская община страны, наделённая, как и другие этноконфессиональные общины, правом внутренней культурной автономии, сохранила свои исконные традиции и верования, добившись их оптимального синтеза с арабской культурой. Так, богатые евреи по примеру своих мусульманских соседей нередко создавали гаремы, а женщина, как и в умме мусульман, занимала второстепенное положение, и рождению девочек родители не радовались⁵. Члены общины говорили на арабском языке, ощущали себя историческими жителями Месопотамии⁶. Как и везде в арабских странах, евреи Двуречья находились под покровительством сильных суннитских кланов, без которого их жизнедеятельность была бы просто невозможна. Передовые позиции, которые занимала община в жизни Османского государства, рост её благосостояния вели к акцентуации антиеврейских настроений в среде окружающих мусульманских этносов. Тем не менее, условия жизни евреев под властью Порты были лучше, чем у других этнических меньшинств. Это было связано с тем, что иудаизм с точки зрения монотеистичности концепции Бога ближе других религий стоял к исламу и рассматривался мусульманами как родственная конфессия.

В отличие от мусульман, социальный статус иудеев напрямую зависел от уровня полученного образования, причём образования светско-европейского типа, в корне отличающегося от даваемого традиционными образовательными институтами империи. Пробивавшая себе дорогу вестернизация, сопровождаемая модернизацией, требовала всё большего числа специалистов с современными знаниями⁷. Эту нишу в Месопотамии заполняли иудеи.

Турецкие чиновники не могли обойтись без знаний и опыта более образованных иудеев, а потому зачастую Порта была вынуждена назначать их на наиболее ответственные и трудные министерские посты. В рядах месопотамской политической элиты евреи были представлены достаточно широко. Так, например, члены старейшего еврейского клана Багдада – Сассун – на протяжении веков занимались торговлей и финансовыми операциями, в том числе и в качестве руководителей финансовых ведомств при дворах правителей. Именно из него рекрутировались депутаты от еврейской общины Месопотамии в парламент. В структуре местного административного аппарата клан также имел сильные позиции: например, Хаккам Хескал Сассун при младотурках занимал пост политического секретаря при вали Багдадского вилайета⁸. Однако, несмотря на то, что евреи приобрели голос в муниципальных и административных советах, их политический авторитет остался незначительным. Власть на Востоке ассоциировалась с наличием земельной собственности – евреям же крайне редко удавалось стать землевладельцами. Самыми влиятельными земельными магнатами Междуречья, вышедшими из среды еврейской диаспоры, являлись семейные кланы Сассун, Даниэль, Данус, Шашуа⁹. Вместе с тем, после младотурецкой революции еврейский элемент получил широкий доступ к офицерским должностям в османской армии. В системе полицейского сыска и международного шпионажа члены этой диаспоры всегда играли значимую роль¹⁰.

В сфере ремесленного производства евреи специализировались на непопулярных среди мусульман видах деятельности: производстве и продаже водки, убое скота, скорнячестве. Значительная часть ювелиров Месопотамии рекрутировалась из еврейской общины. В начале XX в. с появлением на арабском Востоке разного рода машин, технических приспособлений и автомобилей в Месопотамии евреи сосредоточили в своих руках торговлю ими, их сборку и ремонт. Прочные позиции в этой отрасли занимал, например, еврейский семейный клан Лави¹¹. В качестве лиц наёмного труда евреев высоко ценили как искусных управленцев, рабочих, обслуживающих железную дорогу, работников телеграфа¹².

Абсолютное большинство еврейской общины Турецкой Аравии было вовлечено в торговую деятельность. По данным генерального консула Великобритании в Багдаде, в конце XIX в. они практически монополизировали внешнюю и внутреннюю торговлю региона¹³. Одним из факторов, предопределивших преобладание еврейского меньшинства над мусульманами в торговле-предпринимательской деятельности, являлось широкое инвестирование им средств в промышленное производство, а также создание совместных предприятий, основанных на семейном капитале. Коммерческому успеху евреев способствовали и их обширные связи с единоверцами и родственниками за пределами Месопотамии, позволяющие быстро обмениваться нужной информацией, напрямую получать необходимый товар, иметь доступ к кредитным учреждениям. К тому же евреи обладали практически абсолютной монополией на ростовщические операции и банковское дело, что позволяло отдельным кланам аккумулировать в своих руках огромные денежные средства. Примером может послужить возвышение еврейского клана Зилха. Начав с мелких ростовщических операций, он к середине XX в. вырос в мощный финансовый дом с 10 миллионами фунтов стерлингов годового оборота, с отделениями в Каире, Александрии, Бейруте, Дамаске¹⁴. В конце XIX в. в месопотамских вилайетах Османской империи существовал целый ряд банков, принадлежавших евреям¹⁵. Слой банковских работников также формировался из еврейской среды.

В сознании мусульманской части населения Месопотамии, сталкивавшейся с евреем-ростовщиком, евреем-торговцем неизбежно возникал стереотип еврея алчного и хитрого. Такие черты евреев, как честолюбие, образованность, предприимчивость, динамичность, которые в иных условиях вызвали бы уважение, под действием традиционного предрассудка превратились в источник враждебности. При этом массовое сознание мусульман склонно было упускать из виду тот факт, что большинство евреев (65%) представляли, так же как и мусульмане, беднейшие слои общества и лишь 30% были отнесены официальной статистикой к средним слоям, а 5 % - к высшим. Соперничество мусульман с еврейскими дельцами в торгово-финансовой сфере не могло не вызывать серьёзных столкновений и коллизий. Однако в Месопотамии рубежа XIX-XX вв., в отличие от других арабских вилайетов Османской империи, рецидивы кровавой расправы с евреями практически не имели места.

По словам британского посла в Стамбуле, после революции 1908 г. еврейскому элементу удалось занять в младотурецком административном и военном офисе столь прочные позиции, что он нашёл возможным вести переговоры с правительством относительно поселения еврейских колонистов в Месопотамии. Местная же еврейская община в благодарность правительству, открывшему двери её единоверцам, обещала предоставить Турции сумму, которая покроет дефицит её бюджета¹⁶. Всё вышесказанное свидетельствует об отсутствии непримиримого антагонизма между мусульманской и иудейской общностями. Евреи Междуречья не видели причин для переселения куда-либо

и крайне осторожно воспринимали пропаганду создания в Палестине еврейского национального очага. Остаётся лишь сожалеть, что развитие событий вокруг «еврейского вопроса» сделало мирных соседей непримиримыми врагами.

¹ Тюменев А. Евреи в древности и в средние века. Пр., 1992. С.63.

² Abdo A.I. Jews of the Arab Countries. Beirut, 1971. P.19.

³ Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные богом? М., 1996.

⁴ АВПРИ. Ф. «Политархив», он. 482, д. 374, л.22; Shiblak A. The Lure of Zion: The case Study of Iraqi Jews. L., 1986. P. 18.; Gat M. The Jewish Exodus from Iraq (1948 – 1951). L., 1997. P. 6, Coke R. The Heart of the Middle East. L., 1925. P. 195; Kricorian M.K., Atiyyah G. R. Iraq 1908-1921. A Political Study. Beirut, 1973. P.32.

⁵ Jewish Societies in the Middle East. Community, Culture and Authority. Washington, 1982. P.27.

⁶ Abdo A.I. Opt. cit. P. 23.

⁷ Kricorian M.K. Atiyyah G.R. Op.cit. P. 7.

⁸ Haim S.G. Aspects of Jewish Life in Baghdad under the Monarchy // Middle Eastern Studies. Vol. 12. May 1976. № 2. P. 190.

⁹ Batatu H. Batatu Hanna. The Old Social Classes and Revolutionary Movements in Iraq. A Study of Iraq's Old Landed and Commercial Classes and of It's Communists, Ba'thists and Free Officers. Princeton, 1978. P. 260.

¹⁰ Иванов М.А. Система миллетов в арабских странах XV-XVII вв. // Восток. 1992. № 6. С. 36.

¹¹ Batatu H. Op. cit. P. 279.

¹² Kedourie E. Arabic Political Minorities and Other Studies. L., 1974. P. 268.

¹³ Ibid. P. 267-271.

¹⁴ Batatu H. Op. cit. P.311.

¹⁵ Gat M. Op. Cit. P. 10; Kedourie E. Op. cit. P. 268.

¹⁶ Batatu H. Op. cit. P. 286-288.

Софьян Д.М.

Пермский государственный университет

МЕЖДУ МОСКОВСКИМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ И МИНИСТРОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: С.В. ЗУБАТОВ И ЕГО ЭКСПЕРИМЕНТ В 1902-1903 ГГ.

В 1896 г. на пост начальника Московского охранного отделения был назначен С.В. Зубатов, некогда увлекавшийся революционными идеями и вращавшийся в крайне неблагонадёжных кругах. Бывший революционер развил бурную деятельность на новом поприще: первым в России ввёл такие, на сегодняшний день, основополагающие вещи в полицейском деле, как фотографирование преступников и дактилоскопию. Но на этом новаторский порыв молодого полицейского не иссяк. С 1898 г. под его руководством в Москве начал осуществляться небывалый эксперимент. Полиция Зубатова, поставившего себе задачу развернуть рабочее движение в легальное русло, взяла рабочих под своё «крыло» и стала фактически посредником между ними и их работодателями. Помимо прочего, в рамках данного эксперимента создавались рабочие профсоюзы, что виделось большинству представителей консервативных кругов как откровенно революционное дело.

Эксперименту, у которого оказалось немало противников среди высших государственных деятелей (например, тогдашний министр финансов С.Ю. Витте), не дали бы возможности осуществиться, если бы Зубатов не привлек на свою сторону могущественного покровителя – московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, дядю императора Николая II¹. Зубатовская идея отвечала старомосковским славянофильским настроениям великого князя, в духе которых его в своё время воспитала А.Ф. Тютчева (Аксакова). В подобном покровительстве эксперименту и рабочим Сергей Александрович видел столь любимое славянофилами прямое общение с народом, минуя бюро-

кратическое «средостение».

Особенно широко зубатовское движение развернулось в 1901-1902 гг., когда в Москве были созданы Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве, Совет рабочих механического производства Москвы, Общество взаимной помощи текстильщиков и ряд других организаций. Существенное улучшение жизненного уровня рабочих и условий труда, чего действительно добились зубатовские организации, усиливало их популярность, одновременно выбивая почву из-под ног у революционеров. Начало 1902 г. ознаменовалось для Зубатова и его эксперимента подлинным триумфом. 19 февраля, в годовщину отмены крепостного права, в Москве состоялось многотысячное шествие рабочих к памятнику императору Александру II. Торжественные мероприятия прошли в Кремле в присутствии самого великого князя. Полиция осталась за кремлёвскими стенами, а порядок поддерживался патрулями, созданными самими рабочими². Августейший генерал-губернатор был в восторге и оставил примечательную запись в дневнике об этом событии: «...громадные толпы рабочих – порядок отличный... Панихида – засим 2 венка возложила депутация от рабочих (к памятнику Александру II. – Д.С.); молебн. Я пошёл смотреть венки – сказал депутации несколько слов. Громовое ура – шапки так и летали; всё трогательно, хорошо, назидательно... Когда... венки возлагали, у меня слёзы навёртывались!»³. А на следующий день, всё ещё находясь под впечатлением увиденного, великий князь удовлетворённо отметил в дневнике: «Вчера на площади было 60 [тысяч] рабочих!»⁴.

На фоне беспокойного Санкт-Петербурга Москва эпохи Сергея Александровича, особенно после этого события, казалась местом, где царят идиллия и благочестие. Казалось, сценарий восстановления Московской Руси (точнее, её идиллического образа, существовавшего в понимании славянофилов) осуществлён на подведомственной великому князю территории. Сам генерал-губернатор, будучи от природы человеком очень сдержанным и скованным, предстал здесь как благодушный патриархальный воевода, простой и доступный. Николай II в эти годы всячески вызывал первопрестольной и её хозяину своё благоволение⁵. Успех московского опыта привёл к распространению зубатовского эксперимента на ряд других городов – Одессу, Киев, Минск, Николаев, Харьков. Но вскоре над экспериментом начали сгущаться тучи.

Министерство внутренних дел с 1899 г. возглавлял Д.С. Сипягин. Зубатов формально являлся его подчинённым, но фактически был совершенно независим, пользуясь поддержкой всесильного августейшего наместника Москвы. Ситуация стала меняться после убийства Сипягина в апреле 1902 г., когда новым министром был назначен В.К. Плеве, возглавлявший некогда Департамент полиции и бывший, как и Зубатов, опытным человеком в полицейском деле.

Однако Зубатов и Плеве были не только «классными полицейскими», но и незаурядными государственными деятелями, имевшими свои программы стратегии развития внутренней политики страны. Если Сергей Александрович по вопросу дальнейшего развития России придерживался в целом мнения, что лучше оставить всё, как есть, то Плеве и Зубатов были убеждены в необходимости реформ. При этом оба были твёрдо уверены, что эти реформы станут успешными лишь в том случае, если государство неизменно будет сохранять контроль над их проведением, не давая им сорваться и корректируя их по мере осуществления. Разумеется, каждый из них, не страдая отсутствием способностей и амбиций, видел себя во главе этого движения. Оба имели свои виды относительно того, через какие институты должен осуществляться государственный контроль над реформаторским движением. Зубатов полагал, что таким институтом должна быть политическая полиция⁶ и находившиеся под её контро-

лем рабочие профсоюзы, приобретающие в ходе осуществления зубатовского эксперимента всё более массовый характер. Плеве как больший традиционалист не был сторонником столь рискованных мер и полагал, что контроль над реформаторским процессом должен осуществляться Министерством внутренних дел в целом, а не только его «полицейской» частью. Он разработал законопроект, иногда называемый «конституцией Плеве», о создании при своём министерстве Совета по делам местного хозяйства, куда по назначению министра должны были войти общественные деятели, представители выборных органов — дворянских собраний, земств и городских дум¹.

Необходимо отметить, что Плеве, хотя и считал зубатовский эксперимент опасным, вначале, однако, не планировал избавляться от его автора. Министр полагал, что Зубатов может быть ему полезен, а кроме того, совершенно не хотел наживать себе врага в лице могущественного императорского дяди. Плеве тогда хотел лишь поставить Зубатова, формально и так являвшегося его подчинённым, под свой фактический контроль. Для этого министр в октябре 1902 г. назначил Зубатова на созданный специально для него пост заведующего Особым отделом Департамента полиции, подчинив, таким образом, способному полицейскому-новатору уже не одно охранное отделение в Москве, но всю тайную (политическую) полицию империи. Однако, получив такое повышение, Зубатову следовало покинуть Москву и своего высокого покровителя, переехать в столичный Санкт-Петербург и стать уже в реальности, а не только на словах, подчинённым Плеве. Смириться с таким положением Зубатов не желал и начал интриговать против своего начальника. Плеве такой вопиющей нелояльности потерпеть, естественно, не мог и, воспользовавшись первым благоприятным предлогом, отправил в августе 1903 г. своего не в меру амбициозного подчинённого в отставку², после чего начал свёртывать и его эксперимент.

Многолетняя поддержка на высочайшем уровне и фактическая бесконтрольность вскружили Зубатову голову. Он поверил в собственную неуязвимость, но не смог устоять в закулисной борьбе с таким сильным и опытным противником, как Плеве. В сложившейся ситуации даже могущественный великий князь не мог оказать помощь Зубатову.

¹ См.: Schneideman J. Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism: The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. Ithaca, N.Y., 1976. P. 62-63, 67, 85, 88, 98, 135, 235; Judge E.H. Plehve Repression and Reform in Imperial Russia, 1902-1904. Syracuse, N.Y., 1983. P. 131-136; Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. С. 501; Боханов А.Н. Великий князь Сергей Александрович // Российские консерваторы. М., 1997. С. 360.

² Уортман Р.С. Указ. соч. С. 501-502; Овченко Ю.Ф. Сергей Васильевич Зубатов // Вопросы истории. 2005. №8. С. 61.

³ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 38. Л. 27об.

⁴ Там же. Л. 28. Подчёркнуто в тексте.

⁵ Авчинников А.Г. Великий Князь Сергей Александрович. Екатеринослав, 1915. С. 30-31.

⁶ Овченко Ю.Ф. Указ. соч. С. 63.

⁷ Judge E.H. Op. cit. P. 177-179. Проект так и не был осуществлён.

⁸ Ibid. P. 147-148; Симонова М.С. Вячеслав Константинович Плеве // Российские консерваторы. М., 1997. С. 313; Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. Таллин, М., 1994. С. 206-207.

Волкова У.А.

Сыктывкарский государственный университет

ЛИЧНОСТЬ ЦАРЯ НИКОЛАЯ II КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН КРУШЕНИЯ МОНАРХИИ В РОССИИ

Оценка роли личности в истории является одним из сложнейших и дискуссионных вопросов политической науки. В политических процессах на любом

историческом этапе субъективный фактор правителя, свиты или лиц стоящих у власти играет существенную роль. Но проблематичным является анализ степени их влияния на ход исторических событий, так как учёными ещё не выработана система чётких критериев, по которым исследователь имел бы возможность классифицировать государственных лидеров и общественных деятелей путём применения конкретных характеристик.

Личность Николая II до сих пор вызывает множество споров как среди историков, так и широких слоёв российского общества. Одни считают царя мучеником и невинной жертвой, которая поддалась на провокации со стороны революционно настроенного населения (канонизация семьи императора подтверждает распространённость данного мнения). Другие же олицетворяют последнего русского царя с самодержавным произволом и крайним консерватизмом, которые мешали прогрессу государства в экономической, политической и социальной сфере. На мой взгляд, личность Николая II и его роль в крушении монархии в России не поддаётся однозначной оценке. Рубеж XIX-XX вв. - наиболее сложная и противоречивая веха в истории страны, и при анализе событий следует учитывать ряд объективных характеристик. Социум как основа любого государства в данном случае занимает одно из ведущих мест.

Во все времена существования Российской империи царь, как помазанник бога на земле, и его подданные в лице народа находились в духовном и культурном единстве (за исключением эпох преобразований Петра I и Александра I), что обеспечивало стабильность внутри страны. Николай II же довольно быстро вызвал недовольство со стороны своего окружения ввиду резких высказываний, не оставивших элите надежд на какое-либо реформирование строя. Среди простого населения распространилось недоверие, спровоцированное свадьбой будущего императора и Алисы Гессенской в дни траура по Александру III, кровавыми событиями на Ходынке и т.д. Александра Фёдоровна записала в своём дневнике тогда: «Моя свадьба была продолжением похорон, только меня одели в белое...»¹; это не могло не насторожить набожный русский народ.

Стоит отметить, что в идеологической сфере между властью и населением также не было согласия. Так, народные основы и традиции, служившие объединяющим символом российского общества и почитаемые как народом, так и правящим слоем многие столетия на рубеже XIX-XX вв. стали объектом отрицания. Значительная часть политической и интеллектуальной элиты Российской империи отвергла путь продолжения дела Александра III «Миротворца», предложенный Николаем II, посчитав данную концепцию отжившим и нежизненным пережитком уходящей эпохи. В данный период и начались попытки со стороны императорского окружения навязать России западноевропейскую модель развития в её либеральном либо марксистском варианте. Эти теории не соответствовали политической ориентации Николая II, а значит, не могли во время его правления воплотиться в жизнь, потому что царь считал себя единственно ответственным за происходящее в России перед богом и народом. В социальном антагонизме состояло основное противоречие того времени и личности самого императора: разрыв между убеждением Николая II о незыблемости основ и традиций России и желанием значительной части высших слоёв государства модернизировать их.

Безусловно, нельзя отрицать влияние государя на проводимый страной курс, он является его основным вдохновителем и проводником. Но успешный итог любого политического процесса невозможен без поддержки его со стороны населения государства, особенно в условиях монархического правления. На рубеже XIX-XX вв. император, элита и население имели абсолютно противоположные представления о будущем своей страны; социальная разобщённость и

внешнеполитическая угроза только укрепили давно зарождающиеся кризисные тенденции в российском государстве, что в совокупности и явилось основной причиной крушения монархии.

¹ Радзинский Э. Николай II. М., 2003. С. 58.

*Яновский В. С.
Северо-Кавказская академия государственной службы*

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ГОРОДА-КУРОРТА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КИСЛОВОДСКА (1903 – 1917 ГГ.)

Город-курорт – это довольно специфическая форма муниципального образования, обладающая целым рядом характерных черт. Управление городами-курортами – весьма сложный процесс, поскольку жизнедеятельность населения всегда негативно отражается на состоянии окружающей среды, потребности и интересы населения часто идут в разрез с потребностями и интересами курорта, жизнедеятельность города (поселения) часто нарушает курортный режим, а во время кризисных ситуаций в экономике региона или страны город может выбрать путь выживания, несовместимый с задачей развития курорта и ведущий к разрушению курортной инфраструктуры. Кроме того, курорт требует регулярных и значительных финансовых вложений, которые местный бюджет, как правило, не в состоянии обеспечить, а значительная часть санаторно-курортного комплекса по сложившейся практике находится в собственности министерств, ведомств и корпораций, зарегистрированных в крупных городах, и не приносит доход в бюджет курортного города. Проблема осложняется отсутствием в федеральном законодательстве понятия «город-курорт» или «курортный город», а это значит, что управление им осуществляется точно так же, как и любым другим городом, без учета его особенностей.

Рассмотрим исторический опыт управления городом-курортом Кисловодском в начале XX в. Кисловодск – это не только третий по величине курортный город в России (как курорт он занимает второе место в стране), но и населенный пункт, жизнедеятельность которого исторически определялась как сопутствующая функционированию курорта и обеспечивающая его нужды. Такие курортные города, как Пятигорск, шли по несколько иному пути и не отказывались от развития промышленности на своей территории, хотя это наносит ущерб окружающей среде, что для курорта крайне нежелательно.

Статус города Кисловодск получил еще в 1903 г.¹, поэтому был накоплен значительный исторический опыт управления как городской, так и курортной инфраструктурой. Весьма эффективным оно было в начале XX в., когда его разделили между собой муниципалитет и правительственное учреждение, которое называлось Управлением Кавказских Минеральных Вод (УКМВ) и ведало 4 курортными группами (Кисловодской, Пятигорской, Ессентукской и Железноводской)². Такая модель «раздельного управления городом и курортом» позволяла решать большую часть указанных проблем даже несмотря на сложное положение, в котором оказался тогда только что образованный город.

В 1903 г. Кисловодск получил лишь около 10% земли бывшей слободы Кисловодской, из которой образовался, т.е. несколько грязных улиц и площадей, что было связано с отказом многих слободских семей перейти в городское сословие. Кисловодск в то время не имел достаточных средств даже на содержание пожарной части. Все это создавало опасность для курорта Кисловодска, т.к. его развитие могло остановиться из-за плачевного состояния города³.

УКМВ в связи с этим провело ряд важных мероприятий. Так, например, в

состав городской санитарной комиссии были включены представители УКМВ, которые вели строгий надзор за состоянием улиц, площадей и частных домовладений. В результате в Кисловодске значительно сократились, а затем прекратились вовсе случаи таких заболеваний, как холера и дизентерия. В компетенции УКМВ находилась также природоохранная деятельность. Оно могло ходатайствовать об: а) отчуждении участков, на которых имелись колодцы или иные подземные сооружения, наносящие вред минеральным источникам, б) устранении вредных факторов с территории участков без их отчуждения, в) возмездном отчуждении участков, имеющих важное значение для развития курорта в будущем. Лица, проживающие на территории округа санитарной охраны КМВ, не имели права без согласования с УКМВ проводить буровые и иные подземные работы на своих участках.

В 1906 г. УКМВ первым начало отпуск электричества в учреждения и частные домовладения Кисловодска по индивидуальным договорам, а в 1911 г. обеспечило город первой на КМВ канализацией⁴. Управление являлось собственником парка, источника «Нарзан», нескольких наиболее крупных лечебных учреждений и гостиниц, нарзанного завода, земли дачного района «Реброва Балка» и некоторых других объектов, т.е. всего того, что составляло кисловодский курорт⁵. Надо отметить, что УКМВ не вмешивалось в деятельность городского самоуправления по вопросам, не касающимся напрямую развития курорта и охраны лечебных факторов.

Таким образом, УКМВ не только владело курортом Кисловодском и без участия города финансировало его развитие, но также взяло на себя часть проблем города, дабы он вышел из «первобытного» состояния и не мешал развитию курорта, а наоборот способствовал ему.

Город, получив на первых порах помощь от УКМВ, сыграл значительную роль в стремительном развитии курорта. Последний привлекал не только больных (по приему которых в начале XX в. он уступал Ессентукам и Пятигорску), но и огромное количество туристов, которые ехали развлечься и насладиться живописными видами, чистым воздухом и ярким солнцем. Как ни желало УКМВ, но самостоятельно обеспечить жильем и продовольствием такое количество приезжающих на курорт оно было не в состоянии. Эти проблемы весьма эффективно помогал решать город. Не было практически ни одного дома, где не сдавались комнаты приезжим. Выбор жилья был широким - от роскошных вилл до номеров без элементарных удобств. Несмотря на запреты УКМВ, сдавались даже коморки и полуподвальные помещения. В начале XX в. стали появляться достаточно хорошие дома и гостиницы - Тамбиева, Своеволина, Махлая, Тер-Погосова. Недалеко от городской управы появилась комфортабельная гостиница "Горн" нотариуса Войцеховского, а в 1905 г. открылся частный пансионат Ганешина. Строились дачи. Городские квартиры были дешевле, чем сдававшиеся на курорте.

Город играл важную роль в обеспечении приезжих продовольствием. На базарах можно было недорого купить качественные молочные продукты, мясо (особенно славилась карачаевские барашки), неплохой картофель. С овощами и фруктами дело обстояло хуже. Они были в основном привозными - из терских станиц, Закавказья и Турции⁶. Горожане обеспечивали и транспортные услуги в Кисловодске. Извозный промысел был одним из главных занятий местного населения. Наконец, важным элементом взаимовыгодного сотрудничества города и курорта были трудовые ресурсы. Их поставлял город, а УКМВ было работодателем для многих городских семей. Обслуживание курорта требовало большого количества рабочих рук, а привозить неквалифицированную рабочую силу издалека было весьма нецелесообразно.

Благодаря этому в 1914 г. курорт принял 42 000 отдыхающих, став самым крупным курортом страны. Местное население получало высокие доходы от обслуживания приезжих в течение всего года, поскольку с 1910 г. Кисловодск является круглогодичным курортом. Не было нужды в развитии промышленности и других отраслей хозяйствования, наносящих вред окружающей среде.

Город, обладая скромным бюджетом, не мог обеспечить себя в полной мере. В доход города шли поступления от сбора с недвижимых имуществ, сбора с торговли и промыслов, сбора с экипажей и содержателей собак, пошлин с городских имуществ и оброчных статей, с городских сооружений. По этой причине использовались займы. Например, в 1915 г. из Кассы городского и земского кредита был взят заем в 100 тыс. руб. на сооружение городской электростанции (бюджет города тогда составлял всего 213 589 руб.). Однако в круг забот городского самоуправления не входили проблемы, связанные с развитием курорта. К предметам ведения местного самоуправления относились: а) попечение об устранении недостатка в продовольствии, б) содержание городских объектов, водопровода, освещения, в) попечение о бедных и прекращение нищеты, г) участие в мероприятиях по сохранению народного здоровья, д) изыскание способов улучшения санитарного состояния, е) попечение о развитии народного образования, ж) устройство благотворительных и лечебных учреждений, з) попечение о лучшем устройстве поселения по утвержденным планам, и) попечение о мерах предосторожности против пожаров и других бедствий, к) попечение о развитии народного образования, л) попечение об устройстве общественных библиотек, музеев, театров и других общественных заведений, м) содействие развитию торговли и промышленности, н) устройство рынков и базаров, о) надзор за торговлей, п) устройство кредитных учреждений, р) попечение об устройстве и содержании православных храмов, с) попечение о поднятии нравственности городского населения и др. С решением этих задач муниципалитет в основном справлялся¹.

Таким образом, исторический опыт деятельности Управления КМВ в начале XX в. приобретает актуальность. Создание органа, схожего с ним по своим функциям и полномочиям позволит: а) освободить городской бюджет от расходов на обслуживание курортной зоны и природоохранную деятельность на ее территории, б) обеспечить планомерное развитие курорта в текущем периоде и на перспективу, в) не допускать реализацию городских мероприятий, которые могут нанести существенный ущерб курорту, г) повысить уровень благоустроенности города-курорта и улучшить его внешний облик. Без этого органы местного самоуправления города Кисловодска вынуждены будут и в дальнейшем лавировать между проблемами сохранения уникальной курортной местности (с соответствующими природоохранными мероприятиями и работами по ремонту и реконструкции дорог, коммуникаций и т.п.) и вопросами «выживания» городской инфраструктуры и, соответственно, городского населения.

¹ Кисловодск в исторических документах 1803-1917. Ставрополь, 1998. С. 103.

² Богдачев С. В., Савенко С. Н. Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск, 2006. С. 35-36.

³ Кисловодск в исторических документах. С. 104.

⁴ Извлечения из действующих законов, а также распоряжений министерств, касающихся КМВ, составленные юрисконсультom УКМВ Михайловым. Пятигорск, 1914.

⁵ Кавказские Минеральные Воды: путеводитель УКМВ. Пятигорск, 1912.

⁶ Там же.

⁷ Самоуправление Кисловодска: Нормативно-правовая деятельность 1996-1999 гг. Кисловодск, 1999. С. 32-34.

ПОЛИТИКА В ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ВЫБОРЫ ДЕПУТАТОВ ГОСДУМЫ В ПСКОВСКОМ УЕЗДЕ В 1906 Г.

Зарождение политической жизни в русской провинции начала XX в. было важной новацией в ее повседневности. Более того, исследование повседневного политического поведения граждан совершенно необходимо применительно к таким политизированным периодам, каковым является период первой русской революции. Такие принципиально новые реалии, как выборы в Государственную думу, не могли не повлиять на структуру повседневности, разрывая прежнюю бытовую рутину.

Глубоко провинциальное общество маленьких городков и селений Псковской области в начале XX в. составляет объект исследований, адекватный большинству российского социума этого времени. В основе наших изысканий лежат материалы Государственного архива Псковской области (далее – ГАПО), преимущественно фонда Псковской уездной комиссии по делам о выборах в Государственную Думу¹, большую часть документов которого, составляют избирательные списки и вносимые в них изменения. Эта рутинная работа избирательных комиссий была связана с принятыми в обществе способами коммуникации, значит, в данных материалах отразились не политические взгляды, идеи и представления, а межличностные отношения и такое важное явление, как борьба за влияние в микросоциуме. Исследование этих феноменов и составляет содержание нашего исследования.

11 декабря 1905 г. было издано Положение о выборах в Государственную Думу, которое вводило в России куриальную, или цензовую, избирательную систему. Выборы производились по куриям, перечисленным в статье 3: «Избрание членов Государственной думы по губерниям и областям производится губернским избирательным собранием. Собрание это образуется под председательством губернского предводителя дворянства или лица, его заменяющего и из выборщиков, избираемых съездами: 1) уездных землевладельцев; 2) городских избирателей и 3) уполномоченных от волостей, гминных сходов и станиц»². Четвертой курией для некоторых губерний была курия фабрично-заводских рабочих, но в силу отсутствия в Псковской губернии крупной промышленности выборы от рабочих здесь не проводились.

В марте 1906 г. в Пскове и его уезде прошли избирательные съезды. Съезд третьей курии, т.е. уполномоченных от волостей Псковского уезда, должен был состояться 17 марта. На съезде были выбраны 36 уполномоченных³. Двое уполномоченных должны были быть выбраны и от Логозовской волости, их процедура выборов описана в жалобе крестьянина деревни Поддубье Сидора Петрова в Псковскую уездную комиссию по выборам в Госдуму. Лексика и стилистика этого документа важны для его характеристики и обнаруживают в авторе тип деревенского «правдолюбца», который назвал свою жалобу «заявления о неправильности выборов».

«Логозовская волость делится на 9 участков и были выбраны доверенные по одному с каждого участка, которые и доложены болотироваться. Но некоторые *партия* (курсив мой – М.П.) закричали, что дать жребий девяти доверенным, т.е. четырех болотировать, а 5 выборных оставить безо всего. Я считаю допущение жеребьевки не правильным при таком первостепенном важном Государственным вопросе и, не смотря на убеждения и просьбы мои и много другого народа не делать жеребьевки и не откидывать пяти лиц от *прямой* и

тайной подачи голосов (курсив мой – М.П.)...». Как видно из цитированного документа, волостные «крикуны» добились жеребьевки, и Сидор обращался к комиссии с просьбой «участвовать в означенной комиссии и тем внести полное успокоение своего народа (курсив мой – М.П.), который с нетерпением ждет будущих благ и покончить разногласия по выборам»⁴.

Жалоба С. Петрова отражает ключевые особенности картины мира русского крестьянина начала XX в. Прежде всего, необходимо остановиться на представлении традиционного общества о жребии. Именно путем жеребьевки в общинах распределялись повинности, назначались должностные лица. Поскольку русская община никогда не была сообществом равных, а скорее коллективом, в среде которого доминировали «богатеи», жребий был эффективным инструментом в руках господствующих микрогрупп⁵.

В Логозовской волости, видимо, подобные группы, названные автором жалобы «партиями», и попытались отсечь нелояльных им кандидатов. Причиной тому могли быть затяжные, переходившие из поколения в поколение тяжбы из-за сенокосов или других угодий, но проявились эти повседневные конфликты в «политической» борьбе на низовом уровне. И тот факт, что доминирующие волостные группировки названы автором «партиями», свидетельствует, что С. Петров осознал данный конфликт как политическое противостояние.

Жалоба Петрова убеждает в том, что активная часть крестьян относилась к выборам в Думу осознанно и ответственно. Выборы для автора документа – это «первостепенный важный Государственный вопрос», а «прямая и тайная подача голосов» – важное преимущество избирателей. И даже курьезный в устах крестьянина оборот «своего народа» выдает в С. Петрове стремление отстаивать интересы этого «народа» и искать «правду». Важным представляется и противопоставление методов воздействия на народ доминирующих сельских групп и «правдоискателей». Сторонники жеребьевки «кричат», пытаются использовать традиционные методы подавления своих противников; С. Петров и «другой народ» используют «убеждения и просьбы».

Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с противоборством двух картин мира: традиционной, берущей начало в общинной психологии, и новой, постепенно складывавшейся в крестьянской среде под влиянием земской избирательной практики. Данный конфликт интересен еще и индифферентным отношением властей к политическим процессам в крестьянской среде. Уездная избирательная комиссия постановила этот случай не считать нарушением и оставила жалобу С. Петрова без последствий⁶. Формально члены комиссии были правы, поскольку избирательные процедуры на низовом, волостном уровне в законе прописаны не были, но именно подобная реакция властей породила, в конечном счете, безразличие крестьян к Думе, выборы в которую первоначально они были склонны считать «первостепенным важным Государственным вопросом». Другой случай политического противостояния относится к выборам уполномоченных от Псковогородской волости. Там доминировала группа политически активных крестьян из деревни Алмазово под руководством Федора Елкина. Еще до выборов 23 февраля 1906 г. на волостном съезде Елкин и его сторонники «самовольно» сместили «должностных лиц Псковогородского волостного правления». Эта акция сделала имя Елкина известным всей волости, и на выборах 8 марта он без труда стал уполномоченным. Выборы уполномоченных были проведены со всеми требуемыми формальностями. В Псковогородской волости от 20 деревень были выдвинуты 20 претендентов, по кандидатурам которых была осуществлена баллотировка шарами. Максимальное количество избирательных шаров получили крестьяне А. Алексеев (101 голос) и Ф.И. Елкин (66 голосов)⁷.

Рассмотрев протоколы голосования, 10 марта уездная избирательная комиссия утвердила избрание Алексеева и Елкина, поскольку «с формальной стороны никаких отступлений от законного порядка не усматривается». Эта загадочная формулировка объясняется в уведомлении судебного следователя: оказывается еще 7 марта «за участие в самовольном смещении... должностных лиц Псковогородского волостного правления» Елкин был привлечен в качестве обвиняемого, а 8 марта «утром он по допросе заключен под стражу»⁸. Таким образом, избрание Елкина уполномоченным было осуществлено в отсутствие кандидата, видимо, по предварительной договоренности. В этом конфликте хотелось бы разглядеть политический подтекст, но он никак не просматривается. Ниоткуда не видно, что Елкин и его сторонники руководствовались какими-либо политическими идеями под влиянием той или иной политической партии. С большой долей вероятности можно предположить, что и в данном случае произошел конфликт хозяйственных интересов внутри волости.

Представленные случаи конфликтов на выборах уполномоченных обнажают скрытые механизмы функционирования низовых общественных институтов – структур волостного управления. Мы видим, что во главе этих структур стоят сплоченные группы крестьян, спаянных, видимо, помимо хозяйственных интересов, еще и родственными связями. Для удержания власти они используют традиционные, понятные большинству методы: подавление противников криком, жеребьевку, выборы от курии землевладельцев. Их оппоненты тоже практикуют различные методы: от попыток убеждения и писания жалоб до самовольного смещения должностных лиц. В период относительной общественной стабильности такие конфликты не несли непосредственной угрозы для представителей власти, которая в высшей степени беспечно реагировала на жалобы и прошения законопослушных крестьян. В исторической перспективе, однако, это неизбежно порождало более острые противоречия, проявившиеся спустя десятилетие.

Необходимость участия в непривычных политических действиях изменяла провинциальное общество и самих граждан. В этом процессе политизации повседневности смешивались традиционные способы выражения общественно-политических пристрастий и диктуемые законом новые нормы поведения.

¹ ГАПО. Ф. 30. Оп. 1.

² Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. М., 2001. С. 163–164.

³ ГАПО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 10. Л. 3–4.

⁴ ГАПО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2.

⁵ Александров В.А. Сельская община в России XVII– первой половины XIX в. М., 1976; Кизеветтер А.А. Русская посадская община в XVIII в. М., 1910.

⁶ ГАПО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

⁷ ГАПО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 29. Л. 6–7.

⁸ Там же. Л. 9.

*Гришанин П.И.
Пятигорский государственный лингвистический университет*

НОВОЕ ЗНАНИЕ О РОЛИ П.Б. СТРУВЕ В ВЫРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЮЖНОРУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА П.Н. ВРАНГЕЛЯ

4 апреля 1920 г. А.И. Деникиным был подписан последний приказ, передававший полномочия Главнокомандующего генерал-лейтенанту Петру Николаевичу Врангелю. Теперь новому лидеру предстояло разрешить проблемы,

оставшиеся в наследство от предшественника.

В своих первых заявлениях П.Н. Врангель ясно давал понять, что принцип единоличной военной диктатуры, утвердившийся на Белом Юге ещё со времён первых кубанских походов, будет им неукоснительно соблюдаться. Одним из первых приказов Врангель объявил себя военным диктатором, присвоив всю полноту власти. Уже в течение первых месяцев своего правления главнокомандующий и его штаб сумели ценой невероятных усилий восстановить боеготовность армии и укрепить оборону Крымского полуострова. Сосредоточив в своих руках огромную власть, Врангель начал формировать правительство. Важнейшей составляющей в деле организации власти в этот период была тонкая, искусно выстроенная внешнеполитическая линия, способная не только привлечь внимание союзников к проблемам Крыма и правительства ВСЮР, но и обеспечить материальную, финансовую и военно-политическую поддержку его деятельности.

С первого дня вступления в должность Главнокомандующего ВСЮР вся энергия Врангеля, его обращения к иностранным миссиям через своих представителей (Б.А. Бахметева, М.Н. Гирса, С.А. Поклевского, В.А. Маклакова, П.Б. Струве и др.) были направлены на то, чтобы заручиться морально-политической, материальной и другими видами поддержки со стороны зарубежных держав. И это неудивительно – иной альтернативы, кроме опоры на помощь союзных государств, у Врангеля не было. Понимали это и российские представители, в частности Маклаков, в своём письме к Бахметеву от 10 апреля 1920 г. с горечью говорил, что «одно несомненно – Добровольческая армия и вообще армия, идущая на большевизм извне, попросту сказать, Русская Вандея – кончилась; граница им больше не поверит, а без помощи границы они ничего не сделают»¹.

Сложилась парадоксальная и почти тупиковая ситуация: Запад был готов признать то или иное русское правительство и оказать ему помощь в более крупных масштабах при условии установления им контроля над более-менее значительной территорией и наведения на этой территории законности и порядка, а антибольшевистские силы не могли этого добиться без серьёзных финансовых и материальных вливаний с Запада. Ввод же иностранных войск и активное их участие во внутреннем конфликте, даже если бы это было возможно, мог оказать прямо противоположное воздействие на ход событий, придав большевикам ореол спасителей отечества.

Особую роль в формировании правительственной политики играло Управление иностранных сношений. Невысоко ставя авторитет и деловые качества С.Д. Сазонова, которого уже успел уволить Деникин, а тем более всю Российскую делегацию во главе с князем Г.Е. Львовым, Врангель поначалу намеревался назначить начальником Управления иностранных сношений А.А. Нератова – опытного и известного Европе дипломата, при этом тесно связанного с ВСЮР. Но тот, потеряв веру в успех и силу антибольшевистского движения, попросил дать ему какое-либо назначение за границей. С другой стороны, как отмечает С.В. Карпенко, на руководство внешней политикой претендовал видный экономист академик П.Б. Струве, проделавший эволюцию от «легального марксиста» к правому либералу и ставший в начале 1920 г. одним из политических советников Врангеля². Главнокомандующий считал, что Струве конечно же должен войти в правительство, но предполагал, и вполне резонно, отдать в его ведение вопросы торговли и промышленности. Однако отказ Нератова навёл его на мысль: для обновлённого внешнеполитического курса нужен не просто известный, а ещё и «свежий» человек, тем более марксистское прошлое Струве наверняка поможет убедить западные державы в демократизме новой

власти и подвинуть их на оказание ей столь необходимой помощи. В итоге Струве был назначен начальником Управления внешних сношений, а Нератов – посланником в Турции. При этом Врангель счёл нужным лично объяснить Нератову, почему отправляет его не далее Константинополя: если Струве «окажется не на высоте положения», он сможет быстро заменить его «таким опытным профессиональным дипломатом»³.

Именно Струве во многом будет определять внешнеполитический курс Южнорусского правительства. Известный учёный, политик, обладавший авторитетом в Европе, в качестве советника был чрезвычайно полезен Врангелю. Кроме того, Струве в недалёком прошлом являлся разработчиком теоретических основ внешнеполитической доктрины кадетов. Именно с подачи Струве кадеты, оставшиеся в России, были привлечены к работе на дипломатическом поприще: Ф.И. Родичев получил предложение быть представителем Врангеля в Польше, Д.Д. Гримм – в Финляндии, П.П. Гронский – в Литве⁴.

В период Гражданской войны внешнеполитическая активность Струве была направлена на организацию международной помощи в борьбе с большевизмом, да и внутри самого Белого движения он выступает идеологом наравне с В.В. Шульгиным. Так, ещё в начале октября 1919 г., вернувшись в Ростов-на-Дону, он обращается к политической публицистике и за короткий временной период публикует в газете «Великая Россия» несколько статей, выдержанных в духе национализма и антибольшевизма. Именно в этих статьях Струве будет уделять значительное внимание противостоянию сверхдержав (в данном случае России и Германии) как фактору национально-государственной деструкции России. Так, среди причин революционной катастрофы он выделял целенаправленную подрывную деятельность Германии, выразившуюся в поддержке левозаэкстремистских сил в России⁵. Это можно считать основой внешнеполитической концепции не только самого Струве, но и всей Южнорусской власти.

Струве стремился укоренить в общественном мнении стран Антанты мысль о неорганичности большевизма в России и, следовательно, реальной возможности насаждённое извне – извне выкорчевать⁶. Но под давлением левых сил внутри своих стран и из скрытых антироссийских побуждений западные лидеры в начале 1920 г. уже склонялись к признанию большевиков как реальной политической силы. По мнению Струве, за этим скрывалось не столько признание большевизма, сколько стремление навсегда устранить Россию как сверхдержаву с мировой арены.

Начиная с 1920 г. в политических взглядах Струве появляются явно выраженные монархические мотивы, которые он генетически выводит из своих националистических взглядов. По его мнению, России нужна сильная власть, опирающаяся кроме собственно государственной силы на национальные политические и религиозные традиции. Именно в этой связи у него нарастают скептические настроения по поводу перспектив русской демократии.

«Исконная враждебность западных демократических элементов против «царизма» очень легко и быстро, с крушением и разрушением Российского государства перенеслась на Россию как Великую державу. Эти круги рассуждали так: падение России есть падение «царизма», и принимали этот факт за положительный. Мы, русские, многие, по крайней мере, рассуждали прямо обратное... Многие стали монархистами из русского патриотизма»⁷, – вспоминал позже П.Б. Струве. На первый взгляд, личные взгляды человека на внутреннее устройство государства, его Родины, в конечном счёте, совершенно не могут соприкасаться с реалиями внешнеполитической обстановки. Но когда дело касается взглядов и позиции начальника Управления внешних сношений, то эти высказывания приобретают совершенно иное значение. Струве выражал не

только сугубо личное мнение, он выражал позицию официальной южнорусской власти, позицию, от принятия или непринятия которой будет зависеть успех либо провал дипломатической миссии на высшем международном уровне. И именно осознание его взглядов и воззрений поможет нам понять причины побед и провалов на международной политической арене.

Так, благодаря усилиям Струве, Управление иностранных сношений имело разветвлённую систему дипломатических миссий и представительств в европейских государствах и в странах Америки. Возглавляли эти миссии люди, прекрасно разбиравшиеся не только в мировой политике, но и во внутренних коллизиях крымской политической жизни. Так, А.С. Лукомский стал главным военно-морским представителем ВСЮР в Константинополе, А.А. Нератов возглавил дипломатическую миссию в Константинополе и одновременно координировал деятельность дипломатических представительств в Греции, Сербии, Болгарии и Румынии, В.А. Маклаков оставался российским послом во Франции, а Б.А. Бахметев в США. Во многом именно послы в Париже и Вашингтоне волею судеб стали ключевыми фигурами в дипломатическом, финансовом и материальном обеспечении южнорусского антибольшевистского движения; им приходилось отстаивать национальные интересы России в условиях послевоенного устройства мира, когда сила и чувство мести нередко преобладали над справедливостью и здравым смыслом⁸. При всем том послы не могли опереться на какое-либо законное российское правительство; ни одно из антибольшевистских правительств (на момент начала обороны Крыма) не оказалось достаточно сильным и долговечным, чтобы удостоиться официального международного признания. Что же касается московского правительства, то послы, напротив, прилагали все усилия, чтобы не допустить даже переговоров с ним.

¹ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919 — 1951. В 3-х тт. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. М., 2001. С. 197—198.

² Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917 — 1920 гг.) М., 2006. С. 321.

³ Там же.

⁴ См.: Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. М., 1999. Т. 4. С. 27.

⁵ Струве П.Б. Размышления о русской революции. София, 1921. С.4—5.

⁶ Там же. С.4—10.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ «Совершенно лично и доверительно!»... С. 16 — 17.

Шандра А.В.

Арзамасский государственный педагогический институт

СОБЫТИЯ АПРЕЛЯ 1920 Г. В ПАЛЕСТИНЕ И ПОЛИТИКА БРИТАНСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

В зарубежной историографии, равно как и в работах отечественных исследователей, посвященных политике Британии в Палестине, упускается или очень слабо освещается такой важный момент, как события апреля 1920 г., серьёзно воздействовавшие на процесс консолидации в стране еврейской и арабской частей населения, увеличившие комплекс политических и религиозных противоречий между ними, а также указывавшие на проблемы эффективности работы британских органов управления Палестиной.

Определяющими факторами в эскалации напряжённости на территории Палестины в 1920 г. становятся: во-первых, исполнение принципов, заложенных в декларации Бальфура; во-вторых, рост политического самосознания ара-

бов; в-третьих, общая нестабильность в регионе. Провозгласив курс на поддержку декларации министра иностранных дел Британии А. Бальфура от 2 ноября 1917 г., британское правительство создало прецедент к росту беспокойства арабов. Опасения были не беспочвенны, поскольку резкое увеличение числа еврейского населения за счёт иммигрантов неизбежно привело к борьбе за земельные угодья в полуфеодальной по способу производства Палестине¹. В многочисленных телеграммах, направляемых в МИД Британии сотрудниками Оккупационной администрации, отмечалось, что арабы Палестины настроены против сионизации страны².

Несмотря на это, британские лидеры открыто заявляли о наличии у Лондона «специального интереса» в Палестине, одним из компонентов которого было образование еврейского национального очага. Однако в этих же высказываниях зачастую появлялись фразы о признании права на самоопределение арабских народов, что, в свою очередь, приводило к появлению арабских требований отказаться от реализации принципов декларации Бальфура и включить Палестину в состав так называемой Арабской конфедерации. Рост антисионистских настроений в арабской части населения Палестины во многом обуславливался практикой колониционных мероприятий сионистов. Происходила повсеместная скупка арабских земель и изгнания с них феллахов еврейскими колонизаторами³. Таким образом, опасения арабских политических лидеров подтверждались.

Политическая активность арабов наиболее чётко выразилась в выдвижении на передний план борьбы представителя династии Хашимитов эмира Фейсала. Действия Фейсала в предшествующие апрельским событиям годы были противоречивы, направлялись главным образом на сохранение собственной власти в арабских частях бывшей Османской империи и напрямую влияли на дестабилизацию ситуации в ближневосточном регионе⁴. Фейсал пользовался высоким авторитетом среди арабов. Во-первых, эмир руководил освободительной борьбой против Турции с 1916 г., а, во-вторых, являлся сторонником предоставления суверенитета бывшим вилайетам Османской империи.

Первым шагом эмира Фейсала на пути упрочнения своей власти стало подписание 3 января 1919 г. соглашения с Х. Вейцманом, которое подтвердило права евреев на заселение Палестины и образование здесь собственного государства. Кроме того, Фейсал признал исторические права евреев на организацию национального очага. 29 января эмир зачитал перед союзниками в Париже меморандум, где указал на стремления придать территории южнее линии Александретта-Джарбакир независимость⁵. Этим не преминул воспользоваться В. Вильсон, предложивший и в итоге отстоявший идею отправки на Ближний Восток специальной комиссии. С 16 июня по 20 августа 1919 г. в Палестине работала комиссия под руководством американцев Кинга и Крейна⁶. Итоговый доклад комиссии спродюсировал новый подъём антисионистских настроений.

В этот период эмир Фейсал оказывал непосредственное влияние на консолидацию арабских политических сил и удерживал относительный баланс между умеренным и радикальным их крылом. Для Лондона и Парижа осенью 1919 г. возникла серьёзная опасность объявления на Ближнем Востоке джихада, тем более что арабские лидеры подкрепили ультимативные формулировки действиями⁷. Зимой 1920 г. на границе Палестины и Сирии арабы приступили к ликвидации еврейских поселений и начали борьбу с французскими воинскими контингентами⁸. Таким образом, политические амбиции Фейсала возрастали прямо пропорционально усилению позиций британской и французской оккупационных администраций, эволюционируя от стратегии сотрудничества и соглашательства со ставшим традиционным союзником Лондоном до протеста против дейст-

вий британских и французских органов управления вплоть до требования предоставления независимости арабским народам.

Следует отметить, что устанавливаемые союзниками по Антанте границы арабских государств были искусственны. Арабское общественное сознание не могло воспринять новообразованные территории как отдельные государства (для них введён термин «кутр» страна, земля, область)⁹. Вполне логично, что формула «аль-умма аль-исламийя» - единства арабских наций, которая коррелировала с кораническим понятием мусульманской общины - обуславливала общность прагматических целей сторонников эмира Фейсала и короля Хусейна.

Не менее значимым фактором следует считать общую нестабильность в ближневосточном регионе. На севере от Палестины продолжалась греко-турецкая война. Южнее Палестины, в Египте, активизировалось национально-освободительное движение¹⁰. Дестабилизация в Палестине в апреле 1920 г. была связана и с противоречиями внутри британской Оккупационной администрации. 5 апреля 1920 г. в Иерусалиме палестинские арабы учинили беспорядки, а 8 апреля в Иерусалиме было объявлено чрезвычайное положение и в город введены британские войска. Арабские религиозные и политические лидеры не замедлили дать свою оценку событиям апреля 1920 г. Примечательно, что в данных сообщениях лидеры выражали благодарность Оккупационной администрации, которая лояльно отнеслась к арабским выступлениям¹¹.

2 мая 1920 г. своё недовольство в специальном письме министру иностранных дел Дж. Керзону выразили сионисты. Исполнительный комитет ВСО возложил всю ответственность за погромы даже не столько на арабов, сколько на Оккупационную администрацию, которая, несмотря на явные провокации со стороны арабов и очевидность подготовки беспорядков, не предприняла достаточных мер к их устранению и, более того, поддерживала арабские погромы¹². В Лондоне члены Сионистской федерации Британии направили запрос в палату общин, требуя смягчить наказания членам «Хаганы» и защитить евреев от возможных в дальнейшем нападений арабов¹³.

Британское правительство пошло навстречу сионистам. Члены отрядов еврейской самообороны вместо внушительных сроков (от 10 до 15 лет), получили по году лишения свободы¹⁴. Однако столь незначительные, как может показаться, уступки сионистам, имели серьёзные последствия: в результате беспорядков возник прецедент, дававший возможность легализовать отряды самообороны. Сионистские лидеры указали британским покровителям не столько на конкретный факт антиеврейских выступлений, сколько на существование масштабной «арабской угрозы».

Переходя к подведению итогов событий апреля 1920 г. в Палестине, следует заметить, что здесь политическая элита Британии руководствовалась преимущественно обязательствами, закреплёнными в декларации Бальфура. Впервые, беспорядки ускорили замену Оккупационной администрации гражданской. Характерной чертой большинства решений гражданской администрации являлось закрепление за евреями особого права на создание и развитие национального очага. Арабы же попросту были поставлены перед фактом, что Палестина – отдельное государство, в котором совместно проживают арабы и евреи под протекторатом Лондона. Во-вторых, гражданская администрация наметила курс на создание совместных арабо-еврейских органов самоуправления, а это лишь расширяло политические противоречия в последующие годы.

Британские органы управления за два столетия контроля над колониальными владениями впервые сталкивались с такого рода противоречиями, поэтому устранили проблему традиционными методами. Данные методы представляли собой совокупность юридических, военных и политических мер, которые в

рассматриваемом случае не имели особой эффективности. Главный итог событий состоит в начале необратимых для политической жизни Палестины процессов конфронтации между арабской и еврейской частями населения. Для благоприятного разрешения сложной ситуации не существовало никаких серьёзных предпосылок. Беспорядки, устроенные арабами, являлись естественной реакцией на начало реализации политических принципов декларации Бальфура и действия сионистов, при явной несогласованности действий Оккупационной администрации с британским МИД и Министерством по делам колоний.

¹ Tibawi A. Anglo-Arab relations and the question of Palestine. L., 1977. P. 97

² Подробнее см.: Ingrams, D. Seeds of conflict. L., 1972. Palestine papers 1917-1922. L., 1972. P. 45; Documents on British foreign policy. 1919-1939. Ser. 1. Vol. 13. Doc. 231. P. 237. L., 1963. (далее DBFP)

³ Носенко В.И. Деятельность сионистов в Палестине и арабское национально-освободительное движение в период между двумя мировыми войнами // Международный сионизм: теория и практика. М., 1977. С. 46

⁴ Glubb J.B. Britain and Arabs. A study of Fifty Years, 1908 – 1958. L., 1967. P. 57.

⁵ Документальная история арабо-израильского конфликта. Горький, 1991. Док. 8. С. 29-31.

⁶ Foreign Relations of the U.S.: The Paris Peace Conference. Vol. XII. Washington, 1947. P. 794.

⁷ Meinertzhagen, R. Middle East diary 1917 – 1956. L., 1959. P. 47

⁸ DBFP. Ser. 1. Vol. 13. Doc. 207. P. 199-203

⁹ Кудряшова И.В. Глобализация и государство на Арабском Востоке // Политическая наука. №4. 2005. С. 96

¹⁰ DBFP. Ser. 1. Vol. 13. Doc. 23. P. 26.

¹¹ Подробнее см.: Meinertzhagen R. Op. cit. P. 77.

¹² Cohen M.J. The origins and evolution of the arab-zionist conflict. California, 1987. P. 112.

¹³ Рафес М. Палестинский погром и палестинская идея. М., 1920. С. 8

¹⁴ Алон Иг. Хагана // Арабо-Израильские войны. М., 2004. С. 23–34.

Тарасов В.В.

Волгоградский государственный педагогический университет

РАЗВИТИЕ ПРОФСОЮЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ОГОРОДНИЧЕСТВА КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ В ГОДЫ ВОВ (НА ПРИМЕРЕ Г.СТАЛИНГРАДА)

Сразу после завершения Сталинградского сражения началось возвращение горожан и приток рабочих из других регионов для восстановления города. В этой ситуации необходимо было срочно наладить снабжение города продовольствием. Продовольствия, которое поступало в Сталинград, катастрофически не хватало, в условиях ведения СССР военных действий рассчитывать на увеличение снабжения не приходилось, учитывая все это, необходимо было максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы.

В 1943 г. среди рабочих и служащих города началось активное развитие огородничества. Это движение на местах возглавили первичные профсоюзные организации, которые организовали активную информационную кампанию по популяризации огородничества. Такие средства массовой информации, как общесоюзная газета «Труд», областная газета «Сталинградская правда» создали специальные рубрики: «Советы агронома», «Сами выращивайте рассаду», в которых ученые разъясняли различные аспекты ведения выращивания рассады, обработки земли, удобрения почвы и т.д.

На предприятиях города профсоюзные органы регулярно проводили собрания трудовых коллективов, на которых раскрывалась политическая и хозяйственная значимость развития индивидуального и коллективного огородничества. Особо подчеркивалось, что это «новый, значительный вклад в дело скорейшего и окончательного разгрома врага»¹. Одновременно с этим на местах

при профсоюзных организациях стали создаваться огородные комиссии, которые возглавляли члены заводских комитетов. В их сферу деятельности входило проведение подготовительных мероприятий, связанных с изготовлением необходимого инвентаря, учетом всех желающих иметь огороды, заготовкой семян. Кроме того, еще до создания огородных комиссий первичные профсоюзные организации заключили договора на отвод земли.

В результате этой подготовительной работы, проделанной профсоюзными организациями совместно с райисполкомами, количество огородников в 1943 г. в Сталинграде составило около 15 000 человек, которые в среднем сняли со своих участков по 470 килограммов продуктов питания². На своих участках рабочие выращивали картофель, капусту, помидоры, лук, огурцы, свеклу.

19 февраля 1944 г. Совнарком СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 г.». В нем была поставлена задача по увеличению посевных площадей под огороды не менее чем на 20%, повысив при этом их урожайность. И самое главное – отведенные участки закреплялись за предприятиями и учреждениями на 5-7 лет.

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР исполком Сталинградского облсовета принял решение выделить предприятиям и учреждениям на 5-7 лет под индивидуальные и коллективные огороды «свободные земли городов, рабочих поселков и государственного земельного фонда», а также «свободные земли близлежащих совхозов, в полосах отчуждения железных и шоссейных дорог, в зоне «зеленого кольца», по договоренности с дирекцией Лесо-мелиоративной МТС», «неиспользуемые земли в колхозах, по договоренности с последними». Предусматривалась возможность передачи под огороды территории подсобных хозяйств предприятий и учреждений, отведенных им в 1942-1943 гг. в городской черте и вблизи города. Однако это было возможно лишь в случае отсутствия на земле капитальных построек и продуктивного животноводства. При этом взамен подсобным хозяйствам предоставлялась земля в другом месте³. Таким образом, появилась возможность обеспечения огородами всех желающих рабочих и служащих. Теперь администрации предприятий и учреждений запрещалось производить в течение указанного срока перераспределение между рабочими и служащими тех участков, которые были выделены им под индивидуальные огороды.

В связи с увеличением на 20% посевных площадей под огороды в решении облисполкома особо была подчеркнута необходимость оказания «содействия профсоюзным организациям в еще большем привлечении рабочих и служащих, а также семей фронтовиков к участию в обработке индивидуальных и коллективных огородов»⁴.

При распределении участков особое внимание уделялось семьям военнослужащих и инвалидам войны. Им предоставлялись лучшие огороды, расположенные ближе к населенным пунктам. Их также в первую очередь старались обеспечить семенами и инвентарем. Причем, что особенно важно, даже в столь сложных условиях не происходило деление на «своих» и «чужих». Заводские комитеты помогали и тем, кто работал на их заводе, и тем семьям, члены которых не имели никакого отношения к данному предприятию. Так, на заводе «Красный Октябрь» в 1944 г. было учтено 2700 семей, желающих иметь огороды, и 1700 – бахчи, кроме того, 100 семей военнослужащих и 200 семей инвалидов войны, члены которых на заводе никогда не работали⁵. Подобную же политику проводили и другие профсоюзные организации Сталинграда.

Закрепление огородов на 5-7 лет стимулировало повышение уровня агротехнической обработки этой земли, так как теперь рабочие были заинтересо-

ваны в поддержании плодородия почвы для получения высоких урожаев. В связи с этим агрономы и профсоюзные организации тщательно разъясняли пользу и способы использования различных удобрений.

Развитие огородов профсоюзные организации не могли не использовать и для укрепления дисциплины на предприятиях и учреждениях. Так, при увольнении работника (кроме увольнения по инвалидности, в связи с призывом в Красную армию или переводом на другую работу) он лишался не только огорода, но и права снятия урожая с него⁶. Это должно было дисциплинировать рабочих и снизить количество прогулов и дезертирства.

В 1944 г. Президиум ВЦСПС принял постановление о работе профессиональных организаций по развитию индивидуального животноводства и птицеводства среди рабочих и служащих. В нем обращалось особое внимание на важность данного направления в деле обеспечения трудящихся продовольствием. В соответствии с постановлением, фабрично-заводские и местные комитеты профсоюзов должны были договориться с инкубаторно-птицеводческими станциями о продаже рабочим и служащим цыплят, а также добиться отвода под пастбища сенокосных участков. Эти земли закреплялись за трудящимися на 5 лет, и перераспределение их на всем протяжении этого периода не допускалось. Огородные комиссии переименовывались в комиссии по огородничеству и животноводству, и им поручалось производить распределение скота и птицы, выделяемых для продажи населению⁷. Привлечение профсоюзных организаций к развитию животноводства среди рабочих и служащих позволило увеличить за два года – с 1 января 1944 г. по 1 января 1946 г. – поголовье скота в Сталинграде почти в три раза. Так, в 1944 г. в городе было 983 коровы, 142 свиньи и 985 овец и коз. А в 1946 г. в Сталинграде имелось 3326 коров, 482 свиней и 5158 овец⁸.

В 1945 г. в целях стимулирования повышения урожайности огородов ВЦСПС установил следующие премии: «для ЦК профсоюзов – переходящее красное знамя и 2 грамоты ВЦСПС; для фабрично-заводских комитетов и огородных комиссий – 500 граммов и 50 денежных премий (20 премий по 10 тысяч рублей и 30 – по 5 тысяч рублей)». Выявление победителей осуществлялось комитетом содействия индивидуальному и коллективному огородничеству при ВЦСПС. При этом 60-70% денежной премии шло на приобретение удобрений или инвентаря, и лишь 30-40% – на премирование членов ФЗМК и огородных комиссий⁹. Необходимо подчеркнуть и важную роль профсоюзных организаций в обеспечении огородников семенным материалом. Семена овощных культур районным и межрайонным конторам «Сортсемеовощ» отпускались именно по заявкам профсоюзных организаций. В 1945 г. уже 83 400 сталинградских рабочих и служащих ухаживали за своими огородами, которые составляли 4287 га¹⁰.

Однако профсоюзные организации искали и другие пути снабжения своих рабочих продуктами питания. В 1943 г., когда железнодорожники поняли, что ждать овощей от ОРСов не приходится, местный комитет станции Сталинград-1 собрал деньги и послал вагон за картофелем. В дальнейшем этот почин был поддержан Дорпрофсоюзом, который оказал организационную помощь по выделению вагонов. В результате из других регионов было доставлено 2500 тонн картофеля, что в среднем составило 100 кг на одного работающего¹¹. Оргбюро профсоюза за связи в 1943-1944 гг. за счет фондов самозаготовок обеспечило работников овощами и фруктами по конвенционным ценам, поддержав 650 чел.¹²

Таким образом, необходимо отметить, что профсоюзные организации страны внесли значительный вклад в решение продовольственной проблемы. В условиях ведения нашей страной военных действий они развернули широкое движение огородников, улучшив тем самым положение рабочих и служащих и

не позволив наступить голоду.

¹ Сталинградская правда. 26 апреля 1944 г. Л. 1.

² Там же.

³ Сталинградская правда. 18 марта 1944 г. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ ЦДНВО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 47. Л. 30.

⁶ Труд. 12 апреля 1945 г. Л. 3.

⁷ Труд. 14 декабря 1945 г. Л. 1.

⁸ ЦДНВО. Ф. 71. Оп. 6. Д. 8. Л. 144.

⁹ Труд. 21 июня 1945 г. Л. 3.

¹⁰ ЦДНВО. Ф. 71. Оп. 6. Д. 8. Л. 187.

¹¹ ЦДНВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 167. Л. 112.

¹² ЦДНВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 146. Л. 6.

Некрылова О.Г.

Елецкий государственный университет

СТАНОВЛЕНИЕ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Одним из важнейших вопросов германской истории является степень влияния союзников на политику ФРГ в послевоенные годы. Теперь, когда стала доступна союзническая документация, необходимо более детально проанализировать влияние западных союзников на становление послевоенной немецкой партийно-политической системы¹.

Сравнивая партийно-политическую систему Веймарской республики с партийно-политической системой ФРГ после окончания Второй мировой войны, необходимо отметить, что последняя претерпела существенные изменения. Для Веймара были характерны неспособность демократических партий к образованию дееспособных стабильных правительств, рыхлая политическая культура «пикирующей республики», образование многочисленных партий по догматическим идеологиям, их замыкание на представительстве узко ограниченных социальных интересов, разномастная партийная система и эгоизм парламентских партий, которые больше думали о процентах своих избирателей, чем о прочности политической системы, которые в конечном счете привели к падению Веймарской республики и к тому, что в 1932 г. обе откровенно системофобные, но разнополюсные партии – НСДАП и КПГ – выиграли выборы в рейхстаг и получили абсолютное большинство мандатов. Однако опыт предвоенной политической истории Германии не везде был использован в первые послевоенные годы.

Наряду с этим в послевоенное время отчетливо проявилась и другая тенденция. Она заключалась в сплочении всех граждан на основе христианских представлений об общечеловеческих ценностях в большой демократической партии, которая нравилась бы всем слоям общества. Преследование христиан и приверженцев демократических партий в 1933-1945 гг. и общее стремление не допустить возрождение подобной системы насилия привели к решительной готовности немцев совместно взять на себя политическую ответственность при демократическом восстановлении Германии.

Разнородность общества ФРГ не проявляется в раздробленности партий, как это было в Веймарской республике. Напротив, в западногерманской партийной системе вплоть до 60-х гг. происходил процесс концентрации, которую некоторые наблюдатели называют «двухсполовинной» партийной системой,

состоящей из двух крупных партий – блока ХДС/ХСС и СДПГ – а также одной либеральной партии – Свободной демократической партии (СвДП). Как правило, этим крупным политическим объединениям не хватало сил, чтобы в одиночку образовать правительство. Им приходилось вступать в коалицию с малой партией, значение которой за счет этого заметно возрастало.

Специфические условия Западной Германии, главным из которых было отношение оккупационных держав к проблеме послевоенного устройства страны, создали обширную базу для деятельности партий в политической системе Германии. Американская политика длительного времени привлекала внимание историков, обвинявших американские военные власти в том, что «они ввели свое военное правление вместо того, чтобы сформировать действительно демократическое немецкое общество»². С этим обвинением едва ли можно согласиться, так как в сложившихся исторических условиях лишь оккупационный режим был способен наладить экономическую и общественную жизнь в побежденной и разрушенной морально и политически стране. Вместе с тем следует признать весьма догматическим и пропагандистским тезис советской историографии о том, что «на фоне бурного антифашистского обновления в советской зоне особенно контрастно вырисовывался антидемократический характер и искусственно замедленный темп развития общественно-политической жизни в Западной и Южной Германии»³.

Конечно, Соединенные Штаты не допустили бы деятельность партий, нсящих открыто правый характер. Ведущие политические партии Веймарской республики СДПГ и КПГ (центристы и либеральные партии были восстановлены позднее, потому что включали прежние партийные осколки, типа национального Staatspartei, или более регионального Wirtschaftspartei Christlicher Volksdienst, Bayerische Mittelstandspartei) были фактически восстановлены сразу же в послевоенный период, несмотря на существующий запрет в американской зоне. Иерархия власти среди членов партии была также немедленно восстановлена. Быстрое восстановление партий Веймарской республики препятствовало формированию новых политических объединений, так как им формально разрешили создаваться лишь в конце августа 1945 г. Поскольку никакие новые партии не имели своего представительства в консультативных муниципалитетах, они не имели возможности для формального входа в систему местного самоуправления. Шепард Бертмен, руководитель Информационного отдела управления Германией, писал: «Недостаток соревнования из-за отсутствия новых источников вначале позволил старым партиям удобно погрузиться назад в свои старые структуры, идеологии и традиционную конкуренцию. Это предотвратило реальную возможность обновления убивая партии внутренне в терминах, переоценке идей, методов и структур, в которых, партии нуждались после их упадка и развала в течении существования Третьего Рейха»⁴. Таким образом, преднамеренно или нет, местная партийная элита - ХДС/ХСС, КПГ, СДПГ - стали преемниками партий Веймарской республики в союзе с американским военным правительством, тем самым ограничивая появление демократической базы и подавляя возможность успеха новых политических партий. Американская концепция возрождения демократии в Германии делала ставку на перевоспитание населения, прежде всего молодежи, а также скорейшее проведение выборов по принципу «снизу вверх». Таким образом, справедливым представляется уточнение К. Зонтхаймера о том, что «оккупационные власти, поначалу назначив казавшихся им заслуживающими доверия немцев на определенные должности, приступили шаг за шагом к проведению демократических выборов, чтобы заменить назначенных ими лиц избранными представителями»⁵.

Возрождение СДПГ - крупнейшей германской партии до взлета НСДАП и

ядра Веймарской коалиции – в идеологическом плане отталкивалось от анализа ошибок прошлого. Программа, излагавшаяся лидером послевоенной социал-демократии в Западной Германии К. Шумахером в 1945 г., отличалась заметным радикализмом: он требовал «немедленного введения социализма в экономике и демократии в политике, скорейшей передачи власти немецким органам, выступал против новых границ Германии, определенных на Потсдамской конференции»⁶. Остальные партии формировались гораздо медленнее, т.к. не имели организационной преемственности с веймарским периодом. Ядро христианско-демократического союза (ХДС) образовали политики, разделявшие настроения «нового начала», но видевшие его в утверждении парламентской демократии и прав человека исходя из религиозной этики. Якоб Кайзер писал: «место рождения и час рождения ХДС можно увидеть уже в кругах Сопротивления... Для них возвращение к христианским представлениям о ценностях и основах было самой лучшей гарантией для строительства действительно гуманного, демократического и социально-правового государства»⁷.

Христианские представления о ценностях, идеалах немецкого гуманизма, представления об основах католического социального учения и евангелистской социальной этике с возвышением человеческого достоинства и личности человека в рамках социально справедливого общества казались им самым прочным фундаментом для нового политического начала. Это соединение «христианских и демократических представлений о ценностях соответствовало широко распространенной потребности тогдашнего времени в этической и моральной основе политики»⁸.

Что касается действия на территории Западной Германии коммунистической партии, то после создания СЕПГ, сопровождавшееся расколом германского социал-демократического движения, привело к обособлению и западногерманского коммунистического движения. Западные оккупационные власти запретили создание единых коммунистических и социал-демократических организаций под эгидой Социалистической единой партии Германии.

Изучая различные немецкие политические партии как независимые силы, а не как объекты и средства реализации различных целей определенной союзнической политики, можно понять, почему партии принимали именно такие платформы, какие проблемы объединяли их членов, как выигрывалось и терялось лидерство. Однако неясным остается вопрос, почему западные союзники запрещали одни и ограничивали другие партии. Хотя в течение первого послевоенного года партийные системы, формировавшиеся в советской и западной зонах оккупации, внешне ничем не отличались друг от друга, однако, постепенно на них все более остро стало сказываться влияние «Холодной войны».

Таким образом, сумев избежать политических крайностей, немцы при непосредственном участии оккупационных властей, имевших вышеназванные политические пристрастия, не выходявшие, впрочем, за рамки традиционных западных демократических ценностей, создали стабильную партийно-политическую систему, успешно существующую до настоящего времени.

¹ Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М., 2001; Зонхтаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. М., 1996.

² Мушкудианни Н.Г. Создание организаций ХДС в Западной Германии в 1945 г. //Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1985. С. 43.

³ Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. 2. С. 336

⁴ The founding of the Federal Republic of Germany – An assessment of role of the USA 1945-1949 and beyond // Ztschr. Fur Kulturaustausch. Stuttgart, 1987. Jg. 37. № 2. S. 240.

⁵ Курт Зонхтаймер. Указ. соч. С. 25.

⁶ См. краткая история СДПГ. 1848-2002. М., 2003. С. 195-196.

⁷ Die Geschichte der CDU. Programm und Politik der Christlich Demokratischen Union Deutschlands seit 1945. Bonn, 1980. S. 8.

⁸ См. Христианский социализм Амплеева А. А. Христианско-демократическое движение в Западной Европе и в России. М., 2002.

*Попов И.Д.
Санкт-Петербургский государственный университет*

РЕГИОНАЛИЗМ И ФЕДЕРАЛИЗМ В ПОЛИТИКЕ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА НА ЭТАПЕ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ (1945-1949)

Крушение «тысячелетнего рейха», и как следствие, разделение страны на оккупационные зоны, вновь способствовали возрождению региональной идентичности в германских землях. Это заставляло формирующееся немецкое руководство выстраивать новую систему отношений с регионами. Бавария являлась тем регионом, в котором традиционно были сильны антипруссские установки и где конфессионально преобладала католическая церковь, зачастую конфронтационная централизованному государству и государственной власти вообще. Не последнюю роль играли и государственные традиции Баварии¹.

В этой связи требовалось создание такой партии, которая бы, апеллируя к традиционным ценностям, отстаивала определённую региональную самостоятельность. Вместе с тем идея воссоздания Баварской Народной Партии (БНП) времён Веймарской республики в силу узости её социальной базы и неоднократных обвинений в пособничестве Гитлеру не находила широкой поддержки даже среди её бывших членов. В этой связи в различных местах Баварии появлялись местные организации новой межконфессиональной христианской партии, заявлявшей о своём надклассовом характере. Среди таких организаций можно выделить «Христианско-социальный союз» в Мюнхене и Вюрцбурге, «Христианско-социальное единение в Баварии» в Регенсбурге, «Христианско-демократическую партию» в Роттенбурге, «Баварский Народный Союз» в Дахау, «Баварскую народную партию» в Штраубинге, «Христианско-социальную народную партию» в Родинге, «Христианский союз» в Аугсбурге и т.д.² Развитие снизу, т.е. начиная с местных отделений, отразилось в дальнейшем на идеологической неоднородности будущего ХСС.

Разнородность наблюдалась и по вопросу региональной идентичности партии и её отношений с общегерманским руководством. Так, например, в программе влиятельного вюрцбургского отделения во главе с Адамом Штегервальдом ни слова не говорится ни о Баварии и баварской направленности, ни о форме государственного устройства. Вместе с тем, здесь неоднократно встречаются такие словосочетания, как «немецкий народ и немецкая молодёжь», «по всей Германии», «мы желаем...возродить Германию»³. Очевидно, это было обусловлено, во-первых, спецификой Нижней Франконии, а, во-вторых, личными контактами А. Штегервальда с влиятельными представителями христианских демократов. Однако в других местных отделениях формировавшегося ХСС подобная позиция не находила одобрения. Возрождение баварской государственности и определённой самостоятельности Баварии ставились во главу угла программных установок. Вместе с тем практически нигде не прослеживалось наличие сепаратистских установок, и Бавария мыслилась только как часть будущего немецкого государства, но, разумеется, на федеративной основе. Например, в программе «Партии христианско-социального единения» Регенс-

бурга от 15 ноября 1945 г. отмечалось: «Баварское государство, чьё собственное государственное величие несправедливостью и национал-социалистическим господством было уничтожено, необходимо восстановить». И тут же говорится следующее: «Это баварское государство должно быть членом будущего немецкого федеративного государства»⁴.

Инициативу сплочения различных местных организаций взял на себя ХСС Мюнхена во главе с Йозефом Мюллером и Карлом Шарнаглем. 8 января 1946 г. состоялось заседание, на котором произошло слияние всех партийных организаций ХСС в Баварии. Окончательное оформление партии завершилось в марте 1946 г., где председателем земельной организации ХСС был избран Й. Мюллер⁵. Новообразованная партия имела достаточно широкую поддержку на выборах 1946 г. На коммунальных выборах в январе ХСС набрал 44,7% голосов, а в городские и сельские округа в апреле/мае – 60,1%⁶. Не менее впечатляющие результаты партия продемонстрировала при избрании учредительного земельного собрания по выработке конституции земли (58,3%) и ландтага (52,3%).⁷ Не последнее значение в успехе партии имела её баварская идентичность и региональная направленность.

Однако в учредившейся по всей Баварии организации практически сразу образовались два соперничающих между собой партийных крыла. Одно из них сформировалось вокруг первого премьер-министра Баварии Фрица Шеффера и Алоиса Хундхаммера. Они стояли на крепких традициях Баварской народной партии и в соответствии с этим проводили католическо-консервативную и старобаварско-этатистскую линию. Их сторонники проживали на территории баварского юга и юго-востока с чисто католическим, преимущественно сельским и стоявшим на твёрдых позициях баварской государственности населением. Они выступали за более широкую самостоятельность Баварии и регионализм в их идеологии был гораздо сильнее выражен. Другое крыло сформировалось вокруг председателя ХСС Й. Мюллера, чьи идеологические установки можно охарактеризовать как либерально-консервативные и межконфессионально-христианские. Его сторонники были сосредоточены вокруг индустриальных и урбанизированных областей Северной Баварии, чьё население было конфессионально смешанным и как следствие, имевшим представление о Баварии как составной части немецкого государства⁸.

Противоборство этих направлений дало о себе знать при обсуждении конституции Баварии. Партийное крыло вокруг Шеффера и Хундхаммера, требовавшее более широкой самостоятельности Баварии, настаивало на введении должности государственного президента в Баварии, как «хранителя конституции» и «символа наиболее возможной баварской государственности». С этим категорически были не согласны сторонники Мюллера. Дискуссия внутри партии по данному вопросу настолько зашла в тупик, что Мюллер даже вынужден был составить по данному вопросу коалицию с СДПГ. В результате вопрос о введении должности президента Баварии был отклонён 85 голосами против 84, и при повторном рассмотрении – 87 против 81⁹.

Вместе с тем, ни у кого не возникало сомнений о будущем статусе Баварии, который представлялся деятелям ХСС только в форме федерации. По воспоминаниям Ф.-Й. Штрауса, у Шеффера, которого он называет «приверженцем единого рейха», даже не было мысли о превращении Баварии в самостоятельное государство: «Ответ Шеффера...звучал так: «В трудный час отечество не покидают». По этому поводу у Шеффера никаких сомнений не возникало...».¹⁰ Поэтому в «Программе принципов» ХСС от 15 декабря 1946 г., которая являлась основной в партии вплоть до второй половины 50-х гг., была прописана компромиссная позиция, заключавшаяся в требовании «федеративного уст-

ройства Германии на основе союза земель» и «наиболее возможной для каждой земли самостоятельности подчинённых ей органов управления».¹¹

Однако даже такая позиция ХСС не до конца устраивала созданный 1 сентября 1948 г. Парламентский совет по разработке западногерманской конституции. Его представители, в том числе и деятели ХДС, были сторонниками более широких полномочий центра, по отношению к землям, что было зафиксировано в Основном законе ФРГ 1949 г. Один из узловых дискуссионных вопросов касался финансовых полномочий центра и налогового распределения. Баварские представители настаивали на более широких правах земли. Поэтому не случайно из 12 высказавшихся против Основного закона 6 были представителями ХСС.¹² Федералистские стремления ХСС были поддержаны некоторыми лидерами земельных организаций ХДС юго-западной Германии, которые совместно с ХСС образовали форум, названный «Эльвангенским кружком» для борьбы с «прусскими» тенденциями христианских демократов Северной Германии, которые расходились с ними в вопросе о необходимой степени федерализма.¹³ Однако для населения Баварии содержание Основного закона было несущественным. Опрос, проведённый в июле 1949 г., показал, что 25% высказывались за Основной закон, 8% - против, а 66% выразили своё безразличие.¹⁴

Особая позиция ХСС по вопросу отношений земли и центра свела на нет возможность организационного слияния с ХДС. Дальше созданного в 1947 г. для противовеса СДПГ «Рабочего сообщества ХДС/ХСС» объединительный процесс не пошёл. В результате христианские демократы решили провести свой учредительный съезд в Госпаре в 1950 г. без ХСС.

Таким образом, «Христианско-социальный союз в Баварии» с момента своего зарождения имел ярко выраженную региональную направленность. Однако регионализм партии был очень тесно переплетён с её федералистскими установками. Идея федерализма в идеологии ХСС не только не противоречила, но и взаимодополняла его региональный характер, привлекая на свою сторону избирателей, стоявших на твёрдых позициях сохранения баварской государственности. Это и обеспечило Христианско-социальному союзу широкую поддержку со стороны населения Баварии на протяжении всей истории ФРГ.

¹ Стрелец М. В. Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ): идеология и политика. Брест, 2004. С. 111

² Becker W. Gründung und Wurzeln der Christlich-Sozialen Union // Geschichte einer Volkspartei. 50 Jahre CSU – 1945-1995. München, 1995. S.87-88

³ Programm der Christlich-Sozialen Union für Würzburg-Stadt und –Land // Die Kapitulation von 1945 und der Neubeginn in Deutschland: Symposion an der Universität Passau 30.-31.10.1985. Köln, Wien, 1987. S. 288, 291.

⁴ Gründungsprogramm der Partei der chnstlich-sozialen Einigung in Bayern vom 15. November 1945 // Geschichte einer Volkspartei...S. 433

⁵ Programme der politischen Parteien in der Bundesrepublik Deutschland / R.Kunz, H. Maier, T. Stammen. München, 1979. S. 177-178

⁶ Henzler C. Die Christlich-Soziale Union in den ersten Nachkriegsjahren // Geschichte einer Volkspartei...S. 122

⁷ Waigel T. Die moderne chnstliche Volkspartei – Das Politische Werk Josef Müllers: Gedenken des 100. Geburtstag von Dr. Josef Müller // Politische Studien. Jg. 44, H. 360, Juli/August. 1998. S. 17

⁸ Programme der politischen Parteien...S. 179

⁹ Henzler C. Op. cit. S. 126

¹⁰ Штраус Ф. И. Воспоминания. М., 1991. С. 108.

¹¹ Christliche-Soziale Union: Grundsatzprogramm, 1946 // Programme der politischen Parteien...S.

214

¹² Henzler C. Op. cit. S. 153, 155.

¹³ Pridham G. Christian democracy in Western Germany. The CDU/CSU in government a. opposition, 1945-1976. London, 1977. S.32

¹⁴ Henzler C. Op.cit. S. 154

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ТИТОВСКОЙ ЮГОСЛАВИИ

Первым шагом к созданию югославского федеративного государства было образование в ноябре 1942 г. Антифашистского Вече Народного Освобождения Югославии (далее – АВНОЮ), высшего органа политического руководства Народно-освободительной войной. Для нашей темы больше всего будет интересна II и III сессии АВНОЮ, проходившие 29–30 ноября 1943 г. и 7–10 августа 1945 г. соответственно. Важными документами II сессии было постановление «Об образовании Югославии на федеративных началах»¹, и «Решение о лишении... эмигрантского правительства прав законного представительства Югославии»², III сессии – переименование АВНОЮ во Временную Скупщину, которая приняла Закон об Учредительной Скупщине.

29 ноября 1945 г. открылось заседание Учредительной Скупщины, на котором был принят первый конституционный акт – Декларация о провозглашении Федеративной Народной Республики Югославии – официально ликвидировавший монархическую форму правления. Законодательный принцип нового устройства страны был закреплён в конституции, провозглашённой 31 января 1946 г. актом Учредительной Скупщины. По конституции ФНРЮ – «союзное народное государство республиканской формы с объединением равноправных народов». Республика имела свою конституцию, которую принимала самостоятельно, без согласия республик не могли быть изменены границы ФНРЮ, в государстве не признавались привилегии «на основе национального, расового и религиозного различия»³. Все остальные действия в области внутренней и внешней политике были в компетенции федерации⁴.

Народная Скупщина ФНРЮ состоит из двух палат: союзное вече (избираются все граждане) и Вече национальностей (избрание по республикам, краям и автономным областям). Ей свойственны функции, входящие в компетенцию федерации. Законы публикуются на всех языках республик⁵. Скупщина республики обладает функциями, входящими только в ведение республики⁶.

Правительство ФНРЮ – высший исполнительный орган, который подчиняется Народной Скупщине. Министерства, главные составляющие Правительства, подразделяются на общесоюзные (руководят отраслью на всей территории Югославии) и союзно-республиканские (министерства республики)⁷. Правительство республики – также высший исполнительный орган. Но министерства республики могут быть союзно-республиканскими (функции союзно-республиканских министерств ФНРЮ) и республиканскими (руководство определённой отраслью государственного управления, входящей в компетенцию республики)⁸. Главные органы правосудия – Верховный суд ФНРЮ, верховные суды республик и автономных краёв, окружные и районные суды. Прокурора ФНРЮ смещает и назначает Народная Скупщина, прокуроров республик – прокурор ФНРЮ, прокуроров автономных краёв – прокурор республики⁹. Таким образом, за федерацией остаётся компетенция почти во всех сферах жизни общества, а компетенция республики распространяется на её территорию лишь в ограниченных рамках. Внутренне ФНРЮ — это сильное централизованное государство с фактическим господством союзной Скупщины, Правительства и других союзных органов власти¹⁰.

Начиная с 1950-х гг., в конституционной системе страны произошли существенные перемены: в 1953 г. был принят конституционный закон об основах

общественного и политического устройства ФНРЮ и о союзных органах власти, который предусмотрел некоторое уменьшение компетенции федерации и расширение прав республик. В 1960-е гг. начались споры между республиками по некоторым политическим и экономическим вопросам, что привело к созданию проекта новой конституции, составленного в 1962 г.¹¹.

В конституции, принятой 7 апреля 1963 г., были зафиксированы предыдущие поправки, а также осуществлено перераспределение компетенции между федерацией, республиками, автономными краями и местными территориальными единицами. В ней было закреплено новое название страны – Социалистическая Федеративная Республика Югославия¹² – и её первое нововведение – глава «Общественно-политические содружества». Устанавливалось жёсткое разграничение прав между общинами, районами, республиками и федерацией. Республика – «государственное социально-демократическое содружество», за которой остаётся право самостоятельного изменения своих границ и образования автономных краёв¹³.

В компетенцию федерации входят все внешнеполитические вопросы, в области законодательства – принятие союзных законов. Республики могут принимать свои законы, не противоречащие общим законам¹⁴. Изменился состав Союзной Скупщины: теперь она состоит из шести палат¹⁵. Члены, избранные от республиканских и краевых Скупщин, образуют Вече национальностей. Оно может собираться, даже если этого требуют делегаты одной республики. В его права входят предложения об изменении какого-либо союзного закона, если он противоречит равноправию народов или республик¹⁶.

В 1967 г. Союзной Скупщиной была принята серия конституционных поправок. Расширились компетенции Веча национальностей, которое тем самым превратилось в самостоятельную палату Скупщины. Без неё не могло быть теперь принято ни одно решение. В июле 1971 г. была внесена очередная серия поправок в конституцию: большая часть функций федерации в области хозяйства, культуры, здравоохранения и образования перешла в ведение республик и автономных краёв¹⁷. Потребовалось опять создание нового текста.

21 февраля 1974 г. была принята новая Конституция СФРЮ. Главная её суть заключалась в перенесении решений по политическим, социальным и экономическим вопросам на республиканские и краевые органы власти при сохранении за федерацией лишь ограниченных компетенций. Следует обратить внимание, что автономные края Косово и Воеводина получили равные права со всеми республиками. Добавления есть в правах федерации по отношению к республикам. Теперь международные договоры также принимаются с согласия республиканских и краевых органов, и республики и автономные края поддерживают сотрудничество с органами и организациями других государств¹⁸. Конституция не содержит положений о функциях федерации в различных сферах жизни. Это означает, что большинство таких функций передавалось республикам и краям. В области государственного управления предусматривается сотрудничество Союзного Исполнительного Веча с вечами республик и краёв¹⁹.

Республики и края получили широкие полномочия во всех сферах жизни общества. Компетенции федерации распространялись только на решение вопросов, касающихся всех республик одновременно. Однако наделение такими правами республик имело и негативные стороны. Особенно это проявилось в середине 80-х гг., когда органы государственной власти СФРЮ для решения какого-либо вопроса шли на компромисс между органами всех республик. Республики использовали свои широкие права в качестве средства воздействия на союзные органы власти, и каждая республика защищала свои интересы. Это послужило одной из причин дальнейшего распада государства.

- ¹ Романенко С. А. Югославия. История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств. М., 2000. С. 34, 88.
- ² Решение о лишении так называемого эмигрантского правительства прав законного представительства Югославии и запрещение возвращаться в страну королю Петру II Карагеоргиевичу // Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. М., 1956. С. 100 – 102.
- ³ Конституция Федеративной Народной Республики Югославии. Белград, 1947. Ст. 1, 11, 12, 21. С. 35, 38, 42.
- ⁴ Там же. Ст. 44 – 48. С. 47 – 50.
- ⁵ Там же. Ст. 49, 52 – 54, 58 – 63, 65, 72. С. 50 – 53, 55.
- ⁶ Там же. Ст. 90 – 94. С. 62 – 63.
- ⁷ Там же. Ст. 86 – 87. С. 61 – 62.
- ⁸ Там же. Ст. 96 – 98, 100 – 101. С. 63 – 65.
- ⁹ Там же. Ст. 115, 125. С. 68 – 70.
- ¹⁰ Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998. С. 35.
- ¹¹ Проект Конституции Федеративной Социалистической Республики Югославии. Белград, 1962. С. 7 – 11.
- ¹² Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. М., 1966. (Далее. Конституция 1963 г.). Ст. 1. С. 20.
- ¹³ Там же. Ст. 108 – 112. С. 81 – 83.
- ¹⁴ Там же. Ст. 112 – 127. С. 83 – 92.
- ¹⁵ Юрич Д., Пудар С. Государственное и общественное устройство Югославии. Белград, 1960. С. 6 – 17.
- ¹⁶ Конституция 1963 г. Ст. 165 – 166, 190 – 191. С. 113 – 114., 126 – 127.
- ¹⁷ Мачульский Э. И. О конституции Социалистической Федеративной Республики Югославии 1974 г. // Конституции социалистических государств. М., 1987. Т. II. С. 14 – 23.
- ¹⁸ Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. М., 1975. Ст. 271. С. 129.
- ¹⁹ Там же. Ст. 354. С. 166.

*Дьячков Д.С.
Уральский государственный университет*

ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Современные российские реалии определяют высокую степень значимости изучения процессов этнонационализма в многонациональном государстве. Недостаток интереса к этому ранее был обусловлен другой идеологической парадигмой. В официальной политике советских властей национальная проблема считалась несуществующей, национальные идеологии и движения, пытавшиеся поднимать эти вопросы, игнорировались.

В настоящее время усиливается этнический сепаратизм, появляются и становятся более популярными лозунги о национальной исключительности, в частности, со стороны русских. Стало привычным появление новостей о столкновениях или нападениях на этнической основе. Доля людей, поддерживающих лозунг «Россия для русских», в последнее время существенно увеличивается¹.

В Российской империи система управления инородцами включала в себя принцип внутреннего самоуправления в качестве важнейшего элемента. Административные органы, созданные из числа коренных жителей, ведали организацией жизни коренного населения. Местное управление строилось не на территориальном принципе, а на основе этноконфессиональной принадлежности. Специфика территорий и жизни инородцев заставляла наделять их, наряду с одинаковыми для всех, и особыми правами². В правовом отношении методы управления окраинами империи позволяли относительно успешно решать «национальный вопрос», связанный с разнородностью имперских подданных.

В полиэтническом государстве привилегии меньшинствам менее опасны, чем преимущества для этнического большинства, так как они изначально носят компенсационный характер, тогда как предоставление преимуществ большинству лишь усиливает его политическое доминирование. Привилегии этническим меньшинствам являлись одной из причин возникновения и усиления русского этнонационализма.

В развитии российской государственности Российская империя оказалась между двумя тенденциями: этнонационализмом и империализмом. С одной стороны, Российская империя из-за качественного различия в цивилизационном уровне населявших ее народов проводила свою линию опираясь на державный народ. С другой, Россия выступала собирательницей земель и народов под единым началом. Для сохранения единой государственности необходима была имперская система ценностей, которая позволяла соединить единоличную власть монарха, огромную территорию, очень большое по численности и разнородности население. Российская система ценностей в качестве средств усиления имперского ядра использовала православную религию и русский язык. Распространение последних следует оценивать скорее как огосударствление недержавных народов³.

Этнический вопрос внутри империй или многонациональных государств - это вопрос о культурной специфике народов и гармонизации их отношений в межнациональной коммуникации в рамках единой целостности. Нерешенный этнический вопрос в рамках единого государства приводит к сепаратистским идеям. Имперская власть оказалась во власти русских националистических идей. Это привело в итоге к националистической политике, которая заключала в себе антиимперские тенденции и выражалась в игнорировании культурной специфики, в пренебрежительном отношении к особенностям образа жизни недержавных народов и в притеснении инородцев. Причины, обусловившие курс государства на ускоренную интеграцию, которая стала принимать обличие русификации, были следующие: установки на модернизацию государства при помощи унификации административного и общественного устройства; усиление национальных движений, подавлявшиеся посредством русификации; усиление националистических настроений в русской среде и внешнеполитические обстоятельства.

Развитие русского этнонационализма и претворение в жизнь его идей государственной властью вызывало в ответ противодействие со стороны этнических меньшинств, и чем сильнее становилась политика русификации, тем интенсивнее росло противодействие.

Этнонационализм меньшинств для империи - один из решающих дестабилизирующих факторов, возможно, самый решающий. Этнонационализм - стихия, которая не может полностью быть охвачена установками административного аппарата. Развитие русского этнонационализма привело к ослаблению этнополитической стабильности и стало одной из причин ослабления и падения российского государства, так как в основе империи может быть только имперская, но не националистическая идея.

Этнический национализм в России на бытовом уровне со стороны русского народа остро проявился лишь со времени появления парламентаризма, с образованием объединений типа «Союза русского народа». Характерно, что это произошло уже в эпоху упадка империи, когда пришлось возвеличивать русский народ в противовес остальным, что было совсем несвойственно для более раннего времени. Русский национализм появился, как минимум, со второй половины XIX в., но в условиях относительной стабильности империи не получал резкого выхода.

Черносотенцы как наиболее воинствующее движение русского национа-

лизма зародилось на тех территориях Российской империи, где русские как этническая общность составляли меньшинство и проигрывало в приросте местному населению (Молдавия и Украина), впервые там и сформировался лозунг «Россия для русских»⁴. По мере того, как традиционные основы идентичности, подобные сословиям, теряли значение, а легитимность самодержавия отвергалась даже его наиболее консервативными и лояльными слугами, в политике усиливался акцент, с одной стороны, на национальный и этнический, а с другой, на классовый фактор. Наложение социального и национального фактора произошло в феврале 1917 г.

Вопрос национально-государственного устройства до последнего момента игнорировался Временным правительством, о нем не упоминается ни в декларациях, ни даже в постановлении о провозглашении России демократической республикой. Ослабление власти Временного правительства способствовало появлению и усилению национал-радикальных группировок, лидеры которых со временем пришли к требованиям отделения и создания независимых государств. Несмотря на объективность процесса роста сепаратизма, он дополнялся рядом субъективных факторов, в том числе и амбициями радикальных националистов. Все это ослабляло государственные связи и вело к развалу единой государственности.

У большевиков проблема решения национального вопроса никогда не выступала, это была служебная задача. «Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть общего вопроса о диктатуре пролетариата»⁵. Федерализм рассматривался как временная мера, как средство на пути к унитаризму по другому структурообразующему фактору – социалистическому. Государственные образования с принципами федерализма должны пониматься как временная мера, средство борьбы с «пережитками» буржуазного национализма. Федеративные принципы выступают как временная децентрализация, это попытка ограничить административными мерами тот стихийный характер тенденции к федерализму и даже сепаратизму, который начался в полной мере проявляться со времени Временного правительства и усиливался по мере ослабления власти центра над окраинами. Большевики рассчитывали, таким образом, уничтожить стихийные элементы с помощью уступок, а в дальнейшем строго контролировать административным аппаратом все элементы движения национального сознания.

Национальный принцип проявлялся в провозглашенной федеративной структуре, но со значительными исключениями и с очевидными противоречиями. Например, СССР определенно и сознательно воспринимался как неэтническая формула, в то время как более ранние административные единицы (Российская СФСР, Белорусская и Украинская ССР, Закавказская СФР) отражали конфликт между территориальным и этническим пониманием политики.

Ассимиляция национальностей, стирание национальных различий должны были привести к образованию новой исторической общности⁶. С помощью создания государственного образования, заявленного как добровольный союз, то есть федерация, народов, удалось закрепить этнонационализм в рамках власти. Советское государство проводило двойственную этническую политику. С одной стороны, были проведены границы пятнадцати союзных республик по этнотерриториальному принципу: один народ – одна территория – одно государство (союзная республика). С другой стороны, были утверждены принципы интернационализма и исторической общности – советского народа, на основании которых сформировалась советская нация. Советское государство, несмотря на его декларируемую интернациональную природу, начало осуществлять этнизацию политики и внутреннего административного устройства.

За внешней стороной советского федерализма и этнонационального многообразия скрывалась довольно отчетливо прослеживаемая тенденция к унификации и унитаризму, проявлением которой стало внедрение в общественное сознание советской идентичности, стремления к «социалистическому унитаризму». Подобная единая общность выстраивалась на основе социально-классовой идентичности с непременным подчеркиванием ее "интернационального" характера. В условиях мультикультурного и полиэтничного государства это был, пожалуй, единственно возможный и доступный способ консолидации разнородного населения.

¹ Паин Э.А. Между империей и нацией. М., 2003. С. 32

² Положение об управлении Туркестанского края // Свод Законов Российской империи. СПб., 1897. Т.2. Ч. I. С. 234

³ Фадеичева М. А. Человек в геополитике. Концепция этнонационального бытия. Екатеринбург. 2003. С. 27

⁴ Паин Э.А. Указ. соч. С. 57

⁵ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. <http://www.magister.msk.ru/library/stalin/2-20.htm>

⁶ Сталин И.В. О политических задачах Университета народов Востока. <http://www.magister.msk.ru/library/stalin/>

Тарасова Е. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В РСФСР-РФ 1992 ГОДА: ПЕРВЫЙ ЭТАП (ЯНВАРЬ-ИЮЛЬ 1992 Г.)

Первый этап экономических реформ приходится на первую половину 1992 г., когда была проведена либерализация цен, введена свобода торговли, изменена налоговая политика. 2 января 1992 г. в России были начаты рыночные реформы, которые принято именовать «шоковой терапией». Эти реформы имели своим прототипом «шокотерапию» – модель американского экономиста Д. Сакса. «Шокотерапия» предусматривала сначала отпущен цен, затем введение свободной торговли, наконец, приватизацию. Одним из важнейших аргументов в пользу шоковой терапии являлась ориентация на получение крупных кредитов от Международного валютного фонда (МВФ).

Первой мерой в осуществляемой экономической программе стала либерализация цен, главной целью которой было устранить дефицит товаров и ликвидировать административную систему дефицитного распределения¹. Либерализация цен сопровождалась жесткой финансовой политикой; сокращением государственных ассигнований, снятием дотаций, ограничением кредитов, недопущением роста заработной платы и денежной эмиссии, введением налога на добавленную стоимость и т.д.

После начала реформ цены взлетели сразу же в несколько раз, а на отдельные товары – в десятки раз. Это привело к резкому снижению покупательной способности граждан, так как их доходы не увеличились. Нижний уровень дохода поднялся в 3,5 раза, средний – в 1,5-2 раза. Хлеб подорожал в 10-15 раз, молоко – в 16-20 раз, масло и сметана – в 30 раз, картошка в 10-20, а на рынке в 50-100 раз.²

Рост цен и ужесточение финансовых условий должны были, как предполагали реформаторы, привести к падению спроса, наполнению рынка товарами, стабилизации цен, а впоследствии и к их снижению, к удорожанию рубля. Должна была увеличиться деловая производственная активность, а перелив капитала в приоритетные отрасли должен был привести к экономическому росту. Стабилизация ожидалась в довольно быстрые сроки, уже во второй полови-

не 1992 г. Однако с каждым месяцем ситуация становилась все хуже; цены росли спонтанно, жизненный уровень населения резко сократился, начала набирать силу инерционная инфляция, предприятия стали накапливать взаимные неплатежи. В итоге Верховный Совет РФ, с самого начала не особенно одобряющий экономическую политику Правительства, в конце июля 1992 г. настоял на финансовой помощи промышленности, оказавшейся к тому времени на грани полного краха.

Позже реформаторы списали провал своих экономических преобразований на этот шаг³. Так, Б. Ельцин отмечает: «К концу лета стало ясно, что экономика трещит, разлом идет по двум линиям. Невозможно проводить никакую внятную экономическую стратегию, планировать любые шаги в экономике при постоянно прыгающих ценах на все. И невозможно сдерживать инфляцию при существующем Верховном Совете, когда с помощью бюджета парламент искусственно накачивает в экономику триллионы рублей»⁴. Вслед за ними подобные суждения высказывают и историки. По мнению В. Согрина, кредитная политика Центробанка, совпавшая с волей Верховного Совета, нанесла жестокий удар по концепциям Гайдара и фактически похоронила план «шокоотерапии»⁵.

Правомерны ли подобные суждения? Думается, здесь следует обратиться к исследованиям в области экономики и подробнее рассмотреть меры, принятые правительством и результаты, к которым они привели.

Либерализация цен происходила в условиях высокого уровня монополизации экономики. Прежде всего, монопольное положение на рынке было характерно для большей части предприятий обрабатывающей промышленности, что обусловило с началом реформ взрывной рост цен. Как отмечает С. Жуков, уже в преддверии либерализации цен производители, защищая свою долю в национальном доходе, повысили цены в несколько раз, пересчитав производственные издержки с учетом ожидаемого роста цен на продукцию смежников. В силу высокой монополизации и приоритету вертикальных связей в экономике большинство производителей вынуждено было закупать промежуточную продукцию практически по любой предлагаемой цене. В свою очередь рост цен в секторе-потребителе через механизм прямых связей возвращал полученный инфляционный импульс обратно, тем самым начиная новый виток. Результатом этого процесса, учитывая опыт других стран, становится тотальная и трудноискоренимая индексация экономики⁶. Подобную оценку даёт С. Глазьев: «... либерализация цен не привела к установлению цен рыночного равновесия, а их хаотическому росту, который с середины 1992 года принял форму незатухающих гиперинфляционных волн»⁷.

Реализация экономической реформы в России проходила при содействии МВФ, который осуществлял кредитование российской экономики в 1992 г. Стратегическую линию МВФ в отношении России можно увидеть, обратившись к «Исследованию советской экономики», выпущенному МВФ в 1991 г. В нём, в частности, отмечалось: «СССР обладает богатыми энергетическими ресурсами; согласно оценкам западных специалистов, ресурсы энергии в СССР включают 58 млрд. баррелей сырой нефти, 52 триллиона кубометров природного газа... это крупнейшие ресурсы природного газа в мире... Считается, что СССР имеет крупнейшие в мире ресурсы и запасы урана и крупнейшие мощности по производству урана... Возможно, более эффективным было бы сконцентрировать внимание на увеличении экспорта энергии и сырья»⁸.

Это заявление во многом открывает глаза на экономическую стратегию МВФ по отношению к России. Наивно полагать, будто МВФ может быть заинтересован в процветании России как страны с хорошо развитой промышленностью, способной диктовать свои условия на мировых рынках. Экономический

советник группы лейбористов британского парламента Джон Росс рассмотрел реформы, начатые в начале 1992 г., в контексте мировой экономической политики. Он пишет: «Россия располагает самыми богатыми ресурсами энергоносителей и металлов, но, как хорошо известно, МВФ навязывает стране программу, специально принятую в январе 1992 года, цель которой - увеличение экспорта этой продукции из России. Необходимым механизмом для резкого увеличения экспорта энергоносителей и металлов является, однако, быстрый спад промышленного производства, поскольку иначе не высвободилось бы сырье для экспорта»⁹.

Реформы, осуществляемые в России с января 1992 г. правительством Е. Гайдара, в конечном итоге трансформировали российскую экономику в соответствии с направлениями, сформулированными МВФ. Доля топливно-энергетического сектора в экономике увеличилась с 11,3% в 1991 г. до 25% в 1993 г. Одновременно с этим доля выпуска потребительских товаров, и без того недостаточная, сократилась к 1993 г. с 16% до 5%¹⁰. В результате политики российского правительства Россия попала в порочный круг. Тогда как энергоносителей и металла производилось все меньше, их экспорт продолжал увеличиваться. Резко сократилась обеспеченность ими собственных отраслей промышленности, на них росли цены, начался стремительный спад производства в самой России. При этом снижение международных цен на данную продукцию, в значительной степени обусловленное ростом российского экспорта, означало, что при увеличении объема экспорта доходы России уменьшатся.

Полгода экономических реформ не принесли стране ожидаемых результатов. Согласно справке Госкомстата, по итогам первого полугодия 1992 г. уровень потребительских цен на товары и услуги, фактически реализованных населению, в июне по сравнению с декабрем 1991 г. вырос в 10 раз. Покупательская активность людей резко упала, и объем товарооборота за первое полугодие сократился на 42%. Оптовые цены в промышленности увеличились в 15, цены колхозного рынка в 6 раз. В первом полугодии произведенный национальный доход сократился по сравнению с тем же периодом прошлого года на 18%. Выросло число убыточных предприятий. В промышленности общая задолженность предприятий за отгруженную продукцию к концу полугодия составила около 2,5 триллионов рублей, из нее более половины с истекшим сроком оплаты. Росла задолженность предприятий перед своими работниками в оплате труда, достигшая по обследованным предприятиям промышленности, строительства и сельского хозяйства к 1 июля 65 млрд. рублей.¹¹

Получается, что и без смягчения кредитно-финансовой политики экономические преобразования не оправдали к положенному сроку надежд, возлагаемых на них. Таким образом, мы видим, что провал экономических преобразований, обозначившийся уже через полгода после их начала, вопреки утверждениям сторонников реформ, был следствием, прежде всего, самой экономической политики «команды Гайдара».

В середине 1992 г. экономическая ситуация в России сложилась таким образом, что страна была поставлена перед выбором: либо потеря большей части промышленных предприятий, ставших «убыточными», либо огромное увеличение бюджетного дефицита, гиперинфляция. Благодаря Верховному Совету РФ был выбран второй путь. Как показало время, гиперинфляция хоть и отдала достижение макроэкономической стабилизации, но не привела к полному разрушению экономической системы России. Промышленность, основу российской экономики, удалось сохранить.

⁹ Экономическая политика российского правительства // Российские вести. 1992. № 2.

² Современная политическая история России (1985-1998 годы): Хроника и аналитика. М., 1999. Т. 1. С. 156.

³ См., напр.: Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 197-198.

⁴ Ельцин Б. Записки Президента. М., 1994. С. 264.

⁵ Согрин В. Политическая история Современной России. М., 1994. С. 123.

⁶ Жуков С. Монетарные аспекты российской реформы. // МЭМО. 1993. №8. С. 13.

⁷ Глазьев С. Экономика и политика: эпизоды борьбы. М., 1994. С. 32-33.

⁸ Цит. по: Росс Дж. Российская экономика в тупике. Последствия международной экономической политики, начатой в январе 1992 года // Вопросы экономики. 1994. № 3. С. 19.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Экономическое состояние России в 1992 году // Вопросы экономики. 1993. Апрель. С. 28.

¹¹ Социально-экономическое положение РФ в первом полугодии 1992 года // Экономическая газета. 1992. 30 июля. С. 5.

Толочко А.В.

Елецкий государственный университет

РАЗВИТИЕ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ 80-Х – 90-Е ГГ. XX В.

Зачатки многопартийности в СССР начали формироваться уже с конца 1985 г. в виде так называемых альтернативных общественных движений, народных фронтов, представляющих главным образом движения за национальное возрождение в республиках, и иных неформальных объединений. Идея многопартийности стала одним из лозунгов демократической оппозиции.

Процесс становления и развития партийно-политической системы берет отсчет с XIX Всесоюзной конференции КПСС (июнь-июль 1988 г.). Основными предпосылками многопартийности явились прогрессирующая социально-политическая дифференциация советского общества, его обращение к отечественным историческим традициям, а также внутренняя неоднородность КПСС, в рядах которой соседствовали различные идеологические взгляды¹.

В своем развитии российская партийно-политическая система прошла несколько стадий. *Первая* (1988-1990 гг.) связана с внутренним размежеванием в КПСС и политизацией неформальных групп. В этот же период начинается формирование в РФ собственной партийно-политической системы с последующим ее обособлением от общесоюзной. На *второй* стадии (1990-1991 гг.) происходит организационное оформление ключевых субъектов российской многопартийности - Коммунистической партии РСФСР и движения "Демократическая Россия". После распада обеих организаций осенью 1991 - весной 1992 г. на их месте образовалось множество мелких партий и структур протопартийного типа. *Третий* этап (1991-1993 гг.) связан с партийной и протопартийной деятельностью в составе Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. На завершающей стадии существования этих органов (после VI съезда, апрель 1992 г.) в них возникло четыре крупных парламентских блока с выраженной партийно-идеологической окраской:

- либерально-демократическая "Парламентская коалиция реформ" с основой в виде структур "Демократической России" и отколовшихся от нее мелких партий радикально-демократической ориентации;

- умеренно-консервативный "Демократический центр" в лице участников "Гражданского союза" - ДПР, Всероссийского союза "Обновление" и партии Руцкого;

- оппозиционный "Блок созидательных сил", включавший многочисленные депутатские группы преимущественно консервативной окраски;

- национально-коммунистическое "Российское единство", политическую

опору которого первоначально составил ФНС; с февраля 1993 г. к нему добавилась часть регионального актива воссозданной КПрФ, хотя официально эта партия сохраняла самостоятельность².

На третьем этапе в России впервые возник более или менее устойчивый партийно-идеологический спектр, включавший четыре базовых идейно-политических направления: либеральное, консервативное, коммунистическое, национально-патриотическое (или традиционалистское)³. Между этими базовыми направлениями образовались промежуточные ниши, сочетающие отличительные признаки двух соседних направлений.

Четвертый этап (1993-1998 гг.) связан с конституционной реформой и выборами в Госдуму. Это звездный час партий. Взятый за основу смешанный принцип формирования нижней палаты (половина - от партий, половина - от одномандатных округов) способствовал превращению партийных фракций в естественную базу внутренней структуризации депутатского корпуса. Причем во второй Думе, в отличие от первой, внутренняя структура упорядочилась настолько, что 5% барьер преодолели только 4 партии - строго в соответствии с вышеперечисленными направлениями: либеральное - "Яблоко"; консервативное - НДР; коммунистическое - КПрФ; национально-патриотическое - ЛДПР.

Парламентские выборы 1999 г. обозначили начало следующего (пятого) этапа развития многопартийности. Назовем его условно промежуточным. Переход к нему во многом обусловлен коренными изменениями в верхних эшелонах государственной власти: ведущие партийные лидеры, претендовавшие на президентский пост, поняли, что со сменой власти в Кремле сфера их деятельности значительно сужается.

В этот период четкая идеологическая ориентация партий начинает уходить на второй план, уступая место более прагматичным подходам. Успех пропрезидентского движения "Единство" на парламентских выборах означает новую тенденцию. В ее рамках начинает происходить сближение и переплетение программных установок ведущих партий, например КПрФ и "партии власти". КПрФ при этом эволюционирует от социалистических установок к государственно-патриотическим, а "партия власти" - от радикально-демократических ("Демократическая Россия" 1990-1991 гг.), либерально-западнических ("Выбор России" 1993 г.) и корпоративных (НДР 1995 г.) к консервативным и неоконсервативным. Сложные процессы протекают в левом движении - коммунистическом и народно-патриотическом. Объективная предрасположенность к переменам здесь тормозится руководством КПрФ, которое усматривает в этом угрозу своему персональному лидерству⁴.

Указанные тенденции носят стихийный характер, организационно не оформлены. Большинство субъектов партийно-политической системы по-прежнему остаются слабыми, демонстрируя неспособность к самостоятельной политической организации и деятельности. Не прекращается перманентная перегруппировка партийно-политических сил.

Объяснением хронической организационной и политической слабости партий следует считать специфическую структуру современного российского общества, сочетающего элементы как открытой, публичной, так и "теневой" организации. Основным полем деятельности партий традиционно является публичная политика, в то время как наиболее влиятельные "теневые" структуры заняты лоббированием корпоративно-групповых интересов и в создании полноценных партий не заинтересованы.

В силу указанных причин абсолютное большинство партий сохраняет преимущественно кружковой, интеллигентский (клиентельный) характер, не имея при этом массовой опоры в обществе. Сформированная из таких субъек-

тов партийно-политическая система практически нежизнеспособна и не располагает потенциалом для самостоятельного структурированного развития. Кроме того, отсутствие дееспособной партийно-политической системы существенно ограничивает потенциал массовой общественной поддержки действующей власти, играя на руку ее противникам из ведущих корпоративно-клановых группировок. В этих условиях естественным организующим началом для отдельных партий и многопартийности как политического института в целом может и должна стать разработка и практическое осуществление под патронажем государства четкой, глубоко продуманной и целенаправленной государственной стратегии⁵.

Проведенный анализ становления и развития партийно-политической системы современной России позволяет сделать ряд выводов, имеющих принципиальное значение.

1. Существующая партийно-политическая система, несмотря на десятилетний возраст, по-прежнему является продуктом переходной эпохи. Большинство ее субъектов не обладают признаками полноценных партий, не выполняют в полном объеме свойственные им функции, представляя собой объединения протопартийного, клиентельного типа.

2. Подобное положение дел обусловлено рядом факторов, ключевыми из которых являются: неразвитость социальной инфраструктуры российского общества, отсутствие в нем устоявшейся системы горизонтальных связей, именуемых гражданским обществом; доминирование корпоративных факторов общественной организации над социально-политическими, которое приводит к преобладанию теневых форм политической деятельности над публичными; институциональная неполноценность, ограничивающая влияние российской многопартийности на ход политического процесса.

Сложившаяся ситуация такова, что без организующей роли государства и власти партийно-политическая система рискует надолго задержаться в нынешнем полумаргинальном состоянии. Объективная потребность в ее упорядочении в последнее время связывается с формированием устойчивой двух- или трехпартийной системы, способной аккумулировать большую часть существующего идейно-политического спектра. Данные представления также базируются на мировом опыте, а также на продолжающейся консолидации общества вокруг власти. Так, на президентских выборах 2000 г. значительно уменьшился "красный пояс"; на стороне вновь избранного президента оказалось не менее пятой части коммунистического электората, а также более половины патристического и либерального.

Однако самостоятельному формированию подобной партийной системы естественным путем препятствует ряд факторов⁶.

Итак, существует прочная причинно-следственная связь между партийной системой и социальной структурой общества: первое является производным второго. Слабость и аполитичность российского среднего класса при явном преобладании социально ущемленных слоев населения не позволяют рассчитывать на прочный электоральный перевес "системных" сил. Стало быть, при стихийном партийном строительстве сохраняется определенный простор для маргиналов. А это делает призрачной перспективу формирования в нижней палате устойчивого и надежного парламентского большинства, без которого в свою очередь недееспособна любая партийная система.

Весь опыт становления и развития партийно-политической системы в России убедительно доказывает: самодеятельные организационные формы реальных перспектив не имеют. Современная партийная система может быть сформирована только при активном и непосредственном участии государства и

его политических институтов. Иначе говоря, по-настоящему современную, цивилизованную партийно-политическую систему нужно не ожидать, а строить и выращивать.

¹ Бутенко А.П. Советская многопартийность: проблема формирования. М., 1991.

² Журавлева Л.К. Политические партии и партийные системы // Социально-политический журнал. 1996. №3.

³ Лапаева В.В. Становление многопартийности в России. //Государство и право.1995. № 8.

⁴ Кулик А.Н. Партия и новые общественно-политические движения. М., 1990.

⁵ Павленко В. Мимикрия партийной системы. //Обозреватель-Observer. 2001. № 2.

⁶ Там же.

Самарин Я.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЧЕХИИ И СЛОВАКИИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Политическая трансформация понимается как процесс перехода к демократической системе. Немецкий исследователь В. Цапф обозначил цели трансформации как «демократию, рост, социальную защиту»¹. Специфика же постсоветской трансформации заключается в одновременности перехода к демократии, рынку и восстановлению национального государства².

В Чехословакии 19 ноября 1989 г. по инициативе общественной организации «Гражданский форум» правительству были предъявлены требования: отставка президента и амнистия политзаключенным. Компартия дала согласие на создание коалиционного правительства. После проведения всенародных выборов В. Гавел 29 декабря 1989 г. был избран президентом.

Формирование новых политических сил происходило в условиях коренной трансформации всех элементов чехословацкого общества. Падение социалистического государства привело к появлению новых лиц в составе политической элиты. Основным «поставщиком» была «революционная улица». Таким образом, новое чехословацкое государство создавалось при деятельном участии гражданского общества. Другим следствием этого стало умаление значимости институтов и возрастание роли личностей в политике.

Несмотря на то, что страны центральноевропейского региона прошли довольно похожий путь от просоветских режимов к демократии, можно выделить характерные особенности, присущие Чехии:

1. Наличие успешного опыта демократического развития.

2. Для менталитета чехов характерны слабая религиозность и отторжение ультрационализма³. Таким образом, в качестве альтернативы социализму чехи с самого начала видели либерально-демократическую модель.

3. В отличие от большинства бывших республик СССР в Чехии руководство страны обновилось почти полностью.

Следующий этап политической трансформации должен был решить две основные задачи. Во-первых, создать демократическую политическую систему, во-вторых, решить вопрос сосуществования или раздела федерации. Важнейшим этапом в решении этих вопросов стал 1992 г., когда были проведены новые парламентские выборы, ратифицирована новая конституция, проведен референдум об отделении Словакии.

Выборы в нижнюю палату парламента состоялись в мае 1992 г. Победу в Чехии одержала праволиберальная Гражданско-демократическая партия (ОДС). Ее лидер В. Клаус занял пост премьер-министра. Выборы в Словакии принесли победу популистскому Движению за демократическую Словакию

(ХЗДС) во главе с В. Мечъяром. Чехия и Словакия получили правительства с противоположными взглядами на общую стратегию развития своих республик. Сохранение федеративного государства становилось невозможным. 1 января 1993 г., в соответствии с решениями парламентов возникло два независимых государства.

Следующий этап трансформации вошел в историю Чехии как эпоха Клауса. Клаус выступал за проведение либеральной экономической политики, а также к созданию прочных связей с Западом. При этом сила ОДС заключалась не столько в ее экономической программе⁴, сколько в харизматичном лидере.

Правительство гражданских демократов, сформированное в середине 1992 г., находилось у руля государства пять лет. Вплоть до парламентских выборов 1996 г. ОДС не имела серьезного левоцентристского противовеса.

Вместе с тем, приватизация не привела к появлению широкого слоя собственников. К 1997 г. скрытая внутренняя задолженность государства стала всерьез угрожать экономической стабильности страны. Недовольство проявилось на парламентских выборах 1996 г., которые принесли первый большой успех Социал-демократической партии. ОДС вынужденно было вступить в коалицию с центристскими партиями. 1997 стал годом еще более серьезного поражения для правоцентристской коалиции. После скандала вокруг нелегальных источников финансирования Клаус был вынужден уйти с поста главы правительства.

Результатом эпохи Клауса стал разрыв между обществом и политической элитой. Такие настроения обусловили всплеск популярности антисистемно ориентированных сил.

Последующие события, с одной стороны, показали стабильность созданной политической системы. С другой, выявили все недостатки сложившихся норм политического процесса, когда все основные решения без учета мнения общества. Летом 1998 г. состоялись выборы в нижнюю палату. Победу одержали социал-демократы, но они не смогли самостоятельно сформировать правительство. Блок ОДС, несмотря на скандалы, получил 27,7% голосов. В результате, для разрешения кризиса, два главных соперника на выборах заключили «опозиционный договор». ОДС соглашалась на создание социал-демократам правительства меньшинства в обмен на ключевые посты в парламенте.

Новым премьер-министром стал лидер социал-демократов М. Земан. Он объявил «опозиционный договор» гарантией политической стабильности. Несмотря на то, что ситуация в экономике начала улучшаться, а Чехия продвинулась на пути интеграции в Евросоюз и НАТО, население страны было недовольно «выключенностью» из процесса принятия политических решений⁵.

Недовольство существующим положением отчетливо проявилось в ходе выборов 2000 г в верхнюю палату парламента. Обнаружилось, что интерес избирателей к политике продолжает падать⁶.

В настоящее время трансформация в Чехии завершилась. Страна является членом НАТО (с 1999 г.) и ЕС (с 2004 г.), а политические институты стабильны. На выборах в палату депутатов в июне 2002 г. победу одержали социал-демократы и ОДС, сохранившие оппозиционный договор.

2 февраля 2003 г. В. Гавел ушел со своего поста. 28 февраля с третьей попытки президентом был избран Клаус. За годы посткоммунистической трансформации в Чехии созданы основы демократического государства, его партийной системы и институтов гражданского общества. Тем не менее, нынешнее состояние всех этих структур не вызывает у чехов большого воодушевления, а факт смены 4 премьер-министров за 3 года показывает недостатки системы⁷.

В отличие от Чехии, словаки были менее рады падению коммунистиче-

ского режима. Кроме того, Словакия тяжелее переносила трудности трансформации. На выборах 1992 г. победило национал-популистское Движение за демократическую Словакию (ХЗДС) во главе с В. Мечъяром. Мечъяр выступал за сохранение единого государства, но одновременно за место Словакии в ООН. Поскольку победившие партии в Чехии и Словакии выработали различные политические и экономические программы, распад был практически неизбежен.

Начальный период политической истории Словацкой Республики связан с именем Владимира Мечъяра. После распада федерации он остался премьер-министром. Мечъяр в первое время активно занимался строительством нового государства, однако вскоре главной заботой премьера стала борьба за власть. В сентябре 1994 г. ХЗДС победило на досрочных парламентских выборах⁸.

В сентябре 1998 г. в стране состоялись парламентские выборы. Мечъяру противостояла Словацкая демократическая коалиция (СДК). В совокупности партии, находившиеся в оппозиции к Мечъяру, набрали около двух третей мест в национальном собрании⁹, Мечъяр не был переизбран на пост премьер-министра. В последний год премьерства Мечъяра бюджетный дефицит достиг 10% ВВП. При преемнике Мечъяра Дзуринде ситуация со свободами в стране стабилизировалась. Весной 2004 г. Словакия вступила в НАТО и в Европейский союз. На парламентских выборах 2002 г. победу вновь одержала правительственная коалиция. Элиты постепенно привыкают к тому, что неформальные практики уступают место постоянным, соответствующим конституции правилам и образцам принятия решений. При данном сценарии "дефектная" демократия трансформируется в конституционно-правовую демократию¹⁰.

К настоящему времени Чехия и Словакия практически завершили процесс трансформации и вышли на сравнительно одинаковый уровень развития. Вместе с тем, пути двух стран к этой цели были весьма различны. Большое влияние на ход и успешность реформ оказало наличие традиций парламентаризма, а также этническая однородность. Именно отвечающие этим критериям страны добились максимальных успехов. Словакия не обладала подобными традициями. Более того, в эпоху ЧССР Словакия получила больше выгод, поэтому во многом с сожалением наблюдала за крахом власти КПЧ. Также это повлияло на ожидание патерналистских действий от государства.

Все это привело к появлению лидера, который выступал скорее не как правый или левый, а как традиционалист. В Словакии не возникло социал-демократической партии, и ее нишу частично заняло движение Мечъяра. К другим особенностям следует отнести различия в положении президента. Несмотря на свою в основном представительскую роль в парламентских республиках, президент, особенно в молодых демократиях, играет стабилизирующую роль. Авторитетный президент должен консолидировать нацию, выступая над партийными интересами, и сдерживать поползновения исполнительной власти к ущемлению демократии. М. Ковач не обладал таким авторитетом. Будучи выдвинутым Мечъяром, он, попытавшись выступить против него, и вынужден был уйти в отставку. В. Гавел, обладая высочайшим авторитетом, был символом единства нации. Во многом именно присутствие во власти такого морального лидера дало возможность Чехии избежать тех отступлений от демократии, которые были в Словакии при Мечъяре.

¹ Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. СПб., 2003. Т.1. С. 16

² Там же.

³ Гамплова Д. Программа социальных исследований 1999
<http://ecsocman.edu.ru/socis/msg/238590.html>

⁴ Шимов Я.В. Гражданское общество и правящая элита в переходный период: чешский вариант //Полис № 3 2003

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ История Словакии после 1993 года <http://europa.km.ru/slovakia/index.htm>

⁹ Там же.

¹⁰ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (II). // Полис № 2 2002

Федорова Д.Н.

Уральский государственный университет

БРИТАНСКИЕ КРАЙНЕ ПРАВЫЕ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ: ОТВЕТ НА ВЫЗОВ НОВОГО «ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ»

«Здоровая нация так же не замечает своей национальности, как здоровый человек – позвоночника. Но если вы подорвете ее национальное достоинство, нация не будет думать ни о чем другом, кроме того, чтобы восстановить его. Она не станет слушать никаких реформаторов, никаких философов, никаких проповедников, пока не будут удовлетворены требования националистов», – сказал Б. Шоу¹. И действительно, ситуация, сложившаяся в странах Западной Европы в 1991-2002 гг., вполне подтверждает эту мысль. Волны миграций из стран т.н. «третьего мира» (в частности, Международная организация по миграции отмечает, что в 2000 г. в Германии среди 82 млн. граждан постоянно проживало 7,3 млн. иностранцев, в большинстве своем из мусульманских стран, во Франции в 2003 году – 4-5 млн. мусульман из 123 стран мира, в основном из Африки, Турции, Ближнего Востока; с течением времени ситуация все больше усложняется²) становятся одним из факторов усиления национализма и националистических настроений в европейском обществе. В том числе и в контексте данных процессов, в конце 1990-х гг. происходит активизация общеевропейского националистического движения, где базисным принципом национализма становится принцип совпадения национально-культурных и государственно-политических границ, т.е. национализм в контексте имперсональных процессов «глобальной экономики» и «глобальной культуры» предстает как попытка выработать гуманистическую альтернативу дегуманизации общественной жизни, которую несет с собой век глобализации и мультикультурализма.

Доктрина национализма по сути своей очень расплывчата и вариативна и является политико-идеологической конфигурацией, содержание которой в значительной степени определяется социально-историческими обстоятельствами конкретной страны. Современный британский национализм есть отражение этнического конфликта, в первую очередь между великобританцами, если можно говорить о них как о гомогенной этнической общности, и представителями совершенно иного культурного генотипа – индийцами, пакистанцами, мусульманами из ближневосточных стран. В основе антииммигрантской идеологии Британской национальной партии (БНП) лежит социально-структурный блок причин национализма: здесь первостепенную важность играет наличие материальных интересов у обеих сторон и экономическое соревнование, приводящие к политической мотивированности конфликта (инородная экономическая ячейка в лице мусульманских или индийских общин является конкурентом; в данном случае экономический конфликт первичен по отношению к этническому). Но в то же время в программных документах БНП декларируется невозможность сосуществования вышеуказанных сообществ в силу глубокой историчности конфликта двух типов цивилизаций – западной и восточной – и глубокой несовместимости ценностей, определяющих культуру как этнически определенную и об-

разующую изначальную данность общественной жизни³. Таким образом, БНП соединяет националистический романтизм и, выражаясь словами Т. Нейрона, «этнопредпринимательизм» с его «брокеризмом от культуры»⁴, т.е. соединяет практически невозможное – марксистский (Д.Саул, М. Хэтчер) и примордиалистский (Д. С. Фарнивел, М.Г. Смит, К. Гирц) подходы.

Интересно, что крайне правые остаются одной из самых «чувствительных» ячеек общества, мгновенно реагирующих на общественные изменения, что можно проследить по динамике развития социально-экономических тезисов в программных документах БНП. В начале 90-х гг. экономическая иммиграция как угроза именно экономике Англии почти не рассматривалась, зато к концу 90-х гг., видимо, на фоне сбоев в экономической системе государства, Ник Гриффин (лидер партии) рассматривает проблему как одну из основных и видит в ней (а также в неправильной «экспансионистской и инклюзивной»⁵ политике государства вовлечения иммигрантов в экономику) прямую угрозу благосостоянию, а значит, и величии английской нации. В конце 90-х гг. серьезно ставится проблема существования этнических кварталов и городов-гетто. И тут популисты, верные своему принципу антимондиализма, во всем обвиняют политиков, сознательно проводящих так называемую «политику города» во имя своих коррупционных интересов⁶.

Если обратиться к феномену английского политического национализма, существование которого, без сомнения, имеет место (особенно на протяжении исследуемого периода), то общebritанский национализм является результатом эволюции, естественно развития скрытых в прошлом сцеплений и единств, главным образом, основанных на евроцентристских воззрениях, получивших закрепление во времена колониального господства. Но нация британцев, к которой так уверенно апеллирует БНП, не является естественной в том смысле, в каком естественны речь, пол или география; нация всегда существовала в исторических хрониках, и всегда существовал национализм, даже если это называлось другими именами – империализм, миссионеризм и пр. Вполне естественно, что англичане начинают бить тревогу при появлении опасности «колониализма наоборот», когда количество выходцев из восточных стран, людей во многом с непонятной, другой, а значит, опасной культурой, достигает критической отметки. В 1999 г. БНП получила некоторое число голосов в лондонском Ист-Энде, в 2002 г. на местных выборах кандидатам БНП досталось три места в Бернли, а в Олдеме им отдали свои голоса более 27% проголосовавших, что, по сути, для консервативной политической структуры Великобритании является сенсацией. Кроме того, европейцы, как никто другой, знают, что одним из важнейших путей экономического подчинения стран является трансформирование культуры, попытка замещения ценностей, и как следствие, разрушение государственности. Однако резкость заявлений националистов, их близость к неонацистским организациям в плане выработки методов политической и «уличной» борьбы, глобалистские тенденции, стереотипы и страх перед любым национализмом (а для многих до сих пор термины «национализм» и «нацизм» тождественны) придают одиозность их репутации. Любые сколько-нибудь значительные победы на политической арене ведут к нарастанию противоборствующего движения, разрыву общественного недовольства, во многом стимулируемого другими политическими блоками, навешиванию ярлыков (таких, как ксенофобия, антиголерантность, гитлеризм, геноцидизм и пр.), вызыванию к подспудному страху населения перед националистическими организациями, что, в принципе, произошло во Франции в 2002 г. во время президентских выборов, когда во второй тур неожиданным образом вышел лидер Национального Фронта Жан-Мари Ле Пен.

Таким образом, проблема БНП и прочих крайне правых организаций – это, прежде всего, актуальная проблема социально-культурной обусловленности интеллектуальных явлений и одновременно интеллектуальная обусловленность социально-культурных явлений с вторичным привлечением экономических проблем. БНП-национализм – это особый способ обращения к культуре, т.е. стремление соединить культуру и политику, создать единую, в перспективе, государственную культуру, когда политические и национальные границы должны совпадать, а этнические меньшинства должны быть временной и незначительной структурой. Не повод ли это отойти от резко ограничительного отношения к проблематике национализма, а попутно и фашизма, тоталитаризма и экстремизма как особых форм проекции человеческого мышления и способа защиты, и возобновить попытки целостного изучения данного явления? Кроме того, феномен английского национализма – это парадигматичный случай для целого ряда государств: здесь национализм участвует в преодолении кризиса легитимности власти, возникающего вследствие ее десакрализации, которая произошла в Англии вследствие английской Реформации, что предопределило, по сути, потребность в поисках национальной идентичности, возникновение на рубеже XVI–XVII вв. британского политического национализма и обострение данных явлений в период 1992–2002 в связи с известными факторами. Да и в целом, вряд ли можно провести различие в обществе между реальными и идеальными факторами, так как в человеческой жизни верования и идеи – суть реальные силы.

Цели, утверждаемые британскими националистами, носят экзистенциальный, а не идеологический характер (идеологическое обрамление – это уже декоративный конструкт). Полезно в данном случае будет попытка проследить глобальный, социальный и институциональный контекст, в котором различные группы соревнуются за право контроля над символом национализма и его значениями, контекст, в котором и реализуется националистический, говоря словами В.С. Малахова, «запрос на различие в Европе»⁷.

¹ Чит. по: Нойман И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С.225.

² Грановская С. Континент в движении. <http://www.wdi.ru/print.php?art=3773215>

³ What we stand for (the programm of BNP). <http://bnp.org.uk/policies/policies.htm>

⁴ Naim T. Faces of Nationalism: Jahus Revisted. L., 1997. P.12.

⁵ BNP plenge on British families // Voice of Freedom. March 1992. P.2. <http://bnp.org.uk/freedom>

⁶ Griffin N. Arianlysis of domestic and world political events and issues.

<http://www.bnp.org.uk/columnists/chairman2.php?ngld=14>

⁷ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С.5.

Скорняков И. А.

Кемеровский государственный университет

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИММИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ФРГ (1991–2006 гг.)

Целью иммиграционной политики является управление количественными и качественными параметрами миграционных процессов. Вопрос о существовании в Германии до 1990-х гг. иммиграционной политики, которая могла бы активно воздействовать на процессы иммиграции и интеграции, остается достаточно спорным. С одной стороны, начиная с 1955 г. власти ФРГ, руководствуясь экономическими интересами, пытались в той или иной степени контролировать количественный состав иммигрантов, слабо регулируя потоки определенных их категорий. С другой стороны, регулируемая политика в области иммиграции

должна опираться, прежде всего, на законодательную базу. Однако до первой половины 1990-х гг. действовал Закон о гражданстве 1913 г., опиравшейся на понятие "права крови", т. е. биологически определенной этнической принадлежности. Иными словами, до 1990-х гг. мигранты никак не могли стать гражданами Германии, сколько бы лет они ни прожили в этой стране. Будучи *de facto* страной иммиграции, Германия *de jure* таковой не являлась.

Первые шаги по созданию законодательной базы иммиграционной политики были сделаны в 1990-е гг. федеральным канцлером Гельмутом Колем, возглавлявшим правительство Германии с 1982 по 1998 г. В частности, 1 января 1991 г. вступил в силу Закон об иностранцах (*Das Gesetz über die Einreise und den Aufenthalt von Ausländern im Bundesgebiet*)¹. Этот закон предоставлял иностранным рабочим право получения вида на постоянное жительство при соблюдении ими определенного перечня условий: пяти лет проживания и работы в стране, знания немецкого языка, наличия нормальных жилищных условий и отсутствия криминального прошлого². Однако, как и ранее, на протяжении 1990-х гг. в официальных документах подчеркивалось, что Германия не является страной иммиграции.

Правительство Герхарда Шредера (1998-2005) существенно расширило законодательную базу регулирования иммиграционной политики. 21 мая 1999 г. Герхард Шредер подписал Закон о гражданстве (*Das Staatsangehörigkeitsgesetz*). По этому закону дети иностранных граждан, родившиеся в Германии, могут получить германское гражданство в том случае, если один из родителей в течение восьми лет проживал в Германии и в момент рождения ребенка на законном основании пребывал в стране. По достижении 18-летнего возраста ребенок в течение пяти лет должен был сделать выбор между германским гражданством и гражданством своих родителей³.

Одновременно Герхард Шредер выступил с инициативой привлечения в Германию определенных категорий иммигрантов. В продолжение этой инициативы была разработана программа "грин карт" ("green cards"), которая успешно действовала в Германии с августа 2000 г. Всего за время действия этой программы с 2000 по 2003 гг. было выделено 20 тыс. "грин карт", реально использовано чуть больше 17 "грин карт"⁴.

Однако главной заслугой "красно-зеленого" правительства Герхарда Шредера справедливо считается принятие первого в истории Германии Закона об иммиграции (*Das Zuwanderungsgesetz*)⁵. Г. Шредер сумел провести его в жизнь, несмотря на многочисленные дискуссии и бесчисленные поправки, продолжавшиеся без малого четыре года. Закон об иммиграции, вступивший в силу 1 января 2005 г., фактически заменяет собой Закон об иностранцах 1991 г. В отличие от предыдущего законодательства по данному вопросу, он был создан для облегчения интеграции иностранцев в Германии и впервые затрагивает все аспекты иммиграции. В нем прописаны как права и обязанности, относящиеся к интеграции иностранцев, проживающих в Германии или желающих поселиться в Германии, так и положения, касающиеся рынка труда, последующей иммиграции членов семьи и детей, а также некоторые правовые аспекты, касающиеся беженцев. Условия иммиграции облегчены только для ученых, учащихся вузов и лиц, имеющих собственное дело. В отношении рабочих с низкой квалификацией остается в силе запрет на наем иностранной рабочей силы, действующий с 1973 г. Значимость принятого закона в том, что Германия впервые официально признается страной иммиграции. Таким образом, из страны иммиграции *de facto* Германия превратилась в страну иммиграции *de jure*.

С момента вступления в силу 1 января 2005 г. Закона об управлении и ограничении иммиграции въезд в Германию резко сократился. К примеру, вид

на жительство для высококвалифицированных специалистов получило, по неполным подсчетам, менее 1000 человек (для сравнения: в 2004 г. поднимать германскую экономику приехало 2200 зарубежных экспертов и 3800 менеджеров). Число соискателей политического убежища в 2005 г. снизилось до уровня 1983 г. По данным МВД, особенно сильно сократился приток еврейских беженцев из стран бывшего СССР: с 11208 в 2004 г. до 5968 в 2005 г.⁶

При всех своих плюсах, новый Закон об иммиграции уже не во всем отвечает потребностям стареющего немецкого общества. Так, например, несмотря на рекомендации экспертов, не удалось внести в него иммиграционные правила в рамках системы пунктов, как в Канаде. Вопрос о статусе и депортации беженцев в целом решен, однако при этом повис в воздухе вопрос о 200 тыс. беженцах и соискателях политического убежища, долгие годы находящихся в Федеративной Республике с ненадежным видом на жительство *Duldung* (более половины из этих людей находится в Федеративной Республике около десяти лет со времени начала войны на Балканах и формально могут быть выдворены из Германии в любой момент). Все это лишь видимая сторона недоработок Закона об иммиграции⁷.

Г. Шредер сумел провести в жизнь так необходимый для Германии закон, но он не успел устранить все те недостатки, которые вскрылись при функционировании закона и внести в него необходимые поправки и изменения.

Дальнейшим решением этих вопросов занялась Ангела Меркель, сформировавшая "большую коалицию". 30 ноября 2005 г. Меркель выступила с первым правительственным заявлением перед германским Бундестагом. В нем она обозначила как новые, так и традиционные политические приоритеты ФРГ, в том числе и первоочередные меры в области иммиграции. Одним из пунктов программы Меркель стало "Положение иностранцев и диалог с исламом". Меркель объявила об условиях диалога с исламом. "Тот, кто не понимает собственной религиозной традиции, не может вести диалога с чужой культурой", - считает Ангела Меркель⁸. Вот почему, по словам канцлера, жителям Германии, которые считают себя христианами, следует лучше понимать свою собственную традицию, чтобы получился и "диалог с исламом".

Касаясь проблемы интеграции иностранцев, Меркель заявила о плане правительства обязать всех детей перед зачислением в школу пройти соответствующий курс немецкого языка. Не менее важным для иностранцев является также пункт "Финансировать работу, а не безработицу". По мнению А. Меркель, одна из главных проблем Германии, наряду с экономическим ростом и дефицитом госбюджета, это безработица. Число безработных в Германии стабильно держится годами (в среднем 4 млн. чел.). А. Меркель в своем заявлении увидела перспективы снижения безработицы в политике поощрения тех, кто создает рабочие места. Это заявление касается не только жителей самой Германии, но и въезжающих в страну иммигрантов. С одной стороны, многие из переселенцев, приезжающих в Германию живут на приличное пособие по безработице и поэтому не стремятся найти работу, что еще больше усугубляет ситуацию с безработицей в самой Германии. С другой стороны, по новому Закону об иммиграции иностранцы, при соблюдении определенных условий, тоже могут создавать рабочие места в Германии. Пока Ангела Меркель только лишь обозначила основные положения правительственной программы в области иммиграционной политики Германии. Каким образом это найдет свое выражение на практике, покажут ближайшие четыре года политики "большой коалиции".

¹ Денисенко М.Б., Хараева О.А. и др. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. Глава 4. Организационное устройство миграционной политики в ряде стран

Запада. Германия. М., 2003. // http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/org_ustroistvo/Germany

² Райнер О. Нелегальная иммиграция в Германию: новый вызов 1990-х гг. // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России. М., 2002. С. 180.

³ Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М., 2002.

<http://www.rusgermhinst.ru/RusRaboti/RusVatlin/Vatlinreportrus-02-03.htm>

⁴ Хофманн Г. Закон об иммиграции. Путь открыт // Deutschland. 2004. № 4. С. 8.

⁵ Действующее законодательство Германии // http://www.vorota.de/Lib_BRD_Aktuell.AxCMS

⁶ Ободовская Е. «Черные» включают красный. // Интернет-версия газеты Русская Германия. 30 января-2 февраля 2006. № 04 <http://www.rg-rb.de/2006/04/1.shtml>

⁷ Гушин В. Беженцам придется подождать. // Интернет-версия газеты Заграница. Декабрь 2005. № 51 (311) <http://zagran.kiev.ua/article.php?new=311&idart=3115>

⁸ Ангела Меркель: Германия добьется большего. // Онлайн-издание Deutsche Welle <http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,1797116,00.html>

Власов Н.А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕГО РАЗВИТИЯ ФРГ В НАЧАЛЕ ХХІ В.

В начале ХХІ в. перед Германией стояли три основные проблемы, вернее, группы проблем. Их можно условно обозначить как «проблема восточных земель», «проблема иммиграции» и «проблема реформ». Эти проблемы тесно переплетены между собой.

Первая из этих проблем возникла в 1990 г., после объединения Германии. Перед федеральным правительством встала новая масштабная задача: интеграция территории и населения бывшей ГДР в государственный механизм ФРГ. Наиболее трудным оказалось произвести экономическое «выравнивание». Накануне объединения Гельмут Коль оптимистично заявил, что для преодоления экономического раскола потребуется 4 года; как показала реальность, он серьезно ошибался.

Первым же следствием объединения стала фактическая остановка промышленности ГДР. Только 10% восточногерманских предприятий оказались рентабельными в новых условиях. Безработица стала массовой – в течение двух лет число рабочих мест сократилось в полтора раза. Одновременно в 2 раза упала рождаемость. В 1993 году только 55% западных немцев и 41% восточных заявляли о своем положительном отношении к воссоединению страны¹.

Для налаживания дел в германской экономике было создано Ведомство по опеке, занимавшееся приватизацией государственной собственности ГДР. Ведомство заботилось о налаживании нормальной экономической деятельности и сохранении рабочих мест. Поэтому предприятия продавались только серьезным инвесторам, готовым вкладывать деньги в их развитие. Убыточные предприятия отдавались за символическую плату, одновременно предоставлялась целевая субсидия на развитие производства.

Финансовую дееспособность новых земель обеспечивал специально созданный фонд «Германское единство». С самого начала федеральное правительство направляло на восток крупные суммы в виде трансфертов. Тратились они по большей части на поддержание высокого уровня жизни. Во второй половине 90-х гг. доходы восточного немца составляли в среднем 85% от доходов жителя «старых» федеральных земель, в то время как производительность труда не превышала 60%². Образно говоря, восточный немец не зарабатывал тех денег, которые получал. Однако у федерального правительства не было другого пути. Оно прекрасно отдавало себе отчет в том, что выходившие на демонстрации в 1989-1990 гг. жители ГДР хотели объединения не ради полити-

ческих свобод, а ради более высокого уровня жизни.

Впрочем, избежать отрицательной реакции восточных немцев все равно не удалось. Сразу после объединения все руководящие посты в экономике и политической жизни заняли выходцы из западных земель — «весси». Восточные немцы, «осси», почувствовали себя ущемленными. Появилось такое явление, как «остальгия» — тоска по ГДР. В 1995 г. 72% восточных немцев отмечали, что к ним относятся как к гражданам второго сорта, 93% — что в ходе приватизации закрыли гораздо больше предприятий, чем это было необходимо, 53% чувствовали себя разочарованными объединением³. С другой стороны, и налогоплательщики из старых федеральных земель были недовольны перекачкой огромных денежных сумм на восток, особенно введенной в 1995 г. «надбавкой солидарности» в размере дополнительных 7,5% к подоходному налогу.

Общая сумма трансфертов за 1990-е гг. составила более 1,5 трлн. немецких марок⁴. Тем не менее, полностью закрыть разрыв между двумя половинами Германии не удалось. Так, уровень безработицы на востоке по-прежнему оставался в два раза выше, чем на западе, и доходил до 17%. Перекачка средств на восток будет продолжаться, как минимум, до 2019 г.

Программа «выравнивания» поглотила огромное количество средств, необходимых для решения других проблем, и принесла весьма скромные плоды. Подтверждением тому служат сенсационные успехи Левой партии на выборах в бундестаг (2005 г.) и парламенты земель. По мнению экспертов, «выравнивание» — процесс, который растянется еще не на одно десятилетие и продолжит в большом объеме поглощать материальные ресурсы.

Вторая проблема — проблема иммиграции — приобрела особую остроту в свете демографических трудностей, которые существуют сегодня в Германии. ФРГ отличается низкой рождаемостью — всего лишь 1,2 ребенка на женщину детородного возраста, в 2 раза меньше, чем нужно для простого воспроизводства населения. В результате появляется тенденция к увеличению среднего возраста и сокращению численности населения.

Параллельно с этим происходит приток в Германию мигрантов. В 50-е гг. на волне экономического подъема ФРГ начала нуждаться в дешевой некавалифицированной рабочей силе, которую черпали, в первую очередь, из Италии, Турции и Югославии. Многие гастарбайтеры вернулись впоследствии на свою родину, но многие остались в стране. Второй поток мигрантов — беженцы, пользующиеся правом политического убежища. Третий сформировали переселенческие программы, рассчитанные на этнических немцев и евреев, проживавших на территории бывшего СССР. В итоге к началу нового тысячелетия в Германии оказалось свыше 7 млн. иностранцев, не имеющих германского гражданства. Кроме того, 1,5 млн. иностранцев и 4,5 млн. переселенцев это гражданство уже получили. Таким образом, каждый шестой житель страны сегодня — мигрант или выходец из семьи мигрантов. Среди иностранцев преобладают турки, которых насчитывается почти 2 млн.

Проблема иммигрантов обострилась в 90-е гг., когда стали очевидными сразу несколько неприятных фактов. Во-первых, большинство мигрантов не желали интегрироваться в германское общество. В стране образовалась целая серия «параллельных обществ». Во-вторых, далеко не все мигранты, приехавшие в ФРГ ради более высоких жизненных стандартов, собирались зарабатывать себе на жизнь легальным путем. Многие намеревались пользоваться всеми благами социального государства, не отдавая ничего взамен и превращаясь в дополнительную обузу для немецкого налогоплательщика.

Все это потребовало незамедлительных мер по решению проблемы. Правительством Шредера в 1999 г. был принят закон о гражданстве, а в 2004 г.

- закон об иммиграции, благодаря которому впервые появилась широкая правовая база, регулирующая все сферы миграционной политики: от вопросов иммиграции, ориентированной на потребности рынка труда, и иммиграции по гуманитарным причинам до вопросов интеграции в германское общество.

Однако и эти законы, став большим шагом вперед, не решили всего комплекса проблем. В немецком обществе проблема мигрантов вызывает оживленные споры. Остается фактом, что ФРГ сегодня не может обойтись без гастарбайтеров (по данным ООН, Германии требуется ежегодно около 0,5 млн. мигрантов⁵), но их пребывание в стране порождает серьезные проблемы, связанные с постоянным ростом доли иностранцев в структуре населения и нежеланием многих из них принимать существующие «правила игры».

Третья проблема – «проблема реформ» – является, пожалуй, наиболее болезненной. Х. Барбье, глава Фонда им. Л. Эрхардта, так говорил о Германии в конце 2002 г.: «Сегодняшняя Германия – это растущая безработица и падающие темпы экономического роста. Это предупреждения из Брюсселя по поводу нарушения зафиксированных в Европейском пакте стабильности параметров допустимой границы бюджетного дефицита. Это пенсионные кассы без достаточных резервов. Это система здравоохранения, где стоимость расходов на лечение вышла за все разумные рамки, а пациенты вынуждены выстраиваться в длинные очереди, чтобы попасть в больницу или на прием к врачу»⁶.

Проблема реформ также в основе своей связана с демографической ситуацией в стране. Существующая система социальных гарантий создавалась в период, когда экономика страны находилась на подъеме, а в возрастной структуре населения преобладали люди трудоспособного возраста. Сегодня ситуация изменилась – баланс все больше смещается в сторону пенсионеров, а темпы экономического роста серьезно замедлились. Если в 1957 г. на одного пенсионера приходилось 8 налогоплательщиков, то сегодня – только два. В этих условиях социальные расходы ложатся на экономику тяжелым бременем, увеличивая государственные расходы. В этой ситуации у правительства есть несколько путей.

Во-первых, возможно сокращение социальных расходов. Это – самый простой путь, не требующий больших усилий. Однако он ведет к росту напряженности в обществе, привыкшем к обширным социальным гарантиям. Любая партия, которая открыто заявит о частичном демонтаже существующей системы, уже одним этим фактом создаст себе крупные проблемы. Второй путь – это сохранение социальных расходов в полном объеме и, соответственно, рост государственного бюджета. Это обеспечивает политикам относительно спокойную жизнь, однако сразу же встает вопрос о том, где брать дополнительное финансирование. Существовать с постоянным бюджетным дефицитом и бесконечно увеличивать государственный долг невозможно. Повышение налогов – крайне непопулярная мера, к тому же она отрицательно скажется на общем состоянии немецкой экономики. Таким образом, этот вариант тоже нельзя рассматривать серьезно.

Остается еще один путь – стимулирование экономики. Именно эту политику и пытается проводить федеральное правительство, однако далеко не всегда и не во всем его попытки заканчиваются успешно. Дело в том, что для создания благоприятного предпринимательского климата необходимо устранение множества бюрократических преград, снижение налогов и либерализация трудового законодательства (что будет означать снижение стоимости рабочей силы). И если первая мера еще обойдется без негативных последствий, то результатом второй и третьей станет временное снижение государственных расходов и, опять же, конфликт с профсоюзами.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда необходимость реформ осознается всеми, но никто не хочет их начинать. Правительства «красно-зеленых» и «большой коалиции» в 2000-2006 гг. ограничивались паллиативными мерами, не рискуя начинать серьезные преобразования, которые могли вызвать возмущение в обществе и разрыв между партиями-партнерами. Тем не менее, реформирование существующей системы нельзя откладывать бесконечно. Время покажет, смогут ли германские правящие круги своевременно решить три указанные проблемы, пока они не привели к острому кризису.

¹ Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы. М., 2001. С. 132.

² Зарицкий Б.Е. Экономика Германии. М., 2003. С. 215

³ Фрольцов В.В. Восточногерманский фактор и его влияние на внутреннюю и внешнюю политику ФРГ в 1990-е годы. Минск, 2002. С. 32.

⁴ Павлов Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие. М., 2001. С. 34.

⁵ Мертес М. Указ. соч. С. 69.

⁶ Зарицкий Б.Е. Указ. соч. С. 10.

*Глушенко Д.С.
Уральский государственный университет*

ИНТЕГРАЦИЯ МУСУЛЬМАН В ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА)

В последнее время тема распространения ислама стала одной из самых актуальных. Демографами и политологами делаются прогнозы о скорой исламизации Европы, считается, что уже к 2050 г. по меньшей мере треть населения будет исповедовать ислам. В то же время замечен резкий рост популярности правых партий, выступающих с националистических позиций, призывающих ужесточить меры по отношению к мигрантам, особенно из исламских стран, и резко сократить их количество. Все больше нарастает волна дискриминации мусульман: ведется активная антиисламская пропаганда в средствах массовой информации, которые зачастую и формируют общественное мнение, сами же мусульмане не делают активных попыток преодолеть сформированный европейскими СМИ негативный стереотип. Они предпочитают замыкаться внутри своих общин, что в свою очередь вызывает еще большее подозрение у коренных европейцев. Не случайно большинство населения государств Центральной Европы связывают ислам с терроризмом, насилием и угрозой безопасности государству. Ислам рассматривается многими как абсолютно чуждое и недопустимое в европейском обществе явление. Идут споры о возможностях и путях интеграции или ассимиляции мигрантов.

Долгое время страны Центральной Европы, как и многие западные государства, придерживались принципа ассимиляции. Интеграция – слово, появившееся только в 90-х гг. Довольно трудно увидеть разницу между двумя этими понятиями в европейском контексте. Европа до сих пор не приняла ислам как часть своей культуры, и поэтому интеграция мусульман по этой причине заметно затруднена. Немцы годами уклонялись от того, чтобы дать этому термину окончательное определение. Вплоть до изменений в законе о государственной принадлежности, принятых при канцлере Шредере, выросшему в ФРГ и не говорящему по-турецки турку было труднее получить немецкий паспорт, чем не говорящему по-немецки переселенцу из России. Дело в том, что большинство стран Центральной Европы основаны на этническом принципе и именно по этой причине национализм еще силен в них, несмотря на изменения в законодательстве. Интеграция на условиях этого общества означает фактически полную

ассимиляцию. Настоящую концепцию центральноевропейских стран по отношению к интеграции мусульман лучше всего отражает фраза Б. Ключникова: «интеграция - это нейтральная ассимиляция с сохранением культурной идентичности»¹. А приедем мигрантам, особенно мусульманам, хотелось бы сохранить свою культуру и религию, и в этом нет ничего странного.

Некоторым исламским ценностям мусульмане начинают придавать большее значение именно после переселения в Западную Европу. Объясняется это просто: интегрируясь в новое общество, люди стремятся также сохранить свое "я". Неудивительно поэтому, что все больше мусульман выступают за создание на своей новой родине мусульманских кладбищ, мечетей, домов для престарелых².

Основная проблема состоит в том, что процесс культурной интеграции мусульман в европейское общество был сильно затруднен из-за их приверженности исламским ценностям. Причем в отличие от иммигрантов первой волны, неприятие окружающей действительности в среде мусульман второго и третьего поколения постоянно нарастало и приобретало все более радикальные формы. Духовной исламизации способствовала Саудовская Аравия, ежегодно выделявшая на пропаганду Корана и строительство мечетей 30 миллионов франков. Уже во второй половине 1990-х гг. молодые мусульмане Европы начали проявлять все большую нетерпимость к таким европейским ценностям, как сексуальное равенство, свобода религии, свобода слова, обеспечение прав сексуальных меньшинств и т.д. В школах, которые посещали юные мусульмане, становилось все труднее преподавать определенные предметы. С годами во многих школах стало невозможно преподавать историю Холокоста, теорию происхождения жизни, развития видов и человечества, а также другие предметы, которые казались совершенно неприемлемыми в глазах юных мусульман. За несколько десятилетий ислам превратился в важнейший фактор европейской общественной жизни. Без учета этого фактора невозможен сколько-нибудь серьезный прогноз будущего развития Европы, да и всего современного мира. Большинство мусульман Европы так и не смогло интегрироваться в европейскую действительность и сознательно отказывается принимать западноевропейский образ жизни, мораль и ценности. Отказываясь от европейской идентичности, они делают выбор в пользу "чистого" ислама в его аравийской разновидности и ощущают себя в первую очередь частью всемирной мусульманской общины численностью более 1 млрд. человек. Сложившаяся демографическая ситуация укрепляет мусульман в уверенности, что рано или поздно Западная Европа станет частью исламского мира. Вряд ли события будут развиваться в столь стремительном темпе, но тенденция роста влияния ислама очевидна: ее наглядным и уродливым по своей форме проявлением стал бунт мусульманской молодежи в городах Западной Европы в 2006 г. И чем дольше местные власти будут закрывать глаза на исламскую проблему, тем сложнее будет найти адекватные методы ее решения.

В конечном счете нужно сказать, что для интеграции необходимы следующие условия:

1) Работа. Она должна четко выплачиваться, должны быть нормальные условия труда, а в случае потери работы должны действовать определенные социальные гарантии.

2) Легальный статус. Должен быть четко определен статус человека, под которым он живет. Также должна быть доступной легализация и принятие гражданства страны.

3) Натурализация. Не только получить гражданство одного из европейских государств, но также и статус европейца.

4) Язык. Овладение языком должно быть условием для получения гражданства.

5) Гражданское общество. Должны быть созданы условия для основания неправительственных организаций.

6) Образование. Правительство должно поощрять мигрантов на получение образования и разрешить факультативное преподавание религии.

7) Социальное участие. Должно поощряться активное участие в социальных институтах, так как это воспитывает ответственность по отношению к обществу. Все формы дискриминации должны быть запрещены законом.

8) Взаимодействие. Следует прилагать все усилия для установления взаимодействия между мигрантами и коренным населением с помощью совместных курсов, проектов и т.д.

9) Религия. К религии мигрантов должно быть такое же уважение, как и к религии коренного населения. Любые агрессивные политизированные акции по отношению к этой религии должны быть запрещены.

10) Коренные европейцы. Они должны быть информированы о пребывающих в страну мигрантах, их культуре, религии. Враждебное отношение к исламу и мигрантам недопустимо. Люди должны быть готовы к диалогу друг с другом. Европейцы должны с уважением относиться к мусульманским ценностям, религии и культуре. Существование европейских мусульман должно быть признано, в первую очередь, лидерами христианских групп.

Если даже часть этих условий будет выполнена, интеграция станет более глубокой. Хотя в идеале для европейца ислам должен стать общей традицией для мигрантов, но не верой³.

В настоящее же время неоднократно замечались случаи дискриминации мусульман. Дискриминация препятствует интеграции мусульман. Этот факт подтверждает исследование Международной хельсинской федерации (МХФ) по правам человека. Борьба с терроризмом и исламским экстремизмом отразилась на жизни европейских мусульман, которые воспринимаются многими как потенциальные фанатики и террористы. В Германии и Великобритании мусульмане часто привлекают внимание полиции. Их обыскивают, проверяют документы и даже арестовывают. После терактов 11 сентября в 70 немецких мечетях были устроены массовые проверки, которые не смогли выявить террористов, зато оскорбили чувства верующих.

Дискриминация в обществе, оскорбления и насилие вызывает защитную реакцию и вынуждает мусульман держаться вместе, мешая их интеграции. А подозрительное отношение полиции и постоянные проверки уменьшают желание сотрудничать с властями.

Но во многом, конечно и сами мусульмане виноваты в таком отношении. Их абсолютное отрицание значимости европейских ценностей, зачастую пренебрежительное отношение к самим европейцам естественно вызывают негативную реакцию. Мусульмане нередко просто самоизолируются и создают что-то вроде гетто, где все условия созданы именно для них: собственные магазины, школы, химчистки, рестораны и т.д. Негативное впечатление производят и многочисленные правонарушения со стороны мусульман. Многие политики стран Центральной Европы напрямую связывают рост преступности с ростом численности мигрантов-мусульман.

Государство, по мнению европейцев, не должно составлять мозаику народов и религий, но единое гражданское общество. Официальным лозунгом властей является – «Ислам - это наше богатство»⁴. Но в той же мере равные права будут предусматривать и равные обязанности⁵.

Наилучшим выходом для сегодняшних мигрантов стала бы концепция

Т. Рамадана, мусульманина швейцарского происхождения, который заявил: «Я мусульманин, но и европеец. Исламская культура – это не только арабская». Многие же мигранты более упирают на то, что они турки, ливанцы, марокканцы и т.д. и только после этого мусульмане. Необходимо разрушить именно эту этническую границу, потому как именно она мешает мигрантам и в первом, и во втором и даже в третьем поколении осознать себя европейцами⁶. Потому как мусульмане, интегрируясь экономически, отказываются инкорпорироваться социально в европейское сообщество.

¹ Ключников Б.Ф. Исламизм, США, Европа: война объявлена! М., 2003. С.200

² Европейские мусульмане существенно отличаются от тех, кто проживает в мусульманских странах, считают авторы проведенного Эссенским центром исследования по изучению Турции. –http://www.dw-world.de/populs/popul_printcontent/o,,138461,00.html

³ Ключников Б.Ф. Указ. Соч. С.193

⁴ Там же. С.202

⁵ Там же. С.202

⁶ Zu Hause/Vitamin de, 2006. №28. S.8

*Родивилова Д.А.
Липецкий государственный педагогический университет*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПО ПРОБЛЕМЕ РЕЗЕРВИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

В результате многовекового существования кастовой иерархии в Индии возникло устойчивое социальное неравенство. Высшие касты оказались наиболее развитыми в политическом, экономическом и культурном плане в отличие от низших каст, которые существенно отстали, особенно в сфере образования и государственной службы, являвшихся традиционной привилегией высших каст. С целью преодоления отсталости низших каст была разработана система резервирования, или позитивной дискриминации, которая предполагает предоставление квот на государственных предприятиях и в высших учебных заведениях. Резервирование распространяется на далитов – бывших «неприкасаемых» – и так называемые «прочие отсталые классы», занимающие в кастовой системе промежуточное положение между высшими кастами и далитами. В населении страны их доля на 2004 г. составляет 43%.¹ Среди «прочих отсталых классов» преобладают крестьянские касты.

Испытывая чувство вины за сохранение «неприкасаемости», высшие касты поддерживали позитивную дискриминацию в отношении далитов. Однако «прочие отсталые классы» могли быть бедными, но никогда не являлись неприкасаемыми. Поэтому предоставление им льгот вызывало протест у высших каст. Но так как «прочие отсталые классы» составляют почти половину населения страны, игнорировать их вряд ли возможно. Многие политические партии решили использовать эту проблему в своих интересах – заявления политических лидеров, касающиеся системы резервирования, их обещания ввести новые квоты представляют собой очень мощный инструмент в предвыборной борьбе. Стараясь сохранить поддержку высших каст и обрести новых сторонников среди «отсталых каст», политические партии осторожно балансируют в вопросе резервирования. В данной работе мы рассмотрим введение новых квот для «прочих отсталых классов» весной 2006 г. и последовавшую за этим политическую борьбу. Министр по социальному развитию А. Сингх предложил ввести резервирование 27% мест для «прочих отсталых классов» в высших учебных заведениях, включая престижные Индийские технологические институты и Индийские институты управления².

Как ни странно, но большинство противников резервирования являются коллегами А. Сингха по Индийскому национальному конгрессу (ИНК) и правительству Объединенного прогрессивного альянса (ОПА). Другие партии оказались настроены более лояльно. «Бхаратия джаната парти» (БДП) высказала следующие требования – «слой сливок» (наиболее успешные в экономическом плане представители «прочих отсталых каст») не должен иметь право на резервирование, а бедняки из высших каст, наоборот, должны получить квоты³. Это заявление, несомненно, было сделано с целью заручиться поддержкой высших каст, которые составляют основу социальной базы партии. Однако позиция партии по вопросу резервирования вызвала возмущение среди тех деятелей БДП, которые являются представителями «прочих отсталых классов». Они потребовали от партийного руководства поддержать решение А. Сингха. Необычно отреагировали на введение квоты для «прочих отсталых классов» «Бахуджан самадж парти» (БСП) и «Самаджвади парти» (СП). Их лидеры Майявати и Малайям Сингх Ядав, ранее активно выступавшие за введение квот для «прочих отсталых классов», которые и составляют основу их социальной базы, на этот раз не сделали никаких заявлений. Они выдвинули единственное требование – не только резервировать места в вузах, но и увеличивать их количество. Как утверждают некоторые партийные деятели, БСП и СП заняли такую позицию, чтобы так же, как и БДП, привлечь избирателей из высших каст, от поддержки которых, по всей видимости, и будет зависеть исход выборов в Законодательные собрания штатов 2007 г.⁴ Коммунистическая партия Индии (марксистская) (КПИ) (М) обозначила свою позицию по этому вопросу следующим образом: так как «прочие отсталые классы» не являются монолитной общностью и среди них существует имущественное расслоение, в первую очередь следует оказывать поддержку наиболее нуждающимся, исключив из претендентов на квоты наиболее экономически благополучных представителей, которые и так имеют доступ к высшему образованию и рабочим местам⁵. Таким образом, КПИ (М) так же, как и БДП, требует не распространять резервирование на так называемый «слой сливок».

Несмотря на то, что введение квот для «прочих отсталых классов» было поддержано не всеми партиями, а по всей стране проходили митинги протеста «обычных» студентов, правительство не отказалось от выбранного курса. Так как введение квот приведет к увеличению количества мест в вузах, а не все учебные заведения обладают достаточными возможностями, чтобы осуществить это одновременно, летом 2006 г. был отправлен на рассмотрение парламентом законопроект, согласно которому разрешалось постепенное внедрение 27% резервирования для «прочих отсталых классов» в течение 3 лет⁶. Для внедрения на практике этого положения был создан комитет под председательством бывшего главного министра штата Карнатака и лидера ИНК М.В. Мойли. Им был предложен поэтапный план введения квот на местах. Согласно ему, все Индийские технологические институты, Всеиндийский институт медицинских наук и Индийский институт естественных наук должны были вводить по 9% квот ежегодно в течение 3 лет начиная с 2007 г. Что касается Индийских институтов управления, то единой формулы предложено не было. Например, в Колкате в первый год начнут с 3% квот, а в Лахнау – с 8%. На факультетах искусства, гуманитарных и социальных наук центральных университетов планируется ввести 27% резервирование уже в следующем году, а на факультетах естественных наук и коммерции тех же университетов будут вводить по 13,5% квот в течение 2 лет⁷. Также летний законопроект предполагал, что резервирование не будет распространяться на послевузовское образование и учебные заведения, принадлежащие религиозным и национальным меньшинствам.

Эти мероприятия центрального правительства вызвали возмущение среди тех политических партий, которые входили в правящую коалицию. Во-первых, южные союзники Конгресса по ОПА («Дравида муннетра кажагам», «Паттали макал катчи») заявили, что квоты должны быть введены без каких-либо промедлений⁸. Во-вторых, ОПА всерьез беспокоился за свою кастовую базу, основу которой составляли как раз зарегистрированные касты и племена, религиозные и национальные меньшинства. Дело в том, что зарегистрированные касты и племена уже давно имели право на квоты в учебных заведениях, основанных меньшинствами, а этот законопроект аннулировал их. Таким образом, если это решение обретет силу закона, кастовая база правящей коалиции начнет «таять». К тому же могут начаться столкновения между представителями далитов и «отсталых каст», из-за которых первые и лишились квот в вузах религиозных и национальных меньшинств. Появление этого законопроекта вызвало волнение внутри альянса. Если раньше основной водораздел проходил между сторонниками и противниками резервирования, то теперь произошел раскол и в среде тех, кто поддерживал квотирование мест.

В октябре 2006 г. состоялась встреча министров образования штатов с министрами центрального правительства с целью обсудить основные положения летнего законопроекта по проблеме резервирования. Основные дискуссии развернулись по вопросу предоставления квот «слою сливок» среди «прочих отсталых классов» и по проблеме вузов, принадлежащих религиозным и национальным меньшинствам. При этом министры, как правило, придерживались точки зрения той партии, которая находилась у власти в их штатах. Например, министры из штатов, где у власти находились коммунисты, требовали лишить «слой сливок» квот.⁹ Такая же закономерность просматривалась и в обсуждении вопроса о распространении резервирования на вузы национальных и религиозных меньшинств. Министры штатов, где у власти находилась БДП, требовали предоставить в этих вузах квоты «прочим отсталым классам».¹⁰ Министры же Кералы, где у власти находятся коммунисты, придерживались мнения, что эти вузы необходимо исключить из системы резервирования¹¹. При этом и те, и другие требовали четко определить, какие вузы относятся к категории «minority institutions» (т.е. вузы религиозных и национальных меньшинств). Это затрагивало интересы прежде всего таких штатов, как Керала, где большинство университетов принадлежат христианской церкви, а следовательно могут быть классифицированы как вузы религиозного меньшинства.

Таким образом, политические партии постоянно используют кастовый фактор, частным выражением которого является борьба по проблеме резервирования. Каста является «банком голосов», поэтому политические партии не могут ее игнорировать: количество их мандатов напрямую зависят от доброго отношения избирателей. Неудивительно, что позиция партии по вопросу предоставления квот зависит от того, за счет какой общности она хочет расширить свою кастовую базу.

¹ The Sunday Express. 4.06.2006.

² The Times of India. 27.04.2006.

³ The Indian Express. 31.05.2006.

⁴ Ibid. 26.05.2006.

⁵ Ibid. 27.05.2006.

⁶ The Sunday Express. 13.08.2006.

⁷ The Indian Express. 11.10.2006.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ The Times of India. 20.10.06.

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1979–2007 ГГ.

В 1951 г. в Женеве ряд государств подписали Конвенцию о статусе беженцев. Согласно ее положениям, политическое убежище должно даваться всем, кто преследуется из-за своей религии, национальности, расы или убеждений. Среди стран, подписавших Конвенцию, была и Великобритания. Формально до 1993 г. она не была включена в британское национальное законодательство, но иммиграционные правила 1971 г. (Immigration Act 1971), предписывали представителям служб по делам иммиграции следовать ее положениям.

С 1971 г. в Великобритании было принято около 11 актов, затрагивавших вопросы иммиграции и предоставления убежища. За последние 30 лет ситуация во всей Европе кардинально менялась. Приток беженцев стремительно увеличивается год от года. По данным статистики, в период 1971–81 гг. в Великобританию прибыло около 360 тыс. иммигрантов, в 1981–91 гг. — около 400 тысяч, в 1991–2001 — уже свыше миллиона¹. Учитывая высокую плотность населения островов, такое количество прибывающих ощутимее сказывается на экономике, уровне жизни, общественных изменениях и настроениях, чем где-либо еще. Эта ситуация не может не волновать политических лидеров, которые должны принимать во внимание и экономическое благополучие страны, и общественное настроение. В зависимости от того, кто находился у власти, менялась и политика правительства в отношении иммиграции.

В 1979 г. правительство возглавила консерватор Маргарет Тэтчер. В традиционной речи к парламенту, подготовленной новым премьер-министром, были объявлены основные пункты законодательной повестки. Среди них — намерение ввести жесткие меры регулирования иммиграции. Отчасти это было воплощено в Акте о британском гражданстве 1981 г. (British Nationality Act 1981). Значительно затруднялся процесс получения британского гражданства для лиц, имевших гражданство какой-либо страны из Содружества наций. Повысились требования для получения вида на жительство. Для того, чтобы въехать на территорию страны, необходимо было получить специальное удостоверение в виде наклейки в паспорте. И лишь по истечении 5 лет проживания на территории Великобритании можно было подавать на гражданство.

В период правления тори проводилась достаточно жесткая политика в отношении мигрантов. Сменивший Маргарет Тэтчер консерватор Джон Мэйджор продолжил линию своей предшественницы. В 1993 г. Женевская конвенция 1951 г. была официально включена в национальное законодательство. Беженцы получили право на подачу апелляции в случае, если они не были согласны с решением об их депортации или отказе в предоставлении убежища. В 1997 г. была создана Специальная комиссия по рассмотрению апелляций со стороны иммигрантов. Но сложная и многоступенчатая система подачи апелляций часто затягивала время, в ходе которого иммигранты не могли работать, а в ряде случаев содержались в тюрьмах. В 1996 г. был принят Акт об иммиграции и убежище (Asylum and Immigration Act 1996), вызвавший широкие дискуссии в обществе из-за 8-й статьи. Она запрещала предпринимателям нанимать иммигрантов на работу в случае, если у них нет документов, подтверждающих их право проживать и работать на территории Великобритании.

18-летний период правления консерваторов закончился в 1997 г., когда к власти пришли лейбористы во главе с Тони Блэром. К этому моменту вопросы, связанные с иммигрантами и их адаптацией в обществе, стали приобретать

все большую актуальность.

Политику лейбористов в контексте рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, целесообразно разделить на два этапа. Первый этап можно обозначить как период смягчения иммиграционной политики. В 1998 г. британский парламент утвердил Акт о правах человека, придавший Европейской конвенции по защите прав и основных свобод человека силу национального закона. Его введение неразрывно связано с политикой правительства в отношении иммигрантов, поскольку действие акта распространялось на всех людей, находившихся на территории Великобритании, независимо от национальной или религиозной принадлежности. Он дал возможность беженцам, прибывавшим в страну, оспаривать решения министра внутренних дел в случаях отказа им в убежище. В качестве примера можно выделить несколько пунктов, которые давали дополнительные возможности беженцам:

1) право на справедливый суд (это позволяло им оспаривать решения Специальной апелляционной комиссии);

2) запрет на пытки и телесные наказания (в результате этого правительство Великобритании не могло депортировать беженцев в страны, где им грозили пытки);

3) право на уважение частной жизни (это позволяло беженцам возражать против обвинений в нежелании приспособливаться и вживаться в британское общество).

Спустя год был принят закон (Asylum and Immigration Act 1999), который смягчал некоторые положения в отношении иммигрантов. Так, с опорой на Акт о правах человека была введена презумпция невиновности для беженцев, появились новые возможности для защиты своих интересов, новая система подачи апелляций. Правительство призывало к ограничению депортации беженцев. Были провозглашены дополнительные меры поддержки иммигрантов, в частности, денежные пособия. В то же время были сделаны попытки ограничить въезд нелегальных беженцев: вводились дополнительные штрафы для водителей транспорта, которые провозили на территорию страны пассажиров, не имевших документов. Лиц, пользовавшихся поддельными документами, также ожидало судебное разбирательство.

Смягчение политики привело к резкому увеличению числа иммигрантов. Тони Блэр поддерживал подобное положение дел, ссылаясь на экономическую выгоду от большого числа приезжих. Но вскоре лейбористам пришлось принимать во внимание изменившуюся ситуацию – речь идет о взрывах в США в сентябре 2001 г. Всплеск антиисламских настроений, последовавший за взрывами, прокатился по всей Европе. Правительство Великобритании оказалось в сложной ситуации: большая часть иммигрантов и беженцев прибывала в страну из исламских стран. Британское общество стало активно призывать к ограничению иммиграции, опасаясь за свою безопасность.

Тони Блэр был вынужден отказаться от дальнейшего смягчения иммиграционных правил. Начинается второй этап политики лейбористов – попытка ужесточить правила, поставить иммиграционные потоки под контроль государства. Но правительство оказалось в своеобразной ловушке: принятый в 1998 г. Акт о правах человека стал использоваться мусульманскими иммигрантами и беженцами для защиты своих интересов. Активизировались мусульманские общины, которые стали выдвигать свои требования, ссылаясь на право свободы религии и частной жизни.

В 2002 г. принимается Акт о гражданстве, иммиграции и убежище (Nationality, Asylum and Immigration Act 2002), посвященный, прежде всего, дополнительным возможностям депортации беженцев. В статье 55 говорится о пре-

кращении поддержки беженцев в случае, если госсекретарь считает, что они подали заявление о предоставлении убежища не сразу по прибытию в страну.

27 апреля 2004 г. Тони Блэр огласил официальную позицию правительства по вопросам иммиграции: "Правительство Великобритании решило... поощрять миграцию, если она согласуется с государственными интересами, и ограничивать ее в противном случае"². Доводы Блэра об экономической оправданности массовой иммиграции вызвали дискуссию в обществе. Энтони Браун опубликовал "ответ Тони Блэру", в котором доказывал, что массовая иммиграция приводит к росту безработицы и снижению ВВП³. В том же году был принят очередной Акт об иммиграции и убежище (Asylum and Immigration Act 2004). Он расширял возможности министра внутренних дел депортировать беженцев. В 8-й статье говорилось о необходимости принимать во внимание благонадежность лиц, подающих прошение об убежище.

На очередных парламентских выборах в 2005 г. впервые вопросы о регулировании иммиграции стали центральными пунктами программ политических партий. Лидер консерваторов Майкл Ховард сделал программное заявление, в котором призывал ввести годовую квоту на число иммигрантов и 24-часовую охрану в портах страны. Тони Блэр был вынужден признать, что в иммиграционной системе действительно есть уязвимые места, но меры, предложенные консерваторами — "несвязный бред"⁴. Тем не менее, безоговорочное лидерство лейбористов пошатнулось. Еще накануне, в 2003 г., на выборах в местные органы управления лейбористская партия серьезно уступила консерваторам, причем не последнюю роль сыграл в этом мусульманский фактор (иммигранты из мусульманских стран голосовали против Блэра и его политики в Ираке). И все же победа в парламентских выборах осталась за лейбористами. Тони Блэр пообещал ввести новый иммиграционный закон.

Он был принят в 2006 г. (Immigration, Asylum and Nationality Act 2006). Министру внутренних дел предоставлялись права на лишение любого человека британского гражданства в случае, если это способствует общественному благу. Изменялась система подачи апелляций, а также вводилась система биометрических удостоверений личности. В декабре 2006 г. министерство внутренних дел заявило о введении новых экзаменов для иммигрантов, которые стремятся получить статус постоянно проживающих в стране лиц.

Таким образом, можно говорить о том, что официальная политика правительства Великобритании в вопросах иммиграции на протяжении последних десятилетий несколько раз менялась. Жесткие меры при правительстве консерваторов (1979–97) сменились либеральным периодом первого срока лейбористов (1997–2001), после которого вновь последовали вынужденные меры по ужесточению иммиграционной политики (2001–07). Особое внимание следует обратить на последний период, поскольку именно тогда произошли значительные изменения как в общественном настроении, так и в отношении политических партий к вопросам иммиграции.

¹ Born abroad: an immigration map of Britain //

http://news.bbc.co.uk/1/shared/spl/hi/uk/05/born_abroad/html/overview.stm

² Blair T. Speech to the Confederation of British Industry on migration 27.04.04 //

<http://www.pm.gov.uk/output/Page5708.asp>

³ Browne A. Civitas background briefing response to Tony Blair's first speech on immigration //

www.civitas.org.uk/pdf/BrowneEconomicsImmigration.pdf

⁴ Election briefing: Tackling immigration. // Guardian. 22.04.05

РОЛЬ И МЕСТО ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СТРАНАХ С РАЗВИТОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ И СТРАНАХ БЫВШЕГО АВТОРИТАРИЗМА

На сегодняшний день наиболее востребованной и популярной в плане исследовательской практики является проблематика демократии и демократизации, политических институтов и их сравнительного анализа в отношении различных стран, а также выявление идеальной модели демократии и наиболее приближенного к ней политического устройства. Рассмотрение конституционных норм и законов, политических правил игры и принципов управления позволяет исследовать лишь формальную сторону демократии и демократических форм.

Предыдущий опыт, связанный с так называемыми волнами демократизации, выявляет тот факт, что простое перенесение демократических элементов в страны, известные своим авторитарным прошлым, не дает желаемого и ожидаемого эффекта, но порождает подчас невероятные гибриды политических режимов, весьма любопытных для изучения. Подобная странная модификация идеальных моделей привлекла внимание сторонников бихевиористского и системного подходов в исследованиях сферы политического и заставила присмотреться внимательнее к феномену политической культуры и политического сознания, чье место и роль в общественной жизни различных государства по-прежнему остаются камнем преткновения и объектом жесточайших дискуссий.

Что заставляет то или иное общество жить и воспринимать окружающую политическую реальность в соответствии с определенными законами, поддерживать и стремиться, как это ни парадоксально будет звучать, к тем режимам, которые ущемляют их гражданские права и свободы? Все больше размышлений приводят к тому выводу, что на осознание политической реальности, на ориентацию и действие в политическом пространстве влияют те факторы, которые невозможно подвергнуть количественной оценке и увидеть, обращаясь лишь к формальной стороне государственного и политического устройства.

Элементы политической культуры оказывают непосредственное и неоспоримое влияние на то, как человек себя ощущает и каких норм поведения придерживается. Если следовать ставшей классической теории Г. Алмонда и С. Верба и разделить все существующие типы политической культуры на три основных - патриархальная, подданническая и партиципаторная - то главным моментом здесь будет понятие участия в политических и общественных процессах. Политическая культура участия, или же партиципаторная, а также так называемая гражданская культура, представляющая синтез всех трех вышеперечисленных типов, соответствуют странам развитой демократии (США, Великобритания), а более пассивные варианты - странам, пережившим или же переживающим на данный момент период господства элементов авторитарного режима.¹ Что же заставляет людей придерживаться определенного типа участия и рамок поведения? - ценности и нормы, заложенные традициями и обычаями в формирующуюся культуру восприятия действительности, архетипы, стереотипы и символы, ставшие столь значимыми и сопровождавшие нацию и государство на пути становления, ставшие тем знанием, без которого дальнейшее существование общества в данной форме практически невозможно.

Несколько примеров позволят прояснить ситуацию и наглядно продемонстрировать все вышеизложенное. В качестве классического примера демократической модели выступают политические системы США и Англии, которые уже

в самом начале формирования государственности опирались на фундамент тех норм и правил, которые отстаивали право на независимость и суверенность. «Славная революция» в Великобритании заложила основы парламентаризма, впоследствии ставшего оплотом и идеальной моделью парламентского государственного устройства. Гражданская война между штатами Северной Америки, возможность раскола страны, проблема дискриминации чернокожего населения поставили во главу угла вопросы, связанные с человеческими и гражданскими правами и свободами независимо от расы, цвета кожи и вероисповедания. I Мировая война, существование нацистской Германии, II Мировая война и геноцид обратили внимание всего западного мира на вопросы прав и свобод населения государств различного типа, конституционализма и демократии, индивидуализма. Западный мир создал такую культуру, благодаря которой ценности демократии стали основой функционирования общественной жизни. Политическая культура Запада годна для создания понимания необходимости защиты прав и свобод, подготавливает людей к жизни в мире индивидуализма и независимости каждого отдельного представителя общества, создает основы защиты демократии часто по принципу «любые средства хороши».

В таких же странах, как первоначально Российская Империя, затем СССР, а сегодня Российская Федерация и страны бывшего советского лагеря, дело обстоит несколько сложнее.

Если говорить о политической культуре России, то необходимо отметить следующее. В российской политической культуре достаточно сильны архаические элементы. Наличие государственно-центристских, этатистских ориентиров, сильной ориентации на политических лидеров, политического вождизма, не критической оценки политической реальности, авторитарных элементов политической культуры говорит об отсутствии элементов демократического типа политической культуры². На протяжении всей истории ориентация была на «верховного владыку» и на «царя – батюшку», преобразованного в дальнейшем в генерального секретаря, а впоследствии в президента. Пассивность в общественном и политическом поведении граждан России и практически безмолвная поддержка власти, отсутствие рациональной мотивации приводит к особо широкому распространению механизмов, связанных с навязыванием определенного политического поведения и ориентации. Некритическое восприятие действительности создает условия для существования огромного количества политических мифов, стереотипов и политических легенд, что делает особо эффективным эмоционально-чувственное воздействие на политическое сознание общества.

Вспоминая основные функции политической культуры, можно отметить следующее: она позволяет обществу и человеку осознать себя и свою принадлежность к определенной группе или типу, ориентирует в политическом пространстве и общественной сфере, дает осмысленность и целенаправленность человеческим действиям, социализирует и создает каналы для коммуникации, интегрирует и адаптирует общество к изменяющимся условиям окружающей среды.³ На западе, как уже было сказано, подобным образом было создано гражданское общество. В странах СНГ во время «цветных революций» многие функции политической культуры были перенесены на такой, во многом иррациональный, элемент как политическая мифология, позволяющий, благодаря присутствию в пространстве политической культуры и политического сознания, создавать особую реальность, не являющуюся истинным отражением наличествующей действительности, которая легко подвластна воздействию персон и групп, стоящих у власти.

Но что будет, если перенести сами элементы и мотивы политической

культуры западного «демократического» мира? Проследуют ли за ними действительные изменения в самой сути политической действительности или же положение ухудшится тем, что подобные феномены, перенесенные из идеального состояния своего существования, мутируют и проложат путь для дальнейшего и более успешного манипулирования обществом и политическим сознанием? Стоит ли перенимать то, что зародилось не здесь и пытаться приспособить к своим условиям? Сама история подсказывает, что нет.

¹ Алмонд Г. , Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. №4.

² Политическая культура: теория и национальные модели. М., 1994

³ Политическая культура общества и личности. www.omgru.omsk.edu

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ»

*Куклина Е.В.
Тюменский государственный университет*

МЭРИ УОЛЛСТОНКРАФТ О МЕСТЕ И РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ

Творчество английской писательницы Мэри Уоллстонкрафт (1759–1797) представляет исключительный интерес для изучения истории английской литературы, общественной мысли, и в большей степени для исследования истории женского движения. В нашей стране ее творчество по существу не исследовано. В связи с этим труды Уоллстонкрафт, которую называют «первой феминисткой» или «матерью феминизма»¹, приобретают актуальное значение. В особенности книга «В защиту прав женщины», опубликованная в 1792 г. в Лондоне, ставшая основополагающей в серии феминистических публикаций и послужившая начальной точкой отсчета для исследователей, занимающихся историей развития женского движения в Англии. Трактат «В защиту прав женщины» впервые намечает пути к решению проблем женской эмансипации.

Целью исследования является отображение взглядов Уоллстонкрафт на вопрос о положении женщины в обществе, ее роли, значении и правах. Источниками для данной работы являются: непосредственно сама книга Мэри Уоллстонкрафт «В защиту прав женщины»², «Мемуары Мэри Уоллстонкрафт»³, написанные ее мужем, известным английским общественно-политическим деятелем Уильямом Годвином, вскоре после ее смерти, и сборник «Феминизм: проза, мемуары, письма, эссе»⁴, в котором опубликованы отрывки из книги Уоллстонкрафт на русском языке.

Уоллстонкрафт происходила из семьи, относившейся к среднему классу английского общества. Семья была патриархальной, полностью зависящей от воли отца, из-под влияния которого Мэри постаралась уйти довольно рано, в девятнадцать лет. За свою жизнь она перепробовала немало профессий, среди которых были и традиционно женские (компаньонка, гувернантка, учительница), и не свойственные женщинам того времени (журналистская деятельность, торговое представительство). На творчество Уоллстонкрафт оказали большое влияние идеи Просвещения и Французской революции.

Но было в ее творчестве нечто принципиально новое: идея о равноправии мужчин и женщин. Уоллстонкрафт убеждена, что все естественные права, которыми, согласно учению Просветителей, должен обладать человек, в равной степени распространяются и на женщину. Она наравне с мужчиной наделена даром разума, поэтому высший смысл ее существования не должен быть иным, чем у мужчины. «Совершенство нашей природы и возможность счастья, определяются той степенью разумности, добродетельности и объемом познаний, которым обладает каждый человек»⁵.

Борьба за справедливость и принятие равных прав стала отправной точкой утверждения независимости женщин от мужчин и, следовательно, от семьи. Работа Мэри Уоллстонкрафт в защиту прав женщин считается классикой феминистской теории. Главная мысль заключается в том, что женщина самым "нечестным" образом превращается в игрушку для мужчин и полностью порабощается. Уоллстонкрафт писала: "Я не хочу, чтобы женщины властвовали над мужчинами; я хочу, чтобы они были сами себе хозяйками"⁶.

Для того чтобы женщинам получить свободу и равноправие, мужчины должны не только признать их равными себе в моральном плане. Женщине не-

обходимо стать экономически независимой, считает Уоллстонкрафт.

Мэри демонстрирует свою преданность доктрине социального равенства. Общество должно избавить себя от королей, армий, флотов и церковной иерархии и совершенствоваться: Бог создал нас для того, чтобы быть счастливыми в будущем. Женское совершенствование должно идти рука об руку с мужским; права мужчин и права женщин одинаковы.

Мэри настаивает на праве женщин быть образованными. Через образование должно прийти освобождение. Уоллстонкрафт принимает мысль своего времени о том, что женская сфера – это дом. Женщина должна быть образованна, потому что она в первую очередь ответственна за воспитание молодых. Кроме того, образованная женщина, по мысли Уоллстонкрафт, усилит отношения брака. Устойчивый брак – это партнерство между мужем и женой, социальное соглашение между двумя индивидуальностями. Такой брак способен дать хорошее воспитание детям.

По поводу национального образования и участия в нем женщин Уоллстонкрафт выдвигает собственную программу. Она одобряет создание дневных школ для совместного обучения мальчиков и девочек. «Если брак – это основа общества – образование должно следовать такой же модели, или взаимодействие полов никогда не станет партнерством, и женщины не воплотят их особого предназначения, пока не станут просвещенными гражданами, свободными, способными зарабатывать самостоятельно, независимо от мужчин, так же как один мужчина независим от другого. Если бы мальчикам и девочкам позволили учиться вместе, нормы приличия можно было бы с раннего возраста прививать детям, без этих сексуальных различий, которые развращают разум»⁷. Школы для детей от 5 до 9 лет должны быть бесплатными. Дети должны носить одинаковую одежду, чтобы не было заметно различие между богатыми и бедными. Образовательная программа должна быть одинаковой (изучение наук и искусств, основ психологии), для девочек дополнительно добавляются занятия рукоделием. Также очень важным для девочек является обучение анатомии и медицине «во избежание невежественных ошибок в уходе за детьми, родителями, мужем»⁸.

Уоллстонкрафт говорит о том, что и в старшей школе разнополые дети должны учиться совместно. По ее мысли, это приведет к ранним бракам: «Кроме того, это бы способствовало заключению ранних браков, которые производят самый благоприятный физический и моральный эффект. Женатый человек отличается от эгоистичного хлыща, который живет только для себя и часто боится жениться, чтобы не лишиться возможности вести всем известный образ жизни»⁹. Мэри в тоже время показывает настоящую картину женского образования: «В годы юности они получают скудное образование, не дающее им познания, и затем, в домашнем кругу, в одиночестве, они ощущают собственную незначительность и не находят чем себя занять или развлечь». Выйдя замуж, такой женщине нечем заняться, кроме интриг и кокетства, обсуждения нарядов и сохранения своей красоты: «когда они выходят замуж, они действуют, так как возможно ожидать от детей: они одеваются; они красятся, и именуются божьими творениями. Конечно, они слабые существа, только пригодные для гарема! Могут они управлять семейством, или заботится о бедных малышах, которых они приносят в мир?»¹⁰.

Уоллстонкрафт высказывается по поводу отношения к немногочисленным образованным женщинам в современном ей обществе: «Разные же едкие замечания в адрес образованных женщин рождаются из зависти. Когда женщина видит, что она не может лишь кокетством приковывать к себе внимание окружающих на протяжении всего вечера, тогда как более образованная женщина

придает беседе более рациональный характер, единственное утешение для них убеждать себя, что такие женщины никогда не выйдут замуж»¹¹.

Уоллстонкрафт кратко затрагивает вопрос о правовом положении женщин, которое должно быть пересмотрено. «Вероятно, я вызову смех, ... но я действительно считаю, что женщины должны иметь своих представителей в выборных органах вместо того, чтобы позволять деспотически управлять собой не имея никакой возможности принимать участие в обсуждении государственных дел»¹². Именно так, высказывая весьма дерзкую для своего времени мысль о политическом равноправии женщин, озвучивает Уоллстонкрафт свои гражданские убеждения. Пассивность женщин в политической сфере Уоллстонкрафт также выводит из недостатков женского образования. «Я уже критиковала традиционное ограничение девочек в политической и гражданской деятельности, тем самым ограничивая их разум и делая их неподходящими для особых обязанностей, которые предписаны им природой. Женщины идут на разные хитрости, чтобы получить какую-нибудь глупую вещь. Им не разрешается распоряжаться деньгами, они ничего не могут назвать своим, а стоит мужу провиниться – она получает подарок и смягчается. Но эти мелочи не деморализовали бы их, если бы женщин научили уважать себя, если бы политические и нравственные темы были для них открыты...»¹³.

Центральный тезис книги – «женщина, переделывая себя, переделывает мир» – означает, что изменение социального положения женщины неизбежно приведет в изменению общественных отношений в целом¹⁴. Таким образом, Уоллстонкрафт видела женщину будущего равной мужчине, широко образованной, экономически независимой, принимающей активное участие в политической и гражданской жизни страны. Женщина должна стать, по ее мысли, равноправным партнером в браке и рациональным воспитателем для будущих поколений. Необходимо отметить, что идеи Уоллстонкрафт не были поняты ее современниками. В конце XVIII в. идеи, высказанные писательницей, вызвали сильную реакцию, но не были поддержаны ни женщинами, ни мужчинами. Лишь в следующем столетии они получили широкое распространение.

¹ Johnson Lewis J. A Vindication of the Rights of Woman: overview the life and work of England early feminist Mary Wollstonecraft // Women's History Guide // www.womenhistory.com

² Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman with strictures on political and moral subjects. London: J. Johnson, 1792 // oll.libertyfund.org/EBooks/Wollstonecraft_0730.pdf

³ Godwin W. Memoirs of Mary Wollstonecraft. Constable and Co. Limited. L., 1928 // dwardmac.pitzer.edu/anarhist_archives/godwin/memoirs

⁴ Феминизм: проза, мемуары, письма, эссе: Пер.с англ. М., 1992.

⁵ Wollstonecraft M. Op.cit. P. 9

⁶ Антонов А.И., Филлипс Ч. Т. Феминизм и семья: историко-социологический анализ // www.etnocid.netda.ru/books/feminism/feminism01.htm

⁷ Wollstonecraft M. Op.cit. P. 134

⁸ Ibid. P. 44.

⁹ Ibid. P.137.

¹⁰ Ibid. P. 9.

¹¹ Ibid. P.143.

¹² Ibid. P.120.

¹³ Ibid. P.137-138.

¹⁴ Овчарова О.Г. «Женщина, переделывая себя, переделывает мир» (политические представления Мэри Уоллстонкрафт и Кэтрин Маколей: 1763-1792) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2005. №4. С. 49.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА XVII ВЕКА И ЭВОЛЮЦИЯ ЖИВОПИСНОГО НОКТЮРНА

1600 г. — чрезвычайно важная дата для истории европейского ночного пейзажа. В это время ноктюрн обретает совершенно иное качество, позволяющее ему в течение XVII столетия превратиться из фонового элемента сюжетной картины в независимый поджанр пейзажной живописи и пережить в качестве такового свой расцвет в западноевропейском искусстве. Этот расцвет, по нашему мнению, был предопределен всем ходом развития западноевропейской культуры XVII в., в своих основных чертах значительно отличающейся от культуры предшествующего времени.

До середины XVI в. «господствовало убеждение, представленное консервативными гуманистами (например, Себастьяном Брантом — «Корабль дураков», 1494 г.), согласно которому изучать природу звезд и историю Земли, их строение и расположение во Вселенной — непозволительное, ложное и дерзкое вмешательство в божественный план спасения¹. В последующее время, т.е. в конце XVI — начале XVII вв. закладываются основы для кардинального изменения культурной парадигмы, которое заключается в том, что «философия и наука не только заявляют о себе как самостоятельная область миропонимания, но и претендуют на преимущественное владение истиной о мире — истинной по-новому более глубокой, обширной и реально достоверной»². Величественные идеи Джордано Бруно и открытия в астрономии Кеплера и Галилея оказали огромное влияние на выработку нового мировоззрения, в котором представление человека о себе и своем месте во Вселенной коренным образом изменилось.

Джордано Бруно (1548—1600), опиравшийся на теорию Николая Коперника, был первым, кто заявил о бесконечности Вселенной не в мистическом, как ранее, а в чисто физическом смысле («О бесконечности, вселенной и мирах», 1584). «...Существуют бесконечное поле и непрерывное пространство, которое охватывает все и проникает во все. В нем существуют бесчисленные тела, <...> из которых ни одно не находится в большей степени в центре Вселенной, чем другое, ибо Вселенная бесконечна, и поэтому она не имеет ни центра, ни края...»³. Ноланец даже утверждал наличие обитаемых миров, «ибо разумному и живому уму невозможно вообразить себе, чтобы все эти бесконечные миры, которые столь же великолепны, как наш, или даже лучше его, были лишены обитателей, подобных нашим или даже лучшим...»⁴.

Бруно максимально развил пантеистические идеи Николая Кузанского, считая, что нет вещей, не обладающих душой, во всем существующем живет Божья искра, а «природа <...> есть ни что иное, как Бог в вещах»⁵. Так природа оказалась уже не просто Божьим творением, но тождественной самому Богу, отчего эстетическая и духовная ценность каждого ее явления, и ночи в том числе, неизмеримо повысилась.

Развитие астрономии на рубеже XVI-XVII вв. шло воистину невиданными темпами. По словам Леонардо Ольшки, в конце XVI в. «величественные и потрясающие феномены привлекли общий интерес к астрономическим вопросам»⁶. Эти «феномены» — сверхновая звезда (1572) в созвездии Кассиопеи и многочисленные кометы — исследовал датский астроном Тихо Браге (1546—1601). Доказав, что эти появления этих «чудес» связано не с «подлунным», а со звездным миром, прежде считавшимся «несокрушимым», он обосновал несостоятельность аристотелевской системы мироустройства. Кроме того, он сде-

лал самые точные для того времени наблюдения небесных тел, на основании которых его ученик, немец Иоганн Кеплер (1571—1630) вывел свои знаменитые законы движения планет («Новая астрономия», 1609 и «Гармония мира», 1619). Эти законы положили начало развитию небесной механики. В предисловии к «Новой астрономии» Кеплер также объяснил приливы и отливы земных океанов воздействием Луны.

Самой яркой «звездой» новой науки стал Галилео Галилей (1564—1642). Своей деятельностью он окончательно подтвердил правильность основных идей Коперника и Бруно. Галилей самостоятельно сконструировал несколько телескопов, с помощью которых в конце 1609 — начале 1610 гг. им были сделаны потрясающие открытия. Галилей увидел на Луне горные хребты и сухие «моря» (лунные пятна). Оказалось, что Юпитер окружают четыре спутника (названные «звездами Медичи»). Млечный путь, считавшийся «сгущением воздуха от космических паров»⁷, предстал скоплением бесчисленного множества звезд, невидимых невооруженным глазом. Книга «Звездный вестник» (1610), в которой ученый опубликовал свои наблюдения, произвела ошеломляющее впечатление на Европу. В течение нескольких месяцев после выхода она распространилась по Европе, а через пять лет достигла Китая!⁸ Затем Галилей открывает звезды в созвездии Плеяд, фазы Венеры, солнечные пятна. Галилей также говорит о бесконечности мироздания и взаимосвязь всех его элементов.

«Без преувеличения можно сказать, что идеи Галилея во многом определили духовный климат целой эпохи», — замечает А.К.Якимович.⁹ Среда существования человека была раздвинута до масштабов Вселенной. У людей постоянно ощущавших «свою соотнесенность с <...> мировым космосом» (И.Е.Данилова)¹⁰, изменялись метафизические основы бытия. Уже тогда можно было со всем правом сказать: «Открылась бездна звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна» (М.В. Ломоносов).¹¹ Если исходить из того, что одним из лучших «отражений» идей о бесконечности Вселенной, множественности миров и всеобщей одухотворенности космоса является образ ночного неба, то мы можем приблизиться к пониманию той исключительной популярности, которую обрела тема ночи в искусстве, литературе, музыке XVII в.

Конечно, указанными факторами не исчерпывается объяснение широкого распространения «ночной» тематики в культуре XVII в. Если они играли определяющую роль в начале столетия (творчество Эльсхаймера, Рубенса), то впоследствии к ним добавились и другие важные тенденции.

Большой интерес к ночи и связанным с ней сюжетам отмечается в литературе и театре XVII в. Театры разрабатывали различные осветительные эффекты: яркий свет, полумрак, темноту с мерцающими огнями. Для создания ночной «атмосферы» применялись ночные завесы, фейерверки и пожары.¹² В пьесах Шекспира (1564—1616), таких как «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло», «Веселые виндзорские кумушки» действие часто происходит ночью. А играющие «пьесу в пьесе» ремесленники-актеры («Сон в летнюю ночь») предлагают оригинальные решения вопроса «Как устроить лунный свет в комнате?» Но ярче всего «ночные» сюжеты раскрылись в поэзии. Западноевропейские поэты XVII в. разработали тему ночи в мельчайших деталях, тонко передавая все оттенки связанных с нею переживаний. Стихотворений с ночной тематикой не просто стало больше, чем в предыдущих столетиях, теперь они стали гораздо разнообразнее. Среди них можно выделить такие направления, как «Философские размышления ночью» (П. Кальдерон, Д. Донн, Д. Мильтон, А. Грифиус, С. ван Бомонт и др.), «Стихотворение-молитва Христу о спасении в ночной час» (Г. Гроций, П. Гергардт, И.-Х. Гюнтер, М. де Сван и др.), «Ночь любви» (Д. Марино, Я. Лейкен, П. Флеминг, П.К. Хофт и др.), «Сон» (Д. Марино, Ю. ван

Хардейн); а ведь были еще обращения к Луне (Д. Фонтанелла), описания ночных пожаров (А. Грифиус) и т.д. Причем к подобным сюжетам обращаются поэты по всей Европе от Исландии и Дании до Далмации и Польши. Знаменитый теоретик поэзии Эммануэле Тезауро (1591—1675) лучшим способом показать стилистическое разнообразие подачи одной мысли считает обращение к «"астрономической тематике" и научным представлениям своего века о Вселенной»¹³. Свое рассуждение он начинает словами: «Есть ли более серьезное и возвышенное явление на свете, чем звезды небесные?»¹⁴

Тема ночи занимает важное место и в музыке XVII в. По наблюдениям К.А. Кузнецова, в это время возникают различные виды «ночной музыки»: ноктюрн, дивертисмент (происходит от ночных придворных празднеств), кассация (первоначально — песня ночных бродячих музыкантов), серенада (песня еще «светлого», вечернего часа)¹⁵.

Таким образом, развитие европейского ночного пейзажа происходило на фоне резко возросшего интереса в обществе к ночи и темам, с нею связанным. К последним следует отнести также контрасты света и тени, любовь к которым проходит через все искусство XVII в. от художников барокко до Караваджо, Латура и Рембрандта. «Ночная» атмосфера получила широкое распространение не только в мифологической, религиозной и бытовой картине, но даже в натюрморте, где предметы освещались трепетным пламенем свечи (П. Клас, Г. Флегель). «Борьба света и мрака становится образным воплощением пульсации материализовавшегося пространства, которое то безгранично расширяется, то тесно сжимается, то уплотняется, то разрезается»¹⁶. В таком контексте завроженность людей XVII в. «ночной» тематикой вполне может восприниматься как проявление некоего «духа времени», закономерно нашедшее свое отражение и в пейзажной живописи.

¹ Шнейдер Н. Вермер. Все произведения. М., 2004. С. 75.

² Сви́дерская М.И. Караваджо. Первый современный художник. Проблемный очерк. СПб., 2001. С.77.

³ Бруно Д. Философские диалоги. М., 2000. С. 240.

⁴ Там же. С.241.

⁵ Бруно Д. Изгнание торжествующего зверя. О причине, начале и едином. Минск, 1999. С. 212.

⁶ Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. Т.2. М.; Л., 1934.С.155.

⁷ Там же. С.158.

⁸ Toulmin S. a.o. Seventeenth Century... P.19.

⁹ Якимович А.К. Барокко и духовная культура XVII века // Советское искусствознание'76. Вып.2. М., 1977. С.109.

¹⁰ Данилова И.Е. Судьба картины в европейской живописи. М., 1996. С.43.

¹¹ Ломоносов М.В. Сочинения. М., 2000. С.25.

¹² Аникст А.А. Италия. Театр и декоративное искусство // История искусств стран Западной Европы от Возрождения до начала 20 века. Искусство 17 века. Кн.1. М., 1988.С.144.

¹³ Голенищев-Кутузов И.Н. Романские литературы. Статьи и исследования. М., 1975. С.332.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кузнецов К.А. Исторические формы ноктюрна // Искусство. 1925. №2. С.123—131.

¹⁶ Данилова И.Е. Судьба картины ... С.28.

*Путова А.В.
Центральный государственный исторический архив Украины*

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА КОСТЕЛА СВ. АЛЕКСАНДРА В КИЕВЕ (1817-1842 ГГ.)

Памятник классицистической архитектуры, старейший римско-

католический храм Киева, прокафедральный собор Киево-Житомирской диоцезии - костел св. Александра - в течение более 150 лет является украшением Киева. Своим возникновением храм обязан в значительной мере либерализму Александра I в отношении христиан западного исповедания¹. Зная это качество монарха, представители польского дворянства Киевской губернии уже в 1814 г. собрали первоначальную сумму, необходимую для начала строительных работ, взимая по 25 копеек с каждой из принадлежавших им крепостных душ². После этого, пользуясь эйфорией, наступившей после вереницы побед, одержанных русской армией в Европе, и благосклонной позиции императора, киевские дворяне поспешили передать царю прошение о разрешении строительства в городе большого каменного римско-католического собора. Прошение достигло императора в его штаб-квартире в Париже, и там же 7 июля 1815 г. он дал свое разрешение. При этом в своем письме к предводителю дворянства Киевской губернии графу П. Поттоцкому Александр I отметил: "видя... свидетельство усердия и любви к Отечеству, (коею)... переполнено было Дворянство..., я с удовольствием утверждаю пожертвовани(я) дворянства на сооружение в Городе Киеве церкви (как) жертву учиненную Всевышнему Создателю..."³

31 июля 1815 г. император распорядился также определить место для строительства храма "в Киеве, между старым Киевом, Подолом и Печерском".⁴ Место это было внесено в план города 19 декабря 1816 г. Оно представляло собой участок площадью 3447 квадратных саженей, и, после представления императору, было утверждено 28 мая 1817 г.⁵ Позднее к участку было присоединено еще 1340 квадратных саженей⁶. 31 июля того же года участок был торжественно передан под опеку отцов-доминиканцев⁷. В порыве благодарности за оказанную милость местные католики решили дать новому храму имя святого покровителя императора. Таким образом, краеугольный камень будущего храма был освящен во имя св. Александра I – папы и мученика. Освящение состоялось 30 августа 1817 г. и было совершено архидиаконом И. Грабовским⁸. Некоторые источники указывают дату 31 августа 1917г.⁹ Однако в архивных документах неизменно повторяется упоминание о том, что все освящения храма происходили именно 30 августа.

Автор первоначального проекта здания до сего дня остается неизвестным. Строительство, начавшееся в 1817 г., затянулось на долгие годы. Средства, предназначенные для него, уходили не только по прямому назначению, но использовались также для поддержания в достойном состоянии самого плебанийного участка. 10 мая 1830 г. настоятель доминиканского монастыря, под опеку которого было отдано строительство костела, о. В. Головня обратился к губернатору Киева с просьбой о разрешении провести ремонтные работы монастырских помещений, а также дороги, ведущей от Крещатика к Михайловскому Златоверхому монастырю непосредственно через территорию плебании. Между прочим, в прошении было сказано: "а как сыпаной земли многими проездами и водою, всякий год портится земля и дорога, то принуждены мы оную подчинять, не имея на сие никаких доходов - а также всю гору обгородили мы и обсадили деревьями, для поддержания оной горы, и украшения города, но всякий год сия обгорода сама через себя портится, и жителями старокиевскими разграблена бывает..."¹⁰

Кроме бытовых трудностей, нарастала все более серьезная общая финансовая проблема. Так как первоначальная сумма уже была истрачена, среди дворян Киевской губернии начался повторный сбор средств. И здесь неожиданно обнаружилось, что богатейшие магнаты отказываются от участия в этом деле¹¹. Такое поведение легко объяснимо: все они имели костелы в собственных имениях. Большой храм в Киеве интересовал прежде всего киевских мещан и

мелких дворян, которые на долгое время по делам оказывались в столице Юго-Западного края. Таким образом, дальнейшие работы оказались под угрозой, поскольку зависели от материальной поддержки мелкой киевской шляхты.

Ситуация усугубилась еще больше, когда после Польского восстания 1830-1831 гг. большинство представителей католических монашеских орденов вынуждены были покинуть территорию Российской империи¹². Вследствие этого на 1832 г. Киев остался без отцов-доминиканцев. Они покинули город, оставив собор, выстроенный лишь частично¹³.

В 1833 г. судьба храма повернулась к лучшему. Помещик Киевской губернии А. Савицкий выказал желание пожертвовать сумму, необходимую для окончания строительства костела¹⁴. По воспоминаниям современников, А. Савицкий был управляющим имениями графини Литта (в девичестве Энгельгардт), приходившейся родной сестрой графине А. Браницкой, жене графа К. Браницкого. Между прочим, следует заметить, что именно Энгельгардты и Браницкие были в числе богатых помещиков, не пожалевших принять участие в сборе средств на окончание строительства храма¹⁵. Состоятельный одинокий человек, набожный христианин, А. Савицкий умер в 1839 г., и лишь тогда обнаружилось, что покойный в течение шести лет пожертвовал на поддержание костела св. Александра 153 130 р. 41 коп.¹⁶ Еще в 1835 г. были произведены примерные расчеты стоимости окончания строительных работ.¹⁷ Стоимость эта составляла 196 770 рублей, в то время как киевское дворянство собрало лишь 24 535 рублей 74 коп.¹⁸ Следовательно, пожертвование А. Савицкого оказалось решающим в деле строительства собора.

Новый изысканный проект здания был создан архитектором Л. Станзани¹⁹. В нем отсутствовали две башни-колокольни, которые украшают храм сегодня. Также предполагалось наличие портика с шестью колоннами вместо четырех нынешних. Кроме того, фасад должен был быть украшен фризом и четырьмя статуями святых. Однако в процессе окончания строительства, которым руководил архитектор Ф. Мехович²⁰, здание приобрело современный вид.

Строительство было завершено в 1842 г., и 30 августа того же года костел был освящен исполняющим обязанности архидиакона Киевского Ю. Стейвилло²¹. Он же стал первым настоятелем нового храма²².

К сожалению, на сегодняшний день самая ранняя из известных фотографий интерьера здания относится к 1937 г., то есть ко времени перед закрытием храма советской властью. Как выглядел собор внутри в более ранний период, мы можем судить лишь по воспоминаниям современников. Так, в одном из старинных путеводителей по Киеву находим следующие строки: "Внутри храм очень просторен и светел. Кроме главного престола, во имя Св. Александра, в нем есть еще шесть боковых: св. Анны, св. Апостолов Петра и Павла и св. Антония - с правой стороны; св. Анны, Пресвятой Богородицы и св. Иоанна Крестителя - с левой стороны. Напрестольный образ на главном престоле - Распятие, итальянской живописи"²³.

Некоторое сомнение вызывает здесь упоминание о наличии в храме двух алтарей, освященных во имя одной и той же святой, однако общие сведения о существовании семи алтарей, правда, без расшифровки их названий, подтверждает в 1897г. настоятель костела св. Александра о. П. Змигродский.²⁴

В другом описании читаем: "Внутри костел достаточно хорош. Округлый, очень порядочно и чисто содержащийся, достаточно обеспеченный всем необходимым, он имеет семь алтарей, в одном из которых есть очень хорошая копия Мадонны Фолиньо, в другом - копия св. Антония Мурильо, оригинал которого, мало известный в мире, находится в Севильской кафедре"²⁵. Под "Мадонной Фолиньо", возможно, подразумевается "Мадонна де Фолиньо" Рафаэля. Как ни

странно, ни в визитациях прихода, ни в частных описаниях не упоминается качественная копия "Преображения" Рафаэля, сделанная неизвестным художником XIX в. – единственная картина, принадлежавшая приходу, которая сохранилась донныне, и сегодня, восстановленная и возвращенная законным владельцам, вновь украшает храм.

По данным о Змигродского, в приходе св. Александра на 1896 г. насчитывалось 33 771 чел.²⁶ Население Киева на 1894г. составляло 188. 488 чел., из которых 150. 000 чел. были православными, имевшими в своем распоряжении 120 храмов.²⁷ Таким образом, православных приходилось в среднем по 1 250 чел. на приход, в то время как католики, составлявшие около 19% населения города, долго добивались создания для себя единственного каменного храма.

¹ Католицизм//Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XIV-а. С. 736.

² Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (Далее – ЦГИАК). Ф. 127. Оп. 1051. Д. 645. Л. 4.

³ Государственный архив г. Киева (Далее – ГАГК). Ф. 19. Оп. 1. Д. 736. Л. 5.

⁴ ГАГК. Ф. 19. Оп. 1. 763. Л. 1.

⁵ ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 3. Д. 563. Л. 1.

⁶ ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1051. Д. 645. Л. 4.

⁷ ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 3. Д. 563. Л. 1.

⁸ ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1051. Д. 645. Л. 4.

⁹ Ciechowski W. Kijów i jego pamiątki. Kijów, 1901. S. 102.

¹⁰ ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 3. Д. 563. Л. 1-2.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Католицизм. С. 738.

¹³ ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1051. Д. 645. Л. 4.

¹⁴ ГАГК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 763. Л. 1.

¹⁵ ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 3. Д. 563. Л. 1-2.

¹⁶ Ciechowski W. S. 103.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 3. Д. 563. Л. 4.

¹⁹ ГАГК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 763. Л. 1, 7а.

²⁰ Костелы //Киев: энциклопедический словарь. Киев, 1981. С. 287.

²¹ ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1054. Д. 645. Л. 4.

²² ЦГИАК. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 18. Л. 14-15.

²³ Захарченко М.М. Киев теперь и прежде. Киев, 1888. С. 82.

²⁴ ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1059. Д. 645. Л. 6.

²⁵ Ciechowski W. S. 100.

²⁶ ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1059. Д. 645. Л. 1.

²⁷ Киев// Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XV. С. 267.

Савинов И.А.

Уральский государственный университет

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ АНГЛИЧАН В ИНДИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. КИПЛИНГА)

Художественная литература является достаточно информативным источником по истории повседневности. Несмотря на определенную субъективность и наличие вымысла как литературного приема, художественное произведение во многом отражает реалии социокультурной среды и эпохи, породивших его. Источником для реконструкции прошлого является любой элемент литературного произведения: структура, язык, сюжет, бытовые сцены, затрагиваемые проблемы. Писатель, своеобразная «совесть общества», показывает повседневную жизнь обычного человека, вольно или невольно касается трудностей во взаимоотношениях людей.

Цикл «индийских рассказов» Р. Киплинга, а также его мемуары и очерки

рисуют подробную картину жизни европейцев в Индии. Автор затрагивал обширный круг вопросов: климатические условия, быт, развлечения, проблемы взаимоотношений с местным населением. Киплинг сам являлся представителем англо-индийской общины. Он провел в Индии свое детство, затем учился в Англии и после окончания школы в семнадцатилетнем возрасте вернулся в Индию. Следующие семь лет Киплинг работал в лахорской газете, на страницах которой были опубликовано большинство его рассказов «индийского цикла», а затем окончательно переехал в Англию.

Целью данной работы является попытка выделить основные проблемы в жизни англичан в Индии, основываясь на творчестве Р. Киплинга. Эти выводы могут стать основой для более детальной разработки темы.

Климат в Индии очень непривычен для европейцев. Наиболее тяжелым для них является период с марта по сентябрь. Жаркий сухой сезон длится до июня. Затем влажность возрастает, погода становится невыносимо знойной и дождливой. С июля до середины сентября держится влажная жаркая погода. «Внутри дома температура доходила всего до сорока градусов, но жару усугублял удушливый смрад... Так пахнет великая империя Индия, когда на шесть месяцев она превращается в ад»¹. Это время года англичане предпочитали проводить в предгорьях Гималаев, в частности, в Симле – летней резиденции вице-короля. Для оставшихся в равнинной части жизнь была невыносимой. В своих мемуарах «Немного о себе» Киплинг писал: «Наша численность клуба с середины апреля до середины октября сокращалась, и люди становились невнимательными к себе... Между друзьями внезапно вспыхивала беспричинная ненависть и быстро угасала. Вспоминались старые обиды, книга жалоб полнилась обвинениями и измышлениями. Это была странная жизнь»².

К непривычным, невыносимым климатическим условиям добавлялись постоянные болезни. «Смерть постоянно была нашим близким спутником. Когда в нашей белой общине одиннадцать слегли с брюшным тифом, а профессиональных медсестер тогда не существовало, то мужчины дежурили у постелей мужчин, женщины – женщин. Четверо из заболевших умерли, и мы считали, что легко отделались»³. Описывая свою семилетнюю службу в «Гражданской и военной газете», Киплинг, в частности, писал: «Я никогда не работал менее десяти часов в день и редко более пятнадцати; постоянно мучился неотвязной лихорадкой, на какое-то время к ней прибавилась хроническая дизентерия. Однако я обнаружил, что человек может работать с сорокоградусной температурой, хотя на другой день ему придется выяснять, кто писал статью»⁴.

Численность европейского населения в Индии была невелика. Киплинг в своих мемуарах отмечал, что в Лахоре и окрестностях проживало примерно семьдесят человек⁵. В рассказе «Захолустная комедия» автор показал повседневную жизнь небольшого индийского поста Кашима, в котором проживают пятеро европейцев. Жизнь в этом пространстве упрощается, избавляясь от многих формальностей, «общественного мнения нет, все законы смягчаются»⁶.

Киплинг постоянно заострял внимание на том, что Индия совершенно непригодна для жизни европейцев, а «англичане не могут здесь успешно размножаться»⁷. Как отмечает А.А. Голосеева, «иммиграция из Англии не поощрялась, и общепринятой практикой для служащих было возвращение в Англию по выходе в отставку. Таким образом, прирост британского населения в Индии год за годом был минимальный, и те, кто там находился, воспринимали эту страну не как свой дом, а как место непосильного труда»⁸.

В этих условиях англичанам приходилось жить и работать, устраивать свой быт. С. Рафалюк, касаясь английского колониального сообщества в первой половине XIX в., пишет: «В качестве основного механизма социально-

психологической адаптации выступала консервация британских традиций, выражавшаяся в реалиях повседневного быта»⁹. В 80-е гг. XIX в. ситуация мало изменилась. Англичане старались вести в Индии привычный им светский образ жизни с его традиционными развлечениями. Однако очень сильно чувствовался налет провинциальности, периферийности этой культуры: «Книг, театра, картин и развлечений, если не считать игр, в которые можно играть при прохладной погоде, не было»¹⁰. Большие общины в меньшей степени сталкивались с этой проблемой, однако в маленьких постах, разбросанных по всей Индии, «не было ни общественных садов, ни оркестров, ни других увеселений»¹¹. Замкнутая жизнь приводила к более строгому следованию традициям. Для англичанина большое значение имело появление в его закрытом мире новых лиц. Стремление сплотиться ярко показано в рассказе «Конец пути», герои которого каждую неделю соблюдают своеобразную традицию, собираясь вместе играть в карты, несмотря на то, что их разделяет сотня миль: «Не то чтобы игроки чувствовали особое расположение друг к другу. Они вздорили при каждой встрече, но, тем не менее, страстно жаждали встретиться. Все они были люди одинокие, познавшие страх одиночества»¹².

Одним из способов социокультурной адаптации и сохранения единства англичан стало создание клубов. Они занимали центральное место в культурной жизни англо-индийцев. О себе Киплинг писал: «Центром мира для меня являлся Пенджабский клуб – членом которого я стал в семнадцать лет...»¹³. Именно в клубах англичане проводили практически все свое свободное время. Клуб объединял представителей всех прослоек англо-индийского населения: «И в том клубе, да и в других местах, я встречал чиновников, военных, учителей, ирригаторов, лесничих, железнодорожников, врачей, юристов – представителей всех профессий»¹⁴. Игра в бильярд, вист, покер, обсуждение текущих дел, «разговоры на свои узкопрофессиональные темы»¹⁵, беседы «вокруг неисчерпаемой темы – о служебных обязанностях каждого и о том, как они исполняются...»¹⁶. Это было место, в котором засиживались допоздна и «с неохотой возвращались в свое пустое и темное холостяцкое бунгало»¹⁷.

Однако эти клубы также создавали барьер между местным населением и европейцами. «В рассказах Киплинга отчетливо присутствуют два мира – мир англо-индийцев и окружающий их мир местного населения. Они общаются между собой, испытывают друг к другу симпатию или неприязнь, но между ними существует незримая граница»¹⁸. Англичане не пытались вникнуть в психологию местных жителей, понять их. Сюжеты многих рассказов Киплинга строятся на проблеме непонимания «другого» («Лиспет», «Возвращение Имрея», «Месть Дангары», «За чертой»). Частые контакты с коренным населением не приветствовались со стороны англичан, даже осуждались: «Стрикленд был так неразумен, что слонялся по всяким отвратительным местам, сунуться в которые не решился бы ни один порядочный человек, а также яхкался с подонками туземного общества. Таким своеобразным способом учился он в течение семи лет, и люди были не в силах это оценить»¹⁹. Более того, Киплинг делает намек на отторжение со стороны его соотечественников европейца, завязавшего контакты с индийцами: «Днем Тридцего привычно исполнял свои обязанности в конторе или переодевался и наносил визиты женам служащих поста, размышляя при этом, долго ли поддерживали бы они с ним знакомство, если бы знали о бедной маленькой Бизезе»²⁰. Эта тема также затрагивается в рассказе «Хранить как доказательство».

Лишь слуги имели наиболее тесные бытовые контакты с англо-индийским населением: «У слуги, именно потому, что он слуга, есть свой иззат – честь...

Берегите его честь, и он будет ваш всей душой. Никогда не браните слугу при ком-то постороннем... Вознаграждением является служба, воспринимаемая как нечто само собой разумеющееся...»²¹.

Итак, представляется возможным выделить основные трудности, препятствовавшие адаптации англичан в Индии:

1. Акклиматизация.
2. Необходимость сохранения собственной идентичности и быта в непривычных условиях.
3. Одиночество.
4. Серьезные проблемы взаимоотношений с местным населением.

Перечисленные факторы воздействовали на все аспекты повседневного быта англичан. Необходимо учитывать эти особенности при детальной реконструкции их жизни в Индии.

¹ Киплинг Р. Конец пути /Рассказы, стихотворения. Л., 1989. С. 152.

² Киплинг Р. Немного о себе для моих друзей – знакомых и незнакомых /Немного о себе. М., 2003. С. 42-43.

³ Там же. С. 31-32.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же.

⁶ Киплинг Р. Захолустная комедия //www.lib.ru/KIPLING/zakomed.txt.htm.

⁷ Киплинг Р. От моря до моря /Немного о себе. С. 152.

⁸ Голосеева А.А. Р. Киплинг и проблемы англо-индийского общества //Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов, 2001. С. 64.

⁹ Рафалюк С.Ю. Английское колониальное сообщество в Индии (1813-1857 гг.). М., 2002. С. 14.

¹⁰ Киплинг Р. Немного о себе... С. 31.

¹¹ Киплинг Р. Ложный рассвет //www.lib.ru/KIPLING/lozhras.txt.htm.

¹² Киплинг Р. Конец пути... С. 152.

¹³ Киплинг Р. Немного о себе... С. 32.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Киплинг Р. Без благословения церкви /Рассказы, стихотворения. С. 134.

¹⁷ Там же. С. 133.

¹⁸ Креленко Н.С. Парфенов И.Д. Строительство Британской империи и образ представителя чужой культуры в английской литературе 17-20 вв // http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/historynewtime/n_i_n/docs/11.pdf

¹⁹ Киплинг Р. Саис мисс Йол /Восток есть восток. М., 1991. С.49-50.

²⁰ Киплинг Р. За чертой /Город страшной ночи. СПб., 2000. С. 24.

²¹ Киплинг Р. Немного о себе... С. 41.

Мальшева О.В.

Елецкий государственный университет

РАЗВИТИЕ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ И ШКОЛ ГРАМОТНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ЛИПЕЦКОГО УЕЗДА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

С середины XIX в. начальное церковное образование стало организовываться в систему, которая не только сыграла существенную роль в повышении культурного уровня широких слоев населения, но и длительное время являлась едва ли не единственным типом школ, удобным для крестьянства.

По данным статистики, в 1887 г. церковноприходских школ в России было 5517, в 1889 г. - 17 715, в 1898 г. - 34 836, а в 1905 г. - 42 696 с почти 2 миллионами учащихся. Количество всех других начальных школ в 1905 г. равнялось 48 288. Таким образом, церковно-приходские школы составляли 46,5% всех начальных школ¹.

Крестьянские школы были незаменимы в губерниях с разбросанными не-

большими посёлками. Школы учреждались и содержались Министерством народного просвещения. Министерство открывало свои школы в сельских местностях в том случае, если местное земство, общество, учреждение или частное лицо обязывалось выплачивать определенный взнос на учительское содержание, на учебники и письменные принадлежности.

Церковь, как и прежде, получила право контролировать процесс обучения. Согласно изданным 4 мая 1891 г. «Правилам о школах грамотности», 18 тыс. уже существовавших к этому времени школ были подчинены духовно-учительскому совету при Святейшем Синоде и стали числиться как церковно-приходские². Оснащение церковных школ уступало земским школам и приходским училищам. Наиболее низким уровнем подготовки отличались школы грамоты. Их появление и распространение было вызвано возрастающим интересом к науке и нехваткой казённых и земских школ. В 1897 г. их было 25 тыс., а требовалось не менее 300 тыс.³

В XIX в. в состав Липецкого уезда Тамбовской губернии входили территории современного Липецкого и Грязенского районов. В Липецком уезде, по данным отчётных сведений за 1890-1891 учебный год, содержится упоминание о 5 школах грамоты и 6 церковноприходских школах. 8 школ располагалось при церквях, 2 в съёмных квартирах. Все помещения, отведённые под классы, были неудобны, имели плохое освещение, вентиляцию, инвентарь. И только для одной церковноприходской школы в селе Красиловка было построено в 1885 г. специальное здание на средства священника Муравьёва (400 руб. серебром). Оно было очень удобно, но, как большинство школ, не имело сада и огорода⁴.

Количество населения в селах, где располагались эти учебные заведения, равнялось 20 570 человек. Детей в возрасте от 7 до 14 лет было 3 216. Школы духовного ведомства посещало незначительное число детей - 245 мальчиков и 29 девочек. В земских и частных школах обучалось 180 человек. Без обучения оставался 2 661 ребёнок⁵.

По данным ведомости о церковно-приходских школах Липецкого уезда за 1899 г., числилось 59 сельских школ. А в 1900 г. их число увеличилось до 62. Основная часть школ располагалась в собственных зданиях (55), и только шесть - в наёмных⁶. В Липецком уезде с конца XIX в. наблюдается устойчивая тенденция увеличения количества учащихся. По данным Отчётных ведомостей за 1892-1893 учебный год, в Липецком уезде проживало 139 043 человека. Детей школьного возраста - 23 473, из них мальчиков 11 830, девочек 11 643. Во всех начальных школах обучалось 4 275 мальчиков и 759 девочек. В школах духовного ведомства в процессе обучения было задействовано 1 655 мальчиков и 427 девочек. Безграмотными оставалось 18 807 человек.⁷

В 1899 г. в Липецком уезде грамоте обучалось 2 180 мальчиков и 688 девочек в церковноприходских школах. Основную массу составляли дети крестьян - 2 170 человек⁸. По данным ведомости о преподавателях, в церковных школах на 1899 г. значатся 72 законоучителя, получившие образование в средних учебных заведениях. Из них правом преподавания обладало более 44% (32 человека). За преподавательскую деятельность они не получали денежного вознаграждения. В учительском штате работало 92 мужчины и 25 женщин. Только 34 учителя и 7 учительниц окончили курсы учительских семинарий и получили специальную подготовку к учительскому делу. В средних учебных заведениях обучалось 15 учителей и 7 учительниц. Среди учителей только 72 работало бесплатно, а 20 человек получали жалование в размере от 50 до 300 руб. Учительницам платили жалование от 3 до 9 руб⁹.

В своих приходах священнослужители прилагали массу усилий для создания полноценной школы. К примеру, законоучитель села Каромышева в 1896

г. подал прошение в Липецкий отдел Епархиального учительского совета. В нём говорилось, что на селе «школа не имеет собственного здания, а пользуется наёмным, в доме крестьянина, в простой крестьянской избе, тесной и грязной». Из-за пожаров на селе в 1886-1889 гг. прихожане не имели средств для строительства специального школьного здания. По этой причине приходской священник готов «найти денег на половину дела, если (только) Липецкое отделение будет ходатайствовать перед Управлением Государственных Имуществ о безденежном отпуске казённого леса, из Куликовской дачи Усманского лесного хозяйства»¹⁰.

Липецкий отдел Епархиального учительского совета выразил особую озабоченность ситуацией, сложившейся в селе Каромышева. «Прихожане - жители села, деревень не знают ни одной молитвы, что в некоторых этих деревнях на зимовку являются бродячие учителя пьяницы, внимающее с мальчика по 15 коп. нечему добромому ненаучающие, а развращающие». Были открыты школы грамоты для детей, проживающих в деревнях Верхней Луковне, Петровки и Колоусове с общим числом жителей 4 420 человек обоего пола¹¹.

Большинство школ духовного ведомства не имели чёткого расписания и не вели записи посещения занятий учениками. В отчётных сведениях о школах грамоты села Тынковое Липецкого уезда в графе о наличии расписания и выполнения его имеется запись: «...расписания не было, записей тоже не было, за не имением тёплой одежды, ученики в большие холода школу почти не посещают»¹². Но некоторые школы добросовестно относились к ведению документации. В сведениях о церковноприходской школе села Красилровка того же уезда расписание было составлено и занятия велись строго по нему с 8 до 14 часов осенью и весной и с 9 до 14 часов в зимнее время. При этом дети «...исправно посещают школу»¹³. Не существовало также чётко установленной даты начала и окончания учебного года. Учебный год мог начинаться как в середине сентября, так и в двадцатых числах октября. Окончание школьных занятий выпало на конец марта, середину апреля, начало мая¹⁴.

На нужды церковноприходских школ по данным ведомости за 1892 г. выделялись суммы: от Епархиального училищного совета - 354 руб. 9 коп., попечительские взносы составили 887 руб. 57 коп., от церквей было получено 334 руб. 4 коп.¹⁵ В некоторых школах взималась также плата с обучающихся в размере от 20 копеек до 7 рублей 50 копеек. В библиотеки церковноприходских школ периодически поступали новые книги от Епархиального училищного совета. Всего в школы за 1890-1891 учебный год было куплено 279 книг, и их количество постоянно росло. По данным отчётных ведомостей Липецкого отделения Епархиального училищного совета за 1892-1893 учебный год в школы духовного ведомства поступило 2 386 экземпляров книг¹⁶. А к 1899 г. библиотеки школ пополнились 4 305 экземплярами¹⁷.

Благодаря политике правительства в области развития системы начального образования и распространения грамотности среди крестьянства, в стране увеличивается количество церковноприходских школ и школ грамотности. Если после отмены крепостного права грамотными было 2% государственных крестьян, то к 1897 г., по данным Всероссийской переписи, их количество увеличилось до 17,4%.¹⁸

¹ Катунцев С.И. Реформирование начальной школы России: общественно педагогическая мысль и государственная политика второй половины 19 века. Дис... канд. ист. наук. Саратов, 2005. С.185.

² Филоненко Т.В. Этапы развития общеобразовательной школы в России: (Школьные системы XIX- первой половины XX веков). Дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. С. 113.

³ Федоров В.А. Крестьянские школы грамотности в России XIX веке. // Педагогика. 2000. №10. С.81.

- ⁴ ГАЛО. Ф.10. О.1. Д.10. Л.59.
⁵ ГАЛО. Ф.10. О.1. Д.10.
⁶ ГАЛО. Ф.23.О.1.Д.1. Л.159.
⁷ ГАЛО. Ф.23.О.1.Д.7. Л.158.
⁸ ГАЛО. Ф.23.О.1.Д.1. Л.160.
⁹ ГАЛО. Ф.23.О.1.Д.1. Л.160.
¹⁰ ГАЛО. Ф.23.О.1.Д.1. Л.76-77.
¹¹ ГАЛО. Ф.23.О.1.Д.1. Л.140.
¹² ГАЛО. Ф.10. О.1. Д.10. Л. 1
¹³ ГАЛО. Ф.10. О.1. Д.10. Л. 25
¹⁴ ГАЛО. Ф.10. О.1. Д.10
¹⁵ ГАЛО. Ф.23.О.1.Д.7. Л.161.
¹⁶ ГАЛО. Ф.23.О.1.Д.7.Л.67.
¹⁷ ГАЛО. Ф.23.О.1.Д.1. Л.160.
¹⁸ Катунцев С.И. Указ. соч. С.410.

Канонистова З.С.

Саратовский государственный социально-экономический университет

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ:
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА АНГЛИЧАНИНА В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ ЧЕРЕЗ
ВОСПРИЯТИЕ «КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Жизнь разнообразна и многолика в своих проявлениях. В бытии каждого народа наряду с эпохальными событиями всегда существовало то, что мы называем повседневностью. Как справедливо заметил А. Шютц, «повседневность как бы вовсе и не замечается людьми, словно воздух, которым дышишь. Только жизненный мир при всех иллюзиях обладает непосредственной достоверностью»¹. Именно мир обыденной жизни создает историческое пространство. Без быта и нравов не может быть того или иного народа, не зная бытовых традиций и социально-этических норм, нельзя понять его историю.

Культура повседневности – это своего рода оболочка, структурирующая и объясняющая контекст духовных ценностей нации. Кроме того, понимание обыденной человеческой жизни помогает воссозданию «атмосферы эпохи», а значит и более глубокому осмыслению истории государств, войн и идей.

В данной статье рассматриваются представления русских наблюдателей второй половины XIX – начала XX в. об английской домашней жизни, ее особенностях и традициях, а также роль данных представлений в формировании образа самого англичанина в русском обществе.

Анализ восприятия русскими современниками основных черт английского характера следует начать с рассмотрения того, каким они видели дом англичанина. «Дом – крепость, то, на чем зиждется английская жизнь», – отмечал в своих очерках В. Керженцев, – ни один европеец не обращает столько времени на дом»². Дом в Англии действительно был и остается сердцевинной британского духа. В английских домах отражались черты характера английского народа, презиравшего внешность и форму, но заботившегося о сущности. В наружной отделке домов не было заметно ни малейшей изысканности, замечал русский публицист того времени, «все просто, естественно»³. Зато внутри они поражали комфортом. «Эти черные кирпичные дома с унылыми, будто тюремными стенами, внутри до того уютны, что могут привлечь самого отъявленного бездомника и дать ему понять цену семейной жизни», – писал Н. Онуфриев⁴.

Квартиры в Англии располагались вертикально. Подобную «английскую прелесть»⁵ путешественники из России считали чудачеством, поскольку рус-

ский человек предпочитал занимать отдельный этаж и жить без постоянной беготни по лестницам. Между тем, в таком устройстве домов проявлялся индивидуализм английской природы. В Европе, как писал В. Керженцев, квартиры шаблонны, а здесь индивидуальные⁶. Еще большим подтверждением индивидуализма англичанина являлось его стремление иметь отдельный дом, который, по свидетельству русского писателя Ф. Пуцыковича, «превращается у них в хороший, уютный уголок»⁷.

Русская писательница Е. Водовозова отмечала царившие в английских домах порядок, чистоту и пристрастие англичан к комфорту⁸. Говорилось и о невероятно простом обустройстве английских спален: металлическая кровать, шкаф, комод и огромный умывальник. Никаких русских перин, французских шелковых занавесей или розовых абажуров там не обнаруживалось.

Как писал русский ученый-географ С. Меч, «у англичан спальня не то, что во Франции. Там спальня – шелковое гнездышко, очаровательный интимный уголок... в Англии спальня – просто bedroom, постельная комната, вот и все»⁹. О пристрастии англичанина к удобствам говорил С. Слобожанский: «в каждой мелочи (в английском доме) ясно проглядывает мысль, что прежде всего надо добиваться комфорта даже в самых пустынях»¹⁰.

Были в английской домашней жизни особенности, доставлявшие русским людям неудобство. Например, постоянный холод и привычка спать с открытым окном. «Я ужасно мучился от холода. В моей спальне не было никакого отопления, и температура была такая же, как на улице», – вспоминал князь Ф. Юсупов о своем пребывании в Англии¹¹. Еще одну английскую причуду русские видели в правилах, которые следовало выполнять, стуча в дверь. По мелодии дверного молотка здесь узнавали обыкновенно, к какому сословию принадлежал человек, явившийся к дверям. Шутники говорили, что это один из труднейших музыкальных инструментов¹².

Вообще, примеров английских чудачеств русские наблюдатели находили бесчисленное множество. Везде кучер располагался спереди экипажа, в Англии он сидел сзади; в странах Европы при движении все держалось правой стороны, в Англии – левой; везде ставни были снаружи, в Англии – изнутри; в России цветы располагали на подоконнике в комнате, англичане помещали их на карнизах на улице; везде в столицу съезжались из деревни зимой, у англичан – летом и т. д.¹³.

Таким образом, чужаковатость становилась одной из главных черт английского характера. Подобное видение англичан вытекало из двух составляющих. Первое – значительная разница английской и русской культур, которая приводила к непониманию. Второе – склонность человеческого ума к рациональному объяснению наблюдаемых фактов. В данном случае образ англичанина-чудака вполне рационально объяснял целую серию явлений, которые нуждались в таком объяснении.

Непременным дополнением английского дома являлся сад. В западных районах Англии, где жили аристократы, это были огромные сады, напоминавшие парки, в деревнях – небольшие палисадники, разбитые перед каждым коттеджем. «Уютные домики», как писала русская путешественница Е. Астори, при которых обязательно имеются небольшие отдельные садики – вот мечта любого англичанина¹⁴. Любовь к природе была одной из черт, которыми русские наблюдатели наделяли англичанина. Еще в середине XIX в. А.С. Хомяков писал в письме: «Зелень и лес – давнишняя любовь английского народа... в душе он житель села и страстный любитель древесных теней»¹⁵. Не зря среди англичан, прибывавших в Россию, было много садовников. А любовь к природе свидетельствовала о любви к своей земле, к отечеству в целом.

Кроме устройства жилища, важной составляющей культуры повседневности является кухня. Об английской кухне в русском обществе бытовало не самое лучшее мнение. Н. Майский в путеводителе предупреждал, что английская кухня сохранила еще грубый характер прошлых веков и будет по вкусу далеко не каждому¹⁶. Подобное представление было довольно устойчивым и вытекало из сравнения английской кухни с французской, а она значительно уступала ей в изысканности.

Английскую кухню отличала простота. Ф. Пуцкович писал, что обед отличался однообразием даже в доме богатого англичанина¹⁷. Эта же особенность являлась характерной для устройства английских ресторанов. Все они были обставлены, по свидетельству русских очевидцев, просто. В них предлагались несложные блюда. А кафе, так распространенные на континенте, вовсе отсутствовали в английской жизни¹⁸. Это истолковывалось как нежелание англичан легко знакомиться с новыми людьми, как признак замкнутости.

Русские наблюдатели свидетельствовали об опрятности англичан. По словам А. Гейкинга, в Англии в среднем сословии ели при более чистой обстановке, чем в соответствующей среде в континентальных странах¹⁹. Отмечалась изящная сервировка стола. С. Слобожанский описывал изобилие цветов за английским столом, а так же множество изящных столовых приборов²⁰. Наличие за обеденным столом цветов свидетельствовало о том, что англичане умели ценить не только практическую, но и изящную сторону жизни.

Подводя итоги, следует выделить несколько характеристик, доминировавших в устройстве английского быта. Во-первых, это удобство и простота; во-вторых, - ряд странностей и чудачеств; в-третьих, - практичность и отлаженность английской жизни. Как писал А. Гейкинг, «жизнь англичан идет как машина, своим правильным практическим ходом»²¹. В-четвертых, - стремление к обособленности и индивидуализм.

Черты, свойственные повседневной жизни переносились на английский характер и объяснялись его особенностями. Поэтому англичанина в России представляли человеком практичным, независимым, любящим комфорт, но склонным к странным поступкам. Мрачные стены английских домов навевали русским наблюдателям мысли о мрачности англичан. Однако этот стереотип исчезал при более близком знакомстве. Дома англичанин становится воплощением любезности и радушия, и это было «гостеприимство искреннее, лишенное поверхностности, характерной для француза»²².

В целом такие положительные черты английского народа, как любовь к домашнему очагу и уюту, стремление к простоте и порядку, аккуратность, забота о природе, любовь к родине вызывали у русских наблюдателей одобрение и уважение.

¹ Шютц А. Структура повседневного мышления//Социологические исследования. 1988. №2. С.127.

² См.: Керженцев В. Столица Англии. М., 1919. С.108.

³ Зарудный М.И. Общественный быт Англии. СПб., 1865. С.10.

⁴ Онуфриев Н.Е. Лондон. Описание столицы Англии и жизни в ней. СПб.-М., 1895. С.34.

⁵ Гейкинг А. Англия, ее государственный, общественный и экономический строй. СПб., 1909. С.10.

⁶ См.: Керженцев В. Указ. соч. С.110.

⁷ Пуцкович Ф.Ф. Англичане. СПб., 1882. С.12.

⁸ См.: Водозова Е. Жизнь европейских народов. Т. 2. Жители Севера. СПб., 1881. С.93.

⁹ Меч С. Англия. М., 1914. С.133.

¹⁰ Слобожанский С. Европа. Географическая хрестоматия. Ч. 1. Север: Скандинавия, Дания, Великобритания и Ирландия. СПб., М, 1913. С.271-272.

¹¹ Юсулов Ф. Перед изгнанием 1887-1919. М., 1993. С.106-107.

¹² См.: Михайлов М.Л. Лондонские заметки. Сочинения: В 3 т. М., 1958. Т.3. С.64.

- ¹³ Богданович Л.А. Пять лет в гостях у Джона Буля. М., 1903. Т. 1. С. 2; Меч С. Указ. соч. С. 134.
- ¹⁴ См.: Астори Е. Англия, Уэльс и Ирландия. М., 1912. С. 37.
- ¹⁵ Хомяков А. С. Англия. Письмо. М., 1848. С. 19.
- ¹⁶ См.: Майский Н. Путеводитель за границу. М., СПб., 1867. С. 383.
- ¹⁷ См.: Пуцковский Ф.Ф. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁸ См.: Керженцев В. Указ. соч. С. 113-114.
- ¹⁹ См.: Гейкинг А. Указ. соч. С. 11.
- ²⁰ Слобожанский С. Указ. соч. С. 273.
- ²¹ Там же. С. 71.
- ²² См.: Керженцев В. Указ. соч. С. 172.

Логонова Н.А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТВОРЧЕСТВА ФРАНЦА МАРКА

Изучение творческого пути Франца Марка, одного из лидеров нарождающегося в начале XX в. экспрессионистического движения, художника-анималиста с мировым именем, создателя художественной группировки «Синий всадник» и наряду с Василием Кандинским редактора одноименного альманаха, ставит перед исследователем не только и не столько задачи художественно-аналитического порядка, но, прежде всего, вопросы теоретические, эстетические.

Обращение художника к экспрессионизму, предлагавшему искусству уход от реальности, «остранение» образов путем локальных цветовых решений, изломанности линий в сочетании с условностью изображаемого, было своего рода бегством в некую утопическую духовную реальность, альтернативу бюргерскому мещанскому миру, материалистическому и косному. Эта неметафизическая реальность полотен Марка формировалась анималистическими образами на условном пейзажном фоне, что было вызвано отказом от изображения людей, менее чистых и духовных, чем животные, и антиурбанизмом, так как город для мастера – это царство отчуждения и греха. Образ животного несет в произведениях мастера символическое значение, служит метафорой восхождения человеческой души к вершинам духа, освобождения и очищения от плоти, мутящейся в сумерках материального мира. Идея новой духовности прокламировалась в трудах Василия Кандинского («О духовном в искусстве»¹, «К вопросу о форме»²) и самого Франца Марка («Письма. Заметки. Афоризмы»³, «Дикие Германи»⁴, «Духовные сокровища»⁵, «Две картинки»⁶) в качестве обновленной религии, выдвигающей на первый план стремление к мировой гармонии, слияние с мировой душой, обновленное братство людей. Попытка саморефлексии, обращение к тайнам Вселенной, поиск некоего внутреннего душевного канала, способного сублимировать восприятие в созидательный процесс превращает художника, находящегося в момент творчества в экстатическом состоянии, в медиума между потусторонней духовной сущностью и полотном как следом мировых энергий. Таким образом, экспрессионистическое мироощущение как бы изменяет сами предметные связи художественного восприятия: от натуралистического объект - субъект – объект к субъект – объект – субъект, «переживание преобразуется в независимый от переживания художественный образ, в котором оно лежит, заключенное подобно ядру, усмотреть его, значит высвободить его из образа»⁷. Марк создает не картину мира, а лишь представление о нем, об иной стороне вещей, причем это явление было связано с изменением сознания, поиском глубинных смыслов бытия, как будто бы экспрессио-

нисты проверяют мир на прочность, пытаются выяснить, что в нем осталось вечного. Марк писал: «Духовный поиск неделимого бытия, освобождение от обмена чувств эфемерной жизнью – главное определение нашего искусства»⁸.

Философская модель Марка представляла собой систему символов, в основе которой лежал духовный текст, представляющий собой квинтэссенцию экзистенциальной философии, Священного Писания и мифологии самого Марка и Кандинского. Связь творчества художника с религией неоднозначна, ведь, с одной стороны, путешествие на Афон со старшим братом (в будущем известным византинистом), рассуждения Марка в духе сельского проповедника о жизни и теологии⁹, с другой – смена веры от протестантизма к католицизму, раздумья о смысле веры и религиозных традициях после ницшеанского «Бог умер». Однако христианское понимание художником природы, поиск иррационального божественного смысла в ней сближают художественную концепцию Марка с религиозно-романтическим искусством. Библейский текст цитируется в произведениях Марка на протяжении всего творчества. Интересным фактом служит упоминание о планировавшемся иллюстрировании Библии Марком наряду с другими художниками «Синего всадника»¹⁰, которое так и не было осуществлено вследствие начавшейся войны.

Основные идеи Ницше были сформулированы им в произведении «Так говорил Заратустра»¹¹, написанном в 1881-1885 гг. – это идеи воли к власти, сверхчеловека и идея вечного возвращения. Понятие воли к власти было введено в главе «О тысяче и одной цели», где Ницше объясняет происхождение морали того или другого народа следствием их воли к власти, причем не только власти над другими, но и, что более существенно, к власти над собой¹². Экспрессионисты, подобно Ницше, сбрасывают со своих идей оковы религии, морали. Не имея желания подчиняться мерзкой и бездуховной действительности, отжившей и отмершей христианской морали, они хотят повелевать собой сами, создавая для этого свои собственные законы, ожидая пришествия новой религии, о которой говорил Ф. Марк. Воля к власти в экспрессионизме сублимирована в акте свободной творческой воли, когда художник, преодолевая себя и одновременно подчиняясь себе, выносит на полотно результат этой внутренней борьбы. Символические образы животных Марка можно в связи с ницшеанской теорией интерпретировать как человеческие страсти. Но страсти, с которыми не надо вести борьбы. Огромная созидательная сила стоит за искусством экспрессионистов, ведь они верят в то, что возможно с помощью кисти вознестись на вершины духа, создав на своих полотнах новый мир, наделить свои отображенные страсти качествами, подчинить их себе и править этим инобытием, чувствуя свою власть над ним. Ницше выдвинул три гипотезы, которые, независимо от его намерений, предлагали природную замену Богу, божественной милости и вечной жизни: вместо Бога – сверхчеловек; вместо божественной милости – воля к власти, а вместо вечной жизни – вечное возвращение. Воля к власти и сверхчеловек появились в связи с потребностью объяснить некоторые следствия действительности; но вечное возвращение не является следствием метафизической реальности как таковой.¹³ Основанием идеи вечного возвращения служит то, что метафизический мир – это только «представление», то есть реальный мир и есть кажущимся. Таким образом, все является повторением, мир как представление не имеет времени, пространства, воплощения. Реальность, таким образом, есть бесконечная длительность. «Вся природа – это... вечный хаос», – говорит Ницше в своей «Веселой науке»¹⁴, утверждая, что с момента «смерти Бога» в мире больше нет какой-либо направляющей силы. Становление для Ницше – это бесконечные, беспорядочные изменения. Человечество должно установить свою собственную цель, ибо до тех пор, пока люди

не определяют своих устремлений, они будут продолжать жить так, как жили до сих пор – в хаосе. По пути, начертанному Ницше, и пытались идти экспрессионисты, но так и не прошли его. Чистая духовность и стремление полностью овладеть своими страстями, задать направляющую своим устремлениям к абсолюту так и осталось несбыточной мечтой, утопией. Но, многие, Марк в частности, надеялись на спасительное очищение, освобождение от слабовольных людей, не имеющих стремления к власти над собой и своими пороками, от несовершенства и грязи реальности путем участия в войне.¹⁵ Они хотели, прямо по ницшеанскому принципу отказа от инстинкта самосохранения, испытать свою силу, ибо «сама жизнь – есть воля к власти»¹⁶. Близость ницшеанских воззрений искусству экспрессионизма довольно прозрачна, но все же Ницше в двух главах «О потусторонниках» и «О презиравших тело»¹⁷, как будто предвкусывая появление экспрессионистической концепции, возражает против отделения духа от тела.

Мифология Марка, отраженная им в теоретических трудах и живописных произведениях, неоднозначна, элитарна, тяготеет в равной степени и к христианскому искусству, и к ницшеанской доктрине, но в то же время намного более многослойна. Загадка Марка заключается, как и у многих авангардистов, в закрытости текстов, о чем Недошивин писал: «Всегда есть второй план, эмоциональный подтекст вещи, который в соответствии с субъективистским производом автора может толковаться как символ или как сверхчувственное, «метафизическое» содержание. В отличие от кубизма и супрематизма, экспрессионизм – содержательное искусство, но содержание, которое составляет «второй смысл», смутно, бесформенно, неопределенно»¹⁸. Итогом дискурса между источниками формирования философской концепции художника может служить строка из письма Марка Августу Кассельману: «Я пришел к соглашению между моим христианством и Ницше»¹⁹.

¹Кандинский В. О духовном в искусстве. М., 1911

²Кандинский В. К вопросу о форме// Синий всадник. М., 1996.

³Marc F. Briefe; Aufzeichnungen; Aphorismen. Leipzig – Weimar, 1980

⁴Марк Ф. Дикie Германии// Синий всадник.

⁵Марк Ф. Духовные сокровища// Там же

⁶Марк Ф. Две картинки// Там же

⁷Марцинский Г. Метод экспрессионизма в живописи. Пр., 1923. С. 39

⁸Der Blaue Reiter in Lenbachhaus. Munchen, 1991. S. 41

⁹Marc F. Briefe; Aufzeichnungen; Aphorismen. Leipzig – Weimar, 1980

¹⁰Der Blaue Reiter in Lenbachhaus. Munchen, 1991

¹¹Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб, 2005

¹²Ницше Ф. Там же. С.55

¹³Холлингейдл Р.Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души. М., 2004. С.251

¹⁴Там же. С. 255

¹⁵Пышновская З. Из истории «Синего всадника»// Синий всадник. С. 120

¹⁶Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Минск, 1997. С.70

¹⁷Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб, 2005. С. 29

¹⁸Недошивин Г. Проблема экспрессионизма / Экспрессионизм. М., 1966. С. 23

¹⁹Marz R. Franz Marc. N.Y., 1991. S. 3

*Антонян К.Г.,
Российский государственный педагогический университет*

«НОВЫЙ БЫТ» В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: МЕЖДУ ИДЕЕЙ И ВОПЛОЩЕНИЕМ

Исследования бытовой стороны жизни народа, культуры повседневности вошли в научный круг задач не так давно – в середине XIX – начале XX вв. Ока-

залось, что «парадная» часть истории, культуры не всегда является репрезентативной для описания и понимания жизни той или иной эпохи, процессов и причин событий, происходивших в той или иной стране.

Будучи одним из видов патриархального слоя жизни, быт вырывает человека из социума. В этом смысле быт следует отличать от повседневности. По определению Н. Козловой, «повседневность – продукт социального конструирования»¹. На повседневность влияет окружающая среда: социальная, экономическая, политическая, культурная. Быт – образование более устойчивое и неподвижное, он более биологичен. Быт сложно контролировать. Во многом именно в быту человек может ощутить свою свободу и выстроить свой мирок, устроить все по своему вкусу. Быт – место уединения, оторванности от социума и его масок. Быт является составной частью повседневности.

Впрочем, в 1920-е гг. повседневность зачастую отождествлялась с понятием быта. А.И. Мазяев определяет быт как «культуру жизни»² и, более того, как «стихию жизни», равную в этом смысле природе, природной стихии. То есть, в широком смысле, быт есть становой хребет жизни. Вот с этим-то биологизмом быта, его неконтролируемой природностью и предполагали бороться строители «новой культуры».

В 1920-е гг., когда повседневность круто менялась, появились тенденции к изменению и перекройке быта населения в масштабах всей страны. По мнению авторов 1920-х гг., пропагандистов новой культуры Г. Григорова и С. Шкотова, «быт нельзя навязать сверху»³, он – плод строительства всей культуры. Однако изучение и создание нового быта, как пишут те же авторы, должно происходить «под непосредственным руководством нашей партии»⁴. Все предыдущие формации, как пишут те же авторы, никак сознательно не формировали быт своих граждан, быт складывался стихийно. В Советском государстве подчинение экономики государству дает возможность сознательного строительства нового быта, а вместе с тем и нового человека.

Быта не должно было существовать более совсем, он заменялся повседневностью, в которой легко можно было планировать жизненные циклы, жизненный распорядок. Идея коммунального общежития, столовых, воспитания детей государством – все это нарушало патриархальные устои быта и призвано было нивелировать бытовые проблемы людей. Из круга повседневности бытовые заботы должны были быть низведены до минимума.

Проблема жилья в послереволюционные годы стояла необычайно остро. Приток населения в города требовал расширения жилищного фонда. У правительства не хватало средств на строительство нового жилья, новых домов, и потому в первые годы советской власти архитектура находилась по большей части в области «бумажного проектирования». Потому уплотнение стало необходимой мерой для освобождения жилого пространства. Постановлением СНК от 20 августа 1918 г. все реквизируемые у буржуазии дома передавались в собственность коммун. Одна из центральных идей 1920-х гг. – это идея коммунального общежития. Одной из коммун, созданных в начале 1924 г. в общежитии Электротехнического института, посвящена брошюра М. Янковского «Коммуна ста тридцати трех». Условия жизни в коммуне отвечали принципам коллективного быта. Причем иногда эта коллективность доходила до крайностей, когда объявлялось общим буквально все, вплоть до белья, осуществлялась круговая порука, жесткое расписание, отказ от близких дружеских связей, ведущих к отрыву от коллектива. Приверженцы НОТ (научной организации труда) в коммуне расписывали свою жизнь вплоть «до количества минут, посвященных естественным потребностям»⁵. Отмечая явные перегибы и максималистские установки коммунаров в разное время существования коммуны, М. Янков-

ский все же заключает: «Так вперед же! ...Пусть густая сеть молодежных Коммун станет сетью лабораторий, в которых будут выковываться новые люди, будущие строители социалистического общества, новая подлинно-революционная, политически зрелая, классово выдержанная смена, которая свое воспитание построит не на поклонении идеалу благополучного личного существования, а на закладке прочных коллективистических основ, без которых немислимо наше будущее!»⁶.

В середине 30-х гг. попытки кардинального изменения быта в сторону общественно-коллективистического общежития были не просто отвергнуты, но осуждены. Архитектор Р.Я. Хигер с неодобрением отзываясь о проектировании домов-коммун, где на человека выделялась одна комната (от 5 м²) для индивидуального проживания. Кухня, ванная и другие подсобные помещения планировались общего пользования. В 1935 г., когда Р.Я. Хигер выпустил свою книгу «Проектирование жилищ 1917-1933», он уже пишет о необходимости планирования отдельных квартир и индивидуальных удобствами. Автор негативно высказывается о тенденции 20-х гг. выступать против индивидуального жилья. Можно констатировать, что за 15 лет быт отвоевал свое право на традиционные формы, опять становился местом уединения и обособления от общества. «Новый человек», как человек, обобществленный до предела, не состоялся. Однако до конца советского строя осталась проблема коммунального жилья, сожительства в одной квартире нескольких людей, семей, не имеющих между собой никаких общих связей, кроме жилой площади и совместного быта. Опыт совместного проживания нескольких людей не способствовал рождению солидаристических качеств, на что рассчитывали идеологи 1920-х гг.

В области быта особое беспокойство и недоверие у строителей «новой культуры» вызывает кухня, представляющая собой как бы самый сгусток быта. А.З. Гольцман пишет: «Умирает домашняя кухня, уступая место кухне-заводу. Разрушается источник грязи и копоти в квартире! Кухня, эта отрыжка дикости в Европе; преисподняя семьи, ее микроб смерти и разложения; источник разладов. На ней построено рабство женщины, хотя сама кухня – продукт социального режима... Она – одна из тех язв, которые губят человечество. Сифилис семьи»⁷. Одновременно с критикой частных кухонь широко идет развитие общественного питания, что позволяет в 1927 г. заключать о наиболее полной реконструкции быта именно в этом направлении. Строятся фабрики-кухни в Иваново-Вознесенске (1925 г.), Нижнем Новгороде (1927 г.), Москве, Петербурге и других городах⁸. Питание ставится на научные и идеологические рельсы.

Вообще, складывается впечатление, что вопрос общественного питания был наиболее успешно решаемым при строительстве нового быта, а вместе с тем и новой культуры. По свидетельству многих авторов, Нарпит был успешным предприятием, количество людей и предприятий, пользовавшихся его услугами, неуклонно росло. Сама идея общественного питания была поднята в 1921 г. на Всероссийском Продовольственном Совещании⁹. В августе 1923 г. Нарпит был признан «государственным учреждением на коммерческих началах»¹⁰. Одновременно существовали и кооперативные кухни-столовые, но Нарпит смог составить им достойную конкуренцию, так как был поддержан государством в виде льгот по страхованию и налогам. Нарпит смог обеспечить достаточно дешевыми обедами население, открыл систему кредитов. В Петрограде при столовых открывались комнаты под библиотеки-читальни. Столовая «Нарпита» рассматривалась не только как место получения пищи, «но и как уголок товарищеского общения и культурного быта...»¹¹.

Принятие пищи переставало быть в 1920-е гг. с точки зрения идеологии просто физиологическим процессом. Общественное питание, совместная тра-

пеза сближает людей, создает особые спаянные коллективы, чувство общности, считали в то время. У женщин остается время для занятий социальной деятельностью. Но нельзя не упомянуть о том, что прекрасная идея освобождения женщин от тягот домашней работы, в том числе и от приготовления пищи, сопровождалась на деле трудностями и частым недовольством граждан. Качество пищи в общественных столовых оставляло желать лучшего (особенно это касается периода военного коммунизма с 1917 по 1921 гг.), а домашняя кухня продолжала свое существование. Причем даже ответственные партийные работники часто предпочитали именно такую пищу, нежели питание в общественных столовых.

Подводя итог, необходимо заметить, что проблема организации повседневности – это, безусловно, государственная проблема. Формирование быта сверху, со стороны власти в советском государстве создало неповторимую канву всех важнейших политических и социальных событий начального периода советской истории. О «выковывании коллективного тела» пишет Эрик Найман, отмечающий послереволюционное движение культуры в сторону тотальной коллективизации вплоть до физиологического уровня¹². Создавая «новый мир», новая власть перетряхивала и мирок домашнего быта. Быт представляет собой поле оторванности человека от власти (по крайней мере, создает иллюзию свободы). Но советская власть проникает и туда, выводит быт в область социальной открытости. Таким образом, организация быта является лакмусовой бумажкой, на которой отпечатываются все идеологические и социальные ожидания новой власти.

¹ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. (Голоса из хора). М., 1996. С. 14

² Мазаев А.И. Пространственные искусства и быт (1917-1932)// Страницы истории советской художественной культуры. 1917 – 1932. М., 1989. С. 201

³ Григоров Г., Шкотов С. Старый и новый быт. М.-Л., 1927. С. 12

⁴ Там же. С. 13

⁵ Янковский М. Коммуна ста тридцати трех. (Б.м.), 1929. С. 45-50

⁶ Там же. С. 182

⁷ Гольцман А.З. Реорганизация человека. Л., 1924. С. 39

⁸ См.: Халатов Арт. Об общественном питании// Революция и культура. 1927. № 2

⁹ Нарпит. М., 1924. С. 4

¹⁰ Там же. С. 8

¹¹ Там же. С. 28

¹² Найман Э. За красной дверью – введение в готику НЭПа// Новое литературное обозрение. 1996. № 20. С. 65

Кузнецова Е.М.

Петрозаводская государственная консерватория

«СОВЕТСКИЙ» ПРОКОФЬЕВ – ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА РУБЕЖА

Биография С.С. Прокофьева, единственного композитора, вернувшегося из эмиграции в Советский Союз и сумевшего адаптироваться к новому режиму, весьма неоднозначна. С современной деидеологизированной научной позиции заметно, что многие биографические факты в советской литературе о нем либо умалчиваются, либо даются в искаженном виде. Очевидным это расхождение становится в свете полного издания на русском языке дневников композитора, где его высказывания о советском государстве, а так же подробности его концертной и композиторской деятельности за рубежом сильно противоречат концепции трактовки периода эмиграции (1918-1936 гг.) Прокофьева, не изменившейся с советских времен в отечественной музыкальной науке. В данном контексте наибольший интерес представляют поиски, анализ и реконструкция при-

чин, побудивших Прокофьева возвратиться в 1936 г. на Родину, но уже в СССР. Очевидно, что «ностальгия» и «вера в светлое советское будущее» вряд ли могли побудить столь далекого от политики и космополитического по своей природе композитора окончательно обосноваться в Советском Союзе.

Большую объективность можно наблюдать в исследованиях зарубежных музыковедов. Причины этого кроются, во-первых, в большей доступности фактологических источников; во-вторых, в отсутствии идеологического пресса в восприятии и трактовки этих фактов у самих ученых; и, в-третьих, творчество Прокофьева воспринимается ими вне «россиецентристских» концепций, а, наоборот – с позиции включенности его творчества в мировой культурный контекст. Среди таких исследователей русской музыки можно назвать Ричарда Тарускина¹ и Доротею Редепеннинг².

Наиболее значима в контексте этой проблематики фундаментальная статья Д. Редепеннинг в авторитетном англоязычном 29 томном «Музыкальном словаре Гроува» (2001 г.)³ – исследование, ярко отражающее особенности «западного» взгляда, а также наиболее развернутая монографическая статья о Прокофьеве, изданная в последнее время и содержащая подробный список произведений композитора и обширную библиографию. В своей работе автор, ссылаясь на дневники композитора⁴, часто сопоставляет их с реально происходившими событиями. Нередко факты, приводимые Редепеннинг, противоречат высказываниям самого композитора об успехе или неудаче его концертной деятельности в Европе и особенно в США. Вероятно, это связано с тем, что Прокофьев, уезжая из России, рассчитывал на гораздо больший успех, поэтому не смог адекватно оценить достигнутых результатов⁵. Однако то, что ему удалось создать себе имя за рубежом и долгое время находиться в авангарде музыкальной жизни Европы наравне с кумиром Парижа И. Стравинским, реально свидетельствует о значительном успехе его деятельности в годы эмиграции.

Существуют приоритетные темы, проходящие через весь текст этой статьи. Одна из них – размышления о стиле Прокофьева, точнее, о «стилях», среди которых упоминается неоклассицизм, модернистские веяния, «социалистический реализм». Как специфика музыкального мышления Прокофьева подчеркивается высокая адаптивность композитора к окружающей его музыкальной среде: «В США он старался, по его словам, – пишет Редепеннинг, – найти простой музыкальный язык, не жертвуя собственными художественными вкусами, и «Любовь к трем апельсинам» стала наглядным результатом. В Европе он откликнулся на более изощренную публику дифференцированными формальными структурами и сложной гармонией. И, наконец, в Советском Союзе он адаптировался к так никогда ясно и не определенным постулатам «соцреализма»». Однако при более детальном анализе советского периода в творчестве Прокофьева, исследователь показывает, что попытки приспособиться к требованиям советской аудитории часто заканчивались неудачей, и даже написанные «на злобу дня» и по правительственному заказу произведения подвергались резкой критике и обвинениям в формализме. Таким образом, по мнению Редепеннинг, часть наследия Прокофьева, имеющая политическую направленность, никак нельзя отнести к числу шедевров композитора. Напротив, среди произведений композитора советского периода, которые получили признание за рубежом, она называет кантату «Александр Невский», Пятую симфонию, сюиты из балета «Ромео и Джульетта», а так же оперу «Война и мир», подчеркивая непричастность этих сочинений к эстетике «соцреализма».

В работе Редепеннинг находит отражение и факт прокофьевской биографии, наиболее искаженно подаваемый в отечественных исследованиях, – это причины возвращения композитора в Советский Союз. Опираясь на пуб-

личные высказывания Прокофьева, советские авторы создали образ раскаивающегося в своих ошибках композитора. Как комментирует Редепеннинг, «это было написано в конце 30-х - начале 40-х годов, когда говорить что-либо, что могло противоречить советской идеологии, было опасно». Совсем по-другому Прокофьев пишет в своих дневниках, своеобразной «совести» композитора, не предназначенных для чьего-либо прочтения. Там он взвешивает все «за» и «против» возвращения, и при негативной оценке советского режима («большевизии», как он называет новое государство) все-таки видит большие преимущества для развития своей карьеры на родине. С шокирующей четкостью Редепеннинг перечисляет причины, побудившие, по её мнению, композитора переехать в Советский Союз: «Причиной отъезда Прокофьева из Америки был огромный успех Рахманинова; в Европе он был вторым после Стравинского; он вернулся в СССР, когда Шостакович не мог составить ему конкуренцию»⁶. Последнее высказывание наиболее интересно. К моменту возвращения в 1936-м году карьера Шостаковича действительно была поставлена под угрозу статьей «Сумбур вместо музыки». Интересно, что подобной параллели не встречается в отечественных исследованиях, так же как умалчивается факт, который сделал невозможным продолжение деятельности Прокофьева-пианиста за рубежом – сильная травма руки во время аварии 1929 года.

В разделе статьи, посвященном советскому периоду творчества Прокофьева, Редепеннинг пытается передать политическую атмосферу, в которой творил композитор, показывая тотальную зависимость советского искусства от директив партии. Однако, по мнению исследователя, Прокофьеву очень долго удавалось дистанцироваться от происходящего в стране. Тем неожиданнее был для него выход постановления ЦК ВКП (б) в 1948 г. «Об опере «Великая дружба» Мурадели», затронувшего самых крупных композиторов страны. В статье Редепеннинг подробно описываются все беды, обрушившиеся на композитора, обвиненного в формализме. Помимо унижения, связанного с необходимостью публичного признания своих ошибок, травля композитора продолжилась и через семью: 20 февраля, через 10 дней после выхода постановления, была арестована первая жена композитора, итальянская певица Лина Прокофьева. Прокофьев был сломлен не только морально, но и физически: он заболел и в дальнейшем практически всю оставшуюся жизнь провел в санатории на Николиной горе. Пошатнулось и финансовое положение композитора – список произведений, признанных формалистическими и запрещенных к исполнению был настолько странен⁷ (в нем были произведения, написанные композитором вполне в духе соцреализма), что организаторы концертов не решались включать в свои программы даже не упомянутые в списке произведения.

Можно предположить, что взаимоотношения Прокофьева с властью не выстраивались по тому сценарию, на который композитор рассчитывал при возвращении из эмиграции. И как своеобразную иронию истории можно расценить тот факт, что его смерть 5 марта 1953 г. осталась незамеченной как в СССР, так и за рубежом, потому что именно в этот день умер Сталин.

В заключение своей статьи Редепеннинг пытается определить место Прокофьева в развитии мировой музыки, резюмируя: «Он не имел на новое поколение композиторов такого большого влияния, как Шенберг, Берг и Веберн, Стравинский, Барток и Мессиян, за исключением Советского Союза, где целое поколение советских композиторов воспитывалось на музыке Шостаковича или Прокофьева, возводя достижения одного из них в ранг философии жизни». Локализуя зону влияния Прокофьева, исследователь показывает, что в историю музыки он вошел исключительно как «советский» композитор. Мнение Редепеннинг позволяет по-иному увидеть и «вечных оппонентов» Прокофьева: Рах-

манинова, который всегда позиционируется «русским» музыкантом, и Стравинского, воспринимаемого как неотъемлемая и важная часть европейской – и шире – мировой музыкальной среды.

¹ Richard Taruskin – доктор философии, музыковед, музыкальный критик, профессор Калифорнийского университета Беркли, США, им написано много работ посвященных русской музыке, среди них: Taruskin R. *Defining Russia Musically. Historical and Hermeneutical Essays* by Richard Taruskin. Princeton, 1997.

² Dorothea Redepenning (р. 1954) – профессор Гейдельбергского университета.

³ Redepenning D. Prokofiev Sergey (Sergeyevich) // *The Grove concise Dictionary of Music*. L., 2001.

⁴ Российскому читателю дневники стали доступны только в 2002 году, т.е. через год после опубликования данной статьи. См.: Прокофьев С. *Дневники*. В 3-х томах. Paris, 2002.

⁵ Сходную ситуацию можно наблюдать у Н.Метнера, так же оставшегося недовольным материальным и моральным успехом своих гастролей в США, несмотря на фактический максимально возможный в его случае результат.

⁶ Несколько иную точку зрения на причины возвращения Прокофьева из эмиграции, связанную с политическим имиджем СССР во Франции, можно найти у другого зарубежного исследователя русской музыки, см.: Лемэр Ф.Ш. *Музыка XX века в России и в республиках бывшего Советского Союза*. СПб., 2003. С..84.

⁷ Среди них: Симфоническая сюита «1941-й год», «Ода на окончание войны» для оркестра ор.105, «Встреча Волги с Доном» праздничная поэма для симфонического оркестра ор.130, «Кантата к 20-летию Октября» ор.74, «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», кантата, ор.93, Шестая фортепианная соната, ор.82.

Волкова А.В.

Санкт-Петербургская государственная консерватория

И.СТРАВИНСКИЙ В НАУЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ США: РЕПУТАЦИЯ. РЕЦЕПЦИЯ. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

И.Ф. Стравинский – одна из персон *non grata* отечественного музыкознания. Подобное реноме связано не столько с внушительным количеством исследований, посвящённых самым различным аспектам творчества композитора, сколько с проблемами, возникающих в связи с творческими интенциями и личностными паттернами художника. Более того, вследствие эмиграции композитора по вектору Россия-Франция-США, западноевропейская наука, а в частности, англо-американская также изобилует не менее фундаментальными научными штудиями в области «стравиноведения». При этом если учесть тот факт, что доминирующий свод информации об «американском Стравинском» принадлежит именно учёным США, анналы англоязычной литературы становятся в настоящее время более чем адекватными и востребованными для реконструкции стратегий композитора и особенностей его культурной повседневности.

Целью данной работы является анализ англоязычных статей, прямо или косвенно связанных с личностью И.Ф.Стравинского и вышедших за период с 2000 по 2005 год в *New York Times*, *The Economist*, *Library Journal*, *Musical America*, *Cambridge University Press*, *Princeton University Press* и др. Число публикаций как сугубо научного, так и научно-публицистического плана велико. Безусловно, это свидетельствует и о невероятном профессиональном интересе к композитору, и о существовании определённой парадигмы музыкознания, в рамках которой можно выделить два наиболее приоритетных направления интеллектуальных размышлений. Первое – это рецепция личности и творчества Стравинского (имидж, национальная идентификация, творческая «вписанность» в контекст современной культуры). Второе - проблемы стиля.

Поиск «национальных корней» композитора не является педалирующей идеей современной зарубежной науки. Сегодня даже финские энциклопедиче-

ские издания атрибутировали Стравинского как «международного композитора». В англо-американской интеллектуальной парадигме информацию в области «национального» можно получить в таких авторитетных источниках как Grove¹ и ему подобных, авторы которых (в данном случае Stephen Walsh) предпочитают репрезентировать русское происхождение композитора с последующим модулированием к вопросу об этапах его эмиграции и композиторской эволюции.

Однако ни одна из многочисленных монографий об И.Ф. Стравинском не обходит своим вниманием тот факт, что даже после поездки в СССР в 1962 г. композитор не сменил американское гражданство, оставаясь до конца жизни «учёным с мировым именем». Надеясь Стравинского имиджем одного из самых влиятельных композиторов XX в., учёные приводят список тех, кому «посчастливилось» быть «уличёнными» в использовании его авторских приёмов. А именно, ведущий исследователь творчества Стравинского Р. Тарускин упоминает К. Орфа и Д. Шостаковича², Р. Хечт – Б. Тищенко³, а О. Фигес предполагает, что Д. Шостакович подсознательно испытывал огромный пиетет перед творчеством И.Ф. Стравинского и организацией его личности⁴.

Впрочем, не обозначая национальную идентичность Стравинского как базовый объект научных изысканий, англо-американские учёные признают психологическую зависимость композитора от русского происхождения. Наиболее лапидарно данная мысль высказывается О. Фигесом. Так, исследователь, комментирующий в монографии «Natasha's Dance: A Cultural History of Russia» взаимоотношения политики и искусства (во всех их проявлениях) в России, а затем в СССР, заканчивает её словами И.Ф. Стравинского: «я не оставлял Россию по собственному желанию, даже при том, что я не любил многое в моей России и в России вообще. И всё же первое право критиковать Россию принадлежит мне, а не иностранцам, потому что Россия моя и я люблю её»⁵. Безусловно, данная цитата никоим образом не выявляет скрытый «национализм» композитора, а напротив, прокладывает путь к более интересным проблемам в связи с последним американским периодом его творчества в ракурсе «нейролингвистического программирования».

Исполнительская жизнь творческих артефактов композитора находится далеко не на аутсайдерских позициях в этой волне интенсивного интереса к художественным интенциям Стравинского. Так, в 2005 г. в Сиэтле была организована музыкальная программа «Весь Стравинский», основное содержание которой хоть и ограничивалось премьерными балетами «Фейерверк», «Весна Священная» и «Аполлон Мусагет», но организационно-концепционная часть выглядела репрезентативно. Во-первых, премьеры шли не в один или два дня, а в три, что обусловило высокий уровень восприятия. Во-вторых, до и после всех показов продюсеры предусмотрели открытые лекции не только о каждом премьерном произведении, но и в целом о творчестве композитора. Немаловажно отметить, что подобные программы организуются регулярно и с определённой долей успеха, а, следовательно, и спросом на данную музыкальную продукцию. Сконструированные таким образом «социальные обстоятельства потребления текста»⁶ обеспечивают перманентную пульсацию творческого наследия Стравинского в пространстве современной американской музыкальной культуры и, безусловно, неугасающее исследовательское внимание.

Впрочем, данные процессы поддерживаются не только на уровне премьер. Согласно данным Р. Крафта (секретаря композитора) и В. Стравинской, композитор в первые годы жизни в США сотрудничал с компанией У. Диснея, которая предлагала ему или покупку музыки «Весны Священной» к одному из фильмов или полностью экранизацию балета⁷. В начале XXI в. в США, как сви-

детельствует Р. Шейб⁸, не очень удачная попытка кинематографической визуализации Стравинского прошлого столетия увенчалась успехом: в апреле 2004 г. на Берлинском кинематографическом фестивале был представлен 105-минутный фильм, где одна из центральной сцен представляла собой обряд встречи весны с музыкой Стравинского и частично восстановленной хореографией Нижинского.

Продолжением визуальной линии репрезентации композитора служат дискуссии о качестве реконструкции того или иного балета (а, в частности, «Свадебки», которая должна идти на русском языке), а также саунд-качества выпускаемых дисков с музыкой Стравинского⁹ с целью адаптировать публику к творческому наследию композитора, организовать потребительский интерес и предоставить свободу выбора между умножающимися интерпретациями.

В рамках второго направления англо-американской стравинианы – проблемы стиля – позднее творчество И.Ф. Стравинского представляет собой один из самых разрабатываемых тематических блоков. Joseph N. Straus с монографией *Stravinsky's Late Music*, Alexander Binns с «*The Cambridge Companion to Stravinsky*», а также опусы Р. Тарускина, включая «*Stravinsky and the Russian Traditions*» – яркие примеры из многочисленного списка существующих исследований. Позднее творчество позиционируется исследователями как набор «рабочих стратегий», с помощью которых композитор конструировал свои произведения в соответствии с программой или приурочиванием. Более того, учёные единодушно признают следующее:

- творчество И.Ф.Стравинского позднего периода методологически мало чем отличается от более ранних периодов (особенно родственно с «русским»), а именно: «создание произведения на основе моделей, их комбинации и объединение»¹⁰,

- своеобразной точкой отсчёта для исследователей должна быть объявленная самим Стравинским его ментальная композиторская установка: «мой инстинкт должен реконструировать...»¹¹.

Таким образом, наследие Стравинского, оставаясь сегодня на пике своей популярности в США, свидетельствует не только об успешной адаптации композитора в стране в середине XX в. (что представляется крайне редким явлением), но и об определённой стратегии самого художника, который ещё при жизни вызывал действительно неподдельный интерес у журналистов, исследователей и композиторов.

¹ Grove. 2000. Vol. 19. P. 817-1056.

² Taruskin R. Who was Shostakovich? // *The Atlantic Monthly*. 1997. Feb. Vol. 272. P. 62-71. Taruskin R. Orff's Musical And Moral Failings // *New York Times*. 2001. 6 May. P. 2.1.

³ Hecht R. TISHCHENKO: *Symphony 7* // *American Record Guide*. 2005. Jan/Feb. Vol. 68. P. 189-191.

⁴ Figs O. The rite of return // *New Statesman*. 2002. 14 Oct. Vol.15. P. 48-51.

⁵ Цит. по: Schmemann S. Struggling for Russia's Soul: Russian culture has always been torn between E... // *New York Times Book Review*. 2002. Nov 10.

⁶ Данный термин употребляется в социологии повседневности и принадлежит Р.Джеймисону.

⁷ Craft R., Stravinsky V. *Stravinsky in pictures and documents*. N.Y., 1978. С. 363.

⁸ Scheib R. RHYTHM IS IT! // *Variety*. 2004. 3-9 May. Vol. 394. P. 65-66

⁹ Ritter S.E. STRAVINSKY: *The Firebird; Petrouchka* // *American Record Guide*. 2005. Jul/Aug. Vol. 68. P. 195-197.

¹⁰ Walsh S. *The Music of Stravinsky*. Oxford, 1988. Straus J.N. *Stravinsky's Late Music*. Cambridge, 2001. Taruskin R. *The Traditions Revisited: Stravinsky's Requiem Canticles as Russian Music* // *In Music Theory and the Exploration of the Past*. Chicago, 1993. P.525-550.

¹¹ Цит. по: Craft R., Stravinsky I. *Memories and Commentaries*. Berkeley, 1981.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ЖЕНЩИНА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 1950–1980-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОГО РЕГИОНА)

В исламе, как впрочем, и в других мировых религиях – христианстве и иудаизме активно проводится мысль о вторичности женщины.

О женщине, об отношении к ней в Коране встречается много упоминаний, женщине посвящена отдельная глава Корана, состоящая из 175 аятов. Вековая социальная и моральная дискриминация женщины привела ее к замкнутому образу жизни, пассивному стилю поведения и т.п. Кроме того, невозможность или слабая регуляция процесса рождения детей ограничила сознание женщины вопросами, связанными главным образом с воспитанием детей, обусловила вытеснение ее из интеллектуальных сфер деятельности.

За длительный период времени в положении женщины произошли значительные изменения, но лишь во второй половине XX в. пришло осознание и понимание того, что мусульманская женщина – не только придаток мужчины и семьи, но и самостоятельная личность.

В СССР ислам претерпел заметную эволюцию. Модернизируя вероучение и культ ислама, советское мусульманское духовенство стремилось не выходить за рамки исламского вероучения, но в отношении к женщине служители культа перешли на более рациональные и реалистические позиции. Значение мусульманской женщины в обществе стало оцениваться исходя из того, что «национальное самосознание, верность традициям, уважение к предкам, любовь к родине, – все эти качества закладываются в семье, и женщина играет далеко не последнюю роль в воспитании детей»¹. В послевоенные годы верующие мусульмане явно активизировались, что было обусловлено либерализацией государственно-церковных отношений в целом в годы Великой Отечественной войны. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачев подчеркивал, что «в деятельности мусульманского духовенства и религиозных обществ... необходимо отметить некоторое их оживление в области расширения своего влияния на окружающее население»², что отразилось в первую очередь на женщинах.

Уже с конца 1940-х гг. местное мусульманское духовенство, пытаясь «модернизировать свое религиозное учение и вопреки ранее принятым обычаям, открыто стало привлекать женщин-татарок в мечети»³. Пензенский мухтасиб Юсупов Я.С. поощрял посещение женщинами мечетей, считая, что запрещение Корана в данном отношении устарело, поскольку именно через семью, через женщину идет воспитание с детства религиозного убеждения в ребенке. Мулл, которые уклонялись от привлечения женщин в мечети, он называл «твердолобыми»⁴. Один из представителей мусульманского духовенства в беседе с уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Пензенской области заявил: «Женщина является другом мужчины. Она заботится о его здоровье, создает уют, воспитывает детей. Мы не можем оставить ее без нашего влияния. Раньше женщину просто незаслуженно обижали тем, что запрещали ей ходить в мечеть»⁵.

Поскольку Коран предписывает женщине молиться в мечети в отдельном от мужчины месте, в мечетях Пензенской области были оборудованы специальные комнаты для моления женщин. В некоторых случаях это было связано даже с капитальным переоборудованием и перепланировкой мечети. Так, в мечети с. Нижняя Елюзань Городищенского района Пензенской области под

помещение для молений женщин самовольно был переоборудован нижний этаж мечети – склад под дрова. Община самостоятельно, за счет своих средств, без получения соответствующего разрешения светских властей провела капитальный ремонт⁶.

Хотя в «Коране признаются человеческие и гражданские права женщин: осуждается излишняя жестокость мужа по отношению к жене, оговариваются имущественные права женщины, право на приданое, на наследство»⁷, мусульманские мужчины и женщины в повседневной практике далеко не равноправны.

Пензенские женщины-татарки по религиозным убеждениям уклонялись от посещения клубов, кино, собраний и от участия в художественной самодеятельности. По мнению уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области, «феодално-байские» обычаи в отношении женщин были очень сильны: «Родители запрещали своим дочерям не только ходить в клуб, участвовать в художественной самодеятельности и выполнять общественные поручения, но даже не разрешают выходить одной вечером из дома на улицу, ходить к соседям и своим подругам. Родители разрешают только сходить вечером на девичьи деревенские посиделки, однако и в этом случае девушку от дома до посиделок и по возвращении домой обязательно сопровождают ее мать или кто-то из ее взрослых родственников»⁸. Даже в середине 1960-х гг. в сельской местности Пензенского региона отмечались случаи, «когда замуж родители выдают свою дочь за молодого человека, которого она и в глаза не видела, и не была до этого знакома, а, следовательно, вопреки ее желанию»⁹. Как правило, девушки по окончании школы выбывали из комсомола.

Серьезной проблемой сельского татарского населения, особенно женского, было здравоохранение. Дело в том, что многие женщины-татарки в силу религиозных предрассудков не посещали медпунктов, не обращались к врачам, считали это неприличным, предпочитая бабушек-знахарок. Крайне редко сами приходили в медпункт, в лучшем случае вызывали медицинских работников на дом. На роды домой, как правило, приглашали не акушерку, а бабу-повивалку. В связи с этим работники медицинских пунктов проводили специальную разъяснительную работу среди женщин, выступали с лекциями на темы «О женских болезнях», «О борьбе с летними детскими заболеваниями», «О трахоме и борьбе с ней» и т.д. Но, подчеркивал уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области, «все эти беседы не увязываются с антирелигиозными вопросами, не учитываются и не направляются культпросветотделом по соответствующему руслу, когда можно было бы использовать все эти беседы на борьбу с религией и религиозными предрассудками, особенно среди женщин»¹⁰. Главный акцент в пропагандистской работе делался на женщину, поскольку именно она являлась хранительницей домашнего очага и через нее, в первую очередь, шел воспитательный процесс. Результаты социологического исследования, проведенного лабораторией Казанского государственного университета и Казанским опорным пунктом Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС (Казань) в середине 1960-х гг., убедительно доказывали решающее влияние семейного воспитания на религиозность людей. На вопрос: «По какой причине вы стали верующим?» – 75% опрошенных мужчин ответили, что главную роль сыграло воздействие родителей, родственников; аналогично ответило на данный вопрос 80% женщин-мусульманок¹¹.

Семья, продолжение потомства трактовались как фундаментальные ценности ислама. У мусульманина, согласно религиозным канонам, должна быть многочисленная семья, освященная религией и обычаями. Татарские семьи в сельской местности Пензенского региона были многодетны, обычно в них насчитывалось восемь – двенадцать и более детей. Уполномоченный Совета по

делам религий по Пензенской области для себя объяснял это следующим образом: «Многие татарские семьи многодетны только потому, что в этих семьях женщине-татарке по национальным и религиозным обычаям фактически препятствуют использовать данное ей законом право самой решать, нужно ли ей иметь ребенка или прервать беременность»¹². Как следствие, татарское население в Пензенском регионе в отличие от других национальных общностей стабильно увеличивалось на протяжении всего исследуемого периода. Среди татар рождаемость была в 1,4 раза выше, чем среди русских¹³.

Находившийся в Пензенской области в служебной командировке в июле 1973 г. заместитель заведующего отделом по делам мусульманской и буддийской религий Совета по делам религий при Совете министров СССР Бончковский И. отмечал, что в татарских селах весьма сильны патриархальные традиции, «а отсюда и степень религиозного влияния на население, в том числе и на молодежь. Здесь практически не бывает смешанных браков, особенно это относится к девушкам...». Причем, он подчеркивал большую агрессивность верующих-мусульман по сравнению с православными: «Стоило только проверяющим зайти в мечеть, как тут же собиралась толпа людей, обеспокоенных таким «визитом. В селе Кочалейка Каменского района у мечети собралась толпа женщин. Одна из них «осмелилась» даже войти внутрь помещения и, несмотря на присутствие представителя мутавалиата, «потребовала объяснений»: собираются ли совсем закрыть мечеть или же только повысить налоги»¹⁴.

Тем не менее, определенная секуляризация мировоззрения женщин-мусульманок происходила. Так, секретарь сельсовета с. Большой Труев З. Аббясова честно говорила в беседе с уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Пензенской области: «Мы, молодежь, не знаем, когда бывают религиозные праздники, но старшие члены семьи стараются напомнить нам об этом»¹⁵.

Положение женщины-мусульманки в СССР, да и во всем мире, кардинально изменилось. Учок Б., турецкий специалист, заметила: «Если попытаться суммировать то новое, что появилось в исторических концепциях, то оно, прежде всего, связано с отказом от крайностей в оценке положения женщины в мире ислама»¹⁶.

¹ Шайдуллина Л.И. Арабская женщина и современность (Эволюция ислама и женский вопрос). М.: Наука, 1978. С. 3.

² Государственный архив Пензенской области (ГАПО) ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.

³ ГАПО ф. 2391. Оп. 1. Д. 5. Л. 132.

⁴ Там же. Л. 85.

⁵ ГАПО ф. 148. Оп. 1. Д. 5235. Л. 67.

⁶ Там же. Л. 131.

⁷ Токарев С.А. Религии в истории народов мира. М.: Политиздат, 1991. С. 527.

⁸ ГАПО ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 412.

⁹ ГАПО ф. 2392. Оп. 1. Д. 77. Л. 320.

¹⁰ ГАПО ф. 2392. Оп. 1. Д. 77. Л. 326.

¹¹ Мавлютов Р.Р. Ислам. М., 1969. С. 152-153.

¹² ГАПО ф. 2392. Оп. 1. Д. 46. Л. 281.

¹³ Пензенская область в цифрах и фактах. Саратов: Приволжское кн. изд-во (Пенз. отд-ние), 1987. С. 6.; Татары. М., 2001. С. 507.

¹⁴ ГАПО ф. 2392. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.

¹⁵ ГАПО ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.

¹⁶ Учок Б. Женщины-правительницы в мусульманских государствах. М., 1982. С. 149.

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЪЕДИНЁННОЙ ГЕРМАНИИ

На современном этапе практически в каждой стране имеется богатый опыт построения системы высшего образования. Результаты анализа этого опыта могут способствовать обогащению отечественной системы образования, а также позволят избежать повторения ошибок, дадут возможность раскрыть новые подходы к решению ряда проблем.

Особый интерес представляет опыт развития системы высшего образования Германии. Система высшего образования ФРГ, история которого берёт своё начало в средневековье (XIV-XV вв.), в настоящее время играет важную роль в развитии общеевропейского образовательного пространства и является привлекательной для молодёжи других стран.

Развитие высшего образования в ФРГ в послевоенный период прошло несколько этапов:

- 50-е - начало 60-х гг. были временем послевоенного восстановления вузов, разработки первой программы государственного финансирования высшего образования¹;

- в середине 60-х - 70-е гг. наблюдался постоянный рост численности студентов, создавались новые университеты. Для преодоления отставания ФРГ от других развитых стран в области образования и науки увеличивались расходы федерального и земельных правительств на образование и науку. В этот период были созданы Комитет по планированию, состоящий из представителей правительства и ученых, и Совет по науке, который разработал и реализовал программу перестройки высшей школы. Государство и вузы стали партнерами в вопросах развития высшей школы, ее организации и финансирования. Открывались новые вузы и возникли новые типы высших учебных заведений, которые давали возможность «профессионального» образования (Fachhochschulen). Большинство земель приняли программы дополнительного финансирования и материального обеспечения вузовской системы;

- в конце 70-х - 80-е гг. продолжался быстрый рост численности студентов и в условиях роста финансовых трудностей земель, обострялись проблемы финансирования высшего образования. Наблюдалось усиление конкуренции между вузами за право получения государственных средств. В то же время укреплялась связь вузов и частнопредпринимательского сектора;

- 90-е гг. в условиях объединения двух немецких государств отмечены перестройкой и приспособлением вузов восточных земель Германии к системе образования, сложившейся в Западной Германии, а также участием Германии в процессе европейской интеграции в области образования после подписания Болонской декларации, что способствует повышению международной конкурентоспособности вузов, качества образования, мобильности студентов.

В мае 1990 г. совместная Комиссия ФРГ и еще существовавшей тогда ГДР по вопросам образования провела работу по приведению системы высшего образования восточной части Германии в соответствие с системой высшего образования, принятой в ФРГ. Соглашение об унификации 1990 г. между ФРГ и ГДР потребовало от пяти земель Восточной Германии предоставить законодательные основы для реорганизации образования к июню 1991 г. В соответствии с Актом о восстановлении земель (июль 1990 г.), пять земель Восточной Германии образовали свои собственные Министерства по делам образования, культуры и науки, которые вступили в Постоянную конференцию Министров по

делам культуры и образования в декабре 1990 г. с целью создания общей и сравнительно единой структуры системы образования².

Что касается профессиональной подготовки, существующие регулирующие документы в ФРГ - Акт о профессиональной подготовке (Berufsbildungsgesetz), Ремесленный кодекс (Handwerksordnung), правила обучения (Ausbildungsordnungen) и учебные программы (Rahmenlehrpläne) для двойной системы профессионального образования и подготовки (duales System) – стали распространяться и на пять земель Восточной Германии начиная с 1 августа 1990 г. Это послужило основой реформы профессионального образования³.

В сфере высшего образования Федерация регулирует общие принципы системы высшего образования через Системный акт о высшем образовании (Hochschulrahmengesetz), который был принят за основу законодательства о реорганизации высшего образования и исследовательской деятельности в новых землях. Научный совет (Wissenschaftsrat) разработал рекомендации для обновления. Неуниверситетские исследования, которые в ГДР главным образом концентрировались на Академии наук в соответствии с постановлениями Единого соглашения частично стали связаны с институтами высшего образования, но по большей части перешли к учреждениям неуниверситетских исследований, спонсируемых совместно федерацией и землями.

В конце 90-х гг. в развитии высшего образования Германии намечается новый этап. Будучи одним из инициаторов и активных участников процесса европейской интеграции в области образования, начиная с 1999 г. Германия достаточно осторожно реформирует свою систему высшего образования в условиях реализации целей Болонского процесса, стремясь сохранить свои образовательные традиции⁴.

Таким образом, система высшего образования в ФРГ довольно многообразна и сегодня в ней происходит много изменений, которые направлены на повышение качества и конкурентоспособности немецкого высшего образования в мире. Немецкая высшая школа следует общемировым тенденциям развития образования, играет важную роль в создании европейского образовательного пространства и принимает активные меры в реализации этого направления.

¹ Яковлева Е. Немецкие университеты: Как организован высшее образование в Германии // Известия. 2004. 30 сент.

² Зубенко В.А. Реформы высшей школы в ФРГ. // Экономика образования. 2001. № 2.

³ <http://www.hrk.de/de/home/home.php> (Hochschulrektorenkonferenz).

⁴ Афанасьев А.Н. Болонский процесс в Германии // Высшее образование сегодня. 2003. №5.

Бакина А. В.,

Уральский государственный университет

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ИНСТРУМЕНТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ ЗАПАДА

В середине XX в. мировое сообщество провозгласило права человека общечеловеческой ценностью, одним из условий и механизмов существования современного общества, индикатором оценки государства, а их реализацию, поддержание и распространение – благородным и важным делом. Однако в последние десять лет ряд развитых государств, международных организаций и объединений, транснациональных и глобальных корпораций искажают суть прав человека, применяют их в качестве эффективного инструмента геополитической экспансии и разрушения принципа государственного суверенитета, что связано с перспективой исчерпания привычных ресурсов развития, кризи-

сом западноевропейской либерально-демократической идеологии и модели развития, с откровенным стремлением к глобальному перераспределению ресурсов.

Особенную активность в использовании прав человека как инструмента геополитической экспансии проявляют Соединенные Штаты. После распада СССР, активизации центробежных сил на постсоветском пространстве, обладая превосходящей экономической и военно-технической мощью, США заняли лидирующее положение в мире и заявили свое притязание на роль общемирового лидера, единственного центра силы¹. Фактически данные притязания есть экспансия - расширение жизненного пространства на суше и в ее недрах, на море, в воздухе и космосе, в виртуальном мире.

Оправданием глобальных притязаний США служат: идеи богоизбранности американской нации; американской миссии распространения демократии в мире; Американского века; «нового мирового порядка» и т. д. При этом США готовы отстаивать свои притязания не только с помощью своеобразно трактуемых норм морали, этики и права, «мягкой силы» (которую Дж. Най-младший трактует как «способность (ability) заполучить то, что вы желаете, не путем принуждения (coercion) или вознаграждения (payment), а путем привлечения [на свою сторону] (attraction)... Обольщение (seduction) всегда более эффективно, чем принуждение, и многие ценности, вроде демократии, прав человека и возможностей, открывающихся перед индивидом, обладают огромной притягательностью»²), но и «жесткой», экономической и военной силы.

Вместе с тем, целая серия последовательных действий способствовала усилению США и подрыву системы международных отношений, основанной на принципах государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Особую роль сыграло появление ряда норм международного права, закрепляющих ответственность государства за реализацию и защиту прав и свобод индивида. Разрушение краеугольного принципа Вестфальской системы усилилось с момента организации Международных уголовных трибуналов и зарождения практики привлечения к ответственности нарушителей прав человека, наций и этносов в лице ведущих политиков и государственных деятелей.

Военные действия США и их союзников в бывшей Югославии, Афганистане, Ираке завершили разрушение Вестфальской системы международных отношений, заменили принцип государственного суверенитета принципом «избирательной легитимности», при котором государства-лидеры сами определяют параметры законности/незаконности какого-либо правительства в зависимости от соответствия/несоответствия его политики задаче соблюдения прав человека. С этого момента начался новый этап международных отношений, где суверенитет государства можно демонтировать, используя права человека, без санкции международного сообщества в лице ООН. Уже на «саммите тысячелетия» тогдашний генеральный секретарь ООН К. Аннан заявил, что права человека стоят выше государственного суверенитета.

С 80-х гг. XX в. фактически осуществляется интенсивная культурная экспансия развитых государств, которая в основном происходит под предлогом диалога культур, возможности и необходимости реализации прав и свобод человека. Здесь используются обширные информационные, высокотехнологичные каналы передачи информации и манипуляции; специально передаются научно-технические достижения и технологии, облегчающие приобщение к западной модели развития, внедрение ценностей технократического рыночного общества. Все это ведет к тому, что цивилизационные и культурные коды, этническая и социальная идентификация, морально-этические принципы и нормы сти-

раются или видоизменяются, их заменяют выхолощенные принципы либеральной демократии. Также осуществляются программы культурного и общеобразовательного обмена, где происходит культурная инвазия, поощрение принятия и распространения необходимых Западу ценностей и норм. Яркий пример тому – деятельность Дж. Сороса в России по использованию в общеобразовательных целях глобальной сети Internet, присуждение грантов, нацеленных на распространение принципов демократии по шаблону США.

Одновременно подвергаются коррозии мораль, этика, нормы внутригосударственного и международного права. Они становятся «мягкими», размываемыми и демонтируемыми, устанавливаются двойные стандарты. Общественные и государственные институты подвергаются коррозии через индивидов. Коррозия норм культуры и права, предъявление к развивающимся странам со стороны Запада и контролируемых им международных организаций завышенных требований по обеспечению прав человека, военно-техническое усиление Запада, сделали возможным бомбардировки Югославии, агрессию против Ирака, использование прав наций и этносов для разжигания этнополитических и профессиональных конфликтов.

Культурная экспансия опасна. Ее сложно распознать. Она происходит в духовной и материальной сферах; может дать о себе знать в любой момент, в любой сфере жизнедеятельности человека; обеспечивает незримое виртуальное присутствие экспансиониста на территории государства-реципиента, контроль, управление, невидимое, но ощутимое давление, продвижение интересов государства-экспансиониста через граждан государства-реципиента, причем последние не догадываются, что их используют. Обычно культурная экспансия дополняется экономико-промышленной экспансией, использующей права человека на достойное существование, творческий высокооплачиваемый труд, на приобщение к научно-техническим достижениям, к сообществу высокоразвитых государств.

Экономико-промышленная экспансия органически вплетена в общий процесс развития обмена, торговли, научно-технических достижений, создания международных финансовых институтов. Опекая «слабых», развитые государства устанавливают двойные стандарты по отношению к развивающимся странам, выдвигают специально невыполнимые требования к их экономическому и политическому развитию; способствуют закреплению сырьевой модели развития, введению неликвидных квот на ввоз и вывоз товаров, кабальной реструктуризации долгов; отрывают капитал от его материального носителя, делают спекулятивным и изымают из страны-донора; навязывают разрушительные экономические и политические практики, что наносит вред гражданам развивающихся стран. Так, в 80-90-х гг. XX в. США импортировали свою инфляцию в другие страны, сбили ритмы развития национальных экономик других государств, породили волны кризисов в Японии, Китае, России и других странах.

Провозглашая примат человека и его прав, развитое общество, имеющее краеугольным камнем принцип материальной выгоды, перекладывает мало окупаемые и наиболее затратные функции, сложные социально-экономические и морально-этические вопросы на плечи индивида, который не всегда может их решить самостоятельно, без помощи государства и общества. Права становятся обязанностью. У индивида рождается психология, основанная на экономической выгоде, стрессовый потребительский образ жизни, социальный цинизм, стремление к сиюминутной выгоде, безответственность.

Также подвергается коррозии международное право и система международных отношений, что нашло свое выражение в увеличении влияния международных экономических и силовых структур. Так роль, статус, влияние и функ-

ции ООН, ОБСЕ и ряд других международных организаций понизились, а роль МВФ, Всемирного Банка, ВТО и особенно НАТО - повысились.

Используя права человека, наций и этносов, международные организации и институты, а также транснациональные корпорации инкорпорируют интересы индивидов и их групп, трансформируют их в соответствии со своими целями и задачами и транслируют на все уровни миросистемы. При этом они расширяют зоны своих интересов и влияния, постепенно выдавливая государства из их традиционных ниш, как в общемировом, так и во внутриполитическом процессе, иногда напрямую ущемляя и нарушая их права и суверенитет.

Культурная и экономико-промышленная экспансия могут воплощаться в территориальной экспансии. Она может происходить мирно, как постепенное вытеснение постоянно проживающего населения мигрантами другой национальности, либо через договоры о сотрудничестве в сфере международной безопасности, через размещение военных баз в интересующих государствах. В ином варианте - под маской защиты прав угнетенных этносов или наций, притесняемых и терпящих морально-физические муки. Прикрываясь фундаментальными правами и свободами на жизнь, уважение, право на самоопределение наций и народов, достойный образ жизни, свободу слова, мнения и религии, государство-экспансионист проникает на территорию другого государства, используя миротворцев, наблюдателей, посредников, а также с помощью вооруженного вторжения (Косово и Македония). При этом вторжение может быть организовано во имя сохранения всеобщего мира, стабилизации и безопасности, без учета прав наций и этносов, что имело место в Ираке и сейчас намечается по отношению к Ирану.

В любом случае, защита прав человека может обернуться территориальным захватом, ведущим к захвату и использованию всего спектра ресурсов, оказанию влияния, установлению квазипорядка, попранию одних прав и свобод человека во имя других его прав.

Таким образом, система прав человека, созданная для упорядочивания отношений между индивидами, их группами, обществом и государством, стала универсальным инструментом, используемым Соединенными Штатами и их союзниками для экспансии во всех типах геополитических пространств. Это является одним из острых вопросов, требующих решения на мировом уровне.

¹ Бэттлер А. Контуры мира в первой половине XXI века и чуть далее // Международная экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 74.

² Nye J.Jr. The Paradox of American Power: Why The World's Superpower Can't Go It Alone. N.Y., 2002. P. 8.

*Гарбуз О.В.
Московская государственная консерватория*

В ЛАБИРИНТАХ УШЕДШЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ. О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ СИНТЕЗА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

В 1979 г. профессор университета Париж VIII Жан-Франсуа Лиотар выступил с докладом на тему «Состояние постмодернизма: доклад о знании». Речь Лиотара попыталась обобщить искания его современников, многие из которых сегодня почитаются во Франции как представители целой школы постмодернизма: Мерло-Понти (1908 - 1961), Ролан Барт (1915 - 1980), Жак Деррида (1930 - 2004), Мишель Фуко (1926 - 1984), Феликс Гваттари, Жиль Делёз (1925 - 1995) и другие.

Постмодернизм как термин, обозначающий то или иное авангардное направление, впервые был употреблён задолго до упомянутого доклада. Но именно выступление Лиотара обозначило некую точку отсчёта в общепринятом на сегодняшний день понимании постмодернизма как особой *философской категории*, фиксирующей ментальную специфику современной культуры в целом. С момента выступления французского мыслителя прошла почти треть века. И вот уже в ряде научных трудов постепенно набирают силу заявления о «постпостмодернизме». Пока этот термин употребляется весьма осторожно, но сами попытки его введения в обиход свидетельствуют о том, что постмодернизм начинает восприниматься на некоторой временной дистанции. А это значит, что уже сегодня культура постмодернизма может быть изучена и представлена как сложившаяся система устоявшихся взглядов, методов и форм. Сейчас как никогда культура этого исторического периода требует своего осмысления в контексте всей мировой истории.

На настоящий момент существует огромное количество публикаций, посвящённых культуре постмодернизма. В буквальном смысле «по горячим следам» исследователи разных стран мира пытаются осознать историческую миссию этого периода времени, его вклад в художественные достижения эпохи и заложенные в нём перспективы последующего развития искусства.

В центре нашего внимания сейчас – лишь одна грань проблемы, некоторые типы синтеза как одного из методов формообразования в художественной культуре постмодернизма. Разговор об актуальности синтеза как метода, который берёт на вооружение художник постмодерна, будь то писатель, архитектор, скульптор, композитор, стоит начать с небольшого экскурса в этимологию слова «постмодернизм».

В переводе с французского «постмодернизм» означает «послесовременность». Эпоха, наступившая после завершения современности, ставит ряд вопросов, среди которых важнейшими являются вопросы времени, места и логики мысли. В освещении этих вопросов постмодернизм занимает позицию противоположную модернизму – искусству современности.

Современное искусство проникнуто духом авангарда. Оно устремлено в будущее (*avant-garde* - передовой отряд) и определяется идеей прогресса, отвергая в определённой степени каноны предшествующих эпох. Искусство «послесовременности», напротив, не отрицает культурных достижений прошлого, но констатирует, что ориентация модернизма на авангард исчерпала себя. Постмодернизм пришёл на смену модернизму, когда тот оказался бессилён изобрести нечто новое, когда все материалы и формы, накопленные в процессе многовекового развития искусства, исчерпали себя.

Все виды искусства последней трети XX в. столкнулись с проблемой невозможности обретения новизны, а следовательно, с невозможностью продвижения вперёд. С. Беккет так охарактеризовал эту ситуацию: «Современное искусство есть выражение того, что выражать нечего, выражать нечем, выражать не из чего, нет сил выражать, нет желания выражать, и при этом есть необходимость выразить»¹.

В условиях когда «все слова уже сказаны», автора может спасти только нестандартный проект конструкции художественного целого. *Форма* поднимается на уровень *идеи* всего произведения, и главный вопрос современного художника звучит, как «где взять идею формы»? В поисках ответа на этот вопрос он обращается ко всему полю культуры. И именно здесь, в синтезе современной живописи, литературы, науки и философии, кроются перспективы развития современного искусства, формируется новая культурная парадигма.

Мы рассмотрим три вида синтеза в культуре постмодернизма: времен-

ной, пространственный и структурный.

I. Временной тип синтеза представляет интеграцию различных исторических эпох в рамках одного произведения искусства. Обращение к временному контексту того или иного вида искусства, обозначено такими художественными приёмами, как цитирование, коллаж, пастиш. В качестве типичных примеров этого вида синтеза можно привести «коллажную полистилистику» в симфониях Альфреда Шнитке, полотна Сальвадора Дали, зачастую обыгрывающие выразительные приёмы Веласкеса, Вермера и Караваджо; оформление здания Штутгартской государственной галереи (1984); сочинения Джойса, Борхеса и Эко, апеллирующие к безбрежному океану литературы прошлого; кинематограф Алена Роб-Грийе, частью эстетики которого является погружение зрителя в лабиринты времени.

II. Пространственный тип синтеза. В поисках новых форм выражения, художник обращается не только к временным, но и к пространственным категориям. В этом случае конструктивный замысел отдельного произведения сочетает элементы разных видов искусства, объединённых в едином пространстве художественного целого. Примером на данный тип синтеза выступают такие жанры постмодернизма, как хэппенинг, перформанс, мультимедиа.

Именно мультимедийность сегодня связывают с одним из наиболее перспективных путей в развитии творческой мысли. Это прекрасно иллюстрирует программа первой московской биеннале современных исполнительских искусств — 2007, которая целиком посвящена взаимодействию различных видов искусства в одном произведении, а также объединению в единое целое двух пространств — реального и виртуального. Среди наиболее интересных экспериментов в этом направлении, представленных московской публике, стоит выделить перформанс Пьера Паоло Косса «Vita futurista», объединяющий музыку, танец, поэзию и видео-хронику; композицию «HÖReographien» дюссельдорфского коллектива «Театр звуков», отражающую в названии грани основной концепции (к слову «хореография» присоединён немецкий глагол «hören» — слышать); видео-музыкальную инсталляцию «In Croce»; мультимедийный проект ансамбля «Лондонская симфонietta».

III. Структурный вид синтеза. По сравнению с двумя предшествующими видами, третий наиболее необычен в силу того, что он спрятан в структуре произведения. Зритель или слушатель могут даже не догадаться о существовании заимствованного прообраза формы. Зачастую о наличии такого типа синтеза в своих произведениях свидетельствуют сами художники, приоткрывая завесу над тайной создания своего шедевра. По сравнению с другими видами искусств, структурный синтез преобладает в музыке. Это не случайно в силу её особой природы, которую Чюрленис прокомментировал, заметив, что музыка объединяет в себе поэзию и живопись и обладает собственной архитектурой. В ряду музыкальных примеров можно привести «Камерные вариации» Виктора Екимовского, в основе которых — композиция рассказа Чехова «Спать хочется»; сочинения представителей школы московских криптофонистов, представляющих собой зашифрованные словесные композиции — притчи, эссе, лекции. «Структура» №1 Пьера Булеза сконструирована по аналогии с картиной Пауля Клее «У границы плодородной земли»; в основе сочинения Ксенакиса «Метасиазис» заложены точные математические расчёты архитектурного павильона фирмы «Филипс» в Брюсселе; а Струнный квартет №5 Паскаля Дюсапена строится по модели романа С. Беккета «Мерсье и Камье».

Последний приведённый пример примечателен тем, что сам Беккет неоднократно указывал на связь своего творчества с музыкой. Её бесплотность, текучесть и способность принимать самые разные формы притягивала писате-

ля, который до последнего написанного слова беспрестанно искал тип письма, могущий выступить аналогом неуловимой музыкальной субстанции. Оригинальным примером структурного синтеза в литературе являются и произведения Милорада Павича, перу которого принадлежат, среди прочего, роман-кроссворд «Пейзаж, нарисованный чаем», роман-клепсидра «Внутренняя сторона ветра», а также сборник рассказов «Семь смертных грехов», составленный по модели русской матрёшки из семи частей.

Мы очертили три типа синтеза в художественной культуре постмодернизма. Они определяют различные способы конструирования произведения искусства, а потому могут быть охарактеризованы как методы, которыми руководствуется художник. В то же время идея синтеза в эпоху постмодерна приобретает глобальные масштабы раскрывая смысл таких ключевых понятий этого времени, как интертекстуальность, складка, лабиринт, игра, комментарий.

Модерн как эпоха новых изобретений ушёл в прошлое. Художник остался один перед лицом безграничного поля культуры. В этом лабиринте с множеством развилки и тупиков, безразмерным коллажем эпох, стилей, жанров, отдельных произведений, он неизменно обращается к синтезу. Именно в соединении в художественное целое разного рода апелляций к историческому наследию, к другим видам искусств, к научным достижениям своего времени рождается сочинение эпохи постмодерна. И в этой синтетичности кроется основная привлекательность искусства этого периода.

Интересующийся культурой постмодерна уподобляется мифическому Тезею. А нитью Ариадны, ведущей в центр лабиринта — к познанию замысла художника — являются его воображение и интеллект. Чтобы свободно перемещаться по бескрайнему культурному лабиринту, не рискуя оказаться добычей Минотавра, исследователь или просто поклонник искусства наших дней должен иметь соответствующую подготовку. Ведь только оперируя знаниями всего исторического багажа культуры, он получает возможность вести диалог с художником на одном языке. А с обретением такой возможности прогулка по лабиринтам ушедшей современности становится по-настоящему увлекательным мероприятием.

¹ Беккет С. Никчемные тексты. СПб, 2001. С. 313.

*Матлахова М.С.
Саратовский государственный университет*

ВОЗВРАЩАЮЩИЙСЯ ОДИССЕЙ

Поводом к написанию данной статьи послужило прочтение (в который раз) гомеровской Одиссеи. Извечный вопрос — почему хитрый итакиец так одержимо стремился Домой? — привел к размышлению о наших корнях, укорененности в культурных традициях, о глубинных основах человеческого бытия.

Феномен «греческого чуда», на наш взгляд, сводится не только к исключительному динамизму этой цивилизации по сравнению с ее соседями, не только к удивительным по своей творческой энергетике интеллектуальным и художественным достижениям, но и к поразительному чувству Дома этого маленького народа. Как утверждал Ю.В. Андреев, с одной стороны, греки «никогда не были намертво привязаны к той земле, на которой они родились и выросли, тем более что эта земля нередко становилась для них не матерью, а злой мачехой»¹. С другой стороны, эллины никогда не забывали о своей родине, о Доме, и это чувство кровной связи с родиной (Домом) переживалось особенно остро и напряженно². Нет сомнений в том, что для грека, в том числе и Одис-

сея, оплотом, центром притяжения выступал полис, воплощавший в себе все ценностные смыслы Дома. И каждый путешественник, от ремесленника-демиурга до царя Одиссея, аксиологему Дома видел в памяти предков, ценностях общезнания, в служении Отечеству, милости богов. Таким образом, можно утверждать, что еще в античности дефиниция «Дом» стала формулироваться достаточно ясно. Впрочем, все традиционные общества, породившие великих мыслителей, героев и святых, брали свое начало в религиозных устоях, семейных истоках и родительском Доме. Расшатывание традиционного уклада послужило возникновению духовно-нравственной трансформации общества. Результатом культурных и социальных трансформаций стало изменению смыслового наполнения концепта «Дом».

Представляется актуальным выявить аксиологические основания «обретения Дома». «Обретение Дома» по сути один из способов культурно-исторической самоидентификации, позволяющий человеку определить свое место в социокультурном пространстве через базовые системы ценностей и связанные с ними традиции, символы и образцы. Среди них, на наш взгляд, приоритетным является символ и образ Дома.

Проблема обретения Дома как культурного ориентира, процесс самоидентификации человека в рамках базовых, домашних, традиционных ценностей, интересовали А. Шюца. В центре внимания австрийского философа – феномен человека, возвращающегося Домой. Шюц прибегал к некой метафоре, описывая человека, возвращающегося Домой после долгого перерыва. Покинув отчий Дом по определенным обстоятельствам, человек утрачивает былую связь со своей семьей, Домом, окружением. Некоторое время находясь в иной социальной группе, он впитывает в себя новые знания и ценности, которые постепенно изменяют его. «Возвращающийся ожидает вернуться в окружение, где он уже был, о котором он имеет знание..., он надеется найти его в памяти»³. Речь идет о синдроме Одиссея, вернувшегося Домой и испытавшего шок от произошедших изменений. Такому Одиссею, сопоставляющему образцы «своего» и «чужого», угрожает потеря идентичности в том случае, если «свое» перестанет отвечать изменившейся ситуации и текущим потребностям. Таким образом, задача возвращающегося Домой состоит в сохранении и воссоздании базовых ценностей. Дом в этом контексте может выступать устойчивым стереотипом, упорядочивающим процесс идентификации, то есть, происходит «обретение Дома».

Принципы похожего рассмотрения проблемы возвращения домой встречаются и у петербургского исследователя С.В. Климовой. Она подчеркивает изменение человека, вернувшегося из странствий, и вместе с тем изменение Дома – его обустройство и старение⁴.

Достойным внимания представляется и то, что подобные серьезные философские проблемы находят свое зримое воплощение в художественных образах. В этом контексте «Возвращение блудного сына» Харменса Ван Рейна Рембрандта является апофеозом обретения Дома. Библейская притча, изображенная красками великого голландца, приобрела особый смысл. Дом выступает здесь мировоззренческим основанием, фундаментом духовной действительности человека.

Эту же проблему укорененности в традициях, феноменологии Дома поднимал в своем творчестве в другую эпоху в другой стране еще один великий художник – художник слова Л.Н. Толстой: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего Отечества, но я не буду до пристрастия любить его. Хорошо ли, дурно ли, но я не знаю друго-

го чувства родины»⁵.

Вообще в русском художественном творчестве образ Дома является одной из важных аксиологем, формирующих национальную картину мира. У А.С. Пушкина череда поэтических образов Дома заставляет обращать внимание на традиции и ценности российской истории и культуры, служащие основаниями культурной идентификации в рамках нации.

Реальная же российская история актуализировала тему Дома, его потерю/обретение в XX в., в период грандиозных социальных потрясений, когда устоявшийся уклад, миромоделирующий порядок подвергся опустошительному разрушению. Дом как жизненное пространство человека, семья, Отечество подверглись трансформации. Традиционные ценности были пересмотрены и приспособлялись к новой реальности, теряя прежние знакомые понятные ориентиры. Знаменитые коммуналки как форма коллективного проживания были ничем иным как предельно рационализированной системой оппозиций, иерархий, запретов и предписаний. Здесь границы «своего» и «чужого» были также предельно размыты. Коммунальная квартира как квинтэссенция советской повседневности находила свое отображение в художественном творчестве у М. Зощенко, М. Булгакова, И. Ильфа, Е. Петрова. Есть основания утверждать, что коммунальный способ проживания порождал особый тип сознания. По сути проживание в коммуналках являлось формой лишения Дома, принудительным, казарменным способом существования. Однако жажда обретения Дома было выражена и в это время. Отсюда стремление к получению отдельного жилья, выступающего символом оседлости, укорененности, стабильности. Отождествляя себя с Домом, человек делал свою жизнь упорядоченной, понятной и предсказуемой. Таким образом, Дом выступает точкой системы координат, «которую мы приписываем миру, чтобы найти свое место в нем»⁶.

В рамках короткой статьи представляется проблематичным подвергнуть более подробному анализу трансформацию концепта Дом в современной эпохе. Заметим лишь, что она породила маргинальные представления о Доме. Авторы обозначают подобные образы: дом-притон, дом-вокзал, дом-проходной двор и т.д.⁷ Некоторые исследователи констатируют разрушение смысла Дома в человеческой жизни, связывая происходящие метаморфозы с эпохой постмодернизма⁸. Наряду с процессами разрушения смысла Дома в недавнем прошлом, существует тенденция «собираания камней». Яркими свидетелями подобных процессов выступают зрелищные телевизионные программы, гляцевые журналы, а также образовательные программы, предлагаемые в разнородных образовательных учреждениях (история Дома, история интерьера, история повседневности и т.д.). То есть налицо стремление к воссозданию базовых ценностей, predetermined традицией культурного развития: память предков, осознание ценности и необходимости общежития, служение Отечеству, нравственные религиозные устои. Продолжают оставаться актуальными поиски ответов на вопросы: «кто мы?», «куда идем?» (античное «quo vadis?»). Вспомним Одиссея:

Дома я! Это я сам! Претерпевши несчетные беды,
Я на двадцатом году воротился в родимую землю.

Так возвращаемся Домой?

¹ Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. СПб., 1999. С.47.

² Гомер. Одиссея. Песнь V. 220.

³ Шюц А. Возвращающийся домой / Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С.550.

⁴ Климова С.В.. Метафора дома // Социальное воображение. Материалы научной конференции. СПб., 2000. С.37.

⁵ Опульская Л.Д. Ступени великого восхождения / Вершины: Книга о выдающихся произведениях русской литературы. М., 1983. С.13.

⁶ Шюц А. Указ. соч. С.550.

⁷ Ничипоров Б. Обретение дома / Введение в христианскую психологию. размышления священника-психолога. М., 1994. С. 42.

⁸ Климова С.В.. Метафора дома // Социальное воображение. Материалы научной конференции. СПб., 2000. С.37.

Кутылева Э.Р.

Тюменский государственный нефтегазовый университет

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ.

В конце XX в. в отечественном общественном сознании с особой остротой встают проблемы национальной и культурной идентификации России в свете набирающего темпы процесса глобализации. Политическая ситуация в России, сложившаяся после распада СССР, послужила поводом для постановки вопроса о дальнейшем развитии нашей страны в условиях идеологического вакуума. Выбор пути повлек за собой процесс ценностного пересмотра национального наследия и обращение к истокам. Многовековой вопрос: «европейская» или «азиатская» страна Россия, или существует третий путь? - вновь начинает беспокоить обществоведов России. В контексте попыток самоидентификации России, особый интерес представляет разработанная русскими эмигрантами в 20-е гг. XX в. концепция евразийства, не признаваемая до недавнего времени. Уникальное географическое положение страны и ее «месторазвитие», история взаимоотношений «европейского» и «азиатского» в культуре России стало предметом изучения ученых-эмигрантов. А реалии постсоветского пространства предполагают восстановление тех экономических, политических и культурных связей между республиками, которые были нарушены с распадом СССР, и осмысление необходимости интегративных процессов не только в Евразии, но и в мировом континууме.

Тенденция к интеграции на территории бывшего СССР возникла в результате перестановки политических сил в мире и после распада советского монолита. Появляется ряд субрегиональных объединений, таких как ЕврАзЭС, Союз Белоруси и России, ЦАЭС, ГУУАМ. Общая тенденция появилась дискретно, реализовалась на нескольких интеграционных «ядрах» и локализовалась на разных уровнях. Процесс глобализации и интеграции мирового пространства ведет к изменению внутренних процессов национальных государств, политико-правовых норм. Социокультурная и политическая обстановка в постсоветской России стала причиной пересмотра вопроса идентификации страны в новых условиях стремления к демократизации общества.

Методологические установки синергетической парадигмы могут позволить учесть в исторической форме бытия закономерности процессов развития сложных систем, процессы их самоорганизации. Историческая форма бытия системы – это закономерность ее изменений (внутренняя мотивированность), развитие (эволюция системы), объективная целенаправленность процесса. Цементирующим определением особенностей исторического процесса является понятие саморазвития - внутренней детерминации процесса. Именно с этих позиций необходимо рассматривать евразийскую идеологию как вариант системного видения развития России. Евразийская концепция возникла в определенное время и при определенных обстоятельствах, изменялась, развивалась на протяжении более восьмидесяти лет. Процесс эволюции евразийской идео-

логии протекал по законам нелинейного развития, когда в одно и то же время вырабатывались разные варианты трактовки отношений Европы и Азии, а так же под влиянием тех процессов, которые протекали в это же время в СССР, что повлекло за собой амбивалентное отношение к советской власти. Евразийская концепция вступила в определенную связь с трактовкой отношения «европейского – азиатского» при советской власти и в период демократических преобразований в России в конце XX в. Все это может послужить мотивом к более детальному рассмотрению евразийства в контексте современных процессов глобализации, как альтернативный вариант существования народов и цивилизаций, для выработки политики взаимоотношений России и стран СНГ.

Составные части евразийской концепции – евразийская культурология, историософия, идеологический концепт, геософия – объединены одной мыслью – отстаивая идею русского культурного своеобразия, евразийцы определили русскую культуру как евразийскую. Особое значение евразийцы придавали влиянию тюркского, степного, туранского элемента. Именно он играл существенную роль в формировании российской концепции культуры, как ее понимали евразийцы. Отказавшись от идеи панславизма, евразийцы, в целях доказательства культурного своеобразия России, обратили внимание на сочетание в русской культуре европейских и азиатских корней. Тюркское влияние оценивалось позитивно, поскольку произошла связь русской культуры с миром азиатских культур, обладающих мощной творческой энергией. Связь русских с востоком закреплена и рядом антропологических факторов, поскольку этногенез русской этнической общности осуществлялся с участием народов тюркского происхождения. Формирующими русскую культуру элементами евразийцы считали «византийский», «степной азиатский» и «европейский» – именно они сообщили русской культуре своеобразный характер и «евразийское качество».

Границы научных исследований в конце XX в. расширяются, появляется ряд исследований евразийства в многообразии подходов и оценок. Обозначились они преимущественно в трех направлениях: 1) критика евразийства, традиции которой были заложены в эмиграции 20-х гг. XX в., где евразийство органично вписывалось в антологию мировой культурологической мысли; 2) евразийство как закономерное продолжение русской идеи; 3) евразийская традиция – самобытное явление, не являющееся ни западной, ни русской национальной традицией. При этом необходимо четко разграничивать изучение евразийства в академической науке и применение евразийских идей в политической сфере от идеи создания Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС) Н. Назарбаева до журнала «Элементы», главным редактором которого является А. Дугин¹.

Современное проявление евразийского мышления сохраняет свою первоначальную мотивацию. Как в 20-х гг. XX в., евразийство стало рефлексией на мировые и локальные социально-политические перемены, так и в конце XX – начале XXI вв. Современное евразийское мышление стало реакцией на вызовы глобализации с четким пониманием результативности интеграционных процессов на разных уровнях. Сторонники евразийского проекта будущего развития России придерживаются мнения, что только евразийская модель развития отношений на территории бывшего СССР может способствовать регулированию сложившейся сложной ситуации между бывшими союзными республиками в условиях глобализации.

В процессе глобализации проблема взаимодействия культур проходит новый виток осмысления. Неустойчивость, нелинейность глобализационных процессов стала проявляться в регионализации, росте самосознания и многообразии вариантов самобытности в традиционных культурах, разделении мира по цивилизационным критериям. Приняв во внимание принцип культурного

многообразия мира, каждая этнокультурная единица проходит путь самоидентификации. Итогом процесса идентификации в условиях глобализации должно стать проявление нового витка сознания «Мы – Вы», способного противостоять множеству проблем, стоящих сейчас перед человечеством. Запад и Восток в процессе диалога должны понять своеобразие двух культурных практик, единство которых даст наиболее полную картину в понимании человечества. Да и противостояние культурных миров приводит а) к политике многополярности; б) является препятствием, когда большинство глобальных проблем можно решить только сообща.

В условиях глобализации при настоятельной политике унификации и стандартизации национальных традиций человеку необходимо научиться видеть этнокультурную самобытность. При этом необходимо учитывать темпы технического развития общества, ускорение инновационных технологий, смену ценностных ориентиров в культуре. На культуру, как открытую систему, воздействует процесс глобализации, являющийся сильной флуктуацией, приводящей систему в неравновесное нелинейное состояние.

Достойным ответом на социальные вызовы глобализации в начале XXI в. становится концепция евразийства и формирование единого евразийского пространства. Евразийская идеология появлялась в самые различные исторические моменты и при самых различных исторических обстоятельствах, в критические моменты русской истории, в бифуркационные периоды выбора траектории дальнейшего развития.

Последний этап развития евразийской идеологии – после распада когда-то единой страны – поиск дальнейшего сосуществования братских народов. Базовыми основаниями приоритета евразийской идеологии является мультиплинейный подход к оценке исторического процесса, отсутствие единой схемы развития народов, отрицание единой общечеловеческой культуры и цивилизации, представление России – Евразии как особой исторической, территориальной, социокультурной целостности, признание уникального пути развития этой целостности, согласно имеющимся национальным культурным традициям, ценностям, учитывая многовековой опыт взаимодействия народов ее населяющих. Европеизация (американизация) не может быть решением проблем глобализующегося мира, поскольку вступление постсоветских республик в западный мир может обернуться господством западных норм поведения, доминированием западных ценностей с последующей унификацией национальных культур.

Выживание сверхсложных систем зависит от слаженности элементов, их составляющих. Идея евразийства, подчеркивая уникальность каждой национальной культуры, выдвигает на первый план значимость целостности Евразии, так необходимой в условиях глобализации. На сегодняшний день необходимо формирование общеевразийской идентичности и евразийского самосознания путем изучения истории культуры России – Евразии. Евразийское национальное сотрудничество должно реализовываться на основе учета интересов всех евразийских народов, равносторонней ответственности за экономическое, политическое, культурное пространство Евразии. Как единый экономический монолит евразийское сообщество может противостоять экономической экспансии Запада. На сегодняшний день интеграционные процессы не только историческая реальность, но и необходимость, как один из факторов устойчивого развития в эпоху глобализации.

¹ Элементы. Евразийское обозрение. Иллюстрированный геополитический, политологический журнал

КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ГРАНИЦА САМОПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

Информационная эпоха, эра высоких технологий, изменяя среду обитания и способы жизнедеятельности человека, радикально влияет на культурный универсум, трансформируя его очертания. Философия является имманентным инструментом, присущим культуре, позволяющим очертить границы культурного ареала и определить дальнейшие перспективы целостного культурного Тела. Речь идет о выборе парадигмальных оснований для оценки состояния культурной ткани, ее плотности и прочности, способности абсорбировать чужеродное культурное влияние.

Обращение к модернистской и постмодернистской парадигмам для описания современного состояния культурного универсума уже стало традиционным и вновь и вновь заставляет исследователя прибегать к «усекновению» тех явлений современной культуры, которые не вписываются в данные парадигмальные схемы или конструкции. Необходимо учитывать тот факт, что культура информационной эпохи приобретает под влиянием информационно-коммуникационных технологий новые черты, расслаивается на ряд специфических субкультур.

Такое понимание культуры позволяет дать авторское определение информационного общества, под которым понимается общество, в котором образы культуры, общества и человека обусловлены информационно-коммуникационными технологиями. Исходя из данного определения, становится возможным структурирование культуры информационного мира на ряд субкультур, носители которых в той или иной мере воспроизводят в своих интеллектуальных и телесных практиках бытийственные структуры информационного мира. Новые субкультурные структуры формируются на основании приобретения культурой электронных форм, превращения культурного универсума в «блик-культуру».

Новейшие технологии уже приобрели статус органической составляющей культуры. В культурном универсуме технизированного мира, то есть уже в «электронной» культуре, некоторые исследователи, в том числе, британский социолог Р.Шредер выделяют особую субкультуру, которая является иноформой, а точнее, антиформой рационалистической в своем основании западной культуры. Эта иноформа культуры получила название киберкультуры. Появление новой формы культуры, теория которой основывается на идеи «взаимопроникновения» человека или машины (компьютера), отрицает саму идею «гибели культуры».

Киберкультура - следствие информационной революции, начавшейся в 1960-е гг., когда начинают появляться первые информационно-коммуникационные технологии, в том числе, и технологии виртуальной реальности. Основой последних являются идеи создания при помощи компьютеров модельных миров, которыми пользователь может манипулировать, изменяя их структуру. С развитием информационно-коммуникационных технологий киберкультура приобретает характер новой реальности, существенно трансформирующей мыслительные и телесные практики человека.

Трансформация культуры как целостности в конгломерат разноплановых субкультур обуславливает переструктурирование социальных тел, усиление манипулятивных тенденций относительно их, а также выработку новых индивидуальных телесных практик. Тело становится водоразделом культуры. Идея

новой виртуальной телесности как адекватное выражение телесности времен информационной революции сформировалась в рамках субкультурных течений - французского «нового романа» 1950-х гг., киберпанка, возникшего в США в 1970-1990-е гг., киберфеминизма, появившегося во второй половине XX в.

В «новом романе» были очерчены перспективы вторжения виртуальной реальности в жизненный мир человека и, в частности, подчеркнуты негативные последствия такого вторжения, как с точки зрения интенсификации негативных эмоций, так и связи с продуцированием телесных извращений и девиантного поведения в целом. Также в «новом романе» была заложена основа «новой демаркации» в культурной среде, когда участниками культурных процессов становятся виртуальные персонажи. В частности, это характерно для произведения основателя школы «нового романа», французского писателя А.Роб-Грийе «Проект революции в Нью-Йорке», в котором делается одна из первых попыток придать «объемность» персонажам, максимально визуализировать их, что приближает такие персонажи к персонажам виртуальным. В современном медиа арте виртуальный персонаж уже приобретает статус самостоятельной единицы художественного произведения, имеющей свою биографию, продуцирующей дискуссии и ведущую «самостоятельную жизнь» в электронных сетях. Ярким примером виртуального персонажа является Намнияз Ашуратова из проекта Андрея Великанова¹.

В киберпанке – художественном течении 1970-1990-х гг., в котором акцент делался на контркультурных аспектах информационно-коммуникационных технологий - идея виртуальной телесности приобретает распространение как идея новой, конструктивной телесности. Данная идея позволила значительно расширить границы предвидения, что стало одной из основных особенностей киберпанковского движения. В киберпанке активно разрабатывалась тематика Будущего, которое представляется предельно технизированным и технологизированным. В центре внимания киберпанка - возможности технологического влияния на эволюцию человеческого тела. В киберпанке впервые был сделан акцент на этических и эстетических аспектах нового конструктивного тела, сформулированы представления о «беспрецедентном», «красивом» виртуальном теле.

Продолжением установок на интерпретацию «новой телесности» в рамках киберкультуры явились новые субкультурные образования, активно развивающиеся в 1990-е гг. К числу таких субкультурных новообразований относится киберфеминизм и различные виртуальные сообщества или «общины» (в удачном переводе на украинский язык - «громады»).

Киберфеминизм – одна из ключевых концепций, влияющих на современную культуру и сознание. Киберфеминизм появился как новая форма женской эмансипации в условиях информационной революции. Это интеллектуальное течение является продуктом радикальной критики дихотомии рации - чувство, дух-тело, «мужское - женское». Было положено начало практики декодирования человеческого тела и расшифровки генома каждого индивида. Власть на микроуровне начинает влиять не только на рациональную, ментальную сферу человека, а и на чувственно-эмоциональную, телесную.

Киберфеминизм – часть альтернативной культуры, эквивалент культурного сопротивления. Киберфеминизм возник благодаря интеграции в феминизм множества социокультурных подходов к проблемам пола, которые учитывали идею «различия», прежде всего, «различия пола». Ключевыми для киберфеминизма являются понятие полиморфной перверсии и сети. «Я» в понимании новоевропейской философии в киберфеминизме разрушается. Вместо «Я» есть совокупность «сетей», по которым перекачивается информация. Эти «сети» и

образуют «твой/свой мир» для представителей киберфеминизма.

Киберфеминизм – обобщающая концепция, в которой синтезируются кибернетический, сциентистский и социокультурный методологический подходы к виртуальной телесности. Он представляет собой своеобразную лабораторию, в которой прорабатываются вопросы принудительного медицинского вторжения в женское тело, клонирование, компьютерного труда, построения виртуальных сообществ и семей в Интернете, электронного надомничества, технически оснащенной эротики, киберсекса и т.д.

Весьма активно киберфеминизм сосредотачивается на тематике постчеловечества. Именно здесь пролегает граница, за которой начинается субкультурный ареал информационного мира. Хотя постчеловеческое иногда отождествляется с постгуманистическим, в действительности же постчеловеческое – это разрыв с классической формой гуманизма европейского образца, в котором ведущей идеей является примат человеческой константы в бытии. С. Жижек отмечает, что «мы входим в новую эру, в которой человечество освободиться от инертности материальных тел...»². Именно распространение информационно-коммуникационных технологий повлияло на становление киберфеминизма как новой формы феминизма, а также способствовало концептуализации виртуальных гендерных тел и смыслов.

Интеллектуальное течение – киберфеминизм основывается на утверждении об изменении образа телесности в современной культуре, происходящем под влиянием информационно-коммуникационных технологий. Отсюда – для киберфеминизма важным есть «сетевой опыт осуществления тела». В основе киберфеминизма лежит своеобразное понимание технического прогресса, согласно которому тело не игнорируется, а полагается основой человеческого существования. В киберфеминизме ставится под сомнение миф о «бестелесности информации и коммуникации» и одной из центральных проблем является конструирование моделей телесности как «культурных» тел. Технология служит опыт и удовольствию от жизни и рассматривается как продолжение тела. Акцент делается на осуществлении радостей киберпространства в индивидуальном теле, на сексуальности, как женской, так и мужской. Киберфеминизм основывается на идее, что при помощи технологий можно конструировать свою идентичность, сексуальность, пол, отбросив запреты и культурные стереотипы.

Таким образом, киберфеминизм предлагает оригинальный вариант стратегии определения культурных границ через тело, которое можно переструктурировать, изменяя тем самым формы субкультур в информационном мире.

¹ Динамические пары – Андрей Великанов – Намнияз Ашуратова // <http://www.guelman.ru/dva/para4.html>.

² Жижек С. Никакого пола, пожалуйста, мi – пост-люди! // <http://anthropology.ru/ru/texts/translab/texts/zizec2/>

Кульгина Н.А.

Санкт-Петербургская государственная консерватория

ДУХОВНАЯ ОПЕРА В ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучение проблем генезиса оперы – одно из важнейших направлений в истории музыкальной культуры. Между тем, духовная опера как особая разновидность оперного жанра – феномен, к изучению которого отечественные исследователи музыкальной культуры обратились, фактически, только в последнее десятилетие¹. Само это понятие лишь начинает использоваться в научном обиходе.

Традиционно опера рассматривалась прежде всего как жанр светского характера, ставший при рождении своеобразным манифестом эстетики своего времени - эпохи Возрождения и своих создателей – просвещенных любителей музыки. Однако такая точка зрения представляется сейчас далеко не очевидной и не единственной. Открытия, сделанные за последнее время в области старинной музыки, позволили не только восполнить многие лакуны, но и привели к пересмотру целого ряда явлений музыкальной истории. Реконструкция неизвестных ранее образцов показала, что рождение оперы на рубеже XVI – XVII вв. было отмечено разделением ее на две ветви, два направления эволюции. Основное – светское - направление, начатое во Флоренции, апеллировало к античности и воплощало антропоцентристскую концепцию, гуманистические идеалы; выражало психологию личности Нового времени. Но уже в 1600 г. в оппозицию флорентийским операм Я. Пери и Дж. Каччини на сюжеты аполлонического мифа «Дафна» и «Эвридика», в Риме Э. Кавальери ставит «Представление о душе и теле» - первую духовную оперу.

Практически с самого начала *светская* и *сакральная* разновидности значительно отличались друг от друга. Светская опера с сюжетом из античной мифологии была рассчитана на просвещенную публику и имела преимущественно камерный характер. Она представлялась при дворах образованных аристократов - покровителей искусства, являвшихся создателями, исполнителями и зрителями этих частных постановок. Духовная опера обладала принципиально другой направленностью. У ее генезиса стояли священнослужители, мыслившие свои произведения как возрождение традиций литургических драм и мистерий – действ, разыгрывавшихся в средние века в рамках церковной службы. Подобно средневековым представлениям, духовная опера должна была стать «наглядной» проповедью, способствуя привлечению населения к католической Церкви, чье влияние на общество ослабело в ходе Реформации.

Религиозная музыкальная драма сочинялась на популярные библейские сюжеты и жития святых, в те времена известные всем – в отличие от античных мифов. Ее идеологом стал Дж. Роспильози, будущий папа Климент IX, разработавший план создания широкодоступного «христианского театра». Этот театр открылся в 1633 г., он был построен на средства кардиналов Барберини и вмещал более 3000 человек; в нем работали лучшие композиторы и исполнители. Пышные представления религиозных опер («Св. Алексей», «Небесная комедиантка») стали главными событиями жизни города и действительно способствовали «воцерковлению» большого числа людей.

Другим очагом распространения духовной оперы были иезуитские коллегии. Они организовывали музыкальные представления в специальных помещениях для молитвенных собраний верующих – т.н. ораториях, поэтому религиозные оперы тоже стали называться ораториями. Наибольшей славой в Риме пользовались произведения, исполнявшиеся в Германской коллегии, композитором и организатором которых был Дж. Кариссими. Иезуиты стали «комиссионерами» духовной оперы за пределы Италии, «импортировав» ее в католические княжества Германии и во Францию. И если в Германии тяжелые последствия Тридцатилетней войны затрудняли развитие музыкального театра, то во Франции с середины 1680-х гг. наступает второй расцвет духовной оперы, обусловленный вполне объективными причинами: в 1685 г. Людовик XIV отменяет Нантский эдикт, объявляя протестантскую веру вне закона, и начинается французская Контрреформация, сопровождающаяся усиленной пропагандой католицизма. Родоначальником французской духовной оперы («библейской трагедии») стал ученик Кариссими М.-А. Шарпантье, чьи произведения (самого известного – «Давид и Ионафан», 1688), написанные для Коллегии Людовика Ве-

ликого, приобрели большую популярность и исполнялись в различных учебных заведениях Франции.

Судьба духовной оперы складывалась непросто, развитие этого направления не носило поступательного характера, присущего его светской альтернативе. Наложение папского запрета на представление религиозных сюжетов в оперном театре сделало их исключительной прерогативой церковной музыки и концертных ораторий в XVIII в. Да и для эстетики эпохи Просвещения христианская мистика стала чуждой. И лишь в XIX в., с приходом романтизма, духовная тематика «возвращается» в оперу.

Возрождение сакральной оперы началось с «Иосифа в Египте» (1807) французского композитора Мегюля - произведения, поразившего современников своей необычностью: «Это опера без действия, похожая на священнодействие; в драматической музыке этой оперы больше религиозности, чем в духовных композициях XIX в.»². К воплощению христианских историй на музыкальной сцене обращаются и признанные мастера светской оперы: Россини пишет «Моисея в Египте», серьезно занимались проблемами жанра Мендельсон, Лист, Берлиоз – каждый из этих авторов стал создателем ораториальной трилогии на основе религиозных легенд.

Идея сакральной оперы, оперы-мистерии оказалась близка многим композиторам, работавшим в области музыкального театра. Это было не случайно: жанр мистерии представлялся идеальным воплощением романтических поисков синтеза искусств. И вершиной этих исканий в XIX в. стал «Парсифаль» (1882) Вагнера – итоговое произведение, обозначенное автором как «торжественное мистическое сценическое представление». Резонанс «Парсифаля» в культурной среде был огромен. Т. Манн выразил существо завершающего труда немецкого мастера так: «Последний опус Вагнера – самое театральное из его творений, я думаю, что тайное томление, последняя честолюбивая мечта любого театра есть обряд, из которого тот возник у язычников и христиан»³.

Библейские сюжеты в оперном творчестве русских композиторов появляются в XIX в. Первой духовной оперой на отечественной сцене была «Юдифь» Серова (1863), вобравшая в себя как русские, так и западноевропейские музыкальные традиции. Подлинным апологетом жанра стал А.Г. Рубинштейн, сформулировавший общую концепцию «Geistliche Oper», основными положениями которой являлись:

1) стиль – широкие формы композиции, возвышенная декламация. Хор – невидимый или за сценой.

2) сюжет – не богатство действия, а выражение религиозного настроения, созерцания

3) жанры - молитвы, песнопения, благодарения

4) классическое «триединство» времени, места и действия – не закон!

Рубинштейн предполагал полное отделение библейского театра от светского благодаря постройке специального здания – «храма для искусства». Он создал целый ряд произведений на сюжеты Священного писания («Потерянный рай», «Вавилонское столпотворение», «Маккавеи», «Суламифь», «Моисей», «Христос»). Итогом и кульминацией дореволюционного периода стала самая литургическая из русских опер – «Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова. Однако после Октябрьской революции обращение к религиозной тематике сделалось невозможным, и возрождение духовной оперы, совпав с общим возрождением религии в России, началось лишь в 90-е гг. XX века (мистерия «Аввакум» К. Волкова, 1991; «История жизни и смерти Христа» Э. Денисова, 1992; «Святитель Ермоген» Г. Дмитриева, 2000).

XX в. вывел развитие сакрального оперного жанра на новый уровень.

Подобно тому, как это происходило в 1-й пол. XIX в., усиление духовного начала в искусстве было связано с началом очередной волны христианского возрождения, объединившей деятелей самой различной направленности. А после того, как над Европой пронеслись две мировые войны, процесс «воцерковления» приобрел массовый характер. Закономерно, что в сфере влияния неорелигиозных идей оказалась прежде всего музыкальная культура Италии и Франции. Большую роль здесь сыграла булла папы Пия X «*Motu proprio*» (1903). В ее тексте содержался призыв к возрождению духовных традиций, при этом допускалось использование самых новаторских выразительных средств с условием, что их применение будет отвечать церковным требованиям. Эти тенденции получили окончательное закрепление на II Ватиканском соборе (1962-1965). В Италии сакрализация оперы начинается в конце 1910-х гг. (Пуччини, «Сестра Анжелика») и далее становится основной областью творчества таких композиторов как Пиццетти, Малипьеро. Во Франции идеи неотомистского католицизма получают воплощение в операх Пуленка («Диалоги кармелиток») и Мессиана («Св. Франциск Ассизский»). Значительным явлением английской музыкальной культуры явился триптих опер-притч Б. Бриттена.

Если в XIX в. на музыкальный театр оказывала воздействие преимущественно литература, то в XX в. поиск новой эстетики, новых форм интенсивно велся как в литературе, так и в драматическом театре. Большое влияние на французскую сакральную оперу оказал театр Метерлинка и Д'Аннунцио (Дебюсси «Мученичество Св. Себастьяна»), драматургия Клоделя (Мийо «Христофор Колумб», Онеггер «Жанна д'Арк на костре»). Религиозный музыкальный театр Германии испытал влияние концепций эпического театра Брехта и «мирового театра» Орфа; современной литературы – Т. Манна, Г. Гессе (Шенберг «Моисей и Аарон»).

Такова обзорная картина существования духовной оперы как жанра в общекультурном контексте. Разумеется, многие пробелы в ее истории еще предстоит восполнить. Задачей автора данной работы было прежде всего очертить траекторию ее эволюции и обозначить главные вехи на ее историческом пути.

¹ Среди авторов работ, посвященных «субжанру» сакральной оперы и вопросам ее бытования на разных этапах истории музыки - Л. Кириллина, А. Парин, А. Кенигсберг, Т. Хопрова, Л. Ковнацкая, М. Черкашина, Л. Серебрякова, Н. Серегина, Г. Калошина.

² Чешихин В. Отголоски оперы и концерта // Заметки музыкального литератора, 1888 – 1895. С. 192.

³ Цит. по: Парин А. Хожение в невидимый град. М., 1999. С. 296.

СЕКЦИЯ «ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ»

Савина А. В.
Вологодский государственный педагогический университет

ИДЕАЛ ГОСУДАРСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕФОРМАЦИОННОЙ МЫСЛИ: Ж. КАЛЬВИН О ФОРМАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ

В современном сознании Реформация XVI в. является символом переходной эпохи между Средневековьем и Новым временем, когда во всех сферах жизни общества происходили значительные изменения. В числе последних было становление новоевропейской государственности, которое выражалось в централизации управления, изменении роли сословно-представительных учреждений, эволюции европейских монархий по направлению к абсолютистской форме. Подготовленная самим ходом исторического развития, эта трансформация нередко встречала выражающееся в разных формах сопротивление со стороны общества, в связи с чем проблемы государственного устройства приобрели необычайную остроту и злободневность, находя отражение, в том числе, на страницах трудов европейских реформаторов – М. Лютера, У. Цвингли, Ж. Кальвина. Политические взгляды последнего получили наиболее целостное и упорядоченное выражение в фундаментальном труде «Наставление в христианской вере» (1536, далее – «Наставление...»). Произведение пережило несколько авторских редакций и десятки публикаций на разных языках при жизни Кальвина¹, однако коренные положения не менялись с течением времени и отражали позиции реформатора по ключевым политическим вопросам.

Классификация форм правления у Кальвина основана на классической аристотелевской схеме: выделяется монархия («господство одного человека»), аристократия («господство лучших и виднейших»), демократия («власть принадлежит каждому из народа»)². Следует отметить, что реформатор провозглашал абсолютную равноценность всех существующих форм правления, так как все они исходят от Творца, и соответственно, наилучшую из них в принципе выделить невозможно³. Формы политического устройства «уравнены» также в возможности «вырождения» в свои антиподы, которые Кальвин выделяет вслед за Аристотелем: монархия может стать тиранией, аристократия чревата заговором «с целью установления несправедливого господства», демократия может обернуться народным мятежом⁴.

Несмотря на декларацию принципа равнозначности форм правления, Кальвин особое внимание уделяет монархии, которую, основываясь на Священном Писании, находит наиболее удобной Богу формой правления, при этом отмечая, что она менее других угодна людям, поскольку «влечет за собой рабское положение всех, за исключением того единственного, воле которого подчиняются остальные»⁵. Причиной этого несоответствия Кальвин видит человеческую природу монархов, среди которых «нечасто встречаются (почти как чудо) короли, способные настолько умерить свое властолюбие, что никогда не позволят своей воле уклониться от справедливости и праведности»⁶. Хотя «недостатки» монархии сводятся у Кальвина к личным качествам монархов, идеалом правления она также не является. Подобный идеал, противореча своему тезису о равноценности форм правления, Кальвин туманно рисует следующей фразой: «самой терпимой и безопасной формой начальствования будет правление нескольких людей, способных помочь друг другу и дать друг другу со-

вет»⁷. Однозначно можно сказать, что речь здесь идет о коллегиальном правлении, при котором злоупотребление властью сводится к минимуму взаимным влиянием «нескольких людей». Однако какая же конкретно форма правления имеется в виду у Кальвина? Об этом можно судить еще по одной фразе реформатора: «...предпочтение, пожалуй, следует отдать тем правителям, которые правят свободным народом»⁸. Судя по словосочетанию «свободный народ», можно предположить, что реформатор подразумевает республику, потому как далее в той же главе он говорит о тех, кто живет «под властью государей»⁹, то есть не приравнивает подданных монархов к «свободному народу».

Сопоставив положение о «свободном народе» с фразой о «правлении нескольких лиц», можно предположить, что Кальвин наиболее приемлемой формой правления считает аристократическую республику (хотя ни слова «аристократия», ни слова «республика» Кальвин здесь не употребляет).

Выше было отмечено, что для взглядов Кальвина был характерен некий стержень, центральная линия, присутствующая во всех изданиях «Наставления», однако, несомненно, что некоторой эволюции было не избежать, коль скоро Кальвин правил свой труд на протяжении всей жизни. Изменения касались и взглядов на формы правления: в первом издании 1536 г. реформатор лишь высказал мнение о сложности решения вопроса об идеальной форме; в третьем издании 1543 г. осмелился заявить о своей приверженности аристократической республике; в редакции 1559 г. пояснил свое заявление словами о том, что короли редко бывают праведными и благоразумными, а в издании 1560 г. заметил, что подобное явление встречается «как чудо»¹⁰. Как видим, Кальвин все больше утверждался в своих республиканских симпатиях и все больше разочаровывался в монархии. Последнее было вызвано политикой конкретных монархов и, прежде всего, французского короля Франциска I, который сначала гонениями на протестантов заставил Кальвина в числе многих других навсегда покинуть родную страну¹¹. «Республиканизации» настроений Кальвина способствовало и то, что волею судеб он жил и трудился в Женеве, городе-государстве, где республиканские идеи были весьма популярны и отвечали интересам и настроениям большинства населения, прежде всего, нарождающейся городской буржуазии. Решающим теоретическим аргументом в пользу республики послужил принцип коллегиальности власти: из понимания реформатором человеческой природы как испорченной грехом, а потому склонной к заблуждениям и прегрешениям, следует, что, хотя монархическая власть строится по подобию Божьему, она не может быть столь же единоличной, как власть Бога, и земной правитель нуждается в ограничении, помощи и советах со стороны других людей, иначе правление может пойти по неверному пути.

Надо отметить, что предпочтение коллегиальной власти наглядно проявилось в созданном Кальвином устройстве церкви. Центральным органом была консистория, состоящая из старейшин-мирян и пасторов, формировавшаяся путем выборов на собрании всех верующих. Также всей общиной избирались пасторы, а старейшины и диаконы избирались городским советом. Принцип выборности послужил для Кальвина основой построения церкви, ведь, по словам реформатора, призвание служителя может осуществляться только «с согласия и одобрения народа»¹², но, исходя из этого, не стоит заявлять о демократичности взглядов реформатора. Ш. Мерсье, говоря о том, что с точки зрения Кальвина «народные выборы священников или магистрата это...не проявление власти народа, а ратификация Божественного выбора»¹³, тем самым подметил, что во главе угла для Кальвина – принцип верховенства Бога, рядом с которым идея демократии не может существовать в полном смысле слова. С другой стороны, не следует преувеличивать и кальвиновский «антидемократизм», в

доказательство которого часто приводится тот факт, что государственные органы в Женеве в период деятельности реформатора являлись «демократическими лишь формально, но аристократическими по сути»¹⁴. Однако эти тенденции были подготовлены самим развитием женевского государства.

Суть политических воззрений Кальвина, как кажется, наглядно выражена в одной из фраз в его «Комментариях на Деяния святых апостолов» (Комм. на Деян. 6:3), которая относится к церковной сфере, но ее представляется возможным распространить и на государственное устройство: «Средний путь между тиранией и вседозволенностью заключается в том, чтобы ничто не совершалось без одобрения народа. Однако пастыри должны умерять и направлять народ таким образом, чтобы их авторитет словно уздой удерживал неистовство народа, не давая ему преступить меру»¹⁵. Соответственно, политическим идеалом Кальвина можно назвать ограниченную, «умеренную» аристократическим элементом демократию, воплощенную в республиканском устройстве государственной власти. Принцип «золотой середины», когда «свобода умеряется должным порядком»¹⁶, на наш взгляд, служил для Кальвина ориентиром в решении вопроса об устройстве власти.

Республиканские принципы, особенно наглядно выраженные в устройстве кальвинистской церкви, несомненно, оказали огромное влияние на умы современников, так как волюно или неволюно проецировались на мирскую сферу жизни. Французские, английские, шотландские, нидерландские кальвинисты пошли гораздо дальше своего идейного вдохновителя, выступая против монархов своих стран. Тираноборческий дух в значительной мере радикализировал кальвинистское движение, однако самому Кальвину его вряд ли можно приписать. В «Наставлении...» неоднократно подчеркивается принцип неприкосновенности форм правления, установленных Богом в той или иной стране. «Если Богу было угодно поставить над королевствами монархов, а над свободными народами других правителей, то нам надлежит покорствоваться и подчиняться любому начальствующим в той местности, где нам суждено жить»¹⁷. Таким образом, Кальвин не только не призывал к резким политическим изменениям, но и напротив, предостерегал от попыток пересмотра богоустановленных форм правления, видя в этом залог стабильного развития.

¹ Используемый нами русскоязычный перевод: Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. В 3 тт. М., 1997-1999.

² Кальвин Ж. Наставление... Т. 3. С. 472.

³ Там же. С. 471-472.

⁴ Там же. С. 472.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 472-473.

⁸ Там же. С. 472.

⁹ Там же. С. 473.

¹⁰ Nijenhuis W. The limits of civil disobedience in Calvin's latest known sermons. // The Reformation. Critical concepts in historical studies. V. III. L., N.Y., 2004. P. 73.

¹¹ Об этом наглядно свидетельствует его обращение к Франциску I, предваряющее текст «Наставления...». См.: Кальвин Ж. Наставление... Т.1. С.11-30.

¹² Обоснование выборности церковных властей Кальвин находил в Писании и трудах отцов церкви (Киприана, в частности). См.: Кальвин Ж. Наставление... Т. 3. С. 61.

¹³ Цит. по: Hancock R.C. Calvin and the foundations of modern politics. N.Y., L., 1989. P. 67.

¹⁴ Prélôt M., Lescuyer G. L'histoire des idées politiques. Paris, 1984. P. 248.

¹⁵ Цит. по: Бенуа Ж.-Д. Примечания. // Кальвин Ж. Наставление... Т. 3. С. 61.

¹⁶ Кальвин Ж. Наставление... Т. 3. С. 473.

¹⁷ Там же.

**ПУТЕШЕСТВИЯ Н.А.ДЕМИДОВА И Е.Р. ДАШКОВОЙ ПО «АГЛИНСКИМ
ПРОВИНЦИЯМ»: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ "ЧУЖОГО"
(НАЧАЛО 70-Х ГГ. XVIII В.)**

Особое место в истории русско-английских межкультурных контактов принадлежит путешествиям Е.Р. Дашковой и Н.А. Демидова в Великобританию, предпринятым в начале 70-х гг. XVIII в. В историографии нет сравнительного анализа двух своеобразных «отчетов» об этих поездках – «Путешествия одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям» Е.Р. Дашковой и «Журнала путешествия Никиты Акинфиевича Демидова». Даже в фундаментальной обобщающей работе по истории русско-английских контактов Э.Г. Кросса эти источники никак не сопоставляются¹. А.Г. Тартаковский вообще не упоминает о «Путешествии» Е.Р. Дашковой, и утверждает, что «Журнал путешествия» Н.А. Демидова – «единственно известная нам публикация в XVIII в. произведения чисто дневникового типа»². И это несмотря на очевидное сходство этих двух источников – оба сочинения представляют собой путевые журналы, записи в которых идут в хронологическом порядке. Разница в том, что в «Путешествии» повествование ведется от первого лица, а в «Журнале» от третьего. Во многом похожи и сами путешественники – как по своему происхождению, так и по уровню образованности.

Даже по характеру Е.Р. Дашкова и Н.А. Демидов во многом были близки. Оба деспотичные в отношении подвластных им людей, предприимчивые, расчетливые, но вместе с тем в духе времени увлекавшиеся литературой и получившие хоть и домашнее, но достаточно полное образование. Схожи были и формальные причины путешествий – лечение на курортах, только Е.Р. Дашкова поправляла свое здоровье, а Н.А. Демидов заботился о своей жене А.Е. Демидовой. И Е.Р. Дашкова, и Н.А. Демидов имели общих знакомых, в том числе среди английских аристократов, например графов Сассекс. Но самое главное – то, что и «Путешествие» Е.Р. Дашковой, и «Журнал» Н.А. Демидова были опубликованы при жизни авторов.

«Журнал» Н.А. Демидова и «Путешествие» Е.Р. Дашковой – прекрасные источники, отражающие восприятие русскими вельможами провинциальной Англии. Причем то, что «Журнал» отражает взгляды самого Н.А. Демидова, не подлежит сомнению, даже если этот источник был написан не самим заводо-владельцем, а его секретарем Н.И. Крымовым³. Демидов просматривал и редактировал «Журнал» перед публикацией и не мог оставить в нем то, что противоречило бы его собственным впечатлениям. Надо отметить, что английская провинция XVIII в. – это не только усадьбы и парки аристократов, но и города с прекрасной архитектурой, университетские центры (Оксфорд и Кембридж) и, конечно, заводы, фабрики и рудники.

Сразу надо отметить, что времени на ознакомление с провинциальной Англией у путешественников было немного. Е.Р. Дашкова выехала из британской столицы 14-го и вернулась в Лондон 29-го июля 1770 г., посетив Южную и Центральную Англию. Н.А. Демидов в рамках своего путешествия заезжал в Англию дважды. И во время второго путешествия в Великобританию заводо-владелец посетил ряд английских провинций, дважды выезжая из Лондона. Первый раз – с 11 по 15 июня 1773 г. – он добрался до Портсмута. А второй раз, с 23 июня по 1 июля 1773 г., заводо-владелец, как и Е.Р. Дашкова, проехал по Южной и Центральной Англии.

И Е.Р. Дашкова, и Н.А. Демидов проявили живой интерес к усадьбам и паркам британских аристократов. Особое внимание привлек расположенный недалеко от Бата парк, принадлежащий некому Гамильтону. При этом следует отметить, что Е.Р. Дашкову гораздо больше интересовало само парковое искусство: гроты, дорожки, искусственные острова, подстрижка кустов и т.д. Творения английских садовников вызвали у княгини совершенный восторг. Она писала: «Тень разной зелени деревьев, тень от густоты или редкости деревьев, высота или низкость их, воды, воды проведенные с таким искусством, чтоб казалось естественно им тут быть, различные строения – все сие у них с великим рачением и искусством употребляется»⁴. Чувствуется скрытое желание княгини разбить подобный парк и у себя на родине. Не случайно она сравнивает английских и русских садовников и с досадой пишет, что один англичанин «более трех наших ленивцев сделает»⁵. Вероятно, тогда зародилась у Е.Р. Дашковой любовь к английским паркам, не угасавшая на протяжении всей ее жизни. Не случайно, вернувшись в Россию, Екатерина Романовна разобьет парк в английском стиле в имении своего старшего брата А.Р. Воронцова⁶.

Н.А. Демидов проявлял интерес и как натуралист-любитель. Не случайно в «Журнале» указаны латинские названия всех «неординарных деревьев», росших в упомянутом парке Гамильтона⁷. Этот интерес не случаен. Ведь Демидовы были знакомы с крупнейшими натуралистами России и Европы: К. Линнеем, Г.В. Штеллером, И.Г. Гмелиным и др. В селе Красном (под Соликамском) братом Никиты Акинфиевича – Г.А. Демидовым – был разбит ботанический сад. О парковых строениях, напротив, в «Журнале» написано немного и без такого восторга, как у Е.Р. Дашковой.

По дороге оба путешественника останавливались в усадьбах английских аристократов. Они посетили дворец герцога Мальборо, от которого пришли в полный восторг. В «Журнале» этот памятник архитектуры описан так: «Оный дом... превосходит все строения, в Англии находящиеся. Внутри убран мрамором и знатнейшими картинами, а кругом сего огромного здания великий парк»⁸. Е.Р. Дашкова описывала дворец гораздо подробнее⁹.

Кроме усадеб и парков, оба путешественника посетили знаменитый Оксфордский университет. Впрочем, Н.А. Демидова он почти не заинтересовал. Не случайно уральский заводовладелец пробыл там менее одного дня, и в «Журнале» об этом содержится лишь краткая запись¹⁰. Е.Р. Дашкова, напротив, проявила к университету самый живой интерес. Она пообщиалась с одним из семи русских студентами Оксфорда – Никитиным, который стал ее гидом. В течение трех дней княгиня осмотрела все колледжи Оксфорда и составила подробное описание, подмечая малейшие детали – вплоть до того, к какому ордеру относятся колонны того или иного здания.

Зато, в отличие от Дашковой, Демидов проявил живой интерес к английской промышленности. Он из Оксфорда поехал в Бирмингем, по пути успев осмотреть «лучшие железодельные заводы, принадлежащие дворянину Наинту»¹¹. В Бирмингеме и его окрестностях уральский заводовладелец осмотрел ряд заводов и рудников. При этом Н.А. Демидов детально описал процесс производства, напоследок посетив фабрику Балтона по производству металлических пуговиц, цепочек и прочих мелких галантерейных товаров.

И заводовладелец и, особенно, княгиня проявляли самый живой интерес к памятникам архитектуры и истории. Е.Р. Дашкова даже посетила Стоунхендж («Стонгихенс») – «здание...наподобие великой залы», оставив подробное его описание¹².

Таким образом, следует отметить, что английская провинция произвела на Е.Р. Дашкову и Н.А. Демидова очень сильное впечатление. Оба они были

очарованы красотами английских парков, усадеб. По описаниям, составленным ими, можно судить, что оба путешественника были просвещенными, европейски образованными вельможами со сформировавшейся системой взглядов и высоким культурным уровнем. Но все-таки, несмотря на сходство характеров Н.А. Демидова и Е.Р. Дашковой, восприятие этими людьми даже одних и тех же достопримечательностей английской провинции существенно отличалось. Е.Р. Дашкова руководствовалась прежде всего, стремлением дать образование своим детям (отсюда пристальный интерес к Оксфорду). Во-вторых, она желала создать в России для себя такие же прекрасные условия жизни, как у английских аристократов – отсюда интерес к паркам и усадьбам лордов. У Н.А. Демидова, напротив, проявился прежде всего профессиональный интерес заводовладельца – внимание к английским заводам, фабрикам и рудникам, а также черты довольно образованного натуралиста-любителя.

¹ Cross A.G. By the Banks of Thames. Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville, 1980

² Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII- первой половины XIX века. М., 1991. С. 93

³ Данная точка зрения была высказана Е.В. Карповой см. Карпова Е.В. «Журнал путешествия» Н.А. Демидова (материалы к изучению) // Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. II. Екатеринбург, 2006. С. 612 – 634.

⁴ Дашкова Е. Р. Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям // Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб., 2001. С. 98

⁵ Там же. С.98

⁶ См.: О разведении сада в селе Андреевском // Архив князя Воронцова. Кн. XXI. Бумаги княгини Е. Р. Дашковой (урожденной графини Воронцовой). М., 1881. С. 408 - 410

⁷ Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова (1771 - 1773). Екатеринбург, 2005. С. 212 – 213

⁸ Там же. С. 214

⁹ См.: Дашкова Е.Р. Цит. соч. С. 107 - 108

¹⁰ Журнал путешествия... С. 214

¹¹ Там же. С. 215

¹² Дашкова Е. Р. Цит. соч. С. 102

Меер Е.С.

Красноярский государственный педагогический университет

ВЗГЛЯДЫ Ж. ЛЕФЕВРА В РАБОТАХ А. КОББЕНА ПО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII ВЕКА

В работах английского историка А. Коббена по французской революции конца XVIII в., положивших начало ревизии ее классической интерпретации, взгляды выдающегося французского историка Жоржа Лефевра занимают особое место.

Коббен характеризовал Лефевра как сторонника теории французской революции как революции буржуазной, которую он обозначал также как "ортодоксальную" интерпретацию и основные положения которой он пытался пересмотреть. Он отмечал также влияние марксизма на работы Лефевра в его последние годы жизни¹. Но вряд ли будет правильным согласиться с Дж. Шапиро, который считал, что Коббен оценивал Лефевра как "простого марксиста"². Как заявил сам Коббен: "простой" – это последнее прилагательное, которое я хотел бы применить к нему"³.

Коббен, несомненно, восхищался Лефевром как самым великим историком французской революции своего времени, чьи "обширные и проницательные исследования открыли новую фазу в истории революции"⁴. То, что Лефевр "прежде всего интересовался социальной историей" и был одним из основате-

лей ее французской школы, было особенно важно для Коббена, также считавшего себя представителем этого направления⁵.

Таким образом, у Коббена присутствует, с одной стороны, ревизия теории буржуазной революции, одним из защитников которой был Лефевр, с другой - похвала Лефевру. Это противоречие шокировало критиков Коббена, его подход был воспринят ими как атака на Лефевра и даже как свидетельство лицемерия - обвинение, которое отдельные ученики Коббена и представители ревизионистского направления опровергали⁶.

В действительности нет ничего противоречивого в сочетании критики и похвалы работ Лефевра, особенно если учесть, что Коббен цитировал французского историка для обоснования своих ревизионистских взглядов по широкому ряду тем - феодализм во Франции XVIII в., буржуазия (понятие и роль в революции), экономические последствия революции, вопрос о крестьянах и т.д. Английский историк и сам признавал, что без трудов Лефевра его "Социальная интерпретация" была бы значительно опустошенной⁷.

Парадоксально, но Коббен находил в трудах Лефевра ревизионистские идеи, которые стали его собственным вкладом в изучение революции. Фраза, которая бросается в глаза в его "Социальной интерпретации" и не может не удивить читателя, касается революционной буржуазии. "Что оффисье и люди либеральных профессий подготовили и направляли революцию и что бизнесмены не были ее главными движущими силами, было... взглядом Лефевра"⁸. Но тогда получается, что главные идеи Коббена о роли революционной буржуазии во французской революции уже развил Лефевр. Что очень важно, Коббен не отказался от своего утверждения несмотря на критику и упорно настаивал на свой правоте⁹. На самом деле он скорее неверно интерпретировал слова Лефевра о том, что "старая буржуазия" интеллектуально подготовила революцию. "Деловые люди" были "первыми движущими силами революции" у Лефевра только в интеллектуальном плане¹⁰.

Коббен постоянно подчеркивал, что критикует работы Лефевра и следует им одновременно. "Если я не соглашался с некоторыми из его интерпретаций, то часто делал это на основе его собственных свидетельств"¹¹. Для Коббена было очень важно подчеркнуть, что "из его (Лефевра - Е.М.) исследований могут быть сделаны заключения, которые выводят нас за пределы любой ортодоксальной марксистской интерпретации"¹². При этом он отмечал, что Лефевр был историком, который не занимался подбором свидетельства для теории, его исследования предшествовали выводам, а не наоборот. Коббен считал, что "важный урок, который Лефевр преподавал, это то, что проблемы историографии французской революции не должны решаться предвзятыми формулами"¹³. По его мнению, Лефевр "был искренне и бесспорно привязан к ортодоксальной теории революции" и потому "не увидел противоречия между своей теорией и историческими фактами, которые он обнаружил"¹⁴.

Коббен часто иллюстрировал "противоречия" между фактами, приведенными в работах Лефевра, и его "ортодоксальными" заключениями. Например, большое внимание он уделял опровержению положения Лефевра о том, что революция способствовала развитию капитализма - центрального тезиса для обоснования буржуазного характера революции. Лефевр в своей единственной и знаменитой рецензии на "Миф французской революции" Коббена подчеркнул, что "в первый раз в Европе она (революция - Е.М.) объявила свободу предпримчивости", "она действительно открыла дорогу капитализму"¹⁵. В качестве опровержений у Коббена - факты, взятые из работ самого Лефевра. Кажется, он действовал методом выбора исключений, находил все примеры, которые могли бы заставить усомниться в заключении Лефевра. Если взгляд Лефевра поддер-

живается "не больше чем изолированными фактами" (жаль, что они не рассматриваются), то взгляд Коббена - такими же, только другими¹⁶. В конечном итоге, проблема заключается в расстановке акцентов при анализе фактологии.

Подобный подход наблюдается и при обосновании Коббеном положения о том, что революция "в основном препятствовала проникновению эмбриона капитализма во французское общество". В данном случае Коббен имел возможность использовать материалы Лефевра, показывающие, по его мнению, что "обиды низших и, следовательно, более неудовлетворенных элементов в городе и деревне были направлены не столько против сохранения феодального порядка общества, сколько против прихода нового, капиталистического"¹⁷.

Критика касалась и вопроса терминологии. Коббен постоянно опровергал понятие "сельской буржуазии", применявшееся Лефевром, называя его "всеобъемлющим термином" и "переполненной категорией". Действительно, это понятие очень широкое и могло включать очень различные группы (как верхние слои крестьянства, так и не крестьян - от сборщика повинностей до начальника почтового отделения). На наш взгляд, есть определенная логика в нежелании Коббена применять термин "буржуазный" к крестьянским собственникам¹⁸. Даже историк П.М. Джонс, защищающий взгляды Лефевра по крестьянскому вопросу и иронически отмечающий, что "Коббен всегда начеку при наличии слишком широкого "смысла", признал, что "применять термин "буржуа" к пахарям кажется выдуманным" и что "большинство историков... исключают "трудовой" элемент из "сельской буржуазии"¹⁹.

В связи с проблемой "сельской буржуазии" Коббен критиковал идею Лефевра о том, что за раздел общинных земель в период революции выступали богатые крестьяне. Коббен придерживался противоположной точки зрения, основывая ее на петициях крестьян. Он написал, что "это были, очевидно, бедные жители деревни, которые были за раздел общинных земель, и состоятельные жители, которые были против него". Так он пытался доказать консерватизм "сельской буржуазии" и подкрепить положение об антикапиталистическом характере революции в целом²⁰. Джонс, вероятно, прав, критикуя Коббена и утверждая, что ситуация могла быть разной, что "бесполезно искать позиции, пригодные на все времена и всем местам. Так, многое зависело от сельскохозяйственного баланса в данной местности, скорости роста скота, рыночных возможностей, степени и качества общинной земли и так далее. Свободный выпас скота на деревенском живье мог служить интересам бедных, но он мог служить и интересам процветающей элиты крестьянства и землевладельцев, постоянно не живущих здесь". Петиции — это недостаточное доказательство для обобщений²¹. Таким образом, есть и здравый смысл, и определенное упрощение в критике Коббеном этого вопроса.

Пересматривая интерпретацию французской революции конца XVIII в. как революции буржуазной, Коббен исходил из критики положений Лефевра. Но при этом одновременно он опирался на заимствование материалов исследований французского историка. Если ревизия Коббена "хоронила" "ортодоксию" Лефевра, то не в меньшей степени она подтверждала ее ценность.

¹ Cobban A. Aspects of the French Revolution. N.Y., 1968. P. 63, 285; Idem. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964. P. 8, 11, 163.

² Shapiro G. The Many Lives of Georges Lefebvre. //The American Historical Review. 1967. Vol. 72. № 2. P. 503.

³ Cobban A. Aspects... P. 285.

⁴ Ibid. P. 14, 63, 285.

⁵ Ibid. P. 14, 286.

- ⁶ Behrens B. Professor Cobban and his critic. // The Historical Journal. 1966. Vol. IX. P. 240; Bosher J. F. Alfred Cobban's View of the Enlightenment. / The Modernity of the Eighteenth Century. Cleveland and London, 1971. P. 57-58.
- ⁷ Cobban A. The Social Interpretation... , p. ix.
- ⁸ Ibid. P. 61.
- ⁹ Cobban A. Aspects... P. 285-286.
- ¹⁰ Ibid. P. 286; Dawson P. Provincial magistrates and Revolutionary politics in France, 1789-1795. Cambridge, 1972. P. 16-17.
- ¹¹ Cobban A. The Social Interpretation... , p. ix.
- ¹² Idem. Aspects... P. 285.
- ¹³ Ibid. P. 261.
- ¹⁴ Cobban A. The Social Interpretation... P. 163.
- ¹⁵ Lefebvre G. Le mythe de la Revolution francaise. // AHRF. 1956, №145. P. 343.
- ¹⁶ Cobban A. Aspects... P. 63-65.
- ¹⁷ Idem. The Social Interpretation... P. 164-165, 167-168, 171-172.
- ¹⁸ Cobban A. Aspects... P. 282; Idem. The Social Interpretation... P. 108-109, 117-119, 165-166.
- ¹⁹ Jones P.M. Georges Lefebvre and the Peasant Revolution. Fifty Years On. // French Historical Studies. 1990. Vol. 16. №3. P. 648.
- ²⁰ Cobban A. The Social Interpretation... P. 110, 113-119.
- ²¹ Jones P. M. Georges Lefebvre and the Peasant Revolution .. P. 653.

Эберхардт М.В.

Красноярский государственный педагогический университет

КРИЗИС СТАРОГО ПОРЯДКА ВО ФРАНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА В МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В широкий научный оборот (преимущественно зарубежной историографии) термин «Старый порядок» (Ancien Regime) вошел во второй половине XIX в. благодаря работе Алексиса де Токвиля «Старый порядок и революция». Четкого определения данный термин не получил ни у одного автора, его употреблявшего. Хронологические рамки «Старого порядка» определяются разными исследователями неодинаково. Однако наиболее распространена точка зрения, что он охватывал XVI –XVIII вв.

В отечественной исторической литературе утвердилось иное обозначение данного периода – «феодально-абсолютистский строй», а вторая половина XVIII в. во Франции характеризовалось как время нарастания кризиса феодально-абсолютистской системы, который затрагивал все сферы жизни французского государства: экономическую, политическую и социальную¹. Только со второй половины 1980-х гг. благодаря исследователям политической истории предреволюционной Франции (Берго И.Б., Лебедевой Е.И., Пименовой Л.А.) в отечественной историографии вошел в употребление, а ныне даже утвердился как основной, термин «Старый порядок».

Изучение предреволюционной Франции имеет давние историографические традиции. Исследователей прежде всего интересовал вопрос о причинах возникновения и возможности предотвращения революции. Начиная с трудов представителей романтической историографии Гизо, Тулонжона, Тьера, Минье укрепились представление, что революция стала логическим следствием происходящих процессов и ее причины нужно искать в «старом режиме»².

Существование политического кризиса на исходе «Старого порядка» признавали практически все исследователи, но трактовка причин подчас была противоположной: называли и широкое распространение янсенизма, чрезмерное расточительство и разврат двора, частное и неудачное участие в войнах. Но практически все авторы отмечали, что ярким выражением политического кризиса стала ситуация, сложившаяся вокруг предпринимавшихся правительств-

вом в последние предреволюционные десятилетия реформ, когда высшие сословия, являвшиеся, по сути, главной опорой существующего государственного устройства, развернули настоящую борьбу против этих попыток правительства. Многие исследователи рассматривали реформы как реальную возможность спасения «Старого порядка», считая их наилучшим средством трансформации, эволюции страны в новых исторических условиях.

Собственно попытки реформ как самостоятельный предмет исследования интересовал лишь немногих историков. Среди таких можно назвать Фламмермона и Мариона. Остальные, как правило, лишь упоминали об этом. Работы вышеупомянутых авторов позитивистского толка и посвящены конкретно министрам-реформаторам и крайне апологизируют как реформатора, так и короля, его поддержавшего. Так, Марион в своей монографии утверждает, что «великой реформатор XVIII века» Машо д'Арнувиль предложил по-настоящему радикальный план преобразований в духе просвещенного абсолютизма, который мог бы изменить основы старого порядка и сделать судьбу Франции более счастливой, избежать революции³. Ж. Фламмермон, подробно анализируя парламентскую реформу Мопу, утверждает, что если бы ее положения были сохранены при новом монархе, существующий порядок просуществовал бы еще очень долго и мог успешно трансформироваться в новых условиях. Отмена же реформы и восстановление старых парламентов в 1774 г. стали роковой ошибкой. Таким образом, по мнению этих авторов, существующий порядок был достаточно устойчив и только капризы некоторых лиц и учреждений, например, парламента, привели к развитию политического кризиса и революции.

В первой половине XX в. политической истории уделялось мало внимания как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Подавляющее большинство работ было посвящено социально-экономической тематике. Всплеск интереса к политической истории «Старого порядка» произошел в 60-70-е гг. XX в. в связи с появлением так называемого «ревизионистского» течения западноевропейской историографии. Его представители, сначала английские и американские исследователи А. Коббен, Дж. Тейлор, Э. Эйзенштейн, У. Дойл, а со второй половины 60-х гг. французские авторы Ф. Фюре, Д. Рише, Э.Леруа Ладюри и другие исследовали преимущественно историю Франции «Старого порядка».

Основополагающей идеей направления стал отказ от «классических» толкований и прочтений Французской революции. Авторы во многом возродили взгляды Токвиля. Они отвергали существование феодализма во Франции в конце старого порядка и в противовес выдвинули теорию о «континуитете» и так называемой «революции элит».

Эти теории вызвали бурные споры о предыстории Великой французской революции, о возможных путях развития общества старого порядка, о просвещенном абсолютизме и разумных реформах как варианте эволюционного мирового развития страны. Одним из основных стал вопрос о причине, истоках и сущности политического кризиса накануне революции.

Английский историк А. Коббен, считающийся основоположником нового течения, утверждал, что во Франции во второй половине XVIII в. имел место политический кризис, но существовала реальная альтернатива революционному пути развития – самореформирование абсолютной монархии в духе «просвещенного деспотизма» и только парламенты стали «непреодолимым барьером, о который тщетно бился реформаторский дух столетия.» Таким образом, парламенты, будучи одним из институтов существовавшего государственного устройства, сорвали реформы и толкнули Францию на путь революции⁴. Французские историки Ф. Фюре, П. Шоню, Г. Шоссинан-Ногаре отдельно не занима-

лись вопросом политического кризиса, но и их точку зрения можно выявить из некоторых высказываний. Так, Фюре в своем труде «Постижение Французской Революции» утверждает, что французская монархия второй половины XVIII в. «уверенно шла по пути просвещенных реформ, и эти реформы вполне могли привести Францию к лучшим результатам, нежели революции. Одна из непосредственных причин их неудачи – позиция парламентов, которые проявили себя как консервативный институт, претендовавший на национальное представительство, во имя своих призрачных целей помешавший разумным и своевременным преобразованиям»⁵.

Существовала и противоположная точка зрения. Английский исследователь В. Дойл считал очевидным политический кризис во Франции второй половины XVIII в., но не считал это явление глубоким. По его мнению, противостояние парламентов и королевской власти было лишь отдельным фрагментом политической истории Франции. Эта борьба внутри абсолютистской государственной машины могла бы спокойно сойти на нет, если бы сам абсолютизм действовал более решительно, уверенно. А реформы, предлагавшиеся министрами, не были столь значительными, чтобы реально повлиять на судьбу монархии. Оппозиция же не могла серьезно навредить короне.

Таким образом, несмотря на то, что большинство исследователей признают существование политического кризиса во Франции второй половины XVIII в., оценка его глубины и роли для приближающейся революции часто противоположна.

Что касается отечественной историографии, то вопрос политического кризиса во Франции «Старого порядка» стал появляться как самостоятельный предмет исследований только во второй половине 1980-х гг. Среди исследователей можно назвать лишь И.Б. Берго и Е.И. Лебедеву.

Работы И.Б. Берго посвящены изучению парламентской оппозиции абсолютизму во Франции в третьей четверти XVIII в. Анализируя оппозицию этого института «Старого порядка» как ярчайшее проявление глубокого политического кризиса, приобретшего с 1750-х гг. необратимый характер, автор отмечает, что, оказывая сопротивление финансовой политике и попыткам реформ правительства, парламенты преследовали прежде всего свои узкокастовые интересы, но вопреки своим же намерениям эта жесткая оппозиция сыграла важную роль в развязывании широкого общественного недовольства существующим режимом и приближении страны к буржуазной революции. Парламенты стали инициаторами политической борьбы с абсолютизмом⁶.

Е.И. Лебедева исследовала «кризис «верхов»» накануне Великой французской революции. По ее мнению, в конце «Старого порядка» кризис власти принял исключительно острые формы. Глубинной причиной его был «всеохватывающий кризис всей феодально-абсолютистской системы», связанный с развитием новых капиталистических отношений во Франции XVIII в. Попытки реформ были вызваны острым финансовым кризисом, не являлись чем-то радикальным и не могли реально исправить ситуацию. Кризис «верхов» – дворянская оппозиция абсолютизму накануне революции, приобретшая характер «дворянского бунта», вовлекла в борьбу широкие массы и послужила ускорителем движения к революции.⁷

Обобщающих работ по рассматриваемому вопросу так и не появилось ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Тем не менее, последние десятилетия история «Старого порядка» все более интересует исследователей. Большинство работ касается интеллектуальной и культурной истории, изучения общественного мнения. Политический кризис предреволюционной Франции затрагивается мало, но изучение так называемой «доктрины французской

монархии» в конце «Старого порядка», причин ослабления влияния и авторитета королевской власти дает ценный материал для последующих исследований этого вопроса.

¹ История Франции. Т. 1. М., 1972. С. 304-305.

² Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. (1815-1830). Л., 1956. С. 229.

³ Marion M. Machault d'Arnouville. Paris, 1891. P. 584.

⁴ Cobban A. Aspect of the French Revolution. L., 1968. P. 80

⁵ Furet F. Penser la Revolution francaise. Paris, 1978.

⁶ Берго И.Б. Парламентская оппозиция абсолютизму во Франции в 50-е гг. XVIII в. Оформление парламентской политической доктрины. // Развитие политических партий в странах Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время. М., 1984

⁷ Лебедева Е.И. Собрания нотаблей кануна Великой французской революции и эволюция политических позиций дворянства. // Французский ежегодник. 1985. М., 1987.

*Головки (Фомина) Ю.М.
Брянский государственный университет*

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЙНЫХ ИСТОКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЖ. АДАМСА

Джон Адамс был порождением эпохи: век Просвещения и пуританского Пробуждения ("The Great Awakening") прочно вошёл в его сознание и сформировал по своему образу и подобию. Он внёс немалый вклад в сокровищницу мировой политической мысли, государственно-правовую теорию и философию консерватизма. Как и другим отцам-основателям, Адамсу были присущи редкая способность к политическому анализу и умение воплощать теории на практике. В колониальной Америке XVIII в. среди факторов, сформировавших менталитет интеллектуальной элиты и её личностное сознание, выделяются пуританизм, наследие европейского гражданского гуманизма и идеалы Просвещения. Рассмотрим, как эти начала воплотились в личности Джона Адамса.

«Не поняв пуританизма, нельзя понять Америку», — написал в своей работе известный в США учёный-историк П. Миллер¹. Действительно пуританство, как особая форма реформатского богословия, сыграло очень важную роль, прежде всего, в религиозных и политических взглядах жителей Новой Англии, к числу которых принадлежал и наш герой. Так, предки Джона Адамса были частью великого переселения пуритан, бегущих в Новый Свет от притеснений англиканской церкви. Размышляя об их нелёгкой судьбе, сам он, родившийся на пике волны одного из духовных «возрождений», напишет: «Что помогло им выжить — тем, первым Адамсам, которые ступили на американский континент?.. Я часто мучаюсь этим вопросом и не могу найти ничего, кроме религии. Она одна была им опорой и утешением, спасала от отчаяния и смерти в чужой земле среди дикарей и голых прибрежных скал»².

Семья Адамса входила в радикальное религиозное объединение унитариев, недавно выделившееся из господствовавшей в Массачусетсе конгрегационалистской деноминации. Его отец был диаконом местной еклесии. Как выпускника Гарварда, нашего героя ждала судьба пресвитера в одной из многочисленных реформатских церквей континента. Однако век Просвещения обусловил тотальное увлечение правом, законами и естественными науками, а веяния гуманизма погружали студентов старейшего богословского колледжа Новой Англии в мир античности, средневековой Флоренции, утопий Мора и Гаррингтона. Именно их труды один за другим поглощал Адамс в богатой университетской библиотеке. Всё это привело к тому, что сын протестантского диакона твёрдо отверг служение богу, предпочтя ему служение праву.

Влияние гражданского гуманизма или классического республиканизма на становление мировоззрения Джона Адамса, было детально изучено историками республиканской школы: Г. Вудом, Д. Г. А. Пококом и рядом других исследователей. Концепция Вуда лабильна и синкретична. Период 1770-х гг. в творческом наследии Адамса он оценивает в контексте развития идей традиционного республиканизма, когда американские общественно-политические лидеры, будучи наследниками английской антиавторитарной традиции XVII в. – Гаррингтона и Сидни – пытались создать утопическое общество. Кузен будущего президента – Сэм Адамс – обозначил её модель как «христианскую Спарту»³, то есть подобие античной республики, но на базе ценностей христианского протестантизма. 1780-е гг. Вуд охарактеризовал как кризис республиканских идей, связанный со столкновением устаревших ценностей с новой, гораздо более коммерческой действительностью и интересами различных групп населения, движимых корыстью, а не «общей пользой»⁴. Это сопровождалось надломом в психологии и самих основателей республики, в частности Адамса, который, не сумев приспособиться к новым политическим условиям, занял консервативно-охранительную позицию, отказавшись от смелых идей этапа революции⁵.

В концентрированной форме подход учёных этого направления к ранней истории США и истокам политической мысли отцов-основателей может быть выражен следующим образом. Традиционный республиканизм ставит во главу угла понятия «общественной пользы» и «гражданских добродетелей», первой среди которых стоит преданность полису. Покок прослеживает связи американского республиканизма с античной традицией самоуправляемых республик Греции и Рима, Италией времён Ренессанса – особенно Флоренцией XV в. и Н. Макиавелли – и Англией XVII-XVIII вв.: Д. Гаррингтоном и Д. Мильтоном. Именно идеология, идущая от этих идейных истоков, по его мнению, лежит в основе политических воззрений Адамса.

Понятие «гражданской добродетели», основное для республиканизма, переносится Пококом в контекст общественной активности отдельного человека, его самореализации. А сама эта традиция становится в трудах исследователя основанием американской идеологии 1760-1770-х гг., в русле которой развивался теоретический дискурс Джона Адамса предреволюционного и революционного периода. По признанию самого отца-основателя, прежде чем возник вооружённый конфликт с Англией, «революция свершилась в умах и сердцах народа, развиваясь с 1760 по 1775, в течение 15 лет до того, как была пролита первая кровь под Лексингтоном»⁶. Покок считает, что тема сохранения республики добродетельных граждан была основной в американской политической культуре, а через неё и в национальном самосознании⁷.

Следует отметить, что традиционный пуританский идеал «общины святых» и античное сообщество «добродетельных граждан» объединяли идеалы ограничения и самоотречения⁸. И сосуществование протестантских и республиканских концептов во многом углубляет наше понимание системы ценностей поколения Адамса, помогая избежать излишне упрощённых объяснений развития его политической доктрины.

И, наконец, Просвещение с его либеральными ценностями, пришедшее в Америку из Европы, где пустило глубокие корни среди образованной части общества. Оно стало самым новым и, пожалуй, наиболее заметным элементом триады, из-за присущих ему характерных атрибутов: апелляции к естественному праву и законам природы, разумному и полезному устройству гражданско-правовых и властных институтов общества. Теория смешанного правительства, столь активно защищаемая Адамсом, – республиканского происхождения, но на наш взгляд, она была заимствована им, прежде всего, из французского просве-

тительского наследия: произведения Де Лолме «История Англии» и сочинения Монтескье «О духе законов»⁹. Труды английского философа-просветителя Джона Локка принесли идею оправданного сопротивления властям¹⁰, активно принятую на вооружение Дж. Адамсом¹¹ и другими американскими вигами. Кроме того, лексика Просвещения была той коммуникативной формой, которую Адамс и другие основатели использовали для взаимодействия в процессе политической борьбы и законотворчества.

В то же время, через либеральную философию Локка и политическую мысль Адамса прослеживается сильный протестантский элемент. Осуществлённое Локком возвеличивание труда, наряду с оценкой мыслительной деятельности как его разновидности, представляет собой именно то, что образует нравственную сердцевину протестантской этики, которой придерживался Адамс¹². Естественно, говоря о роли просветительского элемента в идейно-политической теории Адамса, нельзя упускать из виду и других выдающихся деятелей этого течения: Юма¹³, Монтескье, Руссо, Кондорсе, Де Лолме, роль локковского учения, на наш взгляд, наиболее значимая. В итоге, Просвещение оказалось не чуждым протестантской этике, а эволюционировавший к концу XVIII в. пуританизм был более просвещённым, чем это представлялось раньше.

Таким образом, в американском идейно-политическом дискурсе, к которому принадлежал Джон Адамс, налицо сложный синтез. С одной стороны – божественный закон, открываемый человеком, но не создаваемый им, который служит для регулирования его поведения в обществе и создания политических норм. А с другой – просвещенческие и республиканские традиции XVIII в., включающие идеи общественного договора, естественных прав и свобод, эгалитаризма и ограничения зависимости общества от государства. Несомненно, всё вместе это оказало решающее влияние на поиск Джоном Адамсом собственной идентичности как политического теоретика и оригинального мыслителя. Смешение утопий, консерватизма, либерализма и религиозности было чрезвычайно свойственно интеллектуальной истории Америки и творчеству Адамса, как одного из её самых ярких, значимых и самобытных представителей.

¹ Miller P., Johnson Th. The Puritanism. N.Y., 1938. P.1.

² The Spur of Fame. San Marino, 1966. P. 202.

³ Gordon Wood, The Creation of the American Republic 1776-1787. Chapel Hill, 1969. P.118.

⁴ Ibid. P. 572.

⁵ Adams J. The Works of John Adams, second President of the United States, with a Life of the author. Vol. VI. Boston, 1856. P. 243; Vol. IX. P. 539.

⁶ Цит.по: Соргин В.В. Идейные течения в американской революции XVIIIв. М.,1980. С.66.

⁷ См.: Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition, Princeton, 1975

⁸ Kloppenberg J., The Virtues of Liberalism: Christianity, Republicanism and Ethics in Early American Political Discourse// The Journal of American History, №74, June 1987, P. 9-33. P.11.

⁹ Appleby J. The New Republican Synthesis and The Changing Political Ideas of John Adams // American Quarterly. Vol. 25. No. 5 (Dec., 1973). P. 578-595.

¹⁰ Локк Дж. Сочинения. Т. 3 М., 1988. С.384-405.

¹¹ Adams J. Op.cit. Vol. IV. P.16; J. Adams to A. Adams, July 7, 1774// The Book of Abigail and John. Selected Letters of the Adams Family, 1762-1784. Cambridge (Mass.), L., 1975. P.62-63.

¹² Dienstag J.F. Between History and Nature: Social Contract Theory in Locke and the Founders // The Journal of Politics. Vol.58. №4. November 1996. P.985-1009.

¹³ Werner J. M. David Hume and America //Journal of the History of Ideas. Vol. 33. No. 3, 1997. P.439-456.

ИСТОРИОГРАФ РОССИЙСКОГО ФЛОТА ПОЛКОВНИК В.Н. БЕРХ

Историк флота А.П. Соколов писал, что «мысль об истории флота у нас очень давняя, почти современная самому началу флота»¹, однако говорить о выделении военно-морской историографии в отдельное направление можно лишь применительно к концу XVIII в. Именно тогда в адмиралтейском ведомстве была официально введена должность историографа и сформулирована задача создания текста «Истории русского флота». Однако все усилия назначавшихся к исправлению этой должности лиц по разным причинам оказывались бесплодными. Самое громкое фиаско на этой ниве морское начальство потерпело после того, как обнаружилось, что состоявший несколько лет историографом капитан-лейтенант Н.А. Бестужева посвящал свои досуги активному участию в антиправительственном заговоре декабристов².

Спустя несколько лет после ареста и осуждения Бестужева упалое место историографа флота сначала фактически, а с 1828 г. и формально занял Василий Николаевич Берх (1781-1834), который принадлежал к числу если не выдающихся, то, несомненно, в высшей степени трудолюбивых и плодovitых историков русского флота. Моряк по образованию и первоначальному роду занятий, участник первой кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, он по воле судьбы принужден был оставить морскую службу, посвятив себя на некоторое время статским делам³. Именно в эти годы Берх предался литературно-историческим занятиям, отвечавшим его склонностям, нравственно и материально поддерживавшимся графом Н.П. Румянцевым, по поручениям которого он собирал в отдаленных губерниях историко-этнографические материалы для коллекции сановного филантропа⁴. Обстоятельства, приведшие Берха на стезю разработки русской военно-морской истории, были в нескольких словах описаны им самим в предисловии к главному его историческому труду – «Жизнеописаниям первых российских адмиралов», – первый том которого увидел свет в 1831 г. Он писал, что, вернувшись в Петербург из Перми, где прослужил десять лет советником в Казенной палате, явился с визитом к члену Государственного адмиралтейского департамента (далее – ГАД) Г.А. Сарычеву, который в разговоре предложил заняться сбором материалов для составления истории российского флота. Вероятно, адмирал к тому времени осознал, что одному человеку, пусть даже наделенному исключительными способностями и трудолюбием, было невозможно поднять весь пласт материалов, потребных для составления истории флота, отчего и решил частным образом подключить к делу разбора источников трудолюбивого Берха. Если верить словам последнего, он первоначально был смущен обширностью того предмета, который должен был подлежать его изучению, и, судя по всему, дал Сарычеву уклончивый ответ. Не исключено, что именно отказ Берха принудил Сарычева обратиться с тем же предложением к Бестужеву. К чести Берха надо признать, что он был чуть ли не единственным, кто, еще не окунувшись в ворохи архива, сознавал непосильность этого бремени, тогда как к прочим прозрение приходило уже постфактум. Однако, воспользовавшись благорасположением неперменного члена ГАД, он испросил позволения осмотреть материалы адмиралтейского архива в надежде пополнить свои сведения о географических открытиях россиян, историей которых он занимался уже несколько лет.

В результате архивных разысканий Берх опубликовал на свой счет исто-

рическое описание экспедиции капитан-командора В. Беринга⁵ и представил его в ГАД «в знак признательности... за дозволение пользоваться материалами оного». Таким образом он обратил на себя внимание ученого собрания и вскоре после этого, в октябре 1823 г., по предложению члена ГАД контр-адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена был избран в его почетные члены⁶. Желая оправдать свое единодушное избрание, Берх, уже отчасти знакомый с архивом, решил написать биографию А.И. Нагаева, но, собирая материалы, «встретил так много любопытных известий и о прочих флагманах, что предпринял вдруг составить жизнеописание всех адмиралов наших, начавших службу в век императора Петра I-го». Приступая к работе, он рассчитывал, что ближайшие потомки лиц, чьи биографии вознамеривался включить в свое издание, окажут ему помощь доставлением материалов семейных архивов или преданий. Горькое разочарование пришлось пережить Берху, когда в ответ на двукратно публиковавшиеся списки адмиралов, долженствовавших стать героями его труда, он не получил ни слова. Только по личной просьбе адмирал Н.С. Мордвинов, сенатор В.Ю. Соймонов и главный командир Свеаборгского порта капитан-командор Р.П. Шельтинг поделились некоторыми любопытными материалами. В результате пришлось сократить число биографических статей и ограничить сведения оставшихся только тем, что удалось отыскать в архиве⁷.

В 1827 г., подводя итог своей шестилетней деятельности на ниве истории российского флота и перечисляя наиболее значительные из своих работ, Берх просил ГАД обратить на труды его «начальническое внимание» и исходатайствовать ему пенсион, следующий чин в сравнении со сверстниками и вознаградить издержки «на переписку, гравирование и бумагу». Просьбы Берха о пенсии не были лишены основания, поскольку он занимался разработкой источников частным образом и не получал жалования от ГАД; однако, несмотря на это, ему в первое время пришлось довольствоваться лишь компенсацией расходов и производством в подполковники корпуса флотских штурманов. Ссылаясь на то, что в высочайшем указе от 25 сентября 1827 г. о производстве Берха отмечалось, что оно совершено в уважение трудов его при ГАД, Ученый комитет Морского штаба, перенявший после реорганизации структуры Морского министерства функции департамента, не находил для себя возможным «просить ему еще награды»⁸. Однако уже в начале следующего 1828 года Берх получил финансовую поддержку своих занятий, будучи по высочайшему повелению официально назначенным к составлению истории флота. Спустя еще два года он был пожалован в полковники.

Вскоре после назначения историографом подполковник Берх рапортом на имя своего непосредственного начальника генерал-гидрографа вице-адмирала Сарычева от 2 апреля 1828 г. доносил о нуждах по исполнению высочайше порученной ему комиссии, в котором, указывая на объем предстоящих работ, просил, во-первых, отведения в здании Адмиралтейства специального помещения для разбора и систематизации архивных материалов, а во-вторых, о прикомандировании к нему чиновника и двух писцов в помощь при проведении работ. Другая просьба Берха лишней раз свидетельствовала о его рациональном взгляде на разработку морской истории. Отдавая себе полный отчет в том, что при всем неусыпном усердии он будет в состоянии лишь собрать материалы для составления истории, тогда как на их интерпретацию и жизни человеческой недовольно станет, историограф просил позволения по временам предавать печати «материальные труды» свои, состоявшие из жизнеописаний, сведений о морских путешествиях и сражениях, а также современных записок, которые бы стали «готовым запасом для будущего историка». Не исключено, впрочем, что, помимо высоких помыслов о создании источниковой базы для по-

следующих исследований, Берх руководствовался и вполне прагматическими, впрочем, понятными соображениями, рассчитывая на некоторый доход со своих публикаций. Наконец, все-таки несколько наивным выглядит намерение историографа собрать *полный* материал для истории российского флота, хотя, выраженное в рапорте Сарычеву, который через него неминуемо должен был лечь на стол начальнику Морского штаба, оно становится вполне объяснимым. Берх едва ли в действительности тешил себя такого рода иллюзиями, однако, назначенный на должность историографа, он по долгу службы был вынужден поддерживать в себе и в окружающих историографический оптимизм, тем более, когда это касалось «вышнего начальства».

Несмотря на то, что Берх разумно представлял необходимые условия для продолжения работ, его рапорт не получил хода по той причине, что именно в нем он возбудил вопрос о публикации «Опыта...» Бестужева, поэтому и все остальные предложения историографа были положены под сукно⁹. Тем не менее, это не помешало ему щедро рассыпать по страницам различных периодических изданий свои небольшие статьи, а также в изобилии печатать отдельные с них оттиски, наводнившие книжные лавки Петербурга. С уверенностью можно сказать, что Берх по завидной историографической плодовитости, разносторонности и страсти видеть в печати каждое написанное им слово приоберел себе неоспоримое лидерство среди своих предшественников, деля в отношении объемов выпускаемой печатной продукции пальму первенства, пожалуй, только с пиитом графом Д.И. Хвостовым, с маниакальной настойчивостью занимавшим весь Петербург своими нескладными виршами. Впрочем, в отличие от Хвостова труды Берха заслуживали серьезного отношения; во многом они имеют ценность и поныне, а их автор по праву должен почитаться основоположником российской военно-морской биографики.

Серьезным изданием Берха стала переписка Петра Великого¹⁰, собранная еще Нагаевым, однако именно она впоследствии подала повод к дискредитации научной репутации публикатора. В своем предуведомлении к изданию писем Петра Берх «почел своей обязанностью изложить, каким образом приступил... к собранию оных». Он повествовал, что, перебирая документы архивов Государственной адмиралтейской коллегии (далее – ГАК) и ГАД для жизнеописаний, встретил много любопытных писем Петра, а впоследствии подобрал к ним ответы. Оценив значение этих документов для истории, Берх продолжал свои поиски и, сверяя имеющиеся у него письма с опубликованными И.И. Голиковым, Ф.В. Туманским и М.М. Щербатовым, убедился, что последние были представлены в бессистемном виде, содержали множество ошибок и искажений личных имен. Сам Берх уверял, что подверг письма самой щадящей редакции с целью возможно более точного их воспроизведения. По той же причине он не доверил переписку документов писцам, снимая копии собственноручно. Наконец, только в последних строках публикатор вскользь заметил, что «почтенный адмирал наш А.И. Нагаев собирал также письма императора Петра I, но не успел окончить предприятия своего. Труд сего заслуженного мужа, – писал Берх, – послужил мне также пособием»¹¹. Правда о работе Берха обнаружилась несколько лет спустя после смерти историографа, когда в руки М. Ф. Рейнке попала рукопись Нагаева. В 1850 г. он сообщил об этом ссыльному Бестужеву с пояснением всех обстоятельств: «...книга труженника А. И. Нагаева, письма Петра, – писал Рейнке, – действительно существует в Гидрографическом нашем архиве, и открыта мною в 1838 г. при вступлении моем в должность начальника отделения Гидрог[рафического] департамента. Один из моих сослуживцев, Козакевич, взял на себя труд рассмотреть ее и исследовать путь, по которому собрал В.Н. Берх письма Великого, им изданные.

Оказалось, что Берху вовсе не было столько труда, как он говорит в своем предисловии: он целиком взял труд Алексея Ивановича. Козакевич составил было об этом статейку, которую я, бывши редактором «Записок Гидрографического департамента», намеривался было тиснуть; но директор департамента, снисходя к памяти В.Н. Берха, не пропустил этой статьи». Позднее А.П. Соколов вывел этот факт на страницах своей «Русской морской библиотеки», отметив не только нечистоплотность Берха, но и низкий археографический уровень издания¹².

Тем не менее, в свое время Берх почитался первым знатоком российской военно-морской истории хотя бы потому, что других не было, и не только конкуренции, но и серьезной дискуссии он мог не опасаться. Кажется, историограф очень хорошо сознавал это, иначе трудно объяснить его отнюдь не нечаянную выходку против издателя «Отечественных записок» П.П. Свинына. В 1828 г. из печати вышла пятая часть издания Свинына «Достопамятности Санкт-Петербурга...», которая заключала статьи с описаниями Морского кадетского корпуса, Адмиралтейства и Петергофа¹³. Вскоре после этого в «Славянине» А.Ф. Воейкова, известного своими сомнительными нравственными качествами литератора, которые определяли скандальную направленность всего издания, а затем и отдельным оттиском была отпечатана критическая статья Берха. Она содержала указания на фактические неточности путеводителя Свинына, которыми, правду сказать, последний изобилдовал. Однако все замечания сделаны были в недопустимо грубой форме, которая подает повод удивляться, как могла руководствовавшаяся новым «чугунным» уставом А.С. Шишкова цензура, допустить ее публикацию. Вероятно, Берх имел столь высокое понятие о своих исторических занятиях и должности историографа, что считал для себя возможным отчитывать почтенного Свинына, как нерадивого гимназиста, причем делать это в таких выражениях, которые приличествовали разве площадной брани, и напоследок в буквальном смысле назвать его шельмецом, ради наживы насыщавшим публику недоброкачественным товаром. Понять праведный гнев Берха, с трудами извлекавшего из архивной пыли исторические факты, на писавшего с ветра Свинына было можно, но тон всей статьи обнаруживал в авторе сознание патриарха от исторической науки, а за грубыми нападка-ми будто прослеживается личная неприязнь.

В последние годы жизни Берх занимался изданием главного своего труда — «Жизнеописаний первых российских адмиралов», имевших характерный подзаголовок «Опыт истории российского флота». Если Шишков в свое время представил на суд публики историю, выраженную через «биографии» судов¹⁴, то Берх попытался сделать то же самое через жизнеописания главных деятелей морского прошлого России. И в том и в другом случае это была неудачная форма раскрытия темы, хотя ни Шишков, ни Берх собственно и не претендовали написание классической истории флота. Последний же, очевидно, сопровождал титул своей работы подзаголовком лишь с той целью, чтобы каким-то образом оправдать свои занятия по должности историографа, предполагавшей не столько занятия морской историей вообще, сколько составление целостного исторического очерка российского флота. Судьба распорядилась так, что окончание публикации четырехтомных «Жизнеописаний...» Берха пришлось на время, когда самого автора не было уже в живых¹⁵. В них вошли биографии двух генерал-адмиралов, 28 адмиралов, 13 вице-адмиралов, 10 контр-адмиралов и 3 капитан-командоров, расположенные по времени их кончин, а также краткое историческое известие о первых морских училищах и преподавателях наук, заключающее в себе жизнеописания Л.Ф. Магницкого, генерал-майора Г.Г. Скорнякова-Писарева и профессора Г.-И. Фарварсона. Помимо то-

го, что сами биографические статьи содержали в изобилии целиком приводимые документы, Берх предположил первой части издания списки морских чинов корабельного и галерного флотов за 1714, 1715, 1726, 1732, 1736, 1742 и 1764 гг., Военно-морского флота канцелярии (без датировки) и список морским генералам, биографии которых вошли в его работу. В приложении к той же части содержится литография журнала заседания ГАК за 7 ноября 1720 г., а в приложениях к трем первым частям – факсимильное воспроизведение автографов большинства адмиралов. Однако Берху не доставало терпения и спокойствия духа, нарушавшегося беспрестанно страстью к публикации материалов, отчего он впадал в заблуждения и вводил в историографию недостоверные сведения. Спустя годы Ф.Ф. Веселаго писал: «При редком трудолюбии и видимой любви к предмету Берх не всегда строго верен в фактах, особенно в их хронологии, и иногда, вводя для красоты слога риторические украшения, он отступал от строгой истины, поэтому при пользовании сообщаемыми им сведениями необходима особенная осторожность, а где можно, то и справка с другими источниками»¹⁶. В этой оценке работ Берха сходились все его последователи.

Берх скончался 21 января 1834 г. пятидесяти трех лет отроду. После его смерти морское начальство, очевидно, утратило всякую надежду на возможность успешного исполнения задачи составления исторического описания российского флота и почти на два десятилетия отказалось от инициирования этих попыток. Изучение морской истории хотя и продолжалось силами энтузиастов, но уже частным образом.

¹ [Соколов А. П.] История русского флота // Морской сборник, издаваемый Морским ученым комитетом. СПб., 1854. Т. XI. № 3: Март. II. Часть учено-литературная. С. 287.

² Подробнее см.: Меркулов И. В. 1) Историограф Российского флота адмирал А. С. Шишков // Новый часовой: Русский военно-исторический журнал (Russian Military History Journal). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. № 15-16. С. 300-310; 2) Н. А. Бестужев и его «Опыт истории русского флота» // Меркулов И. В. Н. А. Бестужев и его «Опыт истории русского флота» // Пять веков мировой истории: Альманах. СПб., 2007. Вып. 1. С. 26-32.

³ Краткую биографию Берха см.: [Голенищев-Кутузов Л. И.] [Биография корпуса штурманов полковника Василия Николаевича Берха] // Записки Ученого комитета Главного морского штаба его императорского величества. [СПб.], 1835. Ч. XII. С. 332-335.

⁴ См.: [Румянцев Н. П.] Письма гр. Н. П. Румянцева к В. Н. Берху. Издание Археографической комиссии. СПб., 1876.

⁵ Берх В. Н. Историческое описание экспедиции В. Беринга. СПб., 1823.

⁶ [Никольский А. А.] Записка о занятиях Государственного адмиралтейского департамента по ученой части в 1823 году // Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности. СПб., 1824. Ч. VI. С. LXV-LXVI.

⁷ Берх В. [Н.] Предуведомление // [Берх В. Н.] Жизнеописание первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. СПб., 1831. Ч. I. С. 1-4.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 162. Оп. 1. Д. 19. Л. 2-3, 7 об., 9 об.

⁹ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 235. Л. 1-5 об.

¹⁰ [Петр I Великий] Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оные. СПб., 1829. Ч. I: Письма императора Петра I-го; Ч. II: Письма к императору Петру I-му; 1830. Ч. III: Письма императора Петра I-го; Ч. IV: Письма к императору Петру I-му.

¹¹ Бер В. [Н.] Предуведомление // Там же. Ч. I. С. I-V.

¹² РО ИРЛИ /Пушкинский дом/ РАН. Ф. 604. Архив братьев Бестужевых. № 15. Л. 102 об.-103; Соколов А. П. Русская морская библиотека... С. 186-187.

¹³ [Свиньин П. П.] Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Сочинение Павла Свиньиного: Description des objets les plus remarquables de S-t.-Petersbourg et de ses environs, par Paul Svinigine. СПб., 1828. Ч. V.

¹⁴ Шишков А. С. Список кораблям и прочим судам всего российского флота от начала заведения оного до нынешних времен, с историческим вообще о действиях флотов и о каждом судне примечаниями. СПб., 1799. Ч. I, содержащая в себе царствование государя Петра Великого. Собрал из достоверных записок и журналов контр-адмирал Александр Шишков.

¹⁵ [Берх В. Н.] Жизнеописание первых российских адмиралов... СПб., 1831. Ч. I; 1833. Ч. II; 1834. Ч. III; 1836. Ч. IV.

К ИСТОРИИ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ СВЯЗЕЙ: ФРАНЦУЗСКИЙ РОССИЕВЕД АНАТОЛЬ ЛЕРУА-БОЛЬЁ (1842 — 1912)

Анатоль Леруа-Болье — французский ученый, публицист, либеральный общественный деятель. Впервые он приехал в Россию в 1872 г. в качестве корреспондента журнала "Revue des deux Mondes", чтобы оценить ее как возможного союзника Франции, изолированной на международной арене после поражения в франко-прусской войне 1870-1871 гг. Не ограничившись одной задуманной публикацией, Леруа-Болье неоднократно возвращался в Россию в 1873-1880 и 1905-1907 гг., выучил русский язык, обзавелся широким кругом знакомых, в который входили писатели, публицисты, историки, государственные деятели. В разное время француз встречался или переписывался с И.С. Тургеневым, В.С. Соловьевым, Л.Н. Толстым, М.М. Стасюлевичем, В.И. Герье, Б.Н. Чичериным, Н.И. Кареевым, П.Е. Щеголевым, М.М. Ковалевским, Ю.Ф. Самариным, В.А. Черкасским, С.Ю. Витте, П.А. Столыпиным, А.П. Извольским и др.

Результатом личных наблюдений и изучения письменных источников стали работы Леруа-Болье о России, представляющие для историка интерес и в качестве свидетельств современника, и в качестве историографии. Главный его труд "Империя царей и русские" посвящен истории, общественно-политической и религиозной жизни России 60-х — 80-х гг. XIX в. Тему Великих реформ Леруа-Болье продолжил в исследовании о Н.А. Милютине, где впервые была опубликована часть эпистолярного наследия главного творца крестьянской реформы 1861 г. и его корреспондентов. В многочисленных публицистических произведениях Леруа-Болье рассматривал проблемы внешней политики России и русско-французского союза, события революции 1905-1907 гг., начало работы Государственной думы¹.

Благодаря своим трудам о России Анатоль Леруа-Болье стал профессором (1881), а с 1906 г. директором Свободной школы политических наук в Париже, членом Академии нравственных и политических наук Института Франции (1887). Он содействовал учреждению Русской школы общественных наук в Париже (1902) и Французского института в Санкт-Петербурге (1911). Несмотря на запреты многих его работ в России, Леруа-Болье в 1888 г. был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а в 1909 г. — Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Изначально выступая за дружбу и сотрудничество России и Франции, сторонником формального союза между ними Леруа-Болье стал только в начале 1890-х гг. Однако его научная, преподавательская и общественная деятельность способствовала сближению двух стран, что было признано в обоих государствах. В телеграмме с соболезнованиями по случаю смерти Леруа-Болье от членов Государственного Совета Российской империи было сказано: "Анатоль Леруа-Болье явился одним из первых, подготовивших установление добрых отношений, существующих между нашими народами"². Открывая в 1994 г. в Москве коллоквиум, посвященный столетию русско-французского союза, французский посол П. Морель назвал Леруа-Болье одним из его «признанных архитекторов». В западной историографии «Империя царей и русские» считается первым французским научным историческим и социологическим сочинением о России, и оценки книги очень высоки. Некоторые исследователи полагают, что труды Леруа-Болье актуальны и сегодня, поскольку в них уделяется присталь-

ное внимание факторам, определяющим развитие государств в долговременной перспективе³. Это природно-географические условия, историческое прошлое, особенности национального характера и традиции народа.

В настоящее время для французских интеллектуалов имя Леруа-Болье стало символом дружбы между Россией и Францией. Оно звучало при вручении А.И. Солженицыну Большой премии Академии нравственных и политических наук в приветственной речи секретаря той же Академии Ж. Клузеля президенту Российской Федерации. С 1996 г. посольство Франции в России и журнал "Иностранная литература" ежегодно присуждают премию А. Леруа-Болье за лучшее российское произведение о Франции.

До 1917 г. работы Леруа-Болье использовались российскими историками, прежде всего либеральными — Г.А. Джаншиевым, П.Н. Милюковым, А.А. Корниловым, М.О. Кояловичем и другими. Позднее его труды были знакомы лишь узкому кругу специалистов, поскольку, переведенные на немецкий и английский еще при жизни автора, они не публиковались на русском. Современные российские исследователи, по-разному оценивая произведения А. Леруа-Болье, отмечают важность его книги "Империя царей и русские" для формирования во Франции позитивного образа России в эпоху между франко-прусской и I мировой войнами в противовес сложившемуся ранее стереотипу⁴.

Что же дает основания рассматривать А. Леруа-Болье как антипода А. де Кюстина? Прежде всего, различные ответы этих авторов на основной для обоих вопрос о России — является ли она европейской страной, способна ли Россия стать государством, принадлежащим к западной цивилизации. Если отбросить нюансы и оговорки, Кюстин давал на него отрицательный, а Леруа-Болье положительный ответ. Признавая несовершенство западной цивилизации, Леруа-Болье считал ее огромной ценностью, а высшей ее задачей видел достижение "будущего единства рода человеческого на почве мира и свободы".

По мнению Леруа-Болье, несмотря на отличия России от Западной Европы, в начале своей истории она была европейской страной, но в силу неблагоприятных природных условий и исторических обстоятельств, прежде всего татаро-монгольского завоевания, оказалась изолированной от Западной Европы и отстала от нее. Необходимость консолидации всех сил страны для обретения независимости и воссоздания единого государства наряду с другими факторами предопределила складывание института самодержавия. Россия выжила, сделалась сильным государством, но самодержавие стало единственным двигателем русской истории, поэтому именно оно позднее взяло на себя миссию модернизации страны. Этот термин для Леруа-Болье был почти синонимом европеизации. Леруа-Болье считал решение этой задачи не только залогом нормального внутреннего развития России и ее конкурентоспособности на мировой арене, но и возвращением к ее историческому предназначению.

Однако к нему, как полагал Леруа-Болье, не следовало идти насильственным путем, который избрал Петр I. В результате его реформ страна заплатила за увеличение своих материальных сил внутренним расколом между поверхностью европеизированным высшим классом и народом. Историю России с эпохи Петра Леруа-Болье рассматривал как поиски путей примирения ее "с самой собой и с Европой". Реформы 1860-70-х гг., по его мнению, значительно приблизили страну к этой цели, способствуя социально-экономическому прогрессу страны, но не позволили окончательно достичь ее. Для этого, как полагал Леруа-Болье в конце 1870-х — начале 1880-х гг., верховная власть должна была осуществить модернизацию страны и в политической сфере, то есть даровать народное представительство. В России сохранилась бы необходимая ей сильная монархическая власть, и под ее покровительством российское общество

во мирно прошло бы школу политических свобод. Такой путь обеспечил бы России преимущества перед многими европейскими государствами, дав возможность избежать революционных потрясений и разрыва с прошлым. Однако российское самодержавие в конце XIX — начале XX в., стремясь сделать Россию сильной и богатой и тем самым невольно способствуя изменению социального облика страны, в то же время оказалось не способно ни на политические преобразования, ни на социальные реформы.

Возможность в будущем в России революции, перед которой померкнет Великая Французская, Леруа-Болье допускал еще в начале 80-х гг. XIX в. Позднее, с образованием буржуазии и пролетариата, как отмечал француз, к "бессознательному аграрному социализму" русской крестьянской общины и революционным идеям интеллигенции прибавился новый "горючий материал". До 1917 г. Леруа-Болье не дожил, но события 1905-1907 гг. наблюдал воочию. Леруа-Болье признавал, что первая русская революция социальная в большей степени, чем политическая, однако считал Государственную думу ее важнейшим завоеванием. Он хотел верить, что Дума станет "ростком политических свобод" и одновременно инструментом для решения социальных проблем страны, которые не решила революция, что мирный эволюционный путь развития для России еще возможен.

Приветствуя распространение западной цивилизации по земному шару, Леруа-Болье в то же время надеялся, что национальные особенности народов, попадающих под ее влияние, можно примирить с ее плодами. Интерес к традициям России, уважение к ее национальным институтам, предостережения от бездумных заимствований — неотъемлемая часть работ Леруа-Болье. Недаром на них сегодня ссылаются политологи, отстаивающие для современного человечества необходимость многополюсного мира⁵.

¹ Leroy-Beaulieu A. L'Empire des Tsars et les Russes: 1-е изд. — Т. 1. Le Pays et les habitants. P., 1881, Т. 2. Les Institutions. P., 1882, Т. 3. La Religion. P., 1889; Idem. Un homme d'État russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite. P., 1884; Idem. La France, la Russie et l'Europe. P., 1888; Idem. Etudes russes et européennes. P., 1897; etc. Список ст. А. Леруа-Болье в "Revue des deux mondes" см.: Revue des deux mondes. Tables. Т. 1 — 4.

² Цит. по: Шаль П. Анатолий Леруа-Болье. СПб., 1913. С. 17.

³ Corbet C. A l'ère des nationalismes. L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799 — 1894). P. 1967; Нива Ж. Возвращение в Европу. М., 1999; Raeff M. Introduction // Leroy-Beaulieu A. L'Empire des Tsars et les Russes. P., 1991.

⁴ Наумов Н.В. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975; Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества (вторая половина XIX — начало XX вв.). М., 1996; Партаненко Т.В. Представления о России во Франции конца XIX — начала XX вв. // Studia culturae. Вып. 2. СПб., 2002.

⁵ Тодд Э. После империи. Pax Americana — начало конца. М., 2004. С. 177—178.

Чепурина М.Ю.

Уральский государственный университет

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ Э.Н. РЕТИФА ДЕ ЛЯ БРЕТОНА

Имя Н.Э. Ретифа де ля Бретона (1734-1806) мало известно современному российскому читателю, даже если он интересуется веком Просвещения. В учебниках и справочниках по литературе XVIII в. оно может разве что мелькнуть в ряду забытых авторов. Между тем историки культуры и общественной мысли уже третий век бурно спорят о сути наследия Ретифа.

А наследие это не маленькое. Вполне возможно, что Ретиф был самым плодовитым из французских авторов эпохи Просвещения: с 1767 по 1802 г. он

написал целых двести томов. Популярен анекдот о том, как некто повстречал Ретифа с длинной бородой, и тот сказал, что не побреется, пока его роман не будет завершён. На опасения собеседника, что книга может выйти в нескольких томах, писатель преспокойно отвечал, что да, в двенадцати. «На один том у меня уходит два дня» – пояснил он. Де Бретон был профессиональным типографом и сочинял книги прямо в процессе набора. Так что это, вероятно, первый автор, чьи труды никогда не были написаны в буквальном смысле, чьих черновиков мы не увидим.

Пусть частица «де» в имени никого не вводит в заблуждение: Ретиф был сыном крестьянина. Именно простое происхождение определило специфику его творчества. За Ретифом закрепилось данное врагами прозвище *Rousseau de guisseaux* (Руссо сточных канав). В начале XIX в. его книги подвергались жёсткой критике как пошлые и грубые. Однако вскоре оказалось, что Бретонн – предшественник Бальзака и Золя, их реализма и натурализма, связанного с социальной проблематикой. В XX в. стало принято рассматривать Ретифа именно как основоположника реалистического романа¹ и как руссоиста², хотя, например, М. Шадурн полагал, что Ретиф самобытен³. Одной из главных тем произведений этого писателя являлось противостояние города и деревни. «Естественный человек», крестьянин Эдмон, приехавший в Париж, герой самого известного романа де Бретона «Совращённый поселенин», терпел бесчисленные несчастья и делался свидетелем подобных же несчастий остальных, проистекающих из испорченности столичных нравов. В книге «Жизнь отца моего» Бретон вывел образ справедливой, но суровой сельской жизни: на коллосквиуме «Литература, история, политика», состоявшемся в 2006 г., французский исследователь Н. Шапира высказал точку зрения, что это не реальное описание деревенского быта в дореволюционной Франции, а его условное идеальное построение, учитывая то, что рассказчик давно оторван от крестьянской среды⁴. Таким образом, представление о Ретифе как об авторе, словно зеркало отражающем реалии своей эпохи (как раз это представление и сделало его объектом интереса более историков, чем литературоведов), поколеблено. Вместе с тем наличие в творчестве этого массового писателя элемента общественной мысли делает его ещё более интересным для исследователя.

В рамках данной статьи мы рассмотрим два малоизвестных романа Ретифа – «Ножка Фаншеттина, или Сирота Французская» и «Невинность в опасности, или чрезвычайные приключения». Первое создано в 1769 г., а на русский переведено в 1774 г. Второе – соответственно в 1779 и 1786 г. Уже сами названия говорят о том, что перед нами – непритязательные по сюжету любовные истории, в которых всё, само собой, кончается отлично. Намного интересней обращать внимание не на ход событий, а на обстоятельства, суждения персонажей, их портреты-типы.

По обеим книгам явно видно, что их автор – как, должно быть, и читатель – не чужд мысли Просвещения. Это проявляется отнюдь не в обличении деспотизма и абсолютизма, а во взглядах на литературу. Именно в XVIII в. писатель становится тем властителем умов, каким он остаётся весь следующий век. И именно с помощью книг героиню «Невинности» сначала развращают злоумышленники, а потом перевоспитывают добрые наставники, дающие читать комические оперы и «важные романы». Через книги «сердечные её чувствования стали приходить в прежнее невинное существо»⁵ – констатирует автор. «Книги, коими многие другие питают только развратные страсти, сластолюбивые чувства... книги её тронули!»⁶. Заметим: отношение к роману как к наставнику – черта мировоззрения Просвещения; эта тема хорошо освещена у А.Ф. Строева и Р. Дарнтон⁷.

«Ежели бы сия красавица одною улыбкою влюбившихся ободрить похотела, то б из всякого военного сделала б Конде; из стихотворца – Вольтера; из прозаиста – Руссо», – говорит нам Ретиф о Фаншетте, героине второго романа. Стало быть, его массовый читатель знает главных просветителей. Но для него это отнюдь не философы, а авторы романов и стихов. Примечательно, что слово «просвещённый» в книге попадает лишь раз и вот в каком контексте: злой развратник думал, что Фаншетта «просвещённой», так что удивился, когда девушка не поняла, чего он хочет. Зато в деле оспоривания Ретиф – пропагандист прогресса: в этом же романе вследствие отсталых взглядов матери, привившей только нелюбимую дочь, умирает любимая.

Очень явно видно, кто был целевой аудиторией Ретифа – это люди среднего достатка, городские обыватели. Думается, что именно их взгляды выражает автор, выводя честных бедняков в качестве положительных, а светских щёголей – в качестве отрицательных героев. «Нет такого дурака и невежды, как петиметр»⁸, – откровенно заявляет автор. Скромность и другие добродетели простого люда знать, согласно де Бретону, полагает подлыми и жалкими⁹. Но и мир капитала не вызывает симпатии Ретифа: откупщика он изображает бесцеремонным, толстым, гнусным¹⁰.

«Отметим, – пишет Г.С. Буачидзе, – что Ретиф... придерживался консервативных и даже ретроградных взглядов о том, что касается места и назначения женщины»¹¹. В 70-х гг., когда эти строки были написаны, отечественные учёные ещё не оперировали понятием «традиционный». Сегодня ряд мотивов в книгах де Бретона мы можем охарактеризовать именно при помощи этого термина. Первым делом, традиционализм взглядов Ретифа выражается в раскрытии темы отношений детей и родителей. Если Фаншетта просто постоянно плачет, что осталась сиротой, то героиня второй книги вот что говорит отцу и матери: «Лучше я хочу быть вам послушною, нежели счастливою»¹². Свою честь обе девушки берегут как зеницу ока. «Совершенный любовник предпочитает честь той, которую он любит, всем своим удовольствиям»¹³, – нравоучительно отмечает Ретиф. Насколько это отличается от нравов света того времени, показанных, к примеру, Шодерло в «Опасных связях»!

Демонстрирует традиционализм Ретиф и применительно к совсем уж экзотичной для эпохи Просвещения области – сословным рамкам. Его Фаншетта влюбляется в некоего Сатинбурга прежде всего «по приличию» и «привязанности к первобытному состоянию»: и девушка, и парень из торговцев¹⁴. Когда два злодея, Граф с Маркизом, очарованы невинностью Фаншетты и хотят на ней жениться, та отвечает: «Бедная сирота не достойна такой чести, государи», а рассказчик тотчас же желает двум дворянам подыскать достойных жён из ровни¹⁵. В «Невинности» можно найти пояснение взглядам такого противника «Золушек»: «Ежели выберете в замужество девушку, низшего своего состояния, то посрамляете тем равных себе: кто ж станет жениться на тех, коих вы отмечаете?.. Всяк должен пребывать в своей степени: нельзя ни возвысить себя, ниже унижить»¹⁶. Наконец, совсем не по-вольтеровски Ретиф переложил развязку своего романа о Фаншетте на хорошего министра: тот внезапно появляется в конце и объявляет, что король давно узнал, кто прав, кто виноват¹⁷. Образ справедливого всеведущего государя нельзя трактовать иначе как в рамках традиционализма.

Итак, мировоззрение, проявляющееся в романах де Бретона, выглядит довольно эклектично. Но лишь на первый взгляд. Все традиционные и прогрессивные элементы легко складываются в систему взглядов, направленную против дворянского образа жизни. Читатели Ретифа недовольны многим, что творится в их стране, но, ища защиты от бесчинств аристократов, уповают не на

революцию, а всё ещё на «батюшку-царя». Мир города рисуется жестоким, полным испытаний и соблазнов: персонажи и читатели Ретифа противопоставляют этому свой традиционализм. Идея богобоязненной жизни по древним обычаям представляется отнюдь не чем-то ясным и естественным: теперь это орудие, доктрина. Значит, мир вокруг Ретифа уже не был старым, феодальным. Франция стала государством нового времени ещё до Революции, раз взгляды, берущие начало в средних веках, уже нуждались в утверждении и плотно сопригались с недовольством.

Тематика переплетения элементов традиционного и прогрессивного во взглядах Ретифа де ля Бретона, а также других деятелей времён Просвещения и Французской революции представляется интересным и перспективным направлением исследований.

¹ См. напр. Буачидзе Г.С. Ретиф де ля Бретон в России. Тбилиси, 1972; Guillot G. Restif de la Bretonne: un oeuvre écrite par autodéfence? // Les lettres françaises. 1963. № 986; Биографическая библиотека Флорентия Павленкова // http://www.ssga.ru/erudites_info/peoples/zola/part04.html; Литературная энциклопедия // <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-6353.htm>

² Морщикина Л.А. "Южное открытие" Ретифа де ля Бретона. Опыт литературно-философского исследования // <http://liberte.newmail.ru/Bretonne.html>

³ Chadourne M. Restif de la Bretonne revisité // Revue de Paris. 1957. № 7.

⁴ Коллоквиум «Литература, история, политика» // <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/197/235>

⁵ Ретиф Э.Н. Невинность в опасности, или чрезвычайные приключения. СПб., 1786. С. 49.

⁶ Ретиф Э.Н. Ножка Фаншеттина, или сирота французская. СПб., 1774. С. 52.

⁷ Строев А.Ф. «Те, кто поправляет фортуна». М., 1998; Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М, 2002.

⁸ Ретиф Э.Н. Ножка Фаншеттина... С. 13.

⁹ Там же. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 108-109, 116-121.

¹¹ Буачидзе Г.С. Ретиф де ля Бретон в России. С. 19.

¹² Ретиф Э.Н. Невинность... С. 91.

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ Ретиф Э.Н. Ножка Фаншеттина... С. 98.

¹⁵ Там же. С. 353.

¹⁶ Ретиф Э.Н. Невинность... С. 55-56.

¹⁷ Ретиф Э.Н. Ножка Фаншеттина ...С. 349.

*Филатов С.В.
Пермский государственный университет*

ЗЕМЕЛЬНАЯ ГЕРАЛЬДИКА В СИМВОЛИКЕ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ XVIII – НАЧ. XX ВЕКОВ

В последние годы в отечественной историографии уделяется большое внимание истории военной символики Российской империи. Однако взаимосвязь земельной геральдики и военной символики изучена, по нашему мнению, недостаточно. Целью настоящей статьи является обобщение имеющегося в нашем распоряжении объемного, но разрозненного материала об использовании земельных гербов в униформе, знаменах и знаках отличия Русской Императорской армии на протяжении XVIII – начала XX столетий.

Традиции военной символики русской армии были заложены в эпоху Петра Великого. Тогда же впервые в военной символике стали использоваться элементы земельной геральдики. В первую четверть XVIII в. это, прежде всего, касалось знамен. Первые известные нам знамена, на которых присутствуют изображения земельных гербов – знамена лейб-гвардии Преображенского полка полученные им при преобразовании его в 1695 г. из потешного в действующую

щий. Тогда полк получил 1 белое и несколько (по числу фузелерных рот, вероятно 15) черных знамен. В 1700 г. они были заменены новыми, такого же вида, только с прибавлением, на черных, надписи: "Anno Domini 1700", вместо прежней, означавшей 1695 г.

Белое знамя представляло из себя четырехугольное полотнище, с узкой, золотой бахромой, имело высоту по древку $3 \frac{1}{2}$, а в длину $4 \frac{1}{2}$ аршина. В центре полотнища было помещено коричневое изображение двуглавого орла, с коронами на головах, держащего в правой лапе обнаженный меч, увитый лаврами и имеющий латинскую надпись: „*Rex asculata sunt Psalma 84*“; на груди орла был изображен черный круг с 26 гербами российских княжеств и городов¹. Несомненно, что в начале XVIII в. при отсутствии отечественной геральдической традиции изображение на знамени восходит к изображению большой государственной печати. Система военной символики в это время еще формируется, и первые знамена преобразенцев стоят обособленно среди других образцов знамен петровской эпохи, в которых использование земельной геральдики имело четкую систему.

В 1708 г. Петр I повелел полкам называться не по именам своих командиров, а по названиям русских земель. С этого времени гербы городов и территорий, соответствующих названиям полков русской армии, стали помещать на ротных знаменах. Необходимо отметить, что земельные гербы помещались на ротных знаменах только армейских полков, знамена гвардии имели общероссийскую или, как это было во время Прутского похода, христианскую символику. Полковые знамена армейских полков также имели общероссийскую символику.

Первые образцы знамен с изображением земельных гербов были изготовлены в 1712 г. Они представляли собой полотнища различных цветов шириной 2 аршина 15 вершков, длиной 3 аршина 7 вершков, в крыже которых помещалось изображение соответствующего названию полка земельного герба². Интересно отметить, что при сравнении знамен шведской армии периода Северной войны и русских знамен образца 1712 г. явно прослеживается заимствование русскими у шведов общего принципа размещения символики общегосударственной и земельной.

Традиция размещения на армейских знаменах земельных гербов, основанная Петром Великим, окончательно оформилась к 1731 г., когда был создан так называемый «Гербовник Миниха», и просуществовала до конца столетия. С 1727 г. земельные гербы стали изображаться и на полковых знаменах. Кроме того, изображения земельных гербов помещалось на фурыерских значках — флажках, обозначающих месторасположение частей.

Земельные гербы исчезли со знамен регулярной армии в царствование императора Павла I, который, повысив статус знамен, придав им наконец-то значение полковых святынь, а не просто амунических вещей, как то было в предыдущие царствования, заменил земельную символику на воинских регалиях общегосударственной. С тех пор и до 1917 г. на знаменах Императорской армии присутствовали только те земельные гербы, которые являлись неотъемлемыми атрибутами герба Российской империи, в частности московский герб на груди двуглавого орла, а на знаменах обр. 1881 и 1900 гг. и гербы земель, входящих в состав Российской империи, на крыльях орла. Исключение составляли финские части, на знаменах которых в царствование Александра II помещался герб Великого княжества Финляндского³.

В эпоху Отечественной войны 1812 г. на короткое время земельные гербы вновь появляются на боевых знаменах, но не регулярной армии, а частей ополчения, созданного для борьбы с нашествием «двунадесяти языки». Известны знамена Костромского и Нижегородского ополчений, на которых были

помещены гербы земель, в которых они формировались. Интересно, что знамена ополчений 1812 г. использовались дружинами Государственного ополчения во время Первой мировой войны.

Помимо знамен, земельная геральдика использовалась и в элементах униформы и снаряжения русской армии. Существуют предположения, что земельные гербы изображались на офицерских знаках армейских полков еще в царствование Петра I. Но наибольшее распространение это получило в период с 1731 по 1763 гг. В упоминаемом выше «Гербовнике Миниха» была предложена стройная система полковых гербов, разработанных на основе земельной геральдики. Изображения полковых гербов помещались на офицерских знаках, патронных сумах и лядунках чинов Русской армии до 1763 г., когда было повелено изображать полковые гербы только на знаменах и полковых печатах⁴.

Со времени Павла Петровича на предметах униформы и снаряжения регулярной армии, как и на знаменах, присутствовали только те земельные гербы, которые являлись неотъемлемой частью герба империи. Исключение составляли лейб-гвардии Литовский полк в царствование Александра I и части Отдельного Литовского корпуса в период 1818-1831 гг., в символике которых на груди двуглавого орла помещался щит с литовским всадником.

Элементы земельной геральдики использовались и в униформе ополчения 1812 г. Например, на киверах офицеров Рижских биргерских рот помещалось изображение герба Риги. Впрочем, униформа и знамена ополчения 1812 г. разрабатывались и утверждались местным начальством, некоторые части ополчения создавались по инициативе отдельных лиц, которые устанавливали форму одежды и знаки различия по своему вкусу, и говорить о какой-то системе в ополченческой символике не имеет смысла. Наличие или отсутствие земельной геральдики в униформе и знаменах ополчения 1812 г. обусловлено различными, очень часто случайными причинами.

В XIX и начале XX вв. в военной символике России господствовала общеимперская геральдика. Однако в русской армии полки всегда чувствовали связь с теми землями, имена которых они носили. В конце XIX в. появляется мода на различные жетоны и значки воинских частей. К началу XX в. полковые нагрудные знаки становятся официальными символами полков Русской армии. Примечательно, что рисунки знаков разрабатывались самими офицерами и только потом утверждались верховной властью. Очень часто основой полковых знаков становились земельные и городские гербы.

Кавалерийские полки Русской армии имели отличительные значки, которые изготавливались из ткани и крепились на пики возле наконечника. По расцветке значка можно было определить полк, а когда-то и номер эскадрона в полку. В начале XX в. появились неуставные значки, которые использовали на маневрах, реже в боевых условиях для определения местоположения своей части. Неуставные значки утверждались, как правило, приказом по полку. Широкое распространение такие значки получили во время Гражданской войны в возрожденных в рядах белых армий старых кавалерийских полках. Иногда в таких значках использовалась и земельная геральдика, в частности на значке Ахтырского гусарского полка был изображен герб Ахтырки, а у нарвских гусар – герб Нарвы.

На протяжении более чем двухсотлетнего существования русской императорской армии на ее знаменах, предметах униформы и снаряжения, полковых знаках, фурыерских и кавалерийских значках присутствовали гербы русских земель. В зависимости от идеологических установок, вкусов царствующего монарха, военной европейской моды использование земельной геральдики в военной символике России имело различные формы, могло сводиться до мини-

му, но никогда не исчезало окончательно, так как являлось продолжением традиций Петра Великого и всегда подчеркивало неразрывную связь армии и Русской земли.

¹ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Т. II. // <http://www.listvinoleg.nm.ru>

² Там же.

³ См.: Леонов О. Ульянов И. Регулярная пехота 1855-1918. М., 1998; Ульянов И. Регулярная пехота 1801-1855. М., 1996.

⁴ См.: Соколов В.А. Вексиллологический справочник по флагом Российской Империи и СССР. Т.1. М., 2002.

*Захарова И.М.
Государственный Эрмитаж*

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ МВД И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ СТАТИСТИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В 1855 г. на международном статистическом конгрессе в Париже было принято решение об учреждении во всех государствах центральных статистических комитетов. Россия не участвовала в этом конгрессе, но его решения были известны. К резолюции конгресса, касающейся создания единого органа управления статистикой в масштабах всего государства, было решено присоединиться¹.

4 марта 1858 г. Высочайшим указом существовавший на правах центрального органа административной статистики Статистический комитет был преобразован в Центральный статистический комитет (далее - ЦСК) МВД, что свидетельствовало об официальном признании необходимости объединения всех статистических работ, производившихся в государстве. В составе ЦСК было создано два отдела: Статистический и Земский². Отделы, имевшие одинаковое коллегиальное устройство и общую канцелярию, состояли каждый из непременного и двух других членов под председательством товарища министра внутренних дел. Непременные члены заведовали делами и перепиской отделов³. Деятельность ЦСК разивалась по нескольким направлениям: обработка данных, доставляемых ежегодно губернскими статистическими комитетами; работы по сбору сведений о России для международной статистики в соответствии с решениями международных статистических конгрессов; собственные исследования комитета по отечественной статистике; собрание и обработка сведений для различных правительственных комиссий; издание списков населенных мест Российской Империи; проведение переписей населения и Первой всеобщей переписи населения 1897 г. и т. п.

Одним из приоритетных направлений в деятельности ЦСК во второй половине XIX в. явилось участие в работе международных статистических органов, первой формой которых в 1853-1876 гг. выступили Международные статистические конгрессы. Инициатором их созыва выступил бельгийский ученый А. Кетле, высказавший эту идею во время Всемирной выставки в Лондоне в 1851 г. Кетле понимал, что статистика будет иметь для науки какое-либо значение только тогда, когда возможно будет делать сравнения между результатами наблюдений, сделанных в различных странах. Для этой цели необходимо было объединить способы статистических наблюдений во всех государствах, ввести одинаковую организацию официальной статистики, одну и ту же терминологию и т.д. Международный статистический конгресс, на организацию которого Кетле потратил немало времени и сил, должен был служить средством для выполне-

ния этих целей.

На первых двух сессиях Международного статистического конгресса (в 1853 г. в Брюсселе и в 1855 г. в Париже) представители России не присутствовали⁴. На сессиях Международного статистического конгресса, собиравших значительное число ученых и представителей государственных органов, обсуждались разнообразные теоретические и практические вопросы, происходил широкий и систематический обмен информацией. Перед участниками конгрессов ставились задачи сбора и издания сведений по определенной тематике.

В рамках международного статистического сотрудничества и по заданию, данному представителям России на 7-й сессии Международного статистического конгресса в 1869 г. в Гааге, ЦСК провел ряд работ. К их числу относится исчисление поверхности всей Европы, сделанное полковником Стрельбицким, сбор материалов о России: по статистике речного судоходства в 1872 г.; паровых двигателей в 1874 г.; виноделия; городских сберегательных касс и т. п.⁵.

8-я сессия Международного статистического конгресса проходила в Санкт-Петербурге в 1872 г. В ее рамках были приняты «минимальные международные нормы» проведения переписей населения, создана Постоянная комиссия Международного статистического конгресса под председательством П. П. Семенова, сыгравшего видную роль в международном статистическом сотрудничестве. Целью создания Постоянной комиссии было объединение в ее рамках специалистов «статистической техники», которые должны были работать над сведением всех статистических работ европейских государств в единый сборник по международной статистике. Комиссия собиралась в разных государствах 4 раза⁶.

Несмотря на то, что 9-я сессия Международного статистического конгресса в Будапеште оказалась последней, а Постоянная комиссия была распущена в 1878 г., международное сотрудничество не прекратилось. Преемниками Международного статистического конгресса стали Международные конгрессы гигиены и демографии и созданный в 1885 г. Международный статистический институт⁷. В его организации и деятельности большое участие принимал директор ЦСК Н. А. Тройницкий. В 1897-1913 гг. он занимал пост вице-председателя Международного статистического института. Сессии Международного статистического института собирали большое количество видных ученых и государственных деятелей. Н. А. Тройницкий опубликовал отчеты о первой (Брюссель, 1887) и пятой (Берн, 1897) сессиях института⁸, принимал непосредственное участие в статистических съездах в Риме, Париже, Берне и Вене, осуществил подготовку и проведение сессии Международного статистического института в Санкт-Петербурге⁹.

Помимо Международного статистического института ЦСК поддерживал связь с образованными в Базеле Международным рабочим бюро (1901 г.) и Союзом борьбы с безработицей (1910 г.)¹⁰. Между ЦСК и иностранными статистическими учреждениями велась переписка и обмен изданиями¹¹.

Российские статистики также принимали участие в работе международных статистических органов, занимавшихся решением конкретных вопросов. К их числу относятся Международный сельскохозяйственный институт в Риме, Международное бюро Всемирного почтового союза и Международное бюро телеграфного союза в Берне¹².

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. Россия принимала активное участие в международном статистическом сотрудничестве. Установившиеся контакты между ЦСК и международными статистическими органами позволяли осуществлять обмен опытом в области статистики и статистической информацией, унифицировать способы сбора и обработки статистиче-

ских данных и, что наиболее важно, способствовали интеграции европейских государств в области статистики.

¹ Голицын Н. С. О мерах к устройству статистических источников и работ в России. Б.м. Б. г. С. 17.

² ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XXXIII. № 32826.

³ Юбилейный сборник ЦСК. СПб., 1913. С. 7.

⁴ Всего состоялось 9 сессий Международного статистического конгресса. в 1853 (Брюссель), 1855 (Париж), 1857 (Вена), 1860 (Лондон), 1863 (Берлин), 1867 (Флоренция), 1869 (Гаага), 1872 (Санкт-Петербург), 1876 (Будапешт).

⁵ Янсон Ю. Э. Теория статистики. СПб., 1886. С. 163.

⁶ Каблуков Н. А. Статистика. М., 1913. С. 18.

⁷ Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 222-223.

⁸ Корнев В. П. Видные деятели отечественной статистики. 1686-1990. Биографический словарь. М., 1993. С. 159.

⁹ Елисеева И. И., Проскуряков В. М. и др. Российская государственная статистика. М., 1996. С. 49.

¹⁰ Каблуков Н. А. Указ. соч. С. 20.

¹¹ См., напр.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1290 (Центральный статистический комитет МВД). Оп.2. Д. 836, 971.

¹² Каблуков Н. А. Указ. соч. С. 19.

Федоров Н.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБОТ АДМИРАЛА А.Т. МЭХЭНА В АГИТАЦИИ ЗА ПЕРВЫЙ ФЛОТСКИЙ ЗАКОН 1898 Г. В ГЕРМАНИИ

Военно-морское соперничество между Великобританией и Германией было одним из наиболее заметных факторов международной жизни накануне Первой мировой войны. Но за двадцать лет до начала войны Германия и не претендовала на звание великой морской державы, а ее флот занимал лишь пятое место в мире. Главными задачами немецкого флота были оборона побережья и ведение крейсерских операций. Тем не менее, к середине 90-х гг. XIX в. сложились определенные предпосылки для военно-морской экспансии в Германии. К этому времени была создана промышленная основа для широкомасштабного строительства флота - Германия за относительно короткий период стала одной из крупнейших индустриальных держав мира. Вслед за промышленностью возросли объемы внешней торговли и тоннаж торгового флота, началась колониальная экспансия. Усилилось и соперничество с другими великими державами, в том числе и с Великобританией.

Радикальными переменами в своей военно-морской политике, произошедшими на рубеже XIX-XX вв., Германия во многом была обязана деятельности морского министра Альфреда фон Тирпица, занявшего эту должность весной 1897 г. Тирпиц сумел убедить кайзера Вильгельма II, который и сам проявлял большой интерес к военно-морским вопросам, отказаться от идей крейсерской войны, которую он считал бесперспективной для Германии, и сосредоточить усилия на создании мощного линейного флота, предназначенного для действий в Северном море против Британии. Дело в том, Тирпиц стал задумываться о возможности войны с Англией еще в 1896 г. во время кризиса в Южной Африке. Именно тогда Тирпиц выдвинул свою знаменитую «теорию риска» - создание сильного флота, одно существование которого заставило бы Великобританию воздержаться от конфликта с Германией¹.

Серьезным препятствием на пути развития флота было отсутствие соответствующей идеологической основы. У Германии попросту не существовало

таких богатых военно-морских традиций как, например, у Великобритании. Для претворения в жизнь идей Тирпица необходимо было одобрение рейхстагом кораблестроительной программы и закрепление идеи сильного флота в общественном сознании. Поэтому по всей Германии развернулась активная пропагандистская кампания. Тирпиц лично посетил многих немецких князей и депутатов рейхстага, ознакомил их с перспективами развития флота и заручился их поддержкой. Были организованы многочисленные лекции и экскурсии на боевые корабли, премировались художники и писатели-маринисты, издавались многочисленными тиражами памфлеты и книги.

Важное место в мощной пропагандистской компании отводилось книгам Алфреда Тайера Мэхэна (1840-1914) — известного американского военно-морского теоретика и историка, создателя доктрины «морской силы», в основе которой лежала идея сильного флота как одного из важнейших факторов в мировой истории. Теории Мэхэна оказали заметное влияние на военно-морскую мысль во многих странах мира накануне Первой Мировой войны. Одной из причин столь активного внимания к работам Мэхэна в Германии было то, что он уже зарекомендовал себя во всем мире как авторитетный эксперт по военно-морским вопросам и само его имя олицетворяло собой идею сильного флота.

Вильгельм II очень внимательно относился к работам Мэхэна, которые он называл «классикой во всех отношениях»². По свидетельству очевидцев, книги Мэхэна стояли на видном месте в личной библиотеке кайзера, а их поля были испещрены множеством замечаний и пометок³. В то же время нет никаких оснований приписывать интерес кайзера к флоту исключительно теориям Мэхэна.

Что касается влияния идей Мэхэна на Тирпица, то данная проблема является дискуссионной в историографии. Современные немецкие исследователи считают, что Тирпиц использовал теории Мэхэна с прагматической целью, для пропаганды развития флота. Например, Томас Бэкер писал: «У Мэхэна брали, что хотели, а остальное отбрасывали»⁴. С ним соглашается Франц Уле-Веттлер: «...Тирпиц нуждался в идеях Мэхэна для формального подтверждения своих собственных теорий»⁵.

Еще в 1896 г. одна из книг Мэхэна, «Влияние морской силы на историю», было переведена на немецкий язык и опубликована в официальном издательстве германского флота. В рецензии на эту книгу сразу же было отмечено ее значение для пропаганды военно-морских знаний в немецком обществе⁶. Сочинение было анонсировано как получившее одобрение во всем мире и представляющее интерес не только для специалистов, но и для широкой публики. Высказывались также претензии в адрес тех, кто тормозит развитие немецкого флота — «далеко не лучшим образом информированных депутатов рейхстага, протестующих по поводу расходов на это средство достижения национального величия»⁷. Таким образом, работы Мэхэна уже тогда рассматривались как важное средство военно-морской пропаганды в немецком обществе. В 1898 г. вышло в свет второе немецкое издание этого сочинения американского теоретика.

Вскоре после вступления в должность морского министра Тирпиц дал указание подготовить перевод другой книги Мэхэна, «Влияние морской силы на французскую революцию и империю». Этим он, по словам немецкого историка Вильгельма Дайста, еще раз подчеркнул, что сделанные Мэхэном выводы об огромной политической роли морской силы и ее основы, линейных кораблей, распространяются и на немецкий флот, и «являются языком, на котором флот нужно было представлять общественности»⁸.

В 1897 г. вышло два издания этой книги, причем второе — в виде серии выпусков. В рецензии, опубликованной в ведомственном издании германских вооруженных сил, открыто указывалось на пропагандистское и просветитель-

ское значение трудов Мэхэна⁹.

Тирпиц разослал письма начальнику Генерального штаба, во все имперские министерства и университеты с просьбой содействовать в распространении сочинений Мэхэна. В письмах указывалось, что с помощью этих книг «необходимо повысить понимание значения нашей внешней торговли, наших колоний и нашей вооруженной силы на море»¹⁰.

Итогом всей пропагандистской кампании стало принятие рейхстагом закона о флоте 1898 г. («Первый флотский закон»). Законопроект был представлен рейхстагу 30 ноября 1897 г. В целом, рейхстаг воспринял его положительно, чему немало способствовала соответствующая агитационная работа. Первый флотский закон был одобрен рейхстагом 28 марта 1898 г. и вступил в силу 10 апреля того же года. Согласно этому закону, германский флот должен был включать в себя 19 линейных кораблей, 8 кораблей береговой обороны, 9 броненосных и 26 бронепалубных крейсеров. Но даже с исполнением этого закона германский флот не составил бы даже половины британского флота. Однако это было лишь первый шаг. Спустя два года Тирпиц, воспользовавшись обострением внешнеполитической обстановки, добился принятия от рейхстага нового закона о флоте, по которому число линейных кораблей, которые должны быть построены к 1917 г., возросло до 38. Германская программа 1900 г. подверглась поправкам в 1908 г. (в связи с началом строительства dreadnoughtов) и в 1912 г., которые позволили вновь увеличить количество линейных кораблей, предназначенных к постройке.

Идеи Мэхэна сыграли значительную роль в пропаганде строительства германского флота «открытого моря». Его книги знакомили широкие круги немецкого общества с идеями, которые до этого никогда не были ключевыми в политике Германии. Впрочем, по мнению В. Дайста, из-за активного использования работ Мэхэна в пропагандистской кампании, в Германии они стали многими восприниматься как полуофициальные издания¹¹.

Кроме того, Мэхэн сочувственно относился к политике Англии и таким образом мог рассматриваться многими немцами как апологет потенциального противника. Например, военно-морской публицист Зигфрид Яхман, проанализировав книгу Мэхэна «Уроки войны с Испанией» (посвященную испано-американской войне 1898 г.), сделал заключение: «Концепции Мэхэна льют воду на мельницу Англии»¹². Но при этом Яхман не сомневался в истинности основных стратегических положений доктрины Мэхэна, изложенных в книге «Влияние морской силы на историю»¹³.

С Англией Мэхэна связывала его теории, построенные на исследовании развития британского военно-морского могущества, а с Соединенными Штатами — его происхождение и прямой призыв к развитию их флота, высказываемый в его сочинениях. В Германии же идеи Мэхэна а priori воспринимались как привнесенные извне. Во многом поэтому Мэхэн так и не стал в Германии столь же популярным, как в Великобритании или США.

⁹ Тирпиц А. фон. Воспоминания. М., 1957. С. 218-219.

¹⁰ Puleston W.D. Mahan. The Life and Work of Captain A.T. Mahan. New Haven, 1939. P. 159.

¹¹ Ibid.

¹² Bäcker T. Mahan über Deutschland.//Marine Rundschau. 1976. № 1. S. 14-15.

¹³ Uhle-Wettler, F. Alfred von Tirpitz in seiner Zeit. Hamburg, 1998. S. 122.

¹⁴ Рец. на: Mahan A.T. Der Einfluss der Seemacht auf die Geschichte.//Jahrbücher für deutsche Arme und Marine. 1896. Bd. 101. № 11. S. 231.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Deist W. Flottenpolitik und Flottenpropaganda. Das Nachrichtenbureau des Reichsmarinesamtes, 1897-1914. Stuttgart, 1976. S. 88.

⁹ Рец. на: Mahan A.T. Der Einfluss der Seemacht auf die Geschichte, 1783-1812.//Jahrbücher für deutsche Armee und Marine. 1898. Bd. 106. № 3. S. 381.

¹⁰ Цит. по: Deist W. Op. cit. S. 89.

¹¹ Ibid.

¹² Jachmann [S.] Der amerikanisch-spanische Seekrieg und die Strategen in Washington.//Jahrbücher für deutsche Armee und Marine. 1900. Bd. 115. № 5. S. 181.

¹³ Ibid.

Егоров Д.А.

Уральский государственный университет

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИОГРАФИИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

В современный сложный и противоречивый период развития России особую актуальность приобретают исследования по истории создания и развития в советских условиях репрессивных органов, в том числе, Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (1917-1922 гг.).

В исторической, философской, юридической литературе, в средствах массовой информации появилось много разнообразных произведений на эту тему. А переиздание многих эмигрантских публикаций вызвало вслед за историографическими работами революций и Гражданской войны необходимость некоторой их систематизации и квалификации. Тем более, что обобщающая историографическая работа по этому вопросу на сегодняшний день отсутствует.

В период 70-летнего существования советского государства существовали определённые табуированные, закрытые для обсуждения темы. Среди них и правдивая история ВЧК, период работы которой пришёлся на 1917-1922 гг. Вся история её формирования и деятельности представлялась в облегчённом, канонизированном и во многом идеализированном виде. Не могло быть и речи об ошибках, промахах, а тем более преступлениях в работе ВЧК.

Тем не менее, по некоторым вопросам истории 1917-1922 гг. советским историкам всё же приходилось упоминать о ВЧК. Это события, непосредственно связанные с самим большевистским переворотом, со становлением их власти на местах, с преодолением первого сопротивления со стороны кадетской партии, саботажем чиновничества, создание самой комиссии, разгон Учредительного собрания, борьба против анархистов и различных заговоров весной-летом 1918 г., а также подавление мятежа левых эсеров в июле 1918 года. Наряду с другими проблемами повышенное внимание уделялось обоснованию развития красного террора осенью этого же года. Создание и деятельность ВЧК объяснялись «революционной необходимостью» и «революционной законностью». Как известно, в советской историографии выделяется три этапа изучения событий 1917 г. в России: до конца 1920-х гг. – начальный этап, 1930-80-е гг. – изучение истории Октября в свете концепции «государственного социализма» и период с конца 1980-х гг., когда появились условия для восстановления исторической правды.

В публикациях о ВЧК 1920-х гг. чувствуется ещё некоторая свобода в изложении и оценке событий недавнего прошлого. Среди них можно выделить авторов, непосредственных участников Гражданской войны и проводников большевистского насилия (М. Лацис, В. Бонч-Бруевич¹), а также некоторые общие работы по истории рабочего класса и революции (например, П.О. Горин и др.²). В 1930-40-е гг. можно выделить труд Л.И. Бычкова «ВЧК в годы гражданской войны»³, в котором содержится обширный фактический материал о деятельности комиссии.

Довольно активно разработка истории ВЧК стала вестись с середины 1950-х гг., когда исследователи получили некоторый доступ к партийным и государственным архивам. Крупнейший вклад в изучение истории ВЧК и большевистской политики насилия внесли А.С. Велидов, Д.Л. Голиков, К.В. Гусев, В.А. Клименко, В.П. Портнов⁴. За идеологическим пафосом и тенденциозными оценками событий виден взвешенный и концептуальный подход к её организации и работе. Историки попытались научно оправдать карательную политику В.И. Ленина и ВЧК.

Н. Верт, Р. Пайпс и Э. Карр⁵ – наиболее серьёзные зарубежные исследователи истории Советского государства и общества. ВЧК характеризуется ими как мощное карательное оружие Ленина и его режима, направленное, прежде всего, против своего народа. Многие факты остались для них неизвестными, а общие взгляды – крайне одиозными. Делался акцент на негативных сторонах большевистского режима. В отношении ВЧК говорилось об «ужасах чрезвычайки», массовом насилии, терроре, маниакальной жестокости сотрудников.

Среди произведений современных российских авторов можно выделить несколько сложившихся точек зрения на сущность, функции и роль ВЧК. В первых, это те, кого принято называть державники-патриоты. Характерна крайняя тенденциозность во взглядах на исторические события, болезненное развитие антисемитской темы, неприкрытая враждебность к большевикам и, наоборот, апологетика России имперского периода, идеи «самодержавие, православию, народность». Здесь выделяются отцы-основатели этого направления, которые, по существу, не являются профессиональными историками, О.А. Платонов⁶ и Н.М. Коняев⁷.

Второе направление изучения революционных событий и Гражданской войны представляют неомарксисты и историки, оставшиеся на позициях советской историографии. Наиболее крупной фигурой здесь является один из крупнейших исследователей советских спецслужб, карательной политики и борьбы большевиков с оппозицией В.А. Клименко⁸.

Историей карательной политики ВЧК-ОГПУ и других советских спецслужб также занимаются сами бывшие чекисты или настоящие служащие ФСБ России. К ним же можно отнести и историков, специально посвятивших себя изучению этого специфического рода деятельности. Наиболее известные из них – А.А. Зданович, А.И. Кокурин, Л.М. Млечин и другие⁹. Ими в основном освещаются отдельные моменты деятельности ВЧК. Сосредоточенные на разведке и контрразведке, наиболее крупных операциях, принёсших ей мировую известность, личностях руководителей и отличившихся чекистов, они открыли новую, ещё практически не изученную до них нишу. О такой сфере деятельности ВЧК нельзя было писать в СССР, и документы, которые ими используются, были рассекречены только в последнее время. В изучении этих проблем они добились немалых успехов. В силу интереса к спецслужбе, заикливости на определённой сфере её деятельности им свойственна позитивная оценка ВЧК. Признаётся историческая необходимость создания комиссии; деятельность которой рассматривается с положительной стороны, хотя террор всячески осуждается.

Наибольшего успеха в исследовании карательных и правоохранительных учреждений советского режима добились историки права. В последнее время на общем фоне выгодно выделялись публикации ряда известных учёных, приложивших большие усилия для создания основ научной историографии по теме. Внимание уделяется правовым аспектам деятельности ВЧК, задействован большой массив источников и литературы, подробно освещается организационное становление, роль и место ВЧК в системе советского государства. Получили развитие многие ранее не изученные вопросы. К ним можно отнести рабо-

ты В.В. Коровина, Л.П. Рассказова, Б.В. Павлова, а также недавние работы Л.А. Боевой, А.Ф. Громакова, С.Г. Фёдорова, Д.С. Новосёлова¹⁰.

Последнюю, пятую группу составляют историки модернизационных процессов в России в XIX-XX вв., революции, историки повседневности. Ими обработан и проанализирован большой объём источников и литературы, использован системный и междисциплинарный подход. В результате ВЧК рассматривается всегда в совокупности с другими мероприятиями большевиков и их политикой, идеологией. Заостряется внимание на её ужасах, массовых нарушениях законности и порядка. Многими исследователями она берётся лишь поверхностно, как участница тех или иных событий или как реальность, одна из сторон жизни человека. Трудно переоценить вклад в изучение политической истории В.П. Буддакова, А.Л. Литвина, С.В. Кулешова, О.В. Волобуева, Ю.Г. Фельштинского, Н.С. Черушева¹¹.

¹ Лацис М. Два года на внутреннем фронте. М., 1921.; Бонч-Бруевич В. Как организовывалась ВЧК. // Особое задание. Сб. М., 1988.

² Горин П.О. Пролетариат в борьбе за власть. М.-Л., 1927.

³ Бычков Л.И. ВЧК в годы гражданской войны. М., 1940.

⁴ Велидов А.С. ВЧК – организатор и руководитель политики СНК. М., 1960; Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1971; Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М., 1963.; Клименко В.А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917-1920 гг. М., 1978.; Клименко В.А., Морозов П.М. Чрезвычайные защитники России: Из истории ВЧК. – М., 1980.

⁵ Верт Н. История Советского государства. – М., 1999; Чёрная книга коммунизма. М., 1999.; Карр Э. История советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923. М., 1990.; Пайпс Р. Русская революция. М., 1996.

⁶ Платонов О.А. Терновый венец России. История царевубийства. М., 2001.

⁷ Коняев Н.М. Гибель красных Моисеев. Начало террора 1918 г. М., 2004.

⁸ Клименко В.А. Чекисты на защите Октября. М., 2003.

⁹ Зданович А.А. Отечественная контрразведка 1914-1920. Организационное строительство. М., 2004; Кокурин А.И., Петров Н.В. ВЧК 1917-1922. // Свободная мысль. 1998. №5.; Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ. Справочник. М., 1997; Млечин Л.М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999.

¹⁰ Коровин В.В. История отечественных органов госбезопасности. М., 1998.; Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917-1941). Уфа, 1999.; Павлов Б.В. Становление контроля партноменклатуры над правоохранительной системой. 1921-1925. // Вопросы истории. 2004. №1. С.32-51.; Боева Л.А. Деятельность ВЧК-ОГПУ по формированию лояльности граждан политическому режиму (1921 - 1924). М., 2003.; Громаков А.Ф. Исторические аспекты развития органов безопасности страны и современность. // Власть. 2003. №4.; Фёдоров С.Г. ВЧК и борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью. // Безопасность. 1999. №3-4.; Новосёлов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918-начале 1919 гг. // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66-77.

¹¹ Буддаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1917-1922. // Отечественная история. 1993. № 6. С. 46-59.; Наше отечество (Опыт политической истории). Часть II. М., 1991.; Фельштинский Ю.Г. Крах мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 - ноябрь 1918. М., 1992.; Черушев Н.С. «Невиновных не бывает...». Чекисты против военных (1918-1953). М., 2004.

*Васильев П.А.
Санкт-Петербургский государственный университет*

«ПРОБЛЕМЫ МОРФИНИЗМА» Р.Я. ГОЛАНТ И СОВЕТСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ МЫСЛЬ 1920-Х ГГ.

Данная работа посвящена анализу статьи советского психиатра Раисы Яковлевны Голант, опубликованной в 1929 г.¹ На первый взгляд, эта статья, озаглавленная «Проблемы морфинизма», представляет собой всего лишь описание практикующим врачом наблюдаемых в ленинградской клинике пациентов-наркоманов с некоторыми рекомендациями по их лечению. Однако если мы прибегнем к более скрупулезному «препарированию» этого текста, то заметим,

что в своей работе Голант подвела своеобразный итог дискуссиям советских врачей-наркологов 1920-х гг., дав свой ответ на многие ключевые вопросы, касающиеся не только наркомании как болезни индивидуальной, но и наркотизма как болезни социальной. В этом аспекте «Проблемы морфинизма» - это уникальный источник для историка, занимающегося проблемами девиантного поведения в Ленинграде в период НЭПа, тем более что Голант касается не только морфинизма, но и других наркоманий, а также алкоголизма. Резкий спад числа публикаций на тему употребления наркотических средств и общее ужесточение социальной политики властей в Советском Союзе с начала 1930-х гг.² придает рассматриваемой нами статье особую ценность.

Итак, в своем исследовании Р.Я. Голант приводит результаты наблюдений пациентов в психиатрическом отделении Патологорефлексиического Института им. В.М. Бехтерева на протяжении длительного времени в течение 1920-х гг. Для нас ключевым моментом является выделение Голант пяти «проблем морфинизма», каждая из которых формулируется в виде вопроса. Мы перечислим их, а затем рассмотрим более подробно ответы, которые дает на эти вопросы врач в контексте эволюции советской наркологической мысли 1920-х гг. Эти «проблемы» таковы:

- 1) Кто употребляет морфий?
- 2) Причины и поводы употребления морфия
- 3) Какое действие имеет острое и хроническое употребление морфия?
- 4) Как лечить морфиниста?
- 5) Как предупредить морфинизм?³

Как видно, Голант в своей небольшой статье охватывает широкий спектр вопросов, касающихся наркотизма вообще и морфинизма в частности. Неудивительно, что для ответа на поставленные вопросы психиатру потребовалось привлечение социальных данных⁴.

Что касается первой «проблемы», то Голант разделяет своих ленинградских больных по нескольким признакам. Критикуя старый статистический материал, она присоединяется к мнению Серейского и Шварца, которые наблюдали преобладание мужчин-морфинистов над женщинами почти в 4 раза. Схожие результаты дают исследования самой Голант: 149 мужчин и 40 женщин за 4 года⁵. Этот факт нарколог объясняет последствиями войны, а также раскрепощением женщины после революции⁶. Косвенное подтверждение эти выводы находят в работе немецкого врача Йоэля, который также основывается на данных Шварца⁷.

Дополняется портрет «среднестатистического морфиниста» возрастной характеристикой. По статистике, приведенной у Голант, мужчины несколько раньше пробуют морфий в первый раз (у 42% женщин первое знакомство с наркотиком пришлось на период после 30 лет, что объясняется наличием определенных «патологических явлений, с которыми связано увядание у женщин»⁸). В то же время наблюдался лишь один клинический случай морфиниста, пристрастившегося к опиатам после 50 лет⁹.

Интересны замечания Голант о социальном составе наблюдаемых ей больных. Она замечает, что морфий не распространился в таких маргинальных strata, как беспризорники (в отличие, например, от кокаина), но, тем не менее, 78% пациентов составляют безработные¹⁰. В большинстве своем это « деклассированные травматик войны из разных классов общества», но значителен процент интеллигенции, бывшего офицерства, медицинского персонала¹¹.

Вопрос о причинах и поводах употребления морфия весьма интересен для современного исследователя, так как в литературе (особенно исторической) уделяется мало внимания социальным, экономическим, психологическим

и иным мотивам, побуждающим наркомана прибегнуть к психоактивным веществам. Голант выделяет Первую мировую войну как важнейший фактор в распространении наркотизма (особенно морфинизма) и отмечает «связанные с нею физические страдания и моральные переживания, а также и социальные пертурбации-почти во всем мире»¹². Этому же мнения придерживаются и современные исследователи девиантного поведения в Советской России конца 1910-х – начала 1920-х гг., например, Н.Б. Лебина и С.Е. Панин¹³.

Значительное внимание автор статьи уделяет также и социальным мотивам, способствовавшим приобретению к морфию. По данным, приводимым Голант, в 91% случаев (у мужчин) морфинизму предшествовала «социальная деградация», которая выражалась, например, в том, что офицеры служили мелкими канцелярскими служащими, а интеллигенты были вынуждены оставить школу или университет¹⁴.

Важными для развития всей советской наркологии в 1920-е гг. были выводы, сделанные Голант относительно того действия, которое оказывает морфинизм на человеческий организм. Голант отмечает такие характеристики морфиниста, как апатия, потеря трудоспособности, отсутствие сексуального либидо, а в конечном итоге моральное падение и деградация личности¹⁵. С другой стороны, любопытно, что врач не отмечает у морфинистов наклонности к жестокости и преступлениям (кроме связанных с получением морфия)¹⁶: более того, Голант пишет, что «в своей среде они общительны, делятся охотно всем и особенно морфием, теплы и сердечны»¹⁷. На схожих позициях стоял и доктор А.М. Рапопорт, предпочитавший, например, писать о «преступнике, нюхающем кокаин, а не кокаиномане, совершающем преступления»¹⁸.

Вопрос «Как лечить морфиниста?» также был далеко не праздным в Советском Союзе конца 1920-х гг. Только недавно в Москве и Ленинграде открылись первые наркодиспансеры, не решены были многие социально-экономические проблемы, не хватало и научно-практического потенциала для решения задач борьбы с социальными девиациями.

Так, в частности, проблемным оставался вопрос о характере отнятия морфия (постепенное или единовременное) у принятых на лечение наркоманов. Голант указывает, что на протяжении 1922-1925 гг. в Ленинграде практиковалось постепенное отнятие морфия, что было продиктовано гуманным стремлением смягчить болезненные явления абстиненции. Однако, по мнению автора «Проблем морфинизма», это постепенное уменьшение дозы психологически было ничуть не менее болезненно. Затем, с 1926 г., морфий отнимали сразу, что привело к более удовлетворительным результатам. Нужно отметить, что к концу 1920-х гг. на основании врачебной практики к схожим выводам пришли и Е.Б. Блюменау, и М.П. Кутанин¹⁹. Они также признавали необходимость длительного (до нескольких месяцев) содержания больных в диспансере.

Наконец, надо отметить, что у Голант нет готового ответа на последний, в сущности самый главный вопрос – как предупредить морфинизм?

С одной стороны, Голант не вполне доверяет факторам «случайным», таким, например, как разрешение свободной продажи водки (т.н. «рыковки») с 1925 г. По ее мнению, отмена «сухого закона» влияет только на кокаинизм, а не на морфинизм. «Что касается морфия, то вряд ли он в значительной мере был вытеснен алкоголем. Переход морфинистов на алкоголь происходит обычно после лечения, когда физическая потребность в морфии исчезает»²⁰.

С другой стороны, искоренение психопатических особенностей человека, а равно и социальных факторов за непродолжительное время Голант считала трудным и почти невозможным. Главное, по ее мнению, – это «предупреждение знакомства с морфием», поэтому и следует рекомендация врачам «в незна-

дежных случаях ... решительно отказаться» от назначения наркотика²¹. Это во многом продолжение политики усиленного контроля за отпуском врачебных средств, начатой еще в 1923 г. (пример тому – I Научная Конференция по вопросам наркотизма). Наибольшее значение врач уделял открытию новых диспансеров, ссылаясь на этот при опыт Америки.

В заключение нам хотелось бы отметить, что «Проблемы морфинизма» Р.Я. Голант являются очень глубоким, многоплановым и многоуровневым источником по истории медицинского аспекта борьбы с девиантным поведением в Советской России. Анализ, который был проведен нами, затрагивает лишь ту информацию, которая лежит на поверхности. Представляется необходимым более детальное изучение работы Голант, которое должно строиться на базе изучения архивных материалов, медицинской литературы (в частности, того списка научных работ, который приведен в конце «Вопросов морфинизма») и привлечения современных полидисциплинарных методов исторического исследования.

¹ Голант Р.Я. Проблемы морфинизма: (Клинические и диспансерные наблюдения, экспериментальные исследования) // Труды ГИМЗ. Вып. 5. Л., 1929. С. 17-32.

² Шкаровский М.[В.] Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917-1920-е годы // Невский архив. Т. III. СПб., 1997. С.477; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920-1930 годы. СПб., 1999. С.46.

³ Голант Р.Я. Указ. соч. С.18.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.19.

⁶ Там же.

⁷ Joël E. Лечение наркоманий: Алкоголизм. Морфинизм. Кокаинизм. [Харьков], 1930. С.72.

⁸ Голант Р.Я. Указ. соч. С.19.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С.29.

¹¹ Там же. С.25.

¹² Там же. С.17.

¹³ Лебина Н.Б. Указ. соч. С.29; Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917-1920-е годы) // Вопросы истории. 2003. №8. С. 129.

¹⁴ Голант Р.Я. Указ. соч. С. 26.

¹⁵ Там же. С. 21-23, 28.

¹⁶ Там же. С. 25, 29.

¹⁷ Там же. С. 28.

¹⁸ Рапопорт А.М. Кокаинизм и преступность // Московский медицинский журнал. 1926. №1. С. 51

¹⁹ Блюменау Е.Б. Охмеляющие дурманы: Табак, кокаин, морфий, опий, эфир и гашиш, их вред и последствия. Л., 1925. С. 61; Кутанин М.П. Вопросы теории и практики морфинизма // Труды первого всесоюзного съезда невропатологов и психиатров. [М.:Л.], 1929. С. 40.

²⁰ Голант Р.Я. Указ. соч. С. 24-25.

²¹ Там же. С. 31.

Соловьева В.В.

Уральский государственный университет

**«СЕМЬЯ ЖИВЕТ ПРЕКРАСНО, ПРОШУ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ...»
(ПИСЬМА, ЖАЛОБЫ, ЗАЯВЛЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКИЙ ГОРКОМ ВКП
(Б) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТЫЛА)**

В истории советского тыла в 1941-1945 гг. только на первый взгляд все может показаться ясным. Однако именно здесь жизнь людей с их ежедневными проблемами, мыслями, чувствами, поступками в большинстве случаев оказалась вытеснена безличными конструкциями, словами о «самоотверженности тружеников тыла», «опорном крае державы», «единстве фронта и тыла» и т.д.

Источником, который может помочь в рассмотрении таких аспектов ис-

тории тыла, как повседневная жизнь и психология, являются письма, жалобы и заявления, написанные в партийные комитеты. Как известно, забота о материально-бытовом положении граждан провозглашалась одной из важнейших задач партии и государства. Сложности, однако, возникают уже в самом начале исследования: в описи дел Свердловского горкома ВКП(б) за рассматриваемый период напротив «заявлений и жалоб трудящихся по материально-бытовым вопросам», как правило, стоит штамп «уничтожено».

Категория населения, обращения которой во власть сохранились наиболее полно, – это военнослужащие и их семьи. Возникает вопрос, насколько можно использовать эту группу источников для воссоздания целостной картины материально-бытового положения населения тыла. По сведениям на 1 апреля 1942 года в г. Свердловске районными отделами социального обеспечения было проведено обследование 18571 семьи военнослужащих¹. Всего в этот период численность населения города составляла около 510 тыс. чел.² Однако надо иметь в виду, что учет таких семей не был эффективно организован, существовало множество комиссий и комитетов, связи между которыми не были налажены. Кроме того, большая часть семей военнослужащих проживала в сельской местности.

Особенностью положения этой группы населения было то, что она представляла «исключительное политическое значение»³. В передовице «Правды» 5 июля 1941 г. военнослужащим был адресован призыв «не беспокоиться о своих женах и детях, отцах и матерях...». Институт военной цензуры был направлен на то, чтобы «нездоровые настроения» не просочились на фронт. Соответственно, семьи военнослужащих были той категорией, которой оказывалась адресная государственная помощь в виде пособий, пенсий, различных льгот. Кроме того, партийные и государственные органы прикладывали немало сил, чтобы мобилизовать негосударственные средства.

При всем этом вряд ли можно назвать данную категорию населения привилегированной. Безусловно, положение семей рядовых отличалось от семей начсостава. Последние составляли свыше 75 тыс. (большинство были эвакуированные) из более чем 270 тыс. семей военнослужащих в Свердловской области⁴. Однако в большинстве случаев, несмотря на все меры, семьи военнослужащих находились в исключительно тяжелых материально-бытовых условиях⁵. Все это отразилось в жалобах и заявлениях, присланных в военный отдел горкома.

Представляется целесообразным разделить имеющиеся источники следующим образом. Основной массив писем, присланных в горком, составляют письма военнослужащих, которые, несмотря на военную цензуру, получали сведения об условиях жизни их родственников в тылу. Большая часть этих посланий имеет относительно стандартную форму: это машинописные документы в виде короткого заявления-просьбы, присланные от имени руководства подразделений, где служил тот или иной военнослужащий. Другая группа – это письма самих военнослужащих: они более пространные, довольно подробно описывающие положение семьи. Наиболее малочисленными являются письма самих семей. Так, в деле за 1942 г. их насчитывается всего четыре. Однако именно эти письма являются наиболее близкими к отражаемой ими действительности, поскольку они не прошли сложный путь из тыла на фронт и обратно.

Таким образом, как источник «письма во власть» имеют двойственный характер. С одной стороны, они имеют все качества массового источника (сходные обстоятельства возникновения, однотипность формы, близость к отражаемому факту, однородность и повторяемость содержания), что позволяет применить к ним методы формализации. С другой стороны, многие из них могут

быть рассмотрены как индивидуальные случаи.

Воссозданию цельной картины положения рассматриваемой группы в течение всей войны препятствует то, что степень сохранности источников в разные годы различная, они разбросаны по разным фондам и носят отрывочный характер. Возможны, однако, некоторые предварительные наброски. Возьмем для примера уже упомянутый 1942 г. В просьбах военнослужащих преобладают следующие стандартные формулировки: «оказать материальную помощь», «обследовать условия» и «установить место жительства». Если же рассматривать характер жалоб, то наибольшее число относится к крайне тяжелой ситуации в вопросе с жильем: это проблемы уплотнения, выселения и ремонта. На втором месте – просьбы оказать медицинскую помощь и направить детей в детские учреждения. Далее следуют проблемы снабжения дровами, продуктами питания, вещами, назначения пособия. На последнем месте – просьбы оказать помощь в трудоустройстве. В деле также имеется докладная записка, согласно которой картина выглядит несколько иным образом: всего за год поступила 441 жалоба, из них 75 по поводу дров, 51 – обуви, 49 – жилья, 40 – одежды, 30 – прикрепления к магазинам или столовым, 25 – детского сада и яслей, 17 – пенсии и пособия, 16 – лечения⁶. Нужно также иметь в виду, что многие жалобы поступали в устной форме.

Несмотря на индивидуальность каждого конкретного случая, в целом вырисовывается довольно однотипная картина. Семья была спешно эвакуирована, люди оказались без самого необходимого... Многодетная семья, небольшое пособие, невозможность устроиться на работу, поскольку не с кем оставить детей... Есть работа, но льготы нарушаются...

К жалобам и заявлениям, как правило, прилагаются справки с данными обследования и характером оказанной помощи. Большинство просьб, имеющих в деле, было рассмотрено, однако материальная помощь, судя по числу повторных заявлений, носила недостаточный характер, несмотря на довольно «успокаивающий» тон справок. Здесь можно отметить разные варианты поведения «заявителей». Неоднократное обращение за помощью могло вызвать осуждающую реакцию (товарищ «слишком часто пишет», хотя на то нет реальных оснований).

Другой вариант можно увидеть в письме военнослужащего З.: «Я получил на фронт письмо от жены, в котором она просит меня не писать никому об оказании ей помощи... Семья живет прекрасно, прошу не беспокоиться...»⁷ В приложенной к письму справке – подробное описание помощи, которую вслед за этим получила жена З.

Надо сказать, что наибольшей резкостью отличаются письма, написанные самими женами военнослужащих. Например, письмо жены рядового Анны К.: «Я слышу по радио и читаю в газете, что Правительство и Партия заботятся о семьях красноармейцев-защитников нашей родины, но, к сожалению, это для некоторых только реклама. На самом деле никакой помощи нет, кроме пособия на детей 150 рублей и которое с таким же успехом вычитаются из зарплаты под видом разных налогов...»⁸ К письму приложена записка об устройстве детей К. в детский сад и прикреплении к столовой. Важно отметить, что подобное письмо не единично.

Как видно, справки к письмам могут также служить важным источником. Они содержат сведения о характере оказанной помощи. Особый интерес для изучения тыловой повседневности представляют списки вещей, «приобретенных при помощи горкома».

Представляется, что письма военнослужащих и их семей, несмотря на то, что это была особая группа населения, могут быть применены для изучения

материально-бытового положения населения тыла. Повышенное внимание властей к этой группе не сделало ее положение в целом привилегированным. Помощь семьям военнослужащих была дифференцированной, как и вся социальная политика советской власти. Как источник, письма, жалобы и заявления обладают широким потенциалом, особенно в совокупности с докладными записками, отчетами, информационными сводками.

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 161. Оп. 6. Д. 1496. Л. 114.

² Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2005. С. 40.

³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1669. Л. 18.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 139. Л. 85

⁵ Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С. 152.

⁶ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1496. Л. 295-296.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 104. Л. 127.

⁸ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1496. Л. 74.

*Солдатенкова О.Н.
Ивановский государственный университет*

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ – О ВОЙНЕ И МИРЕ

Традиционно главной проблемой в изучении военных источников личного происхождения – фронтовых писем, дневников, мемуаров солдат и офицеров – становится восприятие противника или анализ описания военных действий. Воспоминания же о мирной жизни на войне, как и о бытовой стороне войны, остаются за пределами внимания исследователей. Нам представляется, что эта тема была бы интересной с точки зрения понимания особенностей духовного мира солдат и офицеров, восприятия ими реальности войны и мотивов их действий.

На сегодняшний день исследований подобного плана практически нет. В лучшем случае историки обращались к теме изучения особенностей восприятия советским народом мирной жизни в период войны и рассматривали духовный мир солдат и офицеров как часть представлений всего советского народа. Интересные исследования в этом плане проведены историком Е.С. Сенявской в работах «1941-1945: Фронтовое поколение», «Человек на войне» и «Психология войны в XX в.»¹.

Задачей нашего исследования является анализ отношения к мирной жизни и особенностей описания военного быта со стороны солдат и офицеров – участников Великой Отечественной войны – непосредственно во время военных действий и в своих послевоенных воспоминаниях. Источниками для исследования должны стать имеющиеся в семейном архиве воспоминания советского офицера Лаишевского Бориса Георгиевича.

Б.Г. Лаишевский начал писать воспоминания в середине 1950-х гг. Вначале это были небольшие заметки в местные газеты об отдельных эпизодах из жизни на фронте. В середине 1960-х гг. его сын Вячеслав Борисович Лаишевский попросил отца описать свой боевой путь. В итоге появились 7 тетрадей воспоминаний, которые и являются предметом нашего исследования.

Мемуары, в отличие от писем и дневников, написанные по прошествии часто довольно длительного срока, рассматривают события прошлого «через призму времени», подчас с изменившихся позиций. Это ведет к определенным искажениям, поскольку невозможно всецело восстановить подлинные мысли и

ощущения давно минувшего. Данное замечание в полной мере относится и к мемуарам моего прадеда Б.Г. Лаишевского. Тот факт, что они были написаны не сразу после окончания войны, а по прошествии около полутора десятков лет, ставит вопрос об их достоверности.

Как показал анализ мемуаров Б.Г. Лаишевского, они сохранили яркую эмоциональную окраску в повествовании и оценках. Поэтому мы встречаем факты, когда автор, по нашему мнению, несколько приукрашивает бытовую жизнь и преувеличивает в ряде ситуаций собственное значение (например, в эпизоде со спасением знамени дивизии и обороне штаба²). Вместе с тем он не старается намеренно показать себя бесстрашным героем. В его воспоминаниях есть эпизоды с описанием бомбежек, в которых Борис Георгиевич предстает перед нами обычным человеком, с присущим ему чувством страха за собственную жизнь³.

В мемуарах иногда встречаются своего рода «лирические отступления» - воспоминания о том, что чувствовал автор, о чем думал на войне. «Хорошо, - пишет он в первой тетради, - было в эти апрельские дни вечерами. Мы собирались на пригорке у речки с товарищами»⁴. Эти сюжеты перекликаются с воспоминаниями о доме, семье, что характерно и для других фронтовиков-мемуаристов. «Говорили обо всем, - пишет автор, - ... о прошедшей мирной жизни, о работе, о доме, как-то там живут»⁵.

Мысли об оторванности от семьи и близких проявляются в воспоминаниях Б.Г. Лаишевского лишь в нескольких местах, но из этого факта не следует, что ему они были чужды. Здесь скорее другое: состояние тревоги за родных и мысли о них сопровождали автора постоянно и стали настолько привычными, что не выделялись из общего потока сознания. Много чаще на страницах воспоминаний встречается описание событий, нарушающих размеренную жизнь. Например, таковыми являются два эпизода с пожарами в землянке.

В контексте противоречия «мир – война» автор анализируемого источника приводит несколько ярких эпизодов. Очень интересна в этом отношении следующая заметка автора: «...Невдалеке от меня уж наступает мирная жизнь – старик-белорус на воле пашет, а фронт не так далеко. Но жизнь есть жизнь, особенно для хлебопашца труженика. Август месяц – надо сеять. И он сеял. Он верил, что враг больше сюда не придет»⁶.

Внимание прадеда к данному эпизоду не случайно. Его мемуары свидетельствуют, что люди постепенно привыкали к жизни «в войне». Как об обычном (типическом), он пишет об орудийной канонаде или немецком «костыле» (самолете) в воздухе. В этих условиях в его память как значимое событие врезался эпизод, который в мирной жизни вряд ли был бы замечен. Рассказ о старике-белорусе, по нашему мнению, несет и глубинную смысловую нагрузку. Это – своего рода «источник в источнике»⁷. Он позволяет заглянуть в душевный мир автора, который, наблюдая картину сельского труда, подсудно думал о том, что хотя кругом война – она не вечна, ее сменил мирная жизнь, которая в России традиционно ассоциировалась с трудом хлебопашца.

Важным дополнением к данной картине является рассказ о поездке домой⁸. Хотя Б.Г. Лаишевский уделяет в воспоминаниях этому эпизоду всего 15 строк видно, как важна и как дорога была автору встреча с семьей (она произошла в середине июля 1944 г.).

В результате проведенного анализа воспоминаний Б. Г. Лаишевского мы пришли к следующим выводам.

1. Человек привыкает жить в условиях войны, и они уже не кажутся ему чем-то необычным, достойным особого внимания, поэтому в воспоминаниях описанию быта уделено достаточно мало места. На этом фоне «необычны-

ми» и поэтому оставшимися в памяти выглядят картины мирной жизни, или события, резко выделяющиеся на фоне военных будней.

2. Для придания большей конкретики дихотомии «война – мир» автор прибегал к «лирическим отступлениям» (разговоры солдат «по душам» на фоне пробуждающейся природы). Такие эпизоды позволили ему оттенить детали военного повседневья, дать более объемную картину жизни на фронте.

Мы предполагаем продолжить наше исследование в ходе изучения семейной переписки одного из участников ВОВ, которая была обнаружена во время краеведческой экспедиции по Ивановской области в одной из заброшенных деревень. Необходимо провести сравнение мемуаров и писем, возможно привлекая другие источники личного происхождения, относящиеся к периоду ВОВ.

¹ Сенявская Е.С. 1941-1945: Фронтовое поколение. М., 1995; Она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997, Она же. Психология войны в XX в. Исторический опыт России. М., 1999.

² Воспоминания Лаишевского Б. Г., тетрадь № 5. С. 12-13.

³ Там же, тетрадь № 2. С. 12-13.

⁴ Там же, тетрадь № 1. С. 15.

⁵ Там же. С. 15-16.

⁶ Там же, тетрадь № 6. С. 5-6.

⁷ Сенявская Е.С. Фронтовое поколение 1941 – 1945. С. 42.

⁸ Воспоминания Лаишевского Б.Г., тетрадь № 6. С. 1-2

Запарий Ю.В.

Уральский государственный университет

АРХИВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Организация Объединенных Наций (ООН), учрежденная после окончания Второй мировой войны, является особым явлением в истории XX в. Несомненно, что обращение к опыту ООН необходимо для осмысления истории международных отношений второй половины XX в., а также внешней политики России.

При изучении истории ООН исследователь неизбежно сталкивается с рядом проблем. Организация Объединенных Наций представляет собой в системе международных отношений «относительно новый структурный элемент»¹. Разработка общепризнанных подходов и критериев оценки Организации затрудняется масштабом и комплексным характером деятельности ООН. Еще одна сложность связана с характером и степенью доступности источников. Официальные документы Организации издаются и распространяются в странах-членах через депозитарные библиотеки. Но они не отражают «скрытые» элементы, свойственные многосторонней дипломатии. Именно изучение материалов внутреннего документооборота Организации позволяет реконструировать процесс принятия ООН важнейших решений. Данные материалы в настоящее время хранятся в архиве ООН (г. Нью-Йорк, США) и малодоступны исследователям. Цель настоящей статьи - кратко охарактеризовать фонды архива и его историю.

Архив ООН является структурным подразделением Секции управления архивами и регистрационными записями при Секретариате Организации. Данное подразделение было создано на основе архивного отделения Секретариата учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. В 1946 г. в рамках Секретариата создается специальная архивная секция, которая занималась хране-

нием документов на раннем этапе работы ООН. В период с 1946 г. по 1951 г. секция также занималась обработкой и хранением официальных документов ООН. Система организации работы Архива формировалась под влиянием стандартов и методов, разработанных Национальным Архивом США (NARA)².

В настоящий момент в архив передаются, прежде всего, неофициальные документы ООН. По инструкции на хранение передаются «материалы, вне зависимости от их физической формы, созданные или полученные членами Секретариата в связи с официальной работой ООН, и которые являются собственностью Организации»³.

Основу комплекса документов архива ООН составляют пять категорий материалов. Первая – документы международных организаций, предшествующих ООН. В нее входят материалы учредительной конференции ООН в Сан-Франциско и Подготовительной комиссии ООН, Администрации ООН по оказанию помощи и реабилитации. Вторую категорию составляют документы Секретариата ООН. Эту категорию составляют материалы внутреннего документооборота всех подразделений Секретариата. Третья категория – документы миссий ООН, которые включают в себя материалы, связанные с деятельностью миротворческих миссий, а также комиссий, учрежденных по решению Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. Материалы организаций и агентств, входящих в систему ООН (Детского фонда ООН, Программы развития ООН и др.) входят в четвертую группу. Последняя категория представляет собой коллекцию документов, переданных ООН в дар государствами-членами.

Таким образом, архив содержит материалы, характеризующие широкий круг вопросов. Наибольшей информативной ценностью для изучения истории международных отношений второй половины XX в. обладают документы второй группы, которые включают в себя материалы Секретариата. Изучение документов аппарата ООН, который координирует все направления деятельности Организации, позволяет исследовать процесс принятия важнейших решений.

Документы Секретариата ООН организованы в регистрационные архивные группы и ведомственные архивные группы. Первая группа включает в себя все документы, которые в централизованном порядке передавались на хранение в архив службой документации ООН. Однако многие департаменты имели свои подборки документов, необходимые для выполнения служебных функций. Эти материалы составляют основу ведомственной архивной группы. Особенность данной группы состоит в том, что многие департаменты не предавали материалы в Архив на регулярной основе, поэтому многие из фондов имеют разную степень обработки и полноты⁴.

Наибольшей информативной ценностью, несомненно, обладают документы, относящиеся к подгруппе DAG-1, которая включает в себя документы канцелярии Генерального секретаря. Материалы этой подгруппы разделены на 5 категорий. В первую входят материалы административной канцелярии Генерального секретаря, куда включены документы его главных помощников и политических советников, а также рабочих групп и комитетов Секретариата. Во вторую – документы канцелярии заместителя Генерального секретаря по специальным политическим вопросам, в третью – фонд департамента по вопросам Генеральной Ассамблеи. В четвертую категорию включены материалы канцелярии по вопросам протокола, а в пятую – документы Генерального секретаря.

Последняя группа, на наш взгляд, представляет большую ценность для исследования истории международных отношений второй половины XX в. Генеральный секретарь является высшим должностным лицом ООН, который обладает широкими политическими и административными функциями. На протяжении всей истории Организации Генеральный секретарь играл заметную роль

в урегулировании международных кризисов и конфликтов и решении многих других важнейших вопросов. Именно Генеральный секретарь, представляя ООН на международной арене, способствует тому, что Организация является самостоятельным актором международных отношений.⁵ Данный фонд отражает процесс подготовки и определения стратегии ООН в ключевых моментах истории.

В Архиве полностью представлены фонды У Тана (1961-1971 гг.) и К. Вальдхайма (1971 – 1981 гг.), П. Де Кузьяра (1981- 1991 гг.) и Б. Бутроса-Гали (1991-1996 гг.) На сегодняшний момент доступ исследователей возможен к документам первых четырех Генеральных секретарей. Причем, материалы, относящиеся к деятельности первых двух Генеральных секретарей, представлены в архиве частично: основная масса архивов первого Генерального секретаря Т. Ли (1947-1953 гг.) была передана на хранение в Министерство иностранных дел Норвегии в Осло. Фонд второго Генерального секретаря Д. Хаммаршельда (1953-1961 гг.) хранится в королевской библиотеке в Стокгольме. В связи с тем, что в Архиве действует правило, согласно которому доступ к материалам открывается по истечении двадцати лет с момента создания документа, для исследователей в полной мере открыты только фонды У Тана⁶ и К. Вальдхайма⁷.

Документы данных фондов сгруппированы по сфере деятельности Генеральных секретарей: материалы по административным, политическим вопросам, специализированными агентствами и комитетами, а также с межгосударственными объединениями. Фонды образуют следующие виды документов: телеграммы, заявления, доклады, выступления на конференциях, интервью, обзоры прессы, переписка.

Данные материалы позволяют проследить различные аспекты деятельности Генерального секретаря: от решения финансовых и бюджетных вопросов, распределения постов в Секретариате, до процесса работы Генерального секретаря по урегулированию различных международных кризисов и конфликтов. В фондах У Тана и К. Вальдхайма широко представлены документы, посвященные деятельности Генерального секретаря в связи с ситуацией во Вьетнаме, на Ближнем Востоке. Примечательно, что в фонд У Тана входят документы, отражающие деятельность Генерального секретаря и после ухода в отставку.⁸⁹

Содержащиеся в данных фондах виды источников обладают различной степенью информативности. Так, на пример, отчеты департамента по политическим вопросам и делам Совета Безопасности содержат краткий обзор о ходе дискуссии в Совете или о работе Генеральной Ассамблеи. Эти документы были своеобразными «информационными сводками», которые предоставлялись для сведения Генерального секретаря. Более серьезный анализ по конкретным ситуациям представлен в меморандумах глав департаментов на имя Генеральных секретарей. Особый интерес, на наш взгляд, представляют меморандумы бесед Генерального секретаря с постоянными представителями ведущих стран-членов ООН. Эти документы позволяют исследовать не только участие ООН в переговорном процессе по урегулированию той или иной ситуации, но и позицию государств, их взгляды на конфликт и на место ООН в его разрешении.

Роль ООН в решении важнейших международных проблем характеризует массив источников, который содержится в фонде Генеральных секретарей в подгруппе «политические вопросы и вопросы безопасности». Внутри этой подгруппы документы организованы по предметно-хронологическому принципу: Ближневосточный вопрос, проблема Кипра, ситуация в Конго, Вьетнаме, Намибии и т.д.

Обозначенные выше фонды характеризуют участие ООН в переговорном

процессе в ходе урегулирования международных кризисов, а также историю миротворческих операций. Комплекс документов, хранящихся в Архиве, позволяет воспроизвести процесс принятия решений в Организации, поскольку большинство проектов резолюций первоначально разрабатывались в ходе неформальных консультаций между представителями государств-членов и Секретариатом. Архивные документы позволяют проследить внутренний механизм работы ООН, который остается за рамками опубликованных документов.

¹ Шкунаев В. Г. Организация Объединенных Наций в современном мире. М., 1976. С. 8.

² Guide to the Archives of International Organizations. Paris, 1984. P. 189.

³ Документ ООН ST/A/1/326 (1984).

⁴ Ibid. P. 197.

⁵ Mingst K., Kams M. The United Nations in the Post-Cold War Era. Boulder, 1996. P. 59.

⁶ United Nations Archives (UN Archives), Records of the Secretary-General U-Thant, 1961-1971. (DAG – 1/ 5.2).

⁷ UN Archives, Records of the Secretary-General, K. Waldheim, 1971-1981. (DAG – 1/ 5.3).

⁸ UN Archives. Offices of Secretary-General. Private Papers. Post Retirement Files (1972-1974) (DAG-1/5.2.9.3).

⁹ UN Archives. Offices of Secretary-General. Private Papers. Draft to Book View from the UN (DAG-1/5.2.9.4).

Суфиянова Г.Р.

Тюменский государственный университет

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1990-Х – НАЧАЛА 2000-Х ГГ.)

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. стали временем больших перемен для многих африканских государств. В условиях меняющейся международной обстановки на «черном континенте» начались политические реформы. Страны Тропической Африки вступили в полосу перестройки властных отношений. Поиск новых моделей организации общественной, политической и государственной власти сопровождался в ряде стран попытками демонтажа правящих, в большинстве случаев авторитарных, военно-диктаторских и однопартийных систем и началом демократизации общественно-политической жизни. За сравнительно короткий период в этих странах были осуществлены значительные конституционные изменения, узаконена политическая оппозиция и проведены выборы на многопартийной основе¹.

Начавшийся процесс демократизации, вызвавший интерес исследователей-африканистов², на первых порах воспринимался отечественными учеными весьма оптимистично. Происходившие практически во всех государствах Тропической Африки изменения (падение авторитарных режимов, политический плюрализм, появление легальной политической оппозиции) давали основания полагать, что Африка идет к демократизации политической жизни. Анализируя начавшийся на рубеже 1980-1990-х гг. процесс становления демократических режимов в странах Тропической Африки, исследователи заговорили о крушении авторитарных режимов³. Однако дальнейшее развитие стран региона показало, что на пути демократических преобразований в различных сферах общественной жизни возникает множество проблем и противоречий: в некоторых государствах процесс демократизации привел к обострению межэтнической вражды (Бурунди, Конго), в других попытки реформирования политических систем привели к возвращению на политическую арену военных (Нигерия), в третьих произошла механическая замена однопартийных режимов многопартийными, и

во главе режимов остались прежние лидеры (Кот-д'Ивуар, ЦАР).

Из этого некоторые авторы сделали вывод, что говорить о крушении авторитарных режимов пока рано. Так, по мнению Ю.Г. Сумбатяна, в африканских странах на современном этапе речь может идти лишь о разных формах авторитаризма. Исследователь выделил 3 формы этого режима: реакционный с тоталитарной тенденцией; консервативный; либеральный с демократической тенденцией⁴.

Для преодоления возникающих в процессе перехода от авторитарных к демократическим режимам противоречий необходим переходный период, политической надстройкой которого могут стать либеральные авторитарные многопартийные режимы, представляющие симбиоз авторитаризма и демократии или, точнее, авторитарные режимы с демократической тенденцией, которые через несколько десятилетий могут привести к демократизации. Таким образом, наиболее перспективным для государств Тропической Африки, по мнению Ю.Г. Сумбатяна, является установление либеральных авторитарных режимов. Такая же точка зрения была высказана на научной дискуссии, прошедшей в 1993 г. в Институте Африки РАН Н.Д. Косухиным⁵.

При изучении развития африканских стран некоторые исследователи пришли к выводу о приемлемости и даже необходимости «просвещенного» авторитаризма для современных африканских переходных обществ. Так, Т.С. Денисова исходит из того, что «демократия как стадияльно более высокая и прогрессивная политическая система может быть воспринята лишь при достаточной продвинутой обществу в социально-экономическом развитии, становлении гражданских институтов. Отсутствие же этих условий порождает псевдодемократию, в сравнении с которой становятся очевидными преимущества «просвещенного» авторитаризма»⁶. Л.О. Низкая, рассматривая события 1990-х гг. в Нигере, приходит к выводу, что в нестабильных обществах и государствах, подобных нигерскому, для мирного развития необходим достаточно длительный период «просвещенного» авторитаризма: «в этот период возможно развитие демократических институтов власти, но абсолютно не исключены силовые методы предотвращения анархии и утверждения авторитаризма»⁷. А.С. Влахова отмечает, что африканские государства усваивают чисто внешние формы демократического режима, поэтому насаждаемый «сверху» демократический режим не имеет на африканском континенте реального политического будущего⁸. Отсутствие устойчивых демократических институтов, таких как партии, общественные организации, приводит к тому, что к власти приходят вполне демократическим путем недемократические силы, которые, победив на выборах, игнорируют парламент и конституции, устанавливая прежний авторитарный режим. Такой феномен «нелиберальной демократии», как его называет исследователь Б.Г. Петрук, «является преобладающим в странах Тропической Африки и с ним придется мириться ещё много лет и десятилетий»⁹. Причину этого явления исследователи видят в том, что политическая модернизация происходит в условиях отсутствия в большинстве африканских стран социально-экономических, политических и культурно-психологических предпосылок для установления демократической системы¹⁰. Как отметил Н.Д. Косухин, «перенять» демократию невозможно. Она должна укорениться, стать образом жизни, способом мышления лидеров и масс. Переход к демократии не сводится к простой смене политического режима, провозглашению многопартийности. Демократия – это политическая система, которая обеспечивает возможность смены должностных лиц, а также обладает правовым механизмом, позволяющим большинству населения воздействовать на процесс принятия решений»¹¹.

Анализ политических процессов, происходящих в странах Тропической

Африки, дал Л.В. Гевелингу основание полагать, что процесс демократизации в Тропической Африке не принял пока устойчивого и необратимого характера. Возможность его активизации в будущем ограничена рецидивами этнической вражды и религиозных столкновений, глубоким экономическим кризисом. По мнению исследователя, политическая динамика в ряде стран Тропической Африки обнаруживает движение не только от авторитарной системы к демократической, но и в противоположном направлении. Государство в Тропической Африке может ожидать периодическое чередование автократии и ограниченного плюрализма, ротация то жестких, то мягких форм авторитарного правления¹².

Оптимистические прогнозы исследований 1990-х гг. в настоящее время сменились пессимизмом. Отмечается, что африканский континент отличается большим набором факторов, препятствующих демократической трансформации. Эти факторы связаны как с количественными характеристиками, так и с качественными параметрами, обусловленными цивилизационно-культурной спецификой африканского континента. В одной из последних работ, посвященных современному развитию государств Африки, В.И. Комар отметила, что политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в этих странах, в настоящее время не создает благоприятных условий для глубоких демократических преобразований. Общество ещё не подготовлено к восприятию в полном объеме идей демократии. У африканских государств нет устоявшихся демократических традиций, у общества отсутствует демократическая ментальность в её западноевропейском понимании. Но наличие определенных подвижек и ростков демократии является бесспорным свидетельством того, что демократические тенденции на Африканском континенте имеют историческую перспективу¹³.

Большинство исследователей считают, что демократия на африканском континенте находится в стадии формирования. Процесс демократии проходит в условиях отсутствия в большинстве стран необходимых внутренних предпосылок для установления демократических систем. Пока в африканских странах не созрели условия для осуществления демократических преобразований, трудно надеяться на серьезные успехи в этой области.

¹ В начале 1990-х гг. были установлены многопартийные режимы в 36 государствах, что составляет 72% стран Тропической Африки, однопартийные сохранялись всего в 7 государствах. Для сравнения: в 1980-е гг. многопартийные системы существовали в 12 государствах, однопартийные – в 26. (См.: Винокуров Ю.Н. Африканские страны на пути к демократии: достижения и проблемы // Восток. 1998. №6. С.146.)

² Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991; Винокуров Ю.Н. Тропическая Африка: от диктаторов к демократам // Азия и Африка сегодня. 1993. №2. С.11-15; Он же. Африканские страны на пути к демократии: достижения и проблемы // Восток. 1998. №6. С.145-148; Сумбатян Ю.Г. Африка: авторитаризм или демократия? // Восток. 1994. №6. С.216-219; Высоцкая Н.И. От авторитаризма к демократии: многообразие переходных форм. М., 1994; Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму? М., 1996; Процессы демократизации в африканских странах: тенденции 1990-х гг. М., 1992; Фахрутудинова Н.З. Проблемы демократизации в африканских странах // Восток. 1994. №2. С.161-163.

³ Демократия и развитие в Африке // Восток. 1993. №2. С.30.

⁴ Сумбатян Ю.Г. Указ. соч. С.217; Он же. Африка на пороге 21 века: политические проблемы и перспективы. М., 1997;

⁵ Прокопенко Л.Я. Политическая модернизация в Африке: некоторые итоги и оценки // Восток. 2001. №4. С.168-172.

⁶ Денисова Т.С. Гана 80-90х годов: особенности политического руководства. // Восток. 1995. №3. С.62.

⁷ Прокопенко Л.Я. Указ. соч. С.168.

⁸ Влахова А.С. Нигерия: от авторитаризма к демократической системе политической модели // Восток. 1994. №5. С.43.

⁹ Петрук Б.Г. Нелиберальная демократия – феномен политической жизни стран Тропической Африки // Африка на пороге третьего тысячелетия. М., 1999. С.49.

¹⁰ Прокопенко Л.Я. Указ. соч. С.168.

¹¹ Косухин Н.Д. Власть в контексте политической модернизации в современной Африке // Восток. 2001. №6. С.163.

¹² Тропическая Африка... С.169-170.

¹³ Африка: власть и политика. М., 2004. С.160-161.

Бобкова Е.Ю.

НОУ ВПО «Самарский институт управления»

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГГ. XX ВЕКА ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Изучение отражения противоречивых процессов либерально-демократических преобразований в развитии историографических исследований представляет научную важность, поскольку историографические исследования подводят итоги и обобщают полученные результаты в рамках определенной мировоззренческо-гносеологической концепции и намечают перспективы развития исследований.

Научная и социальная актуальность темы обусловлена потребностями в оценке результатов развития отечественной историографии в узком смысле слова на рубеже смены общественных формаций. Отсутствие в отечественной историографии необходимого внимания и специальных работ, изучающих процесс развития самой историографии и в том числе в период кризиса российских историографических исследований, имевшего место в 90-е гг. XX в., не дает возможности исследователю объективно оценить состояние отечественной историографии конца XX в. Потребность в исследовании практики историографии в условиях возникновения теоретико-концептуального многообразия и вызванных им противоречий стала настоятельной, особенно для периода первой половины 90-х гг., когда кризисные явления в отечественной исторической науке были наиболее острыми.

Историографическая разработка проблемы изучения развития историографических исследований находится на начальной стадии.

В 1996–2002 гг. опубликовано всего несколько историографических научных исследований по данной проблеме, причем они затрагивают либо отдельные аспекты проблемы (например, исторический аспект развития историографии – проблему генезиса и развития историографии как специальной научной дисциплины), либо посвящены теоретико-методологическим проблемам историографии.

Ведущими авторами, изучающими теоретико-методологические проблемы историографии являлись В.С. Пряжеин, Ю.Н. Афанасьев, А.Е. Шикло, Ю.А. Поляков¹, проблеме генезиса и развития историографии как специальной научной дисциплины посвящены исследования Т.Н. Поповой и В.А. Муравьева². Проведенный историографический анализ показывает отсутствие в отечественной исторической науке историографических трудов, изучающих процесс развития историографических исследований в 80-е и 90-е гг. XX в.

Историографические источники включают публикации основных авторов, специализирующихся на изучении проблем методологии историографии и конкретных историографических исследованиях: Ю.Н. Афанасьева, Б.Г. Могильницкого, В.П. Данилова, А.В. Волченко, Ю.А. Полякова, М.И. Мельтюхова, И.А. Пашковой, Л.Н. Картамышевой, В.П. Гриднева, Л.М. Зейналовой, И.Ю. Михайловского, Ю.А. Петрушина³.

Основные публикации по теоретико-методологическим проблемам оте-

чественной историографии подготовлены в 1992–1995 гг. исследователями В.П. Даниловым, Б.Г. Могильницким, И.В. Герасимовым, Ю.Н. Афанасьевым, Ю. Поляковым, А.Н. Сахаровым и Н.И. Смоленским.

В первой половине 90-х гг. XX в. отмечается рост числа публикаций по теоретико-методологическим проблемам отечественной историографической науки, вызванный кризисными явлениями, проявившимися в отечественной историографии с середины 80-х гг. XX века. В работах изучались предпосылки, причины, проявления и возможные направления по нейтрализации кризисного состояния отечественной науки. Причиной кризисных явлений в отечественной историографии, на взгляд авторов, является догматизм и политизация науки, а средством преодоления кризиса – применение качественно новых методологических подходов, лишь немногие авторы считают приемлемым прогрессивное использование достижений советской методологии.

Изучение исторических исследований по общим проблемам развития советского общества в начале 90-х гг. XX в. велось в рамках отдельных направлений, наиболее значимыми из которых являлись: изучение исследований по проблемам религии и атеизма в национальных республиках Поволжья, исследования по проблемам кадровой политики КПСС и исследования степени работанности проблематики советской интеллигенции. Ведущими авторами являлись Р.А. Набиев, С.В. Чесноков и Л.А. Фадеева.

Значительный интерес для историографии представлял в начале первой половины 90-х гг. процесс изучения проблем становления и развития Советского общества с 1917 г. до 1941 г. Несмотря на изменения в общественном сознании, произошедшие в начале 90-х гг. XX в., не ослабевал интерес историографов к таким направлениям конкретно-исторических исследований, как деятельность партийных и советских органов власти, социально-экономическое развитие советского общества, развитие внешней политики СССР в предвоенные годы. Наибольший вклад в разработку этой историографической проблематики внесли М.И. Мельтюхов, Е.Б. Заболотный, А.М. Селиванов, Н.А. Араловец, В.А. Невежин и П.В. Панов.

С 1992 г. в историографических работах господствуют диаметрально противоположные подходы и повышается критичность авторских позиций по отношению к достижениям советской историографии. Необходимо отметить, что начиная с 1993 г., практически никто из авторов не оценивает научную форму анализируемых работ, исследователям присуща эмоциональность в оценках, снижается научный уровень публикаций. В период 1992–1995 гг. наблюдался подъем в развитии историографических исследований по отдельным аспектам развития советского общества 1941–1991 гг., в большей степени к изучению исследований по проблемам Великой Отечественной войны.

Историографические публикации, изучающие процесс историко-научного познания проблем истории Великой Отечественной войны, освещают процесс изучения таких проблем, как развитие местной промышленности, промысловой кооперации, деятельность партийных органов ВКП(б), творческой интеллигенции и православной Церкви, блокада Ленинграда, людские потери в военное время. Ведущими авторами являлись Е.Л. Храмова, Б.П. Дементьев, Ю.П. Прибыльский.

Практически отсутствуют историографические исследования по проблемам развития советского общества в послевоенные годы, не связанные с анализом достижений и просчетов историко-партийной науки. В основном анализировались публикации 50-х – 90-х гг. по проблемам социальной политики КПСС в городской и сельской местности, партийное руководство сферой народного образования и взаимодействие центральных и местных органов власти во второй

половине XX в. Наибольший вклад в разработку историографических исследований по проблемам развития советского общества внесли А.Н. Мячин, И.Ю. Михайловский, Л.М. Зейналова.

В начале 90-х гг. XX в. происходят качественные изменения в отечественной исторической науке, связанные с формированием российской историографии и кризисом советской. В этот период наблюдается порядковое увеличение публикаций, ориентированных на историографические исследования, но общий научный уровень этих работ невысок.

В целом можно говорить о наличии глубокого кризиса в отечественной историографической науке в начале 90-х гг. XX в., что подтверждается как отсутствием академических трудов по теоретико-методологическим проблемам и историографическому изучению конкретно-исторических проблем истории советского общества, так и общим низким научным уровнем опубликованных работ по проблемам.

¹ Прядеин В.С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания и методы исследования. (Историографический анализ). Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1996; Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Отечественная история. М., 1996. № 5. С. 146-168; Шикло А.Е. Современные проблемы изучения исторической науки // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко М., 2000. С. 285-297; Володина Т.А. О расширении предмета историографических исследований (к постановке вопроса) // Там же. С. 312-321; Данилов В.П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса? // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 22-30; Поляков Ю.А. Историческая наука: время крупных поворотов // Там же. С. 31-42; Алексеева Г.Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Там же. С. 43-59; Советская историография. М., 1996.

² Полова Т.Н. Становление историографии как специальной исторической дисциплины: некоторые аспекты проблемы // Рос. ун-ты в XIX – начале XX века. Воронеж, 1996. Вып. 2. С. 44-55; Муравьев В.А. История, исторический источник, историография, история исторического познания (размышления о смысле современных историографических исследований) // Рубеж веков: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. С. 19-27.

³ См. напр.: Волченко А.В. Современная историография о характере исторического образования в высшей школе. Днепропетровск, 1993; Данилов В.П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса // Новая и новейшая история. М., 1993. № 6. С. 95-101, Поляков Ю. Жива ли в России историческая наука // Российская провинция. Набережные Челны. М., 1993. № 1. С. 82-87; Мельтюхов М.И. Современная отечественная историография предистории Великой Отечественной войны (1985-1993 гг.): Автореф. дис... к.и.н. СПб., 1995; Пашкова И.А. Историография национального движения за самоопределение на Урале (февраль 1917 – июль 1918). Екатеринбург, 1992; Гриднев В.П. Отечественная историография обороны Ленинграда (1941-1944): Автореф. дис... д-ра ист. наук. СПб., 1995; Картамышева Л.Н. Патриотические движения трудящихся Российской Федерации в годы Великой отечественной войны: Историография вопроса. Автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 1994; Зейналова Л.М. Социальная политика по отношению к крестьянству (середина 40-х – середина 60-х гг.): На материалах СССР. Историография вопроса. Автореф. дис. канд. ист. наук. Саратов, 1995; Михайловский И.Ю. Социальная политика КПСС в Российской деревне (1965 – 1989): Историография вопроса. Саратов, 1992; Петрушин Ю.А. Историография общественно политической жизни Сибири середины 1950 – начала 1990-х годов. Иркутск, 1995.

Яблочков И.А.

Томский государственный университет

ПРОБЛЕМА КОНСПИРОЛОГИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

В сегодняшнем мире особую популярность получают книги и концепции, которые представляют альтернативный взгляд на историю. К таковым относятся, например, концепция истории математика А.Т. Фоменко и художественные

произведения Дэна Брауна, а также множество работ авторов, которые обозначаются как конспирологи. Термин «конспирология» в современной России стал особо популярным ввиду частоты его употребления в СМИ. Между тем само явление далеко не ново, особенно для российского общества.

Но в контексте мифологизации куда интереснее было бы рассмотреть американский пример. В этом смысле характерно меткое заявление Джорджа Энтина о том, что явление «теории заговора» старше самого государственного образования под названием Соединенные Штаты Америки¹.

Первые колонисты, прибывшие в Новый Свет, рассматривали эти земли как будущий Град на Холме, а потому им везде виделись происки врагов. На подобное мировоззрение также накладывалось отсутствие импульса к поиску компромисса, взращивания толерантного отношения к другому. Дэниэл Бурстин писал: «Раскол, который на английской почве породил бы в рамках пуританизма новые секты, в Новой Англии приводил всего-навсего к появлению новых поселений... В Новой Англии несогласных, усомнившихся и инакомыслящих исключали из общины; в Англии пуританам волей-неволей приходилось изыскивать пути жить с ними бок о бок»².

Непримиримое отношение к иному очень часто приводило к трагедиям: если не было характерно отличавшегося «чужого», то его находили внутри общины. Яркий конспирологический характер носили процессы над ведьмами в Салеме, а также заговор рабов в Нью-Йорке первой половины XVIII в. Заговором пронизана вся история Соединенных Штатов. Но единственная «теория заговора», в долгосрочной перспективе оказавшая позитивное влияние на историю страны, была теория относительно уничтожения министрами английского правительства прав мужчин и женщин североамериканских колоний.

Для человека, исповедующего «теорию заговора», вокруг существует несколько другая реальность, чем для обычного. Исторический процесс для него искажается под воздействием неких тайных сил, действующих за кулисами мировых событий. Конспирологами заявляется, например, что подлинная история искажена в исторических источниках или что в жизнь человечества введен некий дополнительный фактор, изменивший образ истории и ход исторических событий. Ричард Хофстадтер, американский историк, отлично описал ощущение истории конспирологами, продемонстрировав всю специфичность их положения: «Все мы страдаем от истории, но параноидальные личности страдают от неё вдвойне: помимо того, что их, как и всех нас, огорчает происходящее в реальном мире, они страдают и от собственных фантазий»³.

В XX в. в американском обществе происходили громадные изменения. В 50-е гг. страну потрясли громкие судебные процессы, в 60-е – кризис веры в государственные институты, громкие убийства национальных лидеров (братьев Кеннеди, М.Л. Кинга), в 70-е и 80-е гг. – скандалы, связанные с Уотергейтом и «Иран-контрас» – все это создало в американском обществе ощущение подозрительности, осознание того, что государство постоянно лжет своим гражданам. Опросы общественного мнения в 1964 г. показывали, что 75% населения доверяет федеральному правительству, тогда как согласно опросам 1996 г. целых 63 % населения почти или вообще не доверяют правительству⁴.

В этой работе мы остановимся на концепции истории, популярной у чернокожего населения США. Знание истории неотъемлемо связано с пробуждением национального самосознания. «Если Земля не существует, культура не существует, язык не существует и человек не существует. Они лишают тебя существования, называя Негр. Ты можешь ходить вокруг них целый день, а они будут вести себя так, будто не видят тебя. Потому что ты сам сделал себя несуществующим. Личностью без истории; лишившись истории ты лишился куль-

туры»⁵.

После осознания себя личностью чернокожий должен осознать, что история его народа намного длиннее истории белого человека. Специфика представлений Малькольма Икса, исходя из его работ, заключается в том, что история для него неотъемлемо связана с библейскими сказаниями, т.е. теологической точкой зрения, но смешанной с псевдонаучными знаниями (что особенно заметно при описании появления Луны в результате громадного взрыва, произошедшего в самой Земле).

По мнению Элайджи Мухаммеда и его последователей, до появления белого человека существовали развитые цивилизации черных людей (к которым относятся шумеры, вавилоняне, египтяне, различные народы Африки). И мудрецы далеко в веках написали историю на грядущие 25 тысяч лет. Именно этим они и отличались от сегодняшних историков. Каждые 25 тысяч лет чернокожие мудрецы садились и писали историю грядущих 25 тысяч лет, а не прошедших, как сегодняшние. Как только период заканчивался, они складывали свои записи в склеп старейшего города Земли Мекки и вновь писали историю следующего периода. Ими было предсказано появление ученого Якуба, проповедовавшего среди немногих недовольных и отправившегося со своими людьми на остров Патмос, где была сотворена новая цивилизация, поработившая черных людей на шесть тысяч лет, закончившихся в 1914 г.

Подобная концепция исторического процесса опирается как на общие знания о мире, так и на религиозный взгляд. Являясь мусульманином, Малькольм Икс, например, цитирует Библию, находя в ней нестыковки текста (давно исследованные библейской критикой) и трактуя их в свою пользу. Вот примечательный отрывок: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему» - это сказал Якуб, а не Высшее существо... Высшее существо независимо, ему не нужны помощники⁶.

Особое место в исторических представлениях как Малькольма Икса, так и других лидеров наций ислама, играет антисемитская риторика. При этом упор делается на то, что белые люди, и евреи, в частности, не утратили знания истории, в отличие от черных собратьев.

Стереотип ученого (врача) также важен в конструировании заговора. Так, первое, что сделал Якуб, придя на остров Патмос – ввел закон, касающийся рождаемости, двое чернокожих перед вступлением в брак сдавали кровь на анализ доктору, который затем давал отрицательный результат, запрещавший им создавать семью (также было приказано убивать всех черных детей, оставляя только детей с коричневой кожей). «В течение 200 лет они убили всех черных детей на острове. Все черное на острове было уничтожено»⁷.

Мифологема врача появляется не случайно. Среди черного населения США до сих пор существуют устойчивые мнения о том, что СПИД был изобретен с целью уничтожения черного населения и еврейские врачи специально заражают им в больницах черных пациентов. Подобная риторика привела к распространению эпидемий во многих странах третьего мира, где, казалось, эту болезнь уже победили⁸.

Распространение конспирологических конструкций в среде афроамериканского населения происходило в период борьбы за гражданские права, начиная с 1960-х гг. Государство не смогло отследить растущий шовинизм, антисемитизм в кругах чернокожего населения, да и не имело такой цели. Альтернатива победившей левой черной молодежи страшило правительство намного более, чем альтернатива молодежи, популяризирующей нетерпимость, антисемитизм и борьбу с «белыми дьяволами»⁹. Но результатом этих действий стало повсеместное распространение «теории заговора» среди афроамериканцев,

независимо от их достатка и образования¹⁰.

Подозрительность афроамериканцев в отношении правительства, выражающаяся в появлении конспирологических конструкций вполне закономерна, ведь межрасовые кровавые конфликты возникали не раз. Политика по уничтожению индейцев, линчевание, законы Джима Кроу, Ку Клукс Клан – все эти события истории являются отправной точкой в построении и аргументации конспирологических мифов. К тому же социальные противоречия лишь усиливают популярность «теорий заговора», которая для них является своеобразным инструментом борьбы, «подозревая мотивации сильного и находя простые объяснения, где сложность больше похожа на правду»¹¹.

Сегодня некоторые ученые склонны утверждать, что «теории заговора» – нормальное явление, присущее человеку, даже называя это «Новой Реформацией»¹². С этим можно согласиться лишь наполовину. «Теории заговора», мифологизирующие историю, приводят зачастую к трагическим последствиям разного масштаба (начиная от убийства конкретного человека до Холокоста). В случае с афроамериканским населением искаженное представление об истории усложняет возможности межрасового диалога и провоцирует постоянные вспышки насилия.

Понимать суть явления – не значит оправдывать его. Демифологизация истории должна продолжаться любыми возможными методами, способными разрешить эту сложную задачу.

¹ Энтин Дж. Теория заговора и конспиративистский менталитет // <http://www.nationalism.org/paranoia/entin-theory.htm>

² Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. С. 16

³ Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics //

http://karws.gso.un.edu/JFK/conspiracy_theory/the_paranoid_mentality/The_paranoid_style.html

⁴ Goldberg R.A. Enemies within: the culture of conspiracy in modern america. L., 2001. P. 259

⁵ Malcolm X on Afro – American history. N.Y., 1972. P. 16

⁶ Malcolm X Black Man's history // The end of White world supremacy: four speeches by Malcolm X. N.Y., 1971. P. 54

⁷ Malcolm X Black Man's history. P. 54-55

⁸ Pipes D. A conspiracy theory spreads polio // <http://www.danielpipes.org/article/2644>

⁹ Home G. «Myth» and the making of «Malcolm X» // The American historical review, T. 98. № 2 P. 443

¹⁰ Waters A.M. Conspiracy theories as ethnosociologies: explanation and intention in African American political culture // Journal of black studies. T. 28. №1. 1997. P. 117

¹¹ McArthur B. «They're out to get Us»: Another look at our paranoid tradition // The History teacher. T. 29. №1. P. 46

¹² Rudmin F. Conspiracy theory as a naive deconstructive history // <http://www.newdemocracyworld.org/conspiracy.htm>

Трещенков Е.Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет

РАЗНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОЙ ИСТОРИИ: ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА В РОССИЙСКИХ И УКРАИНСКИХ УЧЕБНИКАХ

Формально до 1991 г. у России и Украины была одна история на двоих. Фактически же среди российских и украинских ученых всегда существовали различные трактовки одних и тех же событий. Обстоятельства строительства нового государства в Украине и поиск своего пути в России после распада Советского Союза сделали эту проблему еще более острой – в особенности в плане того, какая история стала подаваться будущим поколениям российских и украинских граждан.

В связи с этим трудно говорить, насколько объективна история, учитывая, что история в современном ее понимании и ее преподавание молодому поколению – это история национального государства, то есть история, призванная закрепить определенные национальные мифы, идеалы, призванная окрасить все в выгодные для сплочения нации тона.

В случае с российско-украинскими отношениями историческая наука вообще занимает особое место. Российская историография в массе своей пыталась обосновать то общее, что связывает россиян и украинцев, подчас отказывая последним в достаточном своеобразии для того, чтобы называться отдельным народом. В то время как украинские историки всячески обосновывали особость украинского народа, его кардинальное отличие от русских. Это подчас выливалось в попытки конструирования, выдумывания истории¹. И именно история является в российско-украинских отношениях питательной средой для яростных и подчас абсолютно бесполезных споров.

Мы рассматриваем в данной статье украинские и российские учебники для студентов младших курсов, а также пособия для абитуриентов за период с 2001 по 2006 гг. Оговорим сразу принципиально важную вещь. В задачи данной статьи не входило определение того, кто прав, а кто не прав в тех или иных спорах между российскими и украинскими историками. нас интересовало выявление некоторых наиболее противоречивых сюжетов, их описание, а также по возможности поиск политических причин той или иной трактовки.

Взглянем на украинские банкноты. На банкноте в 500 гривен изображен философ Сковорода. На 200 гривнах – писательница Леся Украинка. На 100 – Т. Шевченко. На 50 – историк и президент М. Грушевский. На 20 гривнах – писатель Иван Франко. На 5 гривнах – гетман Богдан Хмельницкий. На 2 гривнах – князь Ярослав Мудрый. На 1 гривне – князь Владимир Великий. Понятно, что на банкнотах государства изображают своих героев. Тех, кто, по мнению политического руководства страны и национальных историков, внес выдающийся вклад в развитие государства. Возьмем банкноту в 10 гривен. На ней изображен гетман Иван Мазепа.

Мазепа в российской версии истории – предатель, перешедший на сторону Карла XII². Согласно украинской версии, Мазепа всячески старался сохранить автономию Украины и, соответственно, перешел на сторону противников России, поскольку российское руководство постепенно все более и более ущемляло эту самую автономию, а война со Швецией грозила истреблению казачества³.

Петр Первый же в украинских учебниках предстает в роли азиатского деспота, инициатора ограничения автономии Украины. Что касается личности Петра Первого в российских учебниках, то, несмотря на то, что признается деспотизм русского царя, весьма распространена подобная формулировка: «Вся неутомимая деятельность Петра на военном и гражданском поприще, являлась впечатляющим примером самоотверженной, сознательной и целеустремленной службы государству, службы Отечеству»⁴.

Еще один спорный вопрос – Запорожская сечь. В советской версии истории Сечь рассматривалась через призму борьбы простого украинского народа с «панской Польшей». Современному украинскому государству Запорожская сечь была необходима в качестве примера существования еще в те времена среди украинцев собственной самобытной государственности. «...На Запорожье сформировалась новая украинская (казацкая) государственность, которую называют прообразом подлинного государства»⁵ - пишет украинский историк Бойко. В современной российской версии истории акцент делается на общерусском происхождении феномена казачества. По мнению российских историков, каза-

чество необходимо рассматривать как один из русских колонизационных потоков⁶. Есть, правда, и более близкое к украинской версии авторитетное мнение, что Запорожская сечь – это «казацкая республика, унаследовавшая демократические традиции еще времен киевской Руси»⁷.

Еще один сюжет – Переяславская рада. Согласно подавляющему большинству российских учебников – это «воссоединение двух братских народов»⁸. Совсем по-другому выглядит это событие в украинских изданиях. Там оно помещено в многозначительные кавычки.

Однако наиболее политизированной и сложной является проблема голодоморов. Прежде всего, речь идет о голоде в Советской Украине в 1932-33 гг. Уже более 10 лет 25 ноября в Украине отмечается День памяти жертв голодоморов и политических репрессий. В 2006 г. президент Украины В. Ющенко внес на рассмотрение в Верховную Раду проект Закона «О голодоморе 1932-33 годов в Украине». Ключевой мыслью данного документа является признание голода 1932-33 гг. «геноцидом украинского народа». По мнению президента, этот исторический акт консолидирует украинский народ⁹.

Явно просматривается любопытная аналогия между идеей В. Ющенко об административной ответственности за отрицание голодомора и воплощенной в австрийском и германском уголовном законодательствах ответственности за публичное отрицание Холокоста. Фактически происходит попытка поставить оба исторических факта в один ряд. Не будем на этих страницах выяснять, насколько различны или схожи эти события (сопоставимые масштабы жертв, тоталитарные режимы и т.п.). Однако отметим, что в Германии ответственность за преступления нацистского режима политическое руководство возложило на весь немецкий народ, сделав это частью новой национальной идеи. Что-то похожее, видимо, возникло и в умах политического руководства Украины. С той лишь разницей, что ответственность возлагается на уже не существующее государство.

Что же говорится о голодоморе в украинских учебниках? В «Истории Украины» Бойко прямо отражена современная трактовка голодомора украинским политическим руководством. «Голодомор 1932-33 гг. – искусственный голод, организованный тоталитарным руководством СССР, акт геноцида украинского народа»¹⁰ – говорится там. И далее приводятся аргументы в пользу того, что голод был организован с целью геноцида именно украинского народа. В российских учебниках и учебных пособиях по истории вопрос о голоде 1932-33 гг. в Украине «дипломатично» обойден. Так, говорится применительно ко всему Советскому Союзу, что «голод, обрушившийся на ослабленную деревню в 1932-1933 гг., унес жизни свыше 5 млн. человек»¹¹.

Россия, на уровне современного политического руководства и общества ощущающая свою преемственность с Советским Союзом¹², естественно, болезненно воспринимает попытки украинского руководства актуализировать проблему голодомора как геноцида украинского народа, спланированного советским руководством, сделать ее частью идеи, консолидирующей украинскую нацию. И так будет до тех пор, пока российское общество ставит знак равенства между историей СССР и историей России.

Компромиссную версию истории представляет донецкий справочник по истории Украины для школьников и студентов. Голод 1932-33 гг. рассматривается в данной книге именно как акт, направленный против крестьянства, а не против той или иной национальности¹³.

Именно история является тем, что одновременно объединяет и разъединяет россиян и украинцев. Что-то похожее наблюдается в польско-украинских отношениях. Однако там уже давно на государственном уровне действуют ме-

ханизмы, призванные сгладить остроту проблемы. Например, совместная польско-украинская комиссия по учебникам истории. Создается сейчас и российско-украинская комиссия историков под эгидой российско-украинской межгосударственной комиссии. Почва для ее работы, как мы убедились, более чем богатая.

Вместе с тем было бы неправильно утверждать, что у российских и украинских учебников по истории нет ничего общего. Есть общепризнанные вещи. Другое дело, что зачастую российские и украинские историки делают акцент на разных аспектах того или иного события, трактуют его по-своему. Оно и понятно, если учитывать, что Россия и Украина – разные государства, выбравшие разные пути развития и, соответственно, ставящие перед своими молодыми поколениями разные задачи. Где-то национальные герои «оформлены» уже давно. Где-то их еще нужно «оформить». Кроме того, очевидно, что как в России, так и в Украине (Восточная, Западная и Центральная Украина) все еще существует значительное разнообразие мнений по поводу тех или иных исторических событий, имеются их разные трактовки, что сказывается и на относительном разнообразии в подходах среди учебников.

¹ Наиболее известной такой попыткой является книга «История русов».

² См., например, Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т.А. История России. М., 2004. С.135

³ См., например, Політична історія України. Посібник. Київ, 2002

⁴ Дворниченко А.Ю., Кашенко С.Г., Флоринский М.Ф. Отечественная история (до 1917 года). М., 2002. С.211

⁵ Бойко О.Д. Історія України. Київ, 2005. С.130

⁶ См. Дворниченко А.Ю., Кашенко С.Г., Флоринский М.Ф. Указ. соч.

⁷ История России от древнейших времен до начала XX века. М., 2001

⁸ Зуев М.Н. История России. М., 2005. С.162

⁹ Верховная Рада признала голодомор геноцидом украинского народа // Електронні вісті. Среда, 29 ноября 2006 г. URL: <http://www.elvisti.com>

¹⁰ Бойко О.Д. Указ. соч. С.393

¹¹ Моряков В.И., Федоров В.А., Щетинов Ю.А. История России. М., 2001. С.384

¹² А более глубоко – с великодержавным, имперским прошлым.

¹³ См. Історія України. Довідник школяра і студента. Донецьк, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителя	3
-------------------------------	---

Секция «Дипломатическая и военная история»

<i>Родионова Е.М.</i> Армяне в отношениях Сефевидского Ирана и Османской Турции в XVI – начале XVII в	4
<i>Зевахин А.А.</i> Дипломатический опыт миссии Г.С. Дохтурова в Лондон в 1645-1646 гг.	6
<i>Прокопчук А.В.</i> Экспедиция Каригнан-Сальерского полка	9
<i>Глызина И.Г.</i> Русско-английские отношения в царствование Петра I	12
<i>Киселев А.А.</i> «Благородное пренебрежение»: британская колониальная политика в первой половине XVIII века	14
<i>Фролова О.С.</i> Торговля английского купечества в России в 60-80-е гг. XVIII в.	17
<i>Лыдин Н.Н.</i> Европейские армии в эпоху Наполеоновских войн.	19
<i>Ломоносов М.Ю.</i> Косовский миф и XIX век	21
<i>Иванов Д.Н.</i> Борьба Черноморского флота с контрабандной торговлей на восточном побережье Черного моря в 1830-1840-е гг.	24
<i>Бороздин С.С.</i> Роль религиозного фактора в политике европейских держав в ближневосточном регионе (30-е – начало 50-х гг. XIX в.)	27
<i>Бугрова М.С.</i> Переписка Р. Харта с Дж. Кэмпбеллом и китайские Морские таможи	29
<i>Анисимов О.А.</i> Внешняя политика Франции 1856-1858 гг.	32
<i>Морозов Е.В.</i> Политика Франции в Северо-восточной Африке в конце XIX века	35
<i>Горбунова Ю.Ф.</i> Император Николай II и созыв Гаагской конференции мира в 1899 году	38
<i>Красняк О.А.</i> Иностранное экономическое проникновение в Иран (последняя четверть XIX – начало XX века)	40
<i>Лемпияйнен Л.Е.</i> Участие автономной Финляндии в Олимпийских играх.	43
<i>Акимов А.В.</i> Многополярный мир и тенденции международных отношений конца XIX – начала XX вв.	46
<i>Фролова Я.А.</i> Гражданская война на Дальнем Востоке России (1917-1922 гг.): политико-территориальный анализ.	49
<i>Войтова Я.Н.</i> Петроградский период деятельности македонского эмигранта Д. Чуповского (первая четверть XX в.)	51
<i>Гейко Е.А.</i> Политика Великобритании в отношении Германии накануне и в ходе Генуэзской конференции 1922 г.	54
<i>Климович Л.В.</i> Александр Львович Казем-Бек	57
<i>Кораблева А.Е.</i> Лига Наций в панъевропейском проекте Рихарда Куденхове-Калерги.	60
<i>Гурьев Е.П.</i> Действия немецких подводных лодок против северных союзных конвоев (1941-1945)	63
<i>Болдырева О.М.</i> «Серый кардинал» Европы (метод европейского строительства Жана Монне)	66
<i>Скутнеев А.В.</i> Хрущев-Эйзенхауэр: последний год противостояния	69
<i>Хамаев А.С.</i> Основные цели и итоги переговоров США и ЕЭС в рамках «раунда Кеннеди»	71
<i>Эпштейн Е.Е.</i> Дипломатия СССР и США в период проведения Мадридской мирной конференции по Ближнему Востоку 1991 года	74

<i>Абдулаева Ю.М.</i> Методологические аспекты исследования посткоммунистических трансформаций.....	77
<i>Сотниченко А.А.</i> Российская политика на Ближнем Востоке на рубеже XX и XXI вв.....	80
<i>Рабинович Т.А.</i> Иран и положение на Ближнем Востоке после войны в Ливане летом 2006 года.....	82
<i>Шебло О.Д.</i> Проблема включения Японии в азиатский интеграционный процесс.....	85
<i>Худина Е.В.</i> Арктическое военно-экологическое сотрудничество (АМЕС) как инструмент разрешения проблем экологической и ядерной безопасности на Северо-Западе России	88
<i>Северова М.С.</i> Лоббистские акторы в ЕС на рубеже XX и XXI веков	91
<i>Старчак М.В.</i> Наркортафик и борьба ШОС в Центральной Азии в начале XXI века	93
<i>Лузин П.А.</i> США: милитаризация космоса и постиндустриальное общество.....	96
<i>Горяина Ю.П.</i> Новые акценты международного имиджа Китая в начале XXI века.	98
<i>Ефремов А.Е.</i> Право нации на суверенитет в современном мире	101
<i>Лексютин Я.В.</i> Военный конфликт между КНР и Тайванем как возможный сценарий развития ситуации в зоне Тайваньского пролива.....	104
<i>Болгов Р.В.</i> Современные западные исследователи об эволюции международных конфликтов в информационном обществе	107
<i>Федоров О.А.</i> «Между молотом и наковальней»: государства Средней Азии в «большой игре» великих держав	110
<i>Истомин И.А.</i> Транснационализм в начале XXI века: экспансия, ее пределы и альтернативы	112

Секция «Национальная история»

<i>Носов И.И.</i> Методологические основы изучения разбоя и его социальные истоки в России первой четверти XVIII века	116
<i>Иванов И.Ю.</i> Администрация Линкольна – «команда врагов»	118
<i>Фролова К.В.</i> Авраам Линкольн и создание Республиканской партии в Иллинойсе.	121
<i>Бодров А.В.</i> Реорганизация французской армии в 1870-е годы	124
<i>Габдрафикова Л.Р.</i> Изменения в городском хозяйстве Уфы после введения Городового положения 1870 г	127
<i>Федоренко Е.А.</i> Становление финляндской социал-демократии на фоне формирования партийной системы Финляндии во второй половине XIX века	130
<i>Горелов В.В.</i> Особенности военно-морской судебной системы России в последней трети XIX – начале XX века.....	132
<i>Тихонова Е.В.</i> Еврейская община Месопотамии в конце XIX – начале XX века	135
<i>Софьян Д.М.</i> Между московским генерал-губернатором и министром внутренних дел. С.В. Зубатов и его эксперимент в 1902-1903 гг	138
<i>Волкова У.А.</i> Личность Николая II как одна из причин крушения монархии в России	140

<i>Яновский В.С.</i> Управление развитием города-курорта на примере города Кисловодска (1903-1917).....	142
<i>Плисак М.В.</i> Политика в повседневности: выборы депутатов Госдумы в Псковском уезде в 1906 г.....	145
<i>Гришанин П.И.</i> Новое знание о роли П.Б. Струве в выработке и реализации внешнеполитической стратегии Южнорусского правительства генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля	147
<i>Шандра А.В.</i> События апреля 1920 г. в Палестине и политика британской оккупационной администрации.....	150
<i>Тарасов В.В.</i> Развитие профсоюзными организациями огородничества как способ решения продовольственной проблемы в годы ВОВ (на примере Сталинграда).....	153
<i>Некрылова О.Г.</i> Становление партийно-политической системы Западной Германии после окончания Второй мировой войны	156
<i>Полов И.Д.</i> Регионализм и федерализм в политике Христианско-социального союза на этапе его становления (1945-1949).....	159
<i>Фоняков М.Д.</i> Государственно-правовые аспекты национальной политики титовской Югославии	162
<i>Дьячков Д.С.</i> Этнонационализм и империализм в России в период революций и образования СССР	164
<i>Тарасова Е.А.</i> Экономические реформы в РСФСР-РФ 1992 года: первый этап (январь-июль).....	167
<i>Толочко А.В.</i> Развитие партийно-политической системы в России в сер. 80-х – 90-е годы XX века.....	170
<i>Самарин Я.В.</i> Сравнительный анализ процессов политической трансформации в Чехии и Словакии в 90-е годы XX века.....	173
<i>Федорова Д.Н.</i> Британские правые на рубеже тысячелетий: ответ на вызов нового «переселения народов».....	176
<i>Скорняков И.А.</i> Реформирование иммиграционного законодательства ФРГ (1991-2006 гг.)	178
<i>Власов Н.А.</i> Основные проблемы внутреннего развития ФРГ в начале XXI века	181
<i>Глущенко Д.С.</i> Интеграция мусульман в европейское сообщество в конце XX – начале XXI веков (на примере Центральноевропейского региона).....	184
<i>Родивилова Д.А.</i> Политическая борьба по проблеме резервирования в современной Индии.....	187
<i>Чемякин Е.Ю.</i> Иммиграционная политика Великобритании в период 1979-2007 гг.....	190
<i>Кутузова А.А.</i> Роль и место политической культуры в странах с развитой демократией и странах бывшего авторитаризма.....	193

Секция «Социальная и культурная история»

<i>Куклина Е.В.</i> Мэри Уоллстонкрафт о роли женщины в обществе	196
<i>Костыря М.А.</i> Западноевропейская культура XVII века и эволюция живописного ноктюрна	199
<i>Путова А.В.</i> История строительства костела св. Александра в Киеве (1817-1842).....	201
<i>Савинов И.А.</i> Проблема социокультурной адаптации англичан в Индии (на материале произведений Р. Киплинга).....	204

<i>Малышева О.В.</i> История развития церковно-приходских школ и школ грамотности во второй половине XIX века на территории Липецкого уезда Тамбовской губернии.....	207
<i>Канонистова З.С.</i> Межкультурный диалог в историческом контексте: формирование образа англичанина в русском обществе через восприятие «культуры повседневности» (2-я пол. XIX – начала XX в.)	210
<i>Логунова Н.А.</i> Проблема интерпретации творчества Франца Марка.....	213
<i>Антонян К.Г.</i> «Новый быт» в советской культуре: между идеей и воплощением	215
<i>Кузнецова Е.М.</i> «Советский» Прокофьев – взгляд из-за рубежа	218
<i>Волкова А.В.</i> И. Стравинский в научной публицистике США: репутация, рецепция, репрезентация	221
<i>Королев А.А.</i> Мусульманская женщина в советском обществе в 1950-х – 1980-х гг. (по материалам Пензенского региона)	224
<i>Бадах А.Н.</i> Развитие высшего образования в объединенной Германии.....	227
<i>Бакина А.В.</i> Права человека как инструмент геополитической экспансии Запада	228
<i>Гарбуз О.В.</i> В лабиринтах ушедшей современности. О некоторых типах синтеза в художественной культуре постмодернизма.....	231
<i>Матлахова М.С.</i> Возвращающийся Одиссей.....	234
<i>Кутыева Э.Р.</i> Евразийство как явление культуры XX века.....	237
<i>Одаренко О.В.</i> Кибернетическая культура: граница самопонимания культуры информационной эпохи.....	240
<i>Кулыгина Н.А.</i> Духовная опера в истории музыкальной культуры	242

Секция «Источниковедение и историография»

<i>Савина А.В.</i> Идеал государства сквозь призму реформационной мысли: Ж. Кальвин о формах государственного правления	246
<i>Абатуров И.Н.</i> «Аглинская провинция» глазами Е.Р. Дашковой и Н.А. Демидова (начало 70-х гг. XVIII в.).....	249
<i>Меер Е.С.</i> Взгляды Ж. Лефевра в работах А. Коббена по французской революции конца XVIII века	251
<i>Эберхардт М.В.</i> Кризис Старого порядка во Франции второй половины XVIII века в мировой историографии.....	254
<i>Головки Ю.М.</i> Идеальные истоки политической теории Джона Адамса	257
<i>Меркулов И.В.</i> Историограф российского флота полковник В.Н. Берх	260
<i>Цыкова К.А.</i> К истории русско-французских связей: французский руссиевед Анатолий Леруа-Больё (1842-1912)	265
<i>Чепурина М.Ю.</i> Просвещение и традиционализм в творчестве Э.Н. Ретифа де ля Бретона	267
<i>Филатов С.В.</i> Земельная геральдика в символике русской императорской армии.....	270
<i>Захарова И.М.</i> Центральный статистический комитет МВД и международное сотрудничество в области статистики во второй половине XIX – начале XX вв	273
<i>Федоров Н.В.</i> Использование работ адмирала А.Т. Мэхена в агитации за флотский закон 1898 г. в Германии.	275
<i>Егоров Д.А.</i> К проблеме историографии Всероссийской чрезвычайной комиссии	278

<i>Васильев П.А.</i> «Проблемы морфинизма» Р.Я. Голант и советская медицинская мысль 1920-х гг.....	280
<i>Соловьева В.В.</i> Письма, жалобы и заявления в Свердловский горком ВКП(б) как источник по истории тыла в годы Великой Отечественной войны	283
<i>Солдатенкова О.Н.</i> Фронтовые письма и послевоенные воспоминания – о войне и мире	286
<i>Запарий Ю.В.</i> Архив ООН как источник по истории международных отношений второй половины XX в	288
<i>Суфиянова Г.Р.</i> Демократизация в странах Тропической Африки: тенденции и перспективы (отечественные исследования 1990-х – начала 2000-х гг.).....	291
<i>Бобкова Е.Ф.</i> Развитие отечественных историографических исследований в первой половине 90-х гг. XX века по проблемам истории советского общества	294
<i>Яблоков И.А.</i> Проблема конспирологической мифологизации исторического процесса (на примере американской историографии).....	296
<i>Трещенков Е.Ю.</i> Разные интерпретации одной истории: история отечества в российских и украинских учебниках	299

Подписано в печать 04.06.2007 г.

Формат 60 х 84 1/16.

Объем 25 п.л.

Тираж 150 экз.

Заказ № 6/04

Отпечатано в издательстве «Геликон Плюс»
199053, Санкт-Петербург, В.О. 1-ая линия, д. 28
Тел.: (812) 327-46-13, 328-20-40